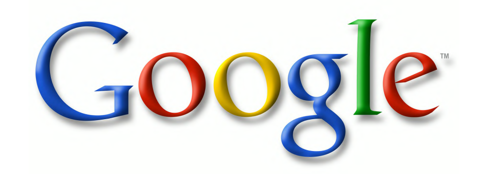


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

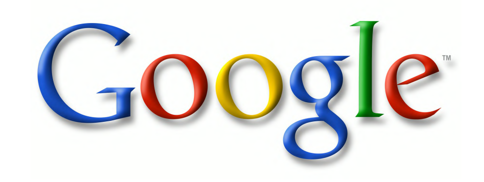
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	6 мѣсяцевъ.	3 мѣсяца.	1 мѣсяцъ.
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 »	8 » 50 »	4 » 50 »	2 » 50 »
Съ пересылк. въ другія города .	17 »	9 » — »	5 » — »	
За границу	19 »	10 » — »	7 » — »	3 » — »

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейера, въ отдѣленіи конторы—на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, квар. № 61, и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 ч. утра до 4 ч. дня.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя послѣдней.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой по 10 рублей за годъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„ЗЕМСТВО".

„Земство" выходитъ по средамъ, въ объемѣ $2^1/_2$—3 лист. (20–24 стр).

Программа ЗЕМСТВА расширена отдѣломъ **судебной хроники**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ перес. и дост.		Съ перес. и дост.	
На годъ	7 руб.	— коп.	8 руб.	— коп.
» 6 мѣсяцевъ	4 „	— „	4 „	50 „
» 3 мѣсяца	2 „	25 „	2 „	50 „
» 1 мѣсяцъ	— „	75 „	1 „	— „

Желающіе получить вышедшіе въ декабрѣ 1880 года пять выпусковъ газеты благоволятъ выслать 60 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—въ Москвѣ, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ переулкѣ, домъ Муромцевой.

Контора открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

Редакторъ-издатель **В. Ю. Скалонъ.**

PSlav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
1881.

Въ конторѣ журнала, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и разсказы». Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія». Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: «Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина — «Сны на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Подписчики *Русской Мысли* пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

Въ конторѣ журнала находится складъ всѣхъ изданій **Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.**

ВЕРСАЛЬСКІЙ ЭКСПРОМТЪ

(L'IMPROMPTU DE VERSAILLES),

комедія Мольера въ одномъ дѣйствіи.

(Представлена въ Версали 14 октября и въ Парижѣ, на Палеройяльскомъ театрѣ, 4 ноября 1663 г.)

(Посвящается С. П. Анненкову.)

Нѣкто Бурсо̀ (Boursault), вообразивъ, что съ него писана роль сочинителя Лизидаса, самъ сочинилъ пьесу «Портретъ портретиста», въ которой старался осмѣять нѣкоторые стихи «Школы женщинъ». На «Портретъ портретиста» Мольеръ отвѣтилъ «Версальскимъ экспромтомъ», гдѣ Бурсо̀ названъ своимъ именемъ, и, надо сознаться, авторъ экспромта отнесся къ своему противнику съ большимъ пренебреженіемъ. Пьеса понравилась двору, потому что въ ней видѣли нападки на приторныхъ скромницъ, на précieuses, на отель де-Рамбульé, — словомъ, на все то, что, по мнѣнію молодаго поколѣнія, напоминало *старый дворъ*. Тѣмъ не менѣе Мольеръ ограничился немногими лишь представленіями «Версальскаго экспромта», затѣмъ пьеса эта не появлялась на сценѣ и даже напечатана уже по смерти автора.—Въ этой пьесѣ замѣчательны наброски нѣкоторыхъ характеровъ, обработанныхъ впослѣдствіи въ другихъ пьесахъ Мольера: такъ, роль придворнаго, схожая съ такою же ролью въ «Критикѣ школы женщинъ», развита̀ въ «Ученыхъ женщинахъ». Очеркъ характера такой женщины, которая полагаетъ, что ей все дозволено потому только, что она вѣрна своему мужу, послужилъ образцомъ для Клеонфисы въ «Амфитріонѣ»; а характеръ приторной скромницы (la prude), думающей единственно о соблюденіи наружныхъ приличій и называющей своихъ поклонниковъ искренними друзьями,—явился въ «Мизантропѣ». Другіе, набросанные Мольеромъ, характеры еще ожидаютъ писателя, который съумѣлъ бы вывести ихъ на сцену. Въ «Версальскомъ экспромтѣ» зритель видитъ самого Мольера посреди его труппы; однихъ изъ актеровъ онъ бранитъ, а другихъ ободряетъ; не ускользаетъ отъ него ни одна мелочь.... *Еслибы пьеса эта не представляла ничего другаго, кромѣ*

оригинальной картины Мольера, окруженнаго своею труппою, то и въ такомъ случаѣ она заслуживала бы полнаго вниманія людей умѣющихъ цѣнить искусство *).

Такъ, или почти такъ, говорилось объ этой пьесѣ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Для насъ особенно дороги послѣднія, подчеркнутыя нами, слова. Дѣйствительно, какія бы достоинства или недостатки, какое значеніе или какой интересъ ни имѣла бы пьеса для современниковъ, какъ бы ни понималась она послѣдующими поколѣніями,—сказанное въ подчеркнутыхъ словахъ останется истиной для всего образованнаго міра, ибо ничто не можетъ сравниться съ наслажденіемъ видѣть и слышать великаго художника въ разгарѣ его неподдѣльной, незаученной рѣчи, а живаго слова объ искусствѣ, — видѣть, если можно такъ выразиться, самый процессъ его творчества, объясняемый не заранѣе формулированными фразами, но, повторяемъ, живымъ словомъ, такъ мѣтко, просто, чутко и весело отвѣчающимъ на малѣйшую тѣнь возраженія, хотя бы возраженіе это только таилось въ глазахъ, въ физіономіяхъ его учениковъ, близко знакомыхъ своему безсмертному учителю, другу и, вмѣстѣ, доброму, надежному, *славному* товарищу.

Современникамъ обыкновенно всего ближе къ сердцу такъ-называемый животрепещущій вопросъ, а такимъ вопросомъ, при постановкѣ «Версальскаго экспромта», былъ слѣдующій: за кѣмъ останется побѣда въ борьбѣ Мольеровской труппы съ труппою Бургоньскаго отеля? Потомъ, какъ и теперь зачастую бываетъ, современники старались угадать, съ кого именно писано то или другое дѣйствующее лицо (напр. маркизы). Наконецъ, не могло не занимать современниковъ подраженіе или, точнѣе, пародированіе самимъ Мольеромъ актеровъ враждебной труппы. Все это можетъ имѣть для насъ лишь нѣкоторый, болѣе или менѣе занимательный, историческій интересъ, обрисовывающій отношеніе къ пьесѣ какъ современнаго общества, такъ и самихъ исполнителей. Назовите эту пьесу—«Мольеръ посреди своей труппы», или «Мольеръ и его труппа», и, несмотря на всю заманчивость такого названія для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ Мольеромъ, все-таки постановка «Версальскаго экспромта» въ настоящее время едва ли возможна даже съ самыми полными комментаріями. Подражательная игра актера—роль самого Мольера, занимающая такое видное мѣсто въ пьесѣ—утратила бы весь комизмъ уже потому, что никому не извѣстна игра ни самого Мольера, ни тѣхъ актеровъ, которыхъ онъ пародировалъ,—давно вѣдь сказано: «актеръ что умеръ, то исчезъ». Объ остальномъ, что въ этой пьесѣ могло бы занимать современниковъ, и говорить нечего. Только забавное содержаніе втораго явленія и теперь было бы понятно. Другое дѣло—чтеніе этой пьесы. Тутъ каждый истинный любитель искусства найдетъ много полезныхъ указаній: и взглядъ Мольера на обязанность комическаго писателя (монологъ Брекура въ

*) Oeuvres de Molière par Petitot. Tome second. Paris. M. DCCC. XX.

третьемъ явленіи), и убѣжденіе его въ неистощимости сюжетовъ для комедіи (явленіе третье), и совѣты исполнителямъ (въ первомъ и третьемъ явленіяхъ). Далеко ли ушла теорія новѣйшихъ писателей о драматическомъ искусствѣ отъ совѣтовъ Мольера въ «Версальскомъ экспромтѣ», рѣшить не беремся: по нашему крайнему разумѣнію, Мольеромъ высказано все, хотя и въ общихъ чертахъ,—вѣдь онъ говорилъ опытнымъ актерамъ, слѣдовательно много распространяться ему не приходилось. Въ какой мѣрѣ содѣйствовали образованію современныхъ намъ артистовъ новѣйшія характеристики страстей, быть-можетъ и «весьма важныхъ для сценическаго художника», тоже не знаемъ; но, воля ваша, всѣ эти анатомическія, физіологическія, психическія и прочія тонкости, прекрасныя сами по себѣ, невольно напоминаютъ слова учителя философіи въ «Bourgeois gentilhomme»: La voix O se forme en rouvrant les mâchoires et rapprochant les lèvres par les deux coins, le haut et le bas, O.—Изъ этого не трудно заключить, во-первыхъ, что и Мольеръ весьма могъ бы написать цѣлые трактаты о мимикѣ, объ игрѣ мускуловъ при выраженіи того или другаго ощущенія и, во-вторыхъ, что онъ не сдѣлалъ этого потому... да, вѣроятно, потому, что подобныя вещи несравненно легче изучаются «сценическими художниками» не въ теоріи, а исключительно на практикѣ, точно также какъ и произношеніе звука O въ многоразличныхъ его оттѣнкахъ удобнѣе испробовать на дѣлѣ, чѣмъ выслушивать нескончаемыя и скучныя о томъ лекціи, въ своемъ родѣ весьма свѣдущаго, *Мольеровскаго же*, преподавателя философіи. *Перев.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мольеръ, смѣшной маркизъ.
Брекуръ, знаменитый господинъ.
Лагранжъ, смѣшной маркизъ.
Дюкруази, сочинитель.
Г-жа Дюпаркъ, церемонная маркиза.
» Бежаръ, недоступная женщина.
» Дебри́, умная кокетка.
» Мольеръ, бойкая насмѣшница.
» Дюкруази, несносная приторница.
» Эрвѐ, горничная, способная дѣвушка.
Ляторильеръ, надоѣдливый маркизъ.
Бежаръ и еще четыре лица, непрошеные торопители *).

Дѣйствіе въ Версали, въ театральной залѣ.

---

*) Въ оригиналѣ: *les nécessaires*—въ смыслѣ безполезныхъ хлопотуновъ, которые во все мѣшаются, которымъ до всего дѣло. Въ настоящей комедіи эти люди являются къ Мольеру, торопя его начинать пьесу, хотя никто имъ этого не поручалъ.

Явленіе I-е.

Мольеръ, Брекуръ, Лагранжъ и Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебрù, Мольеръ, Дюкруази и Эрвè.

Мольеръ. (Одинъ, обращаясь къ товарищамъ, находящимся за сценой.)

Господа, порà! Шутите вы, что ли? Чего вы нейдете, чего медлите?... Народецъ, чортъ возьми!... Эй, господинъ Брекуръ!

Брекуръ. (За сценой.)

Что?

Мольеръ.

Господинъ де-Лагранжъ.

Лагранжъ. (За сценой.)

Чего?

Мольеръ.

Господинъ Дюкруази.

Дюкруази. (За сценой.)

Что прикажете?

Мольеръ.

Госпожа Дюпаркъ.

Г-жа Дюпаркъ. (За сценой.)

Ну?

Мольеръ.

Госпожа Бежаръ.

Г-жа Бежаръ. (За сценой.)

Чего тамъ?

Мольеръ.

Госпожа Дебрú.

Г-жа Дебрú. (За сценой.)

Что надо?

Мольеръ.

Госпожа Дюкруази.

Г-жа Дюкруази. (За сценой.)

Что такое?

Мольеръ.

Госпожа Эрвè.

Г-жа Эрвè. (За сценой.)

Сейчасъ, сейчасъ!

Мольеръ.

Право, съ этимъ народомъ съ ума сойдешь! Эй, господа! (Входятъ: Брекуръ, Лагранжъ, Дюкруази.) Да что за пропасть, господа! Вы хотите вывести меня изъ терпѣнія.

Брекуръ.

Да подумайте, чего вы требуете? Мы совсѣмъ не знаемъ ролей, а вы хотите, чтобъ мы сейчасъ же играли. Вы выводите насъ изъ терпѣнія.

Мольеръ.

Гм... Съ дикими звѣрями легче сладить, чѣмъ съ труппою актеровъ!

(Входятъ госпожи Бежаръ, Дюпаркъ, Дебрй, Мольеръ, Дюкруази и Эрвѐ.)

Г-жа Бежаръ.

Вотъ и мы на-лицо! Ну, что вы затѣваете?

Г-жа Дюпаркъ.

Что вы задумали?

Г-жа Дебри́.

Въ чемъ дѣло?

Мольеръ.

Да стойте, ради Бога, здѣсь! А какъ мы всѣ въ костюмахъ и король пожалуетъ всего черезъ два часа, то сдѣлаемте поскорѣе репетицію и посмотримъ, что̀, какъ и гдѣ надо играть.

Лагранжъ.

Да какъ играть, чего не знаемъ?

Г-жа Дюпаркъ.

Заявляю вамъ, что ни слова не помню изъ моей роли.

Г-жа Дебри́.

А я знаю только одно: мнѣ надо подсказывать съ начала до конца.

Г-жа Бежаръ.

Я не рѣшусь играть безъ тетрадки.

Г-жа Мольеръ.

Я тоже.

Г-жа Эрвѐ.

А въ моей роли всего два слова.

Г-жа Дюкруази.

И въ моей тоже; но я все-таки не ручаюсь, что не провалюсь.

Дюкруази.

Я готовъ лучше заплатить десять пистолей штрафу.

Брекуръ.

А я скорѣй помирюсь на двадцати ударахъ кнутомъ.

Мольеръ.

Довелось вамъ, господа, играть пустыя рòлишки, а вы и на попятный дворъ. На моемъ-то мѣстѣ что̀ бы вы стали дѣлать?

Г-жа Бежаръ.

На вашемъ мѣстѣ?... Скажите пожалуста!... Вамъ-то рѣшительно не на что жаловаться: сами написали пьесу, — ну, конечно, и въ игрѣ не спутаетесь.

Мольеръ.

Да развѣ и мнѣ не можетъ измѣнить память? Или вы ни во что ставите безпокойство о пьесѣ, успѣхъ или неудача которой отнесутся ко мнѣ одному? Вы думаете—легко исполнить что-нибудь забавное предъ такимъ обществомъ, — легко разсмѣшить людей, внушающихъ почтеніе къ себѣ и смѣющихся только тогда, когда имъ это угодно? Да гдѣ вы найдете сочинителя, который безъ страха приступилъ бы къ такому дѣлу?... Значитъ, я больше другихъ имѣю право говорить, что готовъ, чего бы мнѣ это ни стоило, отказаться отъ исполненія.

Г-жа Бежаръ.

Такъ вы распорядились бы тòлкомъ, заблаговременно; а то въ одну недѣлю вздумали и написать, и разучить пьесу.

Мольеръ.

Да что дѣлать, когда король велѣлъ?

Г-жа Бежаръ.

Что дѣлать?—Извиниться, что въ такой короткій срокъ ничего не успѣешь. На вашемъ мѣстѣ каждый больше позаботился

бы о своей репутаціи, поостерегся бы компрометировать себя. Хорошо вамъ будетъ, если пьеса провалится? Подумали ли вы, какъ этимъ воспользуются ваши друзья-пріятели?

Г-жа Дебри́.

Разумѣется, слѣдовало извиниться передъ королемъ, или попросить побольше времени.

Мольеръ.

Ахъ, Господи! Да помилуйте, сударыня, вѣдь короли прежде всего требуютъ быстраго исполненія своихъ повелѣній и вовсе не жалуютъ препятствій. Хотите имъ чѣмъ-нибудь угодить, такъ подавайте въ ту самую минуту, какъ они требуютъ,—отложенная забава теряетъ для нихъ всякую цѣну, всю прелесть... Короли любятъ удовольствія, которыя не заставляютъ себя долго ждать: чѣмъ скорѣе удовольствіе устроилось, тѣмъ оно для нихъ пріятнѣе. Нечего намъ вдумываться въ то, что они отъ насъ требуютъ: наше дѣло — только нравиться имъ, и когда они чего хотятъ отъ насъ, то мы должны пользоваться минутой, пока въ нихъ не остыло желаніе. Лучше неудачно, да только скорѣе исполнять ихъ требованія; и если кому совѣстно нехорошо исполнить, за то честь ему и слава, что быстро исполнилъ повелѣніе. Однако, начнемте репетицію.

Г-жа Бежаръ.

Какая репетиція, когда мы не знаемъ ролей?

Мольеръ.

Будете знать, повѣрьте. Да еслибъ и совсѣмъ не знали, то развѣ у васъ не достанетъ находчивости? Пьеса—въ прозѣ и сюжетъ вамъ знакомъ.

Г-жа Бежаръ.

Слуга покорная! Заучить прозу еще труднѣе, чѣмъ стихи.

Г-жа Мольеръ.

Знаете, что вамъ надо было написать такую комедію, въ которой вы одни играли бы.

Мольеръ.

Жена, молчи! Дура эдакая!...

Г-жа Мольеръ.

Очень тебѣ благодарна, милый муженекъ!... Вотъ что значитъ—женишься, перемѣнишься... Года полтора назадъ ты мнѣ не сказалъ бы этого.

Мольеръ.

Да замолчи, пожалуйста!

Г-жа Мольеръ.

Странное, право дѣло, какъ это свадебная церемонія — церемонія такая крошечная — можетъ лишить насъ всѣхъ достоинствъ! И отчего это мущина такъ скоро мѣняетъ взглядъ на одну и ту же женщину? Право, подумаешь, пока былъ женихомъ, у него были одни глаза, а женился—другіе стали.

Мольеръ.

Ну, затараторила!...

Г-жа Мольеръ.

Еслибъ я умѣла сочинять комедіи, то непремѣнно написала бы на эту тему. Я оправдала бы женщинъ во многомъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Мужья у меня бросили бы свои грубыя манеры, а оставались бы точь-въ-точь такими, какими были до свадьбы.

Мольеръ.

Ахъ, да перестань наконецъ! Не до болтовни теперь. Право, у насъ дѣло поважнѣе.

Г-жа Мольеръ.

Такъ слушай: тебѣ велѣно сочинить комедію по поводу сатиры на тебя,—отчего-жь ты не пишешь на тѣхъ актеровъ, о которыхъ давно говорилъ намъ? Сюжетъ совсѣмъ готовъ и былъ бы очень кстати, тѣмъ болѣе, что они первые вздумали пародировать тебя и, значитъ, дали тебѣ полное право отвѣчать имъ тѣмъ же. Притомъ ты несравненно лучше скопируешь ихъ, чѣмъ они тебя, потому что копировать исполненіе комической роли—значитъ копировать не актера, а только представляемую имъ личность, и даже рисовать эту личность тѣми самыми чертами и красками, какія обязанъ былъ употребить актеръ, когда, исполняя забавную роль, онъ подражалъ самой натурѣ. Совсѣмъ иное дѣло копировать игру актера въ его серьезныхъ роляхъ,—тутъ

вполнѣ вырисовываются его собственные недостатки, потому что такія роли не допускаютъ ни забавнаго тона, ни смѣшныхъ жестовъ, которые въ этомъ случаѣ ясно изобличаютъ актера-неуча.

Мольеръ.

Правда... Но у меня есть свои причины, почему я не написалъ такой комедіи; да, будь сказано между нами, и труда не стоитъ. Потомъ, прибавь, это потребовало бы много времени: тѣ актеры даютъ представленія въ одни и тѣ же дни съ нами, такъ что съ самаго нашего пріѣзда въ Парижъ мнѣ удалось всего какихъ-нибудь три-четыре раза видѣть ихъ представленія. Я подмѣтилъ только то, что само бросалось въ глаза, а чтобы вѣрно копировать, мнѣ пришлось бы изучать ихъ игру во всѣхъ подробностяхъ.

Г-жа Дюпаркъ.

Однако, когда вы дѣлали опытъ, такъ я всегда узнавала..

Г-жа Дебри́.

А я и не слыхала объ этомъ.

Мольеръ.

Да, видите, мнѣ пришло-было на мысль, но я бросилъ... Пустяки, вздоръ, —пожалуй, ничего забавнаго не вышло бы.

Г-жа Дебри́.

Ну, попробуйте теперь, сейчасъ.

Мольеръ.

Да когда теперь?

Г-жа Дебри́.

Хоть нѣсколько словъ.

Мольеръ.

Ну, я задумалъ комедію. Въ ней есть сочинитель и его роль я хотѣлъ самъ играть. Сочинитель этотъ предлагаетъ недавно прибывшей изъ провинціи труппѣ пьесу: «А что,—говоритъ онъ,—найдутся у васъ актеры и актрисы, которые могли бы хорошо выполнить серьезное произведеніе, потому что моя пьеса—пьеса такого рода...»—Да какъ вамъ сказать,—отвѣчаютъ ему,—у насъ есть и актеры, и актрисы, и вездѣ, гдѣ мы играли, публика была нами довольна.—«А кто у васъ исполняетъ роли ко-

ролей?»—А это, вотъ, его дѣло.—«Какъ, этотъ статный молодой человѣкъ? Вы, конечно, шутите?... Король долженъ быть полонъ, объемистъ,—ну, словомъ, король, чортъ возьми, съ эдакимъ пузомъ, въ три обхвата, чтобы какъ сядетъ на тронъ, такъ сидѣлъ бы плотно. А то, помилуйте, король съ такой изящной таліей!... Вотъ ужь и недостатокъ. Но все-таки я прослушаю: пусть онъ продекламируетъ дюжину-другую стиховъ». Актеръ какъ можно естественнѣе произноситъ нѣсколько стиховъ, напр., изъ монолога царя Никомѐда:

Скажу-ль тебѣ, Араспъ, онъ мнѣ усердно такъ служилъ,
Что, возвышая власть мою...

— «Какъ,—говоритъ сочинитель,—это по-вашему декламація?!... Да вы издѣваетесь надъ сочиненіемъ!... Эти стихи надо произносить съ необыкновеннымъ достоинствомъ, важностью! Слушайте» (Пародируетъ Монфлери, актера Бургоньскаго отеля.)

Скажу-ль тебѣ, Араспъ, и пр.

— «Видите, какую надо принять позу? Замѣтьте же это хорошенько. Сильнѣе упирайте на послѣдній стихъ. Вотъ этакъ вы заслужите общее одобреніе и оглушительный аплодисментъ, фуроръ произведете».—Но, милостивый государь,—возражаетъ актеръ,—мнѣ кажется, что царь, въ разговорѣ глазъ на глазъ съ своимъ начальникомъ стражи, долженъ говорить проще, по-человѣчески, а не бѣсноваться.—«Нѣтъ, вы не понимаете дѣла: попробуйте прочесть на сценѣ, какъ вы сейчасъ прочли, да на васъ никто и вниманія не обратитъ. Теперь посмотримъ, какъ пройдетъ сцена влюбленныхъ». Тутъ актеръ и актриса, подобно первому актеру, съ возможною естественностью исполняетъ сцену Камиллы и Куріація:

Пойдешь ты, Куріацій *)? И эта гибельная честь
Дороже для тебя, чѣмъ счастье наше все?
Увы, я вижу ясно, и пр.

— «Э, нѣтъ, не то,—говоритъ сочинитель,—не то! Это никуда не годится. Вотъ какъ надо! (Подражаетъ г-жѣ Бошатò, актрисѣ Бургоньскаго отеля.)

Пойдешь ты, Куріацій? и пр.
Нѣтъ, тебя я лучше знаю, и пр.

— «Видите, какъ это натурально, сколько тутъ страсти!... А какъ восхитительно это, даже въ минуту сильнѣйшей скорби, по-

*) У Мольера *Iras-tu, ma chère âme?* etc. А у самого Корнеля: Iras-tu, *Curiace?* etc.—*Прим. перевод.*

стоянно улыбающееся лицо Камиллы!» Ну, и такимъ же образомъ сочинитель перебралъ бы всѣхъ актеровъ и актрисъ.

Г-жа Дебри́.

Мысль довольно забавная. И какъ только вы начали говорить стихи, я сейчасъ же узнала, кого вы копируете. Еще когонибудь, пожалуйста!

Мольеръ. (Подражая Бошатȯ, актеру Бургоньскаго отеля, въ стансахъ изъ Сида.)

Глубоко въ сердцѣ пораженный, и пр.

А этого узна́ете въ Помпеѣ *Серторіусѣ*? (Подражаетъ Атрошу, актеру Бургоньскаго отеля.)

Межъ нашихъ *) партій царящая вражда,
По-истинѣ сказать, не... и пр.

Г-жа Дебри́.

Кажется, узнаю.

Мольеръ.

А этого? (Подражаетъ Вильеру, актеру Бургоньскаго отеля.)
Государь, Полибій умеръ *), и пр.

Г-жа Дебри́.

Да, знаю, кто... Но полагаю, нѣкоторыхъ изъ нихъ вамъ не легко будетъ скопировать.

Мольеръ.

Э, Господи, въ каждомъ можно что-нибудь подмѣтить,—дайте мнѣ только попристальнѣе всмотрѣться въ ихъ игру. Однако съ вами теряешь дорогое время... Довольно пустяки болтать,—займемтесь дѣломъ. Вы (Лагранжу) постарайтесь хорошенько исполнить роль маркиза.

Г-жа Мольеръ.

Вѣчно... маркизъ!

Мольеръ.

Да, вѣчно маркизъ. Какую же, прахъ возьми, найдете роль занимательнѣе? У древнихъ въ комедіи всегда появлялся шу-

---

*) У Мольера: L'inimitié qui règne entre *les* deux partis. У самого Корнеля: «L'inimitié qui règne entre *nos* deux partis.—*Прим. перевод.*

**) См. въ концѣ.

товской балетъ, потѣшавшій зрителей,—ну, и въ нашихъ комедіяхъ, на потѣху публики, не обойдешься безъ маркиза.

Г-жа Бежаръ.

Правда, правда, безъ него не обойдешься!

Мольеръ.

А вы, сударыня...

Г-жа Дюпаркъ.

А я... я гадко буду играть,—зачѣмъ вы мнѣ дали роль церемонной маркизы?

Мольеръ.

Да, Господи, вы то же самое говорили, когда вамъ была дана такая же роль въ «Критикѣ школы женщинъ», а исполнили великолѣпно,—всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что вы были верхъ совершенства. Ручаюсь, что и теперь то же будетъ,—сыграете лучше, чѣмъ думаете.

Г-жа Дюпаркъ.

Не понимаю, право! Мнѣ кажется, въ цѣломъ мірѣ не найдете женщины простѣй и безцеремоннѣй, чѣмъ я.

Мольеръ.

Совершенная правда!... Но тѣмъ-то и виднѣе вашъ талантъ, что вы прекрасно исполняете роль совсѣмъ неподходящую къ вамъ. Потрудитесь же хорошенько войти въ эту роль, вообразите, что вы въ самомъ дѣлѣ та маркиза, которую будете играть. (Дюкруази) Вы исполните роль сочинителя. Проникнитесь этой ролью. Побольше педантизма, какъ это еще водится въ высшемъ обществѣ. Тонъ поучительный. Произносите слова — ударяя на каждомъ слогѣ, такъ что не ускользало бы ни одной буквы. Разумѣется, придерживайтесь самой строгой орѳографіи. (Брекуру) Ваша роль—придворнаго, человѣка въ настоящемъ смыслѣ порядочнаго,—роль, какую вы исполняли въ «Критикѣ школы женщинъ», то-есть увѣренный тонъ, говорите какъ можно проще, естественнѣе и жестовъ какъ можно меньше. (Г-жѣ Лагранжъ) Вамъ... васъ нечего учить... (Г-жѣ Бежаръ) Вы сыграете одну изъ тѣхъ дамъ, которыя не допускаютъ ухаживаній за собою и потому воображаютъ, что все прочее имъ вполнѣ дозволительно. Гордыя своею нравственною чистотой, онѣ на каждаго смотрятъ свысока

и думаютъ, что какими бы достоинствами ни обладали другіе, все это вздоръ въ сравненіи съ ихъ мнимымъ подвижничествомъ, до котораго, впрочемъ, никому и дѣла нѣтъ. Постоянно имѣйте передъ глазами такой характеръ, чтобы вѣрнѣе передать его. (Г-жѣ Дебри) Вы будете играть одну изъ тѣхъ дамъ, которыя только потому, что онѣ строго соблюдаютъ наружныя приличія, считаютъ себя самыми достойными женщинами въ мірѣ. Онѣ боятся не проступка, а только огласки,—втихомолку, подъ видомъ самой невинной пріязни, ведутъ онѣ свои дѣлишки и, просто-напросто, волокитъ зовутъ преданнѣйшими друзьями. Вникните въ этотъ характеръ! (Г-жѣ Мольеръ) У васъ та же самая роль, что и въ «Критикѣ». Ни вамъ, ни г-жѣ Дюпаркъ я ничего не имѣю сказать. (Г-жѣ Дюкруази) Вы представите типъ охотницы поклеветать; она всегда рада злословить и очень не жалуетъ, когда при ней о комъ хорошо отзовутся. Я увѣренъ, что вы сладите съ этою ролью. (Г-жѣ Эрвѐ) Вы—горничная жеманной личности; иногда вы вмѣшиваетесь въ разговоръ и перенимаете у вашей госпожи ея выраженія. Я всѣмъ вамъ пояснилъ ваши роли, чтобы вы хорошенько усвоили ихъ. Теперь начнемте,—посмотримъ, какъ пойдетъ репетиція... Ахъ, вотъ не кстати! Этого еще не доставало...

Явленіе II.

Ляторильеръ, Мольеръ, Брекуръ, Лагранжъ и Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебри, Мольеръ, Дюкруази и Эрвѐ.

Ляторильеръ.

Здравствуйте, г. Мольеръ!

Мольеръ.

Вашъ покорнѣйшій слуга, милостивый государь! (Въ сторону) Чортъ бы его взялъ!...

Ляторильеръ.

Какъ поживаете?

Мольеръ.

Отлично! Къ вашимъ услугамъ. (Актрисамъ) Сударыни, не за...

Ляторильеръ.

А я сейчасъ былъ кое-гдѣ и много говорилъ въ вашу пользу.

Г-жа Дебри́.

Да, но...

Ляторильеръ.

Да увѣряю васъ, я человѣкъ совершенно безцеремонный. При мнѣ вы можете репетировать все, что хотите.

Мольеръ.

Дамы затрудняются объяснить вамъ, чего имъ хотѣлось бы. Имъ, изволите видѣть, очень желательно, чтобы на репетиціи не было никого посторонняго.

Ляторильеръ.

Отчего это?... Надѣюсь, меня не убудетъ, если при мнѣ станутъ репетировать.

Мольеръ.

У нихъ такъ принято... Да и вамъ самимъ было бы гораздо пріятнѣе видѣть въ спектаклѣ что-нибудь новое.

Ляторильеръ.

Такъ я пойду, доложу, что вы готовы.

Мольеръ.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не торопитесь, сдѣлайте одолженье.

Явленіе III.

Мольеръ, Брекуръ, Лагранжъ и Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебрй, Мольеръ, Дюкруази и Эрвѐ.

Мольеръ.

Гм... И вѣдь сколько на свѣтѣ такихъ надоѣдалъ! Однако, начнемте. Прежде всего вообразите, что дѣйствіе происходитъ въ дворцовой передней; тамъ что ни день, то новая комедія, и— комедія довольно забавная. Въ эту переднюю можно ввести какія угодно личности; даже не трудно обусловить появленіе тамъ женщинъ, которыхъ я и ввожу. Комедія открывается встрѣчею двухъ маркизовъ. (Лагранжу) Только, помните, входите, какъ я вамъ говорилъ: знаете, эдакъ, что называется... съ изящными свѣтскими манерами. Ну, конечно, поправляйте въ это время парикъ и напѣвайте что-нибудь сквозь зубы: ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла... А вы посторонитесь, дайте больше мѣста господамъ мар-

кизамъ, — они не привыкли толкаться; такимъ особамъ нуженъ просторъ. (Лагранжу) Начинайте.

Лагранжъ.

Здравствуй, маркизъ!

Мольеръ.

Ахъ, Боже мой, да развѣ маркизъ скажетъ такимъ тономъ? Надо взять выше. Эти господа всегда говорятъ особымъ манеромъ,—каждый, молъ, вѣдай, что мы не то, что другіе-прочіе. «Здравствуй маркизъ». Повторите!

Лагранжъ.

Здравствуй, маркизъ!

Мольеръ.

А, маркизъ, къ твоимъ услугамъ!

Лагранжъ.

Что ты тутъ дѣлаешь?

Мольеръ.

Да самъ видишь. Чортъ знаетъ, жду, пока уйдутъ эти господа,—надо представиться.

Лагранжъ.

Прахъ возьми, какая толпа! Я вовсе не желаю толкаться,— лучше войду послѣднимъ.

Мольеръ.

Тутъ человѣкъ съ двадцать, и хотя видятъ, что имъ не войти, а все тѣснятся; со всѣхъ сторонъ забѣгаютъ, какъ бы только протолкнуться въ дверь.

Лагранжъ.

Крикнемъ наши фамиліи, чтобъ насъ скорѣе попросили.

Мольеръ.

Кричи, сколько хочешь, а я вовсе не желаю, чтобы Мольеръ вывелъ меня потомъ на сцену.

Лагранжъ.

А знаешь, маркизъ, мнѣ кажется, что вѣдь именно тебя вывели въ «Критикѣ».

Мольеръ.

Слуга покорный!... Тебя, какъ есть тебя, изобразили тамъ.

Лагранжъ.

Прахъ возьми! Ты слишкомъ добръ,—хочешь увѣрить, что я похожу на твой портретъ.

Мольеръ.

Нѣтъ, ты очень забавенъ: хочешь навязать мнѣ неотъемлемую твою собственность.

Лагранжъ (смѣясь.)

Ха-ха-ха-ха! Но это курамъ на смѣхъ.

Мольеръ (смѣясь.)

Ха-ха-ха-ха! Вотъ комедія!

Лагранжъ.

Что ты!? Да неужто ты станешь увѣрять, что маркизъ въ «Критикѣ» не ты?

Мольеръ.

Я, я! Разумѣется, я! *Отвратительна, прахъ возьми, отвратительна! Сливочный пирожокъ!* Кто-жь это?—Конечно, я.

Лагранжъ.

Да, прахъ возьми, конечно, ты. Сколько ни смѣйся, а все-таки ты. Да хочешь пари держать, что ты?

Мольеръ.

Какое еще пари?!

Лагранжъ.

Сто пистолей.

Мольеръ.

Держу, что ты.

Лагранжъ.

Сто пистолей наличными?

Мольеръ.

Наличными... Девяносто пистолей на Аминта̀, а десять наличными.

Лагранжъ.

Идетъ.

Мольеръ.

Ну, дѣло съ концомъ.

Лагранжъ.

Ты навѣрно проиграешь.

Мольеръ.

А я думаю, ты проиграешь.

Лагранжъ.

Кого мы спросимъ?

Мольеръ.

Да вотъ хоть его. (Брекуру) Шевалье?

Брекуръ.

Что?

Мольеръ.

Да вы-то зачѣмъ принимаете тонъ маркиза? Вѣдь я предупреждалъ, что вамъ надо говорить какъ можно проще.

Брекуръ.

Ахъ, да!

Мольеръ.

Повторите, шевалье.

Брекуръ.

Что?

Мольеръ.

Мы держали пари,—разсуди, кто изъ насъ выигралъ.

Брекуръ.

Въ чемъ дѣло?

Мольеръ.

Да мы споримъ, кого изъ насъ Мольеръ вывелъ на сцену въ роли маркиза въ «Критикѣ: онъ увѣряетъ, что меня, а я говорю, что его.

Брекуръ.

А я полагаю—ни того, ни другаго. Вы, господа, право, забавны. Что это вамъ непремѣнно хочется видѣть въ этой роли

другъ друга? Не далѣе, какъ вчера, Мольеръ очень досадовалъ, когда къ нему обратились съ подобнымъ вопросомъ. Ему всего непріятнѣе упреки, что, будто, въ своихъ герояхъ онъ мѣтитъ на кого бы то ни было. Онъ изображаетъ общественные нравы, нисколько не касаясь личностей. Всѣ его герои — лица чисто-вымышленныя; онъ ихъ рисуетъ и одѣваетъ по своей фантазіи, на удовольствіе публики, и его очень огорчило бы, еслибъ даже случайно въ дѣйствующемъ лицѣ онъ прямо указалъ на кого бы то ни было. И если что могло бы заставить его бросить сочиненіе комедій, такъ это именно постоянное желаніе нѣкоторыхъ видѣть себя въ томъ или другомъ дѣйствующемъ лицѣ; а это желаніе еще раздувается врагами Мольера, чтобъ повредить ему въ глазахъ разныхъ личностей, о которыхъ онъ никогда и не думалъ. По-моему Мольеръ нисколько не виноватъ. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, къ чему накликàть на него непріятности, къ чему всюду кричать, что вотъ, молъ, въ этихъ словахъ и манерахъ онъ изобразилъ непремѣнно того-то или того-то, когда тѣ же самыя манеры и слова одинаково примѣнимы къ сотнѣ другихъ личностей? Цѣль комедіи—выводить на сцену недостатки, и особенно недостатки современнаго общества; а отсюда понятно, что Мольеръ не въ состояніи создать ни одного характера, который не походилъ бы на кого-нибудь. Если же Мольеру ставить въ вину, что онъ мѣтитъ на всѣ личности, въ которыхъ можно найти недостатки, то, разумѣется, ему надо совсѣмъ запретить комедіи.

Мольеръ.

Ты, шевалье, просто-на-просто хочешь оправдать Мольера и выгородить (указывая на Лагранжа) нашего милаго пріятеля.

Лагранжъ.

Напротивъ, онъ тебя выгораживаетъ. Да мы найдемъ, кто насъ разсудитъ.

Мольеръ.

Идетъ! А скажи, шевалье, ты не думаешь, что твой Мольеръ исписался и что больше ему ужъ не найти сюжета для...

Брекуръ.

Не найти... Э, милѣйшій маркизъ, да мы сами всегда доставимъ ему пропасть сюжетовъ! Мы вѣдь нисколько не измѣняемся, что ни пиши, что ни говори Мольеръ.

Мольеръ.

Позвольте, позвольте!... Вотъ эти слова надо хорошенько подчеркнуть. Слушайте, какъ я скажу: «и ужь больше не найдетъ сюжета для...» Не найдетъ... Э, милѣйшій маркизъ, да мы сами всегда ему доставимъ пропасть сюжетовъ! Мы вѣдь нисколько не мѣняемся, что ни пиши, что ни говори Мольеръ. Ты думаешь, что онъ въ своихъ комедіяхъ исчерпалъ всѣ смѣшныя стороны людей? Не далеко ходить: посмотри кругомъ, при дворѣ,—при одномъ только дворѣ найдется десятка два пресмѣшныхъ оригиналовъ, до которыхъ Мольеръ вовсе еще не касался... Хотя бы наша придворная дружба: въ глаза такъ и разсыпаемся любезностями, а за глаза готовы растерзать другъ друга. Потомъ сколько у насъ записныхъ угодниковъ, пошлыхъ льстецовъ! Льстятъ грубо, нагло, безсовѣстно,—просто слушать тошно!... А низкіе искатели разныхъ милостей? А люди, которые гнутся предъ вами въ дугу, когда, разумѣется, вы идете въ гору, и первые же оскорбляютъ васъ, когда вамъ не повезло?... Сколько у насъ недовольныхъ — людей самыхъ несносныхъ, самыхъ безполезныхъ! Вся ихъ служба—поминутно докучать всѣмъ и каждому. И эти люди тоже хотятъ наградъ,—вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, персоной своей они цѣлыя десять лѣтъ сряду докучали самому королю. А тѣ, что осыпаютъ ласками перваго встрѣчнаго, къ каждому спѣшатъ съ распростертыми объятіями, съ самыми дружескими увѣреніями?... У нихъ только и слышить: «вашъ покорнѣйшій слуга; весь къ вашимъ услугамъ; милѣйшій, да считайте меня искреннѣйшимъ вашимъ другомъ; располагайте мною, сдѣлайте одолженіе; ахъ, дайте расцѣловать васъ; ахъ, а я и не вижу васъ,—ради Бога приказывайте, вамъ извѣстна моя преданность; я ни къ кому не питаю столь глубокаго уваженія, какъ къ вамъ; вѣрьте мнѣ, клянусь вамъ; умоляю, не сомнѣвайтесь во мнѣ,— вашъ нижайшій слуга!» Да, маркизъ, Мольеру некуда дѣться съ матеріаломъ. Все, что до сихъ поръ затронулъ Мольеръ, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, до чего онъ еще не касался». Вотъ въ этомъ родѣ надо играть.

Брекуръ.

Хорошо.

Мольеръ.

Продолжайте.

Брекуръ.

А вотъ Климена и Элиза.

Мольеръ. (Г-жамъ Дюпаркъ и Мольеръ.)

Да, въ эту минуту вы обѣ входите. (Г-жѣ Дюпаркъ) Смотрите же, какъ можно больше ломайтесь, манерничайте. Роль не совсѣмъ по васъ, но что дѣлать,—иногда во что бы то ни стало надо принудить себя.

Г-жа Мольеръ.

А я издали узнала васъ; смотрю — ваши изящныя манеры. Готова была съ кѣмъ хотите спорить, что это—вы.

Г-жа Дюпаркъ.

Мнѣ, видите, надо дождаться здѣсь одного господина, переговорить съ нимъ кое о чемъ.

Г-жа Мольеръ.

И я за тѣмъ же пришла.

Мольеръ. (Г-жамъ Дюпаркъ и Мольеръ).

Ну, вотъ сундукъ вмѣсто креселъ.

Г-жа Дюпаркъ. (Г-жѣ Мольеръ.)

Садитесь, сдѣлайте одолженіе.

Г-жа Мольеръ.

Не угодно ли вамъ?

Мольеръ.

Такъ, хорошо. Послѣ этихъ нѣмыхъ церемоній всѣ, кромѣ маркизовъ, садятся и разговариваютъ; маркизы между тѣмъ поминутно то сядутъ, то встанутъ,—такая, видите, у нихъ безпокойная натура. А, прахъ возьми, да ты, маркизъ, далъ бы какого снадобья твоимъ панталонамъ!...

Брекуръ.

Что такое?

Мольеръ.

Они какъ будто плохо чувствуютъ себя.

Брекуръ.

Нисколько не остро́.

Г-жа Мольеръ.

Боже мой, я, право, не налюбуюсь вами: что за ослѣпительная бѣлизна! А губки—какъ жаръ горятъ.

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, что вы, что вы! Пожалуйста, не смотрите на меня,—я сегодня уродъ-уродомъ.

Г-жа Мольеръ.

Приподнимите немножко оборку чепчика.

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, полноте, полноте! Сегодня мнѣ самой страшно смотрѣть на себя.

Г-жа Мольеръ.

Вы очаровательны!

Г-жа Дюпаркъ.

Полноте.

Г-жа Мольеръ.

Да покажитесь!

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе!...

Г-жа Мольеръ.

Ну, ради Бога!

Г-жа Дюпаркъ.

Ни за что, ни за что!

Г-жа Мольеръ.

Пожалуйста!

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, вы приводите меня въ отчаяніе!

Г-жа Мольеръ.

На минутку, только взглянуть...

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, право!...

Г-жа Мольеръ.

Смѣлѣй, смѣлѣй! Я, право, не могу лишить себя удовольствія полюбоваться вами.

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, Господи, какая вы странная: чего захотите, такъ отъ васъ не отдѣлаешься.

Г-жа Мольеръ.

Вамъ незачѣмъ скрываться: днемъ вы еще прелестнѣе, чѣмъ вечеромъ. А знаете, нѣкоторые злые языки готовы увѣрять, что вы прибѣгаете кое къ чему, ей-Богу... Я нарочно не закрывалась бы,—пусть всѣ сами видятъ.

Г-жа Дюпаркъ.

Ахъ, я даже не понимаю, что значитъ прибѣгать кое-къ-чему... Куда это дамы?

Г-жа Дебрій.

Хотите, милостивыя государыни, мы подаримъ васъ преинтересною новостью: вотъ господинъ Лизидасъ сію минуту повѣдалъ намъ, что на Мольера сочинили комедію и что ее будутъ играть лучшіе актеры.

Мольеръ.

Истинная правда. Мнѣ хотѣли прочесть эту пьесу. Написалъ какой-то Бру... Бру... Бруссò.

Дюкруази.

То-есть на ней выставлена фамилія Бруссò, а я вамъ открою секретъ: тутъ много было участниковъ и надо полагать, что пьеса оправдаетъ ожиданія. Извѣстно, что всѣ сочинители и актеры видятъ въ Мольерѣ злѣйшаго врага, а потому мы и сговорились удружить ему. Каждый изъ насъ, больше или меньше, поработалъ надъ его портретомъ. Конечно, мы скрыли свои имена: для Мольера слишкомъ много было бы чести пасть подъ ударами цѣлаго Парнасса; а для того, чтобъ это паденіе было позорнѣе, мы нарочно выставили имя неизвѣстнаго сочинителя.

Г-жа Дюпаркъ.

Что касается до меня, такъ я очень, очень рада.

Мольеръ.

И я радъ, чортъ возьми!... Смѣялся надъ всѣми, такъ и надъ нимъ посмѣются. Зададутъ же ему!

Г-жа Дюпаркъ.

Вотъ впередъ и будетъ знать, какъ смѣяться надъ другими. Гм... не допускаетъ ума въ женщинахъ... Терпѣть не можетъ, когда мы говоримъ высокимъ слогомъ. Ему хотѣлось бы, чтобъ мы не умѣли ни мыслить, ни чувствовать возвышенно.

Г-жа Дебри́.

Это еще что!... А то онъ осуждаетъ самыя невинныя наши привязанности. По его словамъ, достоинство въ женщинѣ—преступленье.

Г-жа Дюкруази.

Да, это невыносимо! Онъ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ. Очень ему нужно было трогать нашихъ мужей... Оставилъ бы ихъ въ покоѣ,—такъ нѣтъ, вздумалъ раскрывать имъ глаза на такія вещи, о которыхъ сами мужья нисколько не заботились.

Г-жа Бежаръ.

Это бы еще Богъ съ нимъ, а то онъ сочиняетъ сатиры на добродѣтельныхъ, честныхъ женщинъ, и—глупый, дерзкій шутъ, зоветъ ихъ «честными чертовочками»!

Г-жа Мольеръ.

Грубіянъ, грубіянъ! Его надо хорошенько проучить.

Дюкруази.

Хорошо бы поддержать исполненіе пьесы. Отельскіе актеры...

Г-жа Дюпаркъ.

Еще бы!... Да пусть они ни о чемъ не безпокоятся, такъ и скажите имъ: головой ручаюсь за успѣхъ.

Г-жа Мольеръ.

Ваша правда. Многіе, очень многіе пожелаютъ ей полнаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, неужели всѣ, надъ кѣмъ смѣялся Мольеръ, упустятъ такой благопріятный случай отомстить ему? Увидите, какъ будутъ аплодировать.

Брекуръ (съ ироніей).

Конечно. По крайней мѣрѣ я ручаюсь за дюжину маркизовъ, за полдюжину жеманницъ, десятка за два кокетокъ и три десятка обманутыхъ мужей,—они навѣрно не пожалѣютъ рукъ.

Г-жа Мольеръ.

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было оскорблять ихъ, а особенно обманутыхъ мужей,—они такіе милые люди.

Мольеръ.

Да, прахъ возьми, за то, мнѣ говорили, и его самого, и всѣхъ его актеровъ отдѣлаютъ на славу, — сочинители да и актеры, отъ кедра до иссопа, страшно злы на него.

Г-жа Мольеръ.

По дѣломъ ему, по дѣломъ! Зачѣмъ пишетъ негодныя пьесы, которыя смотритъ весь Парижъ, и такъ рисуетъ портреты, что каждый узнаетъ себя?! Отчего не сочиняетъ онъ такихъ комедій, какъ господинъ Лизидасъ? Тогда противъ него никто не пошелъ бы, а еще всѣ сочинители стали бы его похваливать. Правда, на подобныхъ пьесахъ не очень много бываетъ публики, за то всѣ онѣ прекрасно написаны, никто противъ нихъ не вопіетъ и всѣ, кто ихъ смотритъ, изъ всѣхъ силъ стараются отыскать въ нихъ блестящія достоинства.

Дюкруази.

Да, я очень доволенъ, что не нажилъ себѣ враговъ и что сочиненія мои одобряются знатоками.

Г-жа Мольеръ.

Вы довольны, и прекрасно,—это лучше всякихъ аплодисментовъ и дороже денегъ, какія выручаются мольеровскими пьесами. Да и какое вамъ дѣло, станетъ ли публика смотрѣть ваши комедіи? Главное—ихъ одобрили ваша братія, ученые.

Лагранжъ.

А когда даютъ «Портретъ портретиста»?

Дюкруази.

Не знаю, а только крѣпко собираюсь изъ первыхъ явиться на представленіе и непремѣнно во всеуслышаніе заявлю: вотъ, молъ, прелесть, вотъ комедія!

Мольеръ.

Да, прахъ возьми, и я тоже.

Лагранжъ.

И я тоже,—убей Богъ!

Г-жа Дюпаркъ.

А ужь я себя не пожалѣю,—такъ громко стану расхваливать пьесу, что, отвѣчаю, у меня прикусятъ язычокъ всѣ недоброжелательные отзывы. Еще-бъ не поддержать сочинителя, который взялъ на себя подвигъ отомстить Мольеру за все, что намъ дорого. Да это было бы послѣднее дѣло.

Г-жа Мольеръ.

Прекрасно сказано!

Г-жа Дебри́.

И мы все должны это исполнить?

Г-жа Бежаръ.

Разумѣется!

Г-жа Дюкруази.

Безъ сомнѣнья!

Г-жа Эрвѐ.

Нѣтъ ему пощады, этому пересмѣшнику порядочныхъ людей!

Мольеръ.

Знаешь, другъ мой, шевалье, твоему Мольеру лучше и не показываться.

Брекуръ.

Ему не показываться?... А я тебѣ говорю, что онъ непремѣнно хочетъ быть въ театрѣ и, вмѣстѣ съ другими, посмѣяться на портретъ, съ него же писанный.

Мольеръ.

Да, прахъ возьми, такъ и будетъ смѣяться!... Притворится, что смѣется.

Брекуръ.

Э, полно! Онъ можетъ-быть еще больше, чѣмъ ты думаешь, найдетъ надъ чѣмъ посмѣяться самымъ искреннимъ смѣхомъ. Мнѣ показывали пьесу: все, что въ ней есть хорошаго, взято у Мольера; удовольствіе, которое она доставитъ публикѣ, конечно, не

можетъ не понравиться Мольеру. Остальныя же мѣста комедіи, гдѣ усиливаются очернить его, то или я жестоко ошибаюсь, или ихъ никто не одобритъ. Многихъ стараются возстановить противъ Мольера за то, что, какъ увѣряютъ, онъ пишетъ черезчуръ похожіе портреты; но, не говоря уже о томъ, на сколько это не деликатно, я не могу представить себѣ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе: мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы можно осуждать артиста за то, что онъ слишкомъ хорошо рисуетъ характеры.

Лагранжъ.

Актеры,—я слышалъ отъ нихъ,—ждутъ, что-то имъ отвѣтитъ Мольеръ...

Брекуръ.

Отвѣтитъ!... Онъ не такъ глупъ, чтобы сталъ отвѣчать на ихъ ругательства. Каждый хорошо понимаетъ, изъ-за чего они бранятся, и лучшій отвѣтъ, какой могъ бы сдѣлать Мольеръ—это написать новую комедію и поставить ее съ неменьшимъ успѣхомъ, какъ и всѣ прежнія. Это самое вѣрное средство отплатить друзьямъ-пріятелямъ. Я отлично знаю этихъ господъ и увѣренъ, что какъ только новая комедія отобьетъ у нихъ публику, то для нихъ это будетъ чувствительнѣе всякихъ сатиръ на нихъ.

Мольеръ.

Но, шевалье...

Г-жа Бежаръ.

Позвольте мнѣ на минуту прервать репетицію. (Мольеру) Знаете, на вашемъ мѣстѣ я поступила бы иначе. Всѣ ждутъ отъ васъ энергическаго возраженія, а послѣ того, какъ, говорятъ, они не поцеремонились съ вами въ своей комедіи, вы имѣете полнѣйшее право все высказать имъ и никого не щадить.

Мольеръ.

Меня бѣситъ, что я слышу это отъ васъ. Это вотъ у васъ, у всѣхъ женщинъ, такая манія: вамъ хочется, чтобъ я вспылилъ и, по примѣру моихъ противниковъ, тоже разразился бы бранью, ругательствами. Куда какая была бы мнѣ честь!... Да имъ только того и нужно. Когда, побаиваясь возраженія, они толковали—играть, или не играть «Портретъ портретиста», то одинъ изъ нихъ сказалъ: «Да пусть его бранитъ насъ сколько хочетъ,—намъ,

главное, выручить хорошій сборъ!» Значитъ—здѣсь нечего разсчитывать на совѣстливость. Пусть же они получатъ, чего добиваются—вотъ мое мщеніе!

Г-жа Дебри́.

Ихъ очень оскорбляютъ два-три сло̀ва, что вы сказали о нихъ въ «Критикѣ» и въ «Жеманницахъ».

Мольеръ.

Есть чѣмъ оскорбляться! Сто́итъ обращать вниманіе на тѣ слова!... Полноте, совсѣмъ не въ томъ дѣло,—имъ всего прискорбнѣе, что я нравлюсь публикѣ нѣсколько больше, чѣмъ имъ хотѣлось бы. Съ самаго нашего пріѣзда въ Парижъ всѣ ихъ поступки очень ясно это доказываютъ. Да пусть дѣлаютъ что хотятъ, мнѣ нечего ихъ бояться. Они критикуютъ мои пьесы—и прекрасно, и Боже меня сохрани писать комедіи во вкусѣ этихъ господъ,—это было бы изъ рукъ вонъ плохо.

Г-жа Дебри́.

Но все непріятно видѣть, какъ терзаютъ ваши произведенія.

Мольеръ.

Да мнѣ-то что?—Развѣ моя комедія не принесла мнѣ все, что я желалъ получить? Она была осчастливлена благосклоннымъ пріемомъ августѣйшихъ зрителей, а я, главное, и хлопочу, чтобы имъ нравиться. Могу ли я послѣ этого быть недовольнымъ участью моей комедіи? Не опоздали ли они съ своей критикой? И, скажите на милость, касается ли это теперь до меня? Бранить пьесу, имѣвшую успѣхъ—значитъ больше бранить отзывъ о ней публики, чѣмъ недостатки сочинителя.

Г-жа Дебри́.

А я, право, отдѣлала бы на сценѣ этого сочинителишку: не суйся впередъ писать противъ людей, которые о немъ не думаютъ.

Мольеръ.

Ну, что вы говорите! Куда какъ интересенъ господинъ Бруссо̀, чтобъ имъ забавлять дворъ!... Желалъ бы я знать, какъ изъ этого господина сдѣлать что-нибудь занимательное... Да съ него и того было бы за глаза, еслибы насмѣшками надъ нимъ мы вызвали хохотъ публики. Осмѣивать же этого господина въ при-

сутствіи августѣйшихъ зрителей... нѣтъ, это ужь слишкомъ много было бы для него чести. Ему только того и хотѣлось бы. Ему спола-горя нападать на меня. Ему все равно, какими путями, только бы сдѣлаться замѣтнымъ. Терять этому человѣку нечего. Актеры и натравили его на меня только за тѣмъ, чтобы втянуть меня въ распрю, а чрезъ то отвлечь отъ пьесъ, которыя мнѣ надо писать. Удивительно хитро!... А вы все принимаете за наличную монету. Впрочемъ, когда-нибудь я выскажусь публично; отвѣчать же на всѣ ихъ критики и антикритики, конечно, не буду. Пусть, какъ хотятъ, бранятъ мои пьесы. Пускай ихъ, послѣ насъ, пользуются этими пьесами и, какъ старое платье, перекраиваютъ да выворачиваютъ для своей сцены,—я въ состояніи подѣлиться съ ними кое-чѣмъ, пожалуй... и нѣкоторымъ успѣхомъ, вѣдь иначе пропадутъ бѣдные. Очень радъ помочь ихъ существованію. Только надо, чтобъ они прилично пользовались тѣмъ, что я могу имъ уступить. Деликатность должна имѣть свои границы: есть вещи, которыя нисколько не смѣшатъ ни публику, ни самого того, кѣмъ онѣ говорятся. Я охотно предоставляю противникамъ мои сочиненія, мою фигуру, мои пріемы, слова, интонацію голоса и манеру говорить; пусть всѣмъ этимъ распоряжаются, какъ хотятъ, если съумѣютъ чрезъ то извлечь себѣ какую пользу. Противъ этого я ничего не имѣю и буду въ восторгѣ, если это доставитъ публикѣ удовольствіе. Но когда я дѣлаю имъ такія уступки, то не мѣшаетъ и имъ быть на столько любезными, чтобы все прочее оставить при мнѣ, а не касаться такого рода вещей, за которыя, какъ я слышалъ, они нападаютъ на меня въ своихъ комедіяхъ. Вотъ объ этомъ я покорнѣйше просилъ бы того почтеннаго господина, что берется писать для нихъ. Вотъ все, что я имъ отвѣчу.

Г-жа Бежаръ.

Но, наконецъ...

Мольеръ.

Но, наконецъ, вы меня съ ума сведете. Довольно, довольно объ одномъ и томъ же! Вмѣсто репетиціи, мы болтаемъ, болтаемъ—и конца нѣтъ. На чемъ, бишь, мы остановились? Совсѣмъ забылъ.

Г-жа Дебрій.

На томъ, что...

Мольеръ.

Господи, идутъ!... Вѣрно король. Теперь ужь некогда! Вотъ что значитъ переливать изъ пустаго въ порожнее!... Ну, да постарайтесь какъ можно лучше исполнить конецъ.

Г-жа Бежаръ.

Ахъ, мнѣ ей-ей страшно; я не стану играть, пока не прорепетирую всю роль съ начала до конца.

Мольеръ.

Какъ, не станете?

Г-жа Бежаръ.

Не стану, не стану.

Г-жа Дюпаркъ.

И я тоже.

Г-жа Дебри́.

И я тоже.

Г-жа Мольеръ.

И я.

Г-жа Эрвѐ.

И я.

Г-жа Дюкруази.

И я.

Мольеръ.

Такъ какъ же?!... Да что, вы шутите, что ли?

Явленіе IV.

Бежаръ, Мольеръ, Лагражъ, Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебри́, Мольеръ, Дюкруази, Эрвѐ.

Бежаръ.

Господа, король изволилъ пожаловать и ожидаетъ, что вы сейчасъ начнете.

Мольеръ.

Ахъ, милостивый государь, вы видите меня въ ужаснѣйшемъ, въ отчаянномъ положеніи. Дамы въ страшномъ переполохѣ: говорятъ, что имъ надо сперва прорепетировать роли, а безъ того

не начнутъ. Мы умоляемъ повременить одну минутку. Король милостивъ; его величеству извѣстно, какъ мы спѣшили съ этой комедіей.

Явленіе V.

Мольеръ, Лагранжъ, Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебри́, Мольеръ, Дюкруази, Эрвѐ.

Мольеръ.

Ахъ, да, ради Бога, побольше смѣлости! Успокойтесь, прошу я васъ.

Г-жа Дюпаркъ.

Вамъ пойти бы извиниться.

Мольеръ.

Какъ, извиниться?

Явленіе VI.

Мольеръ, Лагранжъ, Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебри́, Мольеръ, Дюкруази, Эрвѐ; одинъ непрошеный торопитель.

Непрошеный торопитель.

Господа, начинайте же!

Мольеръ.

Сейчасъ, сейчасъ, милостивый государь!... Кажется, я совсѣмъ голову потеряю и...

Явленіе VII.

Мольеръ, Лагранжъ, Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебри́, Мольеръ, Дюкруази, Эрвѐ; первый и другой непрошеные торопители.

Другой непрошеный торопитель.

Начинайте же, господа!

Мольеръ.

Сію минуту, милостивый государь!... (Товарищамъ) Да что-жь это?! Или вы хотите, чтобъ я сгорѣлъ со стыда?...

Явленіе VIII.

Тѣ же и третій непрошеный торопитель.

Третій непрошеный торопитель.

Начинайте же, господа!

Мольеръ.

Сейчасъ начнемъ, милостивый государь! Гм... вишь сколько ихъ набралось. Точно празднику обрадовались: «начинайте же, начинайте же», а король и не думалъ посылать ихъ.

Явленіе IX.

Тѣ же и четвертый непрошеный торопитель.

Четвертый торопитель.

Господа, да начинайте же!

Мольеръ.

Начинаемъ, милостивый государь, совсѣмъ! (Товарищамъ) Что-жь, наконецъ, такъ мнѣ и пропадать?...

Явленіе X.

Бежаръ, Мольеръ, Лагранжъ, Дюкруази; г-жи: Дюпаркъ, Бежаръ, Дебрѝ, Мольеръ, Дюкруази, Эрвѐ.

Мольеръ.

Милостивый государь, вамъ угодно передать, чтобъ мы начинали, но...

Бежаръ.

Нѣтъ, господа, я пришелъ объявить, что королю доложено о вашемъ затруднительномъ положеніи, и его величество, по особой добротѣ своей, откладываетъ новую комедію до другаго раза, а сегодня изволитъ смотрѣть первую, какую вы можете исполнить.

Мольеръ.

Ахъ, милостивый государь, вы возвращаете мнѣ жизнь! Король даровалъ намъ величайшую милость, соизволивъ отложить исполненіе угодной ему пьесы. Мы всѣ идемъ благодарить его величество за его чрезмѣрную благость.

Примѣчаніе къ явленію I, по поводу словъ: «Сеньоръ, Полибій умеръ...» Это взято изъ трагедіи Корнеля «Эдипъ», дѣйствіе V, явленіе III. Однакожь тамъ нѣтъ просто фразы: *Polybe est mort.*—Эдипъ говоритъ прибывшему изъ Коринѳа старцу Норикрату: «*et bien! Polybe est mort?*» А чрезъ нѣсколько строчекъ стиховъ старецъ этотъ, говоря Эдипу, произноситъ: «*le roi Polybe est mort*» (Oeuvres de Molière avec un commentaire etc... par M. Auger de l'académie française. T. III. A Paris. 1819).

Рыболовныя артели.

(Историческій очеркъ.)

Историческія свѣдѣнія о рыболовныхъ артеляхъ относятся къ самой глубокой древности. Свѣдѣній этихъ не мало. Въ нихъ артель называется ватагой; это названіе и теперь очень распространено и особенно часто встрѣчается именно въ рыболовныхъ артеляхъ.

Въ древнее время земля, лѣсъ и вода со всѣми своими богатствами принадлежали народу и только народъ одинъ могъ, какъ собственникъ, пользоватъся этими богатствами, въ то время огромными. Рыболовство, звѣроловство и охота на птицъ доставляли громадныя выгоды народу и онъ высоко цѣнилъ ихъ. Укрѣплявшіеся князья старались шагъ за шагомъ отбить у народа эти лакомыя позиціи, но онъ крѣпко стоялъ за свое достояніе и зорко слѣдилъ за враждебными дѣйствіями князей.

Князьямъ отводились опредѣленныя мѣста для ловли птицъ и звѣрей; народъ не позволялъ забираться въ свои владѣнія и не терпѣлъ нарушенія условій. Въ 1270 году новгородцы, въ числѣ разныхъ злоупотребленій князя Ярослава, указывали на его самовольное завладѣніе ловлями, принадлежавшими народу: «княже, чему еси отъялъ Волховъ гоголиными ловцы, а поле отъялъ заячими ловцы» *)? Въ заключаемыхъ съ князьями договорахъ народъ иногда точно ограничивалъ право князей: «ѣздити осень, а лѣтѣ не ѣздити». Или: «а свиньи (кабановъ) ти бити за 60 верстъ отъ города», и т. д.

Вслѣдствіе договоровъ, князья получили право посылать свои промышленныя ватаги на Двинскую землю, къ Бѣлому морю

---

*) Аристовъ: «Промышленность древней Руси».

и Сѣверному океану на Терскую и Печорскую сторону за рыбой (главнымъ образомъ сёмгой), звѣремъ и птицей. Такъ, послѣ 1294 года, Андрей Александровичъ договорился съ Новгородомъ: «ходити тремъ ватагамъ моимъ на море; а атаманъ Андрей Крутицкій... отдаютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ, а сынъ его Косьма, какъ пойдетъ съ моря потками съ данными по данничу пути...., давать корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и братѣ, не ходити на Терскую сторону новгородцемъ». Въ грамотѣ послѣ 1329 года говорится: «Приказалъ есмь Печорскую сторону Михаилу, а ходить на море въ 20 человѣкъ. А вы, бояре двинскіе, ни вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста, а погостъ Кегрольскій-Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ.... А Микифору не надо вступатись ни во что-жь, атъ ходитъ Микифоръ въ Михайловой ватазѣ» *).

Изъ этихъ мѣстъ несомнѣнно видно, что князья постепенно присвоивали себѣ въ собственность земли, отданныя имъ во владѣніе. Кромѣ того князья и покупали себѣ земли. Понятно, владѣя ловлями, князья имѣли и своихъ ловцовъ, которые назывались «ѣзовниками», «осетрьниками». Эти группировались въ ватаги, иногда довольно большія, которыми завѣдывали стоявшіе во главѣ ватаманы. Такимъ образомъ уже въ началѣ XV столѣтія княжескіе рыболовы составляли отдѣльныя деревни; во время промысловъ они имѣли право брать крестьянъ на подмогу **).

Если новгородцы давали право князьямъ посылать ватаги къ Сѣверному океану, Бѣлому морю...., то несомнѣнно, что ватаги самихъ новгородцевъ ходили къ морю въ несравненно большемъ количествѣ, такъ какъ вообще рѣки, озера, моря принадлежали народу, а потому онъ безпрепятственно могъ промышлять въ нихъ, кромѣ угодій, составлявшихъ собственность частныхъ лицъ. Указанія на это есть. Такъ, уже въ половинѣ XII столѣтія, упоминаются рыболовы галичскіе, на Волховѣ, Бѣлоозерѣ и въ Торопецкой волости. Въ половинѣ XIII стол. Мурманскій берегъ былъ уже въ рукахъ новгородцевъ ***). Въ концѣ XIII столѣтія ходили ватаги на рыбные промыслы на Бѣлое море и на Терскую сторону. Въ то же время шла рыбная

---

*) А. Археогр. экспедиція, I, №№ 1—3.—Журавлевъ: *Арханг. губ. Вѣдомости* 1846 г., №№ 8 и 9.

**) Аристовъ: «Промышленность древней Руси».

***) А. Ефименко: «Артели Арх. губ.», вып. II.

ловля на озерѣ Неро, въ Ладогѣ, Двинѣ, Волгѣ, Сурѣ.... А въ Новгородѣ уже въ XII столѣтіи рыбные промышленники составляли отдѣльный разрядъ [1]).

Нельзя, конечно, надѣяться получить когда-либо опредѣленныя подробныя свѣдѣнія о строѣ, организаціи этихъ ватахъ. Приходится довольствоваться немногими чертами. Владѣли иногда по участкамъ сябрами (сосѣдъ, товарищъ — употребляется и теперь) и каждый имѣлъ право продавать свою долю. Ѣзъ или колъ (заборъ, забойка черезъ рѣку) иногда принадлежали нѣсколькимъ владѣльцамъ; пользовались они имъ поочередно, по ночамъ или полуночамъ, а иногда покупали полночи [2]). Есть также указанія, что были половники, третники, четьники; они работали въ чужомъ исадѣ, получая условленную плату. Изъ предметовъ, отдаваемыхъ въ наемъ, упоминаются воды (мѣста рыбныхъ ловель), а именно части озеръ или рѣкъ, называемыхъ исадами (вѣроятно, то же, что заборъ, учугъ [3]).

Отъ XIV и XV столѣтій сохранилось въ актахъ нѣсколько купчихъ крѣпостей на землю и промысловыя угодья разныхъ мѣстностей Архангельской губерніи. Какъ предметъ сдѣлокъ, въ нихъ фигурируетъ тоня, а слово тоня, какъ теперь, такъ и тогда, употреблялось исключительно для обозначенія сёмужьихъ рыбныхъ угодій. Въ одной изъ купчихъ [4]) два брата покупаютъ у 8 человѣкъ, «у Сасиныхъ у Ермолиныхъ дѣтей», на «литной сторонѣ», то-есть на лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, половину въ половинѣ тони, за что и платятъ «на той полу-половини тони всимъ тимъ сябрамъ Сасинимъ дѣтемъ полъ-четверта сорока бѣлкѣ». Другая же половина той тони остается за другими сябрами. Итакъ, вся тоня дѣлится на 2 половины: одна принадлежитъ «Иваковымъ дѣтямъ», а другою владѣютъ двѣ группы: Сасины дѣти 8 человѣкъ владѣютъ одною четвертью тони, а два брата—другою четвертью. Владѣтели четвертей называются сябрами (совладѣльцы, соучастники). Въ другихъ купчихъ [5]) владѣлецъ, напримѣръ, продаетъ «въ водѣ участокъ у Всицевѣ тони», или «въ тонѣ участокъ».

Изъ этого можно заключить, что по крайней мѣрѣ многія тони, если не всѣ, въ то время составляли частную собственность,

---

[1]) Аристовъ: «Промышленность древней Руси».
[2]) Ibid.
[3]) Псков. судная грамота.
[4]) Акты Юридич., № 71, V.
[5]) Ibid., № 71, II; 71, X.

а не общинную; вѣрнѣе сказать, тони принадлежали нѣсколькимъ лицамъ, сябрамъ (совладѣльцамъ), и быть-можетъ, даже очень вѣроятно, имѣя въ виду необычайную склонность народа, какъ прежде, такъ и теперь, именно къ рыболовнымъ артелямъ, — что эти общія тони эксплуатировались на артельномъ началѣ. Промыселъ сёмги имѣлъ большое значеніе и распространеніе, такъ что въ XVI вѣкѣ онъ былъ уже обложенъ спеціальнымъ сборомъ, называвшимся царскою десятинною сёмгою *).

Отъ конца XVI столѣтія сохранилась грамота о льготахъ въ таможенныхъ пошлинахъ вновь учрежденнаго Архангелогородскаго посада; изъ нея видно, что архангельскіе жители привозили треску на Двину съ Мурманскаго берега.

Матеріалы отъ XVII столѣтія показываютъ мурманскій промыселъ очень распространеннымъ: имъ занимались «и крестьяне, и посадскіе люди, и монастыри, и даже ссыльные», «и съ такою развитою организаціей, которая даетъ право предполагать, что эти промыслы должны считать свое существованіе вѣками» **). Эти матеріалы, главнымъ образомъ купчія крѣпости, несомнѣнно приводятъ къ заключенію, что кѣмъ бы ни велось дѣло, оно всегда велось артелью.

Но уже и въ то отдаленное время капиталъ врывался въ артель, бралъ себѣ львиную долю прибыли, искажая и самую артель, такъ что, какъ теперь, такъ и тогда, видно два типа артелей: истинный чистый типъ артелей и типъ покрута, господствующій въ настоящее время на Мурманѣ. Конечно, трудно точно опредѣлить успѣхи капитала въ этой области въ настоящее время, но несомнѣнно, что успѣхи эти не малы; это явствуетъ изъ того, что истинная артельная организація въ мурманскомъ промыслѣ сохраняется теперь только въ немногихъ мѣстностяхъ, какъ незначительный остатокъ старины. *Концентрація, наростаніе капитала въ частныхъ рукахъ, съ одной стороны, и все растущая бѣдность, нищета народная, съ другой, сдѣлали свое дѣло,—покрутъ сталъ господствующею формой.*

Коснемся немного организаціи обоихъ типовъ артелей. Прекрасный трудъ г-жи Ефименко даетъ возможность хотя нѣсколько сдѣлать это. Нужно замѣтить, г-жа Ефименко извлекла не мало

*) «Труды Арханг. статистическаго комитета», 1865 г.
**) А. Ефименко: «Артели Арх. губ.», в. II.

цѣннаго матеріала изъ не изданныхъ источниковъ, совершенно недоступныхъ, какъ купчія крѣпости, приходо-расходныя архіерейскія книги, архивы разныхъ соборовъ и проч.

Чистая правильная артель состояла изъ крестьянъ и посадскихъ людей. Всѣ члены—равные хозяева; они—участники въ предпріятіи равнымъ количествомъ капитала и труда, получаютъ равные убытки и прибыли. Состояла она изъ 4 членовъ, 4 участковъ, или частей промысловаго капитала. Роль участка была едва ли не большая, чѣмъ лица; участки могли продаваться,—значитъ, не были неразрывно связаны съ лицами, а играли самостоятельную роль. Владѣлецъ участка могъ поставить вмѣсто себя и третье лицо: «У колмогорца Глинскаго посада, у Андрея Титова, сына Зыкова, куплено въ домъ архіерейскій, по его Андреевой купчей и по заручной росписи, на Мурманскомъ берегу, въ Оленьемъ становищѣ, въ Виселкиной губѣ, въ стану въ скеи, въ банѣ, въ амбарѣ, въ сѣняхъ и во всемъ томъ стану четвертая доль, что было съ Куростровцемъ съ Юдкою Ломоносовымъ, чѣмъ онъ, Андрей, владѣлъ и съ остальными всякими промышленными заводы» *). Въ другомъ актѣ, купчей крѣпости 1686 года, такъ идетъ перечисленіе того, что составляетъ участокъ: «четвертая доля въ карбасѣ, въ парусехъ, въ подольникахъ, и въ удахъ, и въ лепахъ и во всякомъ Мурманскомъ заводѣ......... и въ той соли, что куплена у Якова Петрова пятьдесятъ пудъ, и въ той соли свою четверть» (продалъ есмь).

Изъ этихъ отрывковъ можно заключить, что 1) участки могли продаваться, 2) участокъ составлялъ четвертую часть основнаго капитала, состоявшаго въ строеніяхъ и рыболовныхъ орудіяхъ, 3) пай или участокъ былъ иногда сложный и 4) оборотный капиталъ тоже состоялъ изъ 4-хъ паевъ.

Гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются объ артеляхъ покрученниковъ. Но много останавливаться на нихъ я не стану, тѣмъ болѣе, что желающіе могутъ найти подробный очеркъ у г-жи Ефименко **). Покрутъ—это такая артельная организація, въ которой два основныхъ фактора всякаго производства—трудъ и капиталъ — совершенно разъединены, а потому какъ бы поставлены во враждебныя отношенія. Капиталъ основной и обо-

*) А. Ефименко: «Артели Арх. губ.», в. II.
**) Ibid.

ротный принадлежитъ предпринимателю — не работнику, въ данномъ случаѣ архіерейскому дому, работникамъ же, членамъ артели, принадлежитъ трудъ.

Основной капиталъ составляли: 1) станъ (жилье мурманскихъ промышленниковъ) съ разными необходимыми строеніями: маленькая деревянная изба съ печью, бревенчатыя стѣны, то и другое крыто тесомъ, поварня, снастной амбаръ, сарай между амбарами, еще амбаръ подъ солью, рыбная скея (мѣсто для посола рыбы), баня, и все это обходилось примѣрно рублей въ 40; 2) промысловыя суда: лодьи (за постройку лодьи платили «25 руб., да пудъ палтусины соленой, да два пуда трески соленой»), нѣсколько карбасовъ, соотвѣтственно количеству артелей, помѣщавшихся въ станѣ; 3) промысловыя орудія, требовавшія не мало затратъ: ярусъ (веревка въ нѣсколько тысячъ саженъ длиной съ прикрѣпленными крючками), мѣдные котлы, бочки, чаны и проч.

Оборотный капиталъ составляла провизія для покрученниковъ. На Мурманскомъ берегу для содержанія ихъ дѣлались въ станахъ запасы ржаной муки и ячменя около 400 пудовъ на годъ и крупъ овсяныхъ пудовъ 30—40 (по 4 алтына пудъ). Остальное необходимое для пропитанія промышленники добывали изъ моря сами. Соли покупалось на обѣ лодьи 1.200—1.300 п., по 8—10 денегъ за пудъ. Сюда же нужно отнести такъ-называемый «свершонокъ». Кромѣ того архіерейскій домъ охотно игралъ роль кредитора, давая, пообычаю, членамъ артели при отходѣ ихъ опредѣленное количество денегъ «въ ссуду, въ отдачу», а по возвращеніи съ промысла эти деньги вычитались.

Въ высшей степени важно посмотрѣть, какъ дѣлился промысловый продуктъ между капиталомъ и трудомъ и, затѣмъ, какъ дѣлилась между членами, представителями труда, доставшаяся артели часть. Вся промысловая добыча лодьи дѣлилась на 9 частей; единица дѣлежа въ $^1/_9$ добычи называлась участкомъ. Глава артели (кормщикъ, карбасникъ) получалъ $^1/_2$ участка, т. е. $^1/_{18}$ улова, а всѣ главы трехъ артелей лодьи—$^3/_{18}$. Всѣ 9 покрученниковъ лодьи получали: «изъ уловной всякой рыбы пятую доль» ($^1/_5$),—одинъ значитъ получалъ $^1/_{45}$ улова. Слѣдовательно всѣ главы артелей получали изъ общаго улова $^1/_6$ ($^3/_{18}$), всѣ покрученники—$^1/_5$ ($^9/_{45}$), т. е. вмѣстѣ получали $^1/_6+^1/_5=^{11}/_{30}$. Это приходится на долю труда; на долю же капитала останется $^{19}/_{30}$. *Трудъ получалъ немного болѣе* $^1/_3$, а *капиталъ—почти* $^2/_3$.

Относительное же участіе въ выгодахъ производства главъ артели, покрученниковъ, капиталиста—выразится отношеніемъ величинъ 5: 6: 19. Доля карбасника $^{5}/_{3}$ (карбасниковъ въ лодьѣ 3 и имъ 5 частей) относится къ доли рядоваго покрученника $^{2}/_{3}$ ($^{6}/_{9}$) какъ 5 къ 2, или, иначе, карбасникъ получитъ $^{1}/_{2}$ участка, а покрученникъ—$^{1}/_{5}$; отношеніе то же, т. е. *доля карбасника была больше въ $2^{1}/_{2}$ раза*. Кромѣ того карбасники получали большій свершонокъ и больше денегъ «на ссуду, въ отдачу», т. е. при отправленіи на промыселъ промышленникамъ давались деньги въ долгъ, которыя и вычитались изъ промысла.

Для наглядности распредѣленія улова предположимъ, что уловъ далъ 300 р.; тогда предыдущее отношеніе замѣнится такимъ—50: 60: 190, т. е. *1 карбасникъ получитъ $^{50}/_{3}$ р. = 16 руб. 66 коп., 1 покрученникъ—$^{60}/_{9}$ = 6 р. 77 к., а предприниматель—190 р. Но львиная доля капитала этимъ не ограничивалась: промышленники должны были продавать выдѣленную имъ рыбу* архіерейскому дому и получали въ замѣнъ деньги, и ужь *конечно цѣна назначалась не выше дѣйствительной*. При этомъ вычиталась стоимость трески, или палтусины, выданной при отходѣ на Мурманъ, на дорогу, и деньги, данныя въ ссуду.

Въ одной изъ книгъ архіерейскихъ (за 1695 г.) дѣлежъ промысловаго продукта производится такъ: «А договорено съ ними, промышленными людьми, изъ того лѣтняго промысла всякая уловная рыба на коеждо лодьи дѣлить на 9 участковъ; изъ того числа въ домъ архіерейскій шесть участковъ съ тремя дольми участки ($6^{3}/_{5}$), кормщику да карбаснику участокъ, покрученникамъ, семерымъ человѣкомъ, участокъ и двѣ доли участка ($1^{2}/_{5}$)». Если семеро покрученниковъ получали $1^{2}/_{5}$ участка, то одинъ получалъ $^{1}/_{5}$ участка или $^{1}/_{45}$ всего лодейнаго улова. Кормщикъ получалъ $^{1}/_{2}$ участка, или $^{1}/_{18}$ улова, т. е. то же распредѣленіе, что видѣли выше.

«Такая ничтожная доля,—говоритъ А. Ефименко *),—какою опредѣлялось участіе труда въ выгодахъ предпріятія, при тяжеломъ трудѣ, ничтожная даже по сравненію съ тѣмъ, какъ она опредѣляется теперь, объясняется (кромѣ того, что капиталъ въ тѣ времена необходимо требовалъ больше барыша, чѣмъ теперь) тѣмъ обстоятельствомъ, что покрученники были изъ крестьянъ,

*) «Артели Арх. губ.», в. II.

стоявшихъ въ юридически-обязательныхъ отношеніяхъ къ архіерейскому дому: по крайней мѣрѣ, при перечисленіи покрученниковъ нерѣдко стоитъ выраженіе «домовой», или «домовой вотчины». *Къ юридической зависимости прибавлялась еще зависимость экономическая, выражавшаяся въ постоянныхъ ссудахъ,* которыми одѣлялъ архіерейскій домъ своихъ покрученниковъ».

Архіерейскій домъ отправлялъ артели ежегодно два раза—на вешній и на лѣтній промыслы. На вешніе промыслы промышленники - вешняки отправлялись въ февралѣ сухимъ путемъ на Кольскій острогъ, а съ него и на Мурманскій берегъ, гдѣ находились архіерейскія становища со всѣмъ необходимымъ.

Лѣтняки же отправлялись туда на лѣто по открытіи навигаціи на большихъ судахъ, называвшихся лодьями. На этихъ лодьяхъ по окончаніи промысловъ всѣ вмѣстѣ возвращались въ Холмогоры.

Въ теченіе той части XVII ст., о которой сохранились свѣдѣнія, архіерейскій домъ отпускалъ ежегодно на Мурманскій берегъ для рыбныхъ промысловъ двѣ лодьи вешняковъ; въ каждой лодьѣ было по три артели и двѣ же лодьи лѣтняковъ, по 8—9 чел. на лодьѣ; они составляли двѣ артели по 4 человѣка, а лишній былъ поваромъ.

О послѣднихъ годахъ XVII ст. А. Ефименко приводитъ любопытныя данныя изъ вѣдомости, составленной архіерейскимъ домомъ по требованію царскаго указа (1704 г.). Въ ней между прочимъ въ общихъ чертахъ представлено положеніе домовыхъ архіерейскихъ мурманскихъ промысловъ до 1700 г. Г-жа Ефименко полагаетъ, что эти свѣдѣнія «нѣсколько, хоть и незначительно», разнятся отъ выше означенныхъ по приходо-расходнымъ книгамъ архіерейскаго дома. Думаю, разница болѣе значительна.

Архіерейскій домъ за это время отпускалъ въ промыселъ на Мурманъ по 6 артелей вешнихъ и по 2 лѣтнихъ, всего 8 артелей, каждая на особомъ карбасѣ, причемъ по двѣ лодьи для припасовъ и для добытыхъ продуктовъ. Всего посылалось промышленниковъ въ годъ по 42 человѣка—вешнихъ 24 и лѣтнихъ 18, изъ коихъ два повара. «Дѣлена была съ ними уловная рыба и сало противъ людскаго тѣхъ промышленниковъ числа на 42 участка: карбасникамъ 8 чел. по договору давано по полу-участка человѣку, а рядовымъ промышленникамъ 32 давано по пя-

той доли участка человѣку». Выходитъ 4 участка карбасникамъ, промышленникамъ $6^{2}/_{3}$ участка, а вмѣстѣ $10^{2}/_{3}$ участка, на долю же архіерейскаго дома остается $31^{3}/_{3}$ участка. То-есть если положить участокъ равнымъ, напр., 10 руб., то 42 труженика получатъ 104 р. и 1 получитъ менѣе $2^{1}/_{2}$ р., или, выдѣляя карбасниковъ, 32 промышленника получатъ $6^{2}/_{3}$ участка = 64 р., *1 промышленникъ получитъ ровно 2 рубля за свой долгій и невыносимо тяжелый трудъ*, *предприниматель же получитъ 316 рублей!* Огромность этой суммы мало пострадаетъ, если даже вычесть даваемые по договору не въ отдачу карбасникамъ по 1 р. на человѣка, рядовымъ по 21—26 алтына на человѣка. Къ сожалѣнію, имѣя цифры доходовъ промысла, документы не даютъ точныхъ указаній на количество расходовъ и такимъ образомъ лишаютъ удовольствія точно учесть архіерейскіе проценты. Быть-можетъ они оказались бы крайне неумѣренными. Во всякомъ случаѣ имѣющіяся цифры даютъ право заключить, что духовенство, какъ предприниматель, ловко обдѣлывало свои дѣла.

Но не одинъ архіерейскій домъ увлекался лихвой. По слѣдамъ владыки шли монастыри, заключавшіе въ себѣ людей, которые торжественно отреклись отъ міра и всѣхъ его благъ и удовольствій... Изъ нихъ можно констатировать, какъ предпринимателей, слѣдующіе монастыри: Спасскій Новоприлуцкій, Сійскій, Архангельскій, Соловецкій и особенно Кольскій Печенскій.

Послѣдній является крупнымъ предпринимателемъ, ведетъ дѣло въ значительныхъ размѣрахъ, обираетъ не мало колянъ и лопарей. Уже о Рождествѣ онъ заботится о собираніи артелей, посылая къ промышленникамъ грамоты, «чтобы имъ было надежно и индебъ они не крутились» *). Вообще эти артели похожи на предыдущія, хотя есть и отличіе. Промышленники, напримѣръ, ходили на промыселъ на своемъ содержаніи; но передъ отходомъ брали изъ монастырской казны ссуду деньгами и хлѣбомъ, а по возвращеніи ссудныя деньги и хлѣбъ вычитались изъ промысловой добычи. Разумѣется, и доля промысла должна была имъ идти большая, чѣмъ архіерейскимъ покрученникамъ: и дѣйствительно, они крутятся исполу, т. е. промысловая добыча дѣлится на двѣ равныя части между трудомъ и капиталомъ.

Переходя къ XVIII ст., прежде всего встрѣчаешь замѣчательный по энергіи и рѣшительности указъ, не любившаго полу-

*) «Труды Арх. статист. комитета за 1865 г.», кн. 1.

мѣръ, крутаго Петра I. По всей вѣроятности, этотъ указъ имѣлъ не мѣстное значеніе, а обще-государственное, такъ какъ того же года встрѣчаемъ указъ на противоположномъ концѣ Россіи, далекомъ югѣ. Указъ этотъ гласилъ слѣдующее: «Государевы и патріаршіи и архіерейскія и монастырскія и помѣщиковъ и вотчинниковъ и всякихъ чиновъ людей рыбныя ловли въ тѣхъ городахъ, которые сѣли на оброкъ и безоброчно и которые даны помѣщикомъ и вотчинникомъ за службу пожалованнымъ нашего великаго государя грамотамъ вотчины, а инымъ въ помѣстные оклады, вмѣсто четвертныя пашни, а инымъ въ угодья что ни есть взять на насъ великаго государя и отдавать на откупъ откупщикамъ съ торгу и съ наддачи людемъ добрымъ и пожиточнымъ съ добрыми поруками и вѣдать тѣ рыбныя ловли въ Семеновской канцеляріи». Къ сожалѣнію, многія добрыя горячія пожеланія этого государя скоро охладились, черезъ нѣсколько лѣтъ охладился и этотъ указъ и все пошло по-старому.

По крайней мѣрѣ здѣсь, на сѣверѣ, съ 1709 года все пошло по-старому и свѣдѣній подтверждающихъ имѣется не мало. Изъ нихъ можно заключить, что артели мурманскихъ промышленниковъ архіерейскаго дома и въ XVIII ст. ни въ чемъ существенно не отступали отъ вышеизложеннаго строя прошлыхъ столѣтій; онѣ сохранили даже нѣкоторыя незначительныя особенности своей организаціи.

Отношенія, которыми опредѣлялось участіе въ выгодахъ дѣла предпринимателей и рабочихъ, старшихъ и рядовыхъ, почти не измѣнялись въ теченіе этого времени. Промышленники крутятся изъ ¹/₅ участка, величина котораго опредѣляется чрезъ дѣленіе промысловой добычи на число членовъ въ артели или въ артеляхъ, участвующихъ въ промыслѣ. Но теперь архіерейскій домъ отправлялъ уже меньше артелей—отъ 1 до 4, чаще 2, т. е. 8 человѣкъ: въ послѣднемъ случаѣ рядовые покрученники получали на общій свой пай «по рядѣ участокъ съ пятой долью всѣмъ». Если доля покрученниковъ не измѣнилась, то доля карбасниковъ нѣсколько уменьшилась: вмѣсто ¹/₂ участка установилась новая норма—²/₅ участка. Артели отправлялись также и лѣтнія, и вешнія. Лодья въ смыслѣ судна и въ смыслѣ единицы, заключавшей въ себѣ опредѣленное количество артелей, уже не встрѣчается. Вмѣсто лодьи упоминается «домовое архіерейское промышленное судно» или карбасъ. Какъ видно изъ народной записи 1755 года, артели многія свои обязательства скрѣпляли

круговою порукою. Понятно, съ сокращеніемъ размѣровъ промысла сократились и расходы архіерейскаго дома какъ на основной, такъ и на оборотный капиталъ.

Отношеніе между трудомъ и капиталомъ въ прибыляхъ не лучше, чѣмъ и въ прошломъ столѣтіи. Напр., въ 1716 г. вешняго промысла 2 артелями было добыто: трески сухой и соленой 531 пудъ, на 37 руб. 29 алтынъ 3½ деньги. Изъ нихъ на архіерейскій домъ пришлось на 27 р. 15 алтынъ 4 деньги, 2 карбасникамъ на 4 р. 24 алтына 3 деньги, 6 рядовымъ на 5 руб. 25 алтынъ 2½ деньги. Лѣтняго промысла 4 артелями добыто: трески соленой 96 пуд., на 5 р. 25 алтынъ 2 деньги, изъ того числа въ домъ архіерейскій на 4 руб. 8 алтынъ 1½ деньги, карбасникамъ на 24 алтына и покрученникамъ на 26 алтынъ 2 деньги.

Очень понятно, что архіерейскій домъ и монастыри не удовлетворялись мурманскимъ тресковымъ промысломъ; они были также собственниками сёмужьихъ рыбныхъ угодій и, какъ увидимъ впослѣдствіи, не чуждались ловли морскихъ звѣрей. Архіерейскій домъ не только пріобрѣтаетъ участки тоней дареніемъ, но даже покупаетъ ихъ у крестьянъ. Изъ приходо-расходныхъ книгъ архіерейскаго дома конца XVII ст. видно, что домъ владѣлъ кромѣ сёмужьихъ тоней на Мурманскомъ берегу еще нѣсколькими тонями на зимней сторонѣ, т. е. зимнемъ берегу Бѣлаго моря *). Каждое лѣто отправляетъ онъ на двѣ или на три изъ этихъ тоней по нѣскольку человѣкъ промышленниковъ, частію изъ домовыхъ служащихъ; большинство же—посторонніе люди, шедшіе на промыселъ изъ покрута.

Такъ, въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной въ 1591 г. крестьянамъ Умбской волости на пожалованныя послѣднимъ земли и рѣчныя и морскія тони, между прочимъ сказано: «а на монастырь промышляти семью луки, что тѣмъ крестьянамъ ловити рыба въ рѣкѣ въ Умбѣ на большей тонѣ, въ волости крестьянъ два человѣка, а третей монастырской человѣкъ, а въ неводу, и въ гаврахъ, и въ поѣздахъ, и въ карбасѣ крестьянскихъ двѣ доли, а монастырская треть; а дѣлити намъ рыба на трое, на монастырь двѣ доли, а третья доля крестьяномъ; да изъ забора по тому-жь на монастырь двѣ доли, а треть крестьяномъ рыбы, а заборъ колити крестьяномъ весь съ Соловецкіе

*) А. Ефименко: «Артели Арх. губ.», т. II.

четьи, и съ монастырскіе треть доли дати коловщику наемъ. Да изо всее рѣчные ловене, и съ тони и изъ забора, и съ поѣздные, и съ гаровные, изъ ихъ трети имати на монастырь десятая рыба. Да имъ же дано по морскому берегу десять тонь; да къ тѣмъ же крестьяномъ въ Куѣ рѣкѣ да въ Хлѣбной рѣчкѣ ловити заборцы съ Кириловскими вобче, а дѣлитися имъ рыбою, а на монастырь давати десятая доли, и на веснованье морской звѣрь бьютъ, и изъ того имъ на монастырь давати десятое».

Ловили сёмгу на тоняхъ неводами, приготовленіе которыхъ «въ сёмужьемъ тонномъ промыслѣ» составляло главный расходъ предпринимателя. По словамъ г-жи Ефименко, «каждымъ неводомъ промышляло два человѣка, которые составляли такимъ образомъ неводную единицу: на тонѣ было обыкновенно по одному неводу, иногда по два. Старшій изъ двухъ промышленниковъ, которые промышляли или «сидѣли» на тонѣ, назывался тонщикъ. Онъ или былъ домовый служащій человѣкъ, и тогда его вознагражденіе опредѣлялось общими условіями его службы въ архіерейскомъ домѣ, при чемъ получалъ иногда нѣсколько денегъ не въ окладъ, если промышлялъ сёмгу «радѣтельно»,—или былъ человѣкъ сторонній и шелъ «изъ тоннаго покрута», получая $^1/_6$ всего улова сёмги. Второй изъ сидѣвшихъ на тони былъ всегда человѣкъ «сторонній», покрученникъ. Участіе его въ предпріятіи опредѣлялось очень различно, вѣроятно, обусловливаясь его личными качествами: шелъ онъ изъ одной десятой улова и изъ одной восьмой и такъ, что изъ одной половины улова получалъ $^1/_8$, а изъ другой—$^1/_4$. Передъ отправкой на промыселъ архіерейскій домъ давалъ покрученникамъ нѣсколько денегъ на ссуду. Деньги эти вычитались, по возвращеніи съ промысловъ, изъ доли покрученниковъ, конечно, въ томъ только случаѣ, если дѣло не принимало оборотъ 1696 года, когда въ книгѣ помѣчено: «въ уловѣ рыбы не было и тѣхъ денегъ не взято, для того что вычесть не изъ чего». Уловленная сёмга вся привозилась на Холмогоры въ архіерейскій домъ: тутъ высчитывалось, сколько приходилось на долю покрученника, затѣмъ эта доля оцѣнивалась и покрученнику выдавались деньги. Величина ежегоднаго улова за то время, за какое мы имѣемъ свѣдѣнія, крайне разнообразна: она колеблется между 4 и 136 пуд. на неводъ. При разсчетѣ съ покрученникомъ пудъ оцѣнивался въ 10 алтынъ. Вообще покрученникъ на свою $^1/_{10}$—$^1/_8$ долю получалъ очень немного: въ самый уловный 1689 г. ему пришлось получить 4 руб. 2 алтына, въ

обыкновенные годы значительно меньше, а въ 1695 г., когда всего «на неводъ пришло 6 рыбокъ небольшихъ», покрученнику довелось отсидѣть лѣто на тони за 6 алт. 4 деньги *).

Изъ историческихъ матеріаловъ конца XVII и начала XVIII вѣка видно, что Кольскій Печенскій монастырь владѣлъ значительными промысловыми сёмужьими угодьями и производилъ ловъ сёмги въ большихъ размѣрахъ.

Промыслы производились артелями покрученниковъ, но на какихъ условіяхъ—свѣдѣній не сохранилось. Нужно думать, условія мало разнились отъ изложенныхъ уже.

«Позднѣйшія свѣдѣнія о сёмужьихъ промыслахъ архіерейскаго дома относятся къ 1720 г. Отпускается въ этомъ году на тони на зимній берегъ тоже домовой карбасъ. На этомъ карбасѣ отправляется три неводныхъ артельныхъ единицы, состоящихъ, какъ и прежде, изъ двухъ членовъ: тонщика и покрученника; одинъ изъ тонщиковъ—сынъ боярскій. Тонщикъ получаетъ $^1/_5$ улова, покрученникъ—$^1/_6$. Кромѣ того, тонщику и покрученнику дается свершонокъ по гривнѣ человѣку, да на ссуду по десяти алтынъ. Главному тонщику, сыну боярскому, данъ на всякіе расходы одинъ рубль и три съ полтиной на покупку соли».

Въ 1725 г. архіерейскія тони находятся на арендномъ содержаніи у крестьянъ, которые владѣютъ ими сообща по нѣскольку человѣкъ; но дальнѣйшихъ подробностей никакихъ не сохранилось.

Насчетъ того, какъ были организованы промыслы прочей рыбы, не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ одного договора (1704 года) архіерея съ артелью архіерейскихъ крестьянъ. По этому договору архіерей даетъ крестьянамъ неводъ и предоставляетъ право промышлять рыбу по Двинѣ и около Холмогоръ «въ курсяхъ» (протокахъ) и заливахъ съ тѣмъ, чтобъ изъ уловной рыбы артель брала себѣ половину, представляя другую «безъ утайки» въ архіерейскій домъ.

Довольно обстоятельно о бѣлужьемъ промыслѣ говоритъ академикъ Лепехинъ: «Всѣ промышляющіе на сихъ островахъ (Верхнія и Нижнія Ягры, Мудьюжскіе острова) имѣютъ собственный свой запасъ, собственныя свои снасти и собственныя свои суда и, слѣдовательно, промышляютъ на себя. На всякомъ карбасѣ бывало по 5 человѣкъ, кои по морскому обыкновенію кормчему послушны. Такихъ четыре карбаса составляли артель и промышляли

*) А. Ефименко: «Артели...», т. II.

сообща. Они запасались хлѣбомъ и другимъ нужнымъ харчемъ мѣсяца на два, ибо и на короткое время лѣтомъ въ домъ отлучиться не позволяется; а потому построены у нихъ для пріюта избы. Всякая артель имѣетъ особеннаго кашевара, который въ промыслѣ никакого участія не имѣетъ и обыкновенно ему плата поставляется по гривнѣ съ человѣка на лѣто, да готовая артельная пища. Орудія у нихъ тѣ же, какія бывали у весновальщиковъ; сверхъ сего каждый карбасъ имѣетъ неводъ длиною въ 200 саж.... Всякая артель по пріѣздѣ своемъ на ловлю, денно и нощно, ибо лѣтнія ночи въ семъ краю весьма свѣтлы, держатъ караулъ на морѣ попеременно; карбасъ, отъѣхавъ въ голомя, т.-е. далеко отъ берега, кидаетъ якорь и промышленники по часамъ стоятъ на возвышенномъ мѣстѣ кормы, осматривая во всѣ стороны, не выныриваетъ ли гдѣ бѣлуха. И какъ скоро сіе примѣтитъ, даетъ знать *своимъ товарищамъ*, которые или греблею, или на парусахъ въ ту сторону направляютъ свой карбасъ, которому и прочіе карбасы слѣдуютъ; они стараются бѣлуху объѣхать съ голомянной стороны и разными способами гонятъ ее ближе къ мелкимъ мѣстамъ; тогда выкидываютъ свои невода и, скростивъ ихъ вмѣстѣ, составляютъ изъ оныхъ полукружіе. Сіе окинутое крыломъ пространство называютъ они дворомъ... (и такъ далѣе). Нерѣдко случается, что промышленники бѣлухъ по 30 и болѣе однимъ разомъ окидываютъ. Тогда-то требуется великое проворство и искусство, чтобъ удержать въ сѣтяхъ толикое руно и со всѣми управиться» *).

Позднѣе путешествовавшій Антонъ фонъ-Пошманъ разсказываетъ о сѣверномъ промыслѣ слѣдующее: «На всѣ сіи промыслы отправляютъ суда люди зажиточные, нанимая работниковъ по добровольному согласію отъ 25—30 руб. сверхъ готовой пищи; однакожъ плата назначается единственно, когда рабочіе употребляются въ лодьяхъ, за вешнимъ уловомъ рыбы, на Мурманскомъ берегу въ становищѣ; но ежели нанимаются на вешній рыбный промыселъ въ Колу, то назначается имъ извѣстная часть изъ полученной добычи, а именно: хозяинъ беретъ 2 части, работники 3-ю, кормщикъ получаетъ противъ рядоваго въ 1½ раза и сверхъ сего хозяева прибавляютъ хорошимъ и знающимъ рублей по 10 — 20; отправленіе же и содержаніе работниковъ пищею

*) Лепехинъ: «Записки путешеств. Полное собраніе ученыхъ путешествій» изданіе Академіи Наукъ.

всегда остается на счетъ хозяина. Во время сего вешняго промысла на Мурманскомъ берегу хозяева запасаютъ съѣстныхъ припасовъ, которые по пріѣздѣ складываютъ въ своихъ становищахъ» *).

Есть указаніе на рыболовныя артели и на рѣкѣ Камѣ. Такъ, неизвѣстный авторъ начала XIX ст. говоритъ, что «чрезъ рукавъ Камы верстою выше Перми чрезъ многіе годы строенъ былъ забой или ѣзъ (Лепехинъ, I, 363 и слѣд.). Но недавно оной совсѣмъ брошенъ, по той, какъ сказываютъ, причинѣ, что постройка и содержаніе его, простиравшіяся иногда до 300—400 руб. въ одно лѣто, не всегда могли быть замѣнены прибылью, за рыбу получаемою, или *можетъ-быть (!) потому, что многіе въ немъ участвовали*» **).

Крестьяне Тверской, Владимірской и Московской губерній артелями ловили рыбу въ Нарвѣ, Ревелѣ, Выборгѣ, Бѣлоруссіи ***).

При значительномъ развитіи сёмужьяго, тресковаго, звѣриннаго и проч. промысловъ, при вѣковой устойчивости, при той обстановкѣ, въ какой они производились, легко могли возникнуть обычно-правовыя нормы, которыми регулировались какъ междуартельныя отношенія, такъ отношенія отдѣльныхъ членовъ. Г-жа Ефименко указываетъ изъ матеріаловъ, которыми она пользовалась, одинъ фактъ, который нѣсколько подтверждаетъ это. Когда архіерейскую лодью разбило, то «работные люди» съ другихъ лодей, которыя случились въ томъ становищѣ, «способствовали выносить изъ той разбитой лодьи припасы и лодейныя снасти» и имъ ничего не было заплачено за трудъ, кромѣ того, что выпоено было ведро вина; это даетъ право предполагать, что было извѣстное обязательство между лодьями на подобные случаи.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересенъ дошедшій до насъ «Морской Уставъ»; онъ хотя пріуроченъ къ ново-земельскимъ моржовымъ промысламъ, но чрезвычайно ясно и опредѣленно выясняетъ вообще обычно-правовыя артельныя отношенія, которыми въ значительной степени проникнутъ сѣверъ и доселѣ, и я привожу его здѣсь въ значительномъ сокращеніи и замѣняя

*) «Арханг. губ. въ хозяйст., комерческ., философ., историч... обозрѣніи 1802 г.», т. II. Арханг. 1873 г.

**) «Хозяйственное описаніе Пермской губ... Тщаніемъ и иждивеніемъ Импер. Вольно-Экономическаго Общества изданное 1811 г.»

***) В. И. Семевскій: «Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права», *Русская Мысль* 1880 г., кн. 6.

часто подлинникъ своими словами для краткости и понятности. Появленіе его на свѣтъ Божій обязано слѣдующему обстоятельству: около половины XVIII ст. Елизавета отдала всѣ сѣверноморскіе промыслы въ монополію графу П. И. Шувалову, при чемъ всѣ вольные промышленники должны были продавать добычу графскимъ скупщикамъ. Контора архангельскаго сальнаго правленія затребовала, по распоряженію П. Шувалова, отъ мезенскихъ промышленниковъ правила, которыми они руководятся на промыслахъ, результатомъ чего и появились отвѣты, извѣстные подъ именемъ «Морскаго Устава» *). Это замѣчательный документъ, достойный большаго вниманія. И если я не привожу его здѣсь цѣликомъ, то потому, что онъ помѣщенъ у г-жи Ефименко.

Удивительно стройная организація промысла, ловкія приспособленія къ потребностямъ дѣла, мудрая, смѣтливая, чисто-русская практичность — даютъ право на такое вниманіе къ «Морскому Уставу» и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, что подобная организація не могла сложиться иначе, какъ подъ тяготѣніемъ многихъ лѣтъ умудряющаго опыта.

Приведу нѣкоторыя изъ 29 его статей.

1. О котляныхъ или артельныхъ промыслахъ.

Когда случится промышлять многимъ судамъ вмѣстѣ (котляна или котляный промыселъ), то дѣлить добычу полюдно на всѣхъ тѣхъ, кои при промыслѣ ономъ случатся; изъ оставшихся на судахъ получаютъ пай только тѣ, которые оставлены тамъ по общему согласію. Если артели промышленниковъ, выѣхавъ на промыселъ, разъѣдутся по разнымъ мѣстамъ, то хотя бы кто изъ нихъ и безъ добычи возвратился, однако получитъ себѣ долю изъ другихъ промысловъ. Все сіе напередъ договоромъ утверждается. Когда въ карбасахъ не равное число людей, то люди пересаживаются въ другіе, въ которыхъ менѣе.

3. О смашной котлянѣ.

Смашная котляна бываетъ, когда многіе карбасы съѣдутся къ одной наледицѣ безъ договору..., и если обоюдно обмѣняются знаками, то вся добыча дѣлится вмѣстѣ, по числу карбасныхъ людей. Но если на поданный знакъ не отвѣчаютъ съ другихъ карбасовъ, то въ промыслѣ однимъ до другихъ дѣла не имѣть и помѣшательства другъ другу не чинить.

---

*) Копію съ него досталъ академикъ Озерецковскій. *Арханг. Губ. Вѣдомости* 1846 г., № 41—42. Уставъ помѣщенъ и у г-жи Ефименко, т. I.

6. О безкотляномъ промыслѣ.

Когда кто со стоящими вмѣстѣ судами въ котлянѣ быть не пожелаетъ, то такого къ ней не принуждать и въ промыслѣ ему никакого помѣшательства не чинить.

7. Ежели кто поколетъ залежку и въ судно свое всего поколотаго звѣря не вмѣститъ..., остальное обирать никому не возбраняется.

9. Если у поколотаго звѣря головы будутъ отсѣчены, то такого промысла обирать приходящему возбраняется, такъ какъ значитъ хозяинъ думаетъ придти самъ за остальнымъ.

10. О нечиненіи кормщику безъ хозяина и хозяину безъ кормщика плотной котляны.

Ежели кто пожелаетъ съ другими судами учинить плотную котляну, т.-е. уговориться, чтобы во весь походъ сообща промышлять и промысла не считать и не дѣлить до выхода съ моря домой, то кормщику безъ воли отпускателя ни съ кѣмъ такой котляны не дѣлать и хозяину не принуждать кормщика, если сей не пожелаетъ.

11. О нелишеніи въ промыслѣ пая больныхъ и умершихъ.

Ежели у кого на суднѣ промышленникъ сдѣлается боленъ и должность свою отправлять будетъ не въ состояніи, то на такого человѣка съ другихъ котляныхъ судовъ изъ промысла паю не требовать, а изъ своей добычи доли его не лишать. Равнымъ образомъ поступать и въ разсужденіи того, кому на суднѣ умереть случится, принадлежащую ему изъ всего промысла долю отдавать его ближнимъ.

12. О бытіи въ послушаніи у кормщика всѣмъ рядовымъ товарищамъ.

Въ морскомъ ходу и во время промысла всѣмъ рядовымъ товарищамъ во всемъ слушаться одного кормщика и ни въ чемъ воли у него не отнимать; а въ потребномъ случаѣ хотя и подавать ему совѣтъ, только учтиво и не спорно. Ежели-жъ кто изъ нихъ дерзнетъ кормщика избранить или ударить, или не станетъ его слушаться, то на такого прочіе рядовые должны кормщику дать помощь къ наказанію по морскому обыкновенію, потому что безъ наказанія, за отдѣленіемъ гражданскаго суда, иные впадутъ въ безстрашіе, отчего безпромыслица и разбитіе судовъ приключается. Но ежели кормщику многіе изъ промышленниковъ явятся противниками, наказать же и запретить имъ будетъ онъ не въ силахъ, то въ засвидѣтельствованіе объявлять

на таковыхъ ослушниковъ въ прилучившихся судахъ для отыскания наказанія въ гражданскомъ судѣ.

13. О вывозѣ людей съ разбитыхъ судовъ.

Съ разбитыхъ судовъ людей вывозить безъ всякой платы, и когда не станетъ у нихъ своего припасу, то кормить ихъ безденежно; въ томъ съ ними договоровъ не имѣть и писемъ не брать, а хотя кто ихъ и возьметъ, однако въ дѣйство оныя не производить.

14. О разбираніи тѣхъ людей на цѣлыя суда.

Чѣмъ больше на суднѣ людей, тѣмъ болѣе такое судно должно брать сихъ людей, и наоборотъ, потому что такое судно пространнѣе и съѣстными припасами изобильнѣе, значитъ и людей помѣстить можно болѣе. Разбитыхъ судовъ людямъ провіантъ свой дѣлить между собою полюдно и на чужихъ судахъ они сначала должны ѣсть свой запасъ, а потомъ уже хозяйскій, какъ и его люди. Если встрѣтятся другія суда, то сдавать имъ людей по прежнему расчисленію.

Когда на возвратномъ пути окажется недостатокъ въ хлѣбѣ, то можно прикупать у набережныхъ жильцовъ на общія съ невольными людьми деньги.

15. О привoрачиваніи на знаки.

Когда съ разбитыхъ судовъ показываютъ какіе-либо знаки, то мимоидущее судно непремѣнно должно приворачивать и вывозить ихъ, согласно Уставу. Но если взять ихъ невозможно, напр. по случаю бури, то въ вину не ставить.

16. О бытіи въ послушаніи у повощика невольнымъ людямъ.

Невольнымъ людямъ быть у повощика въ послушаніи и на промыслахъ работать безъ отрицанія; а изъ того промысла участка себѣ не требовать.

18. Ежели невольные люди попадутъ на зимнія суда, то оныя должны вывозить ихъ на лѣтнія, или въ жилье. Если это невозможно, то брать ихъ съ собою, хлѣбъ ѣсть обще съ ними и за то не лѣнясь должны промышлять, но изъ промысла пая себѣ не требовать.

19. О вывозѣ людей и промысла съ Тиманскаго берега и Канина носа.

Вывозъ людей и промысла съ Тиманскаго берега и съ Канинскаго носа, если судно замерзнетъ или его разобьетъ, оленьщиками дѣлается по уговору; плату вычитать изъ промысла.

20. Если промысла нѣтъ, вывозить людей на ихъ же счетъ, кормить же на хозяйскій.

21. О вывозѣ съ моря промысловъ съ разбитыхъ судовъ на суда же.

Кто пожелаетъ съ разбитаго судна вывезти промыселъ, въ платѣ договоръ имѣть должно; но выше 1/3 изъ промысла не требовать, а при довольномъ промыслѣ снасть вывозить безъ платы.

22. О вывозѣ снастей съ промысла.

Хотя бы кому, за изобиліемъ собственнаго промысла, чужаго помѣстить было и не можно, однако промысловыя снасти отнюдь не оставлять и за провозъ выше 20 коп. съ пуда не брать. Если нѣсколько судовъ, то на снасти метать жребій, кому что изъ оныхъ везти достанется. Снастью при нуждѣ безъ кортомы можно пользоваться, а при утратѣ ея платить настоящую цѣну.

23 статья говоритъ о неоставленіи взятыхъ промысловъ, хотя кто и самъ послѣ того напромышляетъ.

24. О собираніи и вывозѣ морскихъ промысловъ безъ договора.

Когда съ разбитаго судна промыселъ и снасть разнесутъ по берегу, а люди разъѣдутся на другихъ судахъ, то наѣхавшее цѣлое судно должно собрать и вывезти снасти и промыселъ; повощику за вывозъ промысла брать 3/4, а за снасть 20 коп. съ пуда.

26. Когда кто найдетъ плавающее разбитое судно безъ промышленниковъ, промыселъ обирать безповоротно, а со снасти брать за провозъ означенную цѣну.

Заключеніе: «По сему Уставу хозяева, отпускатели и кормщики съ товарищи неотмѣнно поступать должны, ибо хотя кому вывозъ людей и промысловъ покажется досаденъ, но иногда можетъ случиться и самому тому отъ другихъ еще большей требовать помощи, ибо *ходящему по морю безъ страха и взаимной помощи пробыть не можно.*

«*Для того всѣ въ дружномъ спомоществованіи быть должны;* а если кто по онымъ пунктамъ исполнять не будетъ, надѣясь на свое начальство или хозяйское могущество, тому да воздастъ праведный Богъ морскимъ наказаніемъ».

Историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о рыболовныхъ артеляхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, сохранилось очень мало. Можно бы предполагать, что подобно тому, какъ Сѣвер-

ный океанъ является главнымъ нервомъ артельнаго строя для сѣверной Россіи, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ чувствительнѣе и сильнѣе бьется пульсъ артели, точно также для южной Россіи такимъ пульсомъ, по крайней мѣрѣ рыболовныхъ артелей, должно бы быть Черное и главнымъ образомъ Каспійское море съ устьемъ и дельтами на сотни верстъ величайшей рѣки Европы, кормилицы народной, матушки Волги. Это быть-можетъ самый богатый въ свѣтѣ бассейнъ дорогой красной рыбы.

Вотъ что по этому поводу говоритъ такой высоко-компетентный ученый, какъ академикъ Бэръ *), начальникъ экспедиціи объ изслѣдованіи рыболовства въ Россіи: «Всѣ европейскія морскія рыболовства, въ сравненіи съ рыболовствомъ Каспійскаго моря, могутъ быть названы незначительными. Нигдѣ въ Европѣ ловъ рыбы, особенно красной, не производится въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, не составляетъ столь важной отрасли государственнаго хозяйства, не приноситъ столь существенныхъ выгодъ и правительству, и народонаселенію».

Еще въ прошломъ столѣтіи Рычковъ **) писалъ о Волгѣ слѣдующее: «Имя ея (Волги) толкуется съ сарматскаго языка Ходовая или Судовая, т. е. такая, по которой большія торговыя суда ходятъ; но то ея имя было не далѣе какъ до устья Оки, а ниже именовалась она Сарматъ-Раа, еже значитъ обиліе. По пришествіи къ оной татаръ въ началѣ XIII ст. названа отъ нихъ Идель, Адель, Эдель — обиліе, привольство и щедрость, что и весьма ей прилично. Ибо едва ли есть другая рѣка, коя-бъ множествомъ разныхъ рыбъ и къ житью способныхъ въ пажитяхъ и пашняхъ мѣстъ сравниться ей могла... О торгахъ, по Волгѣ рѣкѣ отправляемыхъ, потому разсуждаю, что однихъ работныхъ людей всегда на суднахъ, вверхъ и внизъ ходящихъ и рыбы ловящихъ, по малой мѣрѣ до милліона счисляютъ».

Довольствуясь пока этими показаніями, скажу только, что точно опредѣлить среднее количество ежегодныхъ улововъ невозможно; приблизительно же Каспійское море даетъ не менѣе 13 мил. пудовъ рыбы, на сумму около 15 мил. рублей ***).

Кажется, вотъ широкій просторъ, гдѣ можетъ развернуться народъ-богатырь, выказать свои силы, мощь, развить стремленія, идеалы; вотъ прекрасная почва—глубокій черноземъ—для

*) «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи», т. IV.

**) Рычковъ: «Топографія Оренбургская», 1762, ч. I.

***) „Труды астраханскаго губерн. статистическ. комитета“, вып. III, 1874.

произрастанія излюбленныхъ народомъ формъ во всей ихъ красотѣ, величіи; вотъ гдѣ возможность доказать, убѣдить, сдѣлать ихъ безспорными чрезъ полное воплощеніе въ жизнь.

Къ тому же вѣдь сюда, на югъ, стекались лучшія силы народа, болѣе сильныя, рѣшительныя, энергичныя, не хотѣвшія мириться все съ большимъ и большимъ давленіемъ государственности, деспотизма, крѣпостничества, желавшія жить по-своему, «по старинѣ»; они, естественно, были хранителями и носителями народныхъ основныхъ идеаловъ въ чистѣйшемъ видѣ; въ нихъ воплотилась народная идея въ совершенствѣ. Мало того, на просторѣ, на волѣ, вдали отъ назойливаго, грубаго начальства, гарантированные отъ варварски-дикаго насилія его, эти народные піонеры могли быть не только носителями и хранителями идеи, но могли идеалы народа совершенствовать, очищать, и развивать.

А между тѣмъ этого нѣтъ; напротивъ, рыболовство въ Каспійскомъ морѣ особенно является такимъ анти-народнымъ, настолько окулаченнымъ, что далѣе едва ли можно идти по этому пути. Не есть ли это рѣшительное доказательство того, что завѣтные идеалы народа есть мечта беззавѣтныхъ головъ, нелѣпое созданіе интеллигентныхъ народниковъ? Необходимо осмотрѣться. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ: на далекомъ, крайнемъ Сѣверѣ, далеко заброшенномъ отъ населенныхъ мѣстностей, при крайне суровомъ климатѣ, въ области льдовъ и бѣлыхъ медвѣдей, артель имѣетъ огромное распространеніе и развивается,—здѣсь же, въ тепломъ климатѣ, нри относительной близости населенныхъ мѣстностей, при довольно удовлетворительныхъ сообщеніяхъ рѣками съ ними, при необыкновенномъ рыбномъ богатствѣ морей и рѣкъ, при первоначальной колонизаціи народныхъ піонеровъ, *при всѣхъ, повидимому, благопріятныхъ условіяхъ, артели теперь почти нѣтъ*?

Обратимся къ нашей великой учительницѣ—исторіи. Едва не на первыхъ страницахъ ея мы видимъ, что на Сѣверѣ народъ является фактическимъ хозяиномъ земли, лѣсовъ и водъ; онъ уступаетъ князьямъ въ пользованіе нѣкоторыя мѣста для ловли рыбы, звѣрей и птицъ; онъ захватываетъ и колонизуетъ обширныя мѣста на сѣверъ и востокъ, разнося и укрѣпляя основы и идеалы, которыми глубоко былъ проникнутъ. Такимъ образомъ *огромная область отъ Польши до Урала и отъ Волги до Сѣвернаго океана является широкой ареной народныхъ ос-*

новъ: общественно-политическихъ—свободно-вѣчеваго строя и экономическихъ—артельно-общинности.

Окрѣпшій московскій государственный строй не долго терпѣлъ противные ему порядки. Въ рѣкахъ крови народной, въ морѣ стоновъ, страданій затопилъ онъ ненавистную ему политическую свободу. Ужасно вспомнить безчеловѣчное истребленіе народа и выселеніе немногихъ оставшихся въ живыхъ въ отдаленныя мѣста, какъ было съ огромными, богатыми, цвѣтущими городами Новгородомъ и Псковомъ... *).

Экономическія основанія не такъ мозолили глаза, да и бороться съ ними было труднѣе. Правда, было и въ этомъ отношеніи кое-что. Такъ распространялись и богатѣли монастыри, главнымъ образомъ вслѣдствіе подарковъ князей и царей, создался архіерейскій домъ, становясь, какъ владѣльцы капиталовъ, предпринимателями и эксплуататорами народа. Эта роль не вязалась съ духомъ христіанства, а потому дискредитовала въ глазахъ народа духовенство, и можетъ-быть это было одной не послѣднею причиной столь распространеннаго на Сѣверѣ раскола.

Въ такомъ же духѣ были и пожалованія земель и рыбныхъ ловель царями частнымъ лицамъ. Г. Максимову **) разсказывали слѣдующее: «Баженинъ, крестьянинъ села Вавчуги, первый основатель и строитель перваго русскаго коммерческаго флота, былъ полюбленъ Петромъ Великимъ. Однажды, съ колокольни, указывая Баженину на дальніе виды, на все огромное богатство, разстилающееся по сосѣдству и теряющееся въ безконечной дали, Петръ говоритъ: «Вотъ все, что, Осипъ Баженинъ, видишь здѣсь, всѣ эти деревни, всѣ эти села, всѣ земли и воды — все это твое; все это я жалую тебѣ моею царскою милостью».—«Много мнѣ этого,—отвѣчалъ Баженинъ,—я этого не стою», и далѣе: «Подаришь мнѣ все это—всѣхъ сосѣднихъ мужичковъ обидишь». Къ сожалѣнію, урокъ этотъ для власть имѣющихъ прошелъ безслѣдно, а честный патріотъ-крестьянинъ не нашелъ себѣ послѣдователей.

Ранѣе этого извѣстно *), какой ужасной участи подверглись въ 1601 году отъ Бориса Годунова Романовы съ юнымъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и вся ихъ родня. Немногіе дожили до освобожденія. «По этому поводу въ 1614 г. попу Ермолаю Клю-

*) См. напр. „Сѣверно-русск. народоправства“, Костомарова.
**) Максимовъ: „Годъ на сѣверѣ“, 2 тома.

чарову были подарены въ вѣчное потомственное владѣніе 12 рѣкъ, изъ которыхъ главныя: Пяльма, Немена, и обширное пространство земли около Челмужской губы—за то, что сосланную Борисомъ мать Михаила, инокиню Мароу, въ заточеніе «непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостью разума служилъ и доброхотствовалъ во всемъ и про отца нашего здоровье проповѣдывалъ и матери нашей великой государынѣ старицѣ Мароѣ Іоанновнѣ обвѣщалъ и въ такихъ великихъ скорбѣхъ въ напрасномъ заточеніи во всемъ спомогалъ». Эти земли и воды оказались впослѣдствіи въ общемъ пользованіи крестьянъ Хутынскаго монастыря, братіи Паль-Островскаго монастыря и наслѣдниковъ Ермолая *).

Такой же смыслъ имѣла и отдача Елизаветой всѣхъ сѣверноморскихъ промысловъ въ монополію гр. Шувалову, вслѣдствіе чего всѣ вольные промышленники должны были продавать свою добычу исключительно графскимъ скупщикамъ.

Но особенно интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ**): крѣпостной всемогущаго графа Орлова, пользуясь силою своего барина, просилъ его, чтобы дали ему, крестьянину, въ собственность «задворную лужу», называющуюся Кубенскимъ озеромъ. Просьба его была исполнена безъ всякихъ справокъ и просившій сталъ получать съ рыболововъ пошлину. И крестьянамъ нужно было много лѣтъ усилій, хлопотъ и затратъ, пока эта ловкая продѣлка была уничтожена. Чтобы судить объ этой «лужѣ», нужно знать, что она простирается въ длину на 60—70 вер. и что, по словамъ Данилевскаго, только при впаденіи въ нее рѣки Кубины вылавливается рыбы на 5.000 руб.

Всѣ эти, какъ и другія данныя говорятъ, что стремленія и пожеланія господствующаго класса не обошли Сѣвера: и здѣсь стремленія эти тяжело легли на народное хозяйство, и здѣсь были попытки выдѣлить и создать многоимущій господствующій классъ и поработить ему черную массу. Къ счастію, этого не произошло. Фактовъ, подобныхъ указаннымъ въ исторіи Сѣвера, немного, да и во всякомъ случаѣ они имѣли не общее, а частное значеніе. Крѣпостничество или совсѣмъ не коснулось, или очень мало коснулось Сѣвера и Востока. Впрочемъ, нельзя

*) Данилевскій: „Первый отчетъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Россіи“. *Сельское Хозяйство* 1873 г., т. 113.

**) «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи», т. VI.

думать, чтобъ это произошло вслѣдствіе какихъ-либо гуманныхъ разсчетовъ.

Дѣло объясняется проще: суровый климатъ, малоплодородная почва, очень малая населенность и проч.—все это не слишкомъ привлекало *алчущихъ и жаждущихъ жить тяжелымъ народнымъ трудомъ*. Всѣ их страстныя пожеланія, ихъ полные надеждъ взоры стремились въ тотъ благодатный край, гдѣ тучный, толстый черноземъ родитъ прекрасную пшеницу, гдѣ дивныя богатыя степи не имѣютъ конца, гдѣ при сравнительно густой населенности есть возможность выгодно разгуляться грубому произволу и насилію. И они стремились съ такимъ усердіемъ, съ такою удивительною энергіею, что скоро не было уголка, не было мужика въ средней и южной Россіи, которые не принадлежали бы барину, господину. *XVIII вѣкъ и особенно столь блестящее царствованіе Великой Екатерины было кульминаціоннымъ пунктомъ закабаленія, порабощенія народа* и вмѣстѣ съ тѣмъ отнятія у него земель. Въ концѣ ея царствованія уже приходилось, и иногда съ трудомъ, отыскивать еще незанятые куски... Не оправдалось даже пророческое сказаніе: «Рука дающаго не оскудѣваетъ». Да и какъ было не оскудѣть,—вѣдь *едва не цѣлыми настоящими уѣздами раздавалась народная земля, тысячами, десятками тысячъ, отдавались въ рабство души человѣческія?* И притомъ давались часто за заслуги сомнительнаго свойства, темныя. Мемуары прошлаго столѣтія, историческіе журналы и разныя историческія сочиненія даютъ не мало крайне-любопытныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ. Много таковыхъ желающій найдетъ во вполнѣ доступной книгѣ г. Карновича*). Онъ увидитъ здѣсь цѣлую фалангу лицъ молодыхъ, неизвѣстныхъ, какъ Зоричъ, Римскій-Корсаковъ, Ермоловъ, Ланской, Зубовъ, Кутайсовъ и пр., съ сомнительными заслугами, вдругъ возносимыхъ на верхнія ступени, получившихъ огромныя, милліонныя, богатства въ деньгахъ, землѣ, душахъ—и, къ счастію для Россіи, такъ же вдругъ и удалявшихся со сцены исторической траги-комедіи. Я не говорю уже о такихъ, какъ Разумовскіе, Орловы и Потемкины.

Не вдаваясь въ подробности, скажу нѣсколько въ этомъ родѣ о Каспійскомъ морѣ, теперь насъ интересующемъ. Какъ извѣстно, почти до послѣдняго времени Каспійское море было раздѣлено

*) „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“.

на строго опредѣленные участки, принадлежащіе частнымъ лицамъ—казакамъ. Какъ сложился этотъ порядокъ?

Іоаннъ Грозный былъ первый, начавшій раздавать участки моря, вскорѣ по завоеваніи его, татарскимъ князьямъ въ воздаяніе заслугъ ихъ. Щедрый къ духовенству, Алексѣй Михайловичъ далъ участки монастырямъ и патріарху. Знаменитый Петровскій манифестъ 1704 года нарушилъ эту идиллію, все перевернулъ вверхъ дномъ. Воды были объявлены государственною собственностью и поступили въ аренду, принося казнѣ доходъ. Какъ уже сказано было, этотъ указъ просуществовалъ на Сѣверѣ не долго; не долго просуществовалъ онъ и на Югѣ: уже въ 1717 г. участки возвращены Астраханскому монастырю. Въ 1760 году при Петрѣ III воды, за исключеніемъ монастырскихъ, были сданы въ откупное содержаніе астраханскому купцу Попову за 16 тысячъ рублей.

Екатерина, уничтоживъ эту аренду, послѣ нѣкоторыхъ перипетій, начала рѣшительно, энергично раздавать участки моря разнымъ вельможамъ подъ разными предлогами. Такъ, астраханскій намѣстникъ генералъ-поручикъ Бекетовъ, конечно, первый, успѣлъ купить «*дикопоросшей*» (остроумно: земля-то цѣнилась по водѣ, ее омывавшей) государственной земли 31.155 десятинъ *вдоль морскаго берега*, конечно, за ничтожную сумму. Другіе получали землю *въ видахъ заселенія края*, а большинство—*въ награду заслугъ престолу*. Такъ или иначе, первыми астраханскими помѣщиками стали князья Куракины, государственный канцлеръ князь Безбородко, государственный прокуроръ князь Вяземскій, дѣйствительный камергеръ Кеппенъ, астраханскій намѣстникъ Бекетовъ и графъ Салтыковъ. Богатыя Эмбенскія воды, принадлежавшія послѣднему, были отданы Павломъ въ 1796 году Кутайсову.

Говорятъ, что это было благодѣтельно для края. Богъ съ ними, пусть говорятъ; я же склоненъ думать, что ровно черезъ 100 лѣтъ явившійся послѣ Петровскаго манифеста аналогичный ему указъ симпатичнаго императора Александра I стоялъ на правильной почвѣ какъ экономической, такъ и нравственной. Прологомъ и мотивомъ этого указа послужили жалобы вольныхъ промышленниковъ на притѣсненія и монополію владѣльцевъ водъ. Указъ 1803 года сдѣлалъ частныя воды государственными, для предоставленія моря свободной промышленности. Даже на берегу, неоспоримо принадлежавшемъ владѣльцамъ, по-

велѣно было оставить имъ по одной квадратной верстѣ пространства вокругъ промысловыхъ ватагъ, а въ промежуткахъ дозволено заводить ватаги всѣмъ желающимъ.

Но уже въ 1806 году этотъ указъ былъ существенно измѣненъ новымъ указомъ, которымъ повелѣно дачи Чубарова, Юсупова, Безбородко, гдѣ есть ватаги или другія заселенія, оставить за владѣльцами безъ всякаго со стороны другихъ вольно-промышленниковъ участія. Указъ даже назначилъ извѣстныя дистанціи моря, до которыхъ эти участки должны простираться, именно 50 верстъ отъ берега, и точно опредѣлилъ участки земли, которыми они могли владѣть; все-таки владѣльцы лишились части своей земли.

Не разъ поднимался этотъ вопросъ и въ царствованіе Николая. Въ 1831 году коммиссія не признала правъ владѣльцевъ на морскія воды какъ на собственность, но все-таки полагала необходимымъ, чтобъ исключительныя права на морское рыболовство были оставлены за береговыми владѣльцами, *въ виду пользъ рыболовной промышленности* (!). По представленію министра государственныхъ имуществъ, въ 1842 году снова возникъ вопросъ объ Астраханскихъ водахъ. Здѣсь столкнулись противоположныя мнѣнія. Представитель перваго, сенаторъ Бутурлинъ, доказывалъ, что частные владѣльцы, по самому значенію подданства, не имѣли права на морскія воды, что море принадлежитъ государству и должно быть предоставлено вольной промышленности. Для большей убѣдительности этихъ безспорныхъ положеній, сенаторъ ссылался на Западъ. Сенаторъ Завадскій явился представителемъ противоположнаго мнѣнія *).

Въ послѣднее время, предъ уничтоженіемъ этой системы, въ шестидесятыхъ годахъ, Каспійское море раздѣлено было на много участковъ, принадлежавшихъ слѣдующимъ владѣльцамъ: 1) Отъ рѣки Астары, южной границы Россіи, вдоль всего морскаго прибрежья Бакинской губерніи идутъ казенныя воды, арендуемыя теперь (50-е годы) Мирзаевымъ за 312.000 рублей въ годъ съ Курой и Араксомъ. Особенно славятся Сальянскія воды съ Божьимъ-Промысломъ. 2) Вдоль прибрежья Дербентской губерніи идутъ воды Самурскія, принадлежащія шамхалу Тарковскому, затѣмъ воды Кубанскія, Дербентскія и Терекминскія.

---

*) Рыбушкинъ: „Записки объ Астрахани". — „Объ Астраханскомъ и Каспійскомъ рыболовствѣ". *Архивъ Калачова*, томъ V.

3) У полуострова Усъ находятся воды, принадлежащія Тарковскому и отдаваемыя въ аренду. 4) Терекъ и противъ Терека—принадлежащія Линейному Кавказскому войску. 5) Далѣе Чеченскій участокъ на 8 верстъ. 6) До устья Кумы Черноры́нскія, купленныя въ 1856 году казною у Всеволожскихъ, сдаются за 100.500 рублей. 7) До четырехъ - бугорнаго острова Черневыя воды—казенныя—сдаются вмѣстѣ съ Учужными и Спасорычанскими за 153.600 рублей. 8) Противъ устья Волги воды Сапожниковыхъ (Чубаровыхъ). 9) Воды казною купленныя у Всеволожскихъ отдавались за 72.000 руб. 10) Учужныя воды. 11) Спасопреображенскаго монастыря отдавались за 9.800 рублей. 12) Сапожниковыхъ. 13) Спасорычанскія. 14) Синеморскія, Кушелевы-Безбородко. 15) Юсуповскія по откупу за 35.000 рублей. 16) Уральскія. 17) Эмбенскія вольныя, взятыя Александромъ I у Кутайсова. 18) Долгоруковскія низовыя западнаго рукава Волги *).

Я не могу конечно отрицать благихъ пожеланій, которыми руководились при изданіи манифеста объ уничтоженіи правъ частной собственности на Каспійскомъ морѣ. Но, къ прискорбію, долженъ сказать, что *язвы, цѣлые вѣка разъѣдавшія государственный строй*, *не уничтожаются почеркомъ* пера хотя бы самой могущественной руки въ мірѣ. Кромѣ же почерка пера не сдѣлано ничего. Цѣлыя столѣтія подъ крыломъ государства капиталъ здѣсь росъ, распространялъ свои крылья, совершенствовался, развивалъ крупную промышленность, поставилъ рыболовство на широкую, милліонную ногу капиталистическаго производства, почти совершенно отдѣливъ работника отъ капитала, *закабаливъ рабочаго*.

При такихъ условіяхъ что могъ дать мужику манифестъ?—Почти ничего. Даже что можетъ дать самый знаменитый докторъ, прописавъ трудно - больному бѣдняку хотя бы и цѣлебный рецептъ, не давъ ему возможности достать по рецепту лѣкарство?—Думаю, онъ дастъ только доказательство своей безсердечности, холодности, казеннаго отношенія къ святому дѣлу.

Чтобъ оцѣнить вообще значеніе этой государственной системы *закабаленія душъ и раздачи народныхъ земель и водъ*, приведу небольшую выдержку изъ моей «программы для собиранія свѣдѣній объ артели» **).

*) «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи», томъ V.
**) *Русская Мысль* 1881 года, кн. 1.

«Имущество, интересы матеріальные, духовные, даже сама жизнь милліонной массы народа были отданы въ безусловное распоряженіе сотни счастливцевъ, въ большинствѣ чуждыхъ народу даже по крови, по происхожденію... Народомъ управлялъ, за народъ распоряжался господинъ, несравненно чаще его управляющій, нѣмецъ или французъ; ни тотъ, ни другой не хотѣли и не могли понять, уважать народъ,—его жизнь, обычаи, личность, самое дорогое, милое, святая святыхъ человѣческаго бытія часто попирались ими самымъ наглымъ, гнуснымъ образомъ. Не было пощады ничему въ этомъ варварскомъ разгулѣ дикаго своеволія,—не щадилась ни собственность, ни личность, ни честь, ни семья... На народный починъ, иниціативу, энергію наложены тяжелыя оковы; положенъ предѣлъ развитію народной производительности, промышленности, торговлѣ, благосостоянію; жизнь остановилась, замерла въ искуственныхъ желѣзныхъ рамкахъ... Въ результатѣ—нынѣшній упадокъ артели въ народѣ до такой степени, что въ большей части Россіи правильной артели уже не встрѣтишь, а встрѣчаешь артель искаженную, кулацкую, т. е. артель только по названію».

Такимъ образомъ эта сжатая историческая экскурсія достаточно объясняетъ, почему артель сильна на сѣверѣ и слаба въ центрѣ и на югѣ: на сѣверѣ и востокѣ давленіе государства было гораздо менѣе значительно, даже крѣпостничества или вовсе не было, или оно было не важно, и капиталъ не успѣлъ и не могъ сдѣлать больше завоеваній. Народная иниціатива и энергія не стѣснялись въ такой степени,—былъ просторъ для распространенія и укрѣпленія народныхъ стремленій, идеаловъ. Въ центрѣ и на югѣ Россіи было обратное. Но и на югѣ свободная вольница умѣла сплачиваться, устраиваться по своимъ завѣтнымъ идеаламъ, какъ у казаковъ, составляя могучую силу, даже опасную для сосѣднихъ государствъ. Но излагать происхожденіе, развитіе, организацію казацкаго общинно-артельнаго строя здѣсь не буду, оставляя пока эти крайне интересныя формы впрочемъ кромѣ уральской, которая почти исключительно основана на рыболовствѣ; ее я разсмотрю отдѣльно, въ заключеніе о рыболовныхъ артеляхъ.

Теперь же приведу нѣкоторыя данныя о рыболовныхъ артеляхъ главнымъ образомъ юга XVIII ст.

Академикъ Гмелинъ такъ описываетъ организацію рыболовства на Каспійскомъ морѣ во второй половинѣ прошлаго сто-

лѣтія. Работники бываютъ двухъ родовъ: одни ловятъ рыбу въ силу заключеннаго договора и получаютъ плату по числу пойманныхъ рыбъ, другіе же нанимаются за опредѣленную плату на цѣлый годъ. Первые нанимаются артелями и, взявъ задатокъ, имъ уже нельзя отказаться. «Ибо въ семъ случаѣ долженъ каждый стоять въ своемъ словѣ и не можно сыскать такого случая, чтобъ убѣжать тайно, а можетъ-быть и промотать полученный задатокъ, потому что *сіе вошло въ обыкновеніе, что одинъ за прочихъ поручиться долженъ въ томъ, что вмѣстѣ стоять за одно*. Они сіе обязательство называютъ *круговою порукою*, что означаетъ въ кругу стоящихъ поручителей, для того и подписываютъ договоръ въ сей формѣ: «что если кто изъ нихъ противно заключенному договору поступать будетъ, обязуются всѣ отвѣчать за его преступленія и тѣмъ не наносить вредъ хозяину». И для того, если одинъ занеможетъ, то прочіе принимаютъ на его мѣсто другаго.

«Каждый станъ рыбачій содержитъ въ себѣ нѣсколько обществъ, *артелями* называемыхъ. Артель состоитъ изъ 2—4 или 6 лодокъ, ибо на Волгѣ такое обыкновеніе, что число рыбаковъ по числу лодокъ считается, а на одну лодку всегда по 2 человѣка, т. е. рыбакъ и его помощникъ.

«Изъ всѣхъ артелей выбирается одинъ, который почтенъ бываетъ наименованіемъ *старшины*, и отъ его прозванья станы свои имена получаютъ. Сей старшина примиряетъ нѣсколько по случаю поссорившихся, наказываетъ виноватыхъ, не допускаетъ до воровства и отдаетъ отчетъ хозяину о состояніи всего стана. *Воръ безъ всякаго изъятія изъ артели выключается*. Кто съ умыслу раскинутыя снасти другаго вмѣсто своихъ пересмотритъ, тотъ лишается не только всей той рыбы, которую онъ въ тотъ день самъ поймаетъ, но сверхъ того же обязанъ бываетъ одинъ разъ снасти своего товарища, который посему въ сей день на стану отдыхать можетъ, пересмотрѣть и оныя, какъ его собственныя, отдать ему обратно» *).

Болѣе подробно касается взаимныхъ отношеній труда и капитала и состоянія рыболовства Каспійскаго моря академикъ Палласъ. «Работники или бурлаки,—говоритъ онъ,—къ сей ловлѣ употребляемые, всѣ люди вольные и наемные, приходящіе изъ Россіи и изъ городовъ по Волгѣ лежащихъ, нанимаются разно—

*) Гмелинъ: „Записки путешествія", т. II. 1768.

на годъ, весну, осень, или зиму. Въ ватагѣ живутъ по 50—80 и до 120 человѣкъ, смотря по имуществу хозяина, сколько работниковъ онъ содержать можетъ. Симъ распредѣляются разныя должности: одни суть правители суденъ (штурманы), другіе—гребцы, иные—соловщики, кои рыбу солятъ, иные—икорники, клеевщики и т. д., изъ коихъ каждый вѣдаетъ свое упражненіе. По различію-жь каждаго работы и заплата различна; но во время продолжающейся рыбной ловли свыше 40 или 50 р. никто не получитъ; обыкновенная-жь заплата 20 р. Изъ правителей, черезъ нѣсколько лѣтъ служившихъ и довольное о рыбныхъ мѣстахъ и выгодной ловлѣ свѣдѣніе получившихъ, избираются *атаманы*, кои, подъ своимъ управленіемъ нѣсколько суденъ имѣя, каждому назначаютъ мѣсто, гдѣ ему стать и больше прибыли имѣть можно...

«Разстояніе одной ватаги отъ другой не равно: гдѣ есть выгодное мѣсто, тамъ строятся онѣ очень близко; также и на морѣ сосѣдственныя ватаги не раздѣляютъ между собою урочищъ, но каждому свободно въ окрестныхъ водахъ ловить рыбу; однимъ только на отдаленныхъ моря заливахъ живущимъ ватажникамъ не позволяется для рыболовства приближаться къ чужимъ окрестностямъ. Дань или пошлина съ ватагъ въ казну беромая соразмѣряется количеству пріуготовленной икры, рыбы, клея; производится-жь платежъ въ казну отъ пуда клею 5 р., а отъ пуда икры 2 р. 80 к.

«Когда вѣтеръ съ моря дуетъ, то въ разставленныя на севрюгъ сѣти ихъ попадается толикое множество, что всѣхъ въ судно вмѣстить нельзя, но почти всегда половину влекутъ къ берегамъ куканомъ (на привязи). Въ толь краткое время налавливается при каждой ватагѣ по 16 тысячъ, иногда до 20 т. севрюгъ; иногда же, когда вѣтеръ противенъ, въ половину меньше» *).

Нѣсколько позднѣе путешествовавшій академикъ Озерецковскій вотъ что пишетъ о Каспійскомъ рыболовствѣ:

«Кромѣ великаго множества крупныхъ судовъ, каждую весну пріѣзжаетъ въ Астрахань изъ разныхъ верховыхъ селеній тысячъ до 10 и болѣе промышленничьихъ лодокъ, изъ которыхъ на каждой по крайней мѣрѣ по два человѣка бываетъ; итакъ, *число*

*) Палласъ: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи», т. II, кн. I. 1768—1773.

приходящаго туда народа для одного только рыбнаго промысла простирается уже за 20.000 человѣкъ. Изъ сихъ промышленниковъ иные нанимаются въ работу къ купцамъ, *а другіе покупаютъ у нихъ позволеніе ловить для себя въ ихъ дачахъ рыбу, за что съ каждой лодки обыкновенно платится по 7 руб. въ лѣто,* да за подвалъ для поклажи и соленія рыбы владѣльцы водъ берутъ съ нихъ *по 25 руб*.... На однѣ уды весьма довольно рыбы попадается, такъ что можно бы употребленіе сѣтей вовсе запретить, потому что онѣ заграждаютъ дорогу осетрамъ, севрюгамъ, сомамъ и бѣлугамъ вверхъ рѣки подниматься и часто цѣлыя стада сихъ рыбъ заставляютъ обратно уходить въ море. Учуги суть такія преграды, сквозь которыя ни одна рыба пройти вверхъ не можетъ, и потому столько набирается оной въ учужную избу, сколько сія вмѣстить въ себя можетъ. Сіи злодѣйственныя преграды выдуманы издревле астраханскими татарами для того, чтобы не пропускать рыбу вверхъ Волги къ россіянамъ, противъ которыхъ пылали они злобою; но нынѣшніе учуговъ владѣльцы суть такіе же россіяне, какіе и по всей Волгѣ обитаютъ, потому надлежало бы имъ память татарской злобы истребить и учуги оные разобрать, чтобы всѣ верховыя селенія не одною пользовались водою изъ Волги, но также и красною рыбою, которой бы несравненно было больше во всей Россіи, когда-бъ ей у Каспійскаго моря въ Волгу устьями проходить не мѣшало.... Отъ несказанно прибыточнаго владѣнія учугами и всѣми рыболовными угодьями астраханское купечество все вообще ни мало не обогатилось, а нажились только нѣкоторые сильные купцы и правители рыбной конторы, которая съ 1762 года по сіе время могла бы, какъ сказываютъ, имѣть у себя денегъ болѣе милліона рублей, но вмѣсто того она нуждается и занимала уже изъ банка 20.110 р. 44 к.» *).

Есть нѣкоторыя указанія на рыболовныя артели по р. Окѣ и Волгѣ. По словамъ академика Лепехина, «настоящіе рыбные промышленники (на Окѣ, «откуда не малое число всякой рыбы, особливо стерляди разсылаютъ») ловятъ рыбу самоловами, или переметами, волокушами и заколами и ловля продолжается ночью. На полатяхъ, сдѣланныхъ надъ водою, карaулъ смотритъ съ огнемъ на прикрѣпленную въ водѣ бѣлую доску, черезъ которую когда пойдетъ рыба, то доска почернѣетъ и карaульщикъ

*) Озерецковскій: „Описаніе Колы и Астрахани", 1804 г.

товарищамъ даетъ знать, которые, опустивъ сѣть въ проходѣ затона, суютъ въ воду въ проходѣ шестами и рыбу пугаютъ, и рыба входитъ въ сѣтный рукавъ... Большую рыбу пускаютъ на куканахъ, отпускную сажаютъ въ озера, которыя соединяютъ рвомъ съ рѣкою» *).

Въ другомъ мѣстѣ Лепехинъ говоритъ: «Когда рыба заходитъ въ язъ (на Волгѣ городьба дѣлается съ выемкою, которая и называется язъ), трясетъ веревочки, которыя всегда наблюдаются отъ караульнаго, и тѣмъ даетъ знать о своемъ приходѣ въ язъ. Караульный, задернувъ сѣть отверстой стѣны, запираетъ выходъ рыбѣ и кричитъ своимъ *товарищамъ*, которые, прибѣжавъ, подымаютъ вöротами рѣшето и съ нимъ рыбу.

«Камскій язъ много сходенъ съ Волжскою городьбою, съ тою только разностью, что въ городьбу попадаетъ низовая рыба, а въ язъ и верховая, и низовая» **).

Въ послѣднихъ свидѣтельствахъ нѣтъ слова «артель», а говорится ó товарищахъ. Сопоставляя разныя подобныя мѣста, приходишь къ несомнѣнному выводу, что въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ именно объ артели.

Вообще историческихъ данныхъ о рыболовныхъ артеляхъ юга очень мало. Да и самихъ артелей въ дѣйствительности было немного.

Но быть-можетъ скажутъ, что трудъ работника на рыбныхъ промыслахъ хорошо оплачивался, положеніе его было сносное, потребности удовлетворялись, а требованія капитала были скромны, алчность его умѣренна. Нѣтъ, всѣ данныя заставляютъ отрицать это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тенденція капитала—закабаленіе труда—была столь же безпощадна, какъ и теперь, формы закабаленія столь же гнусны и обидны, положеніе рабочаго столь же безотрадно.

По словамъ Гмелина, морскіе рыбаки «предпріемлютъ на себя работу, съ такою чрезвычайною опасностью жизни сопряженную, что по уголовнымъ преступленіямъ въ темницахъ сидящаго человѣка жребій сноснѣе, нежели рыбаковъ сего рода. И потому всякіе бродяги и безпутные люди, кои въ обществѣ терпимы быть не могутъ, прибѣгаютъ къ сей крайности; хозяева же,

*) Лепехинъ: „Записки путешествія. Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи". Изданіе Академіи Наукъ, т. III.

**) Ibidem.

когда никакого состоянія люди въ сію работу не вступаютъ, принужденными находятся и сію принимать сволочь» (!) *).

Капиталъ здѣсь уже такъ окрѣпъ и разросся въ прошломъ столѣтіи, что не только высасывалъ соки изъ рабочаго, но сталъ тѣснить и подавлять своего же меньшаго брата, меньшій капиталъ,—онъ сталъ переходить во вторую фазу своего развитія, сталъ выказывать вторую свою основную тенденцію — принципъ концентраціи, такъ сказать, всасываніе крупнымъ капиталомъ мелкаго.

«Отъ несказанно-прибыточнаго владѣнія учугами и всѣми рыболовными угодьями астраханское купечество все вообще ни мало не обогатилось, — замѣчаетъ академикъ Озерецковскій, — а *нажились только нѣкоторые сильные купцы»*. И далѣе: *«Сильные купцы веселятся, маломощные сѣтуютъ, а приписные рабочіе стонаютъ»* **). Итакъ, все здѣсь есть—и веселіе, и сѣтованіе, и стоны... Гармонія полная!

Конечно, положеніе рабочихъ-артельщиковъ было *нѣсколько лучшее*. Они избирали изъ своей среды болѣе опытныхъ, умѣлыхъ, знающихъ, называвшихся старшинами или атаманами, которые судятъ и наказываютъ виновныхъ; у нихъ строго проводится начало круговой поруки: «сіе вошло въ обыкновеніе»; они честно исполняютъ условіе, крѣпко стоятъ за данное слово, строго наказываютъ членовъ за воровство и т. д. Къ сожалѣнію, зависимость экономическая даетъ себя сильно чувствовать. Такъ, за право ловить въ купеческихъ дачахъ рыбу съ нихъ взыскиваютъ по 7 р. за лѣто съ лодки, да за подвалъ для складки и соленія рыбы владѣльцы водъ берутъ съ нихъ по 25 руб. въ лѣто. А какъ на каждой лодкѣ было обыкновенно по два человѣка, то каждый самостоятельный рабочій облагался по тому времени огромною пошлиной—по 16 руб. въ лѣто. Понятно, они много должны были терять и въ сбытѣ продуктовъ, такъ какъ въ такой крупной капиталистической промышленности имъ трудно было конкурировать и они, вѣроятно, добытые продукты продавали за безцѣнокъ, какъ и теперь, крупнымъ промышленникамъ.

Г. Сазоновъ.

*) Гмелинъ, т. II.

**) Озерецковскій: „Описаніе Колы и Астрахани“, 1804 г.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть I.

IX *).

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ Астафьевы переѣхали на новую квартиру. Однажды, вскорѣ послѣ обѣда, отецъ Александръ пришелъ навѣстить Алену Петровну. Переговоривъ съ нею о погодѣ, о цѣнахъ на мясо, на рыбу и на овощи и освѣдомившись, какъ думаетъ она поступить съ капустой въ нынѣшнемъ году — свою ли нарубить или изъ лавки купца Олухова брать, священникъ завелъ рѣчь про жильцовъ Алены Петровны.

Майорша разсыпалась въ похвалахъ Николаю Ивановичу и его дочкѣ. Она сжилась съ ними точно съ родными. Изъ одного только и выходятъ у нихъ споры, изъ-за того, что Николай Ивановичъ никакого усердія къ церкви не проявляетъ: и самъ въ храмъ Божій не заглядываетъ, и дочку не учитъ благочестію; впрочемъ, во всемъ остальномъ добрѣе и честнѣе человѣка трудно найти. Даже съ ихъ хмурой и несловоохотливой кухаркой и она, и Варварушка жили въ большомъ ладу; даже Аришку Елена Петровна помянула добрымъ словомъ, хотя эту послѣднюю видѣла только раза три и мелькомъ. Хозяинъ, шапочникъ, къ которому отдали Аришку въ ученье, пускалъ ее домой только по великимъ праздникамъ,—такой былъ онъ аспидъ и скаредъ.

Очень осторожно и не придавая особеннаго значенія своимъ распросамъ, вывѣдалъ отецъ Александръ отъ майорши множество подробностей о житьѣ-бытьѣ Астафьевыхъ. Онъ узналъ, что каж-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

дое утро Николай Ивановичъ отправляется на службу, а дочка его садится за уроки и учитъ ихъ одна до тѣхъ поръ, пока не вызубритъ. Потомъ она спускается внизъ къ хозяйкѣ, либо играетъ съ ея котомъ и съ Аришкой, либо слушаетъ разговоры Алены Петровны съ разными монашками, старицами, богомолками и тому подобными «божьими» людьми. Иногда майорша беретъ ее съ собой на кладбище или въ церковь. Николай Ивановичъ ничего противъ этого не имѣетъ. Онъ увѣренъ, что его дѣвочка дурному отъ Алены Петровны не научится, и смотритъ на ихъ дружбу съ большимъ удовольствіемъ, точно также какъ и на ея сближеніе съ бойкой хорошенькой Настей, племянницей купца Олухова.

— Онъ какъ-то разъ спросилъ у меня,—это было еще прошлою зимой, послѣ того, какъ Аня затащила Настю наверхъ,—знаете вы эту дѣвушку, Алена Петровна?—Какже мнѣ ее не знать, говорю, когда она у меня на глазахъ родилась и выросла.—Ну, и отлично, говоритъ, мнѣ больше ничего и не надо.—И самъ послѣ того сталъ зазывать къ себѣ Настю, чтобы почаще приходила заниматься и гулять съ его дочкой.

Аня такъ пристрастилась къ своей новой подругѣ, что Аришка была совсѣмъ забыта. Оно и понятно,—съ Настей можно было играть и рѣзвиться какъ съ маленькой и разговаривать какъ съ большой.

— Но отца своего она обожаетъ превыше всего,—увѣряла Алена Петровна.—Чѣмъ бы она ни была занята, какъ ни пріятно ей съ чужими, а ужь къ пяти часамъ ее такъ и тянетъ, такъ и тянетъ къ окну... И какъ увидитъ конку, сейчасъ прыгъ на крыльцо и топчется на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока карета не остановится. И Николай Ивановичъ, тоже въ большомъ нетерпѣніи, все время рядомъ съ кондукторомъ стоитъ на площадкѣ и высматриваетъ свою дочку... Почнутъ знаки другъ дружкѣ дѣлать и ужь не терпится ему скорѣе расцѣловать ее, завсегда раньше времени съ подножки соскочитъ... А она козленкомъ вокругъ него прыгаетъ: «папочка, папочка!»—въ такомъ восторгѣ, точно вѣкъ не видались.

Отецъ Александръ слушалъ эти разсказы съ большимъ вниманіемъ; все, что касалось Астафьева, повидимому сильно интересовало его. Ему захотѣлось знать, съ кѣмъ онъ видится, кто къ нимъ ѣздитъ изъ Петербурга, тѣ ли же самые гости, что въ прошломъ году, или другіе?

Алена Петровна отвѣчала, что все тѣ же. Но особенно часто бываетъ одинъ, высокій такой, худощавый, Григорьевымъ звать. Съ этимъ самымъ Григорьевымъ и въ паркъ ходятъ гулять, и въ лодкѣ катаются, а въ дурную погоду книжки промежъ себя вслухъ читаютъ. Сама Алена Петровна при этихъ чтеніяхъ не присутствовала, но ей извѣстно черезъ Настеньку Олухову, что у нихъ очень занятно проводятъ время. «Ни за что нельзя соскучиться», говорила Настя.

— И за квартиру все такъ же акуратно платятъ?—продолжалъ допрашивать отецъ Александръ.

— Ну, за квартиру какъ случится. Иногда отдадутъ за мѣсяцъ впередъ, а иногда просятъ обождать. Намеднись встрѣтились мы какъ-то въ сѣнцахъ,—я изъ кухни шла, а они къ себѣ на верхъ поднимались... Я вамъ, говоритъ, раньше будущаго мѣсяца денегъ не отдамъ, Алена Петровна,—надо Анѣ шубку справить къ зимѣ, а то ей не въ чемъ будетъ ходить въ гимназію.—Какъ хотите, говорю, мнѣ все равно, я подожду пожалуй.

Священникъ крякнулъ и знаменательно поджалъ губы.

— Капиталами, значитъ, не владѣютъ?—замѣтилъ онъ съ усмѣшкой.

— Какіе тамъ капиталы! Только бы концы съ концами свести.

— Тэкъ-съ.

Онъ помолчалъ немного, побарабанилъ пальцами по столу и съ минуту времени задумчиво смотрѣлъ въ сторону, а затѣмъ снова обернулся къ хозяйкѣ и, пытливо посматривая на нее, проговорилъ:

— А про супругу ихнюю изволили слышать? Чай пишутъ дочкѣ-то изъ-за границы?

— Развѣ супруга ихняя не скончалась?—спросила Алена Петровна, широко раскрывая глаза отъ изумленія.

Отецъ Александръ покачалъ головой и тихо засмѣялся. Его, повидимому, очень забавляло удивленіе майорши.

— Что вы! Что вы, сударыня! Съ чего вы это взяли? Мадамъ Астафьева находится въ вождѣленномъ здравіи и все съ той же самой особой жуируетъ, съ которой за границу уѣхала... Неужто же вы не слышали?

Ничего подобнаго Алена Петровна не слыхала; она до сихъ поръ была въ полной увѣренности, что Николай Ивановичъ—вдовецъ. Аня никогда не упоминала про мать, а прислуга у нихъ

была неразговорчивая. Сообщеніе отца Александра было для нея такою новостью, отъ которой она просто опомниться не могла.

— Какже, какже, мадамъ Астафьева изволитъ здравствовать,—повторилъ онъ,—здравствовать и благоденствовать. Красавица, говорятъ, и фамиліи знатной, за вашего Астафьева по любви вышла, а могла бы много лучше партію сдѣлать. Впрочемъ, они до прошлаго года голубками, говорятъ, жили, но тутъ господинъ одинъ подвернулся... Ну, и свихнулась дамочка,—продолжалъ старикъ, не переставая лукаво ухмыляться растерянному виду, съ которымъ майорша выпучивала на него глаза.—Надо и то сказать,—продолжалъ онъ съ легкимъ вздохомъ,—что устоять было трудно: тамъ—блескъ, роскошь, всевозможныя свѣтскія утѣхи,—все, чѣмъ врагъ человѣческій смущаетъ женскія души, а тутъ—бѣдность невылазная, безъ всякой отрады. Къ тому же она и по рожденію, и по воспитанію совсѣмъ не пара г-ну Астафьеву и къ другой обстановкѣ привыкла...

Но тутъ Алена Петровна горячо вступилась за своего квартиранта. По ея мнѣнію, надо было быть очень взыскательной особой, чтобы не довольствоваться такимъ супругомъ, какъ Николай Ивановичъ. Личность во всѣхъ отношеніяхъ такая пріятная, что къ нему даже трудно не имѣть расположенія. Изъ себя красивый и видный, а также и все прочее, нравъ и обращеніе...

— Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, а покинуть такого мужа только потому, что онъ не при деньгахъ, это очень нехорошо. Чѣмъ же онъ виноватъ, бѣдный?... Вы говорите, она—красавица и по любви вышла за него замужъ, стало-быть и онъ тоже былъ къ ней привязанъ?... Да оно иначе и быть не могло,—сердце у него такое любящее. Какъ онъ дочку-то свою обожаетъ!... Я вамъ не разсказывала, заболѣла она какъ-то у насъ нынѣшнею весной, такъ чуть съ ума не сошелъ отъ отчаянья, цѣлую недѣлю не пивши и не ѣвши у ея постельки просидѣлъ. И ужь какая радость была, какъ стала поправляться!... А мы-то съ Варварушкой его все за вдовца считали... И съ чего только намъ это представилось, ума не приложу!

Она вспомнила, какъ уклончиво отвѣчалъ Николай Ивановичъ на ея первый вопросъ о женѣ... Другая на ея мѣстѣ, по одной этой уклончивости, догадалась бы, въ чемъ дѣло, но Алена Петровна была не изъ догадливыхъ... Вонъ Настенька Олухова—та послѣ первой встрѣчи съ Николаемъ Ивановичемъ спросила:—вы это навѣрно знаете, Алена Петровна, что г. Астафьевъ вдо-

вецъ?—Чѣмъ же ему быть, Настя? Еслибъ жена его уѣхала куда на побывку, разговоръ бы про то у нихъ шелъ,—отвѣчала майорша,—а ты развѣ слышала что?—Нѣтъ, я такъ,—отвѣчала Настя. А немножко спустя она прибавила:—Вы, Алена Петровна, никогда не спрашивайте у Анички про ея мамашу. Николай Ивановичъ этого не любитъ. Они, кажется, не совсѣмъ въ ладу съ покойницей жили.

Все это было сказано безъ вниманія, на вѣтеръ такъ сказать, и съ тѣхъ поръ племянница купца Олухова ни разу не затрогивала этого предмета; но сегодня, во время бесѣды съ отцомъ Александромъ, Алена Петровна вспомнила этотъ разговоръ и ей стало казаться, что Настя не спроста спросила у нея тогда, увѣрена ли она въ томъ, что Николай Ивановичъ--вдовецъ, и предупреждала ее не распрашивать Аню про мать.

Насладившись вдоволь смущеніемъ майорши, о. Александръ поднялся съ мѣста, чтобъ идти домой. Алена Петровна приняла его благословеніе и вышла провожать его на крылечко молча, но затѣмъ она накинула на голову косыночку, которую держала въ рукахъ, и догнала его на поворотѣ улицы. Алена Петровна давно уже не была такъ сильно взволнована.

— Батюшка, вы это навѣрно знаете?

— Что такое?—благосклонно улыбнулся онъ.—Про что вы спрашиваете?

— Да про Николая Ивановича... Мы съ Варварушкой были такъ увѣрены, что онъ—вдовецъ.

О. Александръ пожалъ плечами.

— Вольно же вамъ было не спросить меня объ этомъ раньше, я бы вамъ давно сказалъ. Мнѣ нельзя этого не знать...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился и, приложивъ руку козырькомъ къ глазамъ, началъ всматриваться въ дѣвушку съ распущеннымъ зонтикомъ, которая шла къ нимъ на встрѣчу. О. Александръ замедлилъ шагъ и по лицу его расплылась добродушная улыбка.

— Вотъ и Настенька. На гулянье вѣрно летитъ?—обратился онъ къ майоршѣ.—Здраствуй, Настя!—привѣтливо кивнулъ онъ на почтительный поклонъ, съ которымъ дѣвушка къ нему приблизилась.—Куда стремишься? Въ Лѣтній садъ вѣрно? Хорошее дѣло,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,—другаго такого денька не скоро дождемся... Какую осень намъ Господь посылаетъ, благодать да и только!

— Все ли у васъ благополучно, батюшка?—спросила Настя, поздоровавшись съ Аленой Петровной.—Я слышала, будто Дарью Никитишну посылаютъ доктора за границу, правда это?

— Правда, правда. И барышни конечно за ней уцѣпились. Да и понятно,—лестно вѣдь на Парижъ посмотрѣть.

Онъ остановился среди улицы, чтобы поболтать съ Настей, не обращая вниманія на прохожихъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, которые оглядывались на нихъ. Алена Петровна тоже остановилась и, разсѣянно посматривая по сторонамъ, все думала о томъ, какъ это онѣ съ Варварушкой не догадались, что у Николая Ивановича жена жива.

— Я говорю: пусть покатаются. Если есть на то деньги и охота, почему не покататься? А Лиду у меня оставьте,—говорилъ о. Александръ.

Настя захлопала въ ладоши отъ радости.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо, прелесть! Мы съ ней опять будемъ, какъ въ прошломъ году, грибы собирать, помните?

— Помню, помню... Я такъ и сказалъ Егору: вы тамъ какъ хотите, хоть въ Америку отправляйтесь, но только Лиду мнѣ отдайте... А ты бы, Настенька, зашла бы когда ко мнѣ. Совсѣмъ забыла старика, никогда не провѣдаешь, это нехорошо,

— Все некогда батюшка,—сами знаете, вѣдь въ лавкѣ-то я одна... Да вотъ пріѣдетъ Лида, я опять буду къ вамъ забѣгать, а теперь что же?—вы своимъ дѣломъ заняты, еще обезпокоишь, пожалуй...

— Какое тутъ безпокойство! Я тебѣ всегда радъ,—сама знаешь, проказница!

О. Александръ повернулся къ майоршѣ.

— Знакомство наше давнишнее. Помните, Алена Петровна, какой крошкой сія дѣвица къ моей покойницѣ хаживала?

О. Александръ сказалъ правду: и онъ также, какъ и Алена Петровна, зналъ Настю съ дѣтства.

Да и кто въ околодкѣ ея не зналъ? Мать ея всю жизнь сидѣла за тѣмъ самымъ прилавкомъ, за которымъ сидитъ теперь ея дочь, а отца ея цѣлыхъ семь лѣтъ сряду можно было встрѣчать во всѣхъ трактирахъ и кабакахъ, которыми изобилуетъ эта мѣстность. Потомъ онъ провалился куда-то и вотъ до сихъ поръ о немъ—ни слуху, ни духу. Прошла было молва, что его за какое-то неосторожное художество гдѣ-то судили въ провинціи

и въ Сибирь сослали, но слухъ этотъ впослѣдствіи ничѣмъ не подтверждался. Его жена и дочь говорили, что ничего о немъ не знаютъ и считаютъ его умершимъ. Настю еще при отцѣ хотѣли отдать учиться въ школу, а потомъ къ какой-нибудь хорошей мадамъ-француженкѣ, чтобъ она могла модный магазинъ замѣсто овощной лавки открыть, но намѣреніе это годъ отъ году откладывалось,—все не до того было... Къ тому же такая шустрая дѣвочка нужна была и дома, и въ лавкѣ. Торговля шла бойко, но на наёмъ прикащика барышей не хватало, и Настя съ пяти лѣтъ такъ навострилась фунтики завертывать, да на вѣсы товаръ класть, что безъ нея—какъ безъ рукъ. Это и дядя ея замѣтилъ, когда купилъ у сестры лавку и серьезно, по-мужски, занялся дѣломъ. У дяди былъ капиталъ и торговлю онъ значительно расширилъ, но вмѣсто прикащика нанялъ только мальчика въ подмогу Настѣ, которая не умѣла считать на счетахъ, и положилъ ей жалованье—родственное жалованье—три рубля въ мѣсяцъ, т.-е. вдвое меньше того, что онъ платилъ мальчику, и въ десять разъ меньше того, что надо было заплатить прикащику. Но Настя была и тому рада: разъ, что послѣ смерти метери ей некуда было головы приклонить и кромѣ отвѣшиванія фунтиковъ она никакого ремесла не знала, а второе, что страшно было какъ-то съ непривычки у чужихъ служить. Здѣсь же ей все было родное—и лавка, и мѣстность, а также и хозяинъ.

Впрочемъ, надо было отдатъ справедливость Кузьмѣ Трофимовичу,—онъ тоже смотрѣлъ на Настеньку не какъ на чужую и цѣнилъ по-своему ея заслуги. Съ каждой ярмарки, на которую онъ ѣздилъ за товаромъ, привозилъ онъ ей подарки въ видѣ шляпъ, матерій на платья и тому подобное.

Ему было и пріятно, и выгодно наряжать племянницу. Миловидная наружность дѣвушки много выигрывала отъ яркихъ цвѣтныхъ галстучковъ и ловко сшитыхъ платьевъ и торговля Олухова шла годъ отъ году успѣшнѣе.

Настя это знала.

— Вы на какомъ положеніи у дяденьки?—спросилъ у нея однажды Астафьевъ, вскорѣ послѣ того, какъ она, черезъ Аню, познакомилась съ нимъ.

— Какое такое положеніе?—отвѣчала она со смѣхомъ.— Ему извѣстно, что безъ меня всѣ покупатели къ Андромедину перейдутъ, вотъ и все тутъ. У Андромедина товаръ и лучше, и

дешевле, чѣмъ у насъ, а всѣ къ намъ льнутъ... Какже послѣ этого дяденькѣ не дорожить мной?

И, помолчавъ немного, она прибавила:

— Вѣдь лавку-то онъ у маменьки за полцѣны купилъ.

— Какъ такъ?

— Да также. Надулъ—да и все тутъ. Онъ на это мастеръ. Вы не смотрите, что такимъ добрякомъ выглядитъ. Я ужь сколько такихъ мошенничествъ за нимъ знаю,—разсказать, такъ никто не повѣритъ, право.

И заглянувъ смѣющимися глазами въ лицо своего слушателя, она продолжала.

— И тѣ деньги, за которыя купилъ, и тѣ не отдалъ, ей-богу!

— Но у васъ вѣрно есть документъ на эти деньги?

— Есть какая-то бумага, но только, говорятъ, никуда не годится. Я кое-кому показывала и всѣ одно и то же сказали, что бумага невѣрная и что я по ней ничего не получу, если до суда дойдетъ. Какъ вы думаете, Николай Ивановичъ, правду это говорятъ?

— Покажите мнѣ вашу бумагу, тогда я вамъ можетъ-быть скажу что-нибудь,—отвѣчалъ Астафьевъ.

Разсмотрѣвъ курьёзную белиберду о двухъ тысячахъ цѣлковыхъ, о которыхъ въ роспискѣ купца Олухова было написано съ такими оговорками и крючками, что въ концѣ концовъ трудно было понять, онъ ли долженъ эту сумму племянницѣ или племянница ему,—Николай Ивановичъ посовѣтовалъ Настѣ добыть отъ дяди другой документъ, болѣе вѣрный.

— Вѣдь вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ постарайтесь это сдѣлать теперь, пока вы ему нужны и пока никто не имѣетъ на него вліянія. Мало ли что можетъ случиться? Онъ еще, пожалуй, женится.

Настя засмѣялась веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

— Выдумаете!... Да онъ и смолоду-то объ одномъ только и думалъ, что въ монахи постричься,—гдѣ ужь ему жениться! Нѣтъ, онъ не женится,—продолжала она увѣреннымъ тономъ,—и другой бумаги, кромѣ этой, онъ мнѣ не дастъ,—ужь это вѣрно, сколько хочешь проси, не дастъ. Онъ этою бумагой надѣется меня завсегда въ рукахъ держать... Вотъ я вамъ скажу: «У меня,—говоритъ намеднись, — только всей родни что ты, Настенька. Если будешь мнѣ покорна, все твое будетъ; ну, а если нѣтъ, не погнѣвайся, все до крошечки въ обитель отпишу».

— И мои деньги вы тоже отдадите въ обитель, дяденька?— спросила у него съ усмѣшкой Настя.

— И твои тоже,—невозмутимо отвѣчалъ Кузьма Трофимовичъ.

Разговоръ этотъ происходилъ между ними съ годъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много произошло перемѣнъ: во-первыхъ, Настя еще ближе сошлась съ жильцами Алены Петровны и дня не проходило, чтобъ она не забѣжала къ нимъ, хотя бы на минуту; а во-вторыхъ, про эту короткость начали уже болтать добрые люди,—болтать такъ настойчиво и громко, что и до дяденьки дошли кое-какіе слухи. Вчера и сегодня у Насти были непріятности съ нимъ изъ-за Астафьевыхъ. Можетъ-быть поэтому она и уклонилась отъ прямаго отвѣта, когда отецъ Александръ спросилъ у нея, куда она идетъ сегодня вечеромъ, не въ Лѣтній ли садъ. Она такъ ловко обошла этотъ вопросъ, что ему и въ голову не пришло подозрѣвать, что ее ждутъ у Астафьевыхъ, чтобъ идти вмѣстѣ съ Аней и Николаемъ Ивановичемъ въ Зоологическій садъ.

Проводивъ священника вплоть до его дома, Алена Петровна отправилась съ Настей назадъ.

Вечеръ обѣщалъ быть прелестнымъ. Розовыя облака скользили по небу, въ воздухѣ пахло свѣжимъ сѣномъ, спѣлыми плодами, и легкій вѣтерокъ рябилъ поверхность воды, позолоченной лучами заходящаго солнца.

Проходя мимо того мѣста, гдѣ покачивалась знакомая лодочка, Настя вспомнила, сколько пріятныхъ часовъ провела она въ ней, катаясь по цѣлымъ вечерамъ въ обществѣ такихъ милыхъ людей, какъ Астафьевъ, его дочка и ихъ пріятели. Воспоминаніе это вызвало улыбку на ея лицѣ; она подумала, что никогда еще не была такъ счастлива, какъ въ нынѣшнемъ году, и чуть было не высказала вслухъ эту мысль. Но она взглянула на свою спутницу и у нея въ одно мгновеніе исчезла охота откровенничать съ нею,—у Алены Петровны былъ такой озабоченный видъ и такое печальное выраженіе лица.

— Что съ вами, моя голубушка?—спросила у нея съ участіемъ Настя.

— Охъ, Настенька! — вздохнула майорша,—кто о чемъ, а у меня нейдетъ изъ ума Николай Ивановичъ, да и все тутъ. Всегда говорила я, что благочестія въ немъ мало и что Господь

Богъ накажетъ его за презрѣніе къ священнослужителямъ и вообще за нерадѣніе къ церкви, вотъ и вышло по-моему! Мы по своей грѣховной слѣпотѣ мнимъ, что и то сойдетъ, и другое проѣдетъ, многотерпѣливъ бо есть Царь нашъ небесный и нѣсть предѣла Его милосердію, а между тѣмъ...

Настя какъ вкопанная остановилась на мѣстѣ.

— Что такое? Къ чему вы все это ведете?—спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Ужь не знаю, право, говорить ли тебѣ... Впрочемъ, мнѣ отецъ Александръ безъ особенной тайности это передалъ...

— Что такое?—еще тревожнѣе и настойчивѣе повторила Настя.—Что вамъ могъ сказать о. Александръ про Астафьевыхъ? Враки вѣрно какія-нибудь!

Алена Петровна опять вздохнула.

— Нѣтъ, Настенька, не враки. Батюшкѣ все до крошечки извѣстно про Николая Ивановича. Да и не ему одному, а всѣ тамъ въ Петербургѣ знаютъ, вотъ только мы здѣсь... Вѣдь онъ не вдовый, Настенька,—продолжала майорша, таинственно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, не подслушиваетъ ли ихъ кто.

— Только-то? Да я давно это знала,—вырвалось у Насти.

Но въ своемъ волненіи Алена Петровна не разслышала этого восклицанія.

— Жена у него красавица, говорятъ,—продолжала она все тѣмъ же осторожнымъ шепотомъ.—Она его бросила и съ какимъ-то важнымъ господиномъ за границу уѣхала... Вотъ оно, безвѣріе-то, до чего доводитъ!... И сколько разъ я думала на него глядючи: Матерь Божія, Царица Небесная, вразуми Ты его, Многомилостивая, хоть ребенка-то въ законѣ воспитать!... Просто сердце изныло, на нихъ глядючи. Въ церковь Божію не ходятъ, постовъ не соблюдаютъ,—ну, вотъ точно басурмане какіе, прости Господи!

— При чемъ же тутъ церковь да посты, что жена его бросила, скажите на милость?—съ досадой прервала ее Настя.—Какая у васъ страсть ко всему приплетать божественное,—удивительно, право! Хорошъ также и о. Александръ, нечего сказать: ему вѣрно по секрету сказали, а онъ и радъ разболтать...

— Секрета тутъ нѣтъ, Настенька,—въ Петербургѣ всѣ знаютъ... Онъ вѣрно сюда для того только и переѣхалъ, чтобы быть

подальше отъ всякихъ толковъ да пересудовъ... Да видно не захотѣлъ того Господь Богъ,—вотъ и здѣсь открылось.

— Какой же тутъ Господь Богъ, когда вамъ все черезъ о. Александра сдѣлалось извѣстно?—вспылила Настя.—Старый сплетникъ!... А еще пастыремъ называется.

— Что ты, что ты, Настя! Развѣ такъ можно про батюшку говорить? Онъ просто по знакомству хотѣлъ предупредить меня, а не то чтобъ...

— Разсказывайте! Знаемъ мы эти предупрежденія... Зачѣмъ же онъ раньше вамъ ничего не говорилъ?

— Не знаю, право. Но только мнѣ самой... какая же пріятность всѣмъ разбалтывать, сама подумай? Рѣшительно никакой. Развѣ я здѣшняго народа не знаю?

— Народъ здѣсь подлецъ!—объявила рѣшительнымъ тономъ Настя.

Она успокоилась немного и продолжала менѣе рѣзко.

— Да вотъ я вамъ про себя скажу. Ужь, кажется, живу я отъ каждой кляузы далеко и ни въ какія сплетни здѣшнія не ввязываюсь. Одного только прошу, чтобъ и меня оставили въ покоѣ... Такъ нѣтъ же,—нашлись добрые люди, наплели моему любезному дядюшкѣ всякую небылицу про мое знакомство съ Астафьевымъ. Намеднись туча тучей сидитъ... А тутъ, какъ нарочно, Николай Ивановичъ мимо лавки идетъ, увидалъ меня и остановился на минутку... «Здравствуйте,—говоритъ,—Настенька, не хотите ли въ лодкѣ съ нами завтра покататься? Мы большой компаніей,—говоритъ,—отправляемся и поклонникъ вашъ, Григорьевъ, съ нами ѣдетъ». Шутитъ, знаете, а я ему тѣмъ же манеромъ отвѣчаю: спасибо, говорю, мнѣ еще жисть-то не надоѣла, чтобы съ такими отчаянными, какъ вашъ Григорьевъ, по морскимъ волнамъ пускаться... Посмѣялись и отошли, а дяденька все это въ сурьезъ изволилъ принять и сейчасъ мараль: «ты у меня смотри», и пошелъ, и пошелъ... Даже вспомнить совѣстно, чего только онъ тутъ не приплелъ. До тѣхъ поръ онъ меня костилъ, что я, наконецъ, не вытерпѣла, накинула платокъ на голову, да въ огородъ ушла. А вчера вечеромъ опять... Да что, инда вспомнить тошно!

Настя махнула рукой и смолкла.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ вечеромъ, допивая восьмой стаканъ чаю, Олуховъ опять разворчался на племянницу за то, что

она пошла гулять съ Аней въ паркъ и вернулась назадъ довольно поздно.

— Добѣгаешься ты до чего-нибудь худаго съ этими Астафьевыми!... Человѣкъ онъ пришлый, никто его здѣсь не знаетъ, что онъ за гусь,—распространялся Кузьма Трофимовичъ.—Много ихъ, таперича, всякихъ прощалыгъ проявилось. Съ виду воды не замутятъ и вдругъ, при случаѣ, либо мазурикомъ, либо нигилистомъ окажется. Намеднись мнѣ самъ Петръ Ивановичъ сказывалъ: «Просто невѣроятно, говоритъ, въ какихъ непостижимыхъ личностяхъ эта самая язва гнѣздится! Разъ двадцать мимо человѣка пройдешь безъ сумленія, потому что съ виду совсѣмъ простъ и безъ всякой подозрительности, а между тѣмъ онъ тотъ самый и есть, за которымъ ты приставленъ надсматривать».

Вскипѣло сердце у Насти.

— Полноте глупости говорить, дяденька, никакой такой язвы нѣтъ въ Николаѣ Ивановичѣ! Спросите хоть у Алены Петровны, если мнѣ не вѣрите... А насчетъ того, что я у нихъ часто бываю, такъ сами же вы зимой толковали про ариѳметику, что умѣй я только книги вести, дѣло бы несравненно лучше и акуратнѣе у насъ шло. Ну, вотъ я вамъ при этомъ случаѣ и должна объявить, что г. Астафьевъ согласенъ меня этой самой ариѳметикѣ выучить и даже съ удовольствіемъ. Задаромъ, конечно,—поспѣшила она прибавить,—изъ-за того только, что я съ его дочкой иногда по парку пройдусь. Чего вамъ еще, скажите на милость?

Неожиданность этого вывода смутила немножко Кузьму Трофимовича.

— Да мнѣ что-жь, я для тебя же... Слава Богу, дѣвка на возрастѣ, сама себя должна соблюдать, чтобы въ публикѣ про тебя говору не было,—проговорилъ онъ, почесывая себѣ затылокъ.

— Очень нужно о здѣшней публикѣ заботиться! А по-моему—собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Вотъ какъ по-моему!

— Такъ-то оно такъ, а все таки...

— Ну, и толковать нечего, если такъ. Скучно, знаете, такую мараль выслушивать изъ-за всякихъ пустяковъ. Лучше пораньше спать лечь, умаешься за день-то,—прервала его племянница, сладко потягиваясь и подымаясь изъ-за стола.

Сегодня, когда она вернется домой и скажетъ, что была въ Зоологическомъ саду, опять пойдутъ распросы: съ кѣмъ, да зачѣмъ?

Сказать развѣ, что Алена Петровна была съ ними?

Настя засмѣялась этому предположенію. Чего бы лучше? Жаль только, что никто этому не повѣритъ... Алена Петровна въ публичномъ саду на гуляньѣ, да еще съ кавалерами... такое чудо хоть въ газетахъ печатай!... А предложить развѣ? Для потѣхи, чтобъ она сказала: что это вы, Настенька, съ ума сошли?

И Настя обернулась къ майоршѣ. Но у Алены Петровны былъ такой печальный и озабоченный видъ, маленькая головка такъ безнадежно вытягивалась впередъ на длинной худой шеѣ, что шаловливая улыбка, замелькавшая было на губахъ дѣвушки, внезапно исчезла; она вспомнила про Николая Ивановича, про то, что сообщилъ о немъ о. Александръ, и миловидное личико ея тоже подернулось тревогой и печалью.

— Вотъ что я вамъ скажу, Алена Петровна,—проговорила она вполголоса, нагибаясь къ ея уху въ то время, когда она заносила ногу на первую ступеньку крылечка,—я бы на вашемъ мѣстѣ никому, даже и Варварушкѣ, ничего не сказала бы про Николая Ивановича, право. Пусть лучше подольше не знаютъ... Вы его этимъ можетъ-быть отъ большихъ непріятностей избавите,—кто знаетъ!

— Я и сама то же самое думаю, — задумчиво отвѣчала майорша.

X.

У Астафьевыхъ одну только Настю и ждали, чтобы пуститься въ путь.

— Пойдемте скорѣе, Настя,—говорила Аня, увлекая свою подругу впередъ по дорогѣ, которая вела черезъ паркъ въ Зоологическій садъ.—Я васъ весь день поджидала сегодня. Мнѣ надо вамъ много, много разсказать... Большой секретъ!

У Насти какимъ-то недобрымъ предчувствіемъ стиснулось сердце.

— Что такое?—спросила она, тревожно оглядываясь на Николая Ивановича съ Григорьевымъ, которые отстали отъ нихъ шаговъ на сто.

Аня подпрыгнула къ самому ея уху и прошептала скороговоркой.

— Я сегодня Пашу видѣла!

— Какую такую Пашу?—удивилась Настя.

— Ахъ да, вѣдь вы не знаете!... Эта Паша жила у насъ, когда мы еще *тамъ* жили... Потомъ мы ей отказали,—она грубила и все бѣгала къ мамѣ, чтобы на насъ сплетничать...

Какъ всегда, когда она говорила про мать, голосъ у Ани какъ-то странно измѣнялся и на выразительномъ ея лицѣ отражалось не то смущеніе, не то волненіе какое-то.

— Гдѣ же вы ее видѣли? Къ вамъ, что ли, она приходила?— спросила Настя.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что вы, развѣ она смѣетъ? Она такъ боится папы, страсть! Я ее увидѣла изъ окна... Она теперь въ шляпкѣ, но я все-таки ее сейчасъ узнала... Потомъ я услышала ея голосъ: она спрашивала у Варварушки, тутъ ли живетъ г-нъ Астафьевъ Николай Ивановичь... Г. Астафьевъ, вѣдь, это мой папа...

— Что же Варварушка ей отвѣчала?

— Не знаю. Я такъ боялась, чтобы Паша не увидѣла меня и не заговорила со мной! Я спряталась за дверь и стояла тамъ притаившись, вотъ такъ...—Аня остановилась среди дороги, чтобы показать, какъ она прижималась къ двери.—Когда я выглянула оттуда, она была ужь далеко... Потомъ папа пришелъ. Хорошо, что онъ съ нею не встрѣтился.

Она смолкла, съ минуту пытливо вглядывалась въ лицо идущей съ нею рядомъ дѣвушки и нерѣшительнымъ тономъ прибавила:

— Я ему ничего не сказала.

— Надо сказать,—замѣтила на это Настя.

Аня нетерпѣливо пристукнула ножкой.

— Я и сама знаю, что надо сказать, но только... Еслибы вы только знали, Настенька, какой онъ всегда скучный дѣлается, когда ему напоминаютъ о мамѣ, — такая тоска! Ну, подумайте только, погода такая чудесная, всѣ бы вы пришли, сегодня послѣднее представленіе великана и каучуковаго мальчика, и вдругъ онъ бы сказалъ: отстаньте отъ меня, идите одни, если хотите, я не хочу въ Зоологическій садъ! Помните, какъ тогда, въ прошломъ году, когда намъ розовую картонку принесли?

Настя отлично помнила этотъ случай съ картонкой. Это было мѣсяцевъ десять тому назадъ. Однажды утромъ, когда Николай Ивановичъ былъ на службѣ, какой-то человѣкъ, по словамъ Варварушки, такъ хорошо одѣтый, что она приняла его за барина, позвонилъ у двери Астафьева и подалъ ихъ кухаркѣ большую розовую картонку, тщательно упакованную и перевязанную кра-

сивыми лентами, съ просьбой передать ее маленькой барышнѣ, Аннѣ Николаевнѣ Астафьевой.

Въ картонкѣ были книги съ картинками и игрушки, очень изящныя и дорогія. Такихъ прекрасныхъ вещей Аня никогда еще не видывала, развѣ только мелькомъ, въ окнахъ магазиновъ, мимо которыхъ она иногда проходила, гуляя съ отцомъ или съ Григорьевымъ.

Николай Ивановичъ вернулся домой именно въ ту минуту, когда растерявшаяся отъ восторга дѣвочка, вся красная отъ волненія, осторожно дотрогивалась пальцами правой руки то до одного, то до другаго изъ этихъ блестящихъ предметовъ, не зная, за который прежде схватиться. Въ лѣвой рукѣ Аня держала запечатанное письмо съ крупною надписью:

«Моей милой дочери Анѣ».

Должно-быть Астафьевъ съ перваго взгляда догадался, отъ кого было это письмо,—онъ покраснѣлъ и, вырвавъ изъ рукъ оторопѣвшей дѣвочки конвертъ, началъ нервно разрывать его.

Но вспышка гнѣва длилась не долго. Онъ скоро овладѣлъ собой и, пробѣжавъ съ начала до конца записку Марьи Алексѣевны, подалъ ее Анѣ со словами:

— Это тебѣ мать пишетъ, прочти... А это можешь взять къ себѣ,—прибавилъ онъ, указывая на подарки, вывернутые на половину изъ тонкой бумаги, въ которую они были завернуты.

Все это онъ произнесъ довольно сдержанно и спокойно, только голосъ его дрожалъ немножко; но Аня до сихъ поръ помнила, какой онъ ходилъ сумрачный весь этотъ день, а также и послѣдующіе, какъ онъ громко спорилъ съ Григорьевымъ, запершись съ нимъ въ кабинетѣ. Такъ они кричали тогда, что Аня обрадовалась предложенію Алены Петровны идти съ нею ко всенощной и все время молилась о томъ, чтобъ отецъ ея былъ опять веселый и чтобы мама не писала больше писемъ и не присылала подарковъ. Подарки эти вовсе ее не радовали,—напротивъ того, всѣ они съ помощью Насти были снова уложены въ розовую картонку, а сама картонка поставлена въ темный чуланъ, чтобы на глаза не попадалась. И, странное дѣло, даже въ дождливую погоду, когда нельзя было гулять съ Настей, даже и тогда Анѣ не хотѣлось открывать картонку и заняться прелестными вещами, лежавшими въ ней; она предпочитала спуститься внизъ къ Аленѣ Петровнѣ и слушать ея разсказы про божественное.

— А все-таки надо сказать папѣ про эту Пашу,—сказала Настя послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Онъ долженъ знать, что его розыскиваютъ.

Про себя же она подумала: «Онъ долженъ также и то знать, что отецъ Александръ опять начинаетъ подъѣзжать къ Аленѣ Петровнѣ съ распросами и что, благодаря этому старому сплетнику, майоршѣ все извѣстно про его жену».

Приближаясь къ саду, онѣ замедлили шагъ. У прилавка, подъ навѣсомъ, за которымъ продавались билеты, тѣснилось много народу и здѣсь Николай Ивановичъ съ Григорьевымъ нагнали своихъ дамъ.

— Вамъ, Настенька, что лестнѣе—въ послѣдній разъ на великана посмотрѣть, или расписной пряникъ получить?—шутилъ Астафьевъ, обращаясь къ подругѣ своей дочери.

— Папочка, возьми мнѣ билетъ на представленіе!—умоляла Аня, нетерпѣливо дергая отца за рукавъ.

— Ужь взятъ, Аня, взятъ! Пойдемте скорѣе, а то, по-намеднишному, лучшія мѣста займутъ и вамъ все время стоять придется,—кричалъ издали Григорьевъ, который раньше всѣхъ протолкался къ кассѣ и, возвращаясь оттуда, приподнималъ къ верху руку съ желтенькими бумажками.

И не успѣла Аня опомниться, какъ онъ очутился возлѣ нея, схватилъ ее за руку и потащилъ за собой. Они одни изъ первыхъ вошли подъ арку, увѣшанную разноцвѣтными фонариками, и публика, хлынувшая за ними, въ одно мгновеніе отдѣлила отъ нихъ Николая Ивановича съ Настей.

Эта послѣдняя дотронулась до плеча Астафьева въ ту самую минуту, когда и онъ въ свою очередь двинулся было къ кассѣ.

— Не берите мнѣ билета, пожалуйста!

— Что такъ?—обернулся онъ къ ней съ удивленіемъ.

— Да такъ, не хочется что-то... Надоѣли мнѣ эти представленія, право! Все одно и то же... Вы обо мнѣ не безпокойтесь, пожалуйста,—поторопилась она прибавить, слегка краснѣя подъ взглядомъ его пытливо улыбавшихся глазъ,—я одна посижу, пока вы тамъ будете смотрѣть... На той скамеечкѣ, знаете?

— Ну, и чудесно, мы посидимъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ, направляясь по аллеѣ большими шагами и, по своему обыкновенію, не оглядываясь.

Минутъ десять спустя они очутились у скамейки, про которую говорила Настя. Тутъ было совсѣмъ пусто и тихо. Гулъ

толпы, звуки музыки, время отъ времени прерываемые неожиданнымъ и пронзительнымъ вскрикиваньемъ паяца или восторженнымъ взрывомъ рукоплесканій, достигали до нихъ только издалека. Вся публика, за малыми исключеніями, суетливо тѣснилась передъ обширной сценой, надъ которой спускались фестоны пунцовыхъ драпировокъ, рядомъ съ высокими мачтами, къ которымъ былъ натянутъ, высоко надъ землею, канатъ, съ мягко покачивающейся подъ нимъ сѣткой.

— Ну, вотъ мы съ вами, Настенька, и уединились,—сказалъ со смѣхомъ Николай Ивановичъ.—Жаль, что мы не влюблены другъ въ друга,—самое время и мѣсто для объясненій... Посмотрите-ка на эту парочку и вотъ на эту также... Счастливчики, право счастливчики! — продолжалъ онъ, указывая на проходящихъ мимо расфранченныхъ дамъ подъ руку съ кавалерами.

Каждую изъ этихъ парочекъ Николай Ивановичъ встрѣчалъ и провожалъ какимъ-нибудь шутливымъ замѣчаніемъ. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа въ этотъ достопамятный вечеръ и, глядя на него, Настя думала, что Аня хорошо сдѣлала, не разсказавши ему про появленіе ихъ бывшей горничной. «Ужь не лучше ли совсѣмъ умолчать про эту Пашу, а также про разговоръ о. Александра съ Аленой Петровной?... Пусть подольше останется при томъ убѣжденіи, что здѣсь никому неизвѣстна его печальная исторія съ женой... Насчетъ же Алены Петровны особенно безпокоиться нечего, она—не болтушка какая-нибудь, а попросить ее хорошенько, такъ даже и Варварушкѣ ни слова не пикнетъ... О. Александръ тоже безъ нужды разговаривать не любитъ... Однако интересно было бы узнать, черезъ кого ему стало извѣстно про г-жу Астафьеву? Онъ, вѣроятно, и многое другое про нее знаетъ... Что это за женщина?»

Господи, какъ этотъ вопросъ интересовалъ Настю! Съ тѣхъ поръ, какъ Аня, въ порывѣ откровенности, разсказала ей про свою мать, Настя безпрестанно думала о Марьѣ Алексѣевнѣ. Кажется, полжизни отдала бы она за то, чтобъ имѣть счастье взглянуть на нее и собственными глазами убѣдиться, такая ли она красавица, какъ говорятъ про нее.

Размышленія эти были прерваны восклицаніемъ Николая Ивановича.

— Посмотрите-ка, Настенька, вѣдь это, кажется, вашъ дяденька,—говорилъ онъ, указывая на толстаго купца, пробиравшагося между деревьями.

За нимъ слѣдовала его подруга, сухая и тощая, въ шелковомъ платьѣ и повязанная яркимъ платочкомъ.

Настя пожала плечами.

— Выдумаете тоже! Какой вы, однако, шутникъ, Николай Ивановичъ! Дяденька!... Да онъ на всѣ эти представленія да гулянья какъ на бѣсовское навожденіе смотритъ, все равно, что Алена Петровна.

При имени майорши глаза Астафьева засвѣтились еще веселѣе.

— Ну, у этой надъ душой стоитъ отецъ Александръ.

— А у моего-то сокровища вы думаете лучше? Какъ бы не такъ! У нея отецъ Александръ, а у Захара Трофимыча отецъ Арсеній изъ Валаамской обители... Каждый годъ ѣздитъ туда грѣхи отмаливать, да всякой святости набираться.

И, помолчавъ немного, она прибавила:

— И знаете, что я вамъ скажу? По-моему все это глупости и болѣе ничего!

— Какая же вы, однако, вольнодумка, Настенька!—улыбнулся Астафьевъ, невольно любуясь выразительными глазами дѣвушки, въ которыхъ сверкало столько наивнаго, безсознательнаго задора.

— Я не знаю, Николай Ивановичъ,—конечно, у меня нѣтъ такихъ словъ, чтобы вамъ объяснить, но право же я иногда думаю... Да что вы смѣетесь?... Я не стану говорить, если вы будете смѣяться!

— Ничего, ничего, не обращайте вниманія, говорите только... Какія у васъ мысли, это очень интресно знать?

— Да вотъ какія, что какъ начнешь обо всемъ думать, сколько на свѣтѣ гадостей дѣлается, да несправедливостей, и какъ всегда добрые изъ-за злыхъ страдаютъ, — ну, право же, злость беретъ... Вотъ взялъ бы, да всѣхъ по-своему передѣлалъ, чтобы всѣ были добрые и каждый бы только своимъ дѣломъ занимался, а чужія обстоятельства не совался бы судить да рядить,—путалась она все сильнѣе и сильнѣе,—всѣ жили бы тогда спокойно и счастливо...

— Умъ за разумъ у васъ заходитъ, Настенька,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

Равнодушно посмѣиваясь, онъ продолжалъ машинально всматриваться въ проходившую мимо ихъ публику.

— Такія мысли утопіями называются и отъ нихъ люди поумнѣе насъ съ вами съ панталыку сбивались.

— Какія тамъ утопіи, Николай Ивановичъ!... Просто низкія сплетни, вотъ и все!—вскричала дѣвушка, не понявши смысла его словъ.

Недоразумѣніе это еще пуще разсмѣшило Астафьева.

— Настенька, Настенька! не издѣвайтесь такъ дерзко надъ мудреными словами. Если хотите, я вамъ объясню, что значитъ утопія, но только не сегодня...

Онъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ; во взглядѣ его выразилась растерянность и все лицо нервно передернулось. Мимо ихъ скамейки проходилъ господинъ, въ которомъ Астафьевъ тотчасъ же узналъ г. Степановскаго, повѣреннаго Марьи Алексѣевны.

Г. Степановскій тоже его узналъ и очень вѣжливо снялъ передъ нимъ свою шляпу. На Настю же онъ бросилъ только бѣглый взглядъ, но такой пронзительный, что она съ безпокойствомъ оглянулась на своего сосѣда.

— Кто это?—спросила она, когда незнакомецъ завернулъ въ ближайшую аллею.

Николай Ивановичъ какъ будто нашелъ неумѣстнымъ этотъ вопросъ,—онъ немножко свысока оглянулся на Настю и, не отвѣчая ни слова, началъ смотрѣть въ другую сторону. Переконфуженная дѣвушка потупилась и нѣсколько минутъ сряду молчаніе между ними не нарушалось.

Онъ вспоминалъ подробности своей первой встрѣчи съ г. Степановскимъ, а Настѣ стало опять казаться, что надо непремѣнно ему сказать и про Пашу, и про отца Александра, и про Алену Петровну. «Хуже будетъ, если онъ узнаетъ все это какъ-нибудь нечаянно, черезъ постороннихъ», думала она.

Но сегодня ей не суждено было приступить къ этому непріятному разговору.

— Николай Ивановичъ!... Вотъ встрѣча-то!... Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!... Какимъ манеромъ вы сюда попали?—раздался веселый голосъ и передъ ними очутилась ухмылявшаяся фигура г. Мирнова.

— Да такимъ же, какъ и вы,—отвѣчалъ Астафьевъ, неохотно поднимаясь съ мѣста и протягивая руку старому пріятелю.

— Ха-ха-ха-ха! Браво, браво! За словомъ въ карманъ не полѣземъ. Ха-ха-ха-ха!—продолжалъ смѣяться своимъ добродушнымъ, жирнымъ смѣхомъ Евграфъ Петровичъ.—Мы здѣсь всей семьей и забрались съ шести часовъ... Жену съ мелкотой раз-

садилъ въ первомъ ряду, а свое мѣсто уступилъ одному знакомому гимназистику... Малюсенькій такой...

Г. Мирновъ приподнялъ свою раскрытую ладонь аршина на полтора отъ земли и при этомъ съ такимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Настю, что Николаю Ивановичу сдѣлалось почему-то неловко.

— Моя Аня тоже на великана смотритъ,—поспѣшилъ онъ заявить, какъ будто бы это обстоятельство объясняло присутствіе молодой дѣвушки возлѣ него.

— Да?... Жаль, что мы раньше не встрѣтились,—вмѣстѣ бы дѣтей посадили... Они знакомы... Помните, вы къ намъ на дѣтскій балъ привозили вашу дочку? Еще наши дамы такъ смѣялись надъ ея костюмомъ, помните?

О, какъ хорошо помнилъ Николай Ивановичъ этотъ вечеръ! Чтобы забыть о немъ, онъ всѣ эти полтора года старательно избѣгалъ встрѣчаться съ Мирновыми; но есть люди, которые ничего не понимаютъ, и Евграфъ Петровичъ принадлежалъ именно къ числу такихъ людей. Не дожидаясь отвѣта Астафьева и не обращая вниманія на досаду, выражавшуюся на его лицѣ, онъ взялъ его подъ руку и предложилъ пройтиться по аллеѣ.

— Вы представить себѣ не можете, какъ мы кстати встрѣтились!... Мнѣ надо вамъ кое-что сообщить,—говорилъ онъ, удаляясь и снова внимательно взглядывая на Настю.

Дѣвушка осталась одна. Наступила ночь, лунная, свѣтлая. Ради послѣдняго представленія съ увеличенною платой за входъ, садъ освѣтили блестящѣе обыкновеннаго. Вскорѣ вдоль всѣхъ аллей запестрѣли огоньки разноцвѣтныхъ фонариковъ и черный силуэтъ знаменитаго гимнаста, выдѣлывавшаго свои изумительные фокусы на канатѣ, рѣзко вырѣзался на потемнѣвшемъ небѣ.

Съ того мѣста, гдѣ она сидѣла, Настѣ только и видно было, что этого гимнаста. Она машинально смотрѣла на него, нисколько не интересуясь его прыжками и кривляньями. Мысли ея были далеко. Она думала, какую исторію подыметъ опять ея дядя, когда она вернется домой и объявитъ ему, что была въ Зоологическомъ саду съ Астафьевыми... Какъ противно слушать глупыя наставленія человѣка, котораго и не любишь, и не уважаешь, который по сердцу совсѣмъ ей чужой!... Чего онъ къ ней вяжется? Развѣ она маленькая? Ну, справила все, что нужно въ домѣ и по лавкѣ, отсидѣла за прилавкомъ до того часа, когда запирать надо,—чего еще нужно? Развѣ она спрашиваетъ у него

когда-нибудь, гдѣ онъ былъ, куда пойдетъ, зачѣмъ съ тѣмъ, а не съ этимъ водитъ компанію? — Никогда! Ей рѣшительно все равно... Вотъ еще отецъ Александръ: этому тоже все бы только любопытничать да разузнавать...

Отъ отца Александра мысли Насти перескочили къ Астафьевымъ, сначала на Аню. Она вспомнила, что на дѣвочкѣ ничего нѣтъ поверхъ ситцеваго платья, одна только фланелевая кофточка, а воздухъ замѣтно свѣжѣлъ... Надо было бы захватить для нея теплое пальто или платокъ. Какъ глупо, что всѣ забыли это сдѣлать! Еще простудится пожалуй, Боже сохрани! Этого бы еще недоставало при всѣхъ заботахъ и печаляхъ Николая Ивановича!... Скорѣе бы кончилось представленіе, да пойти домой... Съ той минуты, какъ Николай Ивановичъ ушелъ, такая скука тутъ сидѣть. Отъ музыки, отъ криковъ толпы, на душѣ дѣлается еще тоскливѣе.. И чего бѣснуются, чему радуются?... Очень нужно было этому противному толстяку уводить Николая Ивановича! Еслибъ онъ былъ тутъ возлѣ нея и ей тоже было бы весело, какъ и другимъ... О чемъ они разговариваютъ?... Вѣрно о чемъ-нибудь непріятномъ...

Настя замѣтила, какъ Николая Ивановича покоробило, когда этотъ господинъ подошелъ къ нимъ, и какъ онъ сдвинулъ брови, когда онъ заговорилъ про Аню...

Странное дѣло, съ нѣкоторыхъ поръ у Насти только и думъ и заботъ, что о Николаѣ Ивановичѣ да объ его дочкѣ... Гдѣ то время, когда она смотрѣла на нихъ какъ на жильцовъ Алены Петровны, вотъ и все? Съ какихъ поръ они перестали ей быть чужими?... Да полно, было ли когда-нибудь такое время?

Теперь ей часто кажется, что она и на свѣтъ-то народилась только съ той минуты, когда ей встрѣтился этотъ милый человѣкъ, Николай Ивановичъ Астафьевъ.

Милый!...

Настя раза два прошептала пылающими губами это слово и впала въ глубокое, сладкое раздумье.

Ужь не влюблена ли она въ него?

Мысль эта въ одно мгновеніе отрезвила ее и она вся вспыхнула отъ стыда и досады. Влюбиться въ Астафьева ей, Настѣ... Господи, какая это была бы глупость! То-есть такая глупость, что и назвать не знаешь какъ... Ужь не говоря о томъ, что онъ—женатый человѣкъ, а по понятіямъ Насти влюбляться въ женатаго большой срамъ и грѣхъ непростительный,—но и кромѣ

того она ему ни въ чемъ не ровня—ни по уму, ни по воспитанію... Если онъ шутитъ и болтаетъ съ нею, то это единственно потому, что она съ его Аней занимается и что дѣвочка полюбила ее. Не будь Ани, развѣ онъ обратилъ бы вниманіе на племянницу купца Олухова?—Никогда!... Онъ называетъ ее иногда своей пріятельницей, но это въ шутку, разумѣется, и надо быть совсѣмъ дурой, чтобъ этого не понимать. Какая она ему можетъ быть пріятельница? Онъ на нее смотритъ какъ на дѣвочку...

А между тѣмъ вотъ уже второй годъ, какъ за нее женихи сватаются. Еще въ прошломъ мѣсяцѣ дядя послалъ отказъ помощнику судебнаго пристава, черезъ сваху Авдотью Емельяновну, а зимой отъ многихъ другихъ претендентовъ отбою не было... Увивался за Настей и писарь мироваго судьи, и сынъ сосѣдняго бакалейщика, и племянникъ подполковницы, офицеръ, да мало ли кто еще!...

Небось, этимъ всѣмъ Настя давно ужь перестала казаться дѣвочкой, вотъ только Николаю Ивановичу...

Ей сдѣлалось такъ грустно, что даже слезы навернулись на глаза и она глубоко, глубоко вздохнула.

О чемъ вздыхала Настя?—О томъ ли, что она не довольно умна, чтобъ обратить на себя вниманіе Николая Ивановича, или о томъ, что она не настолько глупа, чтобъ этого не понимать? Въ этомъ она не отдавала себѣ отчета. Однако выкатившаяся на щечку слеза испугала ее и заставила опомниться. Плакать на людяхъ, въ двухъ шагахъ отъ музыки!... Еще пожалуй кто-нибудь замѣтитъ... Николай Ивановичъ... И вдругъ онъ догадается, начнетъ смѣяться...

У Насти кровь хлынула въ голову при этой мысли. «Нѣтъ, ужь не бывать этому. Никогда не бывать!»—твердила она мысленно, напуская на себя такое равнодушіе, что когда Астафьевъ вернулся съ пріятелемъ къ скамейкѣ, на которой онъ покинулъ свою спутницу, на лицѣ дѣвушки, кромѣ напряженнаго вниманія къ движеніямъ летающаго между небомъ и землей паяца, ничего нельзя было замѣтить.

Она даже и не шевельнулась при его приближеніи, и не взглянула на него, а между тѣмъ замѣтила, что онъ чѣмъ-то сильно возбужденъ и растревоженъ. Ей даже показалось, что онъ поблѣднѣлъ и что глаза его какъ-то странно блестятъ. Очень можетъ быть, что ничего этого не было и что онъ показался

ей такимъ отъ голубаго фонаря, висѣвшаго какъ разъ надъ ихъ скамейкой.

Пріятель его все также посмѣивался беззаботно и посматривалъ на Настю все съ тѣмъ же, слегка нахальнымъ, любопытствомъ.

— Надо провѣдать мою компанію. До свиданія!—сказалъ онъ, протягивая руку Николаю Ивановичу.—Скажу женѣ о нашей встрѣчѣ. Она будетъ очень жалѣть, что пропустила случай васъ видѣть и дѣти тоже... Мы всѣ очень полюбили вашу Аню... Да ее нельзя и не полюбить,—она такая у васъ... въ ней есть что-то такое...

Положительно г. Мирновъ не могъ прибрать словъ, чтобы выразить, какая именно Аня. Помявшись съ минуту, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Пресмѣшная она у васъ!... Привезете ее, пожалуйста, когда-нибудь къ намъ.

Еще разъ пожавъ руку пріятеля, почтенный Евграфъ Петровичъ, выпячивая впередъ свое довольно кругленькое брюшко, покатился по направленію къ театру. Настѣ онъ не могъ поклониться,—она при первыхъ же его словахъ объ Анѣ призрительно поджала губки и рѣзкимъ движеніемъ отвернулась въ сторону.

Николай Ивановичъ смотрѣлъ на нее съ улыбкой. Гнѣвъ ея всегда забавлялъ его.

— За что вы разсердились, Настенька?

Она повернула къ нему свое раскраснѣвшееся отъ волненія лицо.

— Какъ онъ смѣетъ такъ говорить про Аню? Смѣшная!... Что это за выраженіе?... Я бы на вашемъ мѣстѣ...

— На моемъ мѣстѣ, Настенька, вамъ тоже было бы не до того, чтобы придираться къ словамъ каждаго дурака,—прервалъ ее Астафьевъ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія онъ проговорилъ въ полголоса, ни къ кому особенно не обращаясь и не спуская глазъ съ каната, къ которому карабкался по высокой мачтѣ второй паяцъ, въ смѣшномъ, раздерганномъ костюмѣ отчаяннаго пьяницы.

— Этотъ толстякъ сообщилъ мнѣ весьма интересное извѣстіе... Моя жена скоро пріѣдетъ въ Петербургъ.—Онъ взглянулъ съ усмѣшкой на свою слушательницу и прибавилъ:—Вѣдь вы знаете, что я не вдовецъ, Настенька?

Она молча кивнула головкой. То, что подымалось у нея отъ сердца и подкатывалось къ горлу, такъ душило ее, что она не въ силахъ была произнести ни слова. Безсознательно опустила она свои похолодѣвшіе пальцы на его руку и сжимала ее.

— Впрочемъ,—продолжалъ Николай Ивановичъ, не обращая вниманія ни на ея движенія, ни на испуганное выраженіе ея лица,—надо и то сказать, насъ цѣлыхъ полтора года оставляли въ покоѣ...—И вдругъ, мѣняя тонъ, прибавилъ:—Посмотрите, посмотрите, Настенька! Къ нимъ третій карабкается... Ишь бѣснуются! Конецъ вѣрно... Ну, да, начинаютъ раскланиваться, видите?

Онъ даже поднялся съ мѣста, чтобы показать, какъ его занимаетъ представленіе.

— Можно себѣ представить, въ какомъ восторгѣ Аня! Вотъ наслаждается-то...

Въ эту минуту музыка грянула съ новою силой, но ее заглушилъ взрывъ рукоплесканій. Публика прощалась со своими любимцами, цѣлое лѣто потѣшавшими ее. Шумнымъ оваціямъ не предвидѣлось скораго конца. Къ кричавшимъ и неистово хлопавшимъ зрителямъ начали присоединяться подвыпившіе франты, цѣлый вечеръ не вылѣзавшіе изъ-за столовъ смраднаго ресторана, и множество другихъ двусмысленныхъ фигуръ, скрывавшихся Богъ знаетъ гдѣ цѣлый вечеръ, въ маленькихъ боковыхъ аллеяхъ, подъ деревьями, а можетъ-быть даже и подъ скамейками. Отъ прилива людской волны въ воздухѣ сдѣлалось вдругъ и душно, и пыльно, запахло до тошноты винными парами, табакомъ, чадомъ отъ газовыхъ рожковъ. Публика стала расползаться по темнымъ закоулкамъ. Къ восторженнымъ возгласамъ и рукоплесканіямъ начали примѣшиваться крики иного рода, пошлый смѣхъ, визгъ и брань...

Николай Ивановичъ съ возраставшимъ безпокойствомъ вглядывался въ лица шмыгавшей мимо толпы, отыскивая въ ней Аню съ Григорьевымъ.

— Сколько разъ повторялъ я этому чорту, что нельзя оставаться до конца представленія!—ворчалъ онъ.—Такъ нѣтъ же, вѣчно до тѣхъ поръ досидятся, что потомъ нѣтъ никакой возможности выбраться... Догадаются ли они сюда придти, какъ вы думаете?

— Я думаю, что догадаются,—вѣдь мы всегда тутъ сидимъ... Да вы ступайте ихъ искать, Николай Ивановичъ, а я васъ тутъ

подожду, проговорила Настя, озираясь довольно боязливо по сторонамъ.—Ничего, право ничего, ступайте!...

— Ну, что вы вздоръ городите! — съ досадой прервалъ ее Астафьевъ.—Посмотрите, сколько пьяныхъ скотовъ понализло... Да и трезвые-то не лучше... Ничего, ничего, а сама вся дрожитъ отъ страху,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой.—Ну, слава Богу, вотъ они наконецъ!... Пойдемте скорѣе къ нимъ на встрѣчу! Чѣмъ скорѣе выберемся въ паркъ, тѣмъ лучше.

Онъ кинулъ эти слова на ходу, не оборачиваясь въ ея сторону. Настя слѣдовала за нимъ машинально, ничего не видя и не слыша. Вдругъ знакомый голосъ защебеталъ у самаго ея уха и горячіе пальцы крѣпко стиснули ея руку.

— Настя, душка! Какая прелесть этотъ маленькій Рудольфъ! Нѣтъ, вы представить себѣ не можете!...

Аня была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что ногъ подъ собой не чувствовала. Каждую минуту подскакивала то къ отцу, то къ Настѣ, прыгала къ нимъ на шею, жала имъ руки, теребила ихъ за платье и болтала безъ умолку, сопровождая свои разсказы смѣшными ужимками и неожиданными гримасами.

— Рудольфъ, тотъ маленькій, помнишь?—щебетала она, теребя отца за рукавъ,—помнишь? Ему въ прошлый разъ никакъ не удавалась штука со стуломъ, когда ему надо было перепрыгнуть чрезъ стулъ, три раза перекувыркнуться, отлетѣть въ сторону и повиснуть на шестѣ, помнишь? Помните, Настя?... Ну, сегодня, когда онъ вышелъ, всѣмъ сдѣлалось жутко. Я видѣла, одна дама,— вы видѣли, Григорьевъ, она возлѣ васъ сидѣла,—эта дама даже глаза зажмурила, чтобъ не смотрѣть... И самъ онъ былъ такой серьезный и все на отца смотрѣлъ, а тотъ ему дѣлалъ глазами и головой вотъ эдакъ...

Аня показала, какъ отецъ маленькаго гимнаста сдѣлалъ, и такъ похоже, что Григорьевъ расхохотался.

— А мальчикъ сдѣлалъ вотъ эдакъ,—продолжала дѣвочка, поощренная этимъ смѣхомъ.

И вдругъ она начала припоминать, глаза ея заблестѣли, все лицо оживилось еще больше и она умоляющимъ жестомъ протянула руки къ отцу и къ Настѣ.

— Голубчики мои, позвольте, я вамъ представлю, какъ онъ началъ, позвольте! Можно... да?

И, не дожидаясь отвѣта, она остановилась среди боковой ал-

леи, по которой они шли, поспѣшно развязала ленты у шляпки, сбросила ее на землю и стала въ позу.

Листья на деревьяхъ облетѣли и сквозь полуголыя, спутанныя вѣтви лунный свѣтъ пробивался широкими пятнами, обливая серебристымъ блескомъ дѣвочку, съ гордо откинутой назадъ головкой и граціозно приподнятою рукой. Не взирая на смѣшной костюмъ Ани, на ея короткую юпку и неуклюжую, толстую кофту, фигура ея всею своей смѣлой постановкой такъ напоминала молодаго гимназта, котораго она передразнивала, что зрителямъ этой сцены трудно было воздержаться отъ одобрительной улыбки.

— Браво, Аничка, браво!—вскричалъ Григорьевъ, котораго всегда приводили въ восторгъ ея сценическія способности.

— Ужасно похоже! Ну, вотъ, такъ и видишь!—замѣтила Настя.—Одѣть бы тебя только по-ихнему...

Аня покачала головой и нетерпѣливо прервала свою подругу.

— Ахъ, вы не понимаете!... Конечно, все это мѣшаетъ... и это... и это, очень даже мѣшаетъ,—продолжала она, дергая себя за рукавъ и за полы кофточки.—Хочешь вытянуть руку какъ слѣдуетъ—кракъ, поднять ногу—кракъ!... Вездѣ трещитъ, и рвется, и мѣшаетъ... Но все-таки,—нѣтъ, все-таки не въ томъ сила.—Она задумалась.—Я пробовала дѣлать такія штуки въ одной рубашкѣ и все-таки не выходитъ,—проговорила она вполголоса.

А затѣмъ она снова погрузилась въ такое глубокое раздумье, что шла ничего не видя и не слыша. Глаза ея, широко раскрытые, разсѣянно смотрѣли вдаль, полныя губы по временамъ безсознательно улыбались. Она подвигалась впередъ только потому, что отецъ не выпускалъ ея руки изъ своей и тащилъ ее за собою.

— Мнѣ кажется, ты хорошо бы сдѣлалъ, еслибы началъ ее учить живописи,—началъ Григорьевъ.—Удивительная у нея способность подмѣчать выдающіяся черты каждаго субъекта, и подмѣчать именно съ красивой или съ оригинальной стороны...

— А я съ Мирновымъ столкнулся,—прервалъ его Астафьевъ.

Григорьевъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Да. Разсыпался, по обыкновенію, въ любезностяхъ... Вотъ при ней,—указалъ онъ на Настю,—просилъ бывать у нихъ, пенялъ, что Аню никогда не привожу къ его дѣтямъ...

Григорьевъ продолжалъ слушать его молча. По выраженію лица Николая Ивановича, по сбивчивости его рѣчи, онъ догадывался, что произошло нѣчто неожиданное и непріятное. Его не оставляли долго въ недоумѣніи.

— Таманскаго ждутъ изъ-за границы,—брякнулъ вдругъ Астафьевъ ни къ селу, ни къ городу.—Его превосходительство изволилъ, наконецъ, принять то мѣсто, отъ котораго такъ упорно отказывался цѣлый годъ подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья,—продолжалъ онъ тѣмъ ироническимъ тономъ, съ которымъ онъ всегда говорилъ про своего соперника.—По всей вѣроятности, здоровье его теперь поправилось... Впрочемъ, надо и то сказать, не вѣкъ же длиться медовымъ мѣсяцамъ, даже и высокопревосходительнымъ...

— Ты не зайдешь къ Зайкину?—угрюмо прервалъ его Григорьевъ.—Мнѣ говорили, будто у нихъ много вакансій открывается въ департаментѣ, вслѣдствіе этой исторіи съ Кутайниковымъ, знаешь?

— Къ чему это?... Я своимъ мѣстомъ доволенъ и не вижу никакой надобности его мѣнять,—сказалъ Николай Ивановичъ, возвышая голосъ и продолжая нервно посмѣиваться.—Конечно, его превосходительству было бы очень пріятно избавиться отъ моего присутствія въ департаментѣ, да мало ли что...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но тутъ въ ихъ разговоръ совершенно неожиданно вмѣшалась Аня.

— Слушай, папа!—вскричала она, хватая его обѣими руками за рукавъ, — вѣдь этотъ мальчикъ долго, долго разучивалъ штуку со стуломъ и она ему все не удавалась, все не удавалась... Наконецъ... Ахъ, папа, еслибъ ты только видѣлъ, какъ онъ ее сдѣлалъ сегодня,—чудо!... И какъ ему хлопали, какъ всѣ радовались, отецъ его, другіе комедіанты и самъ онъ!... Господи, какой онъ счастливый!

Голосъ ея дрожалъ и обрывался отъ волненія и прохожіе, возвращавшіеся вмѣстѣ съ ними по домамъ, съ любопытствомъ на нее оглядывались.

XI.

А нѣсколько дней тому назадъ вотъ что происходило въ Венеціи.

Таманскій съ Марьей Алексѣевной возвращались изъ театра.

— Alla casa,—отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ гондольеру на его вопросъ, куда желаютъ ѣхать signore?

— Домой? Въ такую ночь?—вскричала Марья Алексѣевна.— Неужели вамъ хочется спать?

Дмитрій Николаевичъ приказалъ выѣхать въ Canale Grande. Ему вовсе не хотѣлось спать. Цѣлыхъ три часа провели они въ освѣщенной a giorno залѣ, слушая музыку Верди, исполненную такъ, какъ умѣютъ исполнять ее только въ Италіи. Спектакль былъ блестящій. Въ честь именитаго гостя, иностраннаго принца, залу разукрасили цвѣтами и растеніями. Цвѣты красовались всюду, въ шиньонахъ, въ петличкахъ. Цвѣтами были приколоты кружева на груди женщинъ, огромные букеты лежали на балюстрадахъ ложъ; мужчины расхаживали по корридорамъ и пробирались между креслами съ цѣлыми снопами душистыхъ магнолій, розъ и жасминовъ, которые въ данную минуту должны были упасть къ ногамъ прелестной пѣвицы, любимицы публики.

Принцъ, удостоившій своимъ посѣщеніемъ театръ, принадлежалъ къ самымъ симпатичвымъ представителямъ монархической власти въ Европѣ. Оркестромъ дирижировалъ знаменитый маэстро. Примадонна слыла одной изъ извѣстнѣйшихъ пѣвицъ въ мірѣ. Но русская синьора, о красотѣ которой заговорили въ городѣ, при первомъ ея появленіи въ тощій садикъ Лидо, русская синьора была такъ хороша въ этотъ вечеръ, черная мантилья изъ великолѣпныхъ испанскихъ кружевъ такъ эффектно оттѣняла прозрачную бѣлизну ея кожи, тонкость, точно изъ мрамора выточеннаго, профиля, а глаза ея казались такими большими и блестящими при вечернемъ освѣщеніи, что публика занималась ею почти столько же, сколько иностраннымъ принцемъ, примадонной и знаменитымъ дирижеромъ оркестра.

Взгляды, полные любопытства и восхищенія, устремленные на ихъ ложу, безцеремонныя и плохо сдержанныя восхищенія вродѣ: «O, bella! Bellissima! Angelo!»—и тому подобныя проявленія восторга, на которыя такъ щедры пылкіе жители юга, порядкомъ-таки раздражали маленькаго, бѣлокураго господина, прятавшагося за стуломъ красавицы. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда ему можно будетъ увезти свою подругу домой и любоваться ею безъ свидѣтелей. Но г. Таманскій умѣлъ владѣть собой и на его прилично выбритой физіономіи петербургскаго чиновника, кромѣ выраженія сосредоточенной серьезности съ примѣсью легкой скуки, ничего нельзя было прочесть.

Марья Алексѣевна старалась подражать ему, притворяться равнодушной и заниматься только тѣмъ, что происходило на сценѣ, но это плохо ей удавалось. Дмитрій Николаевичъ такъ изучилъ ея лицо, выраженіе каждаго ея взгляда и улыбки, что отлично

видѣлъ, какое радостное волненіе вызываетъ во всемъ ея существѣ лестное вниманіе толпы. Она казалась еще прекраснѣе отъ этого волненія, чтò правда, но онъ не любилъ ее такой.

Марья Алексѣевна сказала правду, что въ такую ночь трудно заснуть.

Когда изъ залы, полной шумнаго блеска, свѣта и оглушительно-громкихъ звуковъ, они очутились на мраморной площадкѣ со ступеньками, спускавшимися въ воду, ихъ съ ногъ до головы охватило таинственною прелестью этой ночи.

Въ толпѣ, тѣснившейся вокругъ нихъ, нельзя было узнать блестящую публику, наполнявшую залу нѣсколько минутъ тому назадъ. При мерцающемъ блескѣ фонарей, которые неровными и неясными пятнами трепетали на темныхъ фигурахъ людей, они казались какими-то призраками, вызванными сверхъестественною силою изъ волшебнаго царства тѣней. Казалось, будто эти призраки, насладившись до пресыщенія земнымъ весельемъ и звуками, спѣшатъ уйти назадъ въ ночь, спѣшатъ слиться съ ея ракомъ. Лодки, такія же черныя, какъ и волны, по которымъ онѣ скользили, должны были съ быстротою мысли унести ихъ по далекой, бездонной безднѣ въ міръ недоступный простымъ смертнымъ.

Иллюзія довершалась отсутствіемъ всѣхъ шумовъ и возгласовъ, къ которымъ привыкло ухо при разъѣздахъ,—не слышно было ни грохота колесъ, ни топота лошадиныхъ копытъ, ни стука каблуковъ о мостовую, — ночное безмолвіе нарушалось только однообразнымъ всплескомъ волнъ подъ автоматическими ударами веселъ, да изрѣдка протяжное—«о...é!» гондольера заунывною нотой прорѣзывало воздухъ, безчисленное множество разъ повторяемое эхомъ и чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе и печальнѣе. Но за то въ каждомъ шорохѣ чудилась мелодія, въ каждомъ сдержанномъ шепотѣ—слова любви и поцѣлуи.

Небо сливалось съ моремъ; всѣ звѣзды куда-то попрятались. Ни за что бы Таманскому съ Марьей Алексѣевной не отыскать своей гондолы среди великаго множества лодочекъ, кишащихъ у пристани, еслибы знакомый голосъ не окликнулъ ихъ.

— Ici, ici, signore! — кричалъ, неистово размахивая бѣлыми рукавами, маленькій коренастый человѣкъ, котораго они наняли тотчасъ по пріѣздѣ въ Венецію и который съ утра до вечера каталъ ихъ по молчаливымъ улицамъ города.

Наконецъ, наступилъ и ихъ чередъ спуститься по мраморнымъ ступенямъ на подушки мягко покачивавшейся у пристани скорлупки. Человѣкъ въ бѣлыхъ рукавахъ взмахнулъ веслами, еще разъ сверкнули, въ блескѣ фонарей, спадывавшія съ этихъ веселъ капли, еще разъ промелькнули блѣдныя лица въ тѣснившихся вокругъ гондолахъ... Но еще взмахъ веселъ—и все исчезло. Быстро прорѣзывая своимъ острымъ концомъ волны, лодка скользнула во тьму.

Дѣлалось еще тише. Молчаніе, наступившее между всплесками веселъ, казалось еще глубже; отъ смутно бѣлѣвшихся очертаній высокихъ стѣнъ, мимо которыхъ они плыли, мракъ сгущался еще сильнѣе. Но это длилось не долго,—мало-по-малу тѣни начали разступаться, стѣны забѣлѣлись, по волнамъ началъ разливаться трепетный блескъ все ярче и ярче и, наконецъ, постепенно выступили изъ мрака не только очертанія мраморныхъ громадъ, но также и болѣе мелкія детали: причудливая рѣзьба дворцовъ, люди въ плывшихъ мимо гондолахъ и человѣкъ правившій ихъ лодкой, съ откинутымъ назадъ туловищемъ, взъерошенною головой и мохнатою грудью, выглядывавшей изъ рубашки съ разстегнутымъ воротомъ. Капли падавшія съ веселъ загорались брилліантовымъ дождемъ; бѣловатыя пятна, дрожавшія на волнахъ, расплывались все шире и шире и изъ-за чернѣвшихъ вдали горъ выкатилась луна. Выступили въ ея мягкомъ блескѣ грандіозныя зданія съ остроконечными спицами, церкви, башни, высеребрилось съ другой стороны чудо скульптуры, мраморное кружево палаццо дожей; но тамъ, куда свѣтъ луны проникнуть не могъ—подъ арки мостовъ, въ узкіе переулки между высокими стѣнами—тѣни сгущались еще мрачнѣе, а вода казалась еще чернѣе, таинственнѣе и глубже.

Вдали, ровною пеленой, бѣлѣлся плоскій песчаный берегъ Лидо, а кругомъ на далекое пространство серебрилось море.

Не имъ однимъ пришла въ голову счастливая мысль провести ночь на воздухѣ. Множество гондолъ скользило по Canale Grande. Все чаще и чаще нарушалась тишина протяжными возгласами гондольеровъ, сверкали приподнятыя надъ водою весла и почти каждую минуту фосфорическій блескъ пробѣгалъ длинными, золотыми змѣями по встревоженнымъ волнамъ.

Съ нѣкоторыхъ гондолъ начало раздаваться пѣніе; гдѣ-то зазвенѣла гитара и послышался веселый, звучный смѣхъ.

Дмитрій Николаевичъ поднялъ голову къ балкону, мимо котораго медленно плыла ихъ лодка, и глазамъ его представилась прелестная сцена. На самомъ видномъ мѣстѣ и вся облитая луннымъ блескомъ полулежала на низкомъ креслѣ молодая женщина. Она была вся въ бѣломъ, ноги ея покоились на пунцовой бархатной подушкѣ, на колѣняхъ лежалъ огромный букетъ цвѣтовъ. Вѣроятно, изъ этого букета вынула она ту яркую розу, которая была воткнута въ ея густыя, черныя косы. Въ рукѣ у нея былъ вѣеръ, которымъ она опахивалась съ граціей истой испанки; всѣ движенія ея были медленны и дышали нѣгой, только глаза ея сверкали оживленіемъ, да въ голосѣ—громкомъ, звучномъ контральто—слышалось то дѣтское, беззаботное веселье, которое только жители юга имѣютъ даръ сохранять всю жизнь, до самой смерти.

Этотъ смѣхъ заставилъ Дмитрія Николаевича оглянуться на палаццо.

— Посмотрите,—сказалъ онъ, указывая своей спутницѣ на балконъ, къ которому они съ каждымъ ударомъ веселъ подплывали все ближе и ближе,—этотъ палаццо принадлежитъ тому самому графу Левенрингу, съ которымъ я обѣдалъ вчера у нашего консула. Онъ купилъ его, года три тому назадъ, у наслѣдниковъ маркиза Тестамени и какъ говорятъ, истратилъ около полумилліона на отдѣлку комнатъ, реставрацію картинъ и тому подобное. Онъ очень богатъ, этотъ Левенрингъ. Да вотъ и онъ самъ на балконѣ... Видишь, этотъ высокій, блѣдный господинъ, который стоитъ за кресломъ дамы въ бѣломъ?... Онъ говоритъ ей что-то на ухо... Какъ она отъ души смѣется!... Даже весело слушать... Увѣряютъ, будто онъ купилъ этотъ дворецъ изъ-за одной только картинной галереи,—продолжалъ Таманскій, не спуская глазъ съ балкона.—Зиму они живутъ въ Парижѣ.

Черезъ растворенныя настежь двери виднѣлась роскошная обстановка залы, уставленной драгоцѣнною, старинною мебелью, сверкали бронза и позолота. Воображенію легко было дополнить картину, представить себѣ стѣны, увѣшанныя потемнѣвшими отъ времени произведеніями знаменитыхъ художниковъ, высокіе потолки, разрисованные фресками, полы, выстланные причудливыми арабесками флорентинской мозаики, и, наконецъ, отраженіе всѣхъ этихъ драгоцѣнностей въ огромныхъ зеркалахъ.

А Дмитрій Николаевичъ, между тѣмъ, продолжалъ разсказывать про даму въ бѣломъ.

— Левенрингъ никогда съ нею не разстается; она ѣздила съ нимъ въ Африку три года тому назадъ, а нынѣшнюю зиму они намѣреваются провести въ Испаніи... Прежде она была пѣвица, и знаменитая пѣвица... Ты можетъ-быть слышала, Паола Лотти?— И не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ: — Въ свое время она надѣлала много шуму... Но артистическая ея карьера длилась недолго, года два, кажется, не больше... Она дебютировала въ Миланѣ. Мы были тогда тамъ съ матушкой и я помню, что когда имя ея стояло на афишѣ, ложу нельзя было достать иначе, какъ съ помощью разныхъ протекцій. Въ ту зиму я и съ Левенрингомъ познакомился,—это было лѣтъ восемь тому назадъ... Да, скоро будетъ восемь лѣтъ, какъ онъ похитилъ ее у публики и, какъ видишь, они до сихъ поръ счастливы.

Онъ говорилъ это, не переставая смотрѣть на балконъ, отъ котораго лодка ихъ медленно удалялась. Голосъ у него былъ какой-то нерѣшительный. Нерѣшительность эта выражалась также и въ его упорно отвертывающемся взглядѣ; ему, какъ будто, жутко было встрѣтиться съ глазами своей слушательницы, жутко было убѣдиться, что она понимаетъ тайную мысль, скрывавшуюся за каждымъ его словомъ.

— Законною женой его она быть не можетъ, — продолжалъ онъ, безпрестанно обрывая рѣчь длинными паузами,—по семейнымъ обстоятельствамъ... Состояніе его заключается въ родовомъ имѣніи, которое перешло къ нему отъ бабушки, съ непремѣннымъ условіемъ либо жениться на дѣвушкѣ одной съ ними фамиліи, либо остаться холостымъ. Когда Левенрингъ встрѣтился со своей... гражданскою женой...

Дмитрій Николаевичъ запнулся передъ послѣдними словами, которыя онъ произнесъ съ натянутой усмѣшкой.

— Онъ былъ уже обрученъ со своей кузиной, une demoiselle Tilsenhoff, мать ея урожденная Левенрингъ. Не легко ему было раздѣлаться съ невѣстой. Тильзенгофы и слышать не хотѣли о томъ, чтобы добровольно возвратить ему слово,—братъ невѣсты послалъ ему вызовъ и они дрались... Однимъ словомъ, цѣлый романъ... Левенрингу прострѣлили ногу... Не дальше какъ вчера была рѣчь про эту дуэль. Онъ—премилый разсказщикъ... «Можете себѣ представить, какъ я былъ счастливъ, когда почувствовалъ себя раненнымъ,—говоритъ,—вѣдь я могъ бы убить его!... Это большею частью такъ случается, когда выходишь на дуэль съ предвзятою цѣлью всѣми силами щадить противника. Въ рѣши-

тельную минуту сознаніе теряется, глаза застилаются кровью, цѣлишься на-обумъ, а выходитъ изумительно вѣрно и попадаешь именно туда, куда не хочешь».

По мнѣнію Таманскаго, графъ Левенрингъ былъ правъ,—самъ онъ, Дмитрій Николаевичъ, былъ свидѣтелемъ двухъ случаевъ.

Онъ разсказалъ эти случаи съ большими подробностями, а затѣмъ снова перевелъ рѣчь на теперешняго владѣльца палаццо Тестамани.

— Un charmant garçon, si distingué! И такой остроумный, что съ нимъ никогда нельзя соскучиться... Консулъ мнѣ много про него разсказывалъ, а также про нее, про эту женщину, для которой Левенрингъ всѣмъ пожертвовалъ—карьерой, сношеніями съ родственниками, службой... Il avait une charge à la cour, dont il s'est destitué, чтобъ свободнѣе разъѣзжать по бѣлому свѣту и жить тамъ, гдѣ вздумается... Впрочемъ, она и стоитъ такихъ жертвъ,—я еще раньше про нее слышалъ и только одно хорошее... Говорятъ, добрѣе, симпатичнѣе женщины трудно найти. Но красавицей ее нельзя назвать,—черты лица слишкомъ крупныя, не правда ли?... Сцену она, конечно, покинула,—продолжалъ онъ торопливо, какъ будто опасаясь, что ему не дадутъ высказать то, что у него вертѣлось на умѣ.—Но иногда у себя дома она поетъ, для друзей, en petit comité... Ну, также и въ концертахъ съ благотворительною цѣлью... Теперь у нея, говорятъ, голосъ сдѣлался еще лучше, чѣмъ былъ прежде, и она продолжаетъ заниматься музыкой.

Онъ смолкъ и посмотрѣлъ на свою спутницу.

Марья Алексѣевна сидѣла вся выпрямившись на своей черной бархатной подушкѣ и пристальнымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла вдаль. Она начала машинально выпрямляться и также безсознательно выронила вѣеръ изъ рукъ, въ ту самую минуту, когда Дмитрій Николаевичъ обратилъ ея вниманіе на возлюбленную графа Левенринга, какъ будто не желая даже и позой походить на эту женщину. Губы г-жи Астафьевой начали непріятно поджиматься, тоже съ первыхъ словъ его разсказа о бывшей пѣвицѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ холоднѣе и сердитѣе дѣлалось ея лицо.

Но Таманскій ничего этого не замѣчалъ,—онъ былъ слишкомъ занятъ своими мечтами. Интимный уголокъ чужой жизни и чужаго счастья, подсмотрѣнный при чарующей обстановкѣ дивной лунной ночи, внезапно воскресилъ у него въ душѣ завѣтныя

стремленія всей его жизни. Въ воображеніи начали развертываться картины одна другой оригинальнѣе и привлекательнѣе: умственный трудъ по сердцу, путешествія, свобода, полнѣйшее отрѣшеніе отъ мукъ честолюбія и зависимости, жизнь для себя,— однимъ словомъ, не на полгода и не на годъ, съ вѣчно висящимъ дамокловымъ мечомъ окончанія отпуска надъ головой, а навсегда, до конца жизни. Сколько радостей, сколько наслажденій сулила имъ такая жизнь!... Оба были молоды, здоровы и любили другъ друга; они могли жить вездѣ, гдѣ имъ хочется, и брать отъ жизни все, что она можетъ дать. Для чего же снова впрягаться въ ярмо, корпѣть надъ постылой работой, добиваться, презираемыхъ въ глубинѣ души, почестей и наградъ, подчиняться свѣтской морали въ которую не вѣришь?... Для чего все это?

Дмитрій Николаевичъ взялъ руку своей подруги и нѣжно пожалъ ее.

— Маня! видишь какъ люди устраиваются?... Неужели надо непремѣнно возвращаться въ Петербургъ?... Когда любишь, развѣ не все равно?...

Она съ испугомъ взглянула на него.

— Но если вы выйдете въ отставку, какже разводъ?

— Да, вы правы, надо хлопотать о вашемъ разводѣ,— холодно проговорилъ онъ, выпуская ея руку изъ своихъ рукъ.

Они доѣхали до дому молча, а на другой день онъ отправилъ въ Петербургъ ту депешу, о которой Мирновъ говорилъ Николаю Ивановичу Астафьеву, когда встрѣтился съ нимъ въ Зоологическомъ саду.

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XI[1]).

«Lochaber [2]) no more!»

Одинъ мой пріятель, уроженецъ Highland'а [3]), населеніе котораго было вытѣснено великимъ «сутерлэндскимъ очищеніемъ», описывая мнѣ нѣкоторыя сцены изъ этого ужаснаго выселенія, часто съ чувствомъ останавливался на картинѣ, какъ народъ шелъ весь въ изгнаніе по долинамъ, а трубачи, какъ послѣднее прощаніе съ родиной, играли «Lochaber no more!»

Lochaber no more! Lochaber no more [4])!
We'll maybe return to Lochaber no more [5])!

Я сочувствовалъ его разсказу; я раздѣлялъ всѣ его чувства. Я видѣлъ моихъ соотечественниковъ, какъ они тянулись такими же печальными процессіями къ эмигрантскому кораблю. И не въ одномъ какомъ-нибудь округѣ, а по всему острову можно было видѣть такія сцены въ Ирландіи въ періодъ отъ 1847 до 1857 года. Въ это десятилѣтіе около милліона человѣкъ было «очищено» съ острова изгнаніями съ фермъ и эмиграціей.

---

[1]) *Русская Мысль,* кн. VII.

[2]) Lochaber (Лохаберъ)—округъ въ Шотландіи.

[3]) Highland—мѣстность въ Шотландіи.

[4]) Извѣстная пѣсня шотландскихъ Highland'еровъ, отличающаяся необыкновенно грустнымъ и музыкальнымъ мотивомъ.

Примѣч. перевод.

[5]) Нѣтъ больше Лохабера! Нѣтъ больше Лохабера!
Быть-можетъ мы не возвратимся больше въ Лохаберъ!

Горькое воспоминаніе живетъ въ Ирландіи о такъ-называемыхъ «очищеніяхъ голода». Въ нихъ было много безсердечнаго и достойнаго слезъ, но много и неизбѣжнаго. Три года страшной нужды уничтожили всѣ средства земледѣльческаго населенія. Въ 1848 году въ цѣлыхъ округахъ фермеры-арендаторы (тѣ немногіе слабые и истощенные, которые пережили голодъ и чуму) не имѣли средствъ обработывать почву. Разореніе класса арендаторовъ во многихъ случаяхъ влекло за собой банкротства ландлордовъ. Крестьяне, неспособные обработывать землю, конечно, не могли платить и ренты. Многіе изъ нихъ были такъ далеки отъ этого, что даже нуждались въ пособіи ландлордовъ, чтобы существовать.

Помимо всякаго вопроса о готовности ирландскихъ ландлордовъ оказывать такую помощь, несомнѣнно, что, взятые цѣлымъ классомъ, они положительно не были въ состояніи этого дѣлать. Нѣкоторые изъ нихъ истратили въ теченіе 1848, 1849 и 1850 годовъ на займы для поддержанія фермеровъ почти весь доходъ съ своихъ имѣній.

Очень многіе изъ ирландскихъ ландлордовъ дѣйствовали иначе, но за такой образъ дѣйствій приходится винить не ихъ однихъ. Англійская пресса усвоила въ этомъ дѣлѣ идею, что ирландскій голодъ, если только имъ воспользоваться какъ слѣдуетъ, принесетъ великую пользу. Провидѣніе,—объявляла она,—послало этотъ драгоцѣнный поводъ для того, чтобы рѣшить несносный вопросъ объ ирландской нищетѣ и недовольствѣ. Ничего нельзя сдѣлать съ жалкимъ населеніемъ, которое до сихъ поръ побиралось на ирландской землѣ. Оно слишкомъ бѣдно для того, чтобы затратить капиталъ на развитіе богатствъ почвы. Оно слишкомъ невѣжественно, чтобы хозяйничать научно. А кромѣ всего этого, оно слишкомъ многочисленно. Зачѣмъ входить въ разорительныя издержки для спасенія и поддержанія класса такихъ нерадивыхъ и надоѣдливыхъ земледѣльцевъ? Лучше воспользоваться тѣмъ, въ чемъ выразилось предначертаніе Провидѣнія. Ирландія нуждается въ колонизаціи ея домовитыми шотландскими и учеными англійскими фермерами—людьми со средствами, людьми съ современными идеями.

Такимъ образомъ взывали и побуждали тысячи голосовъ на англійскомъ берегу, и корыстолюбивымъ ирландскимъ ландлордамъ такое наставленіе казалось божественнымъ откровеніемъ. Англійскіе арендаторы платили болѣе высокія ренты, чѣмъ ирландскіе,

и платили ихъ аккуратно. Англійскіе «колонисты» такъ бы хозяйничали на землѣ, что увеличили бы ея стоимость вчетверо. Англійскіе фермеры имѣютъ настоящее понятіе о держаніи земли и оставляли бы ее по первому требованію. Не будетъ больше возни съ полунищимъ и недовольнымъ народомъ, который всегда опаздываетъ со своими рентами, всегда нуждается въ пониженіи ихъ и никогда не хочетъ повышенія. Не будетъ больше непріятностей отъ проповѣдниковъ права на аренду и отъ бунтовскихъ газетъ, не будетъ страха риббонитскихъ приказовъ и рокитскихъ предупрежденій. Блаженное время! Эльдорадо было въ виду!

Людямъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились въ 1848 году ирландскіе ландлорды, такія мечты казались непреложно доказанными. Они составляли въ то время тэму и содержаніе изслѣдованій, рѣчей и лекцій въ Англіи. Нѣкоторые писатели были такъ добры, сожалѣли, что перерожденіе страны должно совершиться такой тяжелою цѣной. Другіе, къ несчастію, не считали нужнымъ скрывать своей радости и возбужденія... Теперь-то настала удобная минута положить конецъ ирландскимъ затрудненіямъ! Голодъ, по волѣ Провидѣнія, очистилъ путь для великой и громадной работы, если только Англія способна ее выполнить. Теперь настало время наполнить Ирландію британскимъ населеніемъ.

Очень естественно, что всякій можетъ усомниться, взвѣшивали ли эти люди, говорившіе и писавшіе такимъ языкомъ, какое впечатлѣніе на народъ Ирландіи и какія послѣдствія будутъ имѣть ихъ слова. Я съ чисто-исторической точки зрѣнія утверждаю, что это было причиной и видимымъ началомъ того положенія вещей, которое такъ непріятно обращаетъ на себя вниманіе англичанъ,—той отчаянной горечи и смертельной ненависти къ Англіи, которую тысячи эмигрантовъ унесли съ собой изъ Ирландіи въ Америку. Многимъ англичанамъ этотъ враждебный духъ кажется почти необъяснимымъ. «Если ирландцы эмигрировали,— говорятъ они,—это дѣлалось для ихъ собственнаго блага и выгоды. Съ какой же стати они ненавидятъ за это Англію? Англичане тоже эмигрируютъ тысячами каждый день». Нѣтъ надобности останавливаться на тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, которыми отличается исходъ ирландцевъ отъ предпріимчивой эмиграціи нѣмцевъ, шведовъ или англичанъ. Ирландецъ, разсказывая исторію этихъ изгнаній, голода и паники эмиграціи, послѣдовавшей за ними, невольно становится лицомъ къ лицу съ происхожденіемъ ирландско-американскаго феніанизма.

Очень можетъ быть, что еслибы даже ирландскіе ландлорды и не имѣли передъ собой соблазнительной идеи о «колонизаціи», извѣстная часть ихъ избрала бы въ большей или меньшей степени тотъ же путь, которому они въ дѣйствительности слѣдовали. Что имъ было дѣлать? Нищіе ландлорды нищихъ арендаторовъ, они, очевидно, по необходимости принуждены бы были принести въ жертву послѣднихъ, какъ утопающій сталкиваетъ съ доски другаго, когда видитъ, что она не можетъ удержать двоихъ. Какъ бы то ни было, вмѣстѣ съ ирландскимъ голодомъ явились такія «очищенія», какихъ не видала исторія арендаторства (land-tenure). Въ теченіе голодныхъ годовъ, ренты, конечно, не платились, и не платились потому, что никто не былъ въ состояніи платить ихъ, большею же частію крестьяне-арендаторы, и формально земли отнимались въ пользу ландлордовъ за «неплатежъ рентъ». Позднѣе же, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было неуплаченныхъ рентъ, изгнанія все-таки производились для того, чтобы «очистить» («clear») землю и замѣнить фермы пастбищами для овецъ и скота. Четвертные суды представляли теперь странное зрѣлище. Число дѣлъ въ этихъ трибуналахъ разрасталось до невѣроятныхъ размѣровъ и состояло преимущественно изъ двухъ родовъ—взысканій съ фермеровъ за пищу, хлѣбныя сѣмена, денежныя обязательства и—процессовъ объ изгнаніяхъ. Я видалъ буквально груды связокъ послѣднихъ на столѣ клерка суда и цѣлые часы слушалъ однообразныя «объявленія и заключенія» («calling» and «marking»). Защищаться не было и попытокъ,—защита была невозможна.

А затѣмъ на сцену явилась истинно-печальная процедура изгнаній.

Для англійскаго фермера, какъ общее правило, арендованіе фермы, я увѣренъ, едва ли болѣе затруднительно и разорительно, чѣмъ обыкновенное «переселеніе Михайлова дня» для городскаго жителя изъ одного дома въ другой. Онъ нанимаетъ пользованіе фермой со всѣми принадлежностями, приспособленіями и удобствами, устроенною въ полномъ порядкѣ ландлордомъ, совершенно точно такъ же, какъ бы онъ нанималъ рыбачью лодку на недѣлю или на день, или арендовалъ мѣсто для охоты съ опрятнымъ домикомъ или горною резиденціей на сезонъ. Совсѣмъ другая исторія съ ирландскимъ фермеромъ. Его ферма была и для него, и для его предковъ въ теченіе многихъ поколѣній устроеннымъ и дорогимъ домомъ. Каждый кустъ, каждое дерево, каждая лужай-

ка, каждый холмъ такъ или иначе связаны съ нимъ и составляютъ часть его собственнаго существованія. Все, что тутъ есть надъ поверхностью земли, наприм. домъ, контора, службы, изгородь, дорога, ворота, калитка—все это создано руками арендатора. Подъ этой убогой соломенною крышей онъ родился и выросъ. Сюда онъ привезъ свою молодую невѣсту, и здѣсь онъ женился на ней. Здѣсь родились его малыя дѣти. Эта ферма—все его владѣніе, его міръ, его все; онъ самъ — существенная часть ея, какъ ива, какъ дубъ, выросшіе на этой землѣ. Переселеніе для него значитъ вырываніе съ корнемъ, а пересадка—смерть. Привязанность ирландскаго крестьянина къ своей фермѣ есть нѣчто такое, чего невозможно понять тому, кто не провелъ своей жизни среди этого класса и не видалъ изо дня въ день глубину, силу и напряженность этихъ чувствъ.

Поэтому легко себѣ представить, что ирландское изгнаніе есть нѣчто способное тронуть самое черствое сердце. Я знаю шерифовъ и подшерифовъ, которые жаловались мнѣ, что какъ ни непріятны и ни грустны обязанности, исполняемыя ими на эшафотѣ, онѣ далеко не такъ болѣзненно отзывались на ихъ чувствахъ, какъ то, чему приходилось быть свидѣтелями, участвуя въ процедурѣ изгнаній, то-есть въ разрушеніи домовъ, какъ это было во время «очищеній голода»... Раздраженіе сторонъ не допускаетъ ни проволочки, ни отсрочки. Въ дождь и снѣгъ, градъ и грозу приговоренные должны убираться вонъ. Не встающій съ кровати дѣдъ, не выходящій изъ колыбели ребенокъ, больной, старый и умирающій—одинаково должны быть выкинуты, хотя у нихъ и нѣтъ другой крыши или дома въ мірѣ,—бурное небо должно быть ихъ единственнымъ покрываломъ въ первую же ночь. Эта невоображаемая картинка—лишь короткое и простое изображеніе дѣйствительности, которую можно было видѣть по всей Ирландіи въ теченіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за голодомъ. Я повторю слова одного очевидца, описывающаго одну изъ такихъ сценъ: «Семьсотъ человѣческихъ существъ,—говоритъ преподобный д-ръ Нёлти, католическій епископъ Мита,—были выгнаны изъ домовъ въ одинъ этотъ день. Кромѣ одного человѣка, никто изъ нихъ не былъ долженъ ни одного шиллинга ренты во всемъ имѣніи. Помощники шерифовъ, нанятые для тушенія огня и разрушенія домовъ этихъ честныхъ и работящихъ людей, исполняли свое гнусное занятіе до самаго вечера. Наконецъ, случилось обстоятельство, которое нарушило однообразіе мрачныхъ и безобразныхъ

развалинъ, которыя они распространяли вокругъ себя. Объятые ужасомъ, они вдругъ остановились и попятились назадъ отъ двухъ домовъ, которые уже собирались ломать вмѣстѣ съ остальными. Они только сейчасъ увидали, что въ этихъ домахъ свирѣпствовалъ тифъ и уже принесъ смерть нѣкоторымъ изъ обитателей. Поэтому они обратились къ агенту съ просьбой оставить эти дома стоять нѣсколько дольше; но онъ былъ неумолимъ и настаивалъ, чтобы дома были сломаны. Онъ приказалъ повѣсить надъ постелью, въ которой лежали тифозные больные,—къ счастію, они были въ это время въ бреду,—большую простыню, и затѣмъ осторожно и тихо снять съ домовъ крыши. Четыремъ изъ этихъ жертвъ горячки на другой день я давалъ послѣднее напутствіе церкви и не было тогда, благодаря этой простынѣ, крыши болѣе близкой ко мнѣ, чѣмъ широкій покровъ небесъ. Сцены изгнанія этого дня я не забуду во всю мою жизнь. Рыданіе женщинъ, крики, ужасъ и изумленіе дѣтей, безмолвная агонія мущинъ—вызывали слезы скорби у всѣхъ, кто видѣлъ ихъ. Я видѣлъ, какъ офицеры и нижніе чины значительнаго отряда полиціи, обязанные присутствовать при этомъ, плакали, какъ дѣти. Сильный дождь, составляющій обычное явленіе около осенняго равноденствія, полилъ какъ изъ ведра въ первую же ночь, давая бездомнымъ страдальцамъ тотчасъ же чувствовать весь ужасъ ихъ положенія. Я посѣщалъ ихъ на слѣдующее утро и ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто, раздавая утѣшеніе и помощь, какія могъ. Землевладѣльцы вокругъ нихъ и на многія мили во всѣ стороны запрещали своимъ арендаторамъ давать изгнаннымъ пристанище, хотя бы на одну ночь. Многіе изъ этихъ бѣдняковъ не были въ состояніи эмигрировать. Проборовшись напрасно нѣкоторое время съ нищетой и болѣзнью, они постепенно проходили черезъ рабочій домъ въ могилу и менѣе чѣмъ черезъ три года около четвертой части ихъ уже покоилось въ землѣ».

Разрушеніе домовъ дошло до такихъ размѣровъ*), что въ этой практикѣ выработалось извѣстнаго рода искусство; на рабочемъ рынкѣ въ это время появились особыя артели людей, привычныхъ владѣть съ этою цѣлью киркой и ломомъ. Нѣсколько позже весь персоналъ шерифовъ, подшерифовъ, агентовъ, повѣрен-

---

*) 22 марта 1848 г. членъ парламента Пулеттъ Скропъ обратилъ вниманіе палаты общинъ на крайне незаконный способъ, какимъ приводится въ исполненіе это массовое разрушеніе крестьянскихъ домовъ въ Ирландіи. Изгнанія, какъ утверждалъ онъ, дѣлались «большею частью по ночамъ».—*Примѣч. авт.*

ныхъ и отряда полицейскихъ—сталъ называться «ломовою бригадой»—имя, связанное съ дурными дѣлами, при одномъ вспоминаніи которыхъ сердце ирландскаго крестьянина содрогается.

Скоро ручной трудъ ломанія домовъ оказался слишкомъ медленнымъ, и вотъ были призваны на помощь научное усовершенствованіе и техническая изобрѣтательность. М-ру Скёлли, католическому лорду Типперари, принадлежитъ честь изобрѣтенія машины для болѣе дешеваго и быстраго снесенія крышъ и разрушенія крестьянскихъ домовъ. Я самъ никогда не видалъ ее, но друзья, наблюдавшіе изобрѣтеніе въ дѣйствіи, описывали мнѣ его. Оно состояло изъ массивныхъ желѣзныхъ рычаговъ, крючьевъ и цѣпей, къ которымъ припрягались лошади. Рычаги и крючья проворно зацѣплялись за извѣстныя мѣста стропилъ и при одномъ ударѣ бича и усиліи лошадей крыша сносилась прочь. Подобнымъ же искуственнымъ вытаскиваніемъ угловыхъ камней разрушались стѣны. Было найдено, что такая машина позволяетъ одному шерифу выгнать въ одинъ день въ десять разъ большее число крестьянскихъ семействъ, чѣмъ выгоняли 50 человѣкъ прежней ручной «ломовой бригады». М-ръ Скёлли не взялъ за свое изобрѣтеніе никакого вознагражденія. Онъ даже не регистрировалъ и не патентовалъ его, а любезно предоставилъ во всеобщее употребленіе, на благо своихъ товарищей—ландлордовъ. Мнѣ говорили, что меньше чѣмъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ оно было въ полномъ ходу въ южныхъ графствахъ.

Но даже разрушенный и разоренный «домъ»,—да, то былъ домъ,—казалось, имѣлъ какое-то обаяніе для выгнаннаго народа. Онъ долго бродилъ вокругъ своего пепелища, пока его не прогоняли силой или окончательный голодъ не вынуждалъ идти скитаться по «широкому, широкому свѣту». Они строили возлѣ дороги жалкія палатки или лачуги изъ древесныхъ сучьевъ, кусковъ досокъ, вытащенныхъ изъ обломковъ разрушеннаго дома, кладя ихъ на живую изгородь или заборъ и покрывая кусками старыхъ простынь, древесными листьями или дерномъ. Подъ такимъ убогимъ кровомъ пресмыкались дѣти и женщины, а мужчины спали подъ открытымъ небомъ. Одинъ пріятель разсказывалъ мнѣ, что, проѣзжая въ 1849 г. по графству Клэръ, онъ встрѣтилъ возлѣ дороги нѣсколько такихъ палатокъ изгнанныхъ крестьянъ. По его словамъ, во всѣхъ нихъ должно было находиться до ста мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и, по всей видимости, они жили въ этихъ хижинахъ уже довольно долго.

Въ графствѣ Мэйо число такихъ придорожныхъ поселеній было такъ же велико, какъ и въ Клэрѣ, но тамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сосѣдніе собственники давали изгнанникамъ пристанище и такимъ образомъ спасали ихъ отъ рабочаго дома. Слѣдуетъ замѣтить, что такіе жестокіе и безсердечные факты, какъ приведенные д-ромъ Нёлти (запрещеніе окрестныхъ ландлордовъ своимъ арендаторамъ давать убѣжище изгнаннымъ), если не въ этомъ частномъ случаѣ, то въ другихъ, дѣйствительно, имѣли свое мѣсто,—наприм. тамъ, гдѣ участки были настолько малы, что не допускали дробленія,—и ни одинъ ландлордъ не хотѣлъ, чтобы разоренное и нищее населеніе другихъ округовъ усиливало тяжесть налога для бѣдныхъ въ его собственномъ округѣ.

Случаи, гдѣ подобное убѣжище допускалось, были очень немногочисленны и огромныя массы,—это дѣйствительно были массы,—постепенно раздѣлялись на два класса. Всѣ, кто были въ состояніи эмигрировать,—т.-е. всѣ, кто имѣлъ или могъ занять, собрать необходимыя средства, — переселялись въ Австралію, Америку или Великобританію. Тѣ же, кто не могъ располагать даже нѣсколькими фунтами для переѣзда въ Англію, или въ ближайшій городъ, гдѣ нѣкоторое время влачили жалкое существованіе поденщиковъ, впадали въ нищенство, а затѣмъ скоро исчезали въ рабочемъ домѣ, чтобы никогда уже болѣе не поднимать головы и не имѣть своего собственнаго дома. Отъѣздъ эмигрантовъ имѣлъ раздирающій видъ. Англійскіе путешественники по ирландскимъ желѣзнымъ дорогамъ иногда бывали изумлены, подъѣзжая къ какой-нибудь сельской станціи, громкими рыданіями изъ густой толпы на платформѣ. Пока носильщики съ отчаянною поспѣшностью сваливаютъ въ багажный вагонъ многочисленные крашеные ящики, происходила раздирающая сцена разставанія. Это—проводы эмигрантовъ. Съ горькими слезами они снова и снова цѣлуются со всѣми сосѣдями, друзьями, мужчинами, женщинами и дѣтьми, которые пришли взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Но горькая тоска наполняетъ тѣхъ членовъ семействъ, которые принуждены уѣзжать и оставлять родныхъ съ тѣмъ, чтобы прислать за ними или за ней изъ первыхъ заработковъ въ изгнаніи. Уѣзжающій мужъ поручаетъ свою жену и дѣтей родственникамъ или друзьямъ, пока онъ не будетъ въ состояніи оплатить ихъ переѣзда. Или это сынъ или дочь, уѣзжающіе отъ стариковъ отца и матери, обѣщая имъ, что они не долго будутъ оставаться въ одиночествѣ. Оглушительный плачъ раздается, ког-

да звонокъ даетъ знать объ отъѣздѣ. Я видѣлъ, какъ сѣдые старики такъ крѣпко обнимали и прижимали къ себѣ своихъ дѣтей, что только усилія троихъ или четверыхъ друзей могли оторвать ихъ. Носильщикамъ приходилось употреблять физическую силу передъ отходомъ поѣзда, чтобъ отогнать толпу отъ оконъ и дверей. И когда, наконецъ, поѣздъ трогался среди сцены горькой тоски, сотни людей бѣжали по полямъ, вдоль линіи, чтобъ уловить еще одинъ взглядъ друзей, которыхъ больше не увидятъ *).

Кромѣ ландлордовъ, которые, несмотря ни на какія жертвы, поддерживали и удерживали своихъ арендаторовъ и тѣхъ, которые по собственному желанію или по необходимости оставляли ихъ на произволъ судьбы или выбрасывали въ свѣтъ, была третья категорія, державшаяся средняго пути. Эти не помогали крестьянамъ выдерживать бурю и оставаться жить на старомъ мѣстѣ, но давали имъ возможность уходить прочь, давали имъ нужныя деньги для проѣзда до американскаго или англійскаго берега. Характеръ и достоинство этихъ дѣяній были очень смѣшанные. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было благороднымъ дѣломъ, а въ другихъ—безсовѣстною торговлей, пользующеюся минутой крестьянской безпомощности. Которое чувство преобладало? Благословлялъ ли ландлордъ свою судьбу за то, что такой дешевою цѣной освободился отъ разоренныхъ арендаторовъ, а также и налога въ пользу бѣдныхъ въ своемъ имѣніи и получилъ очищенныя фермы въ свое полное владѣніе,—или онъ, какъ человѣкъ честный и искренній, чувствовалъ, что дѣлаетъ добро и себѣ, и крестьянамъ, что они никогда не могли бы выбиться изъ долга и будутъ счастливы въ Америкѣ или Австраліи?... Этого вопроса я никогда не могъ рѣшить удовлетворительно самъ для себя.

Но, при всемъ желаніи смотрѣть на эти пособія съ самой свѣтлой точки зрѣнія и предполагать за ними самые лучшіе мотивы, я видѣлъ, что едва ли одинъ изъ этихъ ландлордовъ далъ возможность разореннымъ бѣглецамъ сдѣлать что-нибудь

---

*) Однажды, въ іюнѣ 1847 г., я гулялъ около Кагирморе, въ 6 мил. къ западу отъ Кастльтоуна Биргевена, по полю, достигающему утесовъ атлантическаго берега. Вдругъ я увидѣлъ молодаго крестьянина, бѣгущаго по дорогѣ вдоль берега; онъ рыдалъ и махалъ шапкой по направленію къ кораблю, который шелъ на всѣхъ парусахъ въ разстояніи мили отъ берега. Сначала я никакъ не могъ понять, что это значило, но изъ распросовъ узналъ, что это былъ эмигрантскій корабль, только-что вышедшій изъ Кастльтоуна: тамъ была его сестра. Вѣтеръ былъ легкій и корабль шелъ тихо, такъ-что бѣдный парень могъ бѣжать вдоль берега цѣлыя мили и махать шляпой въ надеждѣ, что его сестра можетъ-быть смотритъ въ сторону дома. *Прим. автора.*

большее, чѣмъ добраться до чужого берега. Повидимому, ни одинъ изъ нихъ не задумывался ни на минуту надъ тѣмъ, какъ понравится англійскому народу, что десятки тысячъ невѣжественныхъ, неумудренныхъ, неумѣлыхъ и неграмотныхъ ирландскихъ крестьянъ будутъ выброшены безъ гроша въ карманѣ на набережной Ливерпуля или въ докахъ Лондона. Ни одинъ изъ нихъ, повидимому, нисколько не заботился о томъ, что можетъ произойти отъ того, если сотни, тысячи устремившихся черезъ Атлантиду не найдутъ себѣ работы въ первый же день послѣ высадки въ Бостонѣ или Нью-Йоркѣ. Сотни этихъ эмигрантовъ ѣхали черезъ океанъ съ лохмотьями на спинахъ и безъ одного шиллинга въ карманѣ, чтобы купить себѣ пропитанія хоть на одинъ день по выходѣ на берегъ. Я самъ знаю нѣсколькихъ, которые занимали семь шиллинговъ и шесть пенсовъ, чтобы заплатить за проѣздъ на палубѣ черезъ каналъ въ Англію, надѣясь получить какое-нибудь занятіе въ тотъ же день, даже часъ, какъ они высадятся въ Бристолѣ, Лондонѣ или Ливерпулѣ, или, въ противномъ случаѣ, быть въ необходимости провести первую ночь на англійской почвѣ безъ постели и пищи.

Часто, стоя и наблюдая отъѣздъ этихъ группъ, я старался рѣшить вопросъ, чтó бы такое они могли дѣлать въ странѣ, куда ѣхали, къ чему они годились. Многіе изъ нихъ никогда не видали города съ десятью тысячами жителей, и въ большой столицѣ, даже въ своей собственной странѣ, они были бы безпомощны и запуганы, какъ стадо овецъ на многолюдной большой дорогѣ. Что ихъ ожидало среди Лондона или Нью-Йорка? Какое впечатлѣніе произведутъ они на иностранный городской народъ? Какого рода искусство, какую отрасль промышленности несли они съ собой, чтобы получить заработокъ и обезпечить себѣ радушный пріемъ? Немногіе изъ нихъ могли читать; нѣкоторые, привыкшіе говорить на родномъ кельтскомъ языкѣ, мало знали по-англійски. Ихъ деревенскія манеры будутъ вызывать насмѣшку, а недостатокъ образованія—презрѣніе со стороны тѣхъ, кто не знаетъ или не хочетъ знать, что въ несчастной странѣ, которую они оставили, школьный учитель былъ запрещенъ закономъ цѣлыя двѣсти лѣтъ. Печальны были ихъ шансы. Почти все противъ нихъ. Ихъ прошлая жизнь, не приготовлявшая ихъ ни къ чему подобному, почти во всемъ сдѣлала ихъ непригодными для перемѣны.

Все это я говорилъ объ эмигрантахъ крестьянахъ и коттіерахъ. Но въ огромной толпѣ, несомнѣнно, были и тысячи та-

кихъ, которые, по счастью для нихъ, что доказали послѣдствія, обладали образованіемъ, ремесломъ, а иногда и нѣкоторыми средствами для начала жизни въ другой странѣ, члены уважаемыхъ и когда-то бывшихъ богатыми семействъ, но разорившихся во время голода. Мало того, въ стиреджѣ (3-мъ классѣ) отправлялось много хорошихъ и молодыхъ дѣвушекъ, ѣхавшихъ испробовать долю служанокъ въ чужой странѣ, которыя дома когда-то имѣли сами слугъ, готовыхъ исполнять всѣ ихъ желанія, а также много молодыхъ людей, готовыхъ поступить на мѣсто грума, котораго ремесло, такъ сказать, они изучали въ качествѣ джентльменскихъ сыновей лишь въ отъѣзжемъ полѣ. Въ городахъ Великобританіи и Америки теперь существуютъ тысячи ирландцевъ, частью составившихъ себѣ положеніе и состояніе, частью же и до сихъ поръ бьющихся въ жалкой обстановкѣ, которые высадились на новый берегъ безъ друзей и безъ надеждъ, оставивъ за собой развалины счастливыхъ и изобильныхъ домовъ.

Но что касается до огромной массы неразвитыхъ крестьянъ, жертвъ этой гуртовой высылки, то ихъ судьба была, да и не могла не быть, очень плачевна. Пріѣзжая въ такомъ огромномъ числѣ, окруженные всѣмъ чужимъ, новымъ и часто враждебнымъ, они неизбѣжно держались вмѣстѣ, образуя обособленныя колоніи или «кварталы» въ городахъ, гдѣ селились. Дома, въ ихъ родныхъ долинахъ, бѣдность была свободна отъ тѣхъ ужасовъ, которые связывались съ нею здѣсь, а именно разлагающихъ городскихъ пороковъ. Дѣти этихъ несчастныхъ эмигрантовъ росли при ужасной обстановкѣ. Въ полицейскихъ отчетахъ скоро начали фигурировать ряды кельтскихъ именъ. «Подлый ирландецъ» сдѣлалось презрительною кличкой.

Эта картина—печальная и во многихъ случаяхъ вѣрная четверть столѣтія тому назадъ—теперь, къ счастію, уже становится рѣдкостью. Появляется болѣе свѣтлое и лучшее положеніе вещей. Но лично отъ себя я долженъ сказать, что я никогда не забуду тѣхъ подавляющихъ впечатлѣній, которыя я вынесъ, изслѣдуя больше двадцати лѣтъ тому назадъ положеніе рабочихъ ирландцевъ въ Стаффордширѣ, Ланкаширѣ, Бостонѣ и Нью-Йоркѣ. Я зналъ, что эти мои бѣдные соотечественники сдѣланы изъ гораздо лучшаго и болѣе благороднаго матеріала, чѣмъ о нихъ думали окружавшіе ихъ чужестранцы, что они были жертвами обстоятельствъ. Я видѣлъ и оплакивалъ ихъ пороки и неудачи,—видѣлъ, что ихъ природныя ирландскія добродѣтели, ихъ про-

стая, добрая и благородная натура почти совершенно выродились при жестокой пересадкѣ.

Ирландскій исходъ имѣлъ ужаснаго спутника, занимающаго въ воспоминаніяхъ ирландца о томъ времени почти такое же мѣсто, какъ и самъ голодъ. Народъ, бѣжавшій изъ пропитанныхъ лихорадкой лачугъ и рабочихъ домовъ, несъ чуму вмѣстѣ съ собой на корабли. Каждый изъ нихъ превращался въ плавучую усыпальницу. День за днемъ американская публика, содрогаясь, слушала ужасные разсказы о корабляхъ, приходящихъ изъ зачумленныхъ тифомъ и холерой гаваней. Дорога, по которой они пересѣкали океанъ, была усѣяна трупами, выброшенными за бортъ во время пути. 11 февраля 1848 г. м-ръ Лабушеръ въ слѣдующихъ словахъ говорилъ въ палатѣ общинъ о смертности за одинъ годъ на корабляхъ, направлявшихся только въ Канаду и Нью-Брунсвикъ:

«Изъ 106.000 эмигрантовъ, кои переѣхали черезъ океанъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ Канаду и Нью-Брунсвикъ, 6.100 погибли во время пути, 4.100—по пріѣздѣ, 5.200—въ госпиталяхъ и 1.900—въ городахъ, гдѣ они нашли себѣ пристанище. Общая смертность составляла не меньше 17% всего числа эмигрировавшихъ въ эти мѣста, число же смертей было 17.300».

Во всѣхъ большихъ портахъ Америки и Канады тотчасъ же были построены громадные карантинные госпитали. Каждый день прибывавшіе зачумленные корабли выгружали въ нихъ свой оставшійся въ живыхъ грузъ, для котораго смерть тотчасъ же очищала мѣста. Цѣлыя семейства исчезали между водой и землей, какъ говорятъ матросы. Часто всѣ взрослые умирали и оставались одни дѣти. Не всегда возможно было узнавать имена больныхъ и не рѣдко такимъ образомъ терялась всякая возможность узнавать людей. Общественныя власти и благотворительныя учрежденія, основавшія эти лазареты, къ концу своей дѣятельности имѣли на своихъ рукахъ сотни осиротѣлыхъ дѣтей, которыхъ имена и происхожденіе прослѣдить не было возможности. Около восьми лѣтъ тому назадъ ко мнѣ въ Дублинъ приходилъ одинъ изъ такихъ потерявшихъ свое имя, теперь человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ и положеніемъ. Онъ пріѣхалъ изъ-за океана со спеціальною цѣлью, которую преслѣдовалъ уже много лѣтъ, добыть какіе-нибудь признаки своего семейства, погибшаго въ одномъ изъ огромныхъ береговыхъ госпиталей

1849 года. Съ благоговѣніемъ онъ хранилъ нѣсколько кусковъ краснаго крашенаго эмигрантскаго ящика, который, какъ онъ былъ увѣренъ, принадлежалъ его отцу. Ревностно ѣздилъ онъ изъ мѣста въ мѣсто по графствамъ Клэръ, Керри и Галуэй, надѣясь выкопать изъ могилъ ужаснаго прошлаго тайну, едва ли не навсегда для него потерянную.

«Отъ Гроссъ Эйланда, великой усыпальницы принесеннаго въ жертву человѣчества,—гласитъ оффиціальный отчетъ Монтреальскаго эмигрантскаго Общества за 1847 г.,—до Портъ-Сарнія, а также вдоль береговъ нашей величественной рѣки, на берегахъ озеръ Онтаріо и Эри, куда бы ни достигала эмиграція,—повсюду могутъ быть найдены мѣста вѣчнаго успокоенія сыновъ и дочерей Ирина, одна непрерывная цѣпь могилъ, гдѣ покоятся отцы, матери, сестры и братья, смѣшанные въ одной грудѣ, безъ слезы, оросившей землю, безъ камня, указывающаго мѣсто. Больше двадцати тысячъ душъ сошли въ могилу такимъ образомъ».

Я не знаю, есть ли въ исторіи нашего времени что-нибудь подобное этому ирландскому исходу. Говорятъ, нѣмцы эмигрировали въ огромномъ числѣ и, подобно ирландцамъ, повидимому образуютъ обособленныя общины, гдѣ селятся. Но многія обстоятельства отличаютъ дѣло ирландцевъ отъ всякаго другаго, какое можно бы было привести. Другія эмиграціи были болѣе или менѣе постепеннымъ и постояннымъ переселеніемъ народа, ѣдущаго по своей доброй волѣ; здѣсь же было насильственное изгнаніе или паническое бѣгство приведеннаго въ ужасъ народа и сопровождалось страшными сценами страданія и смерти. Мало того, ирландцы чувствуютъ, что ихъ страна не имѣла возможности «соблюсти правила» (если я могу такъ выразиться) при томъ положеніи вещей, которое выбросило въ свѣтъ одну часть населенія, всего менѣе приготовленную встрѣтить его и всего менѣе способную дать иностранцамъ понятіе о честныхъ и высокихъ идеяхъ Ирландіи и ирландцевъ. Среди англичанъ и англичанокъ даже и теперь еще не мало такихъ, которые представляютъ себѣ, что всѣ ирландцы живутъ въ лачугахъ (caubeens) съ трубами на боку и носятъ серпъ подъ фланелевой курткой. Еслибъ иностранцы видѣли соотвѣтствующій классъ англійской націи, когда она имѣла классъ крестьянъ,—какое грубое представленіе они могли бы составить себѣ о типическомъ англичанинѣ.

Однакожъ первое ужасное испытаніе пережито и ирландская эмиграція начинаетъ давать хорошіе и полезные плоды. Обдѣ-

ленные при началѣ своего поприща, лишенные отечества, кельты рѣшительно поднимаются и выступаютъ въ передніе ряды во многихъ странахъ. Они усвоиваютъ искусства и пользуются своей природной быстрою смѣтливостью. Къ несчастію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ принижаютъ и давятъ внизъ пороки, порожденные невѣжествомъ и нищетой; но въ большей части случаевъ они завоевали себѣ уваженіе и обезпечили хорошее отношеніе своихъ товарищей рабочихъ, сосѣдей и хозяевъ. Грустныя обстоятельства, при которыхъ огромное большинство ихъ пересѣкло океанъ, положили на ирландскихъ эмигрантовъ одну выдающуюся черту: они—обособленный народъ. Какъ сыны Израиля, «они сидятъ на рѣкахъ вавилонскихъ и плачутъ, вспоминая Сіонъ». Въ радости или горѣ, нуждѣ или богатствѣ, у нихъ въ сердцахъ всегда есть уголъ для Ирландіи, въ тайнѣ хранимая память о прощаніи на желѣзной дорогѣ, или послѣднемъ взглядѣ, брошенномъ на родную долину, разрушенную хижину, уединенное боярышниковое дерево. Часто въ своихъ снахъ они опять ломаютъ руки такъ, какъ ломали ихъ въ тотъ день, когда отправлялись въ вѣчную ссылку.

XII.

Актъ объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами.

«А, Кингстонъ, черноусый, добродушный Кингстонъ, я радъ васъ видѣть въ этой гостепріимной странѣ!»—съ такимъ характеристичнымъ привѣтствіемъ обратился Георгъ IV къ открытому, веселому и горячему графу Кингстону, вступая на ирландскій берегъ въ Гоутѣ 12 августа 1821 года и увидавъ его среди собравшейся для встрѣчи толпы.

Король тогда и не подозрѣвалъ, что «черноусый и добродушный» аристократъ, стоявшій передъ нимъ, — прекрасный типъ ирландскаго провинціальнаго дворянина, храбрый, великодушный, гостепріимный, добрый къ своимъ крестьянамъ, любимый своими подчиненными, — былъ обреченъ судьбой быть послѣднимъ представителемъ своего имени и рода. Однакожь это было такъ. Его наслѣднику суждено было увидѣть лишь развалины благороднаго дома и обломки того княжескаго богатства, которое когда-то составляло гордость южной Ирландіи.

Путешественникъ, ѣдущій изъ Корка въ Дублинъ, подъѣзжая къ станціи «Лимерикское Соединеніе», видитъ на правой сто-

ронѣ цѣпь высокихъ горъ, рѣзко выдѣляющихся среди плодородной равнины. Даже смотря съ желѣзной дороги, всякій можетъ замѣтить, что онѣ пронизаны глубокими и узкими проходами и живописными долинами. Это—Галти, одна изъ благороднѣйшихъ горныхъ группъ въ Ирландіи, а можетъ-быть и въ Европѣ.

Округъ имѣетъ исторію полную событій. Его глубокія стремнины, непроходимые холмы, извилистые дофилеи сдѣлали его убѣжищемъ для природныхъ ирландцевъ, гонимыхъ съ равнинъ. «Естественная крѣпость свободы», называетъ его одинъ изъ нашихъ историковъ. Десмондъ-Геральдины — ipsis Hibernicis Hiberniores—были его лордами въ теченіе всего пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Осыпавшіяся стѣны ихъ многочисленныхъ замковъ до сихъ поръ составляютъ выдающіяся черты мѣстности на многія мили вокругъ. Уже въ семнадцатомъ столѣтіи обширныя владѣнія этой вѣтви Фитцгеральдовъ перешли къ Фентонамъ изъ Митчельстоуна, одинъ изъ которыхъ женился на дочери «бѣлаго рыцаря», Фитцгеральда изъ Клонджиббона. Черезъ нѣсколько времени на единственной наслѣдницѣ Фентановъ женился Джонъ Кингъ, котораго дѣдъ, сэръ Джонъ Кингъ, получилъ отъ Карла II обширныя владѣнія въ графствѣ Роскоммонъ. Онъ былъ предшественникомъ «черноусаго, добродушнаго» лорда Кингстона и капитана Кингъ-Гармана, члена парламента отъ Слиго (1877 г.), къ которому и перешли эти имѣнія въ Роскоммонѣ.

На югъ и западъ отъ Галти подымаются горы Кнокмельдона. Долина, раздѣляющая ихъ, одна изъ самыхъ прекрасныхъ въ Мюнстерѣ. При ея вершинѣ стоитъ Митчельстоунскій замокъ. О величественности этого горнаго дворца Кингстоновъ и окружающихъ его естественныхъ красотахъ я слыхалъ еще въ дѣтствѣ. Но когда я посѣтилъ это мѣсто въ 1860 г., уже свершились обстоятельства, которыя я сейчасъ разскажу, и княжескій домъ не зналъ болѣе Кингстоновъ. За десять лѣтъ до этого въ *Daily News* было помѣщено описаніе одной сцены, полное чувства и правды, часть котораго я и приведу здѣсь вмѣсто своего собственнаго разсказа. «Еще издали, какъ только путешественникъ входитъ въ прекрасную долину того же имени, онъ уже различаетъ башни и укрѣпленія Митчельстоуна, возвышающагося надъ окрестными лѣсами и говорящаго о великолѣпіи, совершенно необыкновенномъ для этой страны. Съ либерализмомъ, совсѣмъ неизвѣстнымъ въ Великобританіи, ворота замка во всякое время открыты для публики. Говорятъ, ничто не доставляетъ лорду Кинг-

стону такого удовольствія, какъ видѣть людей наслаждающимися въ его владѣніяхъ. Въ Англіи проѣздъ экипажа черезъ паркъ считается большинствомъ собственниковъ непрошеннымъ и надоѣдливымъ вторженіемъ, въ Митчельстоунѣ же лордъ Кингстонъ едва ли самъ не выходитъ на встрѣчу всякому въѣзжающему экипажу привѣтствовать его обладателей и пригласить ихъ осмотрѣть его замокъ и владѣнія.

«Въ согласіи съ чувствами благороднаго владѣтеля, аллея отъ воротъ къ подъѣзду замка не длинна и пріятна. Короткое и прохладное авеню даетъ посѣтителю время приготовиться. Лужайка и поляна для игръ пройдены и замокъ стоитъ передъ вами во всемъ своемъ княжескомъ величіи. Онъ состоитъ изъ группы обширныхъ и изящно-пропорціональныхъ строеній съ зубчатыми башнями изъ чисто-бѣлаго камня, привезеннаго съ холмовъ собственныхъ владѣній. Ничего не можетъ быть проще внутренняго расположенія этого замка. Нѣсколько изящныхъ ступенекъ ведутъ отъ входа въ галлерею 150-ти футовъ въ длину. На другомъ концѣ этой галлереи другой рядъ мраморныхъ ступенекъ ведетъ въ верхній этажъ. Галлерея освѣщается рядомъ круглыхъ и другихъ оконъ, выходящихъ на сѣверъ. На южной же сторонѣ расположены очаги изъ итальянскаго мрамора, съ печами въ рыцарскомъ вкусѣ и съ такими же гербами и приличными замку рисунками. Между очагами—двери, ведущія въ рядъ комнатъ, которыя служатъ пріемными салонами. Въ верхнемъ этажѣ два ряда спаленъ, шестьдесятъ главныхъ и двадцать меньшихъ. Случалось, что сто человѣкъ безъ всякихъ затрудненій находили себѣ особыя помѣщенія въ этомъ домѣ. На югъ отъ главнаго зданія расположены, скрытыя за кустарникомъ, наружныя службы. Конюшни Дугласа, прославленныя Вальтеръ-Скоттомъ, не могли похвастаться лучшимъ устройствомъ. Здѣсь постоянно держались двадцать четыре лошади, всегда готовыя для войны или охоты. Митчельстоунъ давно славился своими садами: самъ благородный лордъ особенно интересовался ими. И дѣйствительно, достойно вниманія посмотрѣть на длинный рядъ открытыхъ виноградниковъ. Какъ только глазъ можетъ видѣть, висятъ фестоны винограда, и нѣкоторые очень рѣдкихъ сортовъ. Черный гамбургскій виноградъ доведенъ здѣсь до высшаго совершенства; есть одна лоза, которая какъ по своей величинѣ, такъ и по размѣрамъ плодовъ, говорятъ, соперничаетъ съ знаменитымъ произведеніемъ Гамптонскаго двора. Есть тамъ также особое помѣщеніе для при-

нятія пикниковыхъ партій, которымъ съ давнихъ поръ дозволялся свободный осмотръ всѣхъ владѣній, садовъ и замка. Многія ошибки и вины этого семейства искуплены такимъ благосклоннымъ отношеніемъ къ публикѣ. Когда англичане слышатъ о владѣніяхъ аристократовъ, въ которыя такъ трудно проникнуть, они могутъ вспоминать Митчельстоунъ, гдѣ всякій посѣтитель, безъ различія званія, принимался, привѣтствовался и даже получалъ приглашеніе посѣщать замокъ въ будущемъ».

Несмотря на все это, въ одинъ прекрасный день надъ Митчельстоунскимъ замкомъ и его великодушнымъ лордомъ разразился тяжелый ударъ. Я предоставлю тому же почтенному англичанину разсказать эту исторію, хотя онъ и ошибается въ одной или двухъ частностяхъ:

«Настоящій владѣтель имѣнія отличался своимъ гостепріимствомъ. При другихъ обстоятельствахъ это было бы благородною чертой характера. Лордъ Кингстонъ дѣлалъ то, надъ чѣмъ призадумался бы всякій самый богатый англійскій аристократъ. Онъ приглашалъ въ Митчельстоунъ всѣхъ, безъ различія ранга и чина, кто могъ извлечь изъ этого посѣщенія пользу или удовольствіе: «Если вы ученый,—говорилъ благородный лордъ,—вы должны видѣть мѣста, извѣстныя въ исторіи; если вы любитель природы, вы должны имѣть комнату съ дюжиной видовъ; если вы охотникъ, лошадь и собака приглашаютъ васъ слѣдовать за ними; здѣсь вы найдете холмы, изобилующіе дичью, и рѣки, полныя рыбы. Приносите свое ружье, уду, карандашъ или записную книжку—и вы будете одинаково радушно приняты и удовлетворены. Приходите и посѣтите меня въ Митчельстоунѣ».

И вотъ среди одного изъ такихъ гостепріимныхъ собраній и былъ нанесенъ послѣдній ударъ потомку Клонджиббона. Это былъ жестокій ударъ, и нанесшій его будетъ покрытъ вполнѣ заслуженною ненавистью. Это случилось въ субботу, вечеромъ; сто гостей приготовлялись къ обѣденному столу въ Митчельстоунѣ послѣ забавъ и удовольствій дня. Вдругъ къ дверямъ подъѣхалъ неожиданный посѣтитель. Это былъ стряпчій околодка, которому лордъ Кингстонъ довѣрялъ веденіе нѣкоторыхъ своихъ дѣлъ. Въ уплату долга за издержки по этимъ дѣламъ была выдана закладная, которая и подана ко взысканію. Теперь оставалось только привести ее въ исполненіе; но никто не ожидалъ, что уплата будетъ потребована тотчасъ же. Когда стряпчій пріѣхалъ, онъ былъ встрѣченъ лордомъ Кингстономъ съ обычнымъ

гостепріимствомъ. Онъ принялъ приглашеніе переночевать, раздѣлялъ гостепріимство замка и пилъ вино за здоровье и счастье его владѣльца.

«На слѣдующее утро, когда лордъ Кингстонъ и его общество собиралось идти въ прилегающую церковь, стряпчій извинился нездоровьемъ и не пошелъ. Во время же отсутствія гостей онъ удивлялся величію замка и ходилъ по комнатамъ. Онъ осматривалъ мебель, книги, доски на буфетахъ, висячіе канделябры и т. под. Немного погодя, въ тотъ же день онъ уѣхалъ. Лордъ Кингстонъ мало заботился о томъ, что предвѣщалъ этотъ визитъ.

«Спустя одинъ или два дня, къ нему, въ Митчельстоунъ, явился хорошо извѣстный ему джентльменъ, который попросилъ у него частнаго свиданія. Это былъ шерифъ графства. По его словамъ, онъ пришелъ по самой непріятной обязанности. По требованію стряпчаго было постановлено произвести взысканіе, и онъ получилъ приказаніе немедленно привести его въ исполненіе, причемъ мебель и другія вещи, находящіяся въ замкѣ, должны идти въ уплату и ему поручено конфисковать ихъ. Шерифъ увѣрялъ лорда Кингстона, что опись будетъ произведена такимъ образомъ, чтобы причинить ему какъ можно меньше непріятности. «На полицейскаго,—сказалъ онъ,—нужно смотрѣть какъ на его слугу, и, онъ увѣренъ, дѣло устроится такимъ образомъ, что они смогутъ удалиться очень скоро».

«Шерифъ ушелъ позвать полицейскаго, котораго онъ, изъ деликатности къ лорду Кингстону, оставилъ за границей владѣній. Во время его отсутствія лордъ Кингстонъ торопливо созвалъ своихъ друзей и держалъ съ ними совѣтъ. Нѣкоторые изъ наименѣе благоразумныхъ посовѣтовали ему запереть двери замка. Благородному лорду дали дурной совѣтъ. Двери были заперты засовомъ и графъ вмѣстѣ съ тою частью своихъ гостей, которая осталась, рѣшился выдержать осаду.

«Шерифъ поступалъ въ духѣ джентльмена и даже друга. Теперь для него настало время дѣйствовать въ роли исполнителя закона. Онъ окружилъ замокъ и прилегающія владѣнія и приказалъ полицейскимъ овладѣть замкомъ какимъ бы то ни было образомъ. Около двухъ недѣль продолжалась осада. За это время внутри зданія нѣсколько разъ держался военный совѣтъ. Наконецъ, болѣе умѣренные одержали верхъ: они совѣтовали лорду Кингстону сдаться безусловно. «Поддержки ожидать не откуда,—

говорили они, — и настоящее положеніе дѣлъ только увеличиваетъ раздраженіе на той и другой сторонѣ. Согласно этому было рѣшено впустить полицію. Поздно вечеромъ того же дня лордъ Кингстонъ въ послѣдній разъ выѣхалъ изъ дома своихъ предковъ, и люди шерифа были призваны вступить во владѣніе замкомъ и имуществомъ».

Этотъ разсказъ, сдѣланный съ такою симпатіей, былъ горькою истиной; но мои свѣдѣнія указываютъ время для этого событія нѣсколько другое, чѣмъ обозначено здѣсь. Я имѣю основаніе думать, что описанная конфискація произошла въ 1845 или 1847 г., по требованію м-ра Дж. В. Шерлока, фермойскаго прокурора. Окончательная конфискація произошла въ 1849 году въ пользу фамильной группы, о которой мы услышимъ много въ слѣдующей главѣ, семейства Садлеръ-Скуллай. Вышеупомянутая закладная, по которой имѣніе Кингстона продано въ 1850 году, была сдѣлана съ Томасомъ Джозефомъ Эйромъ, Вилльямомъ Стоуртономъ, Джемсомъ Скуллей и Джемсомъ Садлеромъ. М-ръ Эйръ назначилъ своего родственника, м-ра Джона Садлера, позднѣе члена парламента отъ Карлоу, получателемъ имѣнія. М-ръ Садлеръ организовалъ компанію для покупки земель. Позднѣе акціи этой компаніи перешли главнымъ образомъ въ руки двухъ директоровъ ея, однимъ изъ которыхъ былъ м-ръ Натаніэль Боклей, ланкаширскій фабрикантъ. М-ръ Боклей скупилъ бумаги, или другимъ образомъ устроилъ дѣло съ своимъ товарищемъ, и сдѣлался лордомъ имѣнія, назначивъ туда въ качествѣ своего агента м-ра Паттента С. Бриджа, который во время паденія садлерскаго банка въ 1856 г. былъ управляющимъ его отдѣленія въ Тёрлсѣ. Печальные факты послѣднихъ лѣтъ на время придали тому же Митчельстоунскому имѣнію мрачную извѣстность и сообщили именамъ м-ра Боклея и м-ра Паттента С. Бриджа прискорбную извѣстность *).

Въ концѣ 1847 или въ началѣ 1848 гг. въ Ирландіи прошелъ слухъ, что правительство занято проектомъ устраненія обремененнаго долгами класса ландлордовъ въ Ирландіи. Необходимость такой мѣры, ея полезность и возможность никто не могъ

*) Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ было сдѣлано двѣ попытки убить м-ра Бриджа. Въ послѣдній разъ между сопровождавшей его полиціей и убійцами произошла настоящая перестрѣлка. М-ръ Бриджъ спасся, но его кучеръ былъ убитъ на мѣстѣ.

Примѣч. автора.

отрицать и никто такъ охотно не признавалъ, какъ сами ирландскіе собственники.

Цѣлая гора закладныхъ или сѣть передачъ отняли у нихъ всякую возможность испытывать или вводить тѣ многочисленныя реформы и улучшенія, которыя могъ бы сдѣлать въ своихъ отношеніяхъ съ крестьянами дѣйствительно свободный и независимый собственникъ. Многіе ирландскіе ландлорды, номинально имѣющіе тысячи и десятки тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода, въ дѣйствительности получали въ свое распоряженіе едва нѣсколько сотъ. Очень многимъ изъ нихъ невѣрность и фальшивость положенія сдѣлались невыносимыми. Лордъ изъ древняго дома или владѣтель замка, обросшаго плющомъ, и земель, раскинувшихся на много миль вокругъ, часто завидовалъ скромному торговцу, получающему вѣрные 500 фунт. въ годъ и необязанному содержать штатъ и дворъ и поддерживать свое фальшивое положеніе въ обществѣ.

Для людей въ такихъ обстоятельствахъ снисходительность къ крестьянамъ была большею частію невозможна, а побужденія къ жадности, непомѣрнымъ рентамъ и вымогательству были сильны и настоятельны. Обязанностію государства было найти лѣкарство противъ такого серьезнаго и сложнаго зла. Съ этой точки зрѣнія ирландскій актъ объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами, былъ однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, какія законодательство когда бы то ни было приносило Ирландіи. Въ дѣйствительныхъ же результатахъ его добро и зло, вредъ и польза, удовлетвореніе и сожалѣніе были перемѣшаны другъ съ другомъ. Во многихъ очень важныхъ частностяхъ ожиданія и предначертанія его иниціаторовъ встрѣтили разочарованіе и противорѣчіе. Но, принимая во вниманіе все сдѣланное, приходится все-таки сказать, что получена большая и неизмѣримая польза, хотя и довольно дорогою цѣной.

Сама по себѣ прекрасная мѣра, она была предложена и подарена Ирландіи въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, которыя придали ей видъ положительно вредной. Приговоръ объ уничтоженіи или упраздненіи никогда не можетъ разсчитывать на благопріятный пріемъ ни отъ какого заинтересованнаго человѣка, ни отъ какого класса. «Жизнь сладка»; но когда люди чувствуютъ, что изъ ихъ спеціальнаго несчастія извлекается спеціальная выгода съ цѣлью воспользоваться ихъ разореніемъ, какъ бы ни было велико происходящее отсюда общественное благо,—если ихъ

«бьютъ лежачими», то они смотрятъ на дѣло съ особенною горечью. Такимъ же образомъ относились и многіе ирландскіе лорды къ проекту акта о заложенныхъ имѣніяхъ. «Онъ явился,— говорили они,—въ то время, когда мы наиболѣе нуждаемся въ снисхожденіи, сочувствіи и помощи. Онъ захватилъ насъ въ минуту безпомощности и истощенія». И дѣйствительно, какъ бы ни были велики ихъ шансы возстановить свое положеніе въ другое время,—теперь они не имѣли никакихъ. Земельная собственность на рынкѣ не имѣла никакой цѣны. Во многихъ имѣніяхъ за время голода ренты совсѣмъ не платились. На другихъ налогъ въ пользу бѣдныхъ достигъ 20 шиллинговъ на фунтъ годовой оцѣнки. Ставить ирландскимъ ландлордамъ въ такое время ультиматумъ: «плати или уѣзжай»—было чистымъ разореніемъ. Являться къ нимъ въ концѣ голода и требовать штрафы за унаслѣдованные долги и затрудненія во многихъ случаяхъ значило приносить невиннаго въ жертву за грѣхи ихъ предковъ,—приносить въ жертву при особенно трудныхъ и несправедливыхъ обстоятельствахъ. Короче говоря, актъ объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами, долженъ былъ пройти многими годами раньше, во времена спокойствія и сравнительнаго изобилія. Проведенный же теперь онъ не могъ показаться не чѣмъ инымъ, какъ жестокостью или враждебностью, и могъ достигнуть своихъ несомнѣнно полезныхъ цѣлей только цѣной крупныхъ жертвъ и страданій.

Каковы же были эти цѣли? Въ биллѣ, внесенномъ въ парламентъ, онѣ были выражены однимъ способомъ, имѣли одно значеніе, въ руководящихъ же органахъ англійскаго общественнаго мнѣнія онѣ выражались совсѣмъ инымъ образомъ. Съ перваго взгляда правительственная мѣра была такова, что всякій могъ достаточно ясно читать намѣреніе дать право спеціальному учрежденію издавать приказы о продажѣ имѣній, обремененныхъ долгами, по ходатайству о томъ одного изъ достаточно заинтересованныхъ лицъ— владѣльца или кредитора, причемъ всѣ прежніе статуты, договоры, сдѣлки и контракты не имѣли бы силы; чтобы всѣ дѣйствительные долги могли быть уплачены, насколько собственность можетъ покрыть ихъ; чтобы собственники, освобожденные отъ тяжелыхъ стѣсненій семейныхъ договоровъ и разорительнаго ярма фамильныхъ долговъ, могли обратить свои усилія на помощь ирландской поземельной системѣ; чтобы длинные, неясные и тяжеловѣсные документы на владѣнія землей были замѣнены краткой, простой и неизмѣнной формой. Эти проекты были такъ полезны, трибу-

налъ съ такою властью такъ необходимъ для всякой страны, что трудно понять, почему (какъ нѣкоторые ирландскіе перы и члены парламента спрашивали въ свое время) билль не былъ распространенъ на Англію и Шотландію, а только на одну Ирландію. Намъ отвѣчали, что мы должны читать между строками правительственной мѣры планъ гораздо болѣе рѣшительный новой колонизаціи. Не только ирландскіе арендаторы должны были быть замѣнены англійскими и шотландскими «колонистами», но сами ирландскіе ландлорды должны были уступить мѣсто англійскимъ собственникамъ. Наконецъ «англійскій капиталъ» долженъ былъ притекать въ Ирландію и идти на покупку этихъ имѣній. Мечты Елизаветы, Джемса и Чарльза должны были осуществиться въ царствованіе Викторіи. Островъ долженъ былъ населиться новою расой, долженъ былъ англизироваться «отъ центра до моря». И выполнено это должно быть съ одной стороны изгнаніями и эмиграціей, а съ другой—дѣйствіемъ акта объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами. «Еще нѣсколько лѣтъ,—говорилъ лондонскій *Times*,—и кельтскій ирландецъ будетъ такою же рѣдкостью въ Коннеморэ, какъ краснокожій индѣецъ на берегахъ Мангеттена».

Еслибы теленокъ, котораго ведутъ на бойню, могъ понимать и утѣшаться замѣчаніями на счетъ того прекраснаго филея, которое съ него получится, то его положеніе было бы очень похоже на то, которое теперь занимали ирландскіе ландлорды и крестьяне; точно съ такимъ же чувствомъ они должны были покорно выслушивать искусныя рѣчи и ученыя передовыя статьи, объявлявшія, что они предназначены на убой во имя общественнаго блага. Но они не обладали философіей, нужной для такой возвышенной точки зрѣнія, и награждали авторовъ крѣпкими словами.

Въ началѣ февраля 1848 года ирландскій билль объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами, былъ внесенъ въ палату лордовъ. 24 февраля онъ читался во второй разъ. Въ теченіе марта и апрѣля онъ лежалъ *perdu*,—все вниманіе и правительства, и страны было приковано къ болѣе тревожнымъ и спѣшнымъ событіямъ минуты. Однакожь 8-го мая лорды вдругъ закончили обсужденіе билля, желая наверстать потерянное время, и провели его черезъ всѣ дальнѣйшіе стадіи въ два или три дня. Спустя недѣлю онъ былъ внесенъ въ общины, а 18-го мая читался во второй разъ съ болѣе короткими дебатами, чѣмъ теперь вызвалъ бы билль объ освѣщеніи проходовъ газомъ. Ни одинъ ирландскій членъ, кажется, не открылъ рта по поводу мѣры, которая была пред-

назначена и разсчитана произвести самыя важныя перемѣны въ Ирландіи. 4-го іюля сэръ Люціусъ О'Брайенъ, впослѣдствіи лордъ Инчиквинъ, а тогда членъ отъ Клэра, вызвалъ довольно продолжительные дебаты своею поправкой, предлагающею распространить билль на Англію,—предложеніе, возбудившее сильный протестъ и легко отклоненное правительствомъ. 13-го іюля билль прошелъ чрезъ комитеты, 24 іюля 1848 года онъ выдержалъ третье чтеніе, а еще черезъ нѣсколько дней сдѣлался закономъ.

21 октября 1849 года была приведена въ исполненіе первая «петиція о продажѣ» по новому акту и скоро насталъ тотъ порядокъ вещей, который предвидѣла большая часть народа: наплывъ кредиторовъ въ судъ и неизбѣжная жертва собственностью. Какъ во время коммерческой паники, люди, которымъ сначала и въ голову не приходила мысль о продажѣ и которые до сихъ поръ сдерживали съ каждымъ часомъ усиливающееся пониженіе, теперь неистово торопились и тѣмъ самымъ ускоряли паденіе цѣнъ. Въ этой бурѣ многія благородныя состоянія потерпѣли крушеніе, упали многіе древніе и почетные дома. Имѣнія, способныя дважды покрыть лежащіе на нихъ долги, еслибы земля имѣла свою обычную стоимость, теперь не могли быть проданы даже за столько, чтобы покрыть закладныя, и владѣльцы были обречены на разореніе.

Я уже разсказалъ или цитировалъ исторію Кингстоновскаго имѣнія. Исторія первыхъ операцій новаго учрежденія полна такихъ эпизодовъ. Второе по той симпатіи, которую оно вызвало послѣ Кингстоновскаго, было дѣло лорда Горта. Среди именъ, хранимыхъ въ памяти ирландскаго народа о людяхъ, стоявшихъ подлѣ «вѣчно-славнаго Граттана», въ послѣдніе дни ирландскаго парламента, почетное мѣсто занимаетъ имя полковника и достопочтеннаго Чарльза Верикера, члена парламента. Торопливо призванный на поле войны тревогой о французскомъ вторженіи у Киллала, онъ командовалъ первыми войсками, собранными для того, чтобы помѣшать движенію франко-ирландскихъ силъ на востокъ; онъ первый при Колуни, близъ Слиго, остановилъ позорное бѣгство британскихъ войскъ изъ-подъ Кастльбара. За это онъ былъ сдѣланъ виконтомъ Гортомъ, получившимъ свой титулъ отъ чистенькаго маленькаго городка, прилегающаго къ фамильному имѣнію въ Лау-Кутеръ-Кастль *). Французы были оконча-

*) Достопочтенный полковникъ Верикеръ изъ Колуни получилъ перство, пожалованное его дядѣ Джону Прендергасту изъ Горта, которому онъ наслѣдовалъ, и получилъ его фамильную собственность со спеціальнымъ остаткомъ

тельно поражены лордомъ Лейкомъ при Баллинамукѣ, а полковникъ Верикеръ съ поля битвы попалъ въ сенатъ. Его имя до конца стояло въ спискѣ тѣхъ, которые вотировали противъ сліянія. Въ 1850 году его сынъ, Джонъ П. Верикеръ, владѣлъ замкомъ и землями, когда надъ нимъ разразился тяжелый и незаслуженный громовый ударъ, разрушившій и болѣе гордые дома.

Лау-Кутеръ-Кастль—одно изъ мѣстъ, на которыя ѣздятъ смотрѣть («show places») въ западныхъ графствахъ — расположено на берегу озера того же имени и въ двухъ миляхъ отъ городка Гортъ въ графствѣ Галуэй. Замокъ—совсѣмъ новый, былъ построенъ вторымъ виконтомъ за 80.000 фунтовъ по плану Наша, возстановителя и архитектора новой части Виндзорскаго замка. Про него говорятъ, что онъ построенъ въ «строго-готическомъ» стилѣ. Массивныя стѣны сдѣланы изъ прекрасно-выкованнаго известняка. Озеро занимаетъ около восьми квадратныхъ миль и усыпано лѣсистыми островами. Одинъ изъ нихъ многіе годы былъ домомъ для множества цаплей и баклановъ, что составляетъ одинъ изъ немногихъ извѣстныхъ примѣровъ, чтобъ эти птицы жили на прѣсномъ озерѣ. Рѣка Гортъ вытекаетъ изъ озера и въ поэтической долинѣ, извѣстной подъ именемъ «Пуншевой Чаши» («Punchbowl»), на разстояніи около мили отъ озера, падаетъ въ глубокую скалистую пропасть и совершенно исчезаетъ подъ землей вплоть до Канногоуна. Здѣсь она выходитъ изъ скалистой пещеры, отсюда протекаетъ черезъ Гортъ, гдѣ приводитъ въ движеніе нѣсколько мельницъ, и продолжаетъ свой путь—то исчезая, то снова появляясь—по пескамъ Кинваррскаго залива до своего впаденія въ него въ шести миляхъ отъ Горта.

На неустроенномъ Гортскомъ имѣніи было долгу всего около 60.000 фунт. стерл. Въ 1842 году его оцѣнили для своихъ семейныхъ цѣлей въ 150.000 фунт. стерл., но всегда считали, что въ дѣйствительности оно стоитъ гораздо больше. 1847 годъ засталъ лорда Горта въ числѣ живущихъ въ Ирландіи землевладѣльцевъ и за исполненіемъ своихъ обязанностей; онъ отказался бѣжать, оставивши своихъ крестьянъ. «Его лордство,—говоритъ одна изъ ирландскихъ газетъ,—всегда было противъ системы очищенія, которую онъ называлъ безжалостной и несправедли-

---

для себя самого. Вмѣстѣ съ этимъ онъ получилъ отъ дяди и его титулъ виконта. Упомянутое бѣгство было названо „Кастльбарскіе бѣги", которые подъ этимъ именемъ и до сихъ поръ извѣстны въ околодкѣ.

Прим. авт.

вой и пытался практически доказать, что живущій дома ландлордъ, пользуясь отъ времени до времени удобными случаями, можетъ соединять фермы въ своемъ имѣніи и вводить современныя усовершенствованія, не разоривши ни одного счастливаго дома и не вызывая враждебныхъ чувствъ въ крестьянахъ». Насталъ голодъ, ренты не могли быть уплачены, и лордъ Гортъ не обратился къ бездушнымъ средствамъ вымогательства ихъ. Проценты на закладную превратились въ недоимку; кредиторъ воспользовался параграфомъ закладной, смѣнилъ своего мѣстнаго поземельнаго агента и назначилъ на его мѣсто лондонскаго прокурора, который, я увѣренъ, никогда не видалъ мѣста и никогда не бывалъ въ немъ, даже становясь распорядителемъ его. Петиція о продажѣ была подана въ канцелярію, откуда дѣла были переданы въ новое учрежденіе, созданное актомъ объ имѣніяхъ, обремененныхъ долгами. Всякій можетъ представить себѣ чувства лорда Горта и его семейства,—они слишкомъ хорошо знали, что значитъ принудительная продажа имѣнія въ такое время. Ихъ самыя мрачныя ожиданія исполнились. Они видѣли, какъ ихъ прекрасный домъ-замокъ, озеро и земли — были сметены прочь, проданы по низкимъ цѣнамъ. Имѣніе, которое должно бы было оставить имъ хорошій доходъ за покрытіемъ всѣхъ обязательствъ, не было способно оплатить закладную. Они прекрасно знали (что дѣйствительно впослѣдствіи и случилось), что черезъ нѣсколько лѣтъ эти праотцовскіе акры, навсегда такимъ образомъ отнятые у нихъ, будутъ опять продаваться почти за двойную теперешнюю цѣну. Сколько мнѣ извѣстно, тринадцати-лѣтній доходъ былъ высшая цѣна при этой продажѣ. Многіе участки были проданы за пять лѣтъ дохода, тогда какъ нѣкоторые изъ нихъ были впослѣдствіи перепроданы за 25 и 27 лѣтъ. Лау-Кутеръ-Кастль, стоившій отъ 50.000 до 60.000 фунт. стерл., ушелъ за 17.000 фунтовъ стерл. Счастливая покупщица мистрисъ Беллъ, настоятельница религіознаго ордера «милости» въ Дублинѣ, которая имѣла намѣреніе обратить его въ испытательное отдѣленіе для ордена, перепродала его скоро за 24.000 ф. с. Участокъ I, годовой доходъ 560 ф. с., выручилъ только 3.000 ф. с. Участокъ 2, годовая оцѣнка 155 ф. с., выручилъ 600 ф. с. Артиллерійское управленіе купило за 1.450 ф. с. ренту лорда Горта съ кавалерійскихъ казармъ въ городѣ, которая давала въ годъ 283 ф. с. Полицейскія казармы и другія мѣста, оцѣненныя въ 123 ф. с., выручили 700 ф. с. Город-

скія земли, оцѣненныя въ 579 ф. с. въ годъ, были куплены кредиторомъ за 2.800, или меньше чѣмъ за пятилѣтнюю оцѣнку. Не удивительно, что симпатія къ семейству Верикера была широка и всеобща. Въ день выѣзда этого семейства изъ Лау-Кутера народъ окружилъ его всевозможными выраженіями уваженія и сочувствія и провожалъ вдаль дороги послѣднимъ прости.

Я не рѣшился бы касаться до такого болѣзненнаго предмета, какимъ было это дѣло для семейства Горта, еслибы, по счастію, обстоятельства не вознаградили его съ тѣхъ поръ за эти незаслуженные удары и не возстановили или скорѣе удержали для него *status*, который казался на нѣкоторое время разрушеннымъ. Въ Восточномъ Коуесъ-Кастлѣ (прилегающемъ къ Осборну), гдѣ теперь живетъ семейство Горта, они могутъ найти многое, что напоминаетъ имъ и говоритъ о другомъ, столь же прекрасномъ, прежнемъ ихъ домѣ на Лау-Кутерѣ, хотя, я не сомнѣваюсь, они охотно предпочли бы видѣть изъ своихъ оконъ вмѣсто блестящихъ водъ Солента поросшіе острова ирландскаго озера. По странному совпаденію, Восточный Коуесъ-Кастль и Лау-Кутеръ-Кастль оба были построены по проектамъ одной и той же руки. Первый изъ нихъ былъ воздвигнутъ самимъ Нашемъ для себя самого. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, регентъ и лордъ Гортъ посѣтили этотъ замокъ, и послѣдній обратился къ хозяину со словами: «какъ бы я хотѣлъ перенести этотъ замокъ на берегъ Лау-Кутера!» — «Дайте мнѣ 50.000 ф. с. и я вамъ это сдѣлаю», отвѣтилъ Нашъ. Виконтъ принялъ предложеніе, и Нашъ построилъ ирландскій замокъ, который случайно обошелся въ 20.000 фун. стер. И какая странная нужна была превратность судьбы для того, чтобъ это семейство потеряло свой домъ въ одномъ и замѣнило его другимъ замкомъ!

Такія катастрофы, связанныя съ первыми операціями акта, конечно, создали противъ него предубѣжденіе въ ирландскомъ общественномъ мнѣніи и заслонили отъ взгляда заслуги и выгоды введенной имъ системы. Задолго до голоднаго періода были такія удобныя обстоятельства для введенія этой мѣры, что тогда было какъ разъ время для этого. Введенная же насильно при такихъ ненормальныхъ обстоятельствахъ, она въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего дѣйствія приносила minimum выгоды при maximum'ѣ страданій и жертвъ. Въ періодъ отъ 1855 года до 1875-го дѣятельность новаго учрежденія *), его работа была оцѣ-

*) По дополнительному акту 1858 г. власть коммиссіи была расширена до включенія въ ея вѣдѣніе имуществъ, не обремененныхъ долгами.

нена гораздо справедливѣе и никто въ Ирландіи не будетъ отрицать преимуществъ системы, которая такъ сильно облегчаетъ и упрощаетъ переходъ земли. Я прилагаю перечень дѣлъ, начиная съ выполненія первой петиціи 25 октября 1849 г. и кончая 31 августа 1857 года, что было послѣднимъ днемъ седьмой «сессіи» коммиссіи:

1. Число представленныхъ петицій о продажѣ, включая петиціи о раздѣленіи и обмѣнѣ 4.164

(Изъ этого числа около 800 петицій дополнительныя и отказанныя.)

2. Число безусловныхъ приказовъ о продажѣ . . 3.341

3. Число случаевъ, когда петиціи представлены были собственниками. 1.245

(Изъ первыхъ 100 петицій собственниками были поданы шесть, а изъ послѣднихъ 100; ихъ именами подписаны были 53.)

4. Число случаевъ, гдѣ собственники были банкротами или несостоятельными 357

(Во многихъ другихъ случаяхъ собственники имѣній дѣлались банкротами или несостоятельными послѣ подачи петиціи, и поэтому дѣла велись на имя ихъ довѣренныхъ.)

5. Число передаточныхъ записей, выданныхъ коммиссіей 7.283

6. Число имѣній или частей имѣній, проданныхъ на мѣстномъ аукціонѣ, впослѣдствіи утвержденномъ коммиссіей 338

(Всѣ остальныя изъ означенныхъ 7.283 передачъ были проданы съ публичнаго аукціона, въ судѣ, при членахъ коммиссіи.)

7. Число участковъ, проданныхъ:

Съ публичнаго аукціона	7.270	
Съ мѣстнаго »	1.436	
По частнымъ контрактамъ	1.621	
		10.327

(Когда одно лицо покупало нѣсколько участковъ, они обыкновенно всѣ включались въ одну передачу.)

8. Число свертковъ, содержащихъ больше 250.000 документовъ и подлинниковъ правъ на владѣніе, хранящихся въ архивѣ 2.395

9. Число случаевъ, которые уже были внесены въ канцелярію прежде поступленія въ судъ обремененныхъ имѣній 1.267

10. Число покупателей ирландцевъ 7.180

11. Число покупателей изъ англичанъ, шотландцевъ и другихъ иностранцевъ 309

12. Количество денегъ, уплаченныхъ за покупку англичанами, шотландцами и др. иностранцами. . . . . 2.836.225 ф. с.

13. Общія суммы, вырученныя до 31 августа 1857 г.:

На публичномъ аукціонѣ въ судѣ . .	13.941.207 ф. с.
На мѣстномъ аукціонѣ.	2.824.381 » »
По частнымъ контрактамъ	3.710.367 » »
	20.475.956 ф. с.

Самое большое имѣніе, проданное за этотъ періодъ, да и вообще самое большое, когда бы то ни было проданное судомъ—было имѣніе графа Портарлингтона, за которое выручено 700.000 ф. с. Очень близко къ нему по пространству было имѣніе лорда Моунткашеля—61.711 акровъ, съ годовою рентой въ 18.500 ф. с., проданное за 240.000 ф. с. Лордъ Моунткашель, считавшій себя несправедливо и жестоко обиженнымъ, былъ сильно раздраженъ противъ члена коммиссіи Харгрива, передъ которымъ происходила продажа. Представитель коммиссіи былъ, какъ многіе въ Дублинѣ помнятъ, господинъ очень маленькаго роста, а его камера помѣщалась на третьемъ этажѣ дома № 14 въ Генріэтта-Стритѣ, занимаемаго тогда поземельнымъ учрежденіемъ. Во время аукціона лордъ Моунткашель воскликнулъ во всеуслышаніе, что конфискація его имѣній была очень дурнымъ дѣломъ, но «продажу его карликомъ на чердакѣ» онъ уже никакъ не можетъ вынести.

Съ 1860 г. ходъ дѣлъ въ этомъ учрежденіи сильно измѣнился въ своемъ характерѣ. Непріязненныя петиціи отъ кредиторовъ сдѣлались очень немногочисленны, а ходатайства самихъ собственниковъ, желающихъ упрощать форму права владѣнія и распутывать фамильные договоры и соглашенія, дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Трибуналъ, на который когда-то смотрѣли съ мрачнымъ отвращеніемъ, теперь сдѣлался предметомъ чего-то вродѣ національной благосклонности.

Предсказанія и пророчества насчетъ «англійскаго капитала» всѣ оказались иллюзіями. Да будетъ замѣчено изъ выше приведенныхъ статистическихъ данныхъ, что до 31 августа 1857 г. изъ 7.489 покупателей 7.180 были ирландцы и только 309—«англичане, шотландцы и другіе иностранцы». Изъ 20.475.956 фунт. стерл. вырученныхъ учрежденіемъ, болѣе чѣмъ $^5/_6$ общей цифры, или 17.639.731 фунт. стерл. составляли *ирландскій* капиталъ, внесенный ирландскими покупателями; и хотя я не могу привести точныхъ цифръ относительно послѣдующаго времени, я увѣренъ, что пропорція между ирландскими и неирландскими покупателями осталась та же до сихъ поръ. Англійскій капиталъ предпочиталъ турецкія процентныя бумаги и венгерскіе займы.

Крестьяне во многихъ случаяхъ жалуются, что они мало пріобрѣли и много потеряли отъ перемѣны старыхъ хозяевъ на новыхъ. Послѣдніе—большею частію коммерческіе люди, которые нажили деньги торговлей и помѣщаютъ ихъ за вѣрный процентъ. Они вносятъ въ управленіе своими доходами то, что простой народъ презрительно называетъ «принципомъ счетной и приходо-расходной книги», что по мнѣнію народа гораздо хуже эластической системы ихъ старыхъ владѣтелей. Не закрывая глазъ на трудности, которыя сопровождаютъ эту большую точность, я думаю, что и новая система принесла нѣкоторую,—въ Ирландіи выработались методъ, точность и аккуратность въ полугодовыхъ сдѣлкахъ между ландлордомъ и крестьяниномъ-арендаторомъ. Для человѣческой независимости очень невыгодно, что арендаторъ всегда «опаздываетъ со своей рентой», что, иными словами значитъ, всегда зависитъ отъ милости и состраданія своего лорда. Значительная часть подчиненія и порабощенія въ крестьянской жизни старой Ирландіи возникала изъ этого обычнаго опаздыванія, и всякій долженъ честно порадоваться, если такой порядокъ измѣняется къ лучшему.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

или

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

ГЛАВА VI *).

Жена уѣхала. Мужъ добровольно уступаетъ ее любовнику, а любовникъ не хочетъ.—Корреспонденція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».—Не правда ли, какъ я глупа?...—Мужъ и любовникъ пишутъ письма.

I.

Софья Михайловна выѣхала изъ города во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, чтобъ объѣхать всѣ имѣнія, принадлежащія ей и ея мужу, сдѣлать имъ генеральный смотръ передъ началомъ полевыхъ работъ и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, придуманныя ею и измѣняющія нѣсколько прежній ходъ хозяйства. До сихъ поръ она старалась поставить на самую лучшую ногу имѣнія, но ходъ работъ и система хозяйства оставались все тѣ же, что и до «Положенія»; теперь ей захотѣлось идти далѣе впередъ, начать постепенно измѣнять самую систему хозяйства и на первый разъ, въ текущемъ году, ввести травосѣяніе.

Вмѣстѣ съ Софьей Михайловной уѣхала и Катерина Дмитріевна, чтобъ избрать по своему вкусу одну изъ усадьбъ мачихи или отца и начать въ ней свой первый практическій опытъ въ педагогіи, обучать крестьянскихъ ребятишекъ русской грамотѣ. Софья Михайловна старательно обдумала и обстоятельно подготовила планъ, средства и наиболѣе практическій путь для введенія травосѣянія, и уѣзжала изъ города съ полнымъ сознаніемъ пользы и успѣха травосѣянія. Катерина Дмитріевна тоже

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

старательно обдумала и приготовилась къ обученію крестьянскихъ ребятишекъ грамотѣ, запаслась букварями, карандашами, бумагой, перьями, чернилами, педагогическими книгами и всѣмъ, что ей только казалось нужнымъ для успѣха дѣла; но она не ясно сознавала пользу самаго дѣла, не была увѣрена въ своихъ силахъ для дѣла, боялась и трусила перваго опыта. Это неодинаковое отношеніе къ пользѣ и успѣху дѣла отражалось во время отъѣзда и во всю дорогу на лицахъ обѣихъ дамъ: одна—покойная, какъ всегда, другая—то грустная, то веселая, то сосредоточенно-молчаливая, то весело разговаривающая, смотря по тому, что брало верхъ въ ея головѣ: недовѣріе къ себѣ и къ своему дѣлу, или, напротивъ, вѣра и въ то, и въ другое. Но какъ во время выѣзда, такъ и всю дорогу обѣ дамы ни разу не вспомнили объ оставляемыхъ ими въ городѣ лицахъ и о своихъ отношеніяхъ къ нимъ.

Дмитрій Ивановичъ остался въ городѣ, такъ какъ земство и, главное, желѣзная дорога удерживали его еще недѣли на двѣ, на три въ немъ. Софья Михайловна должна была окончить свой объѣздъ именно къ тому времени, когда покончатся его дѣла земскія и желѣзнодорожныя, и тогда они вмѣстѣ уѣдутъ на все лѣто въ одно изъ наиболѣе близкихъ къ городу имѣніе, какъ наиболѣе удобное по помѣщенію, какъ имѣющее все, что дѣлаетъ деревню лѣтомъ раемъ, и какъ такое, изъ котораго скоро и удобно, по шоссе, Дмитрій Ивановичъ можетъ раза три-четыре въ мѣсяцъ навѣдаться въ городъ по дѣламъ земства и желѣзной дороги.

Дмитрію Ивановичу не было особенно скучно послѣ отъѣзда жены и дочери: домашній комфортъ, вслѣдствіе порядка, заведеннаго Софьей Михайловной, сохранился въ томъ же видѣ, какъ и при ней. Правда, въ кабинетѣ не было теперь у него помощницы, но онъ теперь мало бывалъ въ немъ, проводя все свое время въ земствѣ и въ собраніяхъ новыхъ строителей дороги, а домой являлся только обѣдать и спать. Да и обѣдалъ и ночевалъ онъ, послѣ отъѣзда дамъ, все время не одинъ, а приводилъ съ собою, изъ поздно кончавшихся засѣданій строителей, одного или двухъ изъ нихъ.

Въ субботу, на четвертый день послѣ отъѣзда жены и дочери, Дмитрій Ивановичъ получилъ письмо, въ которомъ Кожуховъ спрашивалъ: въ какой день и часъ онъ можетъ повидаться съ «глубоко-уважаемымъ Дмитріемъ Ивановичемъ», чтобы пере-

говорить объ одномъ очень важномъ дѣлѣ. «Я знаю,—говорилось далѣе въ письмѣ,—какъ вы сильно преданы дѣламъ земства и земской желѣзной дороги,—знаю, какъ эти дѣла поглощаютъ почти все ваше свободное время; но я надѣюсь, что вы не откажете въ моей просьбѣ, такъ какъ дѣло, о которомъ мнѣ необходимо съ вами переговорить, касается спокойствія дорогаго для насъ обоихъ лица». Дмитрій Ивановичъ былъ очень удивленъ письмомъ Кожухова и въ тотъ же день отвѣтилъ ему, что завтра, т. е. въ воскресенье, отъ 10 до 12 часовъ утра онъ къ услугамъ Кожухова, что назначаетъ этотъ именно день, какъ свободный отъ присутствія, и что онъ «всегда готовъ сдѣлать все, что можетъ облегчить жизнь ближняго вообще, а дорогихъ ближнихъ въ особенности». Дмитрій Ивановичъ не зналъ о любви его жены къ Кожухову: она ничего не говорила ему, а онъ рѣшительно ничего не могъ замѣтить, что намекало бы на ихъ любовь. Правда, холостые мужчины часто бывали въ его домѣ, но вѣдь у него дочь—невѣста. Правда, Кожуховъ чаще всѣхъ остается въ гостиной съ глазу на глазъ съ его женой, разговариваетъ чаще всего съ нею, сопровождаетъ ее во время катаній за городъ; но вѣдь она ѣздила кататься всегда съ дочерью, а съ глазу на глазъ съ Кожуховымъ она остается только тогда, когда дочь играетъ въ залѣ на фортепіано или разговариваетъ тамъ съ другими гостями: вѣдь нельзя же всѣмъ холостымъ только и быть при дочери, сидѣть и разговаривать только съ дочерью. Правда, что о любви Софьи Михайловны къ Кожухову знали многіе и многіе въ городѣ часто подтрунивали и сплетничали надъ нею, да и Софья Михайловна сама любила часто и не стѣсняясь подтрунить надъ городскими остротами и сплетнями надъ ней; но вѣдь не весь же городъ зналъ и вѣрилъ въ ея любовь къ Кожухову, а мужъ всегда послѣднимъ узнаетъ объ измѣнѣ жены, о нѣкоторыхъ тревогахъ и волненіяхъ сердца жены. Правда, что Дмитрія Ивановича все-таки очень удивило письмо Кожухова, что ему, почему-то, было очень тяжело послѣ прочтенія письма; но онъ скоро успокоился, подумавъ, что, вѣроятно, Кожуховъ хочетъ просить у него руки его дочери, что, вѣроятно, онъ не переговорилъ еще объ этомъ съ дочерью, а съ нимъ первымъ желаетъ объясниться.

«Я его не долюбливаю, ему кажется болѣе удобнымъ объясниться сперва со мной, и онъ выбралъ для этого время, когда нѣтъ жены и дочери. Что-жъ, я не прочь переговорить... Я вамъ,

чиновникъ, отвѣчу, что для меня счастье Екатерины—все, что если она будетъ согласна вступить съ вами въ бракъ, то я, конечно, благословлю васъ, хотя, говоря откровенно, желалъ бы видѣть ее замужемъ за другимъ, болѣе васъ человѣчнымъ и менѣе васъ чиновнымъ человѣкомъ...»

Такъ рѣшилъ Дмитрій Ивановичъ отвѣтить Кожухову и болѣе не думалъ ни о немъ, ни объ его письмѣ. Въ субботу, возвратясь поздно ночью изъ собранія строителей дороги, онъ привелъ съ собою одного изъ нихъ ночевать,—и теперь, въ воскресенье утромъ, въ десятомъ часу, онъ и гость сидѣли за чаемъ въ столовой. Дмитрій Ивановичъ былъ совершенно одѣтъ, такъ какъ привыкъ одѣваться сейчасъ послѣ умыванія, а умывался—какъ только вставалъ съ постели и терпѣть не могъ халатовъ, шлафоровъ и даже сюртука или пиджака, если оные надѣты были на немъ не поверхъ жилета.

Въ десять часовъ лакей доложилъ, что г. Кожуховъ изволитъ дожидать въ залѣ. Дмитрій Ивановичъ, извинившись предъ гостемъ и предложивъ ему почитать газеты, поспѣшно вышелъ изъ столовой въ залъ.

Онъ и Кожуховъ очень любезно поздоровались. Кожуховъ имѣлъ совершенно обыкновенный, всегдашній, свой видъ: спокоенъ, независимъ, съ любезнымъ и серьезнымъ выраженіемъ во взглядѣ. Онъ никогда ничего не дѣлалъ не подготовившись, не обдумавъ, не предначертавъ себѣ ясной и всесторонней программы. Онъ и теперь, явившись къ Рымнину, чтобы переговорить съ нимъ о своей любви къ Софьѣ Михайловнѣ и о любви ея къ нему, имѣлъ заранѣе составленную программу своихъ рѣчей, жестовъ, тоновъ голоса, улыбокъ и т. д., при всевозможныхъ комбинаціяхъ въ отвѣтахъ, возраженіяхъ и даже, могущаго быть, нахальства со стороны Рымнина. Программа его была безукоризненно-прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ. Она состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы, при всевозможныхъ положеніяхъ хода переговоровъ, сохранить свой обыкновенный, джентльменскій, какъ онъ называлъ, видъ, ни на минуту не теряя при этомъ разсудительности въ рѣчахъ и спокойствія въ голосѣ; во-вторыхъ, чтобы быть все время въ положеніи нападающаго, такъ какъ въ оборонительномъ положеніи онъ привыкъ безмолвнымъ согласіемъ и поддакиваніемъ только безъ большаго конфуза уходить отъ гнѣва губернатора, въ положеніи же нападающаго онъ съ честью и славой держалъ бразды правленія надъ канцеляріей, надъ ис-

правниками, становыми и городскою полиціей; въ-третьихъ, орудіями для нападенія избрать свободу чувства женщины, величіе свободы вообще, проклятіе притѣсненію и насилію, умъ и доброе сердце Рымнина, спокойствіе Софьи Михайловны, благодарность къ ней Рымнина за ея долгую любовь и труды по управленію имѣніями и, наконецъ, возможность, безобидно для всѣхъ, заинтересованныхъ лицъ, устроить счастье Софьи Михайловны, дать ей возможность любить его, Кожухова, такъ какъ онъ тоже любитъ ее, а любовь Рымнина сомнительна въ реальномъ смыслѣ, а идеально она можетъ продолжаться. Такова была программа Кожухова, и онъ имѣлъ совершенно спокойный видъ, — былъ увѣренъ въ полномъ выигрышѣ своего дѣла. Самое худшее, возможность чего онъ допускалъ, это то, что, въ гнѣвѣ или злобѣ, Рымнинъ попроситъ его уйти и болѣе не бывать въ его домѣ; но подобный исходъ онъ считалъ если и не полною побѣдой, то, во всякомъ случаѣ, выиграннымъ сраженіемъ, послѣ котораго въ скоромъ времени должна наступить полная побѣда. Пока Софья Михайловна любитъ его, пока она не встрѣтилась съ мужчиной, который бы заинтересовалъ ее болѣе, чѣмъ онъ,—для нея удаленіе его отъ ихъ дома и лишеніе возможности видѣть его будетъ тяжелымъ ударомъ. Она начнетъ скучать, у ней явится боязнь измѣны съ его стороны, желаніе видѣть его, принадлежать ему; а этого только и нужно Кожухову,—онъ отлично воспользуется подобнымъ ея состояніемъ и, пустивъ въ ходъ любовь, угрозу и, главное, логику, уговоритъ ее оставить мужа и броситься въ его объятія. Тогда—полная побѣда... Женщина, разъ поставившая себя въ подобное положеніе относительно мужа и любовника, уже на вѣки принадлежитъ любовнику, — для любовницы уже невозможна измѣна. Онъ и она, конечно, принуждены будутъ вести на первыхъ порахъ уединенную жизнь, уѣхать даже куда-нибудь далеко, напримѣръ, въ Парижъ или Неаполь, а тамъ—дѣти и... полная побѣда... Рымнинъ, конечно, не произведетъ скандала, не будетъ требовать черезъ полицію жену,—онъ человѣкъ съ положеніемъ и гуманенъ; служебная карьера Кожухова ничуть не пострадаетъ,—въ любовныя дѣла служащихъ начальство не вмѣшивается; Рымнинъ начнетъ страдать, скучать, а главное—томиться отъ нѣкотораго скандала и... скорѣе умретъ. Кожуховъ потомъ женится и достигнетъ того, чего хотѣлъ. Полная побѣда!...

«Не предполагаетъ возможности отказа»,—подумалъ Дмитрій Ивановичъ, осмотрѣвъ всю фигуру Кожухова и не замѣтя въ ней ни малѣйшаго измѣненія противъ обыкновеннаго. Ему вдругъ сдѣлалось какъ-то неловко и не по себѣ. Ему всегда не нравился Кожуховъ, а теперь онъ просто былъ противенъ для него. Вѣдь онъ пришелъ просить, какъ предполагалъ Рымнинъ, принять его въ ихъ семью, просить—быть ему отцомъ, а имѣетъ видъ человѣка, исполняющаго самую обыкновенную обязанность, самую пустую формальность,—человѣка, который, какъ будто, уже завладѣлъ его Екатериной, его любимой, умной, доброй и единственною дочерью, и который, съ чувствомъ гордости и самохвальства, прикрытыхъ обыкновенною наружностью, пришелъ скорѣе похвастаться передъ нимъ, отцомъ, а не просить благословенія...

II.

— Вы позволите мнѣ, Дмитрій Ивановичъ, прямо приступить къ дѣлу, для котораго я обезпокоилъ васъ и оторвалъ отъ дѣлъ земства и земской желѣзной дороги?—началъ Кожуховъ, когда онъ и Рымнинъ усѣлись въ залѣ у небольшаго стола предъ зеркаломъ.

— Готовъ слушать,—отвѣтилъ Рымнинъ,—стараясь не смотрѣть на Кожухова.

— Я долженъ прежде всего просить васъ, уважаемый Дмитрій Ивановичъ, дать мнѣ слово, что нашъ разговоръ останется навсегда только между нами.

— Почему?... Вы писали, что желаете говорить объ особѣ дорогой для меня. Мнѣ кажется, что нашъ разговоръ долженъ быть извѣстенъ этой особѣ, если только онъ не убьетъ ее или не доведетъ до паралича.—Рымнинъ старался придать своему голосу ироническій оттѣнокъ, но иронія, помимо его воли, выходила нѣсколько брюзгливою, сердитою, раздражительною.

— Говоря объ отсутствующемъ третьемъ, разговоръ двухъ можетъ касаться ихъ собственнаго отношенія къ первому. Мнѣ кажется, что мы, прежде чѣмъ высказать свое отношеніе къ лицу, составляющему предметъ нашей бесѣды, имѣемъ право просить своего собесѣдника, друга или врага, что безразлично, держать разговоръ въ секретѣ.

— Ну, а если я не хочу дать подобнаго слова?—громко и съ презрительною миной на лицѣ спросилъ Рымнинъ. Онъ счи-

талъ для себя невозможнымъ, обиднымъ, оскорбительнымъ имѣть другомъ или врагомъ Кожухова, а между тѣмъ ему показалось, что Кожуховъ дѣлаетъ ясный намекъ на что-то подобное, и ему все болѣе и болѣе становился противнымъ видъ Кожухова, и въ его голосѣ все болѣе и болѣе начинала проявляться раздражительность, а на его лицѣ, помимо воли, все болѣе и болѣе выражалось презрѣніе.

— Я не желаю и не могу быть врагомъ уважаемаго Дмитрія Ивановича, а Дмитрій Ивановичъ, кажется, не желаетъ быть моимъ другомъ?... Мы должны говорить въ положеніи людей малознакомыхъ, чуждыхъ довѣрія одинъ къ другому. Мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ честное слово, что разговоръ останется навсегда только между нами, становится еще болѣе необходимымъ,—все такъ же спокойно и съ легкой усмѣшкой сказалъ Кожуховъ.

— Даю вамъ слово, что разговоръ нашъ будетъ извѣстенъ только мнѣ и вамъ, на сколько это зависитъ отъ меня. Васъ я не обязываю и не беру вашего слова,—торопливо сказалъ Рымнинъ, желая поскорѣе окончить разговоръ съ этимъ «несноснымъ человѣкомъ, который невольно злитъ и бѣситъ меня»,—какъ подумалъ онъ потомъ.

— Вы, кажется, не предполагаете присутствія чести во мнѣ? Мнѣ это очень грустно и я постараюсь доказать противное... Вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, пожать въ благодарность вашу руку?

— Чтобъ усилить мое слово? Ха-ха-ха!... Извольте, господинъ Кожуховъ! Ха-ха-ха!—искренно разсмѣялся Рымнинъ. Ему вдругъ показалось глупымъ, недостойнымъ себя злиться на подобнаго субъекта, давать ему поводъ смотрѣть на себя какъ на врага,— и онъ, принявъ презрительно-любезный видъ, подалъ руку Кожухову и пожалъ его руку, какъ жмутъ руку шуту послѣ забавной шутки съ его стороны.

Кожуховъ замѣтилъ измѣненіе въ лицѣ и въ тонѣ голоса Рымнина; ему это не понравилось, но не пошатнуло его убѣжденія въ побѣдѣ, не заставило измѣнить его програму.

— Благодарю васъ, очень и очень благодарю!—съ намекомъ на искренность и крѣпко пожимая руку Рымнина, сказалъ онъ.— Вы, вѣроятно, знаете, Дмитрій Ивановичъ,—опять совершенно спокойно продолжалъ онъ,—что я люблю вашу жену и что она тоже...

— Что?—громко вскрикнулъ Рымнинъ. Онъ, какъ ужаленный, вскочилъ со стула; онъ хотѣлъ швырнуть Кожухова за дверь, позвать людей и вытолкать нахала въ шею. Но его воспаленные гнѣвомъ глаза невольно впились въ Кожухова, а тотъ продолжалъ сидѣть какъ ни въ чемъ ни бывало и съ спокойно-задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ смотрѣлъ на Рымнина.— «А можетъ и правда?!»—вдругъ промелькнула въ головѣ Рымнина мысль и, какъ ушатъ холодной воды на разгоряченную голову, заставила его вздрогнуть, явилось желаніе придти въ себя, сосредоточиться, а въ ушахъ какой-то шумъ, въ мысляхъ какой-то сумбуръ. — Продолжайте, — слабымъ голосомъ едва выговорилъ онъ, какъ совершенно обезсиленный, опускаясь на стулъ.

— Не прикажете ли подать стаканъ холодной воды?—услужливо спросилъ Кожуховъ, привставъ со стула.

— Продолжайте!—топнувъ нетерпѣливо ногой и зло посмотрѣвъ на Кожухова, болѣе громко отвѣтилъ Рымнинъ.

— Я люблю Софью Михайловну и Софья Михайловна любитъ меня,—отчетливо и протяжно сказалъ Кожуховъ и остановился, пристально всматриваясь въ опущенное внизъ лицо Рымнина, какъ бы желая отгадать, что теперь происходитъ въ его душѣ и въ его головѣ.

— У васъ есть доказательства?—послѣ продолжительнаго молчанія, тихо и почти спокойно спросилъ Рымнинъ. Онъ поднялъ было затѣмъ подернутые поволокой грусти глаза на Кожухова, но, встрѣтивъ спокойный и пристальный взглядъ его, торопливо поникъ головою на грудь, какъ бы испугавшись и избѣгая взгляда Кожухова.

Кожуховъ улыбнулся и его лицо, его взглядъ, вся фигура его приняли теперь еще болѣе самоувѣренное выраженіе. Онъ провелъ рукою по волосамъ и затѣмъ началъ говорить менѣе гортанно, менѣе громко, съ намекомъ на искренность и сдерживаемую горячность:

— Я пришелъ сказать о моей любви къ Софьѣ Михайловнѣ и объ ея любви ко мнѣ не къ оффиціальному судьѣ, а къ человѣку, котораго привыкъ глубоко уважать и который самъ любилъ и любитъ Софью Михайловну; я пришелъ сказать объ этомъ не только мужу Софьи Михайловны, но и ея отцу; я пришелъ сказать это человѣку, умъ, доброе сердце, гуманный взглядъ котораго я привыкъ уважать. Я не думалъ, что встрѣчу въ васъ холоднаго, оффиціальнаго судью, для котораго нужны доказательства

того, что доказывать можетъ, доказательствъ чего ищетъ, сохраняетъ и чѣмъ пользуется только подлый человѣкъ... Я не принадлежу къ числу ихъ, хотя, быть-можетъ, вы и сомнѣваетесь въ этомъ.

— Не принесъ и не принесу?! Слѣдовательно, имѣю, но не покажу?!—какъ бы самъ съ собою началъ говорить Рымнинъ, когда Кожуховъ остановился.—Да, да! Такъ поступилъ бы всякій честный человѣкъ,—слѣдовательно, господинъ Кожуховъ тоже честный человѣкъ... Я—старикъ, она—молода, господинъ Кожуховъ тоже молодъ,—какихъ же доказательствъ нужно еще?... Она уѣхала, дряхлый мужъ не можетъ спросить ее объ этомъ, да и господинъ Кожуховъ взялъ съ меня слово не говорить съ ней объ этомъ,—какихъ же доказательствъ нужно еще?...

— Я вамъ не вѣрю, милостивый государь,—продолжалъ онъ, вдругъ возвысивъ голосъ, гордо поднявъ голову и презрительно окинувъ взоромъ Кожухова.—Я не вѣрю и тому, что вы—честный человѣкъ и, какъ честный человѣкъ, явились безъ доказательствъ. Вы, милостивый государь, подлецъ и негодяй! Я не вѣрю ни одному вашему слову, потому что вы—лжецъ и мерзавецъ!...

— Я люблю Софью Михайловну и дорожу ея спокойствіемъ,—взявъ шляпу со стола, медленно приподнимаясь со стула и съ тѣмъ же оттѣнкомъ сдерживаемой горячности, началъ Кожуховъ. —Я пришелъ къ вамъ въ домъ, предупредивъ васъ не для того, чтобы слышать отъ васъ ругательства и брань. Я понимаю ваше состояніе, знаю ваши лѣта, признаю возможность положеній, при которыхъ оскорбленія, проступки и даже преступленія не должны быть вмѣняемы, и потому не считаю слова ваши обидными для себя... Ваша брань скорѣй компрометируетъ васъ, котораго я привыкъ уважать...

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?!—еще болѣе громко началъ Рымнинъ, ударивъ рукою по столу.—Я—старикъ, а вы—молоды и честны, такъ смѣло можете придти и разрушать мою семейную жизнь!? Я—умный и гуманный человѣкъ, а вы—честный человѣкъ, такъ смѣло можете придти и сказать, что моя жена меня не любитъ, что она—ваша любовница!? Вы—честный человѣкъ, такъ безъ доказательствъ можете порочить честную отсутствующую женщину!? И я—умный и гуманный старикъ, мужъ и отецъ отсутствующей женщины—не имѣю права называть подлецомъ и негодяемъ того нахала, который безъ доказательствъ

говоритъ мнѣ, что жена моя—его любовница?!... И мои слова не обидны, какъ слова сумасшедшаго, малолѣтняго, пьяницы? Ха-ха-ха! Вы не только подлецъ и негодяй, но еще трусъ! Вы, милостивый государь, не негодяй, а жалкій негодяйчикъ! Вы не подлецъ, а презрѣнный трусишка! Ха-ха-ха!...

Рымнинъ искренно хохоталъ. Онъ говорилъ горячо, глаза его сверкали гнѣвомъ и презрѣніемъ, но голова его была полна тревожными мыслями, сердце мучительно билось и ныло, а въ ушахъ шумѣло, — и онъ плохо понималъ то, что говорилъ, и ему казалось, что все это происходитъ во снѣ. Онъ посмотрѣлъ на Кожухова.

— Дорожа спокойствіемъ Софьи Михайловны, позвольте мнѣ повторить это еще разъ, что я оставлю вашу брань безъ протеста; но, если позволите и выслушаете хладнокровно, я откровенно скажу вамъ, зачѣмъ я сюда пришелъ,—все такъ же спокойно и невозмутимо сказалъ Кожуховъ, ворочая шляпу въ рукѣ.

III.

Рымнинъ долго молчалъ. Спокойный голосъ Кожухова и его невозмутимость на самыя обидныя слова, обидныя для чести самаго безчестнаго человѣка,—невольно удивляли и поражали Рымнина. Ему хотѣлось успокоиться, хладнокровно понять смыслъ всего происшедшаго, и онъ пристально всматривался въ Кожухова, у него даже явилась жалость къ нему, какъ невольно является жалость даже къ уличному воришкѣ, когда толпа черни безпощадно начинаетъ его колотить. Рымнинъ былъ лучшимъ представителемъ русскаго барства. Онъ могъ вспылить, забыть правила гостепріимства, позвать людей и выбросить за окно нахала; но онъ былъ дѣйствительно образованный, гуманный, искренно ненавидящій деспотизмъ и насиліе человѣкъ.—«Ну, а если правда? — думалъ онъ, когда бранью удовлетворилъ свое барское чувство, и во взглядѣ его, вмѣсто презрѣнія и ненависти къ Кожухову, видна была только грусть и подавленность.—Что если она любитъ его, если она сказала ему объ этомъ, если она поручила ему переговорить со мною объ этомъ?... Что если все это правда, и только грубая логика, чиновничьи пріемы, пріемы деспотизма, съ которыми сроднила его долгая чиновничья служба, дѣлаютъ его слова, правдивыя слова, обидными?...»

— Послушайте, милостивый государь,—началъ онъ совершенно спокойно, — я буду хладнокровенъ, даю вамъ въ этомъ

слово, дамъ вамъ руку, что сдержу слово, но я позову людей и выброшу васъ за окно, если вы мнѣ не представите ясныхъ доказательствъ, что вы говорите правду!

— Я скажу вамъ все, а потомъ вы можете поступать, какъ вамъ будетъ угодно... Я исполню свой долгъ,—поставивъ шляпу на столъ и снова садясь на стулъ, продолжалъ Кожуховъ, — а вы можете дѣлать то, что велитъ вамъ вашъ долгъ; но я знаю и вѣрю, что и для васъ дорого спокойствіе Софьи Михайловны.

— Прошу васъ перейти къ сути дѣла!—серьезно, но спокойно замѣтилъ Рымнинъ.

— Я люблю Софью Михайловну и она любитъ меня. Мы знаемъ и вѣримъ въ это оба; но вы несправедливо называете Софью Михайловну моей любовницей,—я вамъ этого не говорилъ и не скажу, потому что это была бы ложь и клевета... Любимъ мы уже давно другъ друга и признались въ этомъ другъ другу тоже давно. Мы терпѣли, ждали...

— Моей смерти?—грустно и тихо, какъ нечаянный вздохъ, вырвался вопросъ изъ устъ Рымнина.

— Я буду предъ вами, человѣкомъ высокаго ума, называть вещи ихъ собственными именами. Вы позволите?

— Прошу васъ перейти къ сути дѣла! — съ сдержаннымъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Рымнинъ.

— Мы терпѣли и ждали вашей смерти, такъ какъ смерть— удѣлъ всѣхъ и такъ какъ только тогда Софья Михайловна будетъ свободна, можетъ быть моей женой... Мы ждали долго, но у насъ не стало силы ждать долѣе. Это нетерпѣніе испытывали мы оба, и я просилъ у Софьи Михайловны позволенія переговорить съ вами.

— И она вамъ позволила?—грустно улыбнувшись, спросилъ Рымнинъ.

— Она мнѣ отвѣтила, зачѣмъ я не переговорилъ съ вами объ этомъ, не спрашивая ея разрѣшенія? «Тогда бы,—продолжала она,—я бы ничего не знала, была бы не подготовлена къ этому, объясненіе было бы искренно, естественно, а теперь Дмитрій Ивановичъ можетъ предположить хитрость, обманъ. Правда и искренность помогли бы ему не такъ сильно принять къ сердцу то, что ему будетъ очень непріятно...» —Я вамъ буквально передаю слова Софьи Михайловны. Какъ видите, она не позволила мнѣ говорить вамъ о нашей любви.

— Но вы все-таки сказали! — съ грустнымъ укоромъ и со вздохомъ замѣтилъ Рымнинъ.

— Да. Но я сказалъ тогда, когда Софья Михайловна уѣхала,—я сказалъ тогда, когда отсутствіе Софьи Михайловны даетъ намъ возможность, не нарушая ея спокойствія, переговорить, чтобъ устроиться всѣмъ намъ троимъ миролюбиво, безъ напраснаго страданія... Переговорить объ этомъ я и пришелъ къ вамъ, уважаемый Дмитрій Ивановичъ.

— У васъ есть проектъ?— спросилъ, помолчавъ, Рымнинъ.

— Будьте нашимъ отцомъ, благословите нашу любовь! — и въ голосѣ Кожухова теперь ясно слышалась искренность, правдивость, горячая мольба. Онъ самъ остался доволенъ короткостью и силою своихъ словъ.

Оба долго молчали. Одинъ задумался надъ ролью быть въ одно и то же время и отцомъ, и заштатнымъ мужемъ на глазахъ жены и ея любовника, быть евнухомъ своей жены и ея любовника на глазахъ взрослой дочери; а другой ни о чемъ не думалъ, но терпѣливо ждалъ отвѣта на свое предложеніе, какъ терпѣливо сидитъ страстный рыболовъ у удилища, хорошо зная, что рано или поздно рыбка все-таки клюнетъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ онъ менѣе будетъ шевелиться самъ и шевелить поплавокъ.

— Простите меня за сказанное въ горячности,—все такъ же спокойно началъ Рымнинъ.—Я благословлю вашу любовь, но не такъ, какъ вы хотите. Вы хотите, чтобъ я благословилъ вашу любовь и былъ при васъ отцомъ, не переставая быть мужемъ въ глазахъ свѣта, а вы—въ роли любовника въ глазахъ того же свѣта... такъ?

— Свѣтъ будетъ знать только мужа. Я буду для него тѣмъ же, что и теперь, только знакомымъ вашего дома,—все такъ же сильно отвѣчалъ Кожуховъ.

Рымнинъ улыбнулся и потомъ продолжалъ:

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь, во-первыхъ; во-вторыхъ, я ненавижу ложь; а въ-третьихъ, у меня есть дочь, для которой, въ ея лѣта, имена «мать» и «жена» не должны быть двусмысленными, должны быть святыми для нея... Да и развѣ нѣтъ другаго выхода?—послѣ короткой паузы продолжалъ онъ.—Если Софья Михайловна любитъ васъ, если ей тяжело жить со мной, то мои отношенія съ нею могутъ быть прерваны навсегда... Я уже старъ и сдѣлался неспособнымъ къ супружеской жизни,—я не буду лгать, если возьму на себя законную причину развода... Но только

я это дѣлаю съ однимъ условіемъ: Софья Михайловна должна возвратить мнѣ все то, что я ей далъ. Она должна возвратить мнѣ все, рѣшительно все, начиная съ имѣній и кончая платьями, а я ей возвращу ея свободу... Мнѣ кажется, такъ будетъ честнѣе, благороднѣе, безъ лжи и надувательства?...

Кожуховъ молчалъ, смотрѣлъ внизъ и торопливо кусалъ то верхнюю, то нижнюю губу. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго предложенія. Онъ не могъ представить себѣ, чтобы Рымнинъ — баринъ, богачъ, аристократъ, видный земскій дѣятель, извѣстный человѣкъ — рѣшился фигурировать въ роли неспособнаго къ брачной жизни мужа, фигурировать публично, гласно, фигурировать передъ судомъ для полученія развода. Онъ не ожидалъ, что ему, Кожухову, позволятъ не только любить, но и жениться на Софьѣ Михайловнѣ, только безъ ея имѣній, безъ ея богатства... И онъ былъ удивленъ. Его програма была разбита, его умъ отказывался извернуться, составить новую программу,—и онъ терялъ власть надъ своими чувствами, самообладаніе покинуло его.

— Это все требуетъ огласки, безпокойства, тревогъ и пересудовъ... Это обезпокоитъ Софью Михайловну,—съ разстановками и съ дрожью въ голосѣ сказалъ онъ.

— Въ роли любовницы Софья Михайловна будетъ еще болѣе подвержена «безпокойству, тревогѣ и пересудамъ»,—медленно и въ унисонъ Кожухову произнесъ Рымнинъ послѣднія слова.— Разница въ одномъ: любовницу откроютъ и разнесутъ отрытіе посороніе люди, а разводъ мы объявимъ людямъ сами, добровольно, честно. Мнѣ кажется, второе будетъ честнѣе, благороднѣе, безъ лжи и надувательства?...

Роли вдругъ перемѣнились. Теперь въ положеніи нападающаго былъ Рымнинъ, и онъ былъ совершенно хладнокровенъ, онъ говорилъ спокойно и съ презрительно-иронической усмѣшкой на лицѣ; а Кожухову, увы, пришлось исполнять роль обороняющагося, и онъ былъ сильно недоволенъ этимъ, былъ раздражителенъ, нетерпѣливъ, потерялъ власть надъ собою, что̀ служитъ всегда вѣрнымъ признакомъ пораженія, если только не выручатъ врожденный героизмъ и инстинктивная природная находчивость, чѣмъ Кожуховъ, къ сожалѣнію, похвастаться не могъ.

— Софья Михайловна не согласится на это,—угрюмо отвѣчалъ Кожухо̀въ.

— Ну, а вы?... Если вы согласны, то, я увѣренъ, что и Софья Михайловна будетъ согласна... Я не могъ выбрать себѣ въ

жену женщину, способную быть любовницей и женой въ одно и то же время!—гордо и съ достоинствомъ сказалъ Рымнинъ.

— Я не захочу любимую мною женщину, привыкшую къ роскоши, къ широкой дѣятельности, къ богатству и простору, лишить всего этого!... Я лучше буду страдать самъ, предпочту видѣть ее страдающею въ сродной ей атмосферѣ, чѣмъ называть ее своею, дать ей свою любовь и лишить всего, къ чему она привыкла! — пародируя словамъ и тону Рымнина, отвѣчалъ Кожуховъ, но пародія походила только построеніемъ фразъ, а сказалась безъ внутренней силы, не энергично, хотя и раздражительно.

— Кто вамъ сказалъ, что Софья Михайловна привыкла къ роскоши?... Она выросла въ бѣдности,—я взялъ ее изъ-за буфета... Да она и теперь ведетъ очень и очень скромную жизнь, всегда занята работой, въ театрѣ бываетъ рѣдко, баловъ не любитъ, бываетъ на нихъ только для дочери. Она любитъ, правда, поѣхать покататься за городъ, но вѣдь подобное развлеченіе, кажется, и вы, monsieur Кожуховъ, можете ей предоставить?...

Кожуховъ молчалъ и продолжалъ кусать губы.

— Такъ вы согласны на мое предложеніе?—нетерпѣливо спросилъ Рымнинъ, которому опять Кожуховъ сталъ противнымъ и ему хотѣлось поскорѣе окончить разговоръ съ нимъ.

— Я уже высказалъ мое мнѣніе и не измѣню его, — послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчалъ Кожуховъ, взявъ шляпу со стола и ворочая ее въ рукахъ.

— Такъ я и зналъ... Такъ позвольте же мнѣ сказать вамъ въ заключеніе...

— Прошу васъ... безъ дерзкихъ словъ! — громко прервалъ Кожуховъ, вставъ со стула.—Я былъ довольно снисходителенъ...

— Что болѣе не позволите мнѣ произносить дерзкихъ словъ, такъ?—въ свою очередь прервалъ Рымнинъ тоже громко и тоже вставъ. — Не бойтесь, прошу васъ... Я, изволите ли видѣть, врагъ притѣсненія и лишенія свободы кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе женщины, которая дала мнѣ, почти на закатѣ моихъ лѣтъ, такъ много любви, уваженія, спокойствія,—словомъ, полнаго счастья. Неблагодарнымъ я тоже не былъ никогда. И если я потребую отъ Софьи Михайловны всего, что я ей далъ, то только въ одномъ случаѣ,—свободы я не лишу ея ни въ какомъ случаѣ,—если она увлечется вами или человѣкомъ подобнымъ вамъ... Вѣдь вы не любите ея! Вамъ она только не противна, для васъ она только женщина, съ которою не противно жить,

но для васъ дороги ея имѣнія, ея богатство!... Не она нужна вамъ для вашего счастья, а ея состояніе нужно для вашего счастья! Предугадать, въ чемъ состоитъ идеалъ вашего счастья, не трудно: быть мандариномъ, жить мандариномъ и умереть мандариномъ. Я не долюбливаю этихъ особъ и не хочу помогать моими средствами увеличивать число ихъ, — ихъ и такъ у насъ цѣлая масса!... Въ концѣ концовъ я употреблю все мое вліяніе на Софью Михайловну, чтобы раскрыть ей глаза на вашу особу, чтобы показать ей всю ложь и обманъ вашей любви къ ней.

— Разговоръ нашъ извѣстенъ только намъ двумъ! — почти вскрикнулъ Кожуховъ.

— Ну, ужь нѣтъ, я не буду держать его въ тайнѣ отъ Софьи Михайловны,—подсмѣиваясь сказалъ Рымнинъ.

— Вы дали слово!—еще болѣе громко вскрикнулъ Кожуховъ.

— Безъ объясненія съ ней я не буду въ силахъ смотрѣть на нее, говорить съ ней... А вѣдь ей нужно будетъ продолжать жить со мною, вѣдь вы не хотите брать ее, вѣдь вы не любите ее!—все такъ же насмѣшливо продолжалъ Рымнинъ.

— Я желаю, чтобы вы сдержали ваше слово!

— Я не сдержу его.

— Въ такомъ случаѣ...

Но Кожуховъ вздрогнулъ и не докончилъ того, что хотѣлъ сказать. Рымнинъ быстро поднялъ со стола массивный канделябръ, повернулъ его въ рукѣ, свѣчи и стеклянныя розетки со стукомъ и звономъ попадали на полъ, а изъ корридора торопливо вошелъ въ залъ Иванъ, разсыльный Рымнина.

— Убери это, Иванъ,—обратился къ нему Рымнинъ, продолжая держать массивный канделябръ въ рукѣ и слегка помахивая имъ.

Иванъ началъ поднимать съ пола свѣчи и осколки разбившихся розетокъ.

— Я хотѣлъ васъ, monsieur Кожуховъ, познакомить съ массивностью этого подсвѣчника, но, къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Надѣюсь, что вы не въ претензіи на мою неловкость?... До свиданія, monsieur Кожуховъ!—закончилъ Рымнинъ и медленно направился изъ залы.

«Подлецъ!»—подумалъ про себя Кожуховъ, торопливо уходя изъ залы.

«Будетъ отъ барыни головомойка, какъ пріѣдетъ да узнаетъ! И въ жисть не повѣритъ, что самъ баринъ нашкодилъ»,—думалъ Иванъ, лазая подъ стульями и собирая тамъ осколки розетокъ.

IV.

Могутовъ и Переѣхавшій, обласкавъ и успокоивъ сильно выпоротаго мальчика и сильно встревоженную его мать, старались распросить и разузнать отъ нихъ подробно: кто, какъ и за что такъ жестоко наказалъ мальчика. Но имъ, при всемъ стараніи, удалось только выслушать болѣе послѣдовательный и хладнокровный разсказъ Лукерьи о томъ, что говорилось уже ею на дворѣ съ перерывами слезъ и вздоховъ. Изъ распросовъ мальчика они поняли только, что рабочіе каретнаго заведенія Бибикова подговорили его, высѣченнаго мальчика и безплатнаго ученика того же Бибикова, жаловаться мировому судьѣ на скверную пищу, помѣщеніе и жестокое обращеніе хозяина,—что мальчикъ пожаловался, хозяинъ до суда полоснулъ его тростью, мировой судья оштрафовалъ хозяина, хозяинъ отвелъ мальчика въ полицію и тамъ его выпороли солдаты и посадили въ арестантскую при полиціи.

Послѣ ухода матери и сына, Могутовъ и Переѣхавшій долго разговаривали о значеніи гласности, о значеніи порки въ русской жизни, о силѣ хозяйской и полицейской власти у насъ и т. д. и т. д. Въ заключеніе ихъ долгой бесѣды Переѣхавшій заявилъ, что онъ разузнаетъ самымъ подробнымъ образомъ всю исторію съ мальчикомъ и предастъ ее гласности; а Могутовъ, хотя и скептически относился къ пользѣ гласности при нашемъ режимѣ, все-таки изъявилъ желаніе помочь Переѣхавшему въ его предпріятіи.

— Боже мой, Боже мой!—жалобно и въ носъ говорилъ подъ конецъ Переѣхавшій.—Кого только у насъ не пороли и не порятъ? Порятъ у насъ женатыхъ парней, порятъ женщинъ, порятъ стариковъ, имѣющихъ внуковъ, пороли въ Одессѣ студента, а въ Москвѣ стегали ихъ нагайками на Дрезденской площади! И какъ пороли и порятъ?—Пороли и порятъ публично, на глазахъ всего общества, такъ что крики, стоны и слезы отцовъ и матерей подъ розгами слышатъ дѣти этихъ несчастныхъ!... И все это предавалось гласности, обо всемъ этомъ печаталось въ газетахъ...

Споконъ-вѣка дождемъ разливаются
Надъ родимой землей небеса;
Стонутъ, воютъ, подъ бурей ломаются
Споконъ-вѣка родные лѣса;
Споконъ-вѣка работа народная
Подъ ударами плети идетъ...

Для разслѣдованія дѣла о поркѣ мальчика, Могутовъ нѣсколько разъ бывалъ въ кабакѣ, противъ каретнаго заведенія Бибикова, познакомился тамъ съ рабочими того же заведенія и отъ нихъ узналъ всѣ подробности до отвода мальчика въ полицію, а равно и всѣ подробности о порядкѣ или, вѣрнѣе, безпорядкахъ того же заведенія. Переѣхавшій узналъ отъ мироваго судьи и отъ знакомыхъ ему полицейскихъ чиновниковъ всѣ подробности порки мальчика.

Результатомъ всѣхъ этихъ изслѣдованій была длинная корреспонденція въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Корреспонденція была напечатана въ газетѣ за подписью «Пріѣхавшій».

V.

. . . .

VI.

Дмитрій Ивановичъ, послѣ разговора съ Кожуховымъ, провелъ цѣлый день въ очень хорошемъ расположеніи духа. Ему не только казалось, а почему-то вѣрилось, какъ въ неоспоримую истину, что Кожуховъ невѣрно истолковалъ шутливыя фразы Софьи Михайловны и, подъ вліяніемъ этихъ фразъ, быть-можетъ полныхъ насмѣшки надъ нимъ, вообразилъ, что она любитъ его, и рѣшился, съ чиновничьимъ джентльменствомъ, очень похожимъ на нахальство разбогатѣвшаго кабатчика, разговаривать объ ея любви. И Дмитрій Ивановичъ былъ доволенъ, что хорошо отдѣлалъ нахала, что выругалъ его какъ нельзя лучше, что обнаружилъ его жадность къ богатству, прикрытую любовью и нахальствомъ, что разозлилъ подъ конецъ этого карьериста и такъ ловко воспользовался канделябромъ. Ему хотѣлось въ тотъ же день подѣлиться своимъ веселымъ расположеніемъ духа съ Софьею Михайловною, написать ей письмо съ подробнымъ изложеніемъ преній, надъ которыми она должна будетъ сильно смѣяться.

«Какъ она будетъ смѣяться!—думалъ онъ.—А я ей напишу, не скрывая ничего. Пусть посмѣется и надо мною, надъ старымъ пѣтухомъ. Хорошъ! Принялъ слова дурака-нахала за правду — и распѣтушился!... Но потомъ я былъ молодецъ, и она должна похвалить меня... Еслибы даже и впрямь что-либо серьезное было, то я и тогда не могъ бы ничего лучшаго придумать, если не для своего собственнаго спокойствія, то для спокойствія дочери... А

я думалъ, что онъ хочетъ просить твоей руки, моя дорогая Екатерина! Ты не умѣешь говорить словъ въ шутку, какъ часто говоритъ, по своей мягкости, Соня, и о тебѣ не смѣлъ думать нахалъ... Нѣтъ, надо предупредить Соню, избавить меня на будущее время отъ подобныхъ сценъ... Но я далъ слово... Ну, и чортъ съ нимъ, съ этимъ мандариномъ, забуду и самъ обо всемъ этомъ».

Такъ рѣшилъ онъ въ этотъ день, проведя его среди новыхъ строителей дороги.

«А что еслибъ я пустилъ въ него канделябромъ или швырнулъ его за окно? Былъ бы скандалъ! Нѣтъ, надо предупредить Соню, чтобы была осторожна въ своихъ словахъ и тѣмъ не давала повода нахаламъ воображать чортъ знаетъ что и дѣлать чортъ знаетъ какія сцены!... Но къ чему ее, бѣдненькую, безпокоить пустяками въ хлопотахъ? Пріѣдетъ, тогда и разскажу»,— уже засыпая подумалъ онъ.

На слѣдующій день новые строители дороги уѣзжали на линію и, въ благополучіе ихъ пути и ихъ строительства, данъ былъ шумный обѣдъ, съ безчисленнымъ числомъ рѣчей и тостовъ. Дмитрій Ивановичъ вернулся домой одинъ, очень поздно и сильно усталый. Онъ скоро легъ въ постель и спалъ очень спокойно.

На утро слѣдующаго дня онъ всталъ поздно и съ сильною головною болью. Онъ просидѣлъ цѣлый день въ кабинетѣ, пробовалъ писать свое сочиненіе, но голова была тяжела, писалось плохо и даже читалось плохо, когда онъ отъ писанія переходилъ къ чтенію. Въ часъ дня онъ выпилъ рюмку водки, слегка закусилъ и потомъ прилегъ на диванѣ въ кабинетѣ. Онъ скоро задремалъ... И грезится ему буфетъ небольшой станціи желѣзной дороги и за буфетомъ стоитъ Софья Михайловна. Онъ смотритъ на нее, любуется ею и вдругъ подходитъ къ ней и прямо предложилъ ей вопросъ, который удивляетъ его даже во снѣ:

— За кого вы выйдете замужъ, милая и умная дѣвушка?

— Я постараюсь выйдти замужъ за пожилаго человѣка съ состояніемъ, —весело и откровенно отвѣчаетъ она.—Я не боюсь бѣдности, я къ ней привыкла, но, испытавъ сама бѣдность, я не желаю подвергать тому же моихъ дѣтей.

— Но ваше сердце, ваша горячая молодая кровь, ваши живыя чувства не послушаютъ вашей умной головки, и вы отдадитесь тому, кого выберутъ они, а не вашъ умъ.

— О, даю вамъ слово, что нѣтъ! Я знаю себя, знаю жизнь и знаю, какъ можно управлять чувствами, когда бываешь занята, когда нѣтъ свободнаго времени,—все также живо и весело отвѣчаетъ она.

— Но состоятельный мужъ дастъ вамъ много свободнаго времени, предоставитъ вамъ много пустыхъ, но очень веселыхъ развлеченій, на которыхъ такъ легко встрѣтить молодыхъ и красивыхъ мужчинъ. Они начнутъ ухаживать за вами, такъ нѣжно говорить, такъ пламенно смотрѣть и... въ васъ заиграетъ кровь, чувства возьмутъ верхъ надъ умомъ — и между вами и вашимъ старымъ супругомъ легко можетъ разыграться страшная драма.

— Я за прилавкомъ буфета научилась давать истинную цѣну всѣмъ этимъ любезностямъ, ухаживаньямъ и комплиментамъ. За состоятельнымъ человѣкомъ я буду заниматься своимъ образованіемъ: въ институтѣ меня почти ничему не научили... А тамъ, Богъ дастъ, будутъ дѣти и я сама буду кормить ихъ грудью.

— А если не будетъ дѣтей?... Отъ стариковъ рѣдко бываютъ дѣти.

— За дряхлаго, больнаго старика я не пойду. Я пойду вотъ за такого, какъ вы,—и она пристально осматриваетъ его.

— А развѣ вы не можете выйдти за богатаго и молодаго?

— Молодые и богатые мужчины ищутъ себѣ красавицъ, а я только не дурна, да уже и не молода,—мнѣ двадцать первый годъ.

— Я вдовецъ, я богатъ, у меня есть двѣнадцати-лѣтняя дочь,— будьте мнѣ женой, а моей сироткѣ-дочери матерью! — горячо вскрикнулъ онъ, упавъ предъ нею на колѣни.

— Вы говорите правду, — отвѣчала она, пристально посмотрѣвъ на него,—я умѣю узнавать. Хорошо, я даю слово быть вѣрной вамъ женой и помощницей...

Потомъ предъ нимъ проносится ихъ свадьба — простая, но полная поэтической обстановки. Лунная ночь, ни одинъ листъ не шелохнется на деревьяхъ, майская свѣжесть и пахучесть разлита кругомъ, въ лѣсу поютъ соловьи, — и онъ и она, только вдвоемъ, идутъ пѣшкомъ изъ маленькой усадебки, гдѣ жила ея мать, идутъ въ церковь, для совершенія брачнаго обряда надъ ними... Въ церкви почти никого нѣтъ: пять человѣкъ свидѣтелей, приготовленныхъ самимъ священникомъ, самъ священникъ, дьячокъ на клиросѣ—и только. Но въ маленькой церкви, освѣщенной всего нѣсколькими восковыми свѣчами, разлитъ такой загадочный и нѣжный полумракъ, лики угодниковъ такъ кротко

и спокойно смотрятъ съ иконостаса, голосъ священника и его слова такъ величественно раздаются на всю церковь и потомъ какъ будто кто-то повторяетъ ихъ второй разъ, — повторяетъ тамъ, высоко-высоко, подъ куполомъ храма, гдѣ строгій ликъ Бога-Отца, слабо освѣщенный луннымъ свѣтомъ чрезъ окна въ куполѣ, какъ будто плавая въ облакахъ, благословляетъ тѣхъ, кто теперь въ храмѣ...

Изъ церкви они возвращаются домой опять одни. Имъ не хочется говорить. Она, вся прижавшись къ его плечу, всматривается въ причудливо-туманные силуэты куртинъ лѣса, рисующихся на темно-синемъ небѣ, густо усѣянномъ звѣздами; онъ, весь проникнутый любовью, нѣжностью, благодарностью къ ней, осторожно поддерживаетъ ее, хочетъ лучше всмотрѣться въ дорогу, а его глаза невольно поднимаются къ небу и въ его головѣ невольно слагается горячая молитва къ Богу, чтобъ Онъ далъ ему силы на вѣки осчастливить ее... Но вотъ они входятъ въ лѣсъ и надъ ними, вверху на деревѣ, запѣлъ соловей, а тамъ, кругомъ, въ лѣсу, вторятъ сотни другихъ...

Потомъ проносятся предъ нимъ всѣ дни, мѣсяцы и годы ихъ супружеской жизни, въ продолженіе которыхъ онъ ни разу не видѣлъ ее недовольною, скучною, печальною, ни разу не видѣлъ нелюбви къ его дочери, ни разу не слышалъ жалобъ отъ дочери. Она привела его имѣнія въ отличное состояніе; онъ сталъ имѣть много свободы для сочиненія и для воспитанія дочери; онъ и она радовались на дочь и только, быть-можетъ, про себя просили Бога дать имъ еще дѣтей...

Но вдругъ сонъ его мѣняется. Послѣ полныхъ поэзіи и любви грезъ ему начинаетъ грезиться ненависть, злоба, измѣна, лукавство, нахальство,—словомъ, вся сцена между нимъ и Кожуховымъ проносится передъ нимъ съ малѣйшими подробностями, при чемъ онъ испытываетъ все то внутреннее ощущеніе, которое испытывалъ тогда... Наконецъ, проносятся и эти грезы, и онъ видитъ себя рыдающимъ, слезы ручьемъ бѣгутъ по его щекамъ. Онъ плачетъ, вздыхаетъ и страдаетъ потому, что не любитъ его Соня, что промѣняла его на нахала, на грубаго эгоиста,— промѣняла потому, что онъ не скоро умираетъ. Ему хочется умереть. Онъ хватаетъ себя за горло, душитъ себя, громко кричитъ и...

Онъ проснулся. Онъ пролежалъ нѣсколько минутъ съ открытыми глазами, ни о чемъ не думая; потомъ порывисто всталъ,

торопливо подошелъ къ столу, досталъ почтовую бумагу и только теперь, когда взялъ въ руки перо, пришелъ въ себя, очнулся отъ сна.

«Что я дѣлаю?—громко спросилъ онъ самого себя.—Ну, хорошо, я буду писать ей... Но я далъ слово... — Онъ задумался.—Я сдержу слово и напишу ей!»—громко сказалъ онъ и, послѣ короткаго раздумья, написалъ слѣдующее письмо къ Софьѣ Михайловнѣ·

«Я всталъ сегодня, Соня, съ головною болью послѣ вчерашняго, шумнаго и окончившагося далеко за полночь, обѣда въ добрый путь уѣхавшихъ новыхъ строителей желѣзной дороги. Пробовалъ писать, читать, но тяжелая и больная голова не понимала ничего. Я прилегъ на диванъ и погрузился въ дремоту. Какъ живо, дорогая Соня, въ грезахъ сна пронеслась предо мною вся наша жизнь, со дня перваго знакомства на вокзалѣ и до твоего отъѣзда!... Потомъ мнѣ приснилось, будто ты, Соня, начала уже скучать со мною, сдѣлалась скрытной отъ меня, что въ глубинѣ твоей души кипитъ, скрытая отъ меня, жажда другой жизни, жажда полной воли и полной свободы. И вотъ, не знаю самъ почему, мнѣ захотѣлось, какъ только я проснулся, писать къ тебѣ и спросить у тебя: не суть ли мои грезы только слабое отраженіе дѣйствительности? Мы прожили съ тобой, Соня, болѣе четырехъ лѣтъ и, въ продолженіе этихъ лѣтъ, ты дала мнѣ много, много любви, счастья, спокойствія. Въ благодарность за все это я старался только объ одномъ: дать тебѣ полную свободу во всемъ, довѣрять и любить тебя, насколько это было можно въ мои лѣта. Не знаю, можетъ-быть, я не сумѣлъ дать тебѣ замѣтить это ясно, но, клянусь, ты для меня всегда была и будешь свободною во всемъ, что только потребуетъ твой умъ, твоя душа и твое сердце. Скажи мнѣ, Соня, напиши мнѣ, и я сдѣлаю тебя вполнѣ свободной, продолжая любить и уважать тебя, какъ любилъ и уважалъ тебя со дня нашей встрѣчи и до сихъ поръ...

«Дорогая моя! Много мыслей, полныхъ поэзіи, тѣснится у меня въ головѣ; сердце за прошлое полно любви и благодарности къ тебѣ,—и, подъ вліяніемъ всего этого, я не могу написать тебѣ всего, что думаю, и написать такъ, какъ думается и мечтается. Рука старика не поспѣваетъ за мыслями и пишетъ обрывки ихъ сухими, черствыми словами; но я прошу тебя объ одномъ: вѣрь искренности этихъ словъ и вѣрь тому, что для

меня отраднѣй умереть, чѣмъ думать, что я лишаю тебя свободы, что ты желаешь другой жизни и скрываешь свое желаніе отъ меня. Я — не эгоистъ, я сознаю свои лѣта, я могу и стараюсь понимать безъ хитрости душу и мысли другихъ, стараюсь дѣлать добро людямъ, — и неужели ты лишишь меня отрады знать первому твои мысли, твои желанія и сдѣлать все для ихъ осуществленія?

«Я не скучаю. Дѣла отнимаютъ много времени, а при дѣлахъ, какъ ты говоришь, нѣтъ скуки. Будь здорова и не скрывай отъ меня ничего. Я—твой отецъ въ настоящемъ, любящій тебя больше дочери, потому что ты... Люби, довѣряй и надѣйся на твоего отца, Дмитрія Рымнина».

Запечатавъ письмо и справившись съ маршрутомъ Софьи Михайловны, Дмитрій Ивановичъ скоро сообразилъ, гдѣ должна быть чрезъ три дня Софья Михайловна, и потомъ написалъ адресъ, позвалъ человѣка и велѣлъ ему послать письмо съ нарочнымъ въ деревню Снопы.

Но письмо и скоро полученный отвѣтъ на него не успокоили Дмитрія Ивановича. И съ этого дня часто-часто тревожныя думы и мысли назойливо копошились въ его головѣ, не давали ему покоя и мѣшали его обычнымъ занятіямъ. И болѣе всего, и чаще всего его преслѣдовала мысль, что онъ живетъ долѣе, чѣмъ нужно, что онъ связываетъ и глушитъ собою молодую жизнь Софьи Михайловны,—что та свобода, которую онъ можетъ дать ей при своей жизни, все-таки жесткая, тяжелая свобода для женщины вообще и для Софьи Михайловны въ частности.

«Она умна, имѣетъ уживчивый характеръ, любитъ работу и трудъ, и мнѣніе свѣта для нея не очень страшно, а все же ее ждутъ непріятности, ее можетъ надуть и бросить потомъ этотъ пошлякъ... Да, у ней добрая душа! Она изъ жалости ко мнѣ заглушитъ въ себѣ вольную мысль и будетъ страдать внутри... Пошли мнѣ смерть, Господи! Екатерина будетъ счастлива и безъ меня,—Соня любитъ ее...»

Такъ обыкновенно заканчивались тревожныя думы и мысли Дмитрія Ивановича... И началъ замѣтно и съ каждымъ днемъ спадать съ тѣла этотъ до сихъ поръ бодрый и здоровый старикъ. Ему хотѣлось скорѣе умереть, его не пугала смерть, и онъ, безсознательно, самъ ускорялъ ея приближеніе тревожными думами, нарушавшими его обыкновенный, регулярный образъ жизни.

ГЛАВА VII.

Жена пишетъ письма къ мужу и любовнику.—Письма любовника и любовницы другаго сорта.—Глупая дѣвочка въ деревнѣ учитъ крестьянскихъ дѣтей.—Корреспонденція *Московскихъ Вѣдомостей* изъ С—нска.

Солнце еще не всходило и только предразсвѣтная свѣжесть, да пурпуровая окраска неба на востокѣ, да легкій туманъ, тянувшійся отъ полей къ рѣкѣ, указывали на близкое начало дня, когда Софья Михайловна, въ открытомъ фаэтонѣ, четверкою, въѣхала на громадный дворъ помѣщичьей усадьбы при деревнѣ Снопы. На дворѣ кипѣла уже только-что проснувшаяся жизнь: коровы и овцы, зѣвая, мыча и блея, выходили изъ скотныхъ сараевъ, откуда громко слышалось старческое покрикиваніе пастуха и молодой дискантъ мальчика-подпаска; человѣкъ двадцать работниковъ возились около плуговъ и телѣгъ; ребятишки-погонщики, съ гикомъ и крикомъ, верхомъ на лошадяхъ, во весь карьеръ гнали до сотни лошадей съ водопоя; двѣ бабы, вынесши на дворъ торбочки, звонко приглашали разбирать снѣданье; кто-то сердито доискивался возжей; гдѣ-то стучалъ молотъ по желѣзу; кто-то спрашивалъ дядю Ѳедота; иной ругалъ лошадь калѣкой, иной называлъ другую—кумою; кто-то кричалъ: гдѣ зипунъ, тетка?...

— Скорѣй, Петро, тебя ждутъ! А ну, Иванъ, копайся проворнѣй! Эй ты, бабья голова, куда подручнаго вола впрегъ?—раздавался поверхъ всего басистый голосъ пожилаго, широкоплечаго, небольшаго роста, съ длинною бородой и въ поношенномъ, мѣщанскаго покроя, платьѣ, управляющаго барскою усадьбой, Владиміра Ивановича Коковцева.

Когда фаэтонъ остановился по срединѣ двора, крики и суета на дворѣ ни чуть не утихли и только управляющій, окинувъ быстрымъ взглядомъ все вокругъ, снялъ картузъ и подошелъ съ поклономъ къ Софьѣ Михайловнѣ.

— Здравствуйте, дорогой! Живы и здоровы и все въ добромъ порядкѣ?—ласково обратилась къ нему Софья Михайловна, улыбаясь и подавая свою полную, красивую, безъ перчатокъ руку.

— Съ пріѣздомъ, барыня!—серьезно и немного охрипшимъ голосомъ отвѣчалъ управляющій, осторожно пожимая руку барыни. —Благодаря Бога, все въ порядкѣ, какъ быть должно. Ранняя и отличная весна нонѣ,—торопимся.

— А я въѣзжаю къ вамъ, да и радуюсь. Знаю хорошо, что у Владиміра Ивановича все идетъ какъ по маслу, а все пріятно

и радостно, когда пріѣдешь невзначай и чуть свѣтъ и видишь, что господинъ управляющій уже на дворѣ распоряжается, покрикиваетъ и своимъ примѣромъ ободряетъ.

— На то служба, барыня. Насъ провѣрять—напрасно себя безпокоить будете,—съ чувствомъ гордости отъ похвалы барыни и съ сознаніемъ заслуги оной, сказалъ управляющій.

— Знаю, знаю, дорогой! По счетамъ вижу... Ну, вы, дорогой, распоряжайтесь, коли нужно, а я вотъ тутъ посижу, да утреннимъ воздухомъ подышу,—откинувшись на спинку фаэтона и слегка зѣвнувъ, сказала Софья Михайловна.

— Утренній воздухъ очень цѣлебенъ для здоровья, — одобрилъ управляющій.

А на дворѣ волы уже были запряжены въ плуги, а лошади въ бороны; рабочіе разбирали снѣданье, мальчишки-погонщики— воловъ и лошадей, бойко смѣялись и переговаривались между собою; кучеръ распрягалъ лошадей изъ фаэтона, а Софья Михайловна продолжала спокойно сидѣть въ немъ и ласково посматривать вокругъ двора.

— Готово? — громко, какъ кричатъ командиры на парадѣ «смирно», крикнулъ управляющій.

— Готово! Ѣдемъ! Готово!—громко отвѣчали ему въ разныхъ мѣстахъ двора.

— Съ Богомъ, въ добрый часъ! — скомандовалъ управляющій, и плуги тронулись, рабочіе крестились, а когда проѣзжали мимо фаэтона, снимали *колпаки* *) и говорили: «здравствуйте вамъ».

Софья Михайловна всѣмъ отвѣчала «здравствуйте» и «Давай Богъ вамъ добрый часъ».—Благодаримъ,—отвѣчали ей.

— Прикажите и мнѣ осѣдлать лошадь, Владиміръ Ивановичъ!—громко сказала Софья Михайловна, увидѣвъ осѣдланную лошадь, на которую хотѣлъ уже садиться управляющій.

И черезъ нѣсколько минутъ она, въ дамскомъ сѣдлѣ, на небольшой сытенькой лошадкѣ, въ платьѣ безъ шлейфа, уѣхала съ управляющимъ осматривать всходы, приготовленіе полей къ яровымъ посѣвамъ, состояніе луговъ, лѣсовъ, дорогъ, гатей и т. п., что составляетъ предметъ заботъ въ полѣ и внѣ двора усадьбы.

---

*) Крестьяне С—нской губерніи ходятъ въ бѣлыхъ шерстяныхъ шляпахъ, имѣющихъ форму колпаковъ.

Въ восемь часовъ она, добрая, немного усталая, проголодавшаяся, сидѣла за самоваромъ въ кругу семьи управляющаго. Она съ большимъ аппетитомъ пила чай со сливками, ѣла черный хлѣбъ съ масломъ и весело болтала съ женой управляющаго, очень симпатичной и благородной наружности женщиной, и съ двумя его дочерьми, очень хорошенькими дѣвочками. Самъ управляющій помѣщался на самомъ концѣ стола и держалъ себя очень сдержанно, какъ бы считая себя совершенно стороннимъ человѣкомъ, котораго знатная барыня снисходительно пригласила выпить стаканъ чаю за ея семейнымъ столомъ.

Послѣ чаю всѣ занялись своею работой, а Софья Михайловна провѣряла кладовыя, амбары, просматривала счеты, инвентарь и составляла замѣтки для распросовъ и распоряженій, которыя должны были послѣдовать по имѣнію. Въ двѣнадцатомъ часу она ходила на кухню рабочихъ, пробовала стряпню и присутствовала при отправленіи обѣда въ поле. Въ первомъ часу, опять усталая и съ хорошимъ аппетитомъ, она сидѣла за простымъ обѣдомъ управляющаго, за однимъ столомъ съ нимъ и съ его семействомъ. Послѣ обѣда, всѣ, кромѣ дѣвочекъ, спали полтора часа, потомъ управляющій поѣхалъ въ поле, а Софья Михайловна просматривала еще разъ замѣтки и обдумывала, что и какъ нужно передать управляющему о травосѣяніи. Въ пять часовъ пили чай, во время котораго и до самаго ужина шла оживленная, толковая и очень практичная бесѣда Софьи Михайловны съ управляющимъ о травосѣяніи и о всемъ прочемъ, что тѣсно было связано съ успѣшнымъ ходомъ хозяйства. Въ самый разгаръ бесѣды ей подали письмо отъ мужа. Она прочла, улыбнулась и потомъ съ тѣмъ же увлеченіемъ продолжала разговоръ съ управляющимъ.

Въ девять часовъ, послѣ простаго ужина, она сѣла у раскрытаго окна небольшой чистенькой комнатки, въ которой ей приготовлена была постель. На дворѣ было свѣжо, луны не было, звѣзды густо и ярко усѣяли небо и мертвая тишина царила въ пространствѣ: соловьи еще не прилетѣли, кузнечики еще не начинали своихъ ночныхъ трелей, — и только изрѣдка жужжалъ комаръ, стремясь чрезъ отворенное окно на свѣтъ въ комнатѣ, да на скотномъ дворѣ слышались порой коровьи вздохи. Софья Михайловна просидѣла минуты двѣ, потомъ зѣвнула, встала, вдохнула полною грудью свѣжаго воздуха, затворила окно и, сѣвъ у стола, написала слѣдующій отвѣтъ на письмо мужа:

«Напрасно ты волнуешь себя снами и предположеніями. Я не вѣрю, что ты не скучаешь безъ меня, такъ какъ сны и предположенія обо мнѣ могли явиться только отъ скуки. Не скучай!... Я скоро пріѣду и мы, какъ всегда, отлично проведемъ лѣто въ нашемъ пригородномъ. Жаль только, что Кати не будетъ съ нами. Она отлично устроилась въ Шустовѣ и, довольная и счастливая, при мнѣ принялась за обученіе двухъ дѣвочекъ скотницы. Славная у насъ дочурка!

«Еще разъ—не волнуйся! Пустое волненіе крови, которое бываетъ у меня иногда, не сдѣлаетъ меня глупой, и я буду твоей женой, а не дочерью, пока Богъ терпитъ нашимъ грѣхамъ. Онъ милостивъ и мы дождемся внуковъ. Какъ мы будемъ любить ихъ!

«Любящая тебя Софья».

P. S. «Дѣла въ имѣніяхъ идутъ отлично, о чемъ передамъ, когда пріѣду».

Потомъ она раздѣлась, зѣвая легла въ постель, подкараулила комара и потомъ придавила его, когда онъ сѣлъ ей на високъ, прислушалась, не жужжитъ ли еще гдѣ комаръ и, убѣдясь въ его отсутствіи, загасила свѣчу и заснула крѣпкимъ и здоровымъ сномъ.

На другой день она встала до солнца, умылась, одѣлась и, сидя у открытаго окна, смотрѣла на дворъ, на которомъ происходила та же ранняя, бодрая дѣятельность, что и вчера, въ утро ея пріѣзда. Ей подали письмо отъ Кожухова. Она прочитала—и продолжала сидѣть и смотрѣть на дворъ, какъ и до полученія письма.

— Готово?—громко, какъ командиръ, крикнулъ управляющій.

— Готово! Ѣдемъ! Готово!—отвѣчали ему въ разныхъ мѣстахъ.

— Съ Богомъ, въ добрый часъ!—скомандовалъ управляющій.

«И промѣнять такую жизнь на жалкое, почти нищенское, существованіе?... Нѣтъ, нѣтъ!»—отрицательно качая головой, подумала Софья Михайловна, потомъ зѣвнула, затворила окно, сѣла къ столу и написала слѣдующій отвѣтъ Кожухову:

«Напрасно вы безпокоили Дмитрія Ивановича и себя! Но сдѣланнаго не воротишь, и на ваше письмо могу отвѣтить пока одно: буду обдумывать до вашего возвращенія изъ Питера, и что надумаю, сообщу тогда вамъ.

«Извините, что коротко отвѣчаю. Я сильно занята и письмо ваше застало меня предъ самымъ отъѣздомъ. Откладывать отъ-

ѣздъ нельзя, а потому и отвѣтъ коротенькій. Не сердитесь и вѣрьте, что все по-прежнему.

«Софья Рымнина».

Она запечатала оба письма, надписала адресы и одно отдала нарочному полицеймейстера, а другое велѣла отправить по почтѣ.

II.

Могутовъ, вмѣстѣ съ новыми строителями желѣзной дороги, уѣхалъ изъ города на участокъ Кречетова. Какъ вслѣдствіе новизны дѣла, такъ и вслѣдствіе экстренности постройки, для новыхъ строителей дороги было страшно много работы, суеты, хлопотъ, волненій, страховъ и опасеній. Толковѣе всѣхъ шло дѣло строительства дороги у Кречетова, и къ нему часто пріѣзжали остальные помѣщики-подрядчики, чтобы перенять порядки, заведенные въ его участкѣ. На самыхъ первыхъ порахъ Кречетовъ подѣлилъ всю работу съ Могутовымъ. Онъ взялъ на себя исключительно хозяйственную сторону дѣла: производилъ закупки, заключалъ условія съ рабочими и съ купцами на поставку продуктовъ и матеріаловъ, организовалъ контору и т. п. и проводилъ большую часть времени въ разъѣздахъ или въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, который былъ въ центрѣ его участка. Вся же техническая сторона дѣла поручена была исключительно Могутову. Онъ составлялъ смѣты необходимыхъ матеріаловъ, подъ его наблюденіемъ строились бараки, кухни, тачки и т. д.; онъ вычислялъ кубическое содержаніе профили дороги, руководилъ ходомъ работъ, указывалъ, гдѣ выгоднѣе вывозить землю людьми и гдѣ лошадьми и т. д.; и у него почти не было свободнаго времени, — онъ весь окунулся въ живое, бойкое и шумное дѣло постройки землянаго полотна дороги почти на протяженіи ста верстъ и почти тремя тысячами рабочихъ; и только ночью, предъ сномъ, пробѣгалъ газету или журналъ, да въ мѣсяцъ разъ-другой писалъ къ акушеркѣ въ отвѣтъ на ея письма. Мы познакомимъ читателя съ характеромъ ихъ корреспонденціи.

Письмо акушерки къ Могутову:

«Вы не пишите о себѣ ничего, только вашъ адресъ, и ваше длинное письмо полно воспоминаніями о недавнемъ прошломъ. Дѣлаю заключеніе изъ этого, что вы еще не акклиматизировались въ С—нскѣ, что у васъ нѣтъ работы, что вы скучаете. Жизнь города — далека еще отъ васъ, вы — чужой ей, она не

волнуетъ вашей крови — и вы скучаете, впадаете въ состояніе старика и рвете могильные цвѣты, чтобъ ускорить біеніе сердца, т. е. разогнать скуку.

Живи, покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь стариться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови....

«Не утѣшительно, но это скоро пройдетъ, я увѣрена въ этомъ и это вы знаете безъ меня. Гдѣ люди, тамъ—жизнь. Губернія— не пустыня, и, осмотрѣвшись, вы найдете работу, полную смысла и не чуждую общественнаго значенія. Тогда скука уйдетъ прочь, могильные цвѣты сперва завянутъ, а потомъ будутъ выброшены, какъ негодные, вонъ, — и ваши письма будутъ полны жизнію, увлеченіемъ, любовью, злобою и гнѣвомъ, а не воспоминаніями о недавнемъ прошломъ. Давай Богъ, чтобъ это было поскорѣе!

«А наше дѣло идетъ и растетъ. Нашъ кружокъ все болѣе и болѣе увеличивается членами обоего пола, и чтенія рабочимъ происходятъ не у меня только и ведутся не одними вами только, какъ было мѣсяцъ назадъ, а уже въ трехъ мѣстахъ и въ каждомъ мѣстѣ по нѣскольку смѣнъ чтецовъ и собесѣдниковъ. Вы можете погладить себя по головкѣ, какъ учредитель дѣла, которое такъ успѣшно «скоро-ходитъ», какъ замѣнялъ Шишковъ слово прогрессируетъ... Но вы должны восчувствовать еще большую пріятность, если я вамъ сообщу, что Техническое Общество, среди котораго есть члены и изъ нашего кружка, устраиваетъ у себя народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, картинами и при отличныхъ прочихъ обстановкахъ. Жаль только, что входъ на чтенія будетъ съ платою: 5 коп. не велики деньги, но для того, кто получаетъ среднимъ числомъ 20 коп. въ день, 5 коп. очень значительная сумма, если рабочій каждое воскресенье будетъ посѣщать чтенія. По законамъ экономической науки, рабочій, какъ всякій капиталистъ, долженъ жить только на проценты своей заработной платы, а всю заработную плату долженъ обращать въ мертвый капиталъ своихъ будущихъ фабрикъ. Только при этомъ условіи будетъ возможенъ прогрессъ, жизнь, движеніе въ средѣ рабочихъ, а въ противномъ случаѣ они вѣчно останутся только мертвымъ капиталомъ другихъ и будутъ получать плату, какъ машина—извѣстную сумму денегъ на ремонтъ ея и смазку, чтобы не стучала, не визжала и дѣлалась негод-

ной только черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ—средній возрастъ жизни рабочаго на весь свой заработокъ, а не на проценты съ него, и среднее время способности машины къ работѣ... Вы убѣждены были, что нашъ рабочій скорѣй европейскаго осуществитъ эту теорію. Давай Богъ! А пока ему живется хуже его европейскихъ товарищей: у тѣхъ есть безплатные музеи, даровыя лекціи, а нашему нужно платить деньги, если онъ каждое воскресенье пожелаетъ послушать о бородинской битвѣ, войнѣ двѣнадцатаго года, о Кольцовѣ, Крыловѣ и т. п. Но все-таки и это хорошо. Не пойдутъ рабочіе, такъ пойдутъ прикащики, дочери чиновниковъ бѣдныхъ, поведутъ студенты своихъ знакомыхъ модистокъ,—и не рабочіе, такъ эта публика хотя что-нибудь да вынесетъ изъ слушанія лекцій. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего.

«Директоръ института окончательно тронулся умомъ и уѣхалъ лѣчиться за границу. Несчастный человѣкъ! И это у насъ—удѣлъ всѣхъ добрыхъ и мягкихъ натуръ. Или самъ воюй, или тебя завоюютъ; или самъ будь деспотъ, или тебя превратятъ въ раба... А свободное развитіе личности, свободное формулированіе убѣжденій, свободный споръ и обмѣнъ мыслей — не про насъ, и если появится среди насъ человѣкъ съ подобнымъ либеральнымъ образомъ мыслей, онъ или сойдетъ съ ума, или превратится въ горькаго пьяницу, или махнетъ на все рукой и заживетъ à la Аѳанасій Ивановичъ, женившись на Пульхеріи Ивановнѣ... Грустно! Въ Европѣ жизнь—борьба, а у насъ—дикая травля...

«Я познакомилась съ Лёлей. Какая она красавица!... Ощупать ея голову и душу я еще не успѣла,—она все это заморозила при мнѣ. Во всякомъ случаѣ «отъ ликующихъ, грязно болтающихъ, обагряющихъ руку въ крови» выводить ее еще рано: дорога тернистая—пока еще не для нея, а другихъ дорогъ нѣтъ, да и быть не можетъ.

«Всѣ ваши знакомые кланяются вамъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ выслали послѣ исторіи, послѣ вашей исторіи. Коптевъ боится вамъ писать, ибо онъ думаетъ, что вы не любили и презирали его. Дѣлаетъ этотъ выводъ онъ потому, что вы не познакомили его съ нашимъ кружкомъ, котораго онъ одинъ изъ ревностныхъ членовъ въ настоящее время.

— «Развѣ я плохо велъ себя послѣ закрытія петербургскаго земскаго собранія въ 1867 году?»—спрашиваетъ онъ съ грустью, когда зайдетъ рѣчь о васъ, и затѣмъ съ искреннимъ юморомъ

разсказываетъ подробности вашихъ съ нимъ похожденій въ ту «слякотную ночь».

«И у меня есть много свободнаго времени, которое, при всемъ желаніи тратить на чтеніе, все-таки не утерпишь иной разъ, чтобы не потратить на прогулку, а при прогулкѣ невольно рвешь цвѣты на могилахъ. Я часто хожу гулять на острова, прохожу по шоссе, гдѣ мы впервые познакомились, является воспоминаніе... «Пусть встрѣтитъ онъ тамъ новую любовь. Онъ стоитъ любви!»—говорю я и гоню воспоминанія прочь.

«Посылаю вамъ книгъ, что только нашла хорошаго изъ новыхъ. Пишите, что нужно,—пришлемъ скоро и съ нашимъ удовольствіемъ. Денежныя мои дѣла въ авантажѣ обрѣтаются: рожаютъ много, зовутъ часто помогать, и я теперь, чаще чѣмъ когда-либо, первая принимаю и показываю свѣтъ міра сего будущимъ дѣятелямъ міра. Скоро и мой чередъ придетъ дать міру гражданина или гражданку. Я спокойна, здорова, роды будутъ навѣрно легкіе и я желаю одного, чтобы мои силы и средства помогли мнѣ сдѣлать будущаго ребенка похожимъ на васъ, если онъ будетъ мальчикъ, и похожимъ... ну хотя на Альдону «Конради Валленрода» Мицкевича. Но это дѣло касается меня, меня одной! Я не позволю вамъ имѣть какое бы то ни было вліяніе и участіе на ребенка! Я хочу и докажу міру, что женщина можетъ любить свободно, быть довольною и счастливою при такихъ условіяхъ и воспитывать дѣтей, какъ велятъ ей ея убѣжденія. Вы же, мущины, болѣе насъ сильные и не стѣсняемые семейными обязанностями, позаботьтесь о водвореніи свободы и равенства на землѣ.—*Ашутина*».

III.

Письмо Могутова къ акушеркѣ:

«Мнѣ первый разъ въ жизни приходится жить среди такой массы народа. Я окунулся весь въ народъ. Я по цѣлымъ недѣлямъ вижу только, какъ онъ работаетъ, какъ онъ ѣстъ, спитъ, молится, дерется и играетъ; я слышу его рѣчи, его шутки, пѣсни, молитву и жалобу; въ мысляхъ, когда самъ бросаю работу съ народомъ, одно желаніе: уловить, представить себѣ ясно этотъ идеалъ, имя котораго—русскій народъ, который тянетъ къ себѣ, заставляетъ любить себя, молиться, благоговѣть, преклоняться передъ собой и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти не умѣ-

етъ выражать понятно свои мысли, который грязенъ и оборванъ, который часто пьетъ до свинства и дерется до убійства, который вѣритъ въ Бога и не знаетъ ученія Христа и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ похожъ на учениковъ Христа, до прихода Учителя. Вы сами знаете народъ,—мы уже нѣсколько лѣтъ жили близко съ нимъ, старались понять его и быть ему полезными; но только теперь, окунувшись въ массу еще болѣе дикаго, еще болѣе бѣднаго народа, чѣмъ петербургскій фабричный и поденный народъ,—я понялъ окончательно народъ, хотя и не могу ясно представить себѣ этого идола, этого бога,—не могу ясно формулировать, чѣмъ притягиваетъ онъ къ себѣ до желанія принести ему въ жертву самого себя. Мнѣ часто кажется, что Богъ и народъ—одно и то же, что Христосъ имѣлъ такую же любовь, доброту, состраданіе и прощеніе, какія имѣетъ народъ, что типы апостоловъ и учениковъ Христа воплотились въ народъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня мысль кипитъ надъ вопросами: что нужно ему, этому идолу, чего не достаетъ ему, чего онъ хочетъ? Почему глаза съ любовью смотрятъ на него, а сердце сжато грустью о немъ? Почему хочется жертвовать собою для этого идола, бога?... И знаете ли чѣмъ разрѣшились у меня эти вопросы?—Я пришелъ къ заключенію, что мы, нашъ кружокъ, занимаемся пустымъ дѣломъ: что не Кольцова, Тургенева, Пушкина и прочихъ поэтовъ, даже Некрасова, Гоголя и первоклассныхъ писателей Европы нужно народу,—что эти писатели нужны для тѣхъ, кто потерялъ подобіе Бога, кто не вѣритъ, а кощунствуетъ, кто грубъ сердцемъ, черствъ душою, эгоистиченъ умомъ, — что не для народа, а для этихъ особъ, баръ, аристократовъ, чиновниковъ, дворянъ, мѣщанъ, военныхъ, купцовъ, для всего, что не народъ, нужны стоны поэтовъ, дивные образы, ихъ молитвы и слезы, чтобы пробудить въ нихъ искру вѣры въ Бога, въ совѣсть, честь, долгъ и дать понять, что «бѣлый свѣтъ кончается не ими, что можно личнымъ горемъ не страдать и плакать честными слезами, что туча каждая, грозящая бѣдой, повисшая надъ жизнію народной, слѣдъ оставляетъ роковой въ душѣ живой и благородной». А для народа, какъ Христосъ, обильнаго любовью, добротой, состраданіемъ, прощеніемъ и милостью,—для народа этого ничего не нужно. Для него нужно только одно знаніе, строгая наука, выводы науки и указаніе путей къ осуществленію, къ примѣненію въ жизни выводовъ науки.... Мы должны измѣнить нашу дѣятельность. Не

звать народъ къ себѣ и читать ему книжки нашихъ поэтовъ, а самимъ нужно идти въ народъ, усвоить доступный для него языкъ, перенять отъ него вѣру въ успѣхъ правды, перенять его терпѣніе, упорство, любовь, состраданіе, прощеніе—и дать ему знаніе выводовъ науки объ устройствѣ міра физическаго и о возможномъ устройствѣ общественномъ, при которомъ правда, миръ, трудъ, любовь и отдыхъ будутъ равномѣрны для всѣхъ. Вы напоминаете мнѣ о моемъ убѣжденіи, что нашъ народъ ближе всякаго другаго къ осуществленію на землѣ свободы, равенства и братства, а я теперь еще болѣе убѣжденъ въ этомъ. Нашъ народъ меньше знаетъ, бѣднѣе, физически менѣе развитъ, чѣмъ европейскій, но въ немъ болѣе Бога въ душѣ, онъ менѣе эгоистъ, ему доступнѣе желаніе и осуществленіе свободы, равенства и братства для всѣхъ. И горе будетъ, грѣшно, жалко, больно будетъ, если нашъ народъ пойдетъ по пути европейскаго, потеряетъ то, что тянетъ къ нему неудержимою силой, что дѣлаетъ его идоломъ, богомъ, и промѣняетъ все это на индивидуализмъ, на эгоизмъ, на собственность, капиталъ, ренту, проценты,—словомъ, на все, чѣмъ богата европейская жизнь и что еще у насъ въ зачаткахъ.

«Я вамъ пишу только то, къ какимъ выводамъ я пришелъ. Я составлю подробное и обстоятельное изложеніе того, что я думаю начать дѣлать, и сообщу вамъ. Суть—въ томъ, чтобъ идти въ народъ, сообщить ему пути къ устройству жизни счастливой для всѣхъ и черезъ него и имъ осуществить эту жизнь на землѣ. Народъ—сила; нашъ народъ еще полонъ любовью и вѣрою, которая двигаетъ горами и даетъ понимать самую сложную истину,—понимать глубоко, безъ эгоистическихъ хитростей, до самопожертвованія для осуществленія истины.... Намъ надо будетъ для народа сочинять книжки, такъ какъ не поэтовъ нужно ему, а науки и выводы науки.

«Жаль, если Лёля, разбитая въ конецъ, не броситъ ту жизнь, которую Богъ ее знаетъ кто и какъ заставилъ ее вести. Она мнѣ дорога. Быть-можетъ я виноватъ, что не съумѣлъ довести ее до конца, что бросилъ на распутьѣ,—и я бы хотѣлъ сдѣлать для нея все, что можно, чтобы вырвать изъ палатъ. Бывайте у нея и сообщайте мнѣ все, что узнаете.

«Мы сдѣлали ошибку. Не вамъ быть въ роли матери. Пусть тѣ, кто потерялъ интересъ къ стремленію къ истинѣ, къ осуществленію царства Божія на землѣ, правильнѣе—къ приближенію его,

пусть тѣ плодятся, наслаждаются эгоистическимъ счастьемъ, любуются, что ихъ дѣти—амурчики, хотя міръ кишитъ голодными, оборванными, загнанными дѣтьми и взрослыми. Но прошедшаго не воротишь. И для того, чтобы сдѣлать изъ нашего ребенка полезнаго для людей человѣка, мы позаботимся оба. Я получаю двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Барины строятъ дорогу, и барины лучшіе изъ баръ. Народъ кормятъ отлично, въ работѣ порядокъ, рабочій заработываетъ какъ нигдѣ—и, несмотря на то, ожидается большая выгода для бариновъ. Мой баринъ доволенъ и мнѣ, его главному помощнику, даетъ двѣсти рублей въ мѣсяцъ, а изъ нихъ я трачу только пять рублей въ мѣсяцъ. Столъ имѣю отъ барина безъ платы, курить—курю, но мало, не пью, такъ расходы только на прачку, да на чай прислугѣ. На одежу, впрочемъ, истратилъ сразу сорокъ рублей. Книгъ не присылайте,—баринъ выписываетъ все новое, а деньги намъ будутъ нужны и для нашего дѣла, и для нашего ребенка.

«Гордѣй Могутовъ».

IV.

Письма акушерки къ Могутову:

«Гордюша, дорогой Гордюша! У насъ есть сынъ, и я пишу къ тебѣ спустя три часа послѣ родовъ. Ты удивляешься и зовешь меня молодчиной? Да, я тоже удивляюсь, называю себя молодчиной и до того расчувствовалась, что впала въ нѣжности и въ тонъ матерей-институтокъ. Боюсь долго писать и посылаю только это. Мы имѣемъ сына и назовемъ его Гордѣемъ.

«Ашутина».

«Маленькій Гордюша здоровъ, я—тоже, и теперь, черезъ два дня послѣ родовъ, могу подробно отвѣчать на твое письмо.... Жду вашей программы и жалѣю, что не могу окунуться, какъ вы, въ народъ. И мнѣ кажется, что дѣятельность нашего кружка пока была мало производительна, но не безъ пользы. Программу мы обсудимъ сообща. Насъ теперь шестьдесятъ три члена, изъ которыхъ двадцать восемь женскаго пола. Да, да! Народъ нашъ такой, какъ ты пишешь (слово «ты» невольно пишется). Онъ вѣрующъ, добръ, понятливъ, любящъ и способенъ, до полнаго забвенія самого себя, стоять за правду и торжество того, во что вѣритъ. Вспомнимъ только твердость нашего раскола и крымскую войну, чтобы вѣрить въ народъ.

«Вчера я получила «L'homme qui rit». Я дѣлала изъ него резюме для однѣхъ «Вѣдомостей», но увлеклась такъ, что, не сдѣлавъ строчки перевода, прочла весь романъ въ одинъ присѣстъ. Нѣтъ, поэты могутъ не только стонать, пѣть и хорошо рисовать, но умѣютъ указывать и путь къ жизни. Герой новаго романа В. Гюго и его учитель—проводники политическихъ истинъ среди англійскаго народа въ роли комедіантовъ, путешествующихъ среди народа. Я вышлю по почтѣ вамъ этотъ романъ. Когда я читала его, вы, Могутовъ, какъ живой часто и подолгу стояли въ моемъ воображеніи. Мнѣ слышится какъ будто плачъ нашего ребенка и въ этомъ плачѣ слова:

Милый Гекторъ! не спѣши въ сраженье,
Гдѣ Ахилла мечъ безъ сожалѣнья
Трупъ Патрокла жертвами даритъ.
Кто-жь малютку твоего наставитъ
Чтить боговъ, копье и лукъ направить,
Если дикій Ксаноъ тебя возьметъ?...

«И вотъ передо мною проносятся имена погибшихъ въ борьбѣ....

Было ихъ триста, всѣ—юности цвѣтъ,—
Смерть ихъ скосила, ихъ нѣтъ....

«И жизнь, народъ, честь, совѣсть, правда требуютъ опять и опять смерти, гибели... Я долго думала, начала кормить грудью сына и, на рукахъ съ нимъ, вскочила со стула и начала ходить по комнатѣ... Такъ нужно, такъ нужно!—повторяла я.—«Есть времена, есть цѣлые вѣка, въ которые нѣтъ ничего желаннѣй, прекраснѣе терноваго вѣнка»,—и я, лаская сына и подражая твоему голосу, говорю:

Милый другъ, копье и мечъ скорѣе!
Тамъ въ крававой сѣчѣ веселѣе...
Эта длань отечество спасетъ.
Власть боговъ да будетъ надъ тобою!
Я погибну, но избавлю Трою....
Намъ съ тобой эллизіумъ цвѣтетъ.

«Да, да! «Ты погибнешь, но избавишь Трою»....

«Лёлю я не покину. Я была у ней другой разъ. На ваши деньги она доѣхала до Москвы, въ Москвѣ ей захотѣлось прожить денька два, отдохнуть и посмотрѣть первопрестольную. На

другой день ее, какъ безпаспортную, арестовали и хотѣли по этапу отправить въ С-ль. Она умоляла послать ее въ Питеръ къ вамъ, но все было напрасно... Когда ее съ партіей арестантовъ препровождали изъ тюрьмы въ управу благочинія, она бросилась въ глаза графу Шуанову, который проживалъ тогда въ отпуску въ Москвѣ и изволилъ поразиться, дѣйствительно, замѣчательною красотой и изяществомъ Лёли. Онъ и взялъ ее на поруки. Что было дальше.... Лёля до сихъ поръ еще любитъ Шуанова.

«Ашутина».

V.

Письмо Могутова къ акушеркѣ:

«Посылаю мою программу. Въ васъ начинаетъ говорить эгоистическое чувство матери, вы стараетесь заглушить его воспоминаніями о герояхъ и напѣвомъ звучныхъ стиховъ поэтовъ. Мнѣ кажется, что кто думаетъ и за, и противъ, тотъ уже шатается и способенъ отречься отъ Христа, прежде чѣмъ электоръ прокричитъ въ третій разъ. Берегитесь! Лучше пусть погибнетъ кусокъ мяса, чѣмъ погибнетъ для жизни, вѣдь жизнь — борьба, готовая для борьбы сила. Наше дитя—кусокъ мяса пока, а вы—сила для борьбы. Лучше — онъ, чѣмъ — вы, если нельзя существовать обоимъ безъ того, чтобы не погибло одно изъ двухъ.

«Счастливая Франція! твои поэты не похожи на нашихъ, такъ какъ твоя жизнь не похожа на нашу. Тамъ народъ искалъ выходовъ для улучшенія жизни, находилъ ихъ, боролся за нихъ, ошибался, опять искалъ и т. д., и такъ до нашихъ дней,—и его поэты идутъ слѣдомъ за народомъ. Они ищутъ, проповѣдуютъ, указываютъ, учатъ...

«А все-таки мы скорѣе Франціи можемъ усвоить выводы науки и смѣлѣе, съ меньшею борьбой, построить жизнь на нихъ. Еще разъ: народъ нашъ остался съ чуткимъ слухомъ, ясною мыслію, любовью къ общему счастью, полонъ вѣры въ Бога и полонъ силы для борьбы. Я согласенъ съ вами, что достаточно одной крымской войны и раскола, чтобы вѣрить народнымъ силамъ, чтобы вѣрить, что если нашъ народъ усвоитъ выводы науки, то онъ и построитъ жизнь по нимъ... Но жизнь идетъ и, быть-можетъ, не далеко то время, когда индивидуализмъ Запада задавитъ и въ нашемъ народѣ любовь къ общественному равенству. «Идетъ, идетъ чумазый!»—какъ говоритъ Щедринъ.

«Пишите, какъ приметъ вашъ кружокъ мысль идти въ народъ съ выводами науки. Я по окончаніи дороги, т. е. службы у барина, если позволятъ, поѣду отыскивать себѣ уголокъ, гдѣ бы могъ дѣлать то, о чемъ я вамъ писалъ программу.

«А все-таки мнѣ бы хотѣлось увидѣть кусокъ мяса.

«Не покидайте Лёлю. Почему изъ нея вышло совсѣмъ не то, чѣмъ я хотѣлъ ее сдѣлать? Кто виноватъ въ этомъ? Неужели я, который былъ искренно увѣренъ, что иду по вѣрному направленію?

«Гордѣй Могутовъ».

VI.

Къ концу мая мѣсяца городъ покинули всѣ, кто только имѣлъ возможность провести лѣто въ деревнѣ или на водахъ. Губернаторъ, вмѣстѣ съ Кожуховымъ, уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы лично представить на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, проектъ «о реорганизаціи губернской власти», и, вскорѣ послѣ ихъ отѣзда, по городу прошелъ слухъ, что будто бы губернаторъ и Кожуховъ получили ордена и четырехмѣсячный отпускъ, съ сохраненіемъ жалованья, для поѣздки за границу на воды, вслѣдствіе ихъ разстроеннаго здоровья; потомъ прошелъ слухъ изъ-за границы, что губернаторъ и Кожуховъ проживутъ въ Петербургѣ до декабря, такъ какъ имъ, будто бы, поручили руководить преніями чуть не самого государственнаго совѣта... Полная и обрюзглая губернаторша и губернская предводительша, сильно пикировавшія между собою изъ-за предсѣдательства въ дамскомъ комитетѣ «утоли печали въ голодной губерніи», послѣ отъѣзда губернатора примирились и обѣ уѣхали вмѣстѣ въ Крымъ... Ирина Андреевна поручила сестрѣ завѣдываніе пансіономъ, а сама на три мѣсяца поѣхала сперва въ Петербургъ, а потомъ за границу для лучшаго ознакомленія съ организаціею пансіоновъ... Софья Михайловна, возвратясь изъ ревизіи имѣній, нашла мужа сильно измѣнившимся къ худшему и увезла его въ пригородное имѣніе, воздухъ котораго, по ея словамъ, всегда дѣйствовалъ благотворно на Дмитрія Ивановича. Онъ ни слова не говорилъ ей о своемъ разговорѣ съ Кожуховымъ; онъ старался быть съ женой по-старому, какъ будто рѣшительно ничего не зналъ объ ея отношеніяхъ къ Кожухову; но, вслѣдствіе этого старанія, его внимательность и доброта къ женѣ удвоились и уже стали отзываться приторностью. Софья Михайловна скоро замѣтила эту приторность, старалась тоже быть какъ ни

въ чемъ не бывало, и, вслѣдствіе этого старанія, ея веселость, суетливость, довольство удвоились и стали казаться ложными, искуственными, противными для ея мужа... И не дѣйствовалъ благотворно на Рымнина воздухъ пригородной деревни, и чаще и чаще онъ думалъ о необходимости умереть, и чаще и чаще образъ Кожухова носился предъ Софьей Михайловной; но Рымнинъ крѣпился, писалъ и ѣздилъ въ городъ по дѣламъ земства, а Софья Михайловна мечтала чаще, но тоже крѣпилась и занималась имѣніями, и ни разу не приходила ей мысль воспользоваться предложеніемъ мужа о разводѣ или о необходимости вызвать Кожухова.

Военные и Орѣцкій, вмѣстѣ съ ними, выступили куда - то, чуть не на конецъ губерніи, чтобы соединиться тамъ съ своими товарищами, квартировавшими гдѣ-то, тоже далеко, и производить вмѣстѣ маневры. Львовъ, послѣ гимназическихъ экзаменовъ, на которыхъ онъ былъ не добръ и не строгъ, а только справедливъ, что очень понравилось ученикамъ и начальству,—уѣхалъ проводить каникулы въ другую губернію, къ какимъ-то дальнимъ родственникамъ. Словомъ, городъ опустѣлъ и скучно стало въ немъ. Изъ нашихъ знакомыхъ только Переѣхавшій, Вороновъ да полицеймейстеръ оставались въ городѣ. Но изъ нихъ скучалъ и томился городскою жизнью только одинъ Вороновъ. Полицеймейстеру было некогда скучать: дѣла полицейскія не уменьшились, а увеличились къ лѣту, такъ какъ толпа голодныхъ дѣтей и взрослыхъ нахлынула въ городъ и увеличивала число дѣлъ въ полиціи; кромѣ того усиленная дѣятельность по организаціи подгороднягo имѣнія отнимала у него много времени. Переѣхавшій тоже не скучалъ. Онъ усиленно спалъ, усиленно игралъ на віолончели, часто ходилъ на охоту — и его здоровье начало поправляться; онъ замѣтилъ это, радовался этому и, на радостяхъ, еще болѣе спалъ, игралъ и гулялъ.

VII.

А Катерина Дмитріевна поручила уже извѣстному намъ Ивану отнести, послѣ ея отъѣзда изъ города, Могутову томы сочиненій Шекспира и слѣдующее письмо къ нему:

«Милостивый Государь
«Гордѣй Петровичъ!

«Вы были такъ добры, что подарили мнѣ сочиненія Шекспира. Я очень и очень благодарна вамъ за этотъ подарокъ, но вы по-

зволите мнѣ возвратить вамъ первый томъ, на которомъ надпись вашего друга, и прибавить къ нему остальные томы изъ моей библіотеки. Ваши три тома я оставляю на память о васъ, какъ вашъ подарокъ, которымъ я сильно дорожу.

«Не правда ли, вы считаете меня очень глупой? Я васъ видѣла всего одинъ разъ, — нѣтъ, два раза: другой разъ въ земскомъ собраніи, — не сказала съ вами ни одного слова — и пишу къ вамъ письмо, говорю въ немъ о глубокомъ уваженіи къ вамъ и что память о васъ мнѣ очень дорога! Но что̀ бы вы подумали, еслибъ узнали, что я распрашивала многихъ о васъ, старалась узнать о васъ все, что только можно, думала о васъ долго, много и часто и, узнавъ, что вамъ нравится Порція, захотѣла быть похожей на нее: я поранила сама себя, весело смѣялась при этомъ и, позабывъ, что кровь струей бѣжала изъ моей раны, продолжала читать Шекспира и выпачкала книгу своею кровью?... Но и это еще не все: я сама увѣдомляю васъ обо всемъ этомъ... Не правда ли, вы должны считать меня очень и очень глупой дѣвчонкой?

«Но что̀ бы вы ни думали обо мнѣ, я буду просить васъ, Гордѣй Петровичъ, объ одномъ: познакомьтесь со мной, когда я пріѣду въ городъ изъ деревни, куда я уѣзжаю завтра, чтобы, по примѣру Эсфири изъ «Феликсъ Гольта» (она вамъ тоже нравится), учить крестьянскихъ дѣтишекъ грамотѣ... Вы не похожи на всѣхъ моихъ знакомыхъ,—вы лучше всѣхъ ихъ. Мнѣ тоже хочется быть не дурной, но я не знаю, что нужно дѣлать для этого. Я нѣсколько разъ собиралась быть у васъ и не была только потому, что боялась показаться смѣшной предъ вами,—боялась, что не съумѣю начать говорить съ вами...

«Простите глупую дѣвчонку, что безпокоитъ васъ своими письмами, и не откажите ей въ ея искреней просьбѣ, если вы будете тогда въ городѣ.

«Уважающая васъ Е. Рымнина».

Поселившись въ небольшой помѣщичьей усадьбѣ, расположенной почти у самаго края небольшой крестьянской деревни, Катеринѣ Дмитріевнѣ если и не было особенно весело, то и не было особенно скучно. Она любила лѣтомъ деревню; она почти каждый годъ проводила весну или лѣто не въ городѣ, а въ пригородномъ имѣніи; она поселилась теперь въ деревнѣ не для того, чтобъ отдыхать, а съ цѣлью практиковать въ педагогіи, приготовлять себя къ дѣлу жизни, къ роли матери семьи, для которой

почти исключительно предназначила судьба женщину, какъ увѣряль ее отецъ, какъ подсказывала ей, хотя и неопредѣленно, жизнь людей, съ которыми она была знакома... И ее не тянуло теперь къ безцѣльному гулянью по полямъ, лѣсамъ, холмамъ, обрывамъ, къ рѣкѣ, крестьянскимъ хатамъ, какъ тянетъ ко всему этому горожанина и горожанку, первый разъ попавшихъ въ деревню. Она нарочно не привезла съ собою фортепіано, нотъ, литературныхъ книгъ, желая посвятить все свое время, отдать рѣшительно всю себя, всю силу своего ума и терпѣнія—дѣлу обученія крестьянскихъ ребятишекъ грамотѣ. Но лѣтомъ крестьянскимъ дѣтямъ не до науки: у нихъ нѣтъ лѣтомъ времени учиться чему другому, кромѣ какъ страдному труду,—и Катеринѣ Дмитріевнѣ пришлось учить грамотѣ только двухъ дѣвочекъ, дочерей скотницы усадьбы. Но и у этихъ ученицъ было много дѣла; ихъ не посылали на работу въ поле только потому, что для нихъ было много работы въ усадьбѣ, на дому: онѣ мыли горшки для молока, вѣшали ихъ провѣтриваться на колья изгороди, сбивали масло, мяли сыръ, помогали убирать коровъ, кормить телятъ, убирать удой, держать въ чистотѣ погребъ съ молочными продуктами,—и Катеринѣ Дмитріевнѣ только часъ-другой въ сутки, да и то урывками, удавалось учить дѣвочекъ. Какъ же ухитрялась она проводить время въ деревенской глуши, безъ фортепіано и безъ чтенія интересныхъ романовъ и повѣстей, чтобы не особенно скучать? Вѣроятно, вблизи усадьбы нашлись сосѣди-помѣщики, съ которыми она, конечно, познакомилась, у которыхъ она, случайно, встрѣтилась съ молодымъ помѣщикомъ и у ней завязался романъ съ нимъ?—Увы, ничего подобнаго, какъ нарочно, не случилось съ Катериной Дмитріевной. Чтобы не скучать, у ней прежде всего явилось желаніе помогать въ работѣ скотницѣ и ея дѣтямъ, ускорить своею помощью ихъ работу и тѣмъ дать болѣе свободнаго времени дѣвочкамъ для ученія грамотѣ,—и Катерина Дмитріевна скоро и незамѣтно втягивается въ работу скотницы и ея дѣтей, ей начинаетъ нравиться ихъ трудъ, она—«съ пѣснею трудъ человѣка спорится»—съ наслажденіемъ поетъ сама и подтягиваетъ скотницѣ и дѣвочкамъ во время совмѣстной работы съ ними... Трудъ и пѣсня скоро сближаютъ людей, и Катерина Дмитріевна скоро и незамѣтно дружится со скотницей и ея дѣвочками, она слушаетъ ихъ довѣрчивую болтовню и сама откровенно говоритъ съ ними. Жизнь и интересы скотницы становятся не чужими для нея: она начинаетъ знать, когда будетъ

телиться корова Машка, когда отнимутъ отъ соски бычка у коровы Бурки, отчего потрескалось вымя у Сивой и ее неспокойно доить. Она присутствуетъ и помогаетъ при родахъ коровъ, при ихъ нехитромъ лѣченіи, участвуетъ въ дойкѣ коровъ, въ уходѣ за телятами, въ обработкѣ и сохраненія молочныхъ скоповъ, въ приготовленіи простыхъ крестьянскихъ кушаньевъ, въ изготовленіи квасу изъ сока березъ и клена... Скотница-крестьянка—изъ деревни, ея родственники—въ деревнѣ, деревня—вблизи усадьбы, родственники и ихъ дѣти часто забѣгаютъ перемолвиться словомъ другимъ къ скотницѣ, «позычить» отъ нея того-другаго, да и скотницѣ часто бываетъ нужно посовѣтоваться съ деревенскими бабами о многомъ, относящемся до коровъ,—и Катерина Дмитріевна, ставъ уже близкой и не чужой для скотницы и ея семьи, скоро и незамѣтно становится не чужой и для деревенскихъ родственниковъ скотницы, а потомъ и для обитателей цѣлой деревни: она часто бываетъ въ деревнѣ, ей почти всѣ знакомы, она—добрая, ласкова, она пишетъ для безграмотныхъ обитателей деревни письма, читаетъ имъ письма, ласкаетъ ихъ ребятъ,—и ей довѣряютъ, ее любятъ, съ нею дѣлятся радостью и горемъ, ее просятъ участвовать въ деревенскихъ весельяхъ, на свадьбахъ, крестинахъ, хороводахъ въ праздничные вечера... И не особенно скучно идетъ время у Катерины Дмитріевны: она не только наблюдаетъ, но и участвуетъ въ жизни сотенъ людей,—въ жизни бѣдной, мелкой, жалкой, но, какъ жизнь людей, она тянетъ ее къ себѣ,—вѣдь она тоже сама человѣкъ. И она теперь хорошо знаетъ, какъ тяжела крестьянская жизнь, какъ много въ ней непосильнаго, тяжелаго труда, какъ мало въ ней радостей, какъ много въ ней нужды, лишеній, горя и слезъ. Она знаетъ теперь, что жизнь крестьянки еще тяжелѣе, что ругается часто надъ ней и во хмѣлю и безъ хмѣля крестьянинъ, что тяжела для нея и ласка крестьянина, нелегко носить ребенка подъ сердцемъ, нелегко рожать его, нелегко глядѣть, какъ безъисходная бѣдность губитъ дѣтей. И она сперва съ удивленіемъ, а потомъ съ невольнымъ благоговѣніемъ видитъ, что не ропщетъ на свою жизнь крестьянка, что не падаетъ духомъ она при этой подавляющей бѣдности, грубости и трудѣ, что сохраняетъ она при этомъ полный образъ и ясную душу человѣка, съ надеждою, вѣрою, любовью, прощеніемъ и самопожертвованіемъ. И она начинаетъ страстно любить этихъ бѣдныхъ женщинъ и ихъ дѣтей, ей сильно хочется облегчить ихъ горе, сдѣлать веселѣе ихъ радо-

сти, сдѣлать сноснѣе ихъ обыкновенную жизнь, — и она крестить дѣтей у крестьянъ, она—дружкой на свадьбахъ, она читаетъ псалтырь по покойникахъ, она дискантомъ поетъ на клиросѣ за обѣдней вмѣстѣ со старымъ, слѣпымъ солдатомъ-теноромъ и пузатымъ дьячкомъ-басомъ....

И не скучаетъ Катерина Дмитріевна, и нѣтъ у ней свободнаго времени, и встаетъ она съ пѣтухами, вмѣстѣ со скотницей, и ложится она спать позднѣе, гораздо позднѣе скотницы: ея молодая, свѣжая, бодрая, умная головка не можетъ уснуть, не успокоивъ мыслей, а мысли, какъ только она останется одна, роемъ роятся въ ея головкѣ. И когда заснетъ все въ усадьбѣ и темно и тихо кругомъ, когда только куютъ и стрекочатъ кузнечики, да изрѣдка просвиститъ перепелъ, рыгнетъ или вздохнетъ скотина въ клѣву, тявкнетъ собака,—когда простые, полные тишины и спокойствія деревенскіе пейзажи становятся какъ-то таинственно-неопредѣленны, когда одно только звѣздное небо невольно манитъ и приковываетъ къ себѣ взоръ, да соловей въ рощѣ своимъ дивнымъ, непонятнымъ, но обхватывающимъ всего человѣка пѣніемъ невольно заставляетъ углубиться въ самого себя, перенести взоръ отъ неба на землю,—и предстанетъ тогда русскій деревенскій пейзажъ еще болѣе робкимъ, стыдливымъ, неопредѣленнымъ, и запросятъ тогда глаза слезъ, и сожмется душа какимъ то сладко-мучительнымъ чувствомъ, и зашевелятся тогда въ головѣ мысли о тщетѣ обыкновенныхъ людскихъ дѣлъ, и

Жажда къ дѣлу въ душѣ закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
И великое чувство свободы
Наполняетъ ожившую грудь....—

Катерина Дмитріевна тогда начинаетъ сравнивать свою жизнь и жизнь себѣ подобныхъ съ жизнію крестьянъ, ищетъ причину такого рѣзкаго несходства этихъ жизней, вспоминаетъ читанное и слышанное о необходимости этого несходства, о цѣли и смыслѣ этого несходства. Но гдѣ же ей понять необходимость того, что требуетъ для своего raison d'être знанія глубокихъ истинъ политической и соціальной исторіи всего человѣчества? И она скоро перестаетъ искать смысла этого различія жизни богатыхъ и бѣдныхъ,—она только чувствуетъ инстинктивно невозможность смысла, и думаетъ только о томъ, какъ уничтожить, сгладить такое рѣзкое неравенство. И она начинаетъ быть недовольной собой:

она ничего не знаетъ, она глупа, ей надо отыскать умныхъ людей, нужно посовѣтоваться съ ними, узнать отъ нихъ, что и какъ дѣлать. И вотъ проносятся предъ нею всѣ знакомые ей умные люди: Кречетовъ, Кожуховъ, Львовъ, Вороновъ, Орѣцкій. Она долго задумывается надъ каждымъ изъ нихъ, и каждый изъ нихъ представляется ей такимъ же недалекимъ, жалкимъ, какъ и она сама. Она задумывается надъ отцомъ и мачихой: они рисуются въ ея воображеніи со всѣми деталями, со всѣми, какими только она помнитъ, поступками, рѣчами, словами и совѣтами; но и отецъ и мачиха не являются ей идеалами, достойными подражанія. Она оставляетъ живыхъ и останавливаетъ свое вниманіе на сочиненныхъ, книжныхъ герояхъ—и отчетливо, радостно, свѣтло, какъ живой, стоитъ предъ нею, смотритъ на нее Феликсъ Гольтъ и указываетъ ей широкій путь къ разумной, полезной для народа жизни... Но что это?—Онъ такъ сильно похожъ на Могутова; онъ какъ двѣ капли воды—вылитый Могутовъ!... Да, да! Онъ разрѣшитъ ей смыслъ и цѣль жизни...

И она начинаетъ вспоминать все, все, что знаетъ о Могутовѣ, и ей становится понятной и естественной та пѣсня, которую онъ пѣлъ тогда, тамъ, на холмѣ у широкаго поля, и она вполнѣ одобряетъ его за то, что онъ тогда, тамъ, на холмѣ у широкаго поля, назвалъ ея мачиху вороной... И ей вдругъ буквально, слово-въ-слово, припомнились теперь слова той пѣсни, и она сама начинаетъ напѣвать ее на голосъ изъ аріи «Руслана» Глинки... Пѣніе скоро успокоиваетъ ея головку, она ложится въ постель и незамѣтно погружается въ сладкій, тихій, безмятежный сонъ. А на утро ее опять тянетъ къ себѣ простая, однообразная, трудовая крестьянская жизнь: она не помнитъ своихъ ночныхъ думъ, вся погружается въ работу, горе и радости бѣдной крестьянской жизни и урывками учитъ двухъ дѣвочекъ скотницы русской грамотѣ.

«Придетъ зима, — думаетъ она во время ученія,—и у меня будетъ десятка два такихъ маленькихъ учениковъ».

Въ одну изъ такихъ теплыхъ, звѣздныхъ, мечтательныхъ лѣтнихъ ночей, предъ тѣмъ какъ ложиться спать, Катерина Дмитріевна вспомнила о полученномъ ею письмѣ. Не думая, отъ кого и что пишутъ, она распечатала и прочла письмо Воронова съ предложеніемъ принять его руку и сердце. Послѣ перваго прочтенія она не поняла,— ей показалось письмо шуткой, чѣмъ-то очень смѣшнымъ, забавнымъ; она прочла другой разъ — и ей

стало досадно, непріятно, явилось желаніе назвать Воронова дуракомъ, болваномъ. Она прочла письмо въ третій разъ—и бросила его подъ столъ, скоро забыла о немъ, погрузясь въ свои обыкновенныя думы и мысли... Потомъ она заснула, какъ всегда.

Но на другую ночь она рѣшила, что не слѣдуетъ обижать и сердиться на Воронова, что нужно отвѣтить на его письмо. Утромъ она написала и отправила по почтѣ слѣдующій отвѣтъ Воронову:

«Я вамъ очень и очень благодарна, monsieur Вороновъ, за ваше лестное для меня предложеніе; но, къ сожалѣнію, я не могу его принять,—я, кажется, совсѣмъ не пойду замужъ.

«Премного-благодарная вамъ Е. Рымнина».

VIII.

А городская жизнь къ срединѣ лѣта пошла самымъ необыкновеннымъ образомъ. Мы уже говорили, что въ С—нскъ, къ лѣту, нахлынули сотни голодныхъ, просящихъ милостыню дѣтей и взрослыхъ; мы упомянули о корреспонденціи Переѣхавшаго въ *Петерб. Вѣдомости* и что она была напечатана. Эти два факта такъ потомъ перепутались и имѣли такую тѣсную связь съ поворотомъ обыкновенной жизни города на необыкновенную, что полицеймейстеръ, чуть было не сошедшій съ ума отъ переворота въ жизни города, не понимаетъ и не знаетъ до сихъ поръ, почему онъ не сошелъ съ ума. Событіе замѣчательное, но мы не можемъ изобразить его въ нашемъ романѣ. Причина этому та, что, во-первыхъ, мы не хотимъ, чтобы не одна, а нѣсколько главъ нашего романа украсились точками, и во-вторыхъ, потому... Пусть отгадаетъ читатель, почему сжатъ романъ во многомъ, почему блѣдно нарисованы почти всѣ лица, почему нѣкоторыя явленія въ жизни дѣйствующихъ лицъ романа пропущены, почему пропущена вся лѣтняя жизнь города?... Но происшествіе въ городѣ все-таки не можетъ быть совершенно обойдено,—о немъ необходимо сказать хотя нѣсколько словъ. Мы воспользуемся для этого корреспонденціей изъ С—нска объ этомъ событіи, которая была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а изъ нея перепечатана почти всѣми газетами. Вотъ эта корреспонденція:

«Жители города С—нска только теперь стали понемногу успокоиваться и распаковывать свое имущество, а до этого времени жили почти приговоренными къ смерти: дни и ночи прово-

дили безъ сна, карауля дома и имущество; если же кто, измученный усталостью отъ тревоги безпокойныхъ ночей, ложился спать, то былъ въ полной увѣренности, что его разбудитъ набатъ на пожаръ, хотя съ 4-го по 12-е не было ни одного пожарнаго случая. Тревога и волненіе поддерживались подметными письмами, въ которыхъ то и дѣло угрожалось городу сжечь его, несмотря ни на какую бдительность жителей; носились слухи, что собираются сжечь мостъ черезъ рѣку, чтобы разобщить городъ. Подъ конецъ недѣли военное начальство не стало довѣрять этимъ письмамъ и, чтобы нѣсколько успокоить жителей, 11-го числа выслало въ городской садъ оркестръ музыки и хоръ пѣсенниковъ, которые развлекали публику болѣе трехъ часовъ. Мѣра эта подѣйствовала благотворно: многіе получили увѣренность, что дѣйствительно бояться нечего, и стали-было распаковывать свое имущество. Но на другой день, рано утромъ, разнесся по городу слухъ, что за рѣкой подожженъ домъ купца Николаева, хотя и неудачно. Жители опять взволновались и, припоминая случай съ домомъ чиновницы Игнатьевой, который сгорѣлъ на слѣдующую ночь, несмотря на мѣры предосторожности, принятыя домохозяевами съ вечера, послѣ неудавшагося утромъ поджога,— съ величайшимъ страхомъ ожидали ночи, тѣмъ болѣе, что погода этотъ разъ была весьма вѣтряная и, потому, угрожала распространенію пожара, еслибы домъ Николаева опять загорѣлся. Домъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ караульными и сторожами; самъ хозяинъ не спалъ и ходилъ кругомъ дома, наблюдая за бдительностью караула, но въ 12 часовъ, лишь только хозяинъ отвернулся на нѣсколько часовъ отъ дома, чтобы посмотрѣть на свой магазинъ,—какъ тотъ же амбаръ, который поджигали утромъ, опять загорѣлся. При быстромъ вѣтрѣ онъ сгорѣлъ до основанія, несмотря на усилія пожарной команды. Жители получили убѣжденіе, что никакія мѣры предосторожности не могутъ уже спасти городъ отъ угрожающей ему гибели. Однако пожары съ того времени не повторялись, если не считать одной попытки къ поджогу мясныхъ рядовъ, которая едва ли могла повести къ чему-либо существенному. Огонь и пукъ соломы, по разсказамъ, положены были на бревнахъ, лежащихъ возлѣ лавокъ, и потому тотчасъ же были замѣчены и взяты полиціей вмѣстѣ съ поджигателями, какими-то двумя малолѣтними дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, показавшими, будто бы, что заставилъ ихъ сдѣлать это какой-то господинъ, обѣщавшій дать денегъ. Но

еще прежде этого полиція задержала трехъ неизвѣстныхъ, изъ которыхъ одинъ оказался польскимъ дворяниномъ изъ Галиціи, другой—жителемъ города Кракова, а третій—бродягой, не помнящимъ родства. Все это извѣстно пока лишь по слухамъ; но какъ бы ни были скудны слухи о взятыхъ поджигателяхъ, городъ сталъ гораздо спокойнѣе, вѣря несомнѣнно, что полиція напала наконецъ на слѣдъ поджигателей. Нельзя не замѣтить, что съ того времени, когда задержаны были упомянутыя лица, въ городѣ перестали говорить о подметныхъ письмахъ. Это и, главнымъ образомъ, то, что пришли войска и разставлены побаталіонно въ разныхъ частяхъ города, окончательно успокоило жителей. Ночью городъ обходятъ патрули и часовые охраняютъ овраги и закрытыя мѣста, способствующія незамѣтному приближенію къ близлежащимъ, большею частію ветхимъ и старымъ, строеніямъ. Жители впрочемъ продолжаютъ выставлять стражу.

«Но этимъ дѣло не кончилось. Успокоившись, жители начали хладнокровно обдумывáть всѣ случившіеся факты во время этого тревожнаго времени и громко начинаютъ дѣлать выводы объ истинной причинѣ пожаровъ и объ истинномъ поджигателѣ. Я не могу назвать его, не могу передать того, что говорятъ почти всѣ въ городѣ. Я скажу только, что, по мысли одного горожанина, собирается капиталъ (собрано уже болѣе 300 руб.) тѣмъ свидѣтелямъ, которые не побоятся явиться куда слѣдуетъ и уличить настоящихъ поджигателей (настоящихъ подчеркнуто въ корреспонденціи). Замѣчательно еще и то, что самые исправные взносы въ губернское казначейство подушной подати поступали изъ уѣздовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая и голода. Какія у насъ на Руси бываютъ странности!»

Вотъ и все, что авторъ можетъ сказать о тревогахъ города лѣтомъ. Онъ можетъ только повторить съ корреспондентомъ: какія у насъ на Руси бываютъ странности!

Часть четвертая.

Воздастся каждому по дѣламъ его.

ГЛАВА I.

Бѣдненькія швеи и модистки!—Судъ надъ приставомъ Ахневымъ и страданіе на судѣ и отъ суда князя Король-Кречетова.—Тріо за обѣдомъ.

I.

Къ декабрю въ городъ съѣхались всѣ дѣйствующія лица романа и всѣ строители земской желѣзной дороги. Противъ всякаго ожиданія, противъ ожиданія даже самыхъ горячихъ оптимистовъ постройки желѣзной дороги земствомъ,—первый опытъ, постройка землянаго полотна дороги, былъ оконченъ весьма успѣшно. Несмотря на то, что не мало сдѣлано было промаховъ со стороны неопытныхъ дворянъ-подрядчиковъ, что они не имѣли возможности, благодаря экстренной постройкѣ, заблаговременно заготовить матеріалъ, продовольствіе и пріискать хорошо знающихъ свое дѣло конторщиковъ, табельщиковъ, десятскихъ, старостъ и тому подобныхъ; несмотря на то, что губернская земская управа не мало стѣсняла строителей частыми требованіями отчетовъ и разныхъ свѣдѣній о рабочихъ и о ходѣ работъ, а изъ Петербурга три раза пріѣзжали высокопоставленныя лица, встрѣчи, проводы и ревизіи которыхъ тоже отнимали не мало времени; несмотря на то, что рабочій кормился отлично и, положительно, не былъ обсчитанъ ни на одинъ грошъ,—дворяне-подрядчики все-таки заработали на первыхъ же порахъ довольно порядочныя деньги. Да, дворяне-помѣщики оказались очень и очень недурными подрядчиками, и они имѣли полное право быть довольными и веселыми, когда, подведя итоги, пріѣхали къ декабрю почти всѣ въ С—нскъ.

Но не только строители земской желѣзной дороги и дѣйствующія лица этого романа, а и почти все дворянство губерніи пріѣхало къ этому времени въ городъ, такъ какъ въ декабрѣ должны были происходить, такъ называемые, дворянскіе выборы, т.-е. избраніе на новое трехлѣтіе губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Городъ сильно оживился. Гостиницы были переполнены пріѣзжими; магазины и погреба торговали очень бойко; извощики на-расхватъ разъѣзжали по городу и появилось много красивыхъ троекъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами

изъ помѣщичьихъ усадьбъ; въ театрахъ почти ежедневно давал представленія, устраивались концерты и маскарады при постоян но полномъ сборѣ публики; въ аптекѣ не успѣвали приготовлят зельтерскую и содовую воду, а модистки и швеи по цѣлым днямъ и ночамъ слѣпили свои глаза надъ шитьемъ для барышен и барынь нарядныхъ платьевъ изъ самыхъ пестрыхъ и самых убійственныхъ для глазъ матерій.

Всегда и вездѣ барышнямъ и барынямъ предстоитъ много работы ножками, язычками, глазками и улыбочками во время рождественскихъ праздниковъ; всегда и вездѣ барышни и барыни заказываютъ для себя много, очень много роскошныхъ нарядовъ передъ рождественскими праздниками; всегда и вездѣ предъ рождественскими праздниками для модистокъ и швей настаетъ нескончаемая «спѣшка». Но когда съ рождественскими праздниками совпадаютъ еще и празднества по случаю окончанія дворянскихъ выборовъ, когда съѣзжаются въ городъ всѣ женихи, всѣ невѣсты и вся аристократія губерніи, когда каждой барышнѣ и барынѣ приходится соперничать и выдерживать конкуренцію съ барышнями и барынями почти всей губерніи, когда каждая изъ нихъ старается показать себя во всемъ блескѣ ума, граціи, красоты, знанія свѣта и приличій его, такъ какъ каждая изъ нихъ льститъ себя надеждою и имѣетъ наиболѣе шансовъ именно въ это время пріобрѣсть мужа, друга дома, друга для души и сердца и т. д.,—о, тогда модистки и швеи должны безпощадно слѣпить свои глаза, чахнуть грудью, уродовать спину, ноги и руки надъ шитьемъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ нарядныхъ платьевъ изъ самыхъ пестрыхъ и самыхъ убійственныхъ для глазъ матерій.

Работай, работай, работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ!
Работай, работай, работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
О, братья любимыхъ сестеръ,
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубахахъ вы носите,—нѣтъ,
А жизнь безотрадную швей!

Бѣдненькія швеи и модистки! Многіе великіе поэты и мыслители вдохновлялись вами, пѣли сжимающія душу скорбью пѣсни въ честь вашего терпѣнія и вашей безкорыстной любви, издавали обливающіе сердце кровью стоны при видѣ вашего бѣдствен-

наго житья, кричали помрачающія умъ проклятья при видѣ вашего убійственнаго труда, не оплачивающаго даже вашей скудной пищи и жалкой одежды и заставляющаго васъ впасть въ развратъ и умирать въ раннемъ возрастѣ отъ чахотки; но вы сами не поете этихъ пѣсенъ, вы не слыхали этихъ вздоховъ и проклятій. Нѣтъ, вы смотрите на себя какъ на необходимыхъ и вполнѣ законныхъ спутниковъ прогресса и цивилизаціи общества и, когда слѣпите ваши глаза надъ шитьемъ изъ самыхъ пестрыхъ и самыхъ убійственныхъ для глазъ матерій нарядныхъ платьевъ для барышень и барынь, вы не поете «Пѣсню о рубашкѣ» Томаса Гуда, какъ не поютъ барышни и барыни, щеголяющія въ изготовленныхъ вами нарядахъ, «Сонъ леди» того же Томаса Гуда! Нѣтъ, когда глаза ваши слѣпятъ всевозможные цвѣта нарядныхъ матерій, когда нагнутая надъ работой грудь ваша мучительно ноетъ, когда руки и ноги ваши деревенѣютъ отъ однообразнаго сидѣнья по цѣлымъ днямъ,—вы не поете «Пѣсню о рубашкѣ», а грезятся вамъ сладкіе сны: вотъ кончилась четырнадцати-часовая работа, вы, измученныя, встали изъ-за нея, лѣниво расправляете одеревенѣлые члены, испускаете тяжелый вздохъ больной груди и хотите поскорѣе лечь въ жесткую постель, чтобы забыться и заснуть; но вдругъ вы вспоминаете, что семи-рублевое жалованье давно уже забрано вами за мѣсяцъ впередъ, а прачка требуетъ денегъ, а башмаки скоро будутъ совершенно негодны, а скромненькое и хотя сколько-нибудь приличное воскресное платьице уже сильно обносилось, а въ театрѣ сегодня маскарадъ, такъ много наѣхало въ городъ красивыхъ и богатыхъ мужчинъ, а вы еще такъ молоды и недурны собой, такъ вамъ хочется поразнообразить вашу тоскливую и тяжелую жизнь,—и вы не ляжете послѣ работы спать, а поскорѣе умоетесь, одѣнетесь по-праздничному, кокетливо причешете волосы, приколите голубенькій бантикъ къ груди (она чахоточна, но еще молода и красива) и побѣжите въ маскарадъ. О, какъ тамъ будетъ весело! Васъ приглашаютъ танцевать, за вами ухаживаютъ, приглашаютъ ужинать, усиленно просятъ пить вино....

Бѣдненькія швеи и модистки! Вы и потомъ, послѣ такъ пріятно проведенной ночи, почти не спавши, сидя за работой съ болью въ головѣ, съ мучительной усталостью во всемъ тѣлѣ,—вы и тогда не запоете «Пѣсню о рубашкѣ», какъ не запоютъ «Сонъ леди» барышни и барыни, когда онѣ, снявъ роскошные наряды, оставшись въ ночныхъ блузахъ изъ тончайшаго голланд-

скаго полотна, отдѣланныхъ кружевами и прошивками, торопятся лечь въ мягкую постель, чтобы тоже забыться и заснуть послѣ шума, блеска, шепота, таинственныхъ рукопожатій, поэтическаго кокетства, умныхъ шутокъ, блестящихъ побѣдъ и т. д. и т. н., что составляетъ жизнь баловъ и вечеровъ. Нѣтъ, вы и тогда... Но Богъ храни васъ, бѣдненькія швеи и модистки! Кто изъ насъ, пишущихъ и читающихъ мужчинъ, не былъ обязанъ вамъ многими веселыми часами въ свои молодые годы, во времена студенчества? Но кто станетъ читать романъ, исполненный вашимъ убійственно-однообразнымъ житьемъ, вашими подавленными стонами, вашими тихими слезами и вашими кроткими, всепрощающими молитвами при ранней смерти отъ чахотки?...

Чуть надъ тобой не заплакалъ я, бѣдная...
Вотъ одолжилъ бы!... Прощай, безталанная!
Намъ ли въ диковинку сцены тяжелыя?
Чудо, что есть еще лица веселыя!
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!

II.

Въ срединѣ декабря зала благороднаго дворянскаго собранія была преобразована въ засѣданіе съѣзда мировыхъ судей. Низенькій барьеръ, какъ и во время экстреннаго засѣданія губернскаго земскаго собранія, раздѣлялъ залу на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ большая, уставленная рядами стульевъ, переполнена была разнообразной, но исключительно, впрочемъ, изъ дворянскаго и чиновнаго сословія, публикой, около половины которой составляли дамы тѣхъ же слоевъ общества. Меньшая половина залы имѣла совершенно другой видъ, чѣмъ во время экстреннаго земскаго собранія: на возвышеніи, какъ на эстрадѣ, стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ золотою бахромою; позади стола—рядъ покойныхъ, обитыхъ бархатомъ, креселъ, а на столѣ—зерцало, большой письменный приборъ съ высокостоящимъ и блестящимъ колокольчикомъ, разложены бумаги, перья, карандаши; направо отъ эстрады—небольшой столикъ, покрытый также зеленымъ сукномъ и съ покойнымъ кресломъ позади, какъ и у стола на эстрадѣ, только вмѣсто зерцала на немъ лежала горка книгъ, образцы которыхъ раскрашены были во всѣ цвѣта радуги; налѣво отъ эстрады стоялъ пюпитръ, въ родѣ небольшой каѳедры, а предъ эстрадой, вблизи барье-

ра—аналой, на которомъ лежало Евангеліе, завернутое въ эпитрахиль, и большой серебряный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ распятаго Христа; у самаго барьера, какъ разъ противъ средины эстрады, стоялъ простой соломенный стулъ, невольно приковывавшій къ себѣ взоры публики: онъ былъ такъ легокъ и простъ среди остальной тяжелой и дорогой обстановки залы, что напоминалъ собою жалкаго и оборванаго нищаго, очутившагося во время торжественной архіерейской службы въ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, помѣщается первое лицо города или генералъ въ лентѣ и со звѣздами.

Было двѣнадцать часовъ дня. Въ залѣ—душно и сумрачно, такъ какъ вентиляція залы не была приспособлена для такой массы публики, собравшейся въ нее уже къ десяти часамъ, и такъ какъ стоялъ хмурый декабрскій день, и не солнечные лучи, а эта хмурость наполняла залу чрезъ большія окна по обѣимъ сторонамъ ея. На соломенномъ стулѣ сидѣлъ молодой, худощавый, сутуловатый мужчина во фракѣ и съ бѣлымъ знакомъ судебнаго пристава; онъ все время бѣгло и робко посматривалъ на публику.

— Судъ идетъ!—крикнулъ дребезжащимъ голосомъ приставъ, когда за одной изъ дверей, ведущихъ въ отдѣленіе для суда, раздался звонокъ.

Публика съ шумомъ встала.

Когда судьи усѣлись въ кресла на эстрадѣ, когда за маленькимъ столомъ появился Лукомскій при шпагѣ и въ блестѣвшемъ золотою вышивкой и позолоченными пуговицами мундирѣ; когда у пюпитра появился сильно блѣдный Ахневъ съ тревожнымъ, лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, и рядомъ съ нимъ его адвокатъ, полное лицо котораго такъ наглядно и безыскуственно избыточествовало состраданіемъ и кротостью; когда публика усѣлась и въ залѣ водворилась мертвая тишина,—видъ залы и вся обстановка суда были сильно торжественны, внушительны, картинны и строги.

— Засѣданіе суда открыто!—громко сказалъ предсѣдатель и его слова отчетливо пронеслись по залѣ.

Въ публикѣ произошло моментальное движеніе.

— На очереди,—продолжалъ предсѣдатель,—дисциплинарное дѣло о судебномъ приставѣ при мировомъ съѣздѣ, Иванѣ Ахневѣ.

Одинъ изъ судей, высокій, плотный блондинъ съ серьезнымъ и некрасивымъ лицомъ, всталъ и, снимая съ себя цѣпь, громко и отчетливо сказалъ, обращаясь къ предсѣдателю:

— На основаніи статьи 36 устава о мировыхъ судьяхъ, я, какъ мировой судья, причастный къ предстоящему для занятій съѣзда дѣлу, не могу участвовать въ засѣданіи.

И онъ положилъ цѣпь на столъ, сошелъ съ эстрады и сѣлъ въ сторонѣ отъ нея. Этотъ судья—князь Король-Кречетовъ. Одно мгновеніе взоръ и лицо его сохраняли то выраженіе строгой серьезности, которые они имѣли, когда онъ находился за столомъ на эстрадѣ; но вотъ онъ посмотрѣлъ на публику и ему кажется, и кажется безошибочно, что скверно смотрятъ устремленные на него глаза публики, что они полны укоромъ къ нему, вмѣстѣ съ грустнымъ сожалѣніемъ у нѣкоторыхъ и вмѣстѣ съ злорадною насмѣшкой у большинства,—и глаза его самого начинаютъ вдругъ смотрѣть дерзко, и лицо его вдругъ превратилось въ брюзгливое, съ презрительной усмѣшкой у неправильнаго, большаго рта, и онъ теперь былъ болѣе чѣмъ некрасивъ: какъ-то вызывающе-нахально, бретерски-задорно выглядывала вся его фигура и не могла вызвать къ себѣ сочувствія у самаго снисходительнаго зрителя.

— Чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ для должнаго участія и вниманія къ дѣлу, стоящему на очереди, я, къ крайнему моему сожалѣнію, не могу принимать участія въ засѣданіи съѣзда,— сказалъ высокій, плотный, но сильно худой и блѣдный, съ длинною, совершенно сѣдою бородой судья. Это былъ Рымнинъ. Онъ снялъ съ себя цѣпь, положилъ на столъ и, сойдя съ эстрады, сѣлъ рядомъ съ Кречетовымъ.

— Послушай, Гавріилъ Васильевичъ,—тихо говорилъ онъ немного погодя Кречетову,—ты плохо держишь себя. Я понимаю, что клевета, когда не имѣешь возможности тотчасъ опровергнуть ее, хуже пощечины, но ты не долженъ усиливать клевету, имѣя такой злой и недовольный видъ.

— Вы говорите—клевета!—раздражительно отвѣчалъ ему Кречетовъ.—А посмотрите на лица всѣхъ, всмотритесь въ глаза каждаго изъ присутствующихъ здѣсь,—что вы увидите въ нихъ? Зачѣмъ они пришли сюда? Чтобъ убѣдиться въ справедливости клеветы, которой всѣ уже и теперь вѣрятъ, но о которой пока еще не могутъ сказать, что она доказана?... И вы хотите, чтобъ я смотрѣлъ кротко, какъ овца, вѣдомая на закланіе? Я—не овца! Я не скажу: «отче, прости имъ, невѣдятъ бо, что творятъ»... Отнынѣ нога моя не переступитъ ничьего порога, я никому не подамъ руки, пока не докажу нахальства клеветы!... Въ по-

слѣдній разъ позвольте пожать вашу руку, Дмитрій Ивановичъ,— совершенно хладнокровно окончилъ Кречетовъ, какъ бы успокоясь отъ добровольно наложенной на себя эпитеміи.

— До меня и до моей семьи, я думаю, твоя клятва не относится... Я люблю тебя какъ роднаго сына, Гавріилъ Васильевичъ!—подавая руку Кречетову, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ Рымнинъ и крѣпко пожалъ руку Кречетова.

— Благодарю... Спасибо... Стою ли я быть сыномъ такого отца?—дрожащимъ и тихимъ голосомъ отвѣчалъ Кречетовъ, горячо стиснувъ руку Рымнина, наклонивъ свою голову къ его плечу и цѣлуя его въ плечо. На глазахъ у него замѣтны были слезы.

«Ты не пришла сюда, ты не захотѣла присутствовать при грязной клеветѣ, взведенной на меня.... Спасибо тебѣ за это, добрая дѣвушка!» —подумалъ потомъ Кречетовъ, и образъ ея пронесся въ его воображеніи, и долго, долго онъ то любуется этимъ образомъ, то такъ много и такъ хорошо разговариваетъ съ нимъ, то вдругъ впадаетъ въ подавляющую грусть, когда образъ Катерины Дмитріевны начиналъ уходить отъ него куда-то далеко, въ туманную даль, и тамъ начинаетъ улыбаться кому-то, манитъ къ себѣ кого-то, только не его, не Кречетова. И онъ тяжело вздыхалъ, хотѣлъ думать о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя придется испытать ей отъ любви не къ нему, а къ такому загадочному человѣку, какъ Могутовъ; но, помимо его воли, ему вдругъ вспомнились слова покойнаго отца, чтобъ онъ, сынъ, не посрамилъ славный родъ князей Король-Кречетовыхъ, — и сцены и образы изъ его дѣтства и изъ его молодости замелькали и закружились въ его головѣ. И онъ опять тяжело вздыхаетъ, быстро ворошитъ волосы на головѣ, и вотъ опять она является, какъ живая, предъ нимъ. Онъ видитъ ее сперва восхитительнымъ и умнымъ ребенкомъ, потомъ она быстро растетъ на его глазахъ и, въ полномъ разцвѣтѣ молодости, ума и красоты, стоитъ предъ нимъ, нѣжно смотритъ на него и такъ довѣрчиво говоритъ....

«Но въ чемъ проявилось ея довѣріе ко мнѣ?»—вздохнувъ, задаетъ онъ себѣ вопросъ и долго думаетъ надъ нимъ, припоминаетъ всѣ случаи и всѣ разговоры съ нею, отъ перваго знакомства съ нею до своего объясненія въ любви и до ея отъѣзда въ деревню, чтобъ учить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ.

«Да, да она меня не любитъ,—думаетъ онъ потомъ.—Она любитъ Могутова, а меня ей только жаль.... Да неужели я—

нищій? Неужели я могу вызывать только жалость или сострадание?... Такъ почему же на меня клевещутъ здѣсь? У кого достанетъ духу топтать въ грязь нищаго?.... Всѣ вы—нищіе духомъ! Всѣ вы жалки и несчастны, какъ и я! «Чего смѣетесь?—Надъ собой смѣетесь!»... Зачѣмъ вы пришли сюда? Кого здѣсь судятъ?—Васъ судятъ! На меня только выпалъ жребій быть представителемъ вашимъ, а на самомъ дѣлѣ вы, вы—всѣ подсудимые, а не одинъ только я! Вы ждете надъ собой суда! Вы неравнодушны къ суду, а не я!... Ишь какъ вы всѣ внимательно слушаете, что читаетъ предсѣдатель суда!... А я ничего не слышу и слышать не хочу!»

И Кречетовъ, дѣйствительно, ничего не слышалъ, что происходило на судѣ. Онъ былъ далеко отъ суда до самаго окончанія его. Онъ медленно и спокойно осмотрѣлъ ряды публики въ залѣ и на хорахъ, пристально всматриваясь въ лица знакомыхъ, и потомъ вдругъ подумалъ, почему нѣтъ на судѣ Могутова, почему здѣсь нѣтъ Переѣхавшаго, друга Могутова... «Вотъ что значитъ сродство душъ,—думалъ онъ потомъ.—Вотъ гдѣ сходство характеровъ, самой природой вложенная симпатія другъ къ другу: они, навѣрное, не уговаривались между собою, а нѣтъ одного, нѣтъ и другаго... Нѣтъ Могутова—нѣтъ и его друга, Переѣхавшаго, нѣтъ и тебя, хотя ты тоже не уговаривалась съ ними... Будь счастлива съ нимъ!.. Гдѣ это какой-то царь оклеветалъ свою добродѣтельную жену и въ наказаніе заставилъ ее голой проѣхаться по городу днемъ?.. Легенда говоритъ, что, зная добродѣтель царицы, ни одинъ изъ жителей города не вышелъ въ тотъ день на улицу и что всѣ окна въ домахъ были заперты, такъ что добродѣтельная царица, безъ краски стыда отъ позорнаго и совершенно несправедливаго наказанія, могла проѣхать по городу... Гдѣ это было?... Да, въ Содомѣ не было и десяти праведниковъ, а у насъ, въ С-нскѣ, тоже только три: Могутовъ, Переѣхавшій и ты, дорогая дѣвушка,—только вы остались дома и не пожелали придти смотрѣть, какъ меня будутъ раздѣвать и раздѣтаго волочить по улицамъ... Я, господа, не добродѣтельная царица, я—какъ и всѣ вы, пришедшіе сюда смотрѣть на поруганіе моего честнаго имени.... Вы пришли узнать, какъ чувствуетъ себя человѣкъ, когда его таскаютъ по улицѣ? Вы инстинктивно сознаете, что не нынче, такъ завтра могутъ каждаго изъ васъ оскандалить. И вы желаете приготовить себя къ подобному процессу... да?

Прекрасно! Смотрите и любуйтесь, смотрите и учитесь! Я до конца суда надо мной буду торчать лицомъ къ вамъ, чтобы вы смотрѣли на меня и учились!»

И онъ, дѣйствительно, во все время суда надъ нимъ, до начала судоговоренія, сидѣлъ лицомъ къ публикѣ и отъ скуки припоминалъ характерные факты и случаи изъ жизни тѣхъ изъ публики, на коихъ останавливался его взглядъ.

III.

Предсѣдатель суда прочелъ докладъ дѣла. Не будемъ дословно передавать доклада, такъ какъ читатель уже знаетъ, въ чемъ суть дѣла. Добавимъ только, что обвиняемый Ахневъ, въ своемъ заявленіи съѣзду, признавалъ вполнѣ себя виновнымъ въ утайкѣ и расхищеніи имущества умершаго помѣщика Чистонехова; но, въ виду своей молодости, въ виду того, что его побудилъ къ совершенію этого почетный мировой судья князь Король-Кречетовъ, вліятельное положеніе котораго невольно заставило его, обвиняемаго, безпрекословно исполнять всякое его, князя Король-Кречетова, приказаніе,—въ виду того, что имъ, Ахневымъ, пополнена вся растрата, пополнена средствами данными ему многими добрыми людьми, знавшими его подневольное положеніе при совершеніи преступленія,—онъ покорнѣйше просилъ съѣздъ оказать ему снисхожденіе.

— Ввести свидѣтелей!—сказалъ предсѣдатель суда послѣ прочтенія доклада дѣла и послѣ того, какъ Ахневъ сильно растроганнымъ голосомъ повторилъ почти дословно свое заявленіе и вторично просилъ снисхожденія для себя.

Свидѣтели—лакей, кучеръ, кухарка и проживальщикъ (отставной титулярный совѣтникъ)—показали, какіе именно предметы не внесены въ опись имущества умершаго и что всѣ эти предметы забраны были приставомъ Ахневымъ и притомъ почти на глазахъ у свидѣтелей.

— Кромѣ того,—добавилъ лакей (на вопросъ предсѣдателя: больше ничего не можете сказать?),—покойный баринъ очинно старую водку любить изволили, такъ что, почитай, и померли отъ того, чтобы не дожить до окончанія водки... Каждый день докладывать приказывали, сколько оставалось старки.—«Сорокъ бутылокъ осталось старки-съ»,— доложилъ я барину.—«Плохо, братъ, Ермолаичъ,—баринъ сказать изволили,—сорокъ дней только

и пожить мнѣ осталось на свѣтѣ, а тамъ, говорятъ, безъ старки хоть и умереть»... А на утро Богъ и взялъ ихнюю душеньку...

Слѣдующій свидѣтель былъ дворецкій князя Король-Кречетова. Онъ показалъ, что, дѣйствительно, принялъ отъ пристава Ахнева часы съ двумя скачущими уланами и сорокъ бутылокъ старой водки.

— Давали ли вы деньги приставу за часы и старую водку?— спросилъ Лукомскій свидѣтеля.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ свидѣтель.

— Кто ведетъ расходъ денегъ у вашего барина? — продолжалъ спрашивать Лукомскій.

— Завсегда мы-съ,—отвѣчалъ дворецкій.

— За что, обыкновенно, вы платите деньги?

— За все-съ, особливо въ лавки, прислугѣ, на чай ежели кому,— за все-съ. Окромя насъ никто не платитъ.

— Довольны ли вы вашей службой?

— Оченно довольны! Лучшей службы для насъ — поискать, не найдешь... Мы дворовые были, а у насъ земля и домъ въ деревнѣ есть.

Остальные двое свидѣтелей показали, что самолично видѣли, какъ Ахневъ посылалъ князю Кречетову стѣнные часы съ двумя скачущими уланами и около сорока бутылокъ старой водки. Свидѣтели знали также, что приставъ захватилъ для себя лошадей, дрожки и еще кое-что; но были убѣждены, что это приставу приказалъ сдѣлать князь, такъ какъ иначе такой маленькій человѣкъ, какъ Ахневъ, не посмѣлъ бы совершенно явно и открыто забирать для себя чужія вещи. Знали свидѣтели обо всемъ этомъ потому, что служатъ по вольному найму въ стану, а становая квартира—въ трехъ верстахъ отъ имѣнія покойнаго и приставъ, послѣ описи, заѣзжалъ въ станъ что-то свидѣтельствовать и изъ стана послалъ князю Кречетову часы и водку.

— Тутъ есть противорѣчіе,—началъ прокуроръ.—Дворецкій князя Король-Кречетова показалъ, что онъ лично принялъ отъ Ахнева часы и водку, а свидѣтель заявляетъ, что Ахневъ послалъ часы и водку для князя изъ становой квартиры... Я бы желалъ, чтобы свидѣтель объяснилъ это противорѣчіе, т. е. я бы желалъ, чтобы свидѣтель подробно передалъ всѣ обстоятельства и разговоръ Ахнева въ становой квартирѣ, когда онъ посылалъ часы и водку для князя Король-Кречетова.

Свидѣтель отвѣчалъ, что онъ не помнитъ подробностей, но помнитъ отлично, какъ Ахневъ посылалъ изъ стана кого-то съ водкой и часами для князя.

— Я бы просилъ свидѣтеля припомнить,—началъ защитникъ Ахнева,—посылалъ ли обвиняемый приставъ изъ стана часы и водку, приказывая посланному доставить часы и водку въ домъ князя Король-Кречетова, или же обвиняемый приказывалъ посланному доставить все къ себѣ, въ свою городскую квартиру, сказавъ въ стану, что часы и водка предназначаются для князя Король-Кречетова.

Свидѣтель отвѣчалъ, что не помнитъ, какъ было дѣло; кажется, что обвиняемый только заявлялъ въ стану, что часы и водка предназначаются для князя Король-Кречетова.

Затѣмъ предсѣдатель суда объявилъ допросъ свидѣтелей оконченнымъ и, предъ началомъ судоговоренія, сдѣлалъ перерывъ засѣданія на пять минутъ.

IV.

Во время перерыва засѣданія только судьи удалились изъ залы, большинство же публики оставалось на мѣстѣ, стараясь поспѣшно оправиться, откашляться, вытереть потъ съ лица и т. д., и только небольшое число мужчинъ встали и, стоя у своихъ мѣстъ, не громко разговаривали съ сосѣдями и раскланивались съ знакомыми. Лукомскій продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и равнодушно и медленно обводилъ глазами публику, а когда къ нему подошелъ защитникъ Ахнева, онъ началъ съ нимъ тихо о чемъ-то говорить. Ахневъ стоялъ у стѣны, недалеко отъ пюпитра защитника, съ опущенными внизъ глазами, со сложенными на груди руками, имѣя печальный видъ приговореннаго къ смерти. Приставъ стоялъ у барьера, опершись рукою на соломенный стулъ и робко бросая взгляды на публику. Къ нему протѣснился одинъ изъ сторожей собранія и передалъ письмо, шепотомъ заявивъ, что письмо прислано съ приказаніемъ немедленно передать его князю Король-Кречетову.

— Къ вамъ письмо, князь,—подавая письмо Кречетову, сказалъ приставъ.

— Благодарю васъ,—взявъ письмо и машинально ворочая его въ рукѣ, отвѣтилъ Кречетовъ, продолжая всматриваться въ нѣкоторыхъ изъ публики.

— Ты будешь читать письмо, а я почитаю газету,—вынимая листъ *С.-Петербургскахъ Вѣдомостей* изъ боковаго кармана фрака, сказалъ Рымнинъ.

И они оба, во все время перерыва засѣданія, читали, причемъ лицо одного, читавшаго газету, все время оставалось спокойно-серьезнымъ, а лицо другаго, читавшаго письмо, все болѣе и болѣе, по мѣрѣ чтенія, прояснялось, даже улыбнулось одинъ разъ, а потомъ стало сильно задумчиво-сосредоточеннымъ.

«Добрый другъ, Гавріилъ Васильевичъ!—читалъ Кречетовъ.—Вчера мнѣ передалъ папа, что сегодня вамъ придется пережить много горя и непріятностей. На васъ будутъ клеветать, вы должны будете присутствовать при этомъ—и вамъ нельзя будетъ сказать ни одного слова въ защиту себя. Какъ мнѣ жаль васъ, добрый другъ! «Онъ любитъ меня, я для него—кумиръ, когда-то поверженный, а потомъ опять--все-жь богъ, и я буду на судѣ на виду у него, буду смотрѣть на него, улыбаться ему, чтобъ онъ смотрѣлъ на свой кумиръ, чтобъ онъ забылъ клеветниковъ, не страдалъ отъ ихъ лжи...» Такъ думала я, Гавріилъ Васильевичъ, вчера и такъ хотѣла облегчить ваше сегоднешнее тяжелое положеніе на судѣ; но мнѣ, глупой, ничего не удается сдѣлать хорошаго: мое ученіе крестьянскихъ бѣдныхъ дѣтей не удалось и мнѣ не удалось помочь и вамъ, добрый другъ! Измученная и больная пріѣхала я третьяго дня въ городъ, а сегодня проснулась и не смогла встать съ постели. Я старалась поправиться къ полудню, но все напрасно, и я не могу быть на судѣ, не могу помочь вамъ. Я страдаю сильно отъ этого и вы простите и пожалѣйте меня...

«Я хотѣла было просить васъ навѣстить меня, но раздумала: мнѣ хочется самой, думой своей глупой головы, успокоить себя и порѣшить съ тѣмъ, что такъ сильно мучитъ меня и свалило въ постель. Боже, сколько зла я надѣлала, какая я преступница предъ Тобою!...

«Я вамъ тогда напишу, когда мнѣ будетъ нуженъ вашъ совѣтъ и ваша помощь. Подумайте и тогда скажите мнѣ, чѣмъ можно искупить самый тяжелый, какой только можетъ быть тяжелый, грѣхъ?...

«Не могу писать болѣе: у меня все спуталось въ головѣ... Если вамъ, добрый другъ, очень тяжело сегодня на судѣ, то и мнѣ уже болѣе мѣсяца страшно тяжело... Что я пишу! Что же изъ того? Что я хочу сказать?... Но вы меня любите, Гавріилъ

Васильевичъ, вы поймете, что я хотѣла сказать... Пожалѣйте и простите меня, что пишу безъ смысла.

«Любящая васъ Е. Рымнина».

Кречетовъ со вниманіемъ прочелъ письмо, но онъ не замѣтилъ грустнаго тона письма, такъ какъ «добрый другъ», «я буду на виду у него, буду смотрѣть на него, буду улыбаться ему», «но вы меня любите» и, наконецъ, «любящая васъ» — привели его въ сильный восторгъ и затушевали собою все остальное въ письмѣ. Ему захотѣлось еще болѣе упиться этими милыми для него выраженіями письма, ему захотѣлось глубже вникнуть въ эти такъ много обѣщающія блаженства фразы — и онъ прочелъ письмо во второй разъ, прочелъ болѣе внимательно, останавливаясь на смыслѣ и тонѣ фразъ, которыя такъ хорошо нѣжили его при первомъ чтеніи письма.

«Что съ ней?»—чуть не закричалъ онъ, когда прочелъ письмо во второй разъ. Онъ хотѣлъ спросить у Рымнина, что случилось съ его дочерью, опасно ли она больна, отчего онъ не сказалъ ему объ этомъ, но вмѣсто того, самъ не сознавая почему, только посмотрѣлъ на Рымнина, углубленнаго въ чтеніе газеты, вздохнулъ и началъ читать письмо въ третій разъ.

«Насъ только жалѣютъ,—думалъ онъ послѣ прочтенія письма въ третій разъ.—Но что съ тобой? Ты—преступница? Ты—великая грѣшница?... Твое ученіе крестьянскихъ ребятишекъ не удалось?... Ты винишь себя въ этомъ потому, что кто добръ, тотъ все валитъ на себя и выгораживаетъ другихъ. Ты—грѣшница?... Еслибы Христосъ былъ снятъ со креста Его мучителями, еслибы мучители не дали Ему умереть за жалкое человѣчество, это бы мучило Христа, Онъ страдалъ бы отъ этого... И тебя мучитъ и тревожитъ, что твое ученіе крестьянскихъ ребятишекъ не удалось, что оно измучило тебя и не принесло пользы бѣднымъ ребятишкамъ, что ты жива, а ученіе твое не пошло въ прокъ... Но я успокою тебя, я объясню, что не одиночныя силы, не желаніе, не трудъ одной доброй души нужны, чтобы вывести изъ чисто скотоподобнаго состоянія нашихъ крестьянъ, чтобы дѣти ихъ могли съ пользою учиться...

«Гдѣ мнѣ, уроду физическому и уроду нравственному, успокоить кого-либо»,—думалъ Кречетовъ немного погодя, когда ему вдругъ пришло на умъ, что онъ еще только думаетъ успокоить Катерину Дмитріевну, а она уже успокоила его тревоги своимъ

письмомъ, заставила его забыть все окружающее, такъ что только пронзительно-пискливый выкрикъ судебнаго пристава: «судъ идетъ!»—заставилъ его вздрогнуть, вздохнуть и мимолетно посмотрѣть на все и всѣхъ въ залѣ.

V.

— Ваше заключеніе!—обратился предсѣдатель суда къ Лукомскому, когда судьи опять усѣлись за столомъ на эстрадѣ и въ залѣ водворилась тишина.

— Дѣло такъ просто, такъ несложно, что я не стану утруждать васъ, господа судьи, длинною рѣчью,—началъ ровнымъ и совершенно хладнокровнымъ голосомъ Лукомскій.—Подсудимый Ахневъ сознался въ своихъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ, свидѣтели подтвердили его признаніе — и для васъ, господа судьи, остается произнести приговоръ надъ обвиняемымъ на основаніи закона. Но законъ предоставляетъ всегда суду двояко относиться къ обвиняемому, смотря по большему или меньшему участію злой воли его при совершеніи преступленія, чистосердечно или нѣтъ сознался онъ въ своей винѣ, имѣетъ или нѣтъ сдѣланное обвиняемымъ преступленіе характеръ заразительности, затрогиваетъ ли оно собою самыя дорогія вѣрованія и убѣжденія общества и т. д. На основаніи этого, предоставленнаго вамъ закономъ, права, вы, господа судьи, можете двояко отнестись и къ обвиняемому Ахневу: вы можете или признать его виновнымъ, но, принявъ во вниманіе его чистосердечное раскаяніе, его молодые годы, покрытіе имъ убытковъ отъ преступленія и еще нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ я, впрочемъ, не буду упоминать, — сдѣлать обвиняемому только строгій выговоръ безъ отрѣшенія его отъ должности пристава и не предавая его суду; или вы можете не признать въ этомъ дѣлѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ и отрѣшить Ахнева отъ должности и предать суду. Я лично склоняюсь на сторону перваго мнѣнія; но въ настоящемъ дѣлѣ есть обстоятельства, которыя должны, мнѣ кажется, побудить васъ, господа судьи, при всемъ быть-можетъ вашемъ желаніи оказать снисхожденіе къ обвиняемому,—примѣнить къ нему самую строгую мѣру взысканія, т. е. отрѣшить его отъ должности и предать суду. Предать суду пристава Ахнева—значитъ произвести надъ его проступкомъ слѣдствіе чрезъ прокурорскій надзоръ; произвести слѣдствіе—значитъ раскрыть нѣкоторыя обстоятельства,

о которыхъ я, повторяю еще разъ, не желаю упоминать, но раскрыть которыя для васъ, господа судьи, какъ мнѣ кажется, было бы очень желательно и даже необходимо. Мировой судъ—судъ новый; его задача—не только произносить приговоры, не только карать преступленія и проступки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить цивилизующимъ, гуманнымъ началомъ для общества, — и вы, господа судьи, должны строго отнестись къ обвиняемому Ахневу, не боясь критическаго отношенія къ каждому изъ васъ, если случай или даже, допустимъ пока это, злой оговоръ коснется кого-либо изъ васъ. Представляетъ ли настоящее дѣло примѣръ подобнаго случая, судить объ этомъ вамъ, господа судьи... Больше я ничего не имѣю сказать.

Рѣчь Лукомскаго, несмотря на ея краткость и спокойную дикцію, даже быть-можетъ благодаря именно этой краткости и спокойной дикціи, произвела на судей и на публику сильное впечатлѣніе. И глаза всей публики были устремлены на Кречетова, и глаза всѣхъ судей смотрѣли на него, и ясно замѣтна была во взглядѣ всѣхъ грусть, досадливое сожалѣніе, тоскливое пренебреженіе, тогда какъ въ тѣхъ же глазахъ ясно свѣтилось снисхожденіе, извиненіе, прощеніе, когда они смотрѣли на Ахнева. Но Кречетовъ не видѣлъ этихъ взглядовъ, онъ не слышалъ рѣчи Лукомскаго,—онъ все такъ же сидѣлъ, устремивъ глаза на письмо Катерины Дмитріевны, и мысли его были далеко, далеко отъ суда.

«Я былъ добръ, любящъ, желалъ дѣлать добро людямъ, а какую пользу мнѣ и людямъ принесло все это?—думалъ онъ тогда.—Изъ-за чего почти каждый изъ насъ попадаетъ въ омутъ сплетенъ, скандаловъ и гибнетъ отъ нихъ безъ пользы для себя и для другихъ?... Но развѣ нѣтъ силъ у человѣчества разоблачить всю фальшь пошлости и уничтожить ее въ конецъ?... Къ чему вызывать на свѣтъ все человѣчество, когда дѣло касается твоей только собственной шкуры?... Къ чему быть метафизикомъ? Къ чему доискиваться до корня и начала всѣхъ причинъ?... Смотри кругомъ, слушай, что тутъ творится, и мсти прежде всего этому, вой съ этимъ!... Да, да! Я прежде всего обнаружу вотъ эту ложь, накажу вотъ этихъ лгуновъ, а потомъ... А потомъ? Что же потомъ?... «Ступай въ народъ! За честь отчизны, за убѣжденье, за любовь ступай и гибни! Умрешь не даромъ!»—сурово говорилъ мнѣ какъ-то Могутовъ изъ Некрасова... А вѣдь я—тоже сынъ народа, изуродованный помѣщичьей затѣей... Да и кто изъ насъ—дворянъ—

не сынъ народа? Всѣ мы вышли изъ народа, и тѣмъ же путемъ, какъ и я. Я самъ, чтобы быть русскимъ дворяниномъ, долженъ былъ въ юности исковеркать себя въ конецъ, а у другихъ это дѣлалъ отецъ, дѣдъ или прадѣдъ надъ самимъ собою, а дѣти унаслѣдовали отъ предковъ искалѣченность. Пусть явится исторія дворянскихъ русскихъ родовъ—и навѣрно окажется, что каждый родъ произошелъ отъ мужика, и почти тѣмъ же путемъ, какъ и я... Ну, и прекрасно! Сперва справлюсь вотъ съ этой сволочью, а потомъ, рука объ руку съ Могутовымъ, пойду воевать «за честь отчизны, за убѣжденье, за любовь!»

«А я совсѣмъ не знаю Могутова,—думалъ далѣе Кречетовъ, положивъ письмо Катерины Дмитріевны въ боковой карманъ фрака и мелькомъ взглянувъ на Лукомскаго, на Ахнева и на всю обстановку суда.—Прожилъ съ нимъ болѣе полугода, а все-таки не знаю, что онъ за человѣкъ. Молчаливъ, точенъ, отвѣчаетъ ясно и опредѣленно, когда его спросишь, но при этомъ видишь и чувствуешь только присутствіе сильнаго характера, стойкой воли, а что за душа у него, въ чемъ его вѣра—не разберешь... Какъ часто мнѣ хотѣлось проникнуть въ глубь его души, подойти къ нему какъ къ другу, полюбить его, раскрыть предъ нимъ свою собственную душу, но всякій разъ попытка кончалась ничѣмъ... И что у него за странная привычка давать отвѣты не своими словами, а изреченіями изъ поэтовъ и мыслителей?... Почему, однако, странная?... Нѣтъ, скорѣе очень симпатичная, хотя и однообразная, монотонная. Но вѣдь и шумъ моря, его приливы и отливы, игра его волнъ тоже монотонны, а сколько во всемъ этомъ величественности, силы!... Да, да, сперва справлюсь вотъ съ этой сволочью, а потомъ, рука объ руку съ Могутовымъ, впередъ—«за честь отчизны, за убѣжденье, за любовь»... За любовь?... Но развѣ меня любитъ кто? Развѣ для меня велико, свято, дорого это чувство?...»

И Кречетовъ порывисто поднялъ волосы на головѣ, гордо закинулъ голову вверхъ и началъ внимательно слушать, что происходило на судѣ.

— Что вамъ угодно сказать?—обратился предсѣдатель къ защитнику Ахнева.

Рѣчь защитника была также коротка и сжата. Онъ просилъ судей послѣдовать совѣту прокурора, такъ какъ для его кліента важно только одно--слѣдствіе, слѣдствіе и слѣдствіе.

— Не вашего, господа судьи, снисхожденія, а только слѣдствія, слѣдствія и слѣдствія нужно обвиняемому Ахневу! Не служба пристава дорога ему теперь, а честь, доброе имя, правда о невольномъ проступкѣ! Онъ увѣренъ,—и я глубоко раздѣляю его вѣру,—что слѣдствіе докажетъ, что можно впасть въ проступокъ и въ то же время сохранить имя и честь безъ пятна, стыда и укора, благодаря стеченію такихъ обстоятельствъ, при которыхъ самый честнѣйшій человѣкъ не можетъ не впасть въ преступленіе, не можетъ не сдѣлать проступка. Только слѣдствія, слѣдствія и слѣдствія желаетъ отъ васъ, господа судьи, обвиняемый!—такъ закончилъ свою рѣчь защитникъ Ахнева.

— Вамъ, обвиняемый приставъ Ахневъ, законъ предоставляетъ послѣднее слово,—сказалъ предсѣдатель.

Ахневъ, все время стоявшій у стѣны, съ опущенною внизъ головою, съ неподвижно устремленными въ полъ глазами, съ сильно блѣднымъ лицомъ, со сложенными на груди крестомъ руками, услышавъ слова предсѣдателя, вздрогнулъ, торопливо подошелъ къ пюпитру, поднялъ голову и началъ было говорить:

— Я всегда хотѣлъ быть честнымъ человѣкомъ, хотѣлъ держать экзаменъ при гимназіи на аттестатъ зрѣлости, хотѣлъ поступить въ университетъ...

И онъ упалъ головою на пюпитръ, и началъ рыдать, и тяжелые вздохи его разносились по залѣ и производили на всѣхъ глубоко-тяжелое впечатлѣніе.

— Больше я ничего не могу сказать!—вскрикнулъ онъ вдругъ, быстро поднялъ голову съ пюпитра и устремилъ плачущіе глаза на судей.

Судьи удалились для совѣщанія. Среди публики началось движеніе: вставали, разговаривали, дамы вздыхали и утирали носовыми платками слезы на глазахъ и потъ съ лица. Многіе торопились уходить. Для всѣхъ ясно было, что если Ахневъ и не такъ чистъ, какъ только обѣлили его защитникъ и прокуроръ, то все-таки такъ сильно скомпрометировать себя, какъ это сдѣлалъ Кречетовъ, трудно было и вообразить,—и всѣ сознавали, что приговоръ суда долженъ быть такой, какъ желалъ прокуроръ, и если не всѣ торопились къ выходу, то только потому, что многимъ некуда было торопиться.

— Ну, кажется, представленіе кончилось и намъ можно, съ чувствомъ исполненнаго долга, уходить отсюда,—сказалъ Рымнинъ, поднимаясь съ мѣста и беря Кречетова подъ руку.

— Пожалуй, что и такъ,—отвѣчалъ Кречетовъ и оба направились къ выходу.

Судъ постановилъ опредѣленіе вполнѣ согласное съ предложеніемъ прокурора. Чрезъ недѣлю въ *Голосѣ* была напечатана корреспонденція изъ С—нска, въ которой подробно излагалось дѣло Ахнева и ясно намекалось на сильно компрометирующее участіе въ дѣлѣ князя Король-Кречетова. Корреспонденція эта была написана Кожуховымъ и ею очень былъ доволенъ губернаторъ.

VI.

Въ тотъ же день, въ шестомъ часу, Кречетовъ, Переѣхавшій и Могутовъ сидѣли за обѣдомъ въ квартирѣ Кречетова, въ которой жилъ и Могутовъ, такъ какъ подрядное дѣло по постройкѣ земской желѣзной дороги должно было продолжаться и въ будущемъ году и не прекращалось совершенно и зимой, хотя теперь производилось только подведеніе итоговъ прошедшихъ и приготовлялись смѣты и разсчеты для будущихъ работъ.

Съ пріѣздомъ Могутова въ городъ, Переѣхавшій, по-прежнему, заходилъ къ нему чуть не каждый вечеръ и скоро и близко сошелся съ Кречетовымъ, который и уговорилъ его обѣдать вмѣстѣ, en trois. Во время обѣдовъ и вечерами, когда не было спѣшнаго дѣла и когда Переѣхавшій засиживался до полуночи, Кречетовъ любилъ не только длинно и о многомъ разговаривать съ нимъ, но и порядочно выпить; Могутовъ при этомъ только присутствовалъ, или сидя молча и съ серьезнымъ видомъ, или же читая газету или книжку журнала.

— А что, Викторъ Александровичъ, не пропустить ли намъ еще по одной предъ началомъ обѣда?—обращаясь къ Переѣхавшему, спросилъ Кречетовъ. На лицѣ его была улыбка, голосъ его былъ обыкновененъ, онъ велъ себя спокойно, какъ всегда; но въ его задумчиво-меланхолическомъ взглядѣ видна была тревога, брови какъ будто разгладились, выраженіе лица стало даже болѣе красивымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе напряженнымъ, сухимъ, непріятно-тоскливымъ. Онъ узналъ о готовящемся для него скандалѣ изъ-за старой водки всего за нѣсколько дней до суда; онъ сперва не придавалъ этой «наглой клеветѣ» никакого значенія, старался выбросить ее изъ памяти, не говорить о ней ни съ кѣмъ. Но когда онъ вошелъ въ залу вмѣстѣ съ судьями, когда увидѣлъ въ залѣ массу публики,—у него вдругъ ус

коренно забилось сердце, непріятная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, а въ головѣ назойливо зашевелилась мысль, что ему придется выдержать тяжелую, мучительную пытку. «Ну, что же,— успокоивалъ онъ тогда себя,—пусть пытаютъ, пусть калѣчатъ въ конецъ, развѣ для меня пытка въ диковинку? Я обнаружу всю силу моего характера, гордое пренебреженіе къ клеветѣ... Но вотъ кончился судъ, онъ простился съ Рымнинымъ, возвращался тихою походкой къ себѣ домой,—и ему кажется, что на самомъ дѣлѣ пытка оказалась пошлою комедіей, въ которой онъ почти не участвовалъ, изображалъ собою только декорацію, актера безъ словъ и мимики. Онъ доволенъ собой, смѣется надъ наглою клеветой, хвалитъ себя, что пустая роль безъ словъ и мимики исполнена имъ хорошо, даже очень хорошо: естественно и безъ малѣйшей рисовки; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствуетъ что-то непріятное внутри себя, что-то тяжелое, гнетущее, и пустая роль, мелкая интрига, наглая клевета, шаткость общественнаго мнѣнія—все это вмѣстѣ не выходитъ у него изъ головы, сосетъ его всего, назойливо жалитъ его внутри. Ему не было больно отъ этого, онъ не страдалъ, онъ былъ спокоенъ, былъ какъ всегда и лицо его даже улыбалось; но онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка вдругъ одѣтаго въ совершенно новое для него платье, фасонъ котораго ему не нравится, кажется смѣшнымъ и сильно бросающимся въ глаза, хотя нельзя сказать, чтобы фасонъ былъ неудобенъ для тѣла.

— За компанію, говорятъ, еврей повѣсился, а выпить и подавно можно,—отвѣтилъ Переѣхавшій, наливая водку въ двѣ рюмки.

— А почему вы, господа, не изволили быть сегодня на судѣ?—спросилъ Кречетовъ, когда онъ и Переѣхавшій пропустили еще по одной предъ началомъ обѣда.

— А что тамъ дѣлать было?—мелькомъ отвѣтилъ Переѣхавшій.

— Но вы знали, что я замѣшанъ въ дѣло и что, собственно, не пристава, а меня будутъ судить?—перебилъ Кречетовъ Переѣхавшаго.

— Да я было и хотѣлъ пойти, да вотъ Гордѣй Петровичъ помѣшалъ,—стараясь быть развязнымъ, отвѣчалъ Переѣхавшій.— Общественнаго, говоритъ, интереса въ дѣлѣ нѣтъ, а случайно попавшеюся въ просакъ личностью интересоваться не слѣдъ... Я подумалъ, нашелъ взглядъ Гордѣя Петровича вѣрнымъ,—ну, и не пошелъ.

— Какъ, одинъ изъ представителей дворянства, крупной собственности, новаго суда и земства—воръ, и это не имѣетъ общественнаго значенія?—громко сказалъ Кречетовъ. Но глаза его не блестѣли нетерпѣніемъ, горячностью, увлеченіемъ, какъ это бывало прежде, когда онъ воодушевлялся и начиналъ громко говорить,—теперь въ нихъ видна была тревога, а выраженіе лица оставалось напряженнымъ, сухимъ, непріятно-тоскливымъ.

— Не воръ, а оклеветанъ, и очень глупо оклеветанъ!—насупивъ брови и внушительно замѣтилъ Переѣхавшій.—Да хотя бы и обвиняли представителя всего этого, эка важность!—началъ немного помолчавъ Переѣхавшій, началъ громко, переставъ ѣсть супъ, вскинувъ въ одно мгновеніе глаза изъ-подъ очковъ на Кречетова и Могутова и желая прервать молчаніе и навести разговоръ на отвлеченную тему.—Вотъ еслибы представитель всего этого, положимъ, отказался бы отъ своихъ прирожденныхъ правъ на все это, тогда было бы удивительно. А то воровство... Эка невидаль въ самомъ дѣлѣ! У насъ нельзя не воровать, потому что воровской нравъ имѣемъ, какъ имѣетъ крапива волоски съ жгучей муравьиною кислотой... И этотъ нравъ долженъ всенепремѣнно перейти и въ земство, и въ городское самоуправленіе, и въ сельскій сходъ, и... и во все прочее, потому что самоуправленіе и все прочее разрѣшено намъ имѣть только вчера, и воровская повадка унаслѣдована отъ временъ древнихъ, съ монгольскаго ига, а то, пожалуй, даже со времени призванія Варяговъ... И какой бдительной охраной пользуется сей, присущій намъ, нравъ! Его охраняютъ не только отъ возможности уничтожиться, но даже и отъ возможности передаться потомкамъ въ болѣе усовершенствованномъ видѣ, чѣмъ оный практиковался встарину... Вы скажете, что пущенныя теперь въ ходъ разныя концессіи, подряды, поставки, банковыя учрежденія и т. п.—чисто современный способъ очень деликатнаго и вполнѣ легальнаго грабежа?—Чорта съ два! Все—старая, древняя кантемировская ябеда:

Бери,—большой тутъ нѣтъ науки!
Бери, гдѣ только можно взять!
На что-жь привѣшены намъ руки,
Коль не на то, чтобъ брать?...

— А при такомъ, господствующемъ у насъ, строѣ необходимо выпить!—закончилъ Переѣхавшій и, чокнувшись съ Кречетовымъ, выпилъ залпомъ большую рюмку хересу.

— Такъ-то оно такъ, Викторъ Александровичъ,—началъ Кречетовъ, окончивъ супъ и выпивъ рюмку хереса,—но я все-таки далъ слово не бывать ни у кого и никому не подавать руки, пока не обнаружу всю ложь клеветы... Вы, господа, не обижайтесь: для всѣхъ это—знакъ моего покаянія, а для васъ—моего глубокаго уваженія къ вашей честности, прямотѣ и любви къ правдѣ. За ваше здоровье!—поднимая рюмку съ виномъ, громко окончилъ Кречетовъ, причемъ лицо его улыбалось, но взоръ и выраженіе лица оставались по-прежнему тревожны и тоскливы.

— Браво! Кто честенъ, тотъ такъ долженъ поступить! Браво! За здоровье ваше, лучшій изъ дворянъ!—вскочивъ со стула, подскочивъ къ Кречетову, чокаясь и цѣлуясь съ нимъ, громко и съ чувствомъ говорилъ Переѣхавшій.

Могутовъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, молча чокнулся и выпилъ. Онъ ничего не пилъ и теперь рюмка краснаго вина была исключеніемъ изъ общаго правила.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, господа,—принимаясь за соусъ, началъ Кречетовъ,—что̀ бы вы стали дѣлать на моемъ мѣстѣ?

— То-есть какъ же это: что дѣлать?—Не подавать руки, плюнуть на все—вотъ и все!—внушительно отвѣчалъ Переѣхавшій.

— Съ этимъ, Викторъ Александровичъ, дѣло уже покончено... Я спрашиваю васъ не о томъ... Мнѣ тридцать шесть лѣтъ—возрастъ, кажется, еще не старческій, я богатъ, много учился,—что же бы вы посовѣтовали мнѣ дѣлать, чтобы... чтобы мнѣ самому не казалась моя жизнь, какъ, помните, говорилъ Гамлетъ: «Какъ пошла, плоска, глупа и ничтожна мнѣ кажется жизнь на этомъ свѣтѣ! Презрѣнный міръ! Ты—опустѣлый храмъ, негодныхъ травъ пустое достоянье!»

Кречетовъ проговорилъ все это, не переставая ѣсть соусъ, такъ что фразы его рѣчи были отрывисты, какъ при самомъ обыкновенномъ обѣденномъ разговорѣ, и только тираду изъ Гамлета онъ произнесъ безъ перерыва, но и безъ воодушевленія, не глядя на собесѣдниковъ и подливая себѣ въ тарелку соуса.

— И что за проклятая манія у дѣльныхъ, вполнѣ полезныхъ для родины людей считать себя и свою дѣятельность за нуль и того хуже! Имъ бы хотѣлось дѣлать то, чего и на свѣтѣ нѣтъ!... Вы—земскій дѣятель, вы—строитель земской желѣзной дороги!... Чего же вамъ еще нужно?—насупивъ брови, гнѣвно, какъ наставникъ на прихоть школьника, отвѣтилъ Переѣхавшій и торопливо началъ ѣсть соусъ, издавая носомъ довольно сильное сопѣніе.

— Право, мнѣ кажется,—продолжалъ послѣ короткаго молчанія Переѣхавшій,—что черезчуръ умные люди такъ же трясутся надъ своимъ временемъ, какъ скупецъ надъ золотомъ. Они считаютъ малопроизводительной свою жизнь, если спятъ хотя только пять часовъ въ сутки, если тратятъ время на обѣдъ, ужинъ, чай. Имъ бы хотѣлось запречь себя въ отечественную колымагу и тянуть ее впередъ безъ малѣйшаго отдыха,—тянуть до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ духъ вонъ... Но вѣдь тогда и отечественная колымага станетъ совсѣмъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми, прежняго времени люди умѣли жить лучше нашего,—продолжалъ онъ, опять немного помолчавъ, торопливо проглотивъ два кусочка и нѣсколько разъ вскинувъ изъ-подъ очковъ недовольный взглядъ на Кречетова и Могутова, которые, какъ будто, совершенно не обращая вниманія на него, занимались ѣдою. — Черезчуръ умнымъ людямъ я бы посовѣтовалъ брать примѣръ съ его превосходительства, управляющаго контрольною палатой.

Послѣдовало продолжительное молчаніе, во время котораго лакей перемѣнялъ тарелки, Кречетовъ ковырялъ перомъ въ зубахъ, прихлебывалъ изъ рюмки хересъ и, глядя внизъ, терпѣливо ожидалъ отвѣта Могутова на свой вопросъ, а Переѣхавшій недовольно посматривалъ изъ-подъ очковъ на обоихъ и досадовалъ на самого себя, что ему, такому опытному спеціалисту по части утѣшенія немощныхъ душъ, отлично понимавшему душевное состояніе Кречетова, удрученнаго наглою клеветой, — ему никакъ не удается разогнать его тревогу, перевести разговоръ на совершенно отвлеченную, живую и интересную тему.

— Вы преувеличиваете, Викторъ Александровичъ, значеніе земской дѣятельности,—мелькомъ взглянувъ на Могутова и принимаясь за жаркое, началъ Кречетовъ.—Земская дѣятельность, въ нашей, по крайней мѣрѣ, губерніи, положительно ничего не стоитъ... Не будемъ объ этомъ спорить. Я говорю такъ послѣ трехлѣтняго горячаго участія въ земствѣ нашей губерніи, — замѣтя желаніе возражать со стороны Переѣхавшаго, серьезно и строго, но совершенно спокойно, какъ прежде почти никогда не говорилъ, сказалъ Кречетовъ.—Что же касается постройки земской желѣзной дороги, то съ нею нужно проститься... Мнѣ передали сегодня, что постройка переходитъ изъ рукъ земства въ грабительскія руки Брестскаго и К°.

— По какому праву?—вскрикнулъ Переѣхавшій, стукнувъ кулакомъ по столу, а Могутовъ пересталъ читать и, беря жаркое, посмотрѣлъ на Кречетова.

— Такъ рѣшили въ Петербургѣ... Вотъ я и попрошу васъ, господа, сказать мнѣ откровенно: что мнѣ дѣлать, чтобы не вести пошлую, глупую и ничтожную жизнь... Вы не откажетесь откровенно высказать ваше мнѣніе, да? — говорилъ Кречетовъ, не глядя на собесѣдниковъ и занимаясь ѣдой.

— Издавайте газету!—вскрикнулъ Переѣхавшій послѣ короткаго, но сильно-сосредоточеннаго молчанія, какъ бы вдругъ осѣненный и подтолкнутый свыше на изреченіе этой великой истины.

— Совѣтъ хорошъ... Мы его обсудимъ... Спасибо вамъ, Викторъ Александровичъ,—подумавъ немного и улыбаясь, сказалъ Кречетовъ и протянулъ руку Переѣхавшему, который, послѣ изреченія великой истины, сильно сопѣлъ и придумывалъ названіе для будущей газеты Кречетова, въ которой и онъ, философъ Переѣхавшій, непремѣнно долженъ участвовать, конечно, какъ авторъ наиболѣе вліятельныхъ передовыхъ статей.

— Да будетъ имя ей «Гуманность»,—еще болѣе внушительно, хотя и не очень громко, изрекъ опять Переѣхавшій, сильно пожимая руку Кречетова.

— А вы что посовѣтуете мнѣ дѣлать, Гордѣй Петровичъ?— спросилъ Кречетовъ и, отодвинувъ тарелку, упершись локтемъ на столъ, склонивъ голову на кисть руки и смотря внизъ, началъ обдумывать: что лучше—издавать ли газету, или идти съ Могутовымъ въ народъ? Вѣдь сколько было можно понять изъ отрывочныхъ фразъ Могутова, онъ считаетъ хожденіе въ народѣ наиболѣе полезнымъ дѣломъ.

— Жениться,—окончивъ жаркое, равнодушно отвѣтилъ Могутовъ.—«Гдѣ тебѣ газету издавать, когда брехня ничтожнаго чиновника чуть не до истерики доводитъ тебя?... И это лучшій изъ дворянъ, типъ дворянина-нигилиста!... О, какъ вы проницательны, господинъ Переѣхавшій!»—думалъ Могутовъ затѣмъ и началъ читать газету.

Послѣдовало опять продолжительное молчаніе, во время котораго лакей убиралъ жаркое и перемѣнялъ тарелки. Переѣхавшій, сильно насупившись, сопѣлъ и, находя отвѣтъ Могутова жесткимъ, придумывалъ рѣчь для его смягченія, а Кречетовъ, повернувъ лицо въ сторону Могутова, пристально и серьезно всматривался въ него.

«Какое право имѣетъ и этотъ шутить и смѣяться надо мною?... Да точно ли ты—герой, за которымъ нужно идти вслѣдъ намъ, измученнымъ жизнью людямъ?... Къ чорту трусость и мягкость! Довольно самоотверженія! Вамъ угодно подтрунивать надъ страдающимъ человѣкомъ? Извольте, я поднимаю перчатку!»—думалъ Кречетовъ. Когда лакей подалъ кофе и сухое сладкое печенье, онъ заговорилъ совершенно спокойно, но съ зло-саркастическою усмѣшкой около рта:

— Да, Викторъ Александровичъ, намъ сегодня обоимъ одно и то же совѣтуютъ: жениться!... Но управляющій контрольною палатой, навѣрно, пошутилъ съ вами, а господинъ Могутовъ говоритъ, конечно, серьезно... Господинъ Могутовъ всегда серьезенъ и такъ же серьезно говоритъ теперь «жениться», какъ когда-то говорилъ: «Иди въ народъ! За честь отчизны, за убѣжденье, за любовь иди и гибни! Умрешь не даромъ!...» Но знаете ли, господинъ Могутовъ, мнѣ лучше нравится, когда вы говорите не своимъ умомъ... И знаете ли, господинъ Могутовъ, я не вѣрю въ вашу серьезность, считаю ее пустымъ задоромъ, рисовкой, шумными побрякушками... И знаете ли почему?—Потому, что кому Богъ вложилъ въ душу даръ быть «глашатаемъ истинъ вѣковыхъ», тотъ умѣетъ заглядывать въ душу людей, понимать муки страдающихъ людей, тотъ никогда не третируетъ подавленныхъ скорбью людей, не предназначаетъ ихъ для пошлыхъ ролей... Нѣтъ, я сегодня до неприличія золъ! — ударивъ себя ладонью по лбу и вдругъ перемѣнивъ тонъ изъ серьезнаго и сатирически-спокойнаго на болѣе громкій и съ оттѣнкомъ грусти, но съ тою же саркастическою усмѣшкой у рта, продолжалъ далѣе Кречетовъ.—Вы, пожалуйста, не сердитесь, Гордѣй Петровичъ! Конечно, вы вполнѣ правы, а во мнѣ говоритъ задѣтое за живое самолюбіе,—къ чему же тогда сердиться?

— Мало ли какую чепуху болтаетъ зря слабый человѣкъ въ горѣ, такъ за нее и сердиться? Извините, князь, Гордѣй Петровичъ не обратитъ вниманія на шпильки вашего сіятельства! Онъ за нихъ не вызоветъ на дуэль ваше сіятельство, а вызову васъ я!—громко, сильно сопя и вскинувъ грозно нахмуренные глаза на Кречетова, сказалъ Переѣхавшій и торопливо направился къ окну, гдѣ лежала его барашковая шапка. Онъ уже совсѣмъ было приготовилъ рѣчь, разъясняющую и смягчающую жесткое слово Могутова «жениться», какъ вдругъ ему ясно послышался крикъ: «нашихъ бьютъ!...» и онъ позабылъ приготов-

ленную рѣчь, вскочилъ изъ-за стола, какъ ужаленный, далъ первый мѣткій залпъ и побѣжалъ за шапкой, чтобы вполнѣ вооруженнымъ спѣшить занять наиболѣе лучшій стратегическій пунктъ для предстоящей битвы.

«Не въ цѣль попалъ, жалкій стрѣлокъ! — думалъ въ это время Кречетовъ.—Попалъ въ того, кто былъ твоимъ другомъ, относился съ нѣжною любовью къ твоимъ слабостямъ... А тотъ?— Тотъ даже не моргнулъ бровью... Боже, какъ разбила, какъ искалѣчила меня жизнь!»—отворотившись отъ Могутова и тяжело вздохнувъ, подумалъ онъ и, торопливо вставъ и подходя къ Переѣхавшему, началъ упрашивать его не уходить:

— Полно, Викторъ Александровичъ,—говорилъ онъ минорнымъ тономъ.—Простите Бога ради... Право, я сегодня похожъ на полоумнаго... Ну, не сердитесь, пожалуйста... Гордѣй Петровичъ отлично понялъ меня и не сердится...

Переѣхавшій посмотрѣлъ на Могутова. Тотъ, откинувъ газету, продолжалъ сидѣть за столомъ и спокойно смотрѣлъ на Кречетова и Переѣхавшаго.—«Экіе нервные! —думалъ онъ, чуть-чуть искрививъ ротъ.—И изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся? Одинъ въ истерику падаетъ, ибо оклеветанъ, и оклеветанъ не княземъ или графомъ, съ которыми не унизительно было бы драться на дуэли, но—о, скандалъ!—оклеветанъ маленькимъ чиновничкомъ А другой... Охъ, еслибы тебѣ, добрая душа, да сила!... «Гдѣ-жь дѣвалася сила дюжая, доблесть царская?»

— Ну, ладно, забудемъ это навсегда!—улыбнувшись сказалъ Переѣхавшій и, отдавъ шапку Кречетову, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Вотъ и прекрасно. Еще разъ извините, господа! Забудемъ это навсегда,—протягивая руку Могутову, улыбаясь, но съ еще болѣе тоскливымъ выраженіемъ въ глазахъ, сказалъ Кречетовъ, садясь у стола.—Будемъ пить кофе, господа,—крѣпко сжимая руку Могутова, продолжалъ онъ.—Только... скажите мнѣ, Гордѣй Петровичъ, что-нибудь не свое, а чужое... Мнѣ очень тяжело, господа!—вздохнувъ, закончилъ онъ и опять уперся локтемъ на столъ, склонивъ голову на кисть руки, и задумчиво смотрѣлъ внизъ.—«А моя натура положительно создана для войны,— думалъ онъ.—Неудачно попалъ, не въ цѣль попалъ, а чувствую, что тяжесть на душѣ менѣе гнететъ меня... Издавать газету?... Да, да! Это дѣло какъ разъ по мнѣ... Газета требуетъ безпрерывной войны, а война—моя стихія, въ которой я только и могу жить... Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за совѣтъ!»

— Гейне веселыя пѣсни сочинялъ, такъ не прикажете ли, ваше сіятельство, прочесть чего изъ Гейне?—спросилъ Могутовъ, отпивъ полчашки кофе.

— Лежачаго не бьютъ, Гордѣй Петровичъ! — внушительно замѣтилъ Переѣхавшій.

— Ueber den Tod soll man veder lachen noch veinen,—сказалъ Могутовъ и потомъ отчетливо и совершенно спокойно прочелъ:

Пѣсню новую, смѣлую пѣсню вамъ спѣть,
О, друзья, я давно ужь сбираюсь,
И блаженства возможнаго здѣсь, на землѣ,
Я достичь чрезъ нее постараюсь!
Будемъ счастливы здѣсь. Перестанемъ терпѣть
Недостатки и всякія муки.
Пусть лѣнивое брюхо не лопаетъ то,
Что достанутъ прилежныя руки.
Юный геній свободы женился теперь
На Европѣ и...
Словословіе брачное — пѣсня моя.
Я все старое ею разрушу.
И великая сила вселится въ меня:
Вѣковые устои обрушу!

— Откуда это?—быстро поднявъ глаза на Могутова, спросилъ Кречетовъ.

— Изъ зимней сказки «Германія» Гейне въ переводѣ Всеволода Костомарова,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Да будетъ это программой газеты «Гуманность»! Да, Викторъ Александровичъ, спасибо вамъ! Я послѣдую вашему совѣту... Прохоръ, шампанскаго!—крикнулъ громко Кречетовъ, подымая волосы на головѣ, и въ глазахъ его вдругъ сверкнулъ огонекъ одушевленія, и лицо его вдругъ улыбнулось прежнею, некрасивою, но добродушною улыбкой.

— Браво! Браво! Да здравствуетъ «Гуманность»!—бросаясь въ объятія Кречетова, кричалъ громко Переѣхавшій.

Вскорѣ потомъ тріо отправилось въ театръ слушать концертъ знаменитаго виртуоза на скрипкѣ Аполлинарія Конскаго. Тріо помѣщалось въ ложѣ, но изъ нихъ только Переѣхавшій внимательно слушалъ и любовался виртуозностью и отчетливымъ изяществомъ игры концертанта, хотя и досадовалъ на отсутствіе въ немъ огня и вдохновенія артиста. Кречетовъ слушалъ, пови-

димому, внимательно, но въ головѣ у него создавался планъ, направленіе и программа газеты—и онъ во все время концерта думалъ и обдумывалъ планъ, направленіе и характеръ будущей своей газеты. А Могутовъ?

«На какого чорта была бы намъ такая размазня даже съ его богатствомъ!»—разумѣя, вѣроятно, подъ «размазней» Кречетова, сказалъ онъ самъ себѣ и началъ было вслушиваться въ игру Конскаго, но было уже поздно: послѣднее колѣно «соловья» исполнилъ артистъ и концертъ кончился.

М. Забѣлло.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Опытное знаніе и философія *).

Нашему рѣшенію подлежитъ слѣдующій вопросъ: индуктивная философія, правильно пользуясь методами ей сродными, можетъ ли утверждать самостоятельное существованіе одушевленныхъ существъ, отличныхъ отъ воспринимающаго *я*? Мы обращаемъ вниманіе читателя на это выраженіе: «можетъ ли», потому что въ дѣйствительности, конечно, чрезвычайно трудно отыскать философа столь скептическаго, который былъ бы убѣжденъ совершенно серьезно, что во всей вселенной существуетъ только онъ одинъ; да еслибы таковой и нашелся, то, по весьма справедливому замѣчанію Шопенгауэра, онъ гораздо болѣе нуждался бы въ лѣченіи, чѣмъ въ доказательствахъ и философскихъ опроверженіяхъ. И мы ставимъ вышеприведенный вопросъ только потому, что хотимъ имѣть дѣло не съ той или другой дѣйствительной историческою формой, въ какія облекалось эмпирическое ученіе, а съ внутреннимъ его принципомъ и выводами, которые изъ этого послѣдняго съ логическою неизбѣжностью вытекаютъ. Какъ мы говорили выше, для насъ важно лишь то, о чемъ бы должны были учить и во что вѣровать истинные послѣдователи эмпирическихъ началъ, еслибъ они всегда оставались вѣрны сами себѣ.

Матерія въ смыслѣ самобытной субстанціи, какъ мы видѣли, отрицается наиболѣе строгими и выдающимися представителями индуктивной школы; духовныя существа въ ихъ теоріяхъ испытали судьбу болѣе счастливую: ихъ существованіе признается доказаннымъ самымъ точнымъ образомъ. Передадимъ процессъ этого доказательства, какъ онъ изложенъ у Милля.

Въ ряду явленій внѣшняго міра мы замѣчаемъ нѣкоторыя, къ которымъ мы находимся въ совершенно особыхъ отношеніяхъ, съ

*) *Русская Мысль*, книга V.

которыми соединены тѣснѣйшими внутренними связями и которыя представляютъ собою необходимое посредство и постоянно сопровождающее условіе въ нашемъ познаніи всѣхъ остальныхъ явленій внѣшняго чувства. Это — феномены нашего собственнаго тѣла, отличающіеся особенными свойствами и спеціальнымъ характеромъ сравнительно съ другими явленіями природы. Но для насъ самая выдающаяся черта явленій нашего тѣла состоитъ въ ихъ способности непосредственно производить измѣненія въ состояніяхъ нашего *я* и, обратно, видоизмѣняться подъ вліяніемъ перемѣнъ въ потокѣ явленій нашей душевной жизни, т.-е. въ ихъ сочетаніи съ явленіями психическими въ тѣсномъ смыслѣ слова. Далѣе, осматриваясь кругомъ, я замѣчаю тѣла во всемъ похожія на мое собственное, въ которыхъ происходятъ тѣ же самые феномены, что и въ немъ, и однако при видѣ этихъ послѣднихъ не чувствую никакихъ измѣненій въ своемъ собственномъ существѣ, хотя на основаніи предшествующихъ опытовъ я знаю, что этимъ фономенамъ должны соотвѣтствовать нѣкоторыя состоянія внутренняго чувства. И такъ какъ я нѐ замѣчаю ихъ въ себѣ, то переношу ихъ внѣ себя и предполагаю за каждымъ изъ такихъ тѣлъ чреду внутреннихъ явленій, подобную той, которую непосредственно ощущаю въ себѣ и называю своимъ *я* или своею душою. Послѣдующіе мои опыты только подтверждаютъ мой выводъ, ибо я наблюдаю все болѣе событій, которыя на основаніи собственнаго опыта привыкъ связывать съ внутренними состояніями сознанія. Этимъ доказательство получаетъ законченную форму: мы видимъ движеніе и *снизу вверхъ* (отъ частныхъ фактовъ къ общему объясненію), и *сверху внизъ* (отъ общаго тезиса къ объясненію частныхъ событій).

Казалось бы, что можетъ быть лучше и проще такого доказательства? Съ перваго взгляда его можно принять за самый совершенный типъ индуктивнаго вывода, какого только нужно желать. И тѣмъ не менѣе, вдумавшись хорошенько, мы найдемъ въ немъ, съ точки зрѣнія чисто-формальной, несомнѣнные недостатки. Въ самомъ дѣлѣ мы въ немъ заключаемъ отъ существованія въ насъ нити состояній сознанія, связанныхъ съ извѣстными перемѣнами въ нашемъ тѣлѣ, къ существованію безчисленныхъ подобныхъ же нитей во всѣхъ тѣлахъ, сходныхъ съ нашимъ. Другими словами, мы заключаемъ отъ одного только факта къ безконечному множеству другихъ. Но такое доказательство не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ заключеніемъ по аналогіи,—

слѣдовательно, оно страдаетъ всѣми недостатками, присущими этому виду доказательствъ. А изъ логики извѣстно, что доказательство по аналогіи даетъ всегда лишь *вѣроятность*, а не *достовѣрность* факта.

На это Милль возражаетъ, что достовѣрность и точность заключенія подтверждаются въ данномъ случаѣ повѣркою. Предположивъ сознаніе въ подобныхъ намъ существахъ, мы съ каждою минутой болѣе и болѣе убѣждаемся въ справедливости сдѣланнаго предположенія, постоянно замѣчая въ нихъ дѣйствія только изъ сознанія объяснимыя. Намъ кажется однако, что именно въ разбираемомъ вопросѣ надо быть особенно осторожнымъ съ словомъ «повѣрка». Повѣркѣ неоспоримо принадлежитъ огромная важность въ научныхъ изслѣдованіяхъ въ двухъ главныхъ случаяхъ: во-первыхъ, когда, сдѣлавъ общій выводъ къ неизмѣнной связи какихъ-нибудь явленій, мы находимъ такіе новые факты, въ которыхъ оба явленія на-лицо и которые, слѣдовательно, оправдываютъ выводъ: напр., предположивъ, что извѣстное вещество дѣйствуетъ разрушительно на всякія органическія ткани, мы подтвердимъ это заключеніе, если найдемъ новые случаи разрушительнаго дѣйствія изучаемаго вещества; во-вторыхъ, когда, приписавъ какимъ-либо предметамъ нѣкоторыя свойства, прямо въ нихъ не наблюдаемыя, мы замѣчаемъ въ нихъ такія перемѣны и качества, которыя только изъ этихъ свойствъ объясняются. Напримѣръ, положимъ, что я разсматриваю извѣстную рукопись и въ силу нѣкоторыхъ соображеній отношу ее къ такой-то опредѣленной эпохѣ; потомъ я нахожу въ ней новые признаки, которые характеризуютъ именно эту эпоху: нахожденіе этихъ новыхъ признаковъ составитъ прекрасную повѣрку моего вывода.

Повѣрка въ доказательствѣ существованія нашихъ ближнихъ, очевидно, должна принадлежать къ послѣднему виду. Но способна ли она доставить то, что отъ нея требуется? Можно ли разсматривать, съ точки зрѣнія исключительно-опытной *), какія-нибудь дѣйствія, какъ непремѣнный продуктъ сознанія? Правда, въ себѣ я замѣчаю нѣкоторыя явленія, которыя всегда обусловлены внутренними состояніями; но вѣдь это только въ себѣ, т.-е. лишь въ одномъ случаѣ. Кто мнѣ можетъ поручиться, что это не зависитъ отъ особенныхъ условій моего индивидуальнаго бытія и,

*) То-есть насколько мы не признаемъ возможности умозаключать отъ причины къ слѣдствію по ихъ непосредственно-усматриваемому логическому отношенію (о чемъ будетъ рѣчь впослѣдствіи).

прежде всего, отъ той причины, что я есмь центръ единственно доступнаго мнѣ конкретнаго опытнаго міра, всѣ же другія тѣла, прямо со мной не связанныя, суть лишь объекты или представленія моего сознанія въ этомъ моемъ единственномъ опытѣ?

Кромѣ того укажемъ еще на одно соображеніе: еще со временъ Гоббеса появилась въ новой философіи теорія, что всѣ духовные процессы по существу своему суть процессы механическіе и, слѣдовательно, тѣло во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подчиняется исключительно матеріальной, механической необходимости, а всѣ явленія духовнаго порядка лишь *сопровождаютъ* тѣлесныя измѣненія, будучи ихъ продуктомъ, но ничего сами не производятъ въ нихъ. Того же взгляда держался и Спиноза, по скольку онъ по крайней мѣрѣ не признавалъ возможнымъ взаимнодѣйствіе между тѣлеснымъ и идеальнымъ міромъ. То же воззрѣніе болѣе или менѣе защищаютъ всѣ матеріалисты, а въ послѣднее время, благодаря стремленію распространить на всѣ сферы явленій механическій законъ единства и сохраненія силъ, оно проникло въ значительной степени и въ эмпирическую психологію позитивистовъ. Самъ Милль, повидимому, не раздѣлялъ этой теоріи, или не считалъ ея доказанною, такъ что наше замѣчаніе мало къ нему относится; но какъ отвѣтятъ сторонники ея? Какія тѣлесныя явленія они укажутъ, какъ произведенія духовныхъ факторовъ? А если нѣтъ причинной связи между духовными явленіями въ ихъ идеальной особенности и явленіями внѣшними, то куда дѣнется повѣрка? Почему другихъ людей и животныхъ не представлять просто машинами, построенными изъ тѣхъ невообразимыхъ *возможностей ощущеній*, изъ которыхъ послѣдовательный позитивизмъ творитъ весь міръ?

Итакъ, разсматриваемое доказательство съ точки зрѣнія строгой логики даетъ только *вѣроятность*, а никакъ не *достовѣрность* бытія другихъ одушевленныхъ существъ внѣ насъ. На это можно отвѣтить, что въ такомъ вопросѣ, гдѣ дѣло идетъ о самомъ непреоборимомъ убѣжденіи всякаго здравомыслящаго человѣка, и одной вѣроятности съ избыткомъ достаточно. Но тутъ подымается другое сомнѣніе, и совсѣмъ съ другой стороны, къ которому мы сейчасъ и обратимся.

Мы видѣли, что эмпирическая философія отвергаетъ субстанціальное бытіе матеріальной дѣйствительности. Матеріальный міръ внѣ насъ,—такъ утверждаетъ она,—есть только совокупность возможныхъ ощущеній и ничего болѣе. Говоря о геологическомъ прош-

ломъ земли и о тѣхъ фазисахъ, которые пережила она въ своемъ развитіи, я не долженъ видѣть въ этомъ прошломъ и въ этихъ фазисахъ вещей реально существовавшихъ, а то, что *могло бы быть*, еслибы существовало тогда воспринимающее его сознаніе, и что начало быть лишь съ появленіемъ существъ чувствующихъ. Комната, изъ которой я ушелъ, уже не существуетъ болѣе, если въ ней не осталось ничего живаго, и снова явится на свѣтъ только тогда, когда я въ нее вернусь. Такія мысли могутъ показаться очень странными, но Милль доказываетъ ихъ самымъ настоятельнымъ образомъ, и мы видѣли, насколько вѣренъ онъ въ этомъ случаѣ основнымъ началамъ эмпирической доктрины. Между тѣмъ связь многихъ матеріальныхъ явленій съ предшествующими имъ матеріальными же условіями доказана съ гораздо большею точностью, чѣмъ необходимость соотношенія какихъ бы то ни было тѣлесныхъ перемѣнъ съ явленіями субъективными или психическими. Почему же, говоря о матеріальной причинѣ какихъ-нибудь явленій, я имѣю право приписать ей существованіе только *возможное*, въ смыслѣ возможныхъ ощущеній моего сознанія, а говоря о причинахъ психическихъ, я долженъ признать за ними бытіе *дѣйствительное* и *независимое*? Откуда такое неравенство выводовъ и чѣмъ оно оправдывается? Вѣдь *опыта вообще* нѣтъ: у каждаго чувствующаго существа свой собственный, не передаваемый другимъ, міръ опытныхъ воспріятій; я знаю только свой опытъ и все другое лишь настолько, насколько оно въ мой опытъ входитъ,—изъ этихъ роковыхъ границъ нѣтъ выхода; а въ такомъ случаѣ міръ чужаго опыта, чужое сознаніе—такая же внѣшняя вещь для меня, какъ и матеріальный міръ. Почему же мнѣ не приписать бы и другимъ сознающимъ существамъ бытіе лишь въ смыслѣ возможныхъ для меня ощущеній, т.-е. тѣхъ ощущеній, которыя я, вѣроятно, получилъ бы, еслибы сталъ въ такое же отношеніе къ ихъ тѣлу, какъ къ своему собственному? Почему подобный выводъ, будучи совершенно правиленъ для вещей матеріальныхъ, для внѣшняго мнѣ духовнаго міра оказывается несостоятельнымъ?

Это замѣчаніе, конечно, не оставалось безъ возраженій; и прежде всего указываютъ на то, что, утверждая самостоятельное бытіе сознающихъ существъ, мы не выходимъ изъ субъективнаго міра ощущеній, такъ какъ приписываемъ независимое существованіе ощущеніямъ же, не подымая вопроса объ ихъ непостижимомъ субстратѣ. Напротивъ, допуская самобытность матеріальной дѣйствительности, мы невольно предполагаемъ нѣкоторый

субстратъ воспринимаемыхъ явленій, никакому чувственному познанію не поддающійся. Возраженіе это, сильное съ виду, однако въ существѣ дѣла довольно поверхностно. Развѣ матерія не характеризуется признаками прямо заимствованными изъ свойствъ, принадлежащихъ нашимъ воспріятіямъ, каковы: протяженіе, движеніе, плотность и т. д? И если мы, думая о матеріальномъ мірѣ въ немъ самомъ, не цѣликомъ переносимъ въ него наши воспріятія, а многое отвлекаемъ отъ нихъ, то, съ другой стороны, что̀ бы вышло, когда бы мы, воображая, напримѣръ, психическую природу собаки, мысленно перенесли въ нее всю нашу душевную жизнь со всѣми ея характерными особенностями? Отвлекать, очевидно, приходится и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и вопросъ—не въ фактѣ отвлеченія, а вообще въ *правомѣрности объективаціи нашихъ представленій*, которыя непосредственно являются только въ значеніи элементовъ субъективной жизни. Поэтому понятно, какъ одинъ изъ самыхъ первыхъ и знаменитѣйшихъ идеалистовъ, Беркли, могъ сдѣлать изъ отрицанія такой правомѣрности точку отправленія всей своей философіи. Оно же у Милля есть единственное оправданіе скептицизма въ вопросѣ о внѣшней дѣйствительности. Иначе стоило бы только замѣнить механическое представленіе матеріи идеальнымъ, т.-е. представить ее на подобіе Лейбницевой монадологіи совокупностью живыхъ единицъ, одаренныхъ способностью представленія, чтобы матеріальная дѣйствительность изъ непостижимой и даже несуществующей сдѣлалась насквозь познаваемою. И если Милль въ вопросѣ объ одушевленныхъ существахъ не пришелъ къ отрицательному выводу, то его въ этомъ случаѣ просто удержалъ голосъ здраваго смысла. Но можетъ ли здравый смыслъ играть роль критерія въ такомъ міросозерцаніи, для котораго вся неодушевленная природа есть только субъективный призракъ и по которому всѣ вещи тотчасъ же исчезаютъ, какъ скоро на нихъ не обращены наши чувства? Да и вообще здравый смыслъ, играющій столь выдающуюся роль въ житейскихъ отношеніяхъ, представляетъ изъ себя слишкомъ неопредѣленное и слишкомъ шаткое мѣрило въ области отвлеченной философіи.

Обращаясь къ вопросу о закономѣрности объективаціи нашихъ какихъ бы то ни было представленій, мы должны сосредоточить все наше вниманіе на одномъ коренномъ фактѣ, полагающемъ глубокое различіе между философіей исключительнаго эмпиризма и обыкновеннымъ человѣческимъ воззрѣніемъ на вещи. Этотъ фактъ—различное пониманіе *закона причинности*. Въ немъ,

по нашему глубокому убѣжденію, лежитъ самая суть спора между опытомъ и метафизикой и отъ окончательнаго опредѣленія упомянутаго закона зависитъ все будущее философіи и вообще знанія. Въ какомъ смыслѣ признаетъ и какъ только можетъ признавать законъ причинной связи эмпирическая философія?

Вспомнимъ основоположенія эмпиризма: мы можемъ знать только явленія въ ихъ совмѣстности, послѣдовательности и подобіи; индукція есть послѣднее основаніе всякой достовѣрности. Оба эти тезиса взаимно обусловливаютъ другъ друга: подобіе, совмѣстность и послѣдовательность въ смыслѣ общихъ законовъ явленій познаются только индукціей; обратно, индукція лишь эти отношенія и можетъ познавать. Безъ индукціи нельзя обойтись тамъ, гдѣ первоначальная связь наблюдаемыхъ фактовъ непосредственно полагается какъ нѣчто извнѣ данное, ни на что не сводимое и простымъ усмотрѣніемъ мысли необъяснимое, потому что только путемъ индуктивнаго умозаключенія возможно отъ этихъ фактовъ перейти къ общимъ законамъ. И если даже въ дальнѣйшемъ процессѣ индуктивнаго изученія природы мы достигнемъ того, что многіе и разнообразные законы сложныхъ явленій будемъ въ состояніи свести къ законамъ явленій болѣе простыхъ и слѣдовательно объяснимъ первые послѣдними, мы все-таки въ этихъ простыхъ случаяхъ получимъ факты далѣе необъяснимые и первоначальные; ибо еслибы такіе первоначальные факты познавались à priori, то процессъ изслѣдованія изъ индуктивнаго превратился бы въ дедуктивный. Съ другой стороны индукція необходимо останавливается, когда извѣстное внѣшнее соотношеніе фактовъ возведено въ общее правило. А такимъ внѣшнимъ соотношеніемъ можетъ быть только или послѣдовательность, или подобіе, или сосуществованіе явленій. Я вижу камень, падающій на землю. То, что онъ падаетъ внизъ, а не летитъ, напр., вверхъ, этого я при самомъ первомъ моемъ наблюденіи ничѣмъ бы не могъ себѣ объяснить, — это есть *данное*. Потомъ я наблюдаю другіе камни и также замѣчаю, что всѣ они безъ поддержки падаютъ. Я дѣлаю обобщеніе и тяжесть становится для меня свойствомъ всѣхъ камней. Увидавъ много случаевъ одного и того же явленія, я вывелъ общій законъ ихъ; но стало ли самое явленіе оттого для меня яснѣе? Связь между непосредственно воспринимаемыми свойствами камня и его паденіемъ была для меня таинственною при первомъ наблюденіи,—такою же она оказалась и при всѣхъ остальныхъ. Впослѣдствіи сфера моего опыта можетъ безгранично рас-

шириться,—я буду усматривать въ падающемъ камнѣ примѣненіе закона уже міроваго,именно закона всеобщаго тяготѣнія, и все-таки самая связь всякаго матеріальнаго тѣла съ свойствомъ тяготѣнія останется для меня столь же непроницаемою, какъ и при первомъ паденіи камня: я буду имѣть фактъ закономѣрной послѣдовательности феноменовъ—и только.

Но, какъ мы видѣли выше, явленія, поскольку они наблюдаются, суть состоянія сознанія. Изъ этого вытекаетъ совершенно неизбѣжный выводъ для эмпирической доктрины: мы не можемъ выходить за предѣлы даннаго въ чувственномъ воспріятіи и должны область познаваемаго нами ограничивать отношеніями феноменовъ сознанія; слѣдовательно, не знаемъ дѣйствующихъ и конечныхъ причинъ явленій, ни того, чѣмъ были вещи прежде, нежели стали явленіями: ибо вещь, пока она еще не явилась, съ полною справедливостью можетъ быть названа дѣйствующею причиной или субстратомъ явленія. Всѣ познаваемые нами законы существующаго должны относиться къ явленіямъ, на сколько они содержатся въ сознаніи, т. е. поскольку они составляютъ звѣнья единой цѣпи состояній нашего сознанія. Всякія мои предположенія о явленіяхъ, прямо не наблюдаемыхъ, должны утверждать не болѣе возможности существованія ихъ въ этой цѣпи въ прошломъ или будущемъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Черезъ это и законъ причинности получаетъ особое опредѣленіе: законъ причинности есть общее выраженіе закономѣрности въ природѣ; если отдѣльные законы природы утверждаютъ лишь неизмѣнную послѣдовательность тѣхъ или другихъ явленій, то и законъ причинности, поскольку онъ оправдывается индукціей, есть *законъ неизмѣнной послѣдовательности явленій, и только однихъ явленій*. Неизмѣнно предшествующій феноменъ есть причина, неизмѣнно за нимъ слѣдующій—дѣйствіе. Очевидно, на основаніи этого закона мы съ полнымъ правомъ можемъ заключать къ явленіямъ сознанія; но мы нелогично расширимъ и совершенно извратимъ его смыслъ, если захотимъ дѣлать выводы къ причинамъ дѣйствующимъ, конечнымъ или субстанціальнымъ, такъ какъ имъ признается только *феноменальная причинность*.

Теперь взглянемъ на предметъ съ другой стороны: какъ смотритъ на причинность обыкновенное сознаніе, а за нимъ и философія (ибо философія, конечно, отправляется отъ общаго сознанія и только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи можетъ иногда придти къ идеямъ, отличнымъ отъ воззрѣній обыкновеннаго здраваго

смысла)? Не нужно большаго труда, чтобы замѣтить, что понимание этого закона въ общемъ сознаніи такъ глубоко различается отъ выводовъ исключительнаго эмпиризма, что между ними можно отыскать лишь весьма немного точекъ соприкосновенія. Обыкновенное сознаніе понимаетъ подъ причинностью *не внѣшнее слѣдованіе явленій, а внутреннюю, изнутри опредѣляемую, связь вещей*. Съ этой точки зрѣнія причина есть не только то, что *непремѣнно предшествуетъ* слѣдствію, а что *производитъ* его. Здѣсь привносится идея *акта*, признакъ *дѣйственности* въ причинѣ. Впослѣдствіи намъ придется подробно говорить объ этой прибавкѣ къ даннымъ опыта, совершаемой нашимъ умомъ, теперь же укажемъ на одно: всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ согласиться, что словомъ *слѣдовать*, хотя бы и неизмѣннымъ образомъ, т. е. при всякихъ обстоятельствахъ одинаково, мы далеко еще не обозначаемъ всего, что разумѣется подъ словами *дѣйствовать* и *производить*. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить то чувство неловкости, которое непремѣнно овладѣваетъ каждымъ, кто серьезно захочетъ понять причинныя отношенія въ смыслѣ только неизмѣннаго слѣдованія вещей. Въ эмпирической теоріи причина, какъ феноменъ неизмѣнно-предшествующій, поставлена *рядомъ* съ слѣдствіемъ; но этимъ и кончаются ихъ взаимныя отношенія,—по своей внутренней природѣ они могутъ не имѣть ничего общаго между собой. Въ воззрѣніи здраваго смысла причина потенціально содержитъ въ себѣ дѣйствительность слѣдствія, и это послѣднее есть какъ бы лишь развитіе и осуществленіе ея собственнаго бытія. По первому взгляду, слѣдствіе есть бытіе независимое, хотя и привязанное какимъ-то внѣшнимъ рокомъ къ предшествующему явленію; по второму — слѣдствіе безъ причины есть безпочвенный, висящій въ воздухѣ, фантомъ. Непосредственный здравый смыслъ даже вовсе не принимаетъ феноменальныхъ причинъ, а знаетъ только причины дѣйствующія и субстанціальныя: субстанціальныя, когда предполагается существованіе общей основы явленій, которая изъ состоянія неопредѣленнаго переходитъ въ своихъ проявленіяхъ къ опредѣленности формъ и отношеній; дѣйствующія, когда производящее начало является уже въ опредѣленныхъ формахъ, но такихъ, которыя носятъ въ себѣ зародышъ измѣненія и движенія. При такомъ пониманіи причинной связи вещей возникаетъ непобѣдимая логическая потребность черезъ причины, которыя сами произведены, возвышаться къ непроизведенному уже и без-

условному началу всего сущаго, ибо иначе весь міръ оказался бы безвыходнымъ и сплошнымъ призракомъ; напротивъ, эмпирическое міросозерцаніе не знаетъ никакой первой причины, не находя ничего ей подобнаго въ опытѣ. Отсюда объясняется, почему философы, утверждавшіе феноменальность причинной связи, тѣмъ не менѣе тотчасъ же на дѣлѣ переходили къ противоположному взгляду, когда обращались къ началу вещей. Такъ Кантъ въ своей *вещи самой по себѣ*, очевидно, разумѣетъ дѣйствующую причину явленій. Воля Шопенгауэра, какъ ни старается онъ освободить ее отъ всякой примѣси причинныхъ отношеній, все-таки должна быть понята какъ субстанціальная причина существующаго.

Итакъ, различіе двухъ пониманій закона причинности—обыкновеннаго (оно же и метафизическое) и эмпирическаго — нужно привести къ слѣдующему: *по первому—это законъ объективный*, т. е. *относящійся не къ однимъ явленіямъ*, *но и вещамъ, всеобъемлющій и выражающій внутреннюю связь сущаго; по второму—это законъ феноменальный*, *иначе сказать субъективный*, *обнимаетъ только область сознанія и выражаетъ лишь внѣшнее слѣдованіе состояній нашего духа.*

Все это, можетъ-быть слишкомъ отвлеченное, разсужденіе было необходимо намъ, чтобы правильно и отчетливо отвѣтить на такой вопросъ: различающіяся отъ меня сознающія существа суть ли феноменальныя или дѣйствующія причины моихъ душевныхъ состояній?

Феноменальная причина какого-нибудь моего душевнаго состоянія есть нѣкоторое другое состояніе моего духа, которое или предшествовало, или, при извѣстныхъ условіяхъ, могло предшествовать первому въ нити наблюдающаго сознанія: *состояніе духа*— потому, что феноменальною причиной можетъ быть только явленіе; *въ нити наблюдающаго сознанія* — потому, что лишь путемъ наблюденія индуктивно выводима причинная связь двухъ явленій. Иными словами, феноменальная причина должна быть явленіемъ, принадлежащимъ или могущимъ принадлежать къ той же нити состояній сознанія, къ какой и слѣдствіе. Но чужое душевное состояніе, соотвѣтствующее какому-либо воспринимаемому мною измѣненію чужаго тѣла, подходитъ ли подъ это опредѣленіе?— Слишкомъ очевидно, что нѣтъ. Возмемъ разбираемый Миллемъ примѣръ ребенка, обрѣзавшаго ножомъ себѣ руку. Сначала я, положимъ, видѣлъ, какъ ребенокъ игралъ съ ножомъ, потомъ я услыхалъ его крикъ. Явилась извѣстная преемственность ощу-

щеній зрительныхъ и слуховыхъ. Въ какомъ смыслѣ я могу допустить, какъ посредствующее звѣно между ними, ощущеніе боли въ чужомъ сознаніи? Оно не наблюдается мною непосредственно, то-есть оно не есть мое дѣйствительное воспріятіе. Допустить ли мнѣ его въ смыслѣ возможнаго, хотя бы при невыполнимыхъ условіяхъ, моего воспріятія?—Но тогда это воспріятіе будетъ уже мое, а не чужое. Вообще можно ли мои зрительныя и слуховыя воспріятія и чужое ощущеніе боли въ сколько-нибудь понятномъ значеніи словъ поставить въ *одинъ* преемственный рядъ душевныхъ состояній?—Явно, нѣтъ, ибо ощущеніе боли принадлежитъ къ другой нити душевныхъ состояній, составляющей сознаніе ребенка, а не къ моей. Ребенокъ можетъ имѣть зрительныя впечатлѣнія отъ ножа и слуховыя отъ своего крика, подобныя моимъ; но все же это будутъ *его* впечатлѣнія и между ними-то, какъ звѣно преемственнаго ряда, будетъ стоять *его* же ощущеніе боли. Признавая независимое существованіе болѣзненнаго впечатлѣнія въ немъ, я тѣмъ самымъ предполагаю уже не отсутствующее звѣно въ серіи моихъ дѣйствительныхъ ощущеній, а самобытное существованіе цѣлой серіи, отличной отъ моей,—сталобыть утверждаю не послѣдовательность нѣсколькихъ явленій, а *совмѣстность двухъ сознаній*. Но два сознанія никакъ не могутъ находиться другъ къ другу въ отношеніяхъ феноменальной причинности: мы ихъ никогда не можемъ наблюдать вмѣстѣ, такъ какъ всякое конкретное наблюденіе подразумѣваетъ непремѣнно одно сознаніе, а между тѣмъ феноменальная причинность есть именно *причинность наблюдаемая*. Если же такимъ образомъ во взаимномъ отношеніи двухъ сознаній нѣтъ мѣста феноменальной причинности, то надо предположить какой-нибудь другой видъ причинной связи между ними. Ибо нельзя мыслить ихъ совсѣмъ внѣ всякой связи между собой: чтобы признать, что въ соотвѣтствіе съ нашими внѣшними воспріятіями совершаются внутреннія перемѣны въ нѣкоторыхъ отличныхъ отъ насъ существахъ, не довольно утверждать простую *совмѣстность* многихъ сознаній,—къ этому нужно еще прибавить взаимное отраженіе состояній въ этихъ различныхъ сознаніяхъ. А такое отраженіе состояній не будетъ ли объективною связью и каждое сознаніе не представится ли тогда или субстратомъ, или дѣйствующею причиной для явленій въ чужомъ сознаніи? Дѣйствительно, разъ принявши, что вся вселенная есть совокупность сознающихъ центровъ, совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга и однако одно-

временно имѣющихъ сходныя представленія,—необходимо мыслить нѣкоторую таинственную силу, связывающую ихъ, подобно тому, какъ Беркли рядомъ съ міромъ конечныхъ духовъ долженъ былъ признать божество, въ смыслѣ вѣчнаго источника ихъ идей, потому что иначе все наше понятіе о существующемъ будетъ страдать неисцѣлимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. А предположить что-нибудь въ этомъ родѣ—не значитъ ли совершить самый полный переходъ въ сферу чистой метафизики?

Итакъ, съ точки зрѣнія безусловнаго эмпиризма, мы не имѣемъ права приписать бытіе *никакимъ объективнымъ вещамъ*, будутъ ли то существа матеріальнаго или духовнаго порядка. А изъ этого съ совершенной очевидностью слѣдуетъ, что вообще признаніе какого бы то ни было субстрата нашихъ внутреннихъ измѣненій выходитъ за предѣлы возможныхъ индуктивныхъ выводовъ и не должно имѣть мѣста въ философіи по существу своему индуктивной. На дѣлѣ мы, впрочемъ, видимъ не совсѣмъ это. Философы наиболѣе скептическіе и по преимуществу защищающіе принципъ исключительнаго опыта обыкновенно начинаютъ свои разсужденія слѣдующимъ тезисомъ: мы не знаемъ вещи въ себѣ, и такъ какъ всѣ наши познанія ограничиваются областью явленій, то они совершенно относительны. Въ самой рѣзкости, съ которою утверждаютъ въ такихъ случаяхъ относительность знанія, очевидно, скрывается задняя мысль о твердомъ и непремѣнномъ существованіи *вещи въ себѣ* за міромъ явленій. Но что отвѣтили бы эти философы, еслибъ ихъ спросили: почему они увѣрены, что вещь въ себѣ существуетъ, и почему, съ другой стороны, они считаютъ ее безусловно-непознаваемою, когда знаютъ положительнымъ образомъ, что она и существуетъ, и обладаетъ качествами, дѣлающими ее во всемъ непохожею на явленія? Развѣ эти признаки не даютъ о ней уже нѣкоторой опредѣленной идеи? Я думаю, что имъ было бы очень трудно представить удовлетворительныя объясненія на оба эти вопроса, особенно на первый. Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эмпиризма всякое представленіе, вытекающее изъ не феноменальнаго пониманія закона причинности, есть одинаково фикція, все равно, будь оно бѣдно или богато содержаніемъ, и разсуждающіе о непроницаемой вещи въ себѣ должны были бы, прежде всѣхъ другихъ, причислить себя къ разряду метафизиковъ, и метафизиковъ самыхъ отвлеченныхъ.

Перейдемъ теперь къ третьему и послѣднему вопросу: индуктивная философія можетъ ли по внутреннему смыслу своихъ

началъ приписать какимъ-нибудь истинамъ характеръ безусловной всеобщности?

Отвѣтъ на него не можетъ насъ задержать долго, такъ какъ защитники эмпирической философіи болѣе или менѣе единогласно отвѣчаютъ на него отрицательно. Они говорятъ только объ относительной всеобщности нѣкоторыхъ истинъ для нашего опыта, о практической невѣроятности встрѣтить въ наблюдаемомъ мірѣ имъ противорѣчащіе факты, но рѣдко идутъ далѣе. Напротивъ, отвлеченная возможность противорѣчащихъ случаевъ предполагается ими для самыхъ повидимому несомнѣнныхъ обобщеній, каковы, напримѣръ, аксіомы математики или законъ причинности. Вотъ слова Милля объ этомъ законѣ: «Единообразіе въ послѣдовательности событій, иначе называемое закономъ связи причины со слѣдствіемъ, должно признавать закономъ не вселенной, а лишь той ея части, которая доступна нашимъ средствамъ, съ разсудительною степенью распространенія на случаи смежные. Простирать это единообразіе дальше—значитъ строить бездоказательное предположеніе, и, за отсутствіемъ всякаго опытнаго основанія для измѣренія вѣроятности этого предположенія, мы тщетно пытались бы приписать ему какую-нибудь вѣроятность». Если область закона причинности такъ тѣсно ограничена, то тѣмъ справедливѣе признать это для другихъ болѣе частныхъ законовъ природы, которые представляютъ собою лишь частныя выраженія причинныхъ связей явленій.

Внутренняя логика такого вывода неопровержима. Какъ бы ни было хорошо обставлено индуктивное обобщеніе, оно всегда носитъ въ себѣ одинъ совершенно неустранимый недостатокъ: посылками его всегда останутся лишь частные случаи, быть-можетъ весьма многочисленные, но все же выражаемые конечнымъ числомъ, а заключеніе содержитъ мысль о всѣхъ случаяхъ извѣстной категоріи, прошлыхъ и будущихъ, и, если слово *всѣ* понимать буквально, въ ихъ безконечномъ количествѣ. Слишкомъ очевидно, что логическій объемъ заключенія безгранично превышаетъ объемъ всѣхъ посылокъ, вмѣстѣ взятыхъ. Между содержаніемъ послѣднихъ и общимъ выводомъ — цѣлая бездна, которая никогда не можетъ быть вполнѣ закрыта *). Вопросъ:

---

*) Идея единообразія природы, выставляемая Миллемъ, какъ высшее оправданіе индуктивнаго умозаключенія, сама, очевидно, есть уже продуктъ обобщенія, и обобщенія весьма широкаго, слѣдовательно уже *подразумѣваетъ* правомѣрность индукціи, а *не создаетъ* этой правомѣрности.

почему, принявъ посылки индуктивнаго умозаключенія, я съ тою же увѣренностью долженъ принять и выводъ изъ нихъ, когда одно другому никакъ не равняется (въ чемъ коренное отличіе индукціи отъ дедукціи),—всегда останется безъ настоящаго отвѣта. Юмъ, котораго со всѣмъ правомъ можно назвать глубочайшимъ выразителемъ началъ эмпиризма (ибо глубина мысли, конечно, должна измѣряться вѣрностью основной идеѣ), такъ опредѣляетъ вышеописанный недостатокъ всякой индукціи: «Что касается прошлаго опыта, то онъ даетъ непосредственно-достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ и о томъ времени, которые онъ обнималъ собой; но почему же этотъ опытъ долженъ быть распространенъ и на другія вещи, которыя только во внѣшнемъ проявленіи равняются первымъ?... Слѣдующія два сужденія высказываютъ далеко не одно и то же: *я нашелъ, что эта вещь всегда была связана съ этимъ дѣйствіемъ*, и—*я предвижу, что другія, повидимому похожія на первую, вещи будутъ связаны съ дѣйствіями, повидимому также сходными*. Связь этихъ двухъ предложеній прямо не усматривается,—необходимо нѣчто посредствующее, что уполномочило бы нашъ духъ сдѣлать такой выводъ, если онъ вообще долженъ опираться на разумныя основанія. Но я долженъ признаться, что это посредствующее начало превышаетъ мой умъ».

Можетъ-быть приговоръ Юма очень строгъ; можетъ-быть возразятъ, что если *идея связи* какимъ-нибудь путемъ уже возникла въ человѣческомъ умѣ, то мы ее будемъ примѣнять ко всѣмъ случаямъ сосуществованія съ аналитическою необходимостью, и, слѣдовательно, заключеніе къ будущимъ опытамъ не явится логически-необъяснимымъ актомъ ума, а получитъ значеніе разумной вѣроятности. Но Юмъ правъ въ томъ смыслѣ, что мы въ своихъ выводахъ по наведенію дальше такой вѣроятности идти не можемъ; причемъ эта вѣроятность будетъ имѣть нѣчѣмъ непобѣдимыя границы. Непосредственно данная связь двухъ фактовъ (и всякое индуктивное умозаключеніе въ концѣ концовъ основывается на такой непосредственно данной связи) сама по себѣ ничего не говоритъ за свою прочность и безусловность. Многократное ея наблюденіе при устраненіи всѣхъ случайныхъ обстоятельствъ усиливаетъ нашу вѣру въ ея прочность до такой степени, что мы можемъ съ полною вѣроятностью ожидать ея повторенія въ неопредѣленно-большомъ количествѣ случаевъ, даже пожалуй во всѣхъ случаяхъ доступнаго намъ опыта; но больше этого мы не

въ состояніи получить. Когда мы наблюдали только одинъ случай последовательности или совмѣстности какихъ-нибудь явленій, мы можемъ считать повтореніе ихъ связи вѣроятнымъ лишь для немногихъ будущихъ случаевъ; когда наблюденіе произошло уже очень много разъ, и при этомъ въ разнородныхъ условіяхъ, сообразно съ этимъ возрастетъ и количество вѣроятныхъ повтореній. Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ примѣрѣ количество будущихъ случаевъ равно далеко отстоитъ отъ *истинной безконечности*, т.-е. мы одинаково не можемъ быть увѣрены, что въ *дѣйствительно-безконечномъ рядѣ* повтореній связь явленій ни разу не будетъ нарушена, потому что и одна единица, и невообразимо большое, однако конечное, число единицъ одинаково малы сравнительно съ безконечною величиною. Неизмѣнность какого угодно сочетанія явленій теряетъ всякую вѣроятность, если мы захотимъ перенести его въ безграничность пространства и времени существующей вселенной. Какъ бы мы ни изолировали наблюдаемое явленіе отъ сопровождающихъ случайныхъ обстоятельствъ, мы никогда не освободимся отъ двухъ изъ нихъ: отъ краткости времени всѣхъ человѣческихъ наблюденій и—отъ ограниченности той части міра, которая имъ подлежитъ. Но еслибы человѣческій родъ существовалъ уже милліоны разъ долѣе, еслибъ утонченность нашихъ чувствъ и наше могущество надъ природою были несравненно больше, еслибы нашимъ изслѣдованіямъ подлежала гораздо обширнѣйшая часть вселенной,—мы все-таки не приблизились бы ни на одинъ шагъ къ опытному знанію вѣчныхъ законовъ міра въ безконечности его пространства и времени.

Итакъ, разсмотрѣвши основныя начала *исключительнаго* (т.-е. не допускающаго никакихъ другихъ началъ) *эмпиризма*, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: эта форма философіи, чтобъ остаться вѣрною своимъ идеямъ, должна не только *отвергнуть знаніе* дѣйствительныхъ вещей и ихъ безусловныхъ законовъ, но и объявить самое *существованіе* этихъ вещей и законовъ недостойною довѣрія фикціей ума. Кому этотъ выводъ покажется и теперь еще страннымъ и неубѣдительнымъ, тѣхъ приглашаемъ еще разъ пересмотрѣть весь путь, которымъ мы дошли до него. Вѣдь все наше подробное и длинное доказательство (а его по необходимости пришлось сдѣлать такимъ, чтобы не осталось недоразумѣній) высказывается въ слѣдующихъ немногихъ посылкахъ: эмпирическая философія есть та, которая всю доступную намъ истину ограничиваетъ сферою наблюдаемыхъ явленій и индуктив-

ными обобщеніями изъ нихъ; но наблюдаемыя явленія суть состоянія души, а индуктивныя обобщенія выражають только правила ихъ послѣдовательности и сосуществованія; слѣдовательно, для этой философіи все, что не есть состояніе наблюдающаго духа, и непознаваемо, и не содержитъ никакой истины, а стало-быть не имѣетъ и положительныхъ признаковъ и между ними признака бытія. Противъ посылокъ не станетъ спорить никто изъ называющихъ себя защитниками эмпирической доктрины хотя съ малѣйшимъ основаніемъ. А правильно ли сдѣлано заключеніе изъ этихъ посылокъ, предоставляемъ судить читателю.

Во что же обратится знаніе съ такой точки зрѣнія? Это слово должно получить совсѣмъ необычный смыслъ въ устахъ истинно эмпирическаго философа. Какъ бы удивился каждый не искушенный въ философскихъ тонкостяхъ человѣкъ, еслибъ ему сказали, что вся наука должна ограничиться областью состояній наблюдающей души (а по отношенію къ нему—его собственными единоличными душевными состояніями) и не идти никуда далѣе? А между тѣмъ слѣдуетъ именно это, если правильна эмпирическая постановка вопроса. Говорятъ, что эмпиризмъ, ограничивая область познаваемаго, выигрываетъ въ точности результатовъ и научности методовъ. Можетъ быть. Но надо помнить и другое: наука двигается не одними методами, а и другою силой уже психологическаго порядка—глубокимъ интересомъ и любовью къ истинѣ. Конечно, благодаря этой силѣ, наука получила столь широкое и выдающееся мѣсто въ жизни человѣчества. А подъ этой искомою истиной разумѣется то, что скрыто отъ нашего прямаго усмотрѣнія, что помимо насъ и внѣ насъ существуетъ, въ чемъ лежитъ разгадка нашего бытія и безконечнаго разнообразія нашей душевной жизни,—міръ дѣйствительный въ противоположность субъективному и кажущемуся. Но если отрицается не только познаваемость истины, но и самое существованіе ея, во что обратится наука?—Она будетъ простою классификаціей душевныхъ перемѣнъ по сходству ихъ внѣшнихъ отношеній,—перемѣнъ, которыя мы и безъ того знаемъ до-тла, потому что сами ихъ составляемъ и изъ нихъ состоимъ. Такая наука можетъ имѣть практическое значеніе, какъ могущественное орудіе для достиженія нашихъ цѣлей, какъ мѣрило при выборѣ между желательнымъ и нежелательнымъ; но мы сильно сомнѣваемся, чтобъ она могла дать удовлетвореніе высшему теоретическому интересу нашего духа. По отношенію къ этому интересу эмпи-

рическая философія въ своемъ истинномъ видѣ, со всѣмъ своимъ богатствомъ опытныхъ обобщеній, со всею точностью своихъ методовъ, со всѣмъ своимъ утилитарнымъ могуществомъ—есть скептицизмъ самый смѣлый, неудобовмѣстимый и безотрадный, въ корнѣ отрицающій то, что мы привыкли обозначать подлиннымъ именемъ знанія. Впрочемъ, даже называя ее скептицизмомъ, мы говоримъ слишкомъ много: скептицизмъ есть сомнѣніе въ познавательныхъ силахъ человѣка, но онъ не содержитъ необходимаго отрицанія объективной дѣйствительности. Истинный эмпиризмъ, какъ мы видѣли, идетъ далѣе; міросозерцаніе этой странной и въ чистой своей формѣ еще небывалой философіи всего справедливѣе нужно назвать *абсолютнымъ нигилизмомъ*, конечно, разумѣя этотъ терминъ лишь въ философскомъ, а не политическомъ смыслѣ.

Но, возразятъ намъ, вѣдь такой истинной формы эмпирической доктрины нигдѣ ни въ одной изъ дѣйствительно существующихъ школъ не отыщется: зачѣмъ же было такъ подробно говорить о ней и какое она можетъ имѣть значеніе для рѣшенія спора между философіей и позитивизмомъ?—Именно затѣмъ, что мы вовсе и не имѣли въ виду никакой существующей школы. Когда мы видимъ, что какому-нибудь предмету дано одностороннее опредѣленіе, что однимъ его свойствомъ хотятъ заслонить всѣ остальныя, самый лучшій пріемъ критики—постараться провести это опредѣленіе черезъ все разнообразіе свойствъ изучаемаго предмета, и неудача попытки докажетъ невѣрность опредѣленія наиболѣе осязательнымъ образомъ. Въ настоящее время, когда убѣжденіе, что эмпирическая наука должна совсѣмъ вытѣснить философію, сдѣлалось господствующимъ, — критическое разсмотрѣніе эмпиризма въ его общихъ началахъ есть наиболѣе вѣрный способъ узнать, точно ли совпадаетъ понятіе объ эмпирическомъ познаніи съ нашими требованіями отъ истины; въ связи съ этимъ находится и методическій вопросъ: точно ли индукція есть единственный и вполнѣ достаточный критерій достовѣрности.

Послѣ того, какъ мы опредѣлили естественныя границы знанія по существу эмпирическаго, само собою обнаруживается, въ чемъ должна состоять задача метафизики. Если первому подлежатъ явленія въ строго субъективномъ смыслѣ, то къ метафизикѣ отойдетъ *знаніе всякой дѣйствительности;* въ противоположность знанію феноменальному, она будетъ *знаніемъ дѣйствительныхъ вещей.*

Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобъ эмпирическое знаніе было навсегда осуждено имѣть дѣло только съ призрачнымъ міромъ субъективныхъ представленій и чтобы всякое сужденіе объ явленіяхъ дѣйствительнаго міра должно было непремѣнно оставаться чисто-метафизическимъ сужденіемъ. Отношеніе эмпирической науки къ метафизикѣ можетъ быть совсѣмъ инымъ. Метафизика можетъ представлять изъ себя лишь совокупность основоположеній разума, опредѣляющихъ общую природу дѣйствительно-сущаго и его отношенія къ міру нашихъ воспріятій. Тогда и эмпирическое изученіе природы получитъ совершенно реальный и объективный смыслъ, но не силою собственной природы, а помощію высшаго начала. Метафизика во всякомъ случаѣ должна занять положеніе центральное и регулирующее среди другихъ наукъ.

Но возможна ли она?—На этотъ вопросъ мы еще не въ состояніи отвѣтить. Съ полнымъ правомъ мы можемъ сказать только слѣдующее: *или научное знаніе какой бы то ни было дѣйствительности совершенно не мыслимо, или метафизика должна быть наукою.*

Но здѣсь подымается одно очень важное возраженіе: нужна ли особая наука, чтобы доказывать то, въ чемъ и безъ нея каждый убѣжденъ непосредственно? Развѣ каждый изъ насъ не увѣренъ вполнѣ, что онъ не одинъ на свѣтѣ, что существуетъ внѣшняя матеріальная природа и т. д.? Не достаточно ли этой вѣры, чтобъ эмпирическое знаніе потеряло свой исключительно субъективный характеръ? Этимъ самымъ ставится уже совершенно новый вопросъ, который выразимъ такъ: *вѣра есть ли достаточный источникъ дѣйствительнаго знанія?*

Л. Л—нъ.

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава восемнадцатая *).

Черезъ ворота въ необозримо-длинной стѣнѣ изъ необожженныхъ кирпичей Селена вступила на обширную площадь, занятую дворами, цистернами и зданіями папирусной фабрики Плутарха, куда она ходила работать съ сестрой. Обыкновенно, ей достаточно было четверти часа, чтобы достигнуть фабрики; сегодня же она употребила на это вчетверо болѣе времени и то еще удивлялась, какъ ей удалось держаться на ногахъ и, хромая и спотыкаясь, подвигаться впередъ.

Она готова была опереться на каждаго прохожаго, повиснуть на каждой проѣзжавшей мимо повозкѣ, на каждомъ вьючномъ животномъ; но безжалостно и не обращая на нее вниманія шли своею дорогой и человѣкъ и животное.

Не разъ толкали ее спѣшившіе на фабрику рабочіе, даже едва оглядываясь, когда она съ тихимъ стономъ опускалась на ближайшее крыльцо, тумбу или тюкъ, чтобъ осушить глаза или слегка нажать ладонью сильно распухшую ногу. Дѣлая это, она думала, благодаря новой боли, хотя на мгновенье забыть прежнюю однообразную, невыносимую муку.

Уличные мальчишки, преслѣдовавшіе ее своими насмѣшками, наконецъ, отстали отъ нея, когда она стала часто останавливаться.

Женщина съ ребенкомъ на рукахъ, увидавъ ее на порогѣ какого-то дома, спросила, что̀ съ ней, но прошла мимо, когда Селена, не давъ отвѣта, только покачала головой. Разъ ей по-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

казалось, что ее окончательно затолкають, такъ какъ дорогу внезапно загородила шумная, веселая толпа любопытныхъ—дѣтей, женщинъ и мужчинъ: надменный Веръ проѣзжалъ на своей колесницѣ, и что это была за колесница!... Жители Александріи привыкли видѣть много чудеснаго на оживленныхъ улицахъ своего многолюднаго города; но этотъ экипажъ все-таки обращалъ на себя всеобщее вниманіе и всюду, гдѣ бы ни показывался, возбуждалъ удивленіе, восторгъ, веселость, а нерѣдко—и горькую насмѣшку.

Стоя на своей раззолоченной колесницѣ, красивый римлянинъ правилъ четверней бѣлыхъ коней. На головѣ его былъ вѣнокъ, черезъ плечо—гирлянда изъ розъ. На подножкѣ колесницы сидѣло двое прелестныхъ, одѣтыхъ амурами, дѣтей. Ножки ихъ болтались въ воздухѣ, а въ ручкахъ они держали на длинныхъ золотыхъ проволокахъ бѣлыхъ голубей, которые летѣли передъ Веромъ. Густая толпа, стремившаяся за колесницей, безжалостно прижала Селену къ стѣнѣ.

Не обращая вниманія на рѣдкое зрѣлище, бѣдняжка закрыла лицо руками, чтобы скрыть исказившіяся отъ боли черты. Тѣмъ не менѣе блестящая колесница, раззолоченная упряжь коней, образъ надменнаго римлянина—все это промелькнуло какъ сновидѣніе передъ ея отуманенными болью взорами. Горькое враждебное чувство проснулось въ ея утомленной горемъ и страданьемъ душѣ и ей пришло на мысль, что одни удила этихъ богатоукрашенныхъ коней могли бы на цѣлый годъ спасти ее и всю семью отъ нищеты.

Когда поѣздъ, сопровождаемый толпой, завернулъ за ближайшій уголъ улицы, ее едва не сбили съ ногъ. Идти дальше она не могла и стала искать глазами носилокъ, которыхъ сегодня, какъ нарочно, нигдѣ не было видно. До фабрики оставалось не болѣе ста шаговъ, но въ ея воображеніи разстояніе это представлялось въ нѣсколько стадій.

Нѣсколько рабочихъ и работницъ, возвращаясь съ фабрики, прошли мимо нея.

Они громко смѣялись, показывая другъ другу только-что полученную плату.

Раздача денегъ была, слѣдовательно, въ полномъ разгарѣ.

По положенію солнца она узнала, какъ долго была въ дорогѣ, и вспомнила, зачѣмъ шла на фабрику.

Собравъ последнія силы, хромая, она протащилась еще нѣсколько шаговъ; но энергія скоро снова покинула ее. Въ эту минуту ей повстрѣчалась маленькая дѣвочка, прислуживавшая за столомъ, за которымъ она обыкновенно работала съ Арсиноей; маленькая, смуглая египтянка бѣжала куда-то съ кружкой въ рукахъ.

— Пожалуйста, Гаторъ,— сказала Селена, окликнувъ ребенка,—дойди со мной до фабрики; я не могу идти дальше одна, такъ страшно болитъ у меня нога. Если я слегка обопрусь на твое плечо, мнѣ станетъ легче.

— Не могу,—отвѣчала дѣвочка.—Если я скоро вернусь, мнѣ дадутъ финиковъ.

Съ этими словами она побѣжала дальше.

Селена посмотрѣла ей вслѣдъ и въ ней заговорилъ внутренній голосъ, съ которымъ ей не въ первый разъ приходилось бороться сегодня,—голосъ, спрашивавшій ее, почему именно она должна страдать и мучиться за другихъ, тогда какъ остальные люди думаютъ только о себѣ.

Со вздохомъ попыталась она продолжать путь.

Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, не видя и не слыша ничего, что происходило кругомъ, какъ услышала за собой голосъ дѣвушки, которая робко и ласково спрашивала, что съ ней. Это была работница, сидѣвшая на фабрикѣ напротивъ нея, бѣдное, горбатое созданіе, которое всегда весело работало своими ловкими пальцами и вначалѣ научило Селену и Арсиною многимъ полезнымъ пріемамъ.

Не дожидаясь просьбы, дѣвушка сама предложила Селенѣ опереться на ея кривое плечо и такъ ловко соразмѣряла свои шаги съ шагами больной, что казалось она сама испытывала одинаковую съ нею боль.

Такимъ образомъ, не говоря другъ съ другомъ, онѣ достигли воротъ фабрики.

На первомъ дворѣ горбунья заставила Селену присѣсть на связку папирусовыхъ стеблей, которые лежали, разсортированные и сложенные грудами, подлѣ обширныхъ водохранилищъ, гдѣ промывали эти растенія.

Отдохнувъ немного, онѣ прошли залу, гдѣ трехгранные зеленые стебли сортировались по качеству заключавшейся въ нихъ мягкой сердцевины.

Въ слѣдующихъ помѣщеніяхъ рабочіе отдѣляли зеленую оболочку стеблей отъ сердцевины; дальше, въ длинныхъ залахъ, особенно ловкіе мастера разрѣзали сердцевину острыми ножами на длинныя сырыя полосы, шириной въ палецъ и различной толщины.

Чѣмъ дальше подвигалась Селена, тѣмъ безконечнѣе казались ей эти комнаты.

Обыкновенно по длинному проходу то и дѣло сновали рабы, относившіе готовыя полосы въ сушильню, а по правую и лѣвую стороны сидѣли длинными рядами, каждый за своимъ столикомъ, разрѣзавшіе сердцевину рабочіе; сегодня большинство ихъ покинуло свои мѣста и стояло, болтая между собой или укладывая свои инструменты, ножи, бруски.

Не дошли дѣвушки и до половины этой комнаты, какъ рука Селены спустилась съ плеча ея спутницы,—ей сдѣлалось дурно.

— Я не могу больше,—прошептала она едва внятно.

Горбунья поддерживала ее, какъ могла, и несмотря на то, что она сама не была сильна, ей все-таки удалось почти донести Селену до свободной скамейки.

Нѣсколько рабочихъ собралось вокругъ лежавшей безъ чувствъ дѣвушки и одинъ изъ нихъ принесъ воды; когда больная снова открыла глаза и окружавшіе ее узнали, что она работаетъ въ томъ отдѣленіи, гдѣ готовыя полосы папируса склеиваются вмѣстѣ, нѣкоторые изъ нихъ предложили отнести ее туда.

Не дождавшись согласія Селены, они подняли ее вмѣстѣ со скамьей и раненая нога повисла въ воздухѣ, причиняя дѣвушкѣ такую боль, что она громко вскрикнула. Спутница Селены незамедлила оказать ей помощь, взяла въ руку ея ногу и осторожно, съ нѣжною заботливостью, поддерживала ее.

Всѣ взоры обратились на дѣвушку, которую мужчины несли словно въ тріумфальномъ шествіи; больная чувствовала это, но ей казалось, будто она преступница, которую для позора возятъ по городу.

Въ большой мастерской, гдѣ по одну сторону мужчины, а по другую—ловкія и проворныя дѣвушки и женщины склеивали въ листы крестообразно положенныя другъ на друга, уже высушенныя, узкія полосы папируса, Селена почувствовала себя достаточно сильной, чтобъ опустить густое покрывало на свое покрытое яркою краской лицо.

Чтобъ оставаться неузнанными, Арсиноя и она всегда проходили эти комнаты съ закрытыми лицами и снимали свои покрывала только въ маленькомъ покоѣ, гдѣ онѣ работали вмѣстѣ съ двадцатью другими женщинами. Теперь всѣ ее разглядывали съ удивленіемъ и любопытствомъ.

Какъ ни ныла ея нога, какъ ни горѣла рана на головѣ, какъ ни чувствовала она себя несчастной, все же глупая нищенская гордость, унаслѣдованная ею отъ отца, и унизительное сознаніе, что всѣ эти ничтожные люди считаютъ ее за равную себѣ, тревожили ея наболѣвшую душу.

Въ ея мастерской работали только свободныя женщины, но вѣдь на фабрикѣ было болѣе тысячи рабовъ, а для нея имѣть съ ними что-либо общее было такъ же тяжело, какъ согласиться ѣсть изъ одного корыта съ животными.

Однажды, когда дома положительно не было куска хлѣба, отецъ ея самъ неосторожно обратилъ ея вниманіе на фабрику, съ негодованіемъ разсказавъ, какъ дочери какого-то обѣднѣвшаго гражданина унижали себя и все ихъ сословіе, занимаясь изъ-за денегъ выдѣлкою папируса. Правда, имъ отлично платятъ, говорилъ онъ и на вопросъ Селены назвалъ имя богатаго фабриканта, купившаго на свое золото ихъ гражданскую честь.

Вскорѣ послѣ этого разговора Селена одна отправилась на фабрику, переговорила обо всемъ необходимомъ съ управляющимъ и затѣмъ начала вмѣстѣ съ Арсиноей свою работу въ мастерской, гдѣ онѣ, вотъ уже два года, изо дня въ день по нѣскольку часовъ склеивали готовыя полосы папируса.

Какъ часто Арсиноя, въ началѣ новой недѣли или когда работа становилась ей почему-либо особенно противной, отказывалась слѣдовать за сестрой на фабрику и сколько краснорѣчія приходилось тратить Селенѣ, сколько новыхъ лентъ, сколько билетовъ въ театръ, стоившихъ чуть ли не половину цѣлой недѣльной платы, покупала она, чтобы склонить Арсиною продолжать работу и не приводить въ исполненіе своей угрозы разсказать отцу, куда направлялись онѣ во время своихъ такъ-называемыхъ прогулокъ.

Когда Селена, донесенная до дверей мастерской, снова сидѣла на своей обычной скамьѣ передъ длинною доской, на которой были сложены для склеиванія цѣлыя груды готовыхъ листковъ папируса, у нея едва хватило силы откинуть съ лица покрывало.

Она взяла, однако, верхній листокъ, обмакнула кисточку въ стклянку съ клеемъ и начала уже намазывать края листа, какъ силы ее оставили, работа выпала изъ рукъ; она положила руки на столъ, спрятала въ нихъ лицо и тихо заплакала. Все обильнѣе текли слезы по ея щекамъ, плечи судорожно подергивались и дрожь пробѣгала по всему ея молодому тѣлу.

Женщина, сидѣвшая напротивъ Селены, подозвала къ себѣ горбунью, шепнула ей что-то на ухо, крѣпко и ласково пожала ей руку и посмотрѣла ей въ лицо своими безстрастными, но ясными и блестящими глазами. Горбунья молча сѣла тогда на пустое мѣсто Арсинои подлѣ Селены, подвинула женщинѣ меньшую половину лежавшихъ передъ нею листковъ—и обѣ принялись усердно клеить.

Долго занимались онѣ этою работой, когда Селена подняла, наконецъ, голову и снова попробовала взяться за кисточку.

Оглянувшись, она замѣтила подлѣ себя свою бывшую спутницу, которую она даже и не поблагодарила за оказанную ей помощь. Вопросительно посмотрѣла она на свою сосѣдку, все еще влажными отъ слезъ глазами, но та, поглощенная своею работой, не замѣтила этого взгляда.

— Это мѣсто моей сестры,—скорѣе удивленно, чѣмъ ласково, сказала Селена. — Сегодня ты можешь тутъ сидѣть, но завтра, когда начнется работа, она снова будетъ подлѣ меня.

— Знаю, знаю,—робко возразила работница.—Я только склеиваю ваши полосы, потому что мнѣ нечего болѣе дѣлать, а у тебя такъ болитъ нога.

— Такой поступокъ былъ для Селены чѣмъ-то до того новымъ и дикимъ, что она даже не поняла своей сосѣдки и пожала плечами.

— Мнѣ, конечно, все равно,—сказала она.—Заработывай для себя сколько хочешь, потому что я, очевидно, ничего не сдѣлаю сегодня.

Горбунья слегка покраснѣла и нерѣшительно взглянула на сидѣвшую противъ нея женщину. Послѣдняя тотчасъ же отложила въ сторону кисточку и проговорила, обращаясь къ Селенѣ:

— Марія не то хотѣла сказать, милое дитя! Она взялась сдѣлать одну половину твоей работы, а я другую, чтобы страданья не лишили тебя твоей сегоднешней платы.

— Развѣ я кажусь такою бѣдною?—спросила дочь Керавна, и легкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ.

— Конечно, нѣтъ, милая,—возразила женщина:—вы съ сестрой, безъ сомнѣнья, изъ хорошаго дома, но все-таки позволь намъ имѣть удовольствіе тебѣ помочь.

— Я, право, не знаю...—пробормотала Селена.

— Еслибы вѣтеръ сдулъ эти листки на землю, развѣ бы ты, зная, что мнѣ трудно нагибаться, не подняла ихъ охотно для меня?—спросила женщина.—То, что мы дѣлаемъ теперь для тебя, не меньше, но и не больше этого. Черезъ нѣсколько минутъ мы кончимъ и тогда можемъ уйти, какъ прочія работницы. Я, какъ ты знаешь, ваша надзирательница и должна безъ того оставаться здѣсь, пока есть кто-нибудь въ мастерской.

Селена хорошо чувствовала, что должна быть благодарной за ласку, которую ей оказывали эти двѣ женщины, а все-таки ихъ непрошенная помощь казалась ей обидной милостыней.

— Я вамъ очень признательна за ваше доброе намѣреніе, конечно, очень признательна, — быстро отвѣчала она, все еще съ краской стыдливости на щекахъ;—но тутъ всякій работаетъ для себя и мнѣ не слѣдъ принимать отъ васъ въ подарокъ заработанныя вами деньги.

Эти слова, произнесенныя дѣвушкой рѣшительно и не безъ нѣкоторой гордости въ голосѣ, не смутили, однако, добродушнаго спокойствія ея собесѣдницы, которую работницы звали обыкновенно вдовой Ганной. Устремивъ на Селену кроткій взглядъ своихъ большихъ глазъ, она ласково отвѣтила:

— Мы охотно поработали за тебя, милая, а Божественный Учитель говорилъ, что дающій блаженнѣе принимающаго. Понимаешь ли ты, что это значитъ? Въ настоящемъ случаѣ это значитъ, что добрые люди чувствуютъ себя гораздо счастливѣе, оказывая кому-нибудь услугу, чѣмъ принимая богатые подарки отъ другихъ. Вѣдь, ты говоришь, что благодарна намъ,—развѣ ты захочешь испортить нашу радость?

— Я это не совсѣмъ понимаю,—возразила Селена.

— Не понимаешь?—перебила ее вдова Ганна.—Такъ ты попробуй хоть разъ сама съ искренней, сердечной любовью сдѣлать что-нибудь доброе для другихъ — и ты увидишь, какъ хорошо и легко станетъ у тебя на душѣ и какъ всякій трудъ обратится для тебя въ удовольствіе. Не правда ли, Марія, мы отъ души поблагодаримъ Селену, если она не лишитъ насъ наслажденья немножко поработать за нее?

— Мнѣ это было такъ пріятно,—проговорила горбунья.—Да вотъ я уже и кончила.

— И я также,—сказала вдова, приглаживая тряпкой послѣдній наклеенный ею листокъ и складывая свои готовыя полосы съ полосами Маріи.

— Я вамъ очень благодарна,—прошептала Селена, опуская глаза и поднимаясь съ своего мѣста. При этомъ она попыталась опереться на свою больную ногу, но это причинило ей такую боль, что она съ слабымъ крикомъ снова упала на скамью.

Вдова немедленно бросилась къ ней, встала подлѣ нея на колѣни и, взявъ раненную ногу нѣжно и осторожно въ свои красивыя, тонкія руки, внимательно осмотрѣла и слегка ощупала больное мѣсто.

— Господи!—воскликнула она въ ужасѣ.—Съ такою ногой прошла она цѣлую улицу!... Бѣдное, бѣдное дитя!—прибавила она потомъ, съ любовью глядя на Селену.—Какъ ты должна страдать! Ремни твоихъ сандалій врѣзались въ распухшее тѣло. Это ужасно! Что же намъ теперь съ тобой дѣлать? Далеко ты отсюда живешь?

— Въ полчаса я буду дома.

— Это немыслимо... Вотъ я сначала справлюсь на моей таблицѣ, сколько тебѣ слѣдуетъ получить съ плательщика, схожу за твоими деньгами, а тамъ ужь будетъ видно, что намъ дѣлать. Ты же покамѣстъ сиди спокойно, милая, а ты, Марія, поставь ей подъ ноги скамейку и осторожно распусти эти ремни на щиколодкѣ. Не бойся, дитя,—у нея нѣжныя, привычныя руки.

Съ этими словами она встала и поцѣловала Селену въ лобъ и въ глаза; больная обняла ее и съ глазами полными слезъ прошептала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Милая, милая Ганна!

Подобно тому, какъ теплый лучъ октябрьскаго солнца заставляетъ путника задуматься о минувшемъ лѣтѣ, такъ обращеніе вдовы напомнило Селенѣ уже давно неиспытываемыя ею ласки и заботы ея покойной матери. Къ горечи ея страданій примѣшивалось теперь какое-то благотворное, отрадное чувство. Съ признательной улыбкой кивнувъ вдовѣ, она послушно осталась на своемъ мѣстѣ. Ей было такъ сладко снова кому-нибудь повиноваться, повиноваться добровольно, чувствовать себя ребенкомъ и быть благодарной за нѣжныя заботы.

Вдова удалилась. Марія стала передъ Селеной на одно колѣно, чтобы распустить и снять ремни, которые на половину закрывались распухшими мышцами. Несмотря на то, что она это дѣлала весьма ловко, больная вздрагивала всѣмъ тѣломъ при малѣйшемъ прикосновеніи ея пальцевъ и, наконецъ, потеряла сознаніе прежде, чѣмъ горбунья удалила ремни.

Принеся воды, Марія освѣжила ей лобъ и воспаленную рану на головѣ. Когда Селена снова открыла глаза, Ганна уже возвратилась и гладила ее по густымъ, мягкимъ волосамъ. Бѣдная дѣвушка улыбнулась и тихо спросила:

— Я спала?

— Глаза твои были закрыты, милое дитя,—возразила надзирательница.—Вотъ плата за двѣнадцать дней твоей работы и работы твоей сестры. Не шевелись; я положу тебѣ деньги въ карманъ. Марія не съумѣла развязать твои сандаліи, но сейчасъ будетъ здѣсь врачъ, состоящій при фабрикѣ; онъ пропишетъ хорошее лѣкарство для твоей бѣдной ноги. Главный управляющій велѣлъ также привезти для тебя носилки. Гдѣ вы живете?

— Мы?—испуганно спросила Селена.—Нѣтъ, нѣтъ, я сама пойду домой.

— Но, милое дитя, вѣдь ты не дойдешь до перваго двора, если даже мы обѣ поведемъ тебя.

— Такъ вели привезти мнѣ носилки съ улицы. Мой отецъ... Впрочемъ, никто не долженъ этого знать... Я просто не могу его назвать.

Ганна знакомъ пригласила Марію удалиться, и когда дверь затворилась за горбуньей, подвинула скамейку къ Селенѣ и, сѣвъ на нее, положила руку на здоровое колѣно больной.

— Теперь мы однѣ, милая,—сказала она.—Я не болтлива и, конечно, не употреблю во зло твоего довѣрія. Отвѣть мнѣ спокойно, откуда ты. Неправда ли, ты вѣришь, что я желаю тебѣ добра?

— Да,—чистосердечно возразила Селена, взглянувъ въ правильное лицо вдовы, обрамленное каштановыми, гладко причесанными волосами; каждая черта этого лица носила отпечатокъ душевной доброты.—Да,—повторила Селена,—ты даже напоминаешь мнѣ мою мать.

— Я гожусь тебѣ въ матери,—замѣтила Ганна.

— Мнѣ уже девятнадцать лѣтъ.

— Уже?—съ улыбкой переспросила Ганна.

— Значитъ, я живу на свѣтѣ вдвое долѣе тебя. У меня также былъ ребенокъ, сынъ, но я лишилась его, когда онъ еще былъ маленькимъ. Теперь онъ былъ бы годомъ старше тебя, милая. У тебя жива еще мать?

— Нѣтъ,—возразила Селена со старою, обратившеюся у нея въ привычку, жесткостью. — Ей теперь, какъ и тебѣ, не было бы еще сорока лѣтъ и она была такая же красивая и добрая, какъ ты. Умирая, она оставила на моихъ рукахъ семеро дѣтей, все маленькихъ, изъ которыхъ одинъ мальчикъ совсѣмъ слѣпой. Я — старшая и дѣлаю для нихъ все, что могу, чтобъ они не погибли.

— Богъ поможетъ тебѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ.

— Боги?—съ горечью воскликнула Селена.—Они даютъ имъ расти, а объ остальномъ мнѣ приходится заботиться одной. О, моя нога, моя нога!

— Мы прежде всего и подумаемъ о ней. Твой отецъ еще живъ?

— Да.

— И онъ не долженъ знать, что здѣсь работаешь?

Селена утвердительно покачала головой.

— Онъ, вѣроятно, не богатъ, но знатнаго происхожденія?

— Да.

— Вотъ, кажется, и докторъ. Ну, что же? Такъ ты и не скажешь мнѣ имени своего отца? Вѣдь надо же будетъ доставить тебя домой.

— Я дочь дворцоваго управителя Керавна и мы живемъ во дворцѣ на Лохіи,—быстро рѣшившись, отвѣтила Селена, но такъ тихо, чтобъ ее не разслышалъ врачъ, отворившій въ эту минуту дверь въ мастерскую. — Никто не долженъ знать, что мы тутъ дѣлаемъ, и всего меньше—мой отецъ.

Вдова успокоила ее наклоненіемъ головы и, привѣтствовавъ сѣдаго врача, вошедшаго въ сопровожденіи своего помощника, повела его къ больной. Освѣживъ мокрымъ платкомъ лобъ и раны дѣвушки и поддерживая голову ея руками, она цѣловала ея лицо всякій разъ, какъ жгучая боль угрожала новымъ обморокомъ, между тѣмъ какъ старикъ осматривалъ больную ногу и перерѣзывалъ острыми ножницами послѣдніе, стягивавшіе щиколодку, ремни.

Не разъ глубокіе, вырывавшіеся изъ груди дѣвушки, стоны и болѣзненный крикъ выдавали, какую нестерпимую боль пере-

носила Селена. Когда, наконецъ, ея нѣжная, красивая нога, обезображенная теперь высокой опухолью, была освобождена отъ перетяжекъ, врачъ, окончивъ свой осмотръ, воскликнулъ, обращаясь къ своему помощнику:

— Посмотри-ка, Ипполитъ, съ этакой штукой она ходила по улицѣ! Разскажи мнѣ о такомъ случаѣ кто-нибудь другой, я бы, право, попросилъ его приберечь свои выдумки для себя или разсказывать ихъ маленькимъ дѣтямъ. Кость сломана и съ такою ногой бѣдняжка пробѣжала дальше, чѣмъ я рѣшаюсь пройти безъ моихъ носилокъ. Клянусь собакой, дѣвушка, если ты не останешься на всю жизнь хромой, то это будетъ чудо.

Селена съ закрытыми глазами, равнодушно, почти безсознательно слушала врача. На послѣднія слова его она съ презрительнымъ движеніемъ губъ пожала плечами.

— Тебѣ, значитъ, ничего остаться хромой?—спросилъ старикъ, отъ проницательнаго взгляда котораго не ускользало ни одно движеніе паціентки.—Это ужь твое дѣло; моя же обязанность помѣшать тебѣ сдѣлаться калѣкой на моихъ рукахъ. Случай дѣлать чудеса не каждый день представляется нашему брату, а ты, къ счастью, сама даешь мнѣ надежнаго помощника. Я говорю не о какомъ-нибудь сердечномъ дружкѣ, хоть ты и безсовѣстно хороша, а о твоей прекрасной, здоровой молодости. Рана на головѣ воспаленнѣе, чѣмъ можно бы желать. Освѣжите-ка ее получше водой. Гдѣ ты живешь, дѣвушка?

— Съ полчаса ходьбы отсюда,—поспѣшила отвѣтить за Селену Ганна.

— Ну, такъ далеко даже на носилкахъ нельзя ее теперь нести,—возразилъ старикъ.

— Мнѣ непремѣнно нужно домой!—рѣшительнымъ голосомъ воскликнула Селена, стараясь привстать.

— Глупости!—остановилъ ее врачъ.—Я прошу тебя не дѣлать такихъ движеній. Тебѣ надо лежать смирно, терпѣть и слушаться, иначе эта и безъ того плохая шутка можетъ кончиться очень печально. Лихорадка уже началась и къ вечеру должна усилиться; для ноги-то это бы еще ничего, а вотъ для раны на головѣ—очень даже неутѣшительно.

— Развѣ вотъ что,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Ганнѣ,—не устроить ли ей здѣсь постель, на которой она могла бы остаться, пока не откроется фабрика?

— Я соглашусь скорѣе умереть!—воскликнула Селена и хотѣла уже освободить ногу изъ рукъ врача.

— Потише, пожалуйста, потише, милое дитя,—успокоивала ее вдова.—Я уже знаю, куда тебя перенести. Мой домъ стоитъ въ саду Паулины, вдовы Пудента, на самомъ берегу моря, неболѣе тысячи шаговъ отсюда; ты найдешь тамъ мягкое ложе и мы съумѣемъ за тобою ухаживать. Удобныя носилки стоятъ наготовѣ и мнѣ кажется, что тебѣ...

— Все-таки разстояніе порядочное,—перебилъ ее старикъ;—но, конечно, лучше, чѣмъ у тебя, Ганна, ей нигдѣ не будетъ. Пожалуйста, попробуемъ; я провожу ее, чтобы переломать кости проклятымъ носильщикамъ, если они не будутъ идти въ ногу.

Селена не противорѣчила этому рѣшенію и охотно выпила лѣкарство, которое ей подалъ старый врачъ. Она однако тихо плакала, пока ее усаживали на носилки и обкладывали ей ногу подушками.

На улицѣ, куда ее скоро вынесли черезъ боковую дверь, сознаніе ея снова затуманилось и какъ въ полуснѣ слышался ей голосъ врача, убѣждавшій носильщиковъ идти осторожнѣе, и видѣла она проходившихъ людей, всадниковъ и повозки. Потомъ она замѣтила, что ее несли большимъ садомъ и, наконецъ, смутно чувствовала, какъ ее укладывали въ постель.

Съ этой минуты сновидѣнія овладѣли ея душой, но дѣйствительность давала себя однако чувствовать, что доказывалось частыми болѣзненными подергиваньями лица и время отъ времени быстрымъ движеніемъ руки, хватавшейся за пораненную голову. У изголовья сидѣла Ганна, точно исполняя предписанія врача, который оставилъ больную не ранѣе, чѣмъ удостовѣрился въ удобствѣ постели.

Сидѣвшая подлѣ вдовы Марія помогала ей мѣнять компрессы и готовить бинты изъ стараго полотна.

Когда Селена начала дышать спокойнѣе, Ганна нагнулась къ своей помощницѣ.

— Можешь ли ты остаться здѣсь до завтра?—спросила она шепотомъ.—Намъ надо перемѣняться, потому что можетъ-быть придется не отходить отъ постели въ продолженіе нѣсколькихъ ночей. Посмотри-ка, какой жаръ въ ея головѣ.

— Я останусь. Только надо сказать матери, чтобъ она не безпокоилась.

— Хорошо. А потомъ тебѣ придется еще разъ пройтись, потому что я не могу оставить бѣдняжку одну.

— Родные ея, я думаю, должны очень безпокоиться.

— Вотъ къ нимъ-то тебѣ и надо сходить; но никто кромѣ насъ двухъ не долженъ знать, кто она. Спроси сестру Селены и разскажи ей о томъ, что случилось. Если увидишь отца, скажи ему, что я ухаживаю за его дочерью и что врачъ строго запретилъ ей ходить и даже не велѣлъ ее переносить. Онъ не долженъ знать, что Селена находится въ числѣ нашихъ работницъ; поэтому не говори ни слова о фабрикѣ. Если ни Арсинои, ни отца ея не будетъ дома, то скажи просто тому, кто тебѣ отворитъ ворота, что больная уменя и что я съ радостью сдѣлаю для нея все возможное. Про нашу мастерскую, слышишь, не упоминай вовсе. Да вотъ еще что: бѣдная дѣвушка, конечно, не отправилась бы съ такою болью на фабрику, еслибы родные ея не очень нуждались въ заработанныхъ ею деньгахъ. Отдай имъ эти драхмы и скажи,—что̀ дѣйствительно и правда,—что мы нашли ихъ у Селены.

Глава девятнадцатая.

Плутархъ, одинъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Александріи, владѣлецъ папирусной фабрики, гдѣ работали Селена съ Арсиноей, добровольно взялся похлопотать о «приличномъ» пріемѣ женъ и дочерей своихъ согражданъ, которые должны были собраться сегодня въ одномъ изъ небольшихъ театровъ города. Всякій, знавшій Плутарха, отлично понималъ, что слова: «приличный пріемъ» въ устахъ его означали пріемъ по-истинѣ царскій.

Дочь корабельнаго мастера не мало разсказывала Арсиноѣ о великолѣпіи всего, что имъ предстояло видѣть, но дѣйствительность уже при самомъ входѣ въ театръ превзошла всѣ ожиданія дѣвушекъ. Какъ только отецъ Арсинои назвалъ свое имя и ея, мальчикъ, выглядывавшій изъ корзины съ цвѣтами, подалъ ей прелестный букетъ, а другой, сидѣвшій на дельфинѣ, предложилъ вмѣсто входнаго билета изящно вырѣзанную и отдѣланную золотомъ дощечку изъ слоновой кости, которая была снабжена булавкою и прикалывалась приглашенными къ плащамъ.

У каждыхъ дверей театра входившимъ женщинамъ раздавались подобные же подарки.

Корридоры въ зрительную залу были наполнены благоуханіями и Арсиноя, уже не разъ посѣщавшая этотъ театръ, едва узнала его,—такъ богато былъ онъ убранъ цвѣтами и дорогими тканями.

Да и кто же видалъ когда-либо женщинъ и дѣвушекъ сидящими въ первыхъ рядахъ на мѣстѣ мужчинъ, какъ это было сегодня? Вѣдь вообще дочерямъ гражданъ только въ особенныхъ рѣдкихъ случаяхъ дозволялось присутствовать при театральномъ представленіи.

Съ улыбкой, какъ смотрятъ на стараго товарища, котораго переросли на цѣлую голову, глядѣла она на верхніе, болѣе дешевые ряды амфитеатра, гдѣ она не разъ, когда ей это дозволялъ ея собственный тощій кошелекъ, трепетала отъ удовольствія, страха или сочувствія, несмотря на порывы вѣтра подъ открытымъ небомъ. Лѣтомъ приходилось терпѣть еще больше и именно отъ парусины, назначенной для защиты зрителей отъ солнца. Огромныя полотна приводились въ движеніе толстыми канатами, а когда они протягивались черезъ кольца, поднимался такой скрипъ, что надо было затыкать уши. Нерѣдко приходилось также нагибать голову, чтобы не быть задѣтою тяжелымъ канатомъ или парусиной.

Но обо всемъ этомъ Арсиноя сегодня вспоминала такъ же мало, какъ вспоминаетъ бабочка, рѣзвящаяся въ солнечныхъ лучахъ, о безобразномъ коконѣ, изъ котораго она вышла.

Сіяя отъ радостнаго волненія, шла она съ своей юной подругой, чернокудрой дочерью корабельщика, къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ.

Она отлично замѣтила многочисленные, устремленные на нее, взгляды, но это только увеличивало ея удовольствіе; она сознавала, что на нее можно заглядѣться, а нравиться многимъ было, по ея мнѣнію, величайшимъ наслажденіемъ.

А ужь особенно сегодня!

Вѣдь тѣ, которые теперь смотрятъ на нее, были знатнѣйшіе граждане города. Всѣ они стояли на сценѣ и между ними находился и добрый длинный Поллуксъ, дѣлавшій ей знаки рукой. Она никакъ не могла совладать съ своими ногами, за то справилась съ руками, скрестивъ ихъ на груди, чтобы не выдать своего волненія.

Распредѣленіе ролей уже началось, такъ какъ, поджидавъ Селену, она опоздала на цѣлые полчаса.

Замѣтивъ наконецъ, что взгляды, слѣдившіе за ней при ея вступленіи въ театръ, обратились на другіе предметы, Арсиноя рѣшилась оглядѣться вокругъ.

Она сидѣла на одной изъ короткихъ скамеекъ въ нижнемъ ярусѣ амфитеатра, раздѣленнаго лѣстницами на нѣсколько частей, узкихъ внизу и расширявшихся вверху.

Со всѣхъ сторонъ ее окружали молодыя дѣвушки и женщины, готовившіяся принять участіе въ представленіи.

Мѣста участвующихъ отдѣлялись отъ сцены оркестромъ. Изъ оркестра на сцену вело нѣсколько ступеней, по которымъ поднимались обыкновенно хоры.

За Арсиноей большими полукругами сидѣли матери, отцы и мужья участвующихъ, къ которымъ присосѣдился и Керавнъ въ своемъ шафранно-желтомъ палліи; тутъ же помѣщалось значительное число приглашенныхъ Плутархомъ матронъ и пожилыхъ гражданъ, охотниковъ до зрѣлищъ.

Между молодыми дѣвушками и женщинами многія поразили Арсиною своей красотой, но она восхищалась ими безъ зависти и ей не приходило въ голову сравнивать себя съ этими красавицами,—она отлично знала, что сама очень хороша и что ей нигдѣ, даже здѣсь, нѣтъ надобности скрываться; этого для нея было достаточно.

Рокотъ многочисленныхъ голосовъ зрителей, непрерывно долетавшій до ея слуха, тонкій ароматъ, поднимавшійся съ жертвенника въ оркестрѣ—все это имѣло что-то опьяняющее. Къ тому же, никто не мѣшалъ ей глядѣть по сторонамъ, такъ какъ спутница ея нашла подругъ, съ которыми она болтала и смѣялась. Другія дѣвушки и женщины молча глядѣли впередъ или осматривали остальныхъ зрителей и зрительницъ; третьи, наконецъ, обращали все свое вниманіе на сцену.

Арсиноя вскорѣ послѣдовала примѣру послѣднихъ; вниманіе ея привлекалъ не одинъ старинный ея товарищъ, Пуллуксъ, включенный по желанію префекта Тиціана и вопреки возраженіямъ своего хозяина Паппія въ число художниковъ, уполномоченныхъ на устройство представленія.

Не разъ видала она театръ, освѣщенный такими же лучами полуденнаго солнца, какъ и сегодня, и такое же безоблачное голубое небо надъ зрительною залой, но совершенно иной видъ представляла теперь возвышенная площадка за оркестромъ.

Украшенный многочисленными колоннами, фасадъ царскаго дворца изъ разноцвѣтнаго мрамора съ раззолоченными орнаментами возвышался, правда, какъ и всегда въ глубинѣ сцены, но на этотъ разъ отъ карниза къ карнизу, отъ колонны къ колоннѣ бы-

ли перекинуты гирлянды изъ свѣжихъ душистыхъ цвѣтовъ. Множество первостепенныхъ художниковъ города двигалось съ таблицами и грифелями въ рукахъ между пятидесятью женщинами и дѣвушками, а самъ Плутархъ съ окружающими его гражданами составляли словно хоръ, который то раздѣлялся, то вновь соединялся.

Но правую сторону сцены стояли три обитыхъ пурпуромъ ложа.

На одномъ изъ нихъ сидѣлъ префектъ Тиціанъ, какъ и художники, съ грифелемъ въ рукѣ, вмѣстѣ съ своею супругой Юліей; на другомъ лежалъ, растянувшись, Веръ, какъ всегда, увѣнчанный розами; третье ложе, назначенное для Плутарха, не было занято.

Преторъ безъ стѣсненія перебивалъ всякую рѣчь, будто былъ здѣсь хозяиномъ, и не рѣдко за его замѣчаніями слѣдовало громкое одобреніе или сочувственный смѣхъ.

Всякій, кто хотя разъ видѣлъ богача Плутарха, не могъ забыть его оригинальной фигуры; она не была вполнѣ незнакома и Арсиноѣ, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ онъ послѣ долгихъ лѣтъ показался съ какимъ-то архитекторомъ на своей папирусной фабрикѣ, чтобы распорядиться относительно отдѣлки дворовъ и зданій для предстоящаго пріѣзда императора.

Онъ входилъ при этомъ случаѣ и въ ихъ мастерскую и съ нѣсколькими плутовскими любезностями ущипнулъ ей щеку.

Вотъ онъ проходилъ теперь, покачиваясь, черезъ сцену.

Говорили, что этому старику около семидесяти лѣтъ. Ноги его, дѣйствительно, были наполовину разбиты параличомъ и все-таки совершали непрерывныя и быстрыя, хотя непроизвольныя, движенія подъ давленіемъ тучнаго, сильно наклоненнаго впередъ, тѣла, которое справа и слѣва поддерживали двое стройныхъ юношей.

Голова его, съ благородными чертами, въ молодости, вѣроятно, была замѣчательно красива. Теперь затылокъ его былъ покрытъ парикомъ съ длинными каштановыми локонами, брови и рѣсницы были сильно подкрашены, на щекахъ лежали густые слои бѣлилъ и румянъ—и все это придавало лицу его такое выраженіе, будто оно окаменѣло во время улыбки. На локонахъ его былъ вѣнокъ изъ рѣдкихъ гроздевидныхъ цвѣтовъ. Бѣлая и красная розы выглядывали въ изобиліи у него на груди изъ складокъ широкой тоги и придерживались золотыми застежками,

на которыхъ сверкали большіе драгоцѣнные каменья. Весь край его плаща былъ усѣянъ бутонами розъ и надъ каждымъ изъ нихъ былъ укрѣпленъ смарагдъ, свѣтившійся какъ блестящій жукъ.

Поддерживавшіе его юноши казались частями его особы.

Онъ обращалъ на нихъ такъ же мало вниманія, какъ на костыли, а они безъ единаго слова съ его стороны, казалось, знали, куда онъ желаетъ идти, гдѣ остановиться или отдохнуть.

Издалека лицо его казалось молодымъ, но вблизи это была какая-то раскрашенная, правильно вылѣпленная гипсовая статуя съ большими подвижными глазами.

Софистъ Фаворинъ говорилъ про него, что можно бы оплакивать этотъ красивый, чуть движущійся, трупъ, еслибъ онъ не возбуждалъ такого смѣха; передавали также собственное выраженіе Плутарха, что онъ силой удерживаетъ при себѣ измѣнившую ему молодость.

Александрійцы называли его шестиногимъ Адонисомъ въ виду того, что онъ никогда не являлся безъ поддерживавшихъ его юношей, даже когда ѣздилъ.

— Имъ бы лучше назвать меня шестирукимъ,—сказалъ онъ, услыхавъ въ первый разъ это остроумное прозвище. И дѣйствительно, обладая добрымъ сердцемъ, онъ былъ щедръ и дѣлалъ много добра, отечески заботился о своихъ рабочихъ, хорошо обращался съ рабами, обогащалъ своихъ вольноотпущенниковъ и время отъ времени раздавалъ въ городѣ большія милостыни деньгами и хлѣбомъ.

Арсиноя съ состраданіемъ глядѣла на бѣднаго старика, который, несмотря ни на какое искусство, ни на свое золото, не могъ воротить свою утраченную молодость.

Въ худощавомъ мужчинѣ, подходившемъ въ эту минуту къ Плутарху, она тотчасъ же узнала торговца рѣдкостями Габинія, котораго отецъ ея по поводу картины выгналъ не давно изъ своего дома.

Завязавшійся между торговцемъ и Плутархомъ разговоръ быстро порвался, такъ какъ распредѣленіе женскихъ ролей для картины «вступленіе Александра въ Вавилонъ»—было окончено. Около пятидесяти дѣвушекъ и женщинъ получили разрѣшеніе оставить сцену и спуститься въ оркестръ.

Экзегетъ, главное должностное лицо въ городѣ, выступилъ теперь впередъ и принялъ изъ рукъ ваятеля Паппія новый списокъ.

Быстро пробѣжавъ этотъ листъ глазами, онъ передалъ его сопровождавшему его герольду; послѣдній обратился къ собранію.

— Отъ имени высокочтимаго экзегета прошу вашего вниманія, жены и дочери македонскихъ мужей и римскихъ гражданъ! Мы приступаемъ теперь къ новому отдѣлу нашихъ представленій изъ жизни и дѣяній великаго Македонянина, именно къ «свадьбѣ Александра съ Роксаной». Прошу тѣхъ изъ васъ, которыхъ наши художники избрали для этой картины, подняться на сцену.

Послѣ этого вступленія онъ громкимъ, далеко слышнымъ, голосомъ прочелъ длинный рядъ именъ, и, пока онъ читалъ, мертвая тишина царила въ обширной зрительной залѣ.

На сценѣ всѣ тоже смолкли; только Веръ дѣлалъ въ полголоса какія-то замѣчанія Тиціану, да антикварій нашептывалъ что-то со свойственною ему нервною настойчивостью на ухо Плутарху; старикъ отвѣчалъ ему то наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, то отрицательнымъ движеніемъ руки.

Арсиноя, притаивъ дыханіе и съ сильнымъ біеніемъ сердца, прислушивалась къ голосу герольда. Все болѣе и болѣе краснѣя и поминутно вздрагивая, она въ смущеніи глядѣла на свой букетъ.

— Арсиноя, вторая дочь македонянина и римскаго гражданина Керавна,—раздалось вдругъ съ подмостокъ такъ громко, что всѣ присутствовавшіе должны были это слышать.

Дочь корабельнаго мастера была вызвана уже ранѣе и немедленно покинула свое мѣсто; Арсиноя же скромно подождала, пока встали нѣсколько матронъ. Примкнувъ вмѣстѣ съ ними къ одному изъ послѣднихъ звѣньевъ, поднимавшейся на сцену, блестящей цѣпи, она спустилась въ оркестръ и по ступенямъ хора взошла на подмостки.

Здѣсь женщинъ и дѣвушекъ разставили въ два ряда и художники осматривали ихъ съ почтительною любезностью.

Арсиноя вскорѣ замѣтила, что мужчины смотрятъ на нее долѣе и больше, чѣмъ на остальныхъ дѣвушекъ.

Даже послѣ того, какъ распорядители празднества, окончивъ осмотръ, столпились въ углу сцены для совѣщанія, они не переставали часто пристально посматривать на нее и говорили о ней; она это чувствовала. Отъ ея вниманія не ускользнуло и то, что она сдѣлалась предметомъ любопытства многочисленныхъ зрителей въ рядахъ амфитеатра и ей казалось, что на нее со всѣхъ сторонъ указываютъ пальцами.

Арсиноя не знала, куда дѣвать глаза, и начинала теряться отъ стыда; несмотря на это, ей все-таки было пріятно привлекать вниманіе столькихъ людей и она упорно глядѣла въ землю, чтобы скрыть испытываемое ею блаженство.

— Восхитительна, восхитительна! Настоящая Роксана, будто спрыгнула съ картины!—воскликнулъ Веръ, толкая префекта Тиціана, къ которому подошли художники.

Арсиноя слышала эти слова. Инстинктивно чувствуя, что они относятся къ ней, она еще болѣе смутилась и улыбка ея перешла въ выраженіе радостнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ трепетнаго ожиданія счастья, своими размѣрами пугавшаго ея молоденькое сердце.

Одинъ изъ художниковъ назвалъ ея имя; она подняла голову, чтобы посмотрѣть, не Поллуксъ ли это, и увидала богача Плутарха, вмѣстѣ съ своими живыми костылями и тощимъ антикваріемъ Габиніемъ разглядывавшаго ряды ея подругъ.

Онъ приближался къ ней маленькими, не твердыми шагами и, толкнувъ локтемъ торговца, сказалъ, посылая ей воздушный поцѣлуй и подмигивая своими большими глазами:

— Я ее знаю, знаю! Такая красота не легко забывается. Слоновая кость и красные кораллы.

Арсиноя замерла; кровь отхлынула у нея отъ щекъ и вся веселость исчезла, когда старикъ велѣлъ подвести себя къ ней.

— Эге!—ласково сказалъ онъ.—Бутончикъ съ папирусной фабрики между такими гордыми розами и лиліями. Каковъ? Изъ мастерской да въ мое собраніе. Это ничего, ничего. Красота всюду принимается съ радостью. Я не спрашиваю, какъ ты сюда попала,—я только радуюсь, что вижу тебя здѣсь.

Арсиноя полузакрыла лицо рукой; Плутархъ потрепалъ ее вытянутымъ среднимъ пальцемъ по бѣлой красивой рукѣ ея и поплелся дальше, тихо усмѣхаясь про себя.

Слова стараго богача не ускользнули отъ слуха антикварія.

— Такъ ли я разслышалъ?—съ живостью и раздраженіемъ въ голосѣ спросилъ онъ, когда они отошли отъ Арсинои на нѣсколько шаговъ.—Работница съ твоей фабрики здѣсь, между нашими дочерьми?

— Такъ что же? Двѣ рабочія руки между множествомъ праздныхъ,—весело возразилъ старикъ.

— Значитъ—она втерлась сюда обманомъ и должна быть немедленно удалена изъ залы.

— Ничуть не бывало,—она очаровательна.

— Но это возмутительно! Здѣсь, въ этомъ собраніи!...

— Возмутительно?—перебилъ его Плутархъ. —Ты шутишь? Нельзя быть слишкомъ разборчивымъ. Да и откуда же намъ набрать столько дочерей торговцевъ рѣдкостями?

Потомъ онъ прибавилъ болѣе любезнымъ тономъ:

— Мнѣ кажется, что тебѣ, съ твоимъ развитымъ чувствомъ прекраснаго, должно бы скорѣе нравиться это прелестное созданіе. Или ты боишься, что художники найдутъ ее пригоднѣе для роли Роксаны, чѣмъ твою очаровательную дочь? Вотъ послушаемъ этихъ господъ. Посмотримъ, на чемъ они порѣшатъ.

Слова эти относились къ громкому разговору, возникшему около ложа префекта и претора.

Оба послѣдніе, а вмѣстѣ съ ними большинство живописцевъ и ваятелей, были того мнѣнія, что Арсиноя произведетъ удивительный эффектъ въ роли Роксаны.

Они указывали на то, что фигурой и лицомъ она замѣчательно похожа на дочь бактрійскаго царя, какъ изобразилъ ее Эціонъ, картина котораго была принята за образецъ для этого отдѣла представленій. Только ваятель Паппій и двое его товарищей рѣшительно высказывались противъ этого выбора и съ жаромъ увѣряли, что изъ всѣхъ присутствующихъ дѣвицъ только одна, и именно Праксилла, дочь антикварія Габинія, можетъ съ успѣхомъ выступить передъ императоромъ въ роли невѣсты Александра. Всѣ трое находились въ дѣловыхъ отношеніяхъ къ отцу этой стройной, дѣйствительно очень красивой дѣвушки, и желали оказать этимъ услугу богатому и ловкому продавцу ихъ произведеній. Ревность ихъ перешла даже въ горячность, когда сопутствовавшій старому Плутарху торговецъ присоединился къ спорящимъ и они увѣрились, что онъ можетъ ихъ слышать.

— И кто же эта дѣвушка?—спрашивалъ Паппій, указывая на Арсиною, когда антикварій подошелъ къ окружавшей префекта толпѣ.—Противъ красоты ея дѣйствительно нельзя ничего сказать, но она одѣта болѣе чѣмъ просто, безъ всякихъ украшеній, стоющихъ какого-либо вниманія, и можно поспорить съ кѣмъ угодно, что родители ея не въ состояніи пріобрѣсти такія богатыя одежды и драгоцѣнныя украшенія, безъ которыхъ, конечно, не обходилась Роксана при своемъ обрученіи съ Александромъ. Азіятка должна была быть вся въ шелку, золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Мой пріятель съумѣетъ такъ одѣть свою Прак-

силлу, что блескъ ея наряда ослѣпилъ бы самого великаго Македонянина; а кто же отецъ этого миленькаго ребенка, къ которому безспорно очень идутъ эти голубыя ленты въ волосахъ, эти двѣ розы и это бѣленькое платьице?

— Разсужденіе твое совершенно вѣрно, любезный Паппій,— сухо и рѣзко вмѣшался въ разговоръ антикварій.—О дѣвушкѣ, которую вы имѣете въ виду, не можетъ быть болѣе и рѣчи. Я говорю это не потому, чтобъ она являлась соперницей моей дочери, а просто потому, что ненавижу все неприличное. Трудно понять, какъ у этого молодаго созданія хватило храбрости затесаться сюда. Конечно, хорошенькое личико открываетъ замки и затворы. Вѣдь она, — прошу васъ не пугаться,—она не болѣе какъ работница съ папирусной фабрики нашего дорогаго хозяина Плутарха.

— Это неправда!—съ негодованіемъ перебилъ Габинія Поллуксъ.

— Удержи свой языкъ, молодой человѣкъ,—возразилъ торговецъ.—Я призываю тебя въ свидѣтели, благородный Плутархъ.

— Оставь ее, кто бы она ни была,—сердито отозвался старикъ. — Она похожа на одну изъ моихъ работницъ; но еслибъ эта милая дѣвушка явилась сюда даже прямо изъ-за рабочаго стола, то съ такимъ лицомъ и такою фигурой она совершенно была бы на своемъ мѣстѣ и здѣсь, и всюду. Таково мое мнѣніе.

— Отлично, мой прекрасный другъ!—воскликнулъ Веръ, кивая старику. — Кесарю доставитъ гораздо больше удовольствія такое удивительно-прелестное созданіе, чѣмъ всѣ ваши гражданскія родословныя и туго набитые кошельки.

— Это вѣрно,—подтвердилъ слова претора префектъ.—А что она свободная дѣвушка, а не раба, за это я положительно готовъ поручиться. Ты за нее вступился, другъ Поллуксъ, что же ты знаешь о ней?

— Что она дочь дворцоваго управителя Керавна, которую я знаю съ юнаго дѣтства,—громко отвѣтилъ молодой ваятель.— Онъ—римскій гражданинъ и къ тому же древняго македонскаго происхожденія.

— Можетъ-быть даже царской крови,—съ улыбкой замѣтилъ Тиціанъ.

— Я знаю этого человѣка,—быстро возразилъ антикварій;— это очень небогатый, чванливый дуракъ.

— Мнѣ кажется,—съ аристократическимъ спокойствіемъ перебилъ Веръ взволнованнаго торговца,—мнѣ кажется, что здѣсь не мѣсто разсуждать объ умственныхъ способностяхъ и объ образѣ мыслей отцовъ этихъ дѣвушекъ и женщинъ.

— Но вѣдь онъ бѣднякъ, — воскликнулъ раздраженный Габиній.—Нѣсколько дней тому назадъ онъ предлагалъ мнѣ купить свои жалкія древности, а я могъ бы...

— Мы очень жалѣемъ, что это дѣло не сладилось, — перебилъ его Веръ и на этотъ разъ съ самой изысканной вѣжливостью. — Сперва подумаемъ о лицахъ и затѣмъ уже перейдемъ къ костюмамъ. Итакъ, отецъ этой дѣвушки—римскій гражданинъ.

— Членъ совѣта и своего рода вельможа,—сказалъ Тиціанъ.

— А я,—прибавила жена его Юлія,—въ восторгѣ отъ этой прелестной дѣвушки, и если ей дадутъ главную роль и отецъ ея, какъ ты, мой другъ, утверждаешь, бѣденъ, то я возьму на себя всѣ хлопоты объ ея нарядѣ. Кесарь будетъ восхищенъ такой Роксаной.

Сторонники антикварія замолчали, самъ онъ дрожалъ отъ разочарованія и гнѣва, но досада его еще усилилась, когда Плутархъ, котораго онъ считалъ на сторонѣ своей дочери, обратился съ живописнымъ жестомъ сожалѣнія къ супругѣ префекта, стараясь согнуть передъ ней болѣе обыкновеннаго свое и безъ того далеко выдавшееся туловище.

— Какъ могъ такъ обмануть меня мой старый опытный глазъ! — сказалъ богачъ. — Малютка похожа, очень похожа на одну изъ моихъ работницъ, но теперь я прекрасно вижу, что у ней есть что-то такое, чего недостаетъ у той. Я былъ къ ней несправедливъ и остаюсь у ней въ долгу. Позволишь ли мнѣ, благородная Юлія, прислать тебѣ соотвѣтствующія украшенія для костюма Роксаны? Можетъ-быть мнѣ удастся найти что-нибудь хорошенькое... Милое дитя! Я сейчасъ иду извиниться передъ ней и сообщить ей о нашемъ желаніи. Можно, благородная Юлія? Вы позволяете, господа?

Черезъ нѣсколько минутъ по всей сценѣ, а вскорѣ затѣмъ и въ зрительной залѣ, сдѣлалось извѣстнымъ, что дочь Керавна, Арсиноя, избрана для выполненія роли Роксаны.

— Что это за Керавнъ?

— Какъ могла такая выдающаяся роль не достаться комунибудь изъ дочерей самыхъ знатныхъ и богатыхъ домовъ?

— Такъ всегда бываетъ, если давать волю этимъ вѣтрогонамъ художникамъ!

— Откуда взять ей столько талантовъ, сколько стоитъ костюмъ дочери азіятскаго царя, невѣсты Александра?

— Богатый Плутархъ и жена префекта взялись за это.

— Нищіе!

— Какъ бы нашимъ дочерямъ шли наши собственные родовые бриллiанты!

— Что же, мы покажемъ императору только смазливыя личики, а не то, чѣмъ сильны и что имѣемъ?

— Если Адріанъ станетъ освѣдомляться объ этой Роксанѣ, ему, стало-быть, придется сказать, что для ея костюма дѣлали сборъ?

— Такія вещи могутъ случаться въ одной Александріи!

— Говорятъ, будто она работала на какой-то фабрикѣ Плутарха. Это врядъ ли вѣрно, но старый раскрашенный негодяй еще до сихъ любитъ хорошенькія личики. Это онъ провелъ ее сюда. Повѣрьте мнѣ, гдѣ дымъ, тамъ есть и пламя... Что она получаетъ деньги отъ старика, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

— Деньги?... За что?

— Ну, если ты хочешь это знать, такъ можешь спросить жреца Афродиты. Нечего тутъ смѣяться, потому что это постыдно, возмутительно!

Такія и тому подобныя замѣчанія слышались въ залѣ, когда распространилось извѣстіе о выборѣ Арсинои для роли Роксаны; въ душахъ торговца и его дочери оно возбудило даже ненависть и горькую вражду.

Праксиллу включили въ число подругъ невѣсты Александра, на что она согласилась безъ возраженія; но, возвращаясь домой, она молча кивнула головой, когда отецъ ея сказалъ:

— Оставимъ пока все, какъ есть, а за нѣсколько часовъ до начала представленія я пошлю имъ сказать, что ты заболѣла.

Но выборъ Арсинои возбудилъ и радость.

Въ одномъ изъ среднихъ ярусовъ театра сидѣлъ Керавнъ, широко раздвинувъ ноги, красный какъ ракъ, пыхтя и сопя отъ удовольствія; онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы сдвинуть ноги, даже когда братъ архидикаста старался протѣсниться мимо его, занимавшей два мѣста, особы.

Арсиноя, отъ тонкаго слуха которой не ускользнули ни обвиненія антикварія, ни защита славнаго долговязаго Поллукса, спер-

за готова была провалиться сквозь землю отъ стыда и страха, теперь же ей было такъ легко, будто она могла унестись на крыльяхъ счастія.

Такого сердечнаго счастія она еще никогда не испытывала. Достигнувъ вмѣстѣ съ отцомъ до перваго темнаго переулка, она бросилась ему на шею, поцѣловала въ обѣ щеки и стала затѣмъ разсказывать, какъ добра была къ ней Юлія, жена префекта, и какъ она съ истиннымъ участіемъ взялась заказать для нея дорогія одежды.

Керавнъ не нашелъ ничего сказать противъ этого и, что было всего удивительнѣе, даже не нашелъ оскорбительнымъ для своего достоинства позволить богатому Плутарху подарить Арсиноѣ драгоцѣнныя украшенія.

— Всѣ видѣли,—сказалъ онъ патетическимъ голосомъ,—что мы не боимся пожертвовать столько же, какъ и другіе граждане, но для свадебнаго наряда Роксаны потребны милліоны, а что у насъ ихъ нѣтъ, въ этомъ я охотно признаюсь своимъ друзьямъ. Откуда будетъ у тебя костюмъ—это рѣшительно все равно; такъ или иначе ты будешь первая между первыми дѣвушками города, а потому я тобой доволенъ, дитя мое. Завтра послѣднее собраніе; можетъ-быть и Селена получитъ выдающуюся роль. У насъ, къ счастію, нѣтъ недостатка въ средствахъ, чтобы нарядить ее прилично. Когда звала тебя къ себѣ жена префекта?

— Завтра около полудня.

— Ну, такъ мы купимъ тебѣ завтра утромъ новое хорошенькое платье.

— Не хватитъ ли у тебя и на новый браслетъ?—спросила Арсиноя.—Мой такой узенькій и простенькій.

— Непремѣнно куплю, потому что ты его заслужила,—отвѣтилъ Керавнъ съ достоинствомъ.—До послѣ завтра тебѣ придется потерпѣть. Завтра—праздникъ и лавки будутъ закрыты.

Такимъ веселымъ и разговорчивымъ, какъ теперь, Арсиноя никогда еще не видала отца, а между тѣмъ путь отъ театра до Лохіи былъ неслишкомъ коротокъ и ранній часъ, когда онъ обыкновенно ложился спать, уже давно прошелъ.

Когда управитель съ дочерью приближались къ дворцу, было уже довольно поздно, потому что и послѣ того, какъ Арсиноя сошла со сцены, при свѣтѣ факеловъ, лампъ и восковыхъ свѣчъ продолжалось избраніе дѣйствующихъ лицъ для трехъ послѣднихъ сценъ изъ жизни Александра и, прежде чѣмъ разошлось

собраніе, гостямъ Плутарха было предложено угощеніе въ видѣ вина, фруктовыхъ соковъ, сладкаго печенія, пирожковъ съ устрицами и другихъ лакомствъ.

Управитель обратилъ милостивое вниманіе на благородные напитки и вкусныя блюда, а когда онъ чувствовалъ себя сытымъ, то становился обыкновенно добродушнѣе. Умѣренное употребленіе вина придавало ему веселости. Теперь почтенный толстякъ былъ въ отличномъ настроеніи духа: хотя онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, но угощеніе длилось слишкомъ мало времени и не дало ему возможности обременить желудокъ и напиться до угрюмости.

Къ концу пути онъ сдѣлался, однако, задумчивымъ.

— Завтра, вслѣдствіе праздника, не будетъ засѣданія совѣта, а это отлично. Всѣ будутъ поздравлять меня, распрашивать, разсматривать, а позолота на моемъ обручѣ начинаетъ сходить и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже просвѣчиваетъ серебро. Твой нарядъ ничего не будетъ теперь стоить, а мнѣ придется до слѣдующаго засѣданія сходить къ ювелиру и вымѣнять эту дрянь на настоящій золотой обручъ. Чтò мы на самомъ дѣлѣ, тѣмъ и должны казаться. Это выраженіе особенно понравилось ему и онъ тихо засмѣялся про себя, когда Арсиноя съ живостію одобривъ его намѣреніе, просила оставить только достаточно денегъ для костюма Селены.

— Намъ теперь нечего бояться за будущее,—сказалъ онъ, когда они входили въ дворцовыя ворота.—Я бы желалъ знать того Александра, который скоро попроситъ у меня руку моей Роксаны. Единственный сынъ богача Плутарха засѣдаетъ въ совѣтѣ и еще не женатъ. Онъ уже не совсѣмъ молодъ, но все еще видный мужчина.

Эти сладостныя мечты счастливаго отца были прерваны Доридой, стоявшей передъ домикомъ привратника и окликнувшей его. Керавнъ остановился.

— Мнѣ надо съ тобой поговорить,—сказала старушка.

— А я не стану тебя слушать ни сегодня, ни впредь!—отвѣчалъ онъ сердито.

— Если я позвала тебя,—отвѣчала Дорида,—то вѣрно уже не для своего удовольствія... Я только хочу сказать тебѣ, что ты не найдешь своей Селены дома.

— Что ты говоришь?—спросилъ Керавнъ.

— Я говорю, что бѣдная дѣвушка не въ состояніи была идти дальше по городу съ своей больной ногой и ее пришлось внести въ чужой домъ, гдѣ за ней ухаживаютъ.

— Селена!—испуганно и озабоченно воскликнула Арсиноя, радужныя грезы которой мигомъ разлетѣлись.—Ты знаешь, гдѣ она?

Прежде, чѣмъ Дорида успѣла отвѣтить, Керавнъ гнѣвно заговорилъ:

—Во всемъ этомъ виноватъ римскій архитекторъ и его проклятый песъ!... Такъ отлично! Теперь императоръ навѣрное не откажетъ мнѣ въ справедливости. Онъ съумѣетъ проучить тѣхъ, которые принудили сестру Роксаны слечь въ постель и помѣшали ей участвовать въ представленіи. Это отлично, это превосходно!

— Это такъ печально, что слезы навертываются на глаза,—съ досадой возразила жена привратника.—Такъ вотъ какова твоя благодарность за ея заботы о твоихъ меньшихъ дѣтяхъ! И такъ можетъ говорить отецъ, лучшее дитя котораго лежитъ у чужихъ людей съ переломленною ногой!

— Съ переломленною ногой?—горестно воскликнула Арсиноя.

— Съ переломленною ногой?—повторилъ Керавнъ медленно и съ искреннею озабоченностію въ голосѣ.—Гдѣ я могу найти ее?

— У Ганны, въ маленькомъ доминѣ, въ концѣ сада вдовы Пудента.

— Почему ее не перенесли сюда?

— Потому что запретилъ врачъ. Она лежитъ въ лихорадкѣ, но за ней хорошій уходъ. Ганна принадлежитъ къ сектѣ христіанъ. Я не терплю этихъ людей, но обращаться съ больными они умѣютъ лучше, чѣмъ кто-либо.

— У христіанъ? Моя дочь у христіанъ? — воскликнулъ Керавнъ внѣ себя.—Сейчасъ же, Арсиноя, сейчасъ же пойдемъ со мной! Селена не должна оставаться ни минуты долѣе среди этого проклятаго сброда. Вѣчные боги! ко всѣмъ моимъ несчастіямъ еще этотъ позоръ...

— Ну, это еще не такъ плохо,—успокоивала его Дорида:—между христіанами есть люди вполнѣ достойные уваженія. Что они честны — это несомнѣнно: бѣдная горбунья, принесшая это дурное извѣстіе, передала мнѣ кошелекъ съ деньгами, который вдова Ганна нашла въ карманѣ Селены.

Керавнъ съ такимъ презрѣніемъ принялъ тяжелымъ трудомъ заработанную его дочерями плату, будто онъ привыкъ къ золоту и не придаетъ никакого значенія жалкому серебру; Арсиноя же

при видѣ этихъ драхмъ заплакала: она знала, что только ради этихъ денегъ Селена вышла изъ дому, и угадывала, какія ужасныя страданія ей приходилось испытывать на пути.

— Всѣ у тебя честны,—ворчалъ Керавнъ, завязывая свой кошелекъ, куда онъ пересыпалъ деньги.—Мнѣ извѣстно, какъ безстыдно ведутъ себя эти христіане на своихъ собраніяхъ. Цѣловаться съ рабами—это, не правда ли, какъ разъ самое подходящее для моей дочери? Пойдемъ, Арсиноя, и отыщемъ скорѣе носилки!

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ живостію возразила Дорида.—Ты долженъ пока оставить ее въ покоѣ. Такія вещи обыкновенно лучше скрывать отъ отца, но врачъ увѣрялъ, что она можетъ поплатиться жизнію, если ее будутъ тревожить. Съ воспаленною раной на головѣ, съ лихорадкой и съ переломленными членами на собраніе не ходятъ. Бѣдное, милое дитя!

Керавнъ продолжалъ ворчать себѣ подъ носъ.

— Но я должна къ ней идти, я должна ее видѣть, Дорида!—вся въ слезахъ воскликнула Арсиноя.

— И отлично сдѣлаешь, милочка,—сказала старуха.—Я сама была недавно въ домѣ этихъ христіанъ, но меня не допустили къ больной. Ты совсѣмъ другое дѣло, ты—ей сестра.

— Пойдемъ, отецъ!—просила Арсиноя.—Мы сперва посмотримъ, что дѣлаютъ дѣти, а потомъ ты проводишь меня къ Селенѣ. Ахъ, зачѣмъ я не пошла съ ней! Ахъ, если она у насъ умретъ!

Глава двадцатая.

Керавнъ съ дочерью тише обыкновеннаго дошли до своего жилища, потому что управитель боялся новаго нападенія молосса, который, впрочемъ, спалъ въ эту ночь въ комнатѣ Антиноя.

Они нашли старую рабыню еще не спящею и въ сильномъ волненіи,—отсутствіе Селены, которую она искренно любила, не давало ей покоя. Въ дѣтской также не все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Арсиноя, не останавливаясь, прошла къ дѣтямъ, а старуха осталась около своего господина и, пока онъ перемѣнялъ свой шафранно-желтый паллій на старый плащъ, со слезами разсказывала ему, что ея любимецъ, маленькій слѣпой Геліосъ, заболѣлъ и не можетъ заснуть даже теперь, когда она дала ему капли, которыя принималъ обыкновенно самъ Керавнъ.

— Безразсудное животное!—воскликнулъ управитель, снимая новые башмаки, чтобы замѣнить ихъ болѣе простыми.—Мое лѣкарство давать ребенку! Еслибъ ты была помоложе, я бы велѣлъ тебя выпороть.

— Вѣдь ты же говорилъ, что это хорошія капли,—оправдывалась старуха.

— Да, для меня,—кричалъ управитель и поспѣшилъ, не завязавъ вокругъ ноги ремней, такъ что они волочились по полу, въ комнату своихъ дѣтей.

Его слѣпой любимецъ, его «наслѣдникъ», какъ онъ любилъ называть мальчика, сидѣлъ на колѣняхъ у Арсинои, прижавшись къ ея груди своей хорошенькой кудрявой головкой.

Малютка немедленно узналъ шаги отца.

— Селена ушла, мнѣ стало страшно и теперь мнѣ такъ тошно,—жаловался онъ.

Управитель приложилъ руку ко лбу ребенка. Почувствовавъ, что онъ горячъ, онъ сталъ безпокойно прохаживаться взадъ и впередъ передъ маленькою кроваткой.

— Ну, вотъ вамъ! За однимъ несчастіемъ слѣдуетъ другое! Посмотри-ка на него, Арсиноя. Знаешь ли ты, какъ начиналась лихорадка у бѣдной Вереники?... Тошнота, боязливость, воспаленная голова. У тебя не болитъ горло, мальчуганъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Геліосъ.—Но мнѣ такъ тошно!

Управитель растегнулъ рубашку мальчика, чтобы посмотрѣть, не показываются ли пятна у него на груди.

— Это ничего,—сказала Арсиноя, когда отецъ ея нагнулся надъ больнымъ.—Онъ только растроилъ себѣ желудокъ. Глупая старуха во всемъ ему потворствуетъ и дала ему половину пирога съ изюмомъ, за которымъ мы посылали передъ нашимъ уходомъ.

— Но вѣдь у него жаръ въ головѣ,—повторилъ Керавнъ.

— Завтра утромъ все пройдетъ,—возразила Арсиноя.—Бѣдной Селенѣ мы нужнѣе, чѣмъ ему. Пойдемъ, отецъ! Старуха можетъ остаться съ нимъ.

— Пусть Селена придетъ сюда,—жалобно просилъ ребенокъ.— Пожалуйста, не оставляйте меня опять одного.

— Твой отецъ останется съ тобой,—нѣжно сказалъ Керавнъ, у котораго разрывалось сердце при видѣ страданій этого ребенка.— Никто изъ васъ не знаетъ, что за золото этотъ мальчуганъ.

— Онъ скоро заснетъ,—увѣряла Арсиноя.—Ну, пойдемъ же, а то будетъ поздно.

— Чтобы старуха снова сдѣлала какую-либо глупость?— воскликнулъ Керавнъ.—Моя обязанность остаться съ бѣднымъ ребенкомъ. Ты же ступай къ сестрѣ и пусть старуха тебя проводитъ.

— Хорошо, завтра рано утромъ я вернусь.

— Завтра утромъ?—протянулъ Керавнъ.—Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Дорида же говоритъ, что за Селеной хорошо ухаживаютъ у христіанъ. Взгляни только, что она дѣлаетъ, поклонись ей отъ меня и приходи назадъ.

— Но, отецъ...

— Кромѣ того не надо забывать, что завтра въ полдень тебя ожидаетъ жена префекта, чтобы выбрать для тебя ткани. Притомъ ты не должна имѣть утомленнаго безсонницей или заспаннаго вида.

— Я отдохну немножко по утру.

— По утру?... А мои кудри? А твое новое платье? А бѣдный Геліосъ?... Нѣтъ, дитя, ты только повидаешься съ Селеной и тотчасъ же воротишься назадъ. Съ ранняго утра начинается, къ тому же, праздникъ, а ты знаешь, что тогда бываетъ. Старуха ничего тебѣ не поможетъ въ толкотнѣ. Ты только освѣдомишься о здоровьѣ Селены, а оставаться тебѣ нельзя.

— Я увижу...

— Нечего тебѣ видѣть. Ты возратишься назадъ! Я тебѣ это приказываю! Черезъ два часа ты должна лежать въ своей постели.

Арсиноя пожала плечами и черезъ нѣсколько минутъ уже стояла со старой рабыней передъ домикомъ привратника.

Широкая полоса свѣта вырывалась черезъ открытую дверь украшенной цвѣтами и птицами комнаты. Евфоріонъ и Дорида еще, слѣдовательно, не ложились и могли немедленно открыть ей дворцовыя ворота.

Граціи подняли было лай, когда Арсиноя входила къ своимъ старымъ друзьямъ, но, быстро узнавъ ее, остались лежать на своихъ подушкахъ.

Уже нѣсколько лѣтъ, повинуясь строгому запрещенію отца, не бывала Арсиноя въ этой уютной комнаткѣ и отрадное чувство овладѣло ея душой, когда она снова увидала все то, что такъ любила ребенкомъ и чего не забыла дѣвушкой. Птицы, собачонки и лютня на стѣнѣ подлѣ Аполлона—все было по-старому, на томъ же мѣстѣ. На столѣ доброй Дориды всегда бывало

что-либо съѣдобное, и теперь подлѣ кружки съ виномъ стоялъ вкусный, румяный пирогъ. Какъ часто забѣгала она ребенкомъ къ старушкѣ за кусочкомъ чего-либо сладкаго, а еще чаще, чтобы посмотрѣть, не тутъ ли долговязый Поллуксъ, который своими смѣлыми выдумками и энергическимъ содѣйствіемъ налагалъ на ихъ затѣи и игры печать художественности, что придавало имъ особенную прелесть.

И теперь ея старый веселый товарищъ былъ дома; онъ сидѣлъ, о чемъ-то съ жаромъ разсказывая и вытянувъ далеко впередъ свои длинныя ноги.

Арсиноя слышала, входя, окончаніе его разсказа о выборѣ Роксаны и свое собственное имя, украшенное такими эпитетами, которые заставили кровь ея прихлынуть къ щекамъ и доставили ей двойную радость, такъ какъ онъ не могъ думать, что она его слышитъ.

Мальчикъ преобразился въ стройнаго, красиваго мужчину и сдѣлался великимъ художникомъ; но все-таки это былъ тотъ же задорный, добродушный Поллуксъ.

Бойкое привѣтствіе, съ которымъ онъ вскочилъ съ своего мѣста и бросился ей на встрѣчу, свѣжій, звучный смѣхъ, прерывавшій неоднократно его рѣчь, дѣтская нѣжность, съ которой онъ, обнимая одновременно старушку мать, здоровался съ ней и спрашивалъ ее о причинѣ такого поздняго выхода изъ дому, задушевное и искреннее сожалѣніе о несчастіи съ Селеной—все это повѣяло на Арсиною чѣмъ-то знакомымъ, милымъ, давно не испытаннымъ, и она крѣпко сжала двѣ протянутыя ей большія руки.

Еслибъ онъ въ эту минуту приподнялъ ее и на глазахъ Евфоріона и матери прижалъ къ своему сердцу, она, право, не стала бы этому противиться.

Грустная, озабоченная вошла Арсиноя въ комнату Дориды, но воздухъ въ домикѣ привратника разгонялъ всякія горести и заботы, и въ легкомысленномъ воображеніи дѣвушки образъ ея измученной страданіями и находящейся въ крайней опасности сестры чудодѣйственно и быстро обратился въ представленіе спокойно лежащей въ мягкой и теплой постели больной, только съ сильно пораненною ногой. Страхъ и тревога смѣнились сердечнымъ участіемъ и это теплое чувство еще звучало въ голосѣ Арсинои, когда она попросила пѣвца Евфоріона отворить ей ворота, потому что ей съ старой работницей надо идти навѣстить Селену.

—

Дорида успокоила ее, повторивъ свое увѣреніе, что за больной какъ нельзя лучше ухаживаютъ въ домикѣ Ганны. Впрочемъ нашла ея желаніе повидаться съ сестрой вполнѣ законнымъ и съ жаромъ поддержала Поллукса, просившаго позволенія проводить Арсиною, ссылаясь на то, что вскорѣ послѣ полуночи начнется праздникъ, улицы наполнятся буйнымъ народомъ, а черномазая спутница такъ же мало можетъ защитить ее отъ пьяныхъ рабовъ, какъ простое покрывало, такъ какъ она еле держалась на ногахъ еще прежде, чѣмъ Поллуксъ сдѣлалъ величайшую глупость въ своей жизни и возбудилъ противъ себя гнѣвъ Керавна.

Долго шли они молча по темной улицѣ, которая чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе наполнялась людьми.

— Возми меня подъ руку,—сказалъ наконецъ Поллуксъ.— Ты должна чувствовать мою охрану, а мнѣ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы каждый нашъ шагъ напоминалъ мнѣ, что мы снова встрѣтились и что я могу быть подлѣ тебя, милое, чудесное созданіе!

Слова эти ничуть не звучали шуткой; напротивъ, они были произнесены серьезнымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышалась неподдѣльная, искренняя нѣжность. Словно громкій, призывный кличъ любви отдавались они въ сердцѣ дѣвушки; не колеблясь, оперлась она на руку ваятеля и тихо отвѣчала:

— Ты, конечно, защитишь меня.

— Да,—твердо проговорилъ онъ, схватывая свободной лѣвою рукой ея маленькую ручку.

Арсиноя ее не отдернула и они молча прошли еще нѣсколько шаговъ.

Поллуксъ вздохнулъ и спросилъ:

— Знаешь, каково мнѣ теперь?

— Ну?

— Я и самъ хорошенько не могу этого выразить. Мнѣ кажется, будто я побѣдитель на олимпійскихъ играхъ или будто кесарь подарилъ мнѣ свой пурпуръ. Но что̀ мнѣ теперь до вѣнка и до пурпура?... Ты опираешься на меня, я держу твою руку въ своей,—въ сравненіи съ этимъ все для меня представляется мелкимъ и ничтожнымъ. Не будь тутъ людей, я... я просто не знаю, что бы сдѣлалъ.

Радостными, счастливыми глазами посмотрѣла она ему въ лицо; онъ поднесъ ея руку къ губамъ и долго, долго цѣловалъ ее. Потомъ, снова опустивъ ее, онъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— О, Арсиноя, чудная Арсиноя, какъ я тебя люблю!—Медленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучимъ потокомъ вылились слова эти изъ устъ художника. Дѣвушка еще крѣпче обняла руку, прижалась къ нему головой и широко открыла свои глаза на встрѣчу его нѣжнымъ взглядамъ.

— О, Поллуксъ, я такъ счастлива, міръ такъ прекрасенъ!—тихо лепетала она.

— Нѣтъ, я бы могъ ненавидѣть его!—воскликнулъ ваятель.—Слышать это отъ тебя, имѣть за собой бдительную старуху и быть вынужденнымъ чинно шествовать по кишащей народомъ улицѣ—это невозможно. Да я и не намѣренъ больше этого выдерживать. Прелестнѣйшая изъ дѣвушекъ, здѣсь такъ темно....

Дѣйствительно, въ углу, образованномъ двумя соприкасающимися домами, царилъ глубокій мракъ; но свѣтло, свѣтлѣе солнечнаго дня, было въ сердцахъ влюбленныхъ, когда Поллуксъ привлекъ Арсиною къ себѣ на грудь и поспѣшно напечатлѣлъ первый поцѣлуй на ея дѣвственныхъ губахъ.

Крѣпко обвила она ему шею руками и, казалось, такъ и не выпустила бы его до скончанія дней. На встрѣчу къ нимъ приближалась разгульная толпа рабочихъ.

Пѣснями и плясками начинали эти несчастные свое торжество уже вскорѣ послѣ полуночи, чтобы до послѣдней возможности продлить свое наслажденіе праздникомъ, избавлявшимъ ихъ на короткое время отъ всякой обязанности.

Зная, какъ необузданны бываютъ они въ своемъ разгулѣ, Поллуксъ просилъ Арсиною держаться съ нимъ ближе къ строеніямъ.

— Какъ они рады,—сказалъ онъ, указывая на веселящихся.—Сегодня ихъ господа будутъ имъ прислуживать и для нихъ начинается лучшій день въ году, а для насъ насталъ прекраснѣйшій въ цѣлой нашей жизни.

— Да, да,—возразила Арсиноя, повиснувъ обѣими руками на его мощной рукѣ.

Потомъ оба весело засмѣялись, такъ какъ Поллуксъ замѣтилъ, что старая рабыня прошла мимо нихъ и съ опущенною головой слѣдовала за какой-то другою парой.

— Я позову ее,—сказала Арсиноя.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь!—просилъ художникъ.—Эти двое, конечно, болѣе насъ нуждаются въ ея защитѣ.

— Какъ она только могла принять за тебя этого маленькаго человѣка?—засмѣялась дѣвушка.

Онъ въ наказаніе быстро прикоснулся губами къ ея головѣ.

— Вѣдь насъ могутъ видѣть,—сказала она, отстраняя его.

— Не бѣда, если и позавидуютъ,—весело отозвался онъ.

Здѣсь улица кончалась и они стояли передъ садомъ, принадлежавшимъ вдовѣ Пудента; это было извѣстно Поллуксу, потому что владѣтельница сада, Паулина, имѣвшая великолѣпный домъ и въ городѣ, была сестра архитектора Понтія.

— Но какъ же это случилось? Невидимая рука, что ли, перенесла ихъ сюда?

Ворота сада были заперты.

Ваятель разбудилъ привратника, который, получивъ приказаніе пропускать родственниковъ больной даже ночью, довелъ его съ Арсиноей до мѣста, откуда виденъ былъ яркій свѣтъ изъ домика Ганны.

Прибывавшій мѣсяцъ освѣщалъ усыпанныя раковинами дорожки; кустарники, деревья бросали рѣзкоочерченныя тѣни на залитую серебристымъ свѣтомъ землю; вблизи ярко сверкало море.

Привратникъ оставилъ влюбленныхъ и они вступили въ темную крытую аллею. Поллуксъ широко раскрылъ Арсиноѣ свои объятія.

— Ну, еще одинъ поцѣлуй, о которомъ я могъ бы вспоминать, ожидая тебя.

— Только не теперь,—просила дѣвушка.—Веселость меня оставила съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь. Мнѣ все думается о бѣдной Селенѣ.

— Противъ этого ничего нельзя сказать,—покорно согласился Поллуксъ.—Но когда ты вернешься, я буду вознагражденъ.

— Нѣтъ, милый, не тогда, а теперь!—воскликнула Арсиноя, бросаясь къ нему на грудь, и затѣмъ поспѣшила къ дому.

Онъ послѣдовалъ за ней и, когда она подошла къ ярко-освѣщенному окну нижняго этажа, остановился подлѣ нея.

Передъ ними была высокая, просторная, въ высшей степени опрятная комната, въ которую вела только одна дверь, отворявшаяся на террассу передъ домомъ. Стѣна этого покоя была сплошь окрашена свѣтло-зеленою краской. Единственное украшеніе—маленькая картина—помѣщалась надъ дверью. Въ глубинѣ комнаты стояла кровать, на которой лежала Селена; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея спала, сидя на стулѣ, горбатая Марія, а Ганна прикладывала въ эту минуту компрессъ къ головѣ больной.

Поллуксъ, толкнувъ Арсиною, шепнулъ ей:

— Какъ красиво лежитъ твоя сестра! Точно Аріадна, покинутая во время сна своимъ Діонисомъ. Какія мученія будетъ она испытывать при пробужденіи!

— Она, кажется, сегодня менѣе блѣдна, чѣмъ обыкновенно.

— Взгляни только, какъ согнута эта рука и какъ живописно покоится на ней голова!

— Ну, теперь ступай,—тихо сказала Арсиноя,—ты не долженъ тутъ подслушивать.

— Сейчасъ, сейчасъ! Еслибы ты лежала тамъ, какъ она, никакой богъ не сдвинулъ бы меня съ этого мѣста... Какъ осторожно снимаетъ Ганна компрессъ съ бѣдной больной ступни! Съ глазомъ не обращаются такъ нѣжно, какъ эта матрона съ ногою Селены.

— Отступи назадъ, она какъ разъ смотритъ сюда.

— Чудесное лицо! Это, пожалуй, Пенелопа, только въ глазахъ есть что-то совершенно особѐнное. Еслибы мнѣ пришлось лѣпить снова смотрящую на звѣзды Уранію или Сафо, въ поэтическомъ восторгѣ поднимающую очи къ небу, я бы взялъ ее моделью. Она уже не совсѣмъ молода, но какъ еще свѣжо и ясно ея лицо! Его можно бы сравнить съ небомъ, съ котораго вѣтеръ согналъ всѣ облака.

— Право, ты долженъ теперь уйти,—сказала Арсиноя, отдергивая руку, которую онъ снова было схватилъ.

Поллуксъ замѣтилъ, что ей досадно было слышать его похвалы красотѣ другой женщины.

— Успокойся, дитя мое,—ласково шепнулъ онъ, обнимая ее.— Ты все-таки не имѣешь себѣ подобной здѣсь, въ Александріи, и всюду, гдѣ слышится греческая рѣчь. Совсѣмъ чистое небо для меня далеко еще не самое прекрасное. Художнику нужны не одни только свѣтъ и лазурь,—нѣсколько подвижныхъ облачковъ, попеременно окрашиваемыхъ лучами то золотомъ, то серебромъ, придаютъ небосклону настоящую прелесть. Если твое лицо и напоминаетъ небо, то въ чертахъ твоихъ достаточно очаровательной, вѣчно-новой игры. Эта же матрона...

— Посмотри-ка,—перебила его Арсиноя, опять прильнувшая къ нему.—Посмотри, какъ любовно наклоняется Ганна надъ бѣдной Селеной. Вотъ она цѣлуетъ ее въ лобъ. Нѣжнѣе ни одна мать не можетъ обращаться съ своей дочерью. Я вѣдь давно ее знаю. Она—добрая, очень добрая и это даже трудно понять, такъ какъ она вѣдь христіанка.

— Вотъ этотъ крестъ надъ дверью,—сказалъ Поллуксъ,— служитъ знакомъ, по которому эти странные люди узнаютъ другъ друга.

— А что означаютъ голубь, рыба и якорь около него?—спросила Арсиноя.

— Это—символическія изображенія изъ христіанскихъ мистерій,—отвѣчалъ Поллуксъ.—Я въ нихъ ничего не понимаю. Какая плохая живопись! Приверженцы распятаго Бога презираютъ искусства вообще и въ особенности мое, такъ какъ имъ ненавистны всякія изображенія боговъ.

— И между этими безбожниками есть такіе славные люди! Я сейчасъ войду. Ганна снова перемѣняетъ компрессъ.

— И какой у нея при этомъ спокойный и ласковый видъ! Но все-таки въ этой большой опрятной комнатѣ есть что-то чуждое, пустынное, непривѣтливое. Мнѣ бы не хотѣлось тутъ жить.

— Замѣтилъ ты слабый запахъ лаванда, проникающій черезъ окно?

— Давно. Вотъ твоя сестра шевельнулась и открыла глаза. Вотъ она ихъ снова закрываетъ.

— Вернись въ садъ и жди меня тамъ,—рѣшительнымъ голосомъ приказала Арсиноя.—Я только посмотрю, чтó съ Селеной. Долго я не останусь, потому что отецъ велѣлъ мнѣ приходить скорѣе, а лучше Ганны никто не съумѣетъ за ней ходить.

Дѣвушка освободила руку изъ руки своего возлюбленнаго и постучалась въ дверь домика. Ей отворили и вдова подвела ее къ постели сестры.

Поллуксъ присѣлъ сперва на скамейку въ саду, но скоро вскочилъ и началъ прохаживаться большими шагами по дорожкѣ, по которой они прошли съ Арсиноей. Каменный столъ задержалъ юношу на этомъ пути и ему вдругъ захотѣлось перепрыгнуть черезъ него.

Проходя мимо него въ третій разъ, онъ не выдержалъ и бойко прыгнулъ. Но тотчасъ же послѣ этого подвига онъ остановился, неодобрительно покачалъ головой и пробормоталъ: «какой же я мальчишка!» И дѣйствительно, онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ.

Во время ожиданья онъ сдѣлался нѣсколько спокойнѣе и серьезнѣе. Съ восторгомъ думалъ онъ о томъ, что нашелъ, наконецъ, женскій образъ, который грезился ему въ минуты творческаго вдохновенія и что онъ принадлежитъ ему, одному ему.

Но кто же онъ самъ-то въ сущности?—Бѣднякъ, которому приходится кормить цѣлую семью,—работникъ, вполнѣ зависящій отъ своего хозяина. Все это слѣдовало измѣнить. Сестрѣ онъ не хотѣлъ отказать въ своей помощи, но съ Паппіемъ ему надо было покончить и стать на собственныя ноги. Рѣшимость его все увеличивалась и, когда Арсиноя вернулась, наконецъ, отъ сестры, онъ уже разсуждалъ, что сперва усердно займется въ собственной мастерской окончаніемъ бюста Бальбиллы, а потомъ примется за изваяніе своей возлюбленной. Эти двѣ женскія головки не могли не удасться. Онѣ должны быть выставлены, кесарь долженъ ихъ увидать,—и въ воображеніи его уже осаждали заказами, изъ которыхъ онъ выбиралъ только самые блестящіе.

Арсиноя могла успокоенная возвращаться домой.

Страданія Селены оказались гораздо слабѣе, чѣмъ она предполагала. Больная не желала иной сидѣлки, кромѣ вдовы Ганны. «Можетъ-быть и есть маленькая лихорадка,—разсуждала Арсиноя, проходя объ руку съ художникомъ черезъ садъ,—но дѣйствительно больная не была бы въ состояніи такъ разумно разсуждать о каждой мелочи въ хозяйствѣ и обо всемъ, что надо сдѣлать для дѣтей».

— Ее должно радовать и веселить имѣть сестрой Роксану!—воскликнулъ Поллуксъ, но прекрасная спутница его отрицательно покачала головой.

— Селена всегда такая странная,—сказала она.—Что меня наиболѣе радуетъ, то ей не нравится.

— Дѣло въ томъ, что Селена—мѣсяцъ, а ты—солнце!

— Кто же ты?—спросила Арсиноя.

— Я?—Долговязый Поллуксъ. Впрочемъ, сегодня мнѣ чудится, что я могу быть не только долговязымъ, но и великимъ.

— Если тебѣ это удастся, я поднимусь вмѣстѣ съ тобою.

— Ты имѣешь на это право, потому что только благодаря тебѣ могутъ сбыться мои надежды.

— Какъ же я, такая неуклюжая, могу помочь художнику?

— Живя и любя его,—воскликнулъ ваятель и привлекъ ее къ себѣ прежде, чѣмъ она успѣла воспрепятствовать этому.

У воротъ они увидали провожавшую ихъ рабыню.

Узнавъ отъ привратника, что молодая госпожа ея съ своимъ спутникомъ направилась къ домику въ саду и не получивъ туда пропуска, старая негритянка присѣла на тумбу и скоро задремала, несмотря на увеличивавшійся шумъ на улицѣ.

Арсиноя не стала будить ее и съ плутовской улыбкой спросила Поллукса:

— Не правда ли, мы дойдемъ и одни?

— Если Эросъ не заставитъ насъ сбиться съ дороги,—возразилъ художникъ.

На обратномъ пути влюбленные не переставали шутить и обмѣниваться нѣжными словами.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Лохіи и большому торговому пути, пересѣкавшему подъ прямымъ угломъ Канопскую улицу, самую широкую и длинную въ городѣ, потокъ двигавшагося народа все росъ и увеличивался.

Но это обстоятельство имъ скорѣе благопріятствовало, потому что въ тѣснотѣ и давкѣ они легче могли остаться незамѣченными.

Увлекаемые этою толпой, стремившейся къ средоточію праздничнаго веселья, Поллуксъ и Арсиноя крѣпко держались другъ за друга, чтобы не быть разлученными встрѣчнымъ наплывомъ изступленныхъ фракійскихъ женщинъ, которыя въ эту ночь, вѣрныя обычаямъ своей родины, водили по улицамъ тельца.

Имъ оставалось не болѣе ста шаговъ доступной улицы, какъ навстрѣчу имъ раздалось оттуда веселое, опьяняющее, увлекательно-дикое пѣніе, заглушаемое по временамъ звуками барабановъ, флейтъ, бубенчиковъ и громкими восторженными криками.

По выходящей на Лохію и пересѣкающей Брухіумъ улицѣ Князей стремилась другая веселая толпа.

Впереди всѣхъ между другими знакомыми плясалъ рѣзчикъ Тевкръ, младшій братъ счастливаго Поллукса, съ вѣнкомъ изъ плюща на головѣ и тирсовымъ жезломъ въ рукѣ. Съ кликами, пѣснями и плясками двигалась возбужденная до изступленія, ликующая, толпа мужчинъ и женщинъ.

Вѣтви виноградной лозы, плюща и асфоденуса колебались надъ сотнею головъ; вѣнки изъ тополя, латуса и лавра красовались надъ разгоряченными лбами; шкуры пантеръ, оленей и дикихъ козъ свѣшивались съ обнаженныхъ плечъ и при быстромъ бѣгѣ высоко поднимались вѣтромъ. Художники и богатые молодые люди, возвращавшіеся съ пира съ своими возлюбленными, съ музыкой открывали шествіе. Всякій встрѣчный долженъ былъ присоединиться къ этой веселой толпѣ и стремительно увлекался ею. Почетные граждане и матроны, рабочіе, дѣвушки, рабы, солдаты, матросы, офицеры, флейтистки, ремесленники, лоцманы,

цѣлый театральный хоръ, бывшій на пирушкѣ у какого-то любителя искусствъ, возбужденныя женщины, тащившія барана для принесенія въ жертву Діонису — никто не могъ противустоять соблазну примкнуть къ шествію.

Вотъ оно повернуло на Лунную улицу и направилось по усаженному вязами среднему пути для пѣшеходовъ, по обѣ стороны котораго тянулись пустынныя теперь мостовыя.

Какъ громко звучали двойныя флейты, какъ мощно ударяли нѣжные дѣвичьи кулаки по кожѣ ручныхъ барабановъ, какъ причудливо игралъ вѣтеръ съ распущенными волосами ликующихъ женщинъ и съ дымомъ факеловъ, которыми съ удалыми криками размахивали юноши, одѣтые фавнами и сатирами!

Здѣсь какая-то дѣвушка, высоко поднявъ на бѣгу свой тамбуринъ надъ головою, такъ сильно тряхнула его бубенчиками, что, казалось, они вотъ-вотъ отлетятъ и со свистомъ прорѣжутъ воздухъ.

Тамъ, подлѣ обезумѣвшей дѣвицы, граціозно и ловко прыгалъ красивый юноша, съ комическою озабоченностью придерживая подъ мышкой прицѣпленный у него сзади длинный бычачій хвостъ, и безъ устали дулъ то въ короткія, то въ длинныя трубки своей флейты.

Изъ средины бурной толпы раздавался по временамъ громкій вой, который могъ одинаково быть вызванъ какъ весельемъ такъ и болью, но онъ каждый разъ быстро заглушался безумнымъ смѣхомъ, разгульнымъ пѣніемъ и шумною музыкой.

И стараго и малаго, и богача и бѣдняка,—короче, все, что ни приближалось къ шествію, какая-то непреоборимая сила заставляла съ дикимъ восторгомъ слѣдовать за нимъ.

Поллуксъ съ Арсиноей уже давно перестали идти спокойно и чинно другъ подлѣ друга и со смѣхомъ переступали съ ноги на ногу подъ тактъ веселаго плясоваго мотива.

— Какіе чудные звуки!—воскликнулъ художникъ.—Плясать и ликовать хотѣлось бы мнѣ,—какъ бѣшеному плясать и ликовать съ тобою, моя Арсиноя!

Не успѣла она отвѣтить «да» или «нѣтъ», какъ онъ съ громкимъ восклицаніемъ: «Іо, іо, Діонисъ!»—высоко поднялъ ее на воздухъ.

Тогда и ее охватило общее опьяненіе. Вскинувъ руки свои надъ головою, она слила свой голосъ съ его ликующимъ кри-

комъ и послѣдовала за нимъ на уголъ Лунной улицы, гдѣ торговка вѣнками разложила свой товаръ.

Тамъ Поллуксъ обвилъ ее виноградньшъ вѣнкомъ, а она надѣла ему на голову лавровый вѣнокъ, украсила шею и грудь его плющомъ и, громко засмѣявшись, когда онъ бросилъ крупную серебряную монету на колѣни садовницѣ, повисла на его рукѣ.

Все это было сдѣлано быстро, безъ размышленія, въ какомъ-то чаду.

Въ это время процессія прошла мимо.

Шестеро женщинъ и дѣвушекъ въ вѣнкахъ рука объ руку съ громкимъ пѣніемъ присоединились къ ней.

Поллуксъ увлекъ за ними свою возлюбленную и снова обнялъ рукой талію прильнувшей къ нему Арсинои; быстро понеслись они нога въ ногу подъ звуки музыки, кружа въ воздухѣ свободными руками и, закинувъ головы, громко запѣли и забыли все, что происходило вокругъ. Имъ казалось, будто они соединены поясомъ, сотканнымъ изъ солнечныхъ лучей, будто какой-то богъ, держащій этотъ поясъ, поднимаетъ ихъ высоко, высоко надъ землей и ведетъ среди радостныхъ кликовъ и ликованій мимо тысячи звѣздъ по безграничнымъ пространствамъ эѳира.

Они не понимали, какъ прошли Лунную и Канопскую улицы, потомъ вернулись къ морю и достигли храма Діониса.

Здѣсь они остановились перевести духъ, и ему вдругъ припомнилось, что онъ—Поллуксъ, а ей, что она—Арсиноя, что она должна вернуться къ отцу и дѣтямъ.

— Пойдемъ домой,—проговорила дѣвушка шепотомъ и, быстро отнявъ руку отъ его шеи, начала стыдливо поправлять свои растрепавшіеся волосы.

— Да, да,—отвѣчалъ ваятель словно во снѣ.

Затѣмъ, выпустивъ ее, онъ ударилъ себя рукою по лбу и воскликнулъ, обращаясь къ отворенньшъ дверямъ храма:

— Что ты могуществен, Діонисъ, что ты прекрасна, Афродита, что ты прелестенъ, Эросъ,—это я зналъ давно; но только сегодня испыталъ я впервые, какъ неизмѣримо велики ваши дары.

— Мы были совершенно полны божествомъ,—сказала Арсиноя.—Это было чудесно; но вотъ приближается новое шествіе, а мнѣ нужно домой.

— Такъ пойдемъ по набережной,—отозвался Поллуксъ.

— Да. Я должна вытащить листья изъ волосъ, а тамъ насъ никто не увидитъ.

— Я тебѣ помогу...

— Нѣтъ, пожалуйста, не прикасайся ко мнѣ,—строго возразила Арсиноя.

Она собрала рукой роскошныя, мягкія волосы и освободила ихъ отъ листьевъ, которые забились въ нихъ, какъ зеленые жуки въ густую зелень цвѣтовъ. Потомъ она прикрыла голову покрываломъ, которое давно уже свалилось и какимъ-то чудомъ не отлетѣло, зацѣпившись за застежку ея плаща.

Поллуксъ пожиралъ ее глазами и, увлеченный силою страсти, воскликнулъ:

— Вѣчные боги, какъ я тебя люблю, моя Арсиноя! Сердце мое было подобно играющему ребенку, но теперь оно возмужало и стало похоже на героя, который съумѣетъ владѣть своимъ оружіемъ.

— А я буду съ нимъ бороться,—весело сказала она, снова взявъ его руку, и они поспѣшили, все еще приплясывая, по направленію къ старому дворцу.

Сѣроватая полоса на горизонтѣ уже возвѣщала о скоромъ появленіи поздно встающаго декабрскаго солнца, когда Поллуксъ и его спутница входили въ давно открытыя для рабочихъ ворота.

Они простились въ первый разъ въ залѣ музъ, потомъ еще разъ, печально и все-таки радостно, въ галлереѣ, ведущей къ жилищу управителя.

Прощаніе это было однако коротко, потому что мелькнувшій свѣтъ лампы быстро разлучилъ влюбленныхъ.

Арсиноя немедленно бросилась бѣжать.

Причиной тому было появленіе Антиноя.

Онъ дожидался здѣсь императора, все еще занятаго наблюденіемъ звѣздъ на выстроенной для него Понтіемъ обсерваторіи, и тотчасъ же узналъ сестру Селены, когда она пробѣгала мимо него.

Когда дѣвушка исчезла, юноша подошелъ къ Поллуксу.

— Я долженъ извиниться передъ тобой, — весело сказалъ онъ.—Я помѣшалъ твоему свиданію съ возлюбленной.

— Это моя невѣста,—гордо произнесъ ваятель.

— Тѣмъ лучше, — отвѣчалъ любимецъ кесаря и при этомъ такъ глубоко вздохнулъ, будто слова Поллукса сняли тяжкое бремя съ его души. — Тѣмъ лучше. Не можешь ли ты сказать мнѣ, какъ чувствуетъ себя сестра прекрасной Арсинои?

— Могу, — возразилъ художникъ, предлагая руку уроженцу Виѳиніи.

Веселая, воодушевленная рѣчь Поллукса лилась какъ потокъ и черезъ часъ онъ уже окончательно завоевалъ себѣ сердце императорскаго любимца.

Прійдя домой, Арсиноя нашла отца своего и брата Геліоса спавшими крѣпкимъ сномъ.

Старая рабыня вернулась нѣсколькими минутами позже нея.

Едва распустивъ свои роскошные волосы, Арсиноя, одѣтая, бросилась наконецъ къ себѣ на постель и не замедлила заснуть. Чудный сонъ перенесъ ее снова къ ея возлюбленному Поллуксу и ей казалось, что они подобно двумъ оторваннымъ вѣтромъ листкамъ при звукахъ барабановъ, флейтъ и бубенъ высоко носятся надъ пыльною землей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ вопросу о нуждахъ русскаго студенчества и науки.

Не трудно понять всякому, что матеріальная обезпеченность учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ одной стороны, и развитіе науки и общей образованности въ странѣ, съ другой,—эти два явленія, взятыя безусловно, не стоятъ между собой въ строгой пропорціональной связи, или въ отношеніи причины къ слѣдствію. Успѣшное развитіе науки и возвышеніе уровня образованности всѣхъ общественныхъ группъ требуютъ, кромѣ матеріальныхъ средствъ, и многое другое. Раціональная система низшаго и средняго образованія, надлежащее отношеніе курса среднеучебныхъ заведеній къ курсу высшихъ, богатство личными научными силами и т. п.—все это въ той или другой мѣрѣ необходимыя условія для того, чтобы данная страна могла похвастаться высокимъ уровнемъ умственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, то положеніе, что при неблагопріятной матеріальной обстановкѣ учащихся образованіе всегда будетъ поставлено ненормально, можно признать безспорнымъ. Поэтому вопросъ о матеріальной обезпеченности учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ области просвѣщенія. Оно и понятно. Свѣтъ ученія ищутъ не одни богатые; а между тѣмъ — въ интересахъ всего общества, чтобы высшее образованіе, какъ и всякое другое, отличалось полною *общедоступностью*, т. е. чтобы *всякій* желающій имѣлъ бы возможность достигнуть наивысшей степени развитія, какую только позволяютъ его природныя способности. Въ наше время для всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей должно быть азбучной истиной, что чѣмъ большій процентъ общества прой-

детъ курсъ высшаго образованія, тѣмъ значительнѣе окажется въ странѣ число лицъ, какъ слѣдуетъ понимающихъ ея истинныя нужды и способныхъ содѣйствовать къ ихъ удовлетворенію. Все сказанное, справедливое само по себѣ, остается такимъ и по отношенію къ Россіи, гдѣ матеріальная обстановка учащихся, какъ свидѣтельствуетъ журналистика самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, прихрамываетъ тамъ довольно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ довольно единодушно раздаются сѣтованія о томъ, что русская учащаяся молодежь бѣдствуетъ, что, наприм., тѣхъ средствъ, которыя ассигнуются на удовлетвореніе ея духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ, оказывается недостаточно, и приводится не мало краснорѣчивыхъ фактовъ, подтверждающихъ это. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ дѣло на этомъ и оканчивается. Важный вопросъ о томъ, откуда взять средства для «оживленія» этой довольно темной части общей картины жизни русскаго общества, обыкновенно остается открытымъ. Сѣтующіе довольствуются критикой существующихъ способовъ доставленія матеріальнаго обезпеченія учащимся, упрекаютъ общество, *отцовъ*, въ апатичномъ отношеніи къ судьбѣ своихъ дѣтей, говорятъ объ общественной благотворительности. И дѣйствительно, всѣ подобныя указанія и упреки далеко не безъосновательны. Но возможно ли вообще, и въ особенности у насъ, возлагать въ этомъ дѣлѣ большія надежды на общественную благотворительность?—Отвѣтить на этотъ вопросъ очень легко фактами. Давно ли, наприм., мы читали заявленіе комитета Общества для вспомоществованія студентамъ университета, гдѣ онъ говорилъ, между прочимъ, что Общество при своемъ основаніи «разсчитывало, что, получая отъ него пособія только въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ, всѣ вообще пользующіеся ими будутъ смотрѣть на нихъ, дѣйствительно, какъ на ссуды и по истеченіи предоставленныхъ имъ уставомъ Общества четырехъ льготныхъ лѣтъ по выходѣ ихъ изъ университета будутъ считать своею обязанностью уплату своего долга Обществу, для новыхъ ссудъ съ его стороны новымъ студенческимъ поколѣніямъ. *Къ сожалѣнію, разсчетъ учредителей оказывается не вполнѣ вѣрнымъ*». Число членовъ Общества достигло къ шестому году его существованія лишь весьма скромной цифры 800. Между тѣмъ въ составъ Общества входитъ не мало лицъ не изъ бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета. «Изъ лицъ, значащихся въ спискахъ членовъ Общества, не заплатившихъ сво-

ихъ членскихъ взносовъ по настоящую пору: за 1874 г.—18 членовъ, за 1875 г.—102, за 1876 г.—152, за 1877 г.—225, за 1878 г.—333 и за 1879 г.—671. Такимъ образомъ за нынѣшній годъ, уже вступившій въ свою послѣднюю треть, членскихъ взносовъ поступило всего 129» (*Голосъ*, № 261 за 1879 г.).

Прошедшею весной въ средѣ лицъ окончившихъ курсъ родилась мысль о томъ, чтобы, для поддержки недостаточныхъ студентовъ университета, каждый желающій принялъ бы на себя обязательство жертвовать ежемѣсячно ради этой цѣли опредѣленный небольшой процентъ съ того содержанія, которое онъ будетъ получать впослѣдствіи. Нашлось не мало лицъ, согласившихся на такое предложеніе. Однако мы еще весьма недавно слышали, что никакихъ взносовъ пока не поступило. Правда, времени прошло немного и отсутствіе поступленій до извѣстной степени можно объяснить тѣмъ, что до сихъ поръ никто изъ согласившихся еще не устроился; но, во всякомъ случаѣ, громадная разница дать согласіе на взносъ извѣстнаго процента съ получекъ, которыя рисуются еще только въ пріятной перспективѣ будущаго, и на самомъ дѣлѣ аккуратно дѣлать обѣщанные взносы. Выполненіе, сопряженное съ нѣкоторою жертвою добровольно принятыхъ на себя обязанностей, требуетъ отъ личности такого умственнаго и нравственнаго развитія, какимъ, къ сожалѣнію, могутъ похвастаться весьма немногіе даже изъ окончившихъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Судьба Общества для вспомоществованія студентамъ Петербургскаго университета, съ прогрессивнымъ ослабленіемъ изъ года въ годъ матеріальнаго участія его членовъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что надѣяться въ дѣлѣ содѣйствія высшему образованію на общественную благотворительность—разсчетъ плохой. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ отрицать всякое значеніе общественной благотворительности. Но, какъ бы то ни было, по своему существу филантропія есть область палліативныхъ мѣръ. Поэтому, подобно тому, какъ въ отношеніи общей бѣдности она безсильна тамъ, гдѣ все населеніе терпитъ крайнюю нужду, точно также и въ дѣлѣ помощи учащимся общественная благотворительность будетъ плодотворна только тогда, когда государство обезпечитъ основныя нужды учащихся и крайность послѣднихъ будетъ вызываться случайными, непредвидѣнными обстоятельствами, а не будетъ хронической болѣзнею.

Итакъ, безсиліе филантропіи указываетъ на необходимость изыскать болѣе вѣрный и дѣйствительный способъ удовлетворенія *по возможности всѣхъ* жаждущихъ высшаго образованія и не имѣющихъ на это собственныхъ достаточныхъ средствъ, но часто совершенно напрасно тратящихъ послѣдніе гроши на безплодныя публикаціи въ газетахъ, хотя бы и по уменьшенной таксѣ сравнительно съ прочими объявленіями. Помочь горю, какъ думаютъ нѣкоторые, устройствомъ общежитія на тѣ средства, какія идутъ теперь на стипендіи и проч., по нашему убѣжденію, нельзя. Не говоря уже о томъ, что общежитіе—лишь другая форма расходыванія тѣхъ же средствъ, а не новый источникъ ихъ, поборникамъ общежитія не слѣдуетъ забывать, что оно едва ли не окажется въ разладѣ съ общимъ складомъ студенческой жизни, какъ она сложилась за послѣднее двадцатилѣтіе. Болѣе зрѣлый возрастъ, значительный процентъ женатыхъ студентовъ и т. п.— все это такіе элементы, которые едва ли не дѣлаютъ общежитіе еще менѣе раціональною мѣрой, чѣмъ оно было тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Кромѣ того, съ чисто финансовой точки зрѣнія вполнѣ возможны сомнѣнія въ томъ, что общежитіе доставитъ учащимся при тѣхъ же издержкахъ большія удобства. Въ самомъ дѣлѣ, нужно помнить, что общежитіе неизбѣжно поведетъ за собой значительныя издержки на усиленіе внутренней инспекціи и т. п.

Громадная важность рѣшенія вопроса о матеріальной обезпеченности учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ побуждаетъ насъ указать здѣсь на одинъ изъ возможныхъ, по нашему убѣжденію, источниковъ полученія средствъ для поддержки учащихся, на который, сколько намъ извѣстно, въ русской литературѣ до сихъ поръ еще ясныхъ указаній не встрѣчалось ни разу. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого источника, мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, именно скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какой принципъ *возмездности* или *безвозмездности* долженъ лежать въ основѣ организаціи высшаго образованія. Наиболѣе вѣскій доводъ изъ приводимыхъ въ пользу безвозмездности, или по крайней мѣрѣ возможно-меньшей оплаты высшаго образованія—тотъ, что государство живо заинтересовано, чтобы въ обществѣ было какъ можно больше лицъ получившихъ высшее образованіе, что финансовыя затраты государства возвращаются обществу сообразительностью и коллектуральною силою труда тѣхъ лицъ, которыя на счетъ этихъ

затратъ доведены до наивысшаго развитія. Говорятъ, что если на высшее образованіе и тратятся сравнительно немалыя суммы, собранныя съ тѣхъ, кто не пользуется непосредственно плодами высшаго образованія, то это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ лица съ высшимъ образованіемъ приносятъ пользу всему государству, а слѣдовательно посредственными участниками въ ней являются и всѣ плательщики податей. Съ другой стороны, опираясь на подобныя соображенія, въ то же время указываютъ и на безспорный фактъ бѣдности значительнаго процента нашей учащейся молодежи.

Конечно, было бы положительнымъ абсурдомъ отрицать, что государство нуждается въ лицахъ хорошо образованныхъ и обладающихъ спеціальными знаніями юриста, инженера, медика и т. п., и съ этой точки зрѣнія затраты государства на высшія учебныя заведенія дѣйствительно представляются такъ сказать затратою на самого себя. Но чтобы справедливо рѣшить вопросъ о томъ, насколько *общедоступность* высшаго образованія должна покоиться на началѣ *безвозмездности*, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще другую сторону высшаго образованія—его отношеніе къ отдѣльной личности. Не говоря уже о чинахъ и другихъ спеціальныхъ преимуществахъ, связанныхъ у насъ въ Россіи съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія, вообще можно признать за общее положеніе, что высшее образованіе выдвигаетъ человѣка изъ толпы и ставитъ его въ привилегированное положеніе, которое даетъ ему возможность пользоваться гораздо большею суммою личнаго счастія сравнительно съ тѣми, кто почему-либо не могъ воспользоваться высшимъ образованіемъ. Трудъ такого человѣка отъ скудной заработной платы простаго поденщика становится на ступень высшаго квалифицированнаго труда, наиболѣе оплачиваемаго. Понятно, что мы не говоримъ здѣсь объ исключеніяхъ. Такимъ образомъ высшее образованіе въ извѣстномъ смыслѣ является капиталомъ, приносящимъ своему владѣльцу хорошіе проценты. Не слѣдуетъ упускать изъ виду также и то, что высшее образованіе, въ противоположность низшему и среднему, имѣетъ дѣло съ людьми, по большей части, совершеннолѣтними или по крайней мѣрѣ взрослыми и достаточно развитыми, чтобъ оцѣнить до извѣстной степени выгоды, которыя связаны съ высшимъ образованіемъ и о которыхъ я только-что говорилъ. Съ чисто-личной, субъективной точки зрѣнія можно признавать вполнѣ справедливымъ, еслибы государство обрати-

лось ко всякому желающему пріобрѣсти высшіе образованіе съ слѣдующею, наприм., дилемою: или уплати въ полной стоимости сумму, идущую на твое высшее образованіе, или откажись отъ тѣхъ выгодъ, какія оно влечетъ за собой, и удовольствуйся болѣе скромнымъ положеніемъ, съ которымъ подъ покровомъ государства приходится волею-неволею мириться громадному большинству. Но, конечно, эта дилема, осуществленная въ дѣйствительности со всею своей строгостью, по своимъ результатамъ оказалась бы гибельною для государства: отдѣльнымъ личностямъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, при всемъ желаніи ихъ, было бы не подъ силу нести на себѣ тяжесть издержекъ по образованію. Поэтому, принимая въ разсужденіе потребность государства въ лицахъ съ хорошимъ образованіемъ, совершенно справедливо утверждаютъ, что государство обязано выступить здѣсь съ поддержкой слабыхъ силъ отдѣльныхъ личностей. Но такъ какъ, не говоря уже о другихъ сторонахъ государственной жизни, и въ области просвѣщенія, кромѣ высшаго образованія, существуетъ еще среднее и низшее, то весьма важно, разумно установить границы этой поддержки. Въ нашемъ отечествѣ, нужно признаться, поддержка государства высшему образованію почти граничитъ съ безвозмездностью. Въ самомъ дѣлѣ, остановимся, напр., хотя бы на университетахъ и сопоставимъ плату за слушаніе лекцій, 50—40 рублей, съ расходомъ на университеты. Въ 1878 году всѣхъ студентовъ и постороннихъ слушателей въ нашихъ университетахъ было 6.848 человѣкъ; расходы же на университеты изъ однѣхъ суммъ государственнаго казначейства, не считая спеціальныхъ средствъ и платы за ученіе, простирались до 2.550.995 руб.,—слѣдовательно, на каждаго студента приходилось въ годъ по 328 руб. По отдѣльнымъ университетамъ эта средняя цифра еще выразительнѣе. Такъ въ 1877 году на каждаго студента приходилось въ Петербургскомъ университетѣ 306 руб. въ годъ, въ Московскомъ 404 р., Кіевскомъ 429 р., Новороссійскомъ 590 р., Казанскомъ 640 р. и Харьковскомъ 715 р. въ годъ. Несмотря на такое сравнительно ничтожное участіе отдѣльныхъ личностей въ издержкахъ по высшему образованію, все-таки и противъ существующей платы за слушаніе лекцій иногда раздаются голоса,—говорятъ, что, вслѣдствіе крайней бѣдности значительной части учащейся молодежи, и пятидесяти-рублевый взносъ для нея очень обременителенъ. Мы вовсе не поборники возвышенія платы за ученіе, какъ, пожалуй, можно за-

ключить изъ нашихъ словъ, въ особенности при той неблагопріятной матеріальной обстановкѣ, которую мы видимъ въ настоящее время; однако, руководствуясь изложенными соображеніями, мы пришли къ тому убѣжденію, что въ основу организаціи высшаго образованія должно лечь начало *общедоступности и возмездности его*. Въ этомъ духѣ чувствуется потребность въ реформѣ. Самая справедливость сѣтованій на обременительность даже сравнительно ничтожной теперешней платы за ученіе можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ современной организаціи матеріальной стороны высшаго образованія. Чтобы послѣднее дѣйствительно отличалось характеромъ полной доступности и чтобы всякій имѣлъ возможность достигнуть высшаго умственнаго развитія, эта организація должна стремиться, въ интересахъ учащихся и науки, къ осуществленію слѣдующихъ, на нашъ взглядъ, основныхъ требованій:

1) *Избавленіе всякаго желающаго отъ взносовъ всей или части платы за ученіе въ бытность его въ учебномъ заведеніи.*

2) *Назначеніе всякому желающему и переходящему изъ курса въ курсъ студенту достаточной стипендіи.*

3) *Оставленіе при университетѣ всякаго желающаго кандидата для приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ, съ назначеніемъ соотвѣтствующей стипендіи.*

Очень можетъ быть, что у многихъ по прочтеніи этихъ положеній изобразится на лицѣ знакъ удивленія: какимъ образомъ мѣра, въ основу которой положено начало возмездности высшаго образованія, вяжется съ подобными результатами? Тѣмъ не менѣе мы осмѣливаемся думать, что, опираясь на принципъ возмездности, можно достигнуть такихъ результатовъ безъ особеннаго обремененія государственнаго казначейства. Для этого стоитъ только, говоря языкомъ политической экономіи, расширить дѣйствіе кредита на область высшаго образованія. Если въ области промышленной предпріимчивости для общества проистекаютъ значительныя выгоды изъ того, что личность, при помощи кредита антиципируя будущіе доходы, можетъ, такъ сказать, равномѣрнѣе распредѣлить продукты своей предпріимчивости на весь средній періодъ ея дѣятельности, то едва ли не большія выгоды получатся, если то же самое найдетъ свое примѣненіе въ области просвѣщенія. Именно мы думаемъ,—что̀ совершенно согласно какъ съ интересами отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго общества,—

что юные члены его, не обладающіе достаточными матеріальными средствами, заранѣе отказываясь отъ части будущихъ пріобрѣтеній, могли бы въ то же время антиципировать при посредствѣ государственнаго кредита эти части, развить свои умственныя силы до наивысшей степени,—тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ здѣсь приходилось бы отказываться отъ того, чего личность, не поддерживаемая кредитомъ, была бы не въ состояніи и достигнуть.

Послѣ только-что высказанныхъ общихъ соображеній перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію практическаго пріема или мѣры, которые мы имѣемъ въ виду, высказывая ихъ. Мѣра эта должна состоять *въ организаціи законодательнымъ путемъ системы учебнаго долга и его погашенія.*

На этотъ учебный долгъ слѣдуетъ отнести стипендіи и другія пособія, которыя идутъ въ настоящее время изъ суммъ государственнаго казначейства. Такимъ образомъ мы полагаемъ необходимымъ въ принципѣ сдѣлать обязательнымъ, чтобы всякій уплачивалъ за слушаніе лекцій и содержалъ бы себя на собственныя средства во все время своего пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Что же касается до такихъ лицъ, которыя были бы не въ силахъ удовлетворить этому требованію или же почему-либо нашли бы для себя болѣе удобнымъ не вносить въ свое время платы за ученіе и пользоваться еще пособіями, въ формѣ стипендій и т. п., то всякій изъ нихъ обязательно долженъ все, потраченное на него такимъ образомъ, уплатить по окончаніи курса изъ тѣхъ матеріальныхъ пріобрѣтеній и выгодъ, которыя тѣсно связаны съ фактомъ полученія высшаго образованія. Насколько безспорны эти матеріальныя выгоды, можно видѣть уже изъ того, что политическая наука, начиная съ А. Смита, прямо указываетъ на процентъ и погашеніе капитала, который былъ истраченъ на подготовку къ извѣстному труду, какъ на одну изъ составныхъ частей вознагражденія за трудъ. Вотъ эту-то составную часть, хоть и не въ полномъ объемѣ, государство, безъ всякой несправедливости, въ правѣ потребовать обратно *ради облегченія пути къ пріобрѣтенію высшаго образованія послѣдующимъ поколѣніямъ учащихся.*

Противъ нашего обоснованія обязательнаго взысканія со всѣхъ окончившихъ курсъ платы за ученіе и другихъ пособій тѣми выгодами, какія извлекаются впослѣдствіи изъ факта пріобрѣтенія диплома высшаго учебнаго заведенія, мы предвидимъ, между про-

чимъ, одно возраженіе преимущественно изъ среды самой молодежи. Быть-можетъ нѣкоторые скажутъ, что они поступили въ высшее учебное заведеніе вовсе не затѣмъ, чтобы непремѣнно добиться этихъ выгодъ, что они намѣрены потомъ безкорыстно-де служить обществу,—такъ за что же еще съ нихъ требовать плату за ученіе и проч., не будетъ ли это нѣчто въ родѣ подати за просвѣщеніе и не лучше ли было бы совсѣмъ уничтожить эту странную подать? Не говоря уже о томъ, что подобная мысль о безкорыстномъ служеніи и т. п., въ громадномъ большинствѣ случаевъ, одна только симпатичная иллюзія молодости, всѣмъ, кто станетъ на такую точку зрѣнія, можно будетъ сказать, что сущность нашей системы учебнаго долга именно и состоитъ въ томъ, что послѣдній взыскивается при реализаціи тѣхъ выгодъ, о которыхъ было говорено выше. Поэтому дѣйствительнымъ идеалистамъ совсѣмъ не придется уплачивать за свое образованіе, если они не захотятъ этого добровольно. Но понятно, что замедленіе уплаты, при первой возможности ея, со стороны лицъ, проникнутыхъ идеальными стремленіями, было бы болѣе чѣмъ простой непослѣдовательностью и противорѣчіемъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ практическаго осуществленія нашей идеи. Примѣненіе системы учебнаго долга къ стипендіямъ, а равно и другимъ пособіямъ, идущимъ изъ суммъ государственнаго казначейства, довольно скоро устранитъ наиболѣе важные недостатки существующей системы раздачи пособій. Прежде всего замѣтимъ, что съ теченіемъ времени средства на эту сторону расходовъ по образованію, безъ всякаго новаго обремененія государственнаго казначейства, можно было бы удвоить, утроить или вообще довести до такихъ размѣровъ, которые дали бы возможность выдавать необходимыя пособія дѣйствительно каждому желающему. Чтобы сдѣлать яснѣе нашу мысль, пояснимъ ее гипотетическимъ разсчетомъ. Въ 1877 году во всѣхъ русскихъ университетахъ было 6.565 студентовъ, изъ коихъ стипендіатовъ 1.582. Сумма израсходованная на стипендіи равнялась 390.840 рублямъ. Такимъ образомъ стипендіями пользовались 24% изъ всего числа студентовъ,—слѣдовательно, чрезъ 4—5 лѣтъ на стипендіи будетъ израсходована сумма достаточная для выдачи стипендіи всему числу учащихся въ теченіе года. Если допустить, что будетъ оканчивать курсъ хотя бы половина стипендіатовъ, то и тогда лѣтъ черезъ десять уплата учебнаго долга можетъ сдѣлаться достаточнымъ источникомъ для матері-

альной поддержки всего теперешняго контингента студентовъ нашихъ университетовъ. Мы вовсе не стоимъ за математическую точность своихъ разсчетовъ, но тѣмъ не менѣе думаемъ, что и болѣе точный разсчетъ, который и мы могли бы сдѣлать въ случаѣ надобности, во всякомъ случаѣ не былъ бы противъ насъ... Но, кромѣ этой матеріальной стороны, не маловажное значеніе представляетъ и нравственная сторона дѣла. Въ настоящее время существенныя особенности назначенія стипендіи состоятъ въ томъ, что оно предполагаетъ, во-первыхъ, фактъ недостаточности претендента и, во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ не влечетъ за собой никакихъ обязательствъ.

Ограничительный характеръ послѣдняго пункта заслуживаетъ, чтобъ о немъ сказать нѣсколько словъ. Извѣстно, что въ Россіи съ давнихъ поръ и по настоящее время практикуется искуственный способъ обезпеченія государственной потребности въ людяхъ со спеціальною подготовкой. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что государство выдаетъ пособіе нуждающимся, когда они находятся въ высшемъ учебномъ заведеніи, обязывая ихъ за это отслужить извѣстный срокъ въ той мѣстности, куда они будутъ посланы, или же, въ случаѣ несогласія на это, уплатить разомъ сумму пособій. По внѣшности такой способъ какъ бы напоминаетъ предлагаемый нами. Однако наша система учебнаго долга глубоко-различна по существу. Въ самомъ дѣлѣ, практикуемый нынѣ способъ есть не что иное какъ кабала, притомъ еще не достигающая цѣли, ради которой прибѣгаютъ къ ней. Сомнительно, чтобъ этимъ путемъ можно было государству обезпечить себя хорошими исполнителями. Человѣкъ обыкновенно рѣдко старается тамъ, гдѣ онъ не только не дорожитъ мѣстомъ, но еще и увѣренъ, что его, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, не удалятъ отъ дѣла, несмотря на небрежное выполненіе его. Обезпечить себя хорошими исполнителями гораздо легче и лучше можно вообще чрезъ увеличеніе числа представителей той или другой дѣятельности. Тогда они сами собой пойдутъ и въ такіе уголки, куда теперь можно привлечь только кабалой. Въ этомъ отношеніи система учебнаго долга, оставляя личности нашей просторъ для выбора мѣста и формы дѣятельности, можетъ оказать неоцѣнимую услугу.

Фактъ недостаточности претендента на стипендію, само собою понятно, необходимо констатировать на тѣхъ или другихъ основаніяхъ. У насъ съ этою цѣлью довольствуются полицейскимъ

удостовѣреніемъ несостоятельности родителей и самого претендента. Формальная постановка дѣла ведетъ къ тому, что при этомъ, во-первыхъ, игнорируется то обстоятельство, что, въ силу разныхъ семейныхъ отношеній, иногда сынъ бѣдствуетъ при полной состоятельности родителей; а во-вторыхъ, легкость полученія полицейскаго удостовѣренія, въ связи съ отсутствіемъ обязательствъ за стипендіи, соблазняетъ нерѣдко и лицъ вполнѣ достаточныхъ, что̀ въ свою очередь ведетъ за собою пререканія между молодежью. Но если даже и допустить ослабленіе формальнаго элемента и устроить такъ, чтобы рѣшающимъ голосомъ при назначеніи стипендіи и т. п. былъ бы голосъ самихъ учащихся, то и тогда безъ нареканій дѣло навѣрное не обошлось бы; при этомъ, какъ всегда, въ накладѣ остались бы личности наиболѣе скромныя и совѣстливыя. Между тѣмъ при системѣ учебнаго долга не окажется, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, особенной надобности доискиваться, состоятеленъ или нѣтъ претендентъ на стипендію: богатый почти всегда постарается устроить такъ, чтобы не обременять себя долгомъ, почему люди состоятельные рѣдко станутъ пользоваться своимъ правомъ отсрочки уплаты за слушаніе лекцій или возможностью получить стипендію и другія пособія. Что такое предположеніе не безосновательно, на это указываетъ довольно извѣстный фактъ обѣганія, даже со стороны и не особенно достаточныхъ лицъ, стипендій въ Медико-Хирургической академіи, а также и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ стипендій, которыя связаны съ какимъ-либо обязательствомъ. Несмотря на это, въ началѣ дѣйствія системы, когда еще увеличеніе рессурсовъ будетъ не такъ значительно, необходимо до извѣстной степени придерживаться теперешней системы, т. е. отдавать предпочтеніе болѣе нуждающимся; въ противномъ случаѣ, при полной безконтрольности въ этомъ отношеніи, наша система на первыхъ порахъ могла бы оказаться невыгодною для бѣднѣйшей части учащейся молодежи. Но это относится только къ переходному періоду.

Говоря о стипендіяхъ и ихъ отношеніи къ учебному долгу, необходимо остановиться и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ стипендіяхъ, которыя назначаются уже окончившимъ курсъ кандидатамъ, оставленнымъ при университетѣ для приготовленія къ высшимъ учебнымъ степенямъ. Эти стипендіи требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія съ одной стороны потому, что онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи существенно отличаются отъ студенческихъ

стипендій; а съ другой стороны вопросъ объ оставленіи при университетѣ, по нашему мнѣнію, самъ по себѣ весьма важенъ, такъ какъ отъ надлежащаго рѣшенія его много зависитъ общая постановка университетскаго преподаванія, обезпеченіе каѳедръ хорошими профессорами и вообще развитіе науки въ странѣ. У насъ же во всѣхъ этихъ отношеніяхъ остается желать еще многаго.

Почти нечего и говорить о томъ, что при системѣ учебнаго долга, одновременно съ общимъ возрастаніемъ рессурсовъ на развитіе высшаго образованія, сдѣлается возможнымъ удѣлять гораздо болѣе, чѣмъ теперь, и на кандидатскія стипендіи, командировки за границу и т. п. При этомъ, опираясь на идею учебнаго долга, легко сдѣлать затраты болѣе экономичными, т. е. съ наименьшими издержками достигать наибольшихъ результатовъ. Въ настоящее время оставленіе при университетѣ обусловливается главнымъ образомъ рекомендаціею того или другаго профессора, для чего необходимо, чтобы послѣдній обратилъ особенное вниманіе на студента. При этомъ, несмотря на то, что талантливость, къ сожалѣнію, рѣдко уживается со скромностью, все же можетъ случиться, что иной способный и искренне преданный наукѣ студентъ останется въ тѣни. Это—одно. Кромѣ того, при существующемъ порядкѣ, успѣхъ оставленія при университетѣ кандидата слишкомъ сильно зависитъ отъ личной энергіи и характера того или другаго профессора: одинъ можетъ принимать ближе къ сердцу интересы своей науки, чѣмъ другой; одинъ скорѣе съумѣетъ провести на факультетѣ своего кандидата, другому это сдѣлать труднѣе и т. п. *). Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, состояніе науки и преподаванія въ странѣ могло бы много выиграть, еслибъ это дѣло было поставлено такъ, чтобы каждый, желающій посвятить себя ученому поприщу, главнымъ образомъ самъ взвѣшивалъ свои силы. И въ этомъ отношеніи система учебнаго долга можетъ оказать услугу, такъ какъ при господствѣ ея, безъ всякаго вреда для дѣла, вполнѣ возможно положить самооцѣнку въ основу оставленія при университетѣ. Вотъ

---

*) Замѣтимъ кстати, что эта слабая сторона теперешней организаціи оставленія при университетѣ усиливается еще тѣмъ, что опредѣленное число стипендій находится обыкновенно въ распоряженіи всего факультета, а не спеціализировано по отдѣльнымъ каѳедрамъ. Между тѣмъ, въ особенности въ интересахъ обезпеченія каѳедръ преподавателями, такая спеціализація заслуживаетъ серьезнаго вниманія. А то можетъ случиться, да и случается, что по иной каѳедрѣ лѣтъ по десяти не остается никого, благодаря тому, что ее занимаетъ профессоръ, не имѣющій никакого вѣса въ факультетѣ.

почему мы и выставили въ третьемъ положеніи: *оставленіе всякаго желающаго при университетѣ*, *съ назначеніемъ соотвѣтствующей стипендіи*.

Посмотримъ теперь на отношеніе учебнаго долга къ кандидатской стипендіи. Здѣсь, по специфическимъ особенностямъ послѣдней, учебный долгъ не долженъ имѣть безусловнаго характера. Не слѣдуетъ забывать, что окончившій курсъ по общему правилу пристраивается къ тому или другому дѣлу, за которое получаетъ вознагражденіе. Поэтому было бы несправедливо да и нецѣлесообразно, еслибы спеціальный трудъ, спеціальная подготовка къ педагогическому поприщу профессора, или вообще къ ученой дѣятельности, оставались бы безъ всякаго вознагражденія. На это могутъ, пожалуй, возразить, что тотъ, кто посвящаетъ себя наукѣ, если онъ дѣйствительно преданъ ей, не откажется отъ научныхъ трудовъ, если даже и не будетъ получать за это особаго вознагражденія. Совершенно справедливо; и было бы весьма печально, еслибы всѣ, посвящающіе себя наукѣ, занимались бы ею только при условіи хорошаго вознагражденія. Однако не слѣдуетъ слишкомъ идеализировать и полезно всегда помнить, что большинство ученыхъ—тѣ же люди, а потому далеко не прочь отъ удовлетворенія такихъ же потребностей, какъ и прочіе смертные. Но не будемъ останавливаться на этой субъективной точкѣ зрѣнія, а посмотримъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія общественной пользы. Безспорно, что какъ бы человѣкъ ни былъ преданъ наукѣ, въ случаѣ безкорыстнаго служенія ей, онъ непремѣнно будетъ тратить часть своего рабочаго времени на пріобрѣтеніе необходимыхъ матеріальныхъ средствъ путемъ посторонныхъ занятій, не имѣющихъ близкаго отношенія къ его научнымъ трудамъ, а слѣдовательно останется меньше времени для занятія наукою; такимъ образомъ общество потеряетъ при этомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ талантливѣе и преданнѣе наукѣ данная личность. Я не говорю, конечно, о тѣхъ рѣдкихъ исключеніяхъ, когда преданность наукѣ и безкорыстіе соединяются еще съ извѣстнымъ достаткомъ, полученнымъ по наслѣдству, и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы признаемъ необходимымъ, чтобы пособія лицамъ, посвящающимъ себя ученому поприщу, отличались безвозвратнымъ характеромъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями въ видахъ гарантіи противъ непроизводительной растраты средствъ. Эту гарантію и даетъ примѣненіе въ извѣстныхъ случаяхъ къ кандидатскимъ стипендіямъ и т. п. системы учебнаго

долга. Въ самомъ дѣлѣ легкость полученія кандидатской стипендіи при отсутствіи обязательствъ возвратить ее, если стипендіатъ не оправдаетъ ожиданій, ради которыхъ стипендія назначается,—можетъ повести за собою то, что оставленіе при университетѣ сдѣлается иной разъ выгодною аферою, синекурою въ 600 или болѣе руб. въ годъ на первое время по выходѣ изъ университета, и притомъ нерѣдко для такихъ лицъ, которыя вовсе и не мечтаютъ когда-нибудь подвизаться на поприщѣ науки. Совсѣмъ иное дѣло, если кандидатскія стипендіи будутъ обращаться *въ учебный долгъ* со всѣми его послѣдствіями, если только стипендіаты въ опредѣленный срокъ не получатъ высшей ученой степени. При такомъ порядкѣ и тѣ, кто вовсе не смотрятъ на кандидатскую стипендію какъ на синекуру, станутъ строже взвѣшивать свои силы, и процентъ лицъ, которыя, прополучавъ два-три года стипендію, на томъ и успокоятся, примостившись гдѣ-нибудь въ департаментѣ, безъ сомнѣнія значительно понизится. Между тѣмъ въ настоящее время нерѣдко можно слышать изъ устъ нашихъ профессоровъ жалобы на подобное явленіе.

Хотя выше мы говорили уже, что система учебнаго долга поведетъ къ усиленію рессурсовъ на развитіе высшаго образованія вообще и въ частности на этотъ предметъ—подготовленіе будущихъ профессоровъ и ученыхъ, однако все же эти рессурсы не могутъ быть безграничными. Почему, въ интересахъ науки, весьма важно, чтобъ ассигнуемыя на это суммы съ самаго начала по возможности шли въ руки достойныя, а не служили бы временнымъ прибѣжищемъ до пріисканія хорошаго мѣста или выгоднаго занятія, хотя бы и съ постепенною уплатою долга впослѣдствіи,—дорого вѣдь яичко къ Свѣтлому дню. Въ этихъ видахъ, рядомъ съ примѣненіемъ системы учебнаго долга, было бы весьма важно нѣсколько измѣнить теперешнюю постановку дѣла приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ. Прежде всего намъ кажется, что теперешній *казенный* срокъ для сдачи магистерскаго экзамена и написанія диссертаціи недостаточенъ. Подтвердить это было бы легко и статистическими данными, относящимися сюда, но мы ограничимся соображеніями другаго рода. При весьма неудовлетворительной постановкѣ изученія новыхъ языковъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, тому, кто рѣшится посвятить свои силы ученому поприщу, приходится тратить не мало времени на то, чтобъ усвоить хорошенько два-три новыхъ языка, безъ чего онъ будетъ какъ безъ рукъ. Достигнуть такого ре-

зультата въ періодъ пребыванія въ университетѣ удается не всегда; слѣдовательно, въ такомъ случаѣ придется урывать отъ времени, предназначеннаго къ изученію иностранной литературы, которое уже предполагаетъ основательное знаніе языковъ. Поэтому-то, въ интересахъ науки, было бы весьма полезно прибавить еще третій годъ спеціально на усвоеніе иностранныхъ языковъ. А затѣмъ, по прошествіи перваго года послѣ оставленія при университетѣ, необходимо установить строгое испытаніе по новымъ языкамъ и продолжать выдачу стипендіи не иначе, какъ въ случаѣ лишь удовлетворительныхъ результатовъ испытанія. Не трудно понять всю важность въ большинствѣ случаевъ подобной гарантіи противъ неудачнаго назначенія кандидатскихъ стипендій: солидное усвоеніе иностранныхъ языковъ требуетъ отъ взрослаго человѣка такой энергіи и труда, что на нихъ едва ли рѣшится кто-нибудь ради одного полученія въ теченіе трехъ лѣтъ стипендіи, да еще такой, которая связана съ обязательствомъ уплатить ее, какъ учебный долгъ, если стипендіатъ въ концѣ концовъ не получитъ магистерской степени. Мѣрами подобными намѣченной нами, въ связи съ системою учебнаго долга, можно было бы довольно скоро возвысить процентъ лицъ, серьезно подготовленныхъ къ разработкѣ различныхъ отраслей науки. Во всякомъ случаѣ мѣры эти, безъ всякаго сомнѣнія, выдвинули бы на научное поприще многихъ даровитыхъ личностей, которыя въ настоящее время растрачиваютъ, подъ бременемъ матеріальной нужды, свои силы въ разныхъ правленіяхъ, канцеляріяхъ и т. п., на механическій трудъ, сподручный и людямъ гораздо менѣе одареннымъ отъ природы.

Теперь, послѣ того какъ мы уже намѣтили, такъ сказать, внутреннюю сущность идеи учебнаго долга, его отношеніе къ развитію высшаго образованія, постараемся выяснить внѣшнюю сторону этой идеи и разовьемъ въ общихъ чертахъ свой взглядъ на самую организацію системы учебнаго долга. Возмемъ для этой цѣли конкретный примѣръ.

Положимъ, лице, не имѣющее собственныхъ средствъ, получаетъ въ періодъ своего четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ стипендію въ 300 руб. въ годъ, что составитъ вмѣстѣ съ платою за слушаніе лекцій 1.400 рублей. Въ такомъ случаѣ окончившій курсъ выходитъ изъ университета, обремененный долгомъ въ 1.400 руб.; эта сумма и вписывается во всѣ документы должника. Раньше мнѣ уже не разъ приходилось упоминать, что

учебный долгъ долженъ падать на тѣ выгоды, которыя связаны съ высшимъ образованіемъ,—слѣдовательно, и самое погашеніе долга должно начинаться по мѣрѣ реализаціи этихъ выгодъ. Согласно такому воззрѣнію, чтобы быть справедливымъ и послѣдовательнымъ, а также въ виду практическихъ соображеній, я считаю нужнымъ установленіе извѣстнаго минимума, въ предѣлахъ котораго жалованье, награды, доходы и т. п. не подлежали бы вычетамъ ради погашенія учебнаго долга. Естественнѣе всего было бы установить этотъ минимумъ въ размѣрѣ кандидатской стипендіи, примѣрно въ 600 или 700 рублей. Но какъ скоро лицо получаетъ заработокъ свыше этого минимума, вычетъ опредѣленнаго процента со всего содержанія вступаетъ въ свои права, не касаясь однако самого минимума.

Понятно, что еслибы всѣ извлекли матеріальную пользу изъ своего образованія исключительно на государственной службѣ, то возвратъ долга въ казну не представлялъ бы никакого затрудненія. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда окончившій курсъ и обремененный учебнымъ долгомъ изберетъ своимъ поприщемъ частную дѣятельность? Замѣтимъ прежде всего, что здѣсь необходимо примириться съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ уплаты. Несмотря на это, добиться послѣдней въ большинствѣ случаевъ не особенно трудно. Въ настоящее время не только на Западѣ, но и у насъ въ Россіи мы видимъ довольно быстрое развитіе громадныхъ сравнительно предпріятій съ частнымъ характеромъ, требующихъ для своего осуществленія весьма сложной организаціи; сюда мы относимъ не только учрежденія желѣзно-дорожныя, банковыя, но также изданія газетъ, журналовъ и т. п. предпріятія. Едва ли мы сдѣлаемъ большую ошибку, если скажемъ, что государственная и земская служба вмѣстѣ съ такими *организованными* частными предпріятіями поглощаетъ почти весь контингентъ лицъ, получившихъ высшее образованіе. Остается небольшой процентъ посвящающихъ себя личной неорганизованной предпріимчивости, не требующей сложной организаціи, каковы, напримѣръ, веденіе частнаго земледѣльческаго хозяйства, дѣятельность частныхъ преподавателей, докторская практика и т. п.

Въ отношеніи организованныхъ частныхъ предпріятій не трудно постановить въ число условій, обезпечивающихъ государственные интересы и выгоды, при выдачѣ концессіи или вообще утвержденіи устава, программы и т. д., чтобы само учрежденіе дѣлало соотвѣтствующіе вычеты изъ вознагражденія своихъ служащихъ,

на которыхъ числится учебный долгъ, съ обращеніемъ взысканія на самое учрежденіе, если только при контролѣ обнаружится упущеніе съ этой стороны. Такое право обратнаго иска устранитъ по крайней мѣрѣ умышленные пропуски и вообще принудитъ учрежденіе относиться съ большею внимательностью къ этой своей обязанности.

Самое взысканіе учебнаго долга возможно устроить безъ обремененія частныхъ учрежденій сложной отчетностью, на весьма простыхъ началахъ. Положимъ, узаконенный процентъ вычетовъ для погашенія учебнаго долга будетъ установленъ въ 10%. Въ такомъ случаѣ учрежденіе со всѣхъ служащихъ въ немъ, на коихъ числится долгъ, дѣлаетъ десятипроцентный вычетъ при выдачѣ жалованья и всякаго рода вознагражденій, не входя вовсе въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ даннымъ лицомъ уплаченъ раньше учебный долгъ. При этомъ завѣдующіе вычетомъ выдаютъ въ размѣрѣ послѣдняго росписку тѣмъ, кто подлежитъ этому вычету, или же дѣлаютъ помѣтку въ особомъ бланкѣ, выданномъ должнику по окончаніи курса высшаго учебнаго заведенія вмѣстѣ съ другими документами. Какъ скоро у даннаго лица накопится подобныхъ росписокъ достаточное количество, чтобы погасить долгъ, то владѣлецъ росписокъ вноситъ ихъ въ подлежащее учрежденіе,—все равно, будетъ ли то министерство народнаго просвѣщенія или министерство финансовъ,—которое и дѣлаетъ на документахъ помѣтку объ очисткѣ учебнаго долга, или выдаетъ особый очистительный документъ. Легко понять, что механизмъ взысканія учебнаго долга, устроенный подобнымъ образомъ, будетъ отличаться достаточною простотою.

Что̀ касается до лицъ, посвящающихъ себя частной неорганизованной предпріимчивости, то до нѣкоторой степени и ихъ можно побудить къ уплатѣ учебнаго долга. Для этого стоитъ только поставить въ число непремѣнныхъ условій для занятія всякаго рода почетныхъ должностей и обязанностей—свободу претендента отъ учебнаго долга.

Такова въ существенныхъ чертахъ должна быть организація системы учебнаго долга, какъ она рисуется въ нашемъ воображеніи. Представимъ себѣ теперь, что система учебнаго долга получила практическое осуществленіе, и остановимся на вопросѣ, не поведетъ ли она за собою уменьшеніе числа слушателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы думаемъ, что на подобный вопросъ слѣдуетъ отвѣчать безъусловнымъ отрицаніемъ. Въ самомъ

дѣлѣ, допустивъ даже, что найдутся лица, которыя, въ виду новой обязанности, связанной съ полученіемъ высшаго образованія, совсѣмъ откажутся отъ него, то, съ другой стороны, нисколько не меньше основаній допустить, что въ то же самое время явится гораздо большее число такихъ, которые въ настоящее время, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, ограничиваются среднимъ образованіемъ и которые охотно воспользуются возможностью пополнить его курсомъ высшаго учебнаго заведенія, хотя бы за это и пришлось впослѣдствіи уплачивать учебный долгъ. А отъ такой компенсаціи учащихся интересъ науки и общества, безъ сомнѣнія, нисколько не пострадаетъ.

Въ настоящее время, несмотря на значительное количество стипендій и другихъ пособій, ихъ оказывается тѣмъ не менѣе недостаточно, и какъ изъ среды учащихся, такъ и въ обществѣ раздаются жалобы на несоотвѣтствіе между числомъ стипендій и числомъ лицъ нуждающихся въ нихъ. Жалобы эти, повторяемъ еще разъ, вполнѣ основательны, но во всякомъ случаѣ нѣсколько односторонни. Забываютъ при этомъ, что въ той же области существуютъ вопросы, которые находятся еще въ большемъ забросѣ. На университеты и другія высшія учебныя заведенія тратилось и тратится относительно еще довольно много. Для подтвержденія стоитъ только припомнить, наприм., хотя бы то, что, когда на одни только университеты ассигнуется, не считая спеціальныхъ средствъ, болѣе двухъ съ половиною милліоновъ рублей, по земской смѣтѣ на народныя школы на 1874 г., наприм., было ассигновано на 32 губерніи, въ которыхъ дѣйствовало земское Положеніе, всего лишь 2.952.226 рублей.

Раньше я уже имѣлъ случай на примѣрѣ показать, что, предположивъ даже, что путемъ уплаты учебнаго долга будетъ возвращаться лишь половина суммы, нынѣ издерживаемой изъ года въ годъ на различныя пособія учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и тогда сравнительно въ незначительный срокъ эта сумма можетъ увеличиться въ три, въ четыре раза; такимъ образомъ уплата учебнаго долга сдѣлается спеціальнымъ источникомъ для покрытія этой стороны образованія, и источникомъ болѣе обильнымъ, чѣмъ теперешній бюджетъ министерства.

Но разъ это достигнуто, созданъ спеціальный источникъ для покрытія значительной части расходовъ по высшему образованію, государство и общество тѣмъ съ большимъ удобствомъ и энергіею могутъ сосредоточить свои силы и средства на другихъ сторонахъ

просвѣщенія. При этомъ *интересы народнаго образованія*, самое широкое развитіе народно-школьнаго дѣла, по нашему глубокому убѣжденію, *должны стоять на первомъ планѣ*. У насъ въ Россіи въ настоящее время всякій публицистъ, всякій общественный дѣятель долженъ постоянно твердо помнить тотъ краснорѣчивый фактъ, что въ самыхъ просвѣщенныхъ центрахъ нашего отечества, въ Петербургѣ и Москвѣ, процентъ грамотныхъ обоего пола для перваго выражается 57-ю, а для втораго 49-ю, между тѣмъ какъ для всего тридцатишести-милліоннаго населенія Франціи процентъ грамотности доходитъ до 69-ти, а для Пруссіи этотъ процентъ выражается 88-ью.

Л. М.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА X *).

Въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV в. боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ.

Изучивъ устройство и дѣятельность боярской думы при князѣ удѣльныхъ вѣковъ, коснемся мимоходомъ учрежденія, которое соотвѣтствовало ей по своему политическому значенію и соціальному составу, но развивалось при другихъ обстоятельствахъ и изъ другихъ общественныхъ элементовъ. Это учрежденіе складывалось и дѣйствовало въ тѣ же удѣльные вѣка, но погибло прежде, чѣмъ въ московской Руси исчезли послѣдніе удѣлы. Мы говоримъ о боярскомъ совѣтѣ въ вольныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Мы остановимся на этомъ мѣстномъ явленіи лишь для того, чтобы видѣть, какова была дальнѣйшая политическая судьба древнихъ «старцевъ градскихъ» тамъ, гдѣ они уцѣлѣли при установленіи новаго порядка князьями кіевской Руси и даже пережили этотъ порядокъ, сгубившій или принизившій ихъ собратьевъ въ другихъ волостныхъ городахъ.

Изученіе боярской думы при князѣ удѣльнаго времени привело насъ къ тому факту, что въ половинѣ XV в. въ великихъ княжествахъ, особенно въ Московскомъ, служилые люди, бывшіе совѣтниками князя, стали смыкаться въ осѣдлый классъ. Успѣхи боярскаго землевладѣнія по мѣсту службы дали наиболѣе прочный цементъ для соединенія разрозненныхъ, бродячихъ служилыхъ силъ въ такія мѣстныя группы. Великій князь московскій, твер-

*) *Русская Мысль*, іюнь 1881 г.

ской или рязанскій, правившій прежде посредствомъ случайныхъ наемныхъ совѣтниковъ, теперь видѣлъ въ своемъ совѣтѣ людей, дѣды и прадѣды которыхъ думали добрую думу съ его дѣдомъ и прадѣдомъ и которые могли показать ему жалованныя грамоты его дѣда и прадѣда на свои изстаринныя вотчины въ его княжествѣ. Боевые сотрудники и правительственные послухи князя теперь составляли довольно плотный кругъ крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ его княжества: такъ по крайней мѣрѣ можно сказать о московскомъ боярствѣ половины XV века. Но и дѣятельность боярской думы удѣльнаго времени, сколько можно судить о ней по уцѣлѣвшимъ отъ нея актамъ, главнымъ образомъ была обращена на устройство поземельныхъ отношеній, землевладѣнія, составлявшаго главную силу народнаго хозяйства въ княжествѣ удѣльнаго времени. Такъ бояринъ, дѣйствуя и въ думѣ князя и въ своей привилегированной боярской вотчинѣ, становился членомъ класса, начинавшаго и политически и экономически руководить мѣстнымъ обществомъ, державшаго въ рукахъ своихъ и власть и капиталъ. Въ двухъ отношеніяхъ господствующій классъ въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени былъ непохожъ на современное ему служилое княжеское боярство: этотъ классъ застаемъ уже готовымъ, сложившимся въ самомъ началѣ удѣльнаго времени; его экономическое положеніе держалось на капиталѣ другаго рода, не на привилегированномъ землевладѣніи.

И въ Новгородѣ и въ Псковѣ люди этого класса обозначались одинаковымъ соціальнымъ терминомъ съ совѣтниками князей удѣльнаго времени, назывались боярами. Въ основѣ различныхъ значеній, какія имѣло слово *бояринъ* на древнерусскомъ языкѣ, оставалась та мысль, что это «княжъ мужъ», служилый человѣкъ, ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ князя, пользующійся за то извѣстными преимуществами; другаго болѣе ранняго или болѣе общаго значенія, напримѣръ того, что этимъ званіемъ отличались всѣ вообще знатные люди, независимо отъ того, пріобрѣталась ли эта знатность службой, правительственною дѣятельностію или другимъ путемъ,—такого значенія не указываютъ древнѣйшіе памятники нашей письменности ни оригинальные, ни переводные *). Отсюда возникаетъ вопросъ, какъ образовалось

*) Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII в. терминомъ *бояринъ* передаются греческія слова, означающія начальника, правителя, сенатора, *боярство*—сенатъ и правительственная должность вообще. См. эти слова въ Словарѣ *Во-*

боярство въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ общественное положеніе людей этого званія опредѣлялось не княжескою службой, гдѣ князья были сторонней, пришлой и постоянно мѣнявшеюся силой, приходили туда съ своими особыми боярами и не входили съ ними органически въ жизнь мѣстнаго общества, заботливо устраняемые отъ того самимъ мѣстнымъ боярствомъ. Различныя рѣшенія этого вопроса строятся на той мысли, что боярство родилось на Руси не съ княжескою властью, что и до князей и долго при нихъ у насъ существовали въ старинныхъ волостныхъ городахъ мѣстные бояре, не принадлежавшіе къ «княжимъ мужамъ», къ служилой дружинѣ; этихъ неслужилыхъ бояръ въ отличіе отъ княжихъ принято называть «земскими». Это, по мнѣнію изслѣдователей, вліятельные и богатые граждане-землевладѣльцы, члены знаменитыхъ фамилій, составлявшихъ коренное, старшее населеніе городовъ, высшіе представители земщины и т. п. Но кромѣ Новгорода и Пскова древніе памятники нашей исторіи нигдѣ не знаютъ подобнаго боярства. Тамъ, гдѣ древнія лѣтописи говорятъ о мѣстныхъ боярахъ, онѣ ни одною чертой не намекаютъ на такой земскій ихъ характеръ: это обыкновенные служилые бояре, плотнѣе другихъ усѣвшіеся въ извѣстной волости или княжествѣ среди общаго кочеванья князей и ихъ слугъ, но оставшіеся тѣми же княжими боярами. Напротивъ, неслужилыхъ вліятельныхъ людей, имѣвшихъ значеніе въ томъ или другомъ мѣстномъ обществѣ кромѣ Новгорода и Пскова, ни лѣтописи, ни другіе памятники нашей древней исторіи не называютъ ни земскими боярами, ни просто боярами. Самое выраженіе «земскіе бояре» не было чуждо языку древней Руси; но оно становится извѣстно довольно поздно и означаетъ явленія, вовсе непохожія на то земское боярство, о которомъ идетъ рѣчь. Боярамъ, которые не были зачислены въ опричнину и остались во главѣ управленія земщиной, Московскимъ государствомъ, царь Иванъ Грозный, по словамъ лѣтописи, «велѣлъ быть въ земскихъ». Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова съ ливонскими Нѣмцами XV в. земскими боярами называются посылавшіеся для переговоровъ ры-

---

стокова. Въ одномъ изъ извѣстныхъ древнихъ словъ на Св. Четыредесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности первымъ временамъ христіанства на Руси, бояринъ является даже съ значеніемъ знатнаго служилаго варяга. Не хвались родомъ, благородный,—поучаетъ проповѣдникъ въ словѣ о смиреніи,— не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ — намекъ на варяговъ-христіанъ, пострадавшихъ въ Кіевѣ при кн. Владимірѣ-язычникѣ.

цари, сановники Ордена, въ отличіе отъ бургомистровъ и ратмановъ, пріѣзжавшихъ уполномоченными отъ ливонскихъ городовъ. Но изъ этого термина, передававшаго понятіе о нѣмецкихъ Landesherren, нельзя заключать о существованіи на Руси класса, спеціально имъ обозначавшагося, какъ изъ того, что тѣ же рыцари назывались у насъ «слугами Божіими» и «Божіими дворянами», нельзя заключать о существованіи на Руси класса, носившаго такія названія. Земскій бояринъ—терминъ искусственно составленный, а не взятый изъ живаго общественнаго словаря, и псковской лѣтописецъ XV в., хорошо знакомый съ неслужилымъ боярствомъ своего города, однако плохо понимаетъ это выраженіе: одного изъ дерптскихъ пословъ, заключившихъ договоръ 1474 года, гдѣ онъ названъ земскимъ бояриномъ, этотъ лѣтописецъ зоветъ то «бояриномъ земнымъ», то просто «Иваномъ земскимъ» безъ титула боярина, въ видѣ прозвища. Это потому, что и бояре Новгорода и Пскова, не принадлежавшіе къ княжимъ служилымъ людямъ, однако не назывались земскими боярами, а мелкіе новгородскіе и псковскіе землевладѣльцы, извѣстные подъ названіемъ «земцевъ», ни въ одномъ памятникѣ не причисляются къ мѣстному боярству. Но если бояре вольныхъ городовъ, не входившіе въ составъ княжеской дружины, не являются съ названіемъ земскихъ, то мѣстное боярство другихъ областей Руси, въ которомъ находятъ признаки земскаго характера, оказывается обыкновенными княжескими дружинниками. Какъ на примѣръ такого боярства, подобнаго новгородскому, обыкновенно указываютъ на бояръ ростовскихъ, поднявшихъ извѣстную шумную борьбу по смерти кн. Андрея Боголюбскаго противъ его младшихъ братьевъ. Но, во-первыхъ, современный мѣстный лѣтописецъ выводитъ двигателями этой борьбы не ростовскихъ городскихъ бояръ, а «Ростовцевъ и бояръ», всюду въ своемъ разсказѣ строго отличая послѣднихъ отъ горожанъ Ростова и Суздаля и иногда противополагая ихъ этимъ горожанамъ, какъ членовъ княжеской дружины. Во-вторыхъ, одно случайно уцѣлѣвшее извѣстіе показываетъ, что такъ-называемые земскіе ростовскіе бояре не только были обыкновенными княжескими дружинниками, но не всѣ принадлежали къ мѣстному земству и по происхожденію, не всѣ были изъ туземцевъ. Вмѣстѣ съ этими боярами дѣйствовалъ противъ братьевъ Андрея и воевода послѣдняго, являющійся во время борьбы на службѣ у рязанскихъ князей, нѣкто Борисъ Жидиславичъ. Нашелся памятникъ, изъ котораго узнаемъ, что

этотъ Борисъ былъ внукъ Славяты, служившаго великому князю кіевскому Святополку и извѣстнаго по лѣтописи участіемъ въ избіеніи половцевъ въ Переяславлѣ по порученію Мономаха въ 1095 году. Тамъ, въ южномъ Переяславлѣ, жила сестра Бориса, игуменья основаннаго ихъ дѣдомъ монастыря; тамъ, вѣроятно, служилъ Мономаху отецъ ихъ Жидиславъ Славятиничъ и оттуда, можетъ-быть, пришелъ на суздальскій сѣверъ служить сыну или внуку Мономаха Борисъ Жидиславичъ *).

Тотъ классъ общества, который назывался въ древней Руси боярами, былъ вездѣ служилымъ по происхожденію и значенію, созданъ былъ княжескою властью и дѣйствовалъ какъ ея правительственное орудіе. Такое же служилое происхожденіе имѣло и боярство вольныхъ городовъ; только здѣсь оно складывалось нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ областяхъ древней Руси, и со временемъ утратило служилый характеръ, переставъ быть правительственнымъ орудіемъ князя.

Мысль о земскихъ, докняжескихъ или некняжескихъ боярахъ есть предположеніе, не поддерживаемое историческими свидѣтельствами, въ которомъ притомъ нѣтъ никакой научной нужды. При кіевскихъ князьяхъ долго сохранялись слѣды общественнаго порядка, который задолго до нихъ началъ устанавливаться по большимъ городамъ Руси. По этимъ слѣдамъ можно разглядѣть тотъ классъ, который руководилъ этимъ порядкомъ. То было вооруженное купечество, составившееся изъ туземныхъ и пришлыхъ заморскихъ элементовъ. Изъ его среды выходила городовая старшина, правившая промышленными округами, волостями, эти тысяцкіе, сотскіе, старосты и другія власти. Остатки этой военно-правительственной городовой старшины являются, какъ мы видѣли, еще вліятельною силой при кіевскомъ князѣ X вѣка подъ именемъ «градскихъ старцевъ». Но эти старцы нигдѣ не называются боярами; напротивъ, древній лѣтописецъ, указывая на политическую близость ихъ къ боярамъ, ясно отмѣчаетъ соціальное различіе между тѣми и другими, какъ между классомъ земскимъ и служилымъ, между старѣйшинами «людскими» и княжими му-

---

*) О земскихъ боярахъ см., напримѣръ, у *Бѣляева* въ «Лекц. по ист. русск. законод.», стр. 51, 167 и др. *Пассекъ* въ соч. «Новгородъ самъ въ себѣ» характеризуетъ ихъ названіемъ «докняжескихъ бояръ».—*Карамзинъ*, IX, прим. 137. Акты Зап. Росс. I, №№ 69 и 75. Полн. Собр. Лѣт. IV, 246 и 248, ср. 201. О Борисѣ Жидиславичѣ см. въ «Сказ. о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери XII в.», изд. пишущимъ эти строки для Общества любителей древней письменности.

жами. Проникая все глубже въ жизнь общества своими орудіями, княжеская власть постепенно разбила эту городовую старшину, какъ и тотъ слой городскаго населенія, изъ котораго она выходила. Отдѣльныя лица, безъ сомнѣнія, вступали въ княжескую дружину, всюду вербовавшую своихъ членовъ, и въ этомъ новомъ положеніи продолжали пользоваться вліяніемъ въ обществѣ. Даже очень вѣроятно, что значительная часть военно-промышленныхъ иноземцевъ, основавшихся въ большихъ городахъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Руси, перешла на службу къ князьямъ: кромѣ именъ княжескихъ пословъ въ договорахъ съ Греками X вѣка на это указываетъ и приведенный выше намекъ въ одномъ изъ древнихъ церковныхъ поученій, гдѣ проповѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непремѣнно человѣкомъ одного племени съ кіевскими мучениками-варягами. Но какъ правительственная сила, этотъ старый классъ былъ разрушенъ князьями, вытѣсненъ изъ управленія княжескими слугами, и въ XI вѣкѣ лѣтопись уже не упоминаетъ о «градскихъ старцахъ»: что не перешло въ княжескую дружину, потонуло въ массѣ городскаго населенія, «людей».

Такъ было во всѣхъ областяхъ Русской земли. Только въ Новгородской волости старая городовая старшина уцѣлѣла. Разныя обстоятельства помогли этому. Во-первыхъ, здѣсь дольше чѣмъ гдѣ-либо продолжался процессъ, которымъ образовались старинныя городовыя волости на Руси,—вооруженное распространеніе и укрѣпленіе границъ промышленнаго округа, тянувшаго и политически и экономически къ главному городу. Новгородцы и при князьяхъ въ продолженіе многихъ столѣтій раздвигали предѣлы своей волости большею частью собственными средствами, безъ поддержки со стороны князей, своими «молодцами». Вооруженный торгъ оставался однимъ изъ самыхъ напряженныхъ нервовъ новгородской жизни и далекіе военно-промышленные походы были обычными въ ней явленіями. Это поддерживало и питало сложившійся въ мѣстномъ обществѣ еще до князей кругъ вліятельныхъ руководителей этого вооруженнаго промысла, тогда какъ въ другихъ областяхъ, съ переходомъ военнаго управленія и вооруженной охраны рынковъ и торговыхъ путей въ руки князей съ ихъ дружинами, эти руководители оставались безъ дѣла и теряли главное средство вліянія на мѣстныя общества. Сверхъ того, вытѣсненный изъ управленія, старый правительственный классъ въ другихъ волостныхъ городахъ встрѣтилъ опасныхъ соперниковъ

и въ экономической жизни, на внутреннихъ рынкахъ, которыми онъ руководилъ прежде. Въ XI и XII в. становятся замѣтны успѣхи развитія частнаго землевладѣнія на Руси. Князья и ихъ слуги преимущественно старались овладѣть этой экономическою силой, особенно въ приднѣпровскихъ областяхъ. Такимъ образомъ село, откуда главные торговые дома большихъ городовъ снабжались для своихъ заграничныхъ оборотовъ, ускользало изъ ихъ рукъ, ихъ промышленное вліяніе на него ослаблялось новыми землевладѣльцами; служилые вотчинники начали плотными гнѣздами усаживаться по волостямъ, служа готовой опорой князьямъ въ ихъ столкновеніяхъ съ волостными городами, отбивая у высшаго городскаго класса и власть и вліяніе и частью внутренніе рынки, въ то время какъ Половцы все успѣшнѣе отбивали у нихъ рынки заграничные. Новгородская волость не отставала отъ другихъ въ развитіи частнаго землевладѣнія. Но это было, такъ сказать, землевладѣніе неземледѣльческое, которое держалось не столько хлѣбопашествомъ, сколько разработкой промысловыхъ угодій. Оно требовало особыхъ хозяйственныхъ пріемовъ, непривычныхъ южнорусскому служилому человѣку, прежде всего непосредственнаго руководства знатока промышленника. Потому на него обратились усилія городскихъ капиталистовъ; но оно не привлекало къ себѣ князей и ихъ слугъ въ то время, когда Новгородъ еще не ставилъ препятствій пріобрѣтенію земель въ его волости князьями и ихъ служилыми людьми. Такъ въ Новгородской землѣ не завелось гнѣзда служилыхъ землевладѣльцевъ, которые такъ стѣсняли вліятельныхъ горожанъ въ другихъ волостяхъ. Князь и его дружина всегда являлись тамъ пришлымъ элементомъ, лишь механически входившимъ въ составъ мѣстнаго общества. Это же было одною изъ причинъ, почему ни одна княжеская линія не основалась въ Новгородской волости. Но всего важнѣе было то обстоятельство, связанное съ сейчасъ изложеннымъ условіемъ, что въ Новгородѣ старая правительственная старшина не была вытѣснена изъ управленія. По разнымъ причинамъ, исчислять которыя здѣсь не мѣсто, князья, правившіе Новгородомъ, не могли или не хотѣли удовлетворять потребностямъ мѣстнаго управленія одними собственными административными средствами, замѣщая всѣ должности своими служилыми людьми. Задолго прежде, чѣмъ высшая новгородская администрація стала выборной, она становилась уже туземной по происхожденію своего личнаго состава: князья часто назначали на иныя правительственныя мѣста мѣст-

ныхъ обывателей, а не людей изъ своей дружины. Въ началѣ XII вѣка туземный элементъ повидимому если уже не преобладалъ, то былъ очень значителенъ въ составѣ новгородскаго управленія; значитъ, условіе, которымъ Новгородцы связывали князей въ своихъ договорныхъ грамотахъ впослѣдствіи—волостей новгородскихъ «не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими»,—это условіе было лишь закрѣпленіемъ обычая, который завелся задолго до этихъ грамотъ. Можно даже замѣтить, что уже при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава I въ Новгородѣ успѣлъ обозначиться извѣстный кругъ лицъ или фамилій, изъ котораго выходили новгородскіе сановники, еще не будучи или не ставъ окончательно выборными. Сопоставляя уцѣлѣвшій списокъ новгородскихъ посадниковъ съ разсказомъ древней мѣстной лѣтописи, видимъ на должности посадника въ первой половинѣ XII вѣка рядъ новгородцевъ, отцы или дѣды которыхъ занимали эту должность по назначенію князя въ XI и въ началѣ XII вѣка. Не будетъ слишкомъ смѣлою догадкой мысль, что эта новая правительственная знать была лишь продолженіемъ городовой военной старшины, нѣкогда правившей городомъ и его областью, и присутствіе тамъ этой старшины при первыхъ кіевскихъ князьяхъ ощутительно даже по краткимъ и отрывочнымъ извѣстіямъ лѣтописи о томъ, что дѣлалось на сѣверной окраинѣ Русской земли. Въ X и XI в. эти князья не разъ обращались къ помощи новгородскихъ ополченій; сотскіе, старосты и другіе военачальники, которые водили эти полки на югъ, были, какъ можно думать, всѣ или въ большинствѣ изъ мѣстныхъ «нарочитыхъ мужей», «славныхъ воевъ», которыхъ указываетъ лѣтопись, излагая событія XI вѣка.

Этимъ важнымъ обстоятельствомъ объясняется и происхожденіе новгородскаго боярства. Впослѣдствіи занятіе должности посадника, тысяцкаго или сотскаго въ Новгородѣ не сообщало лицу значенія служилаго княжаго человѣка, потому что эта должность была выборной, поручалась лицу согражданами, а не княземъ. Но въ XI и въ началѣ XII в., когда живѣе чѣмъ потомъ помнилась еще прежняя соціальная близость княжеской дружины къ верхнему слою городскаго населенія, назначеніе вліятельнаго новгородца княземъ на правительственную должность, какую въ другихъ волостяхъ обыкновенно занималъ большой княжъ мужъ, сообщало назначенному служилый характеръ, вводило въ кругъ княжихъ мужей, бояръ. Два указанія, близкія другъ къ другу по времени, поддерживаютъ это объясненіе. Въ 1118 году Моно-

махъ вызвалъ къ себѣ въ Кіевъ всѣхъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ. Они являются здѣсь какими-то представителями своего города; повидимому, это были лица должностныя или по крайней мѣрѣ пользовавшіяся вліяніемъ на мѣстное управленіе: великій князь почему-то приводитъ ихъ къ присягѣ; на нѣкоторыхъ онъ разсердился за произведенное ими въ Новгородѣ самоуправство; въ числѣ опальныхъ прямо названъ одинъ сотскій. Разсказывая объ этомъ случаѣ, мѣстная лѣтопись впервые называетъ нарочитыхъ мужей Новгорода — новгородскими боярами. Внукъ Мономаха Всеволодъ въ данномъ Новгороду церковномъ уставѣ, который по сличенію съ лѣтописью всего вѣроятнѣе можно отнести къ 1135 г., упоминаетъ и о сотскихъ въ числѣ своихъ совѣтниковъ, призванныхъ въ думу по этому дѣлу; онъ отличаетъ ихъ отъ «своихъ бояръ», но въ концѣ устава называетъ *своими* мужами: «та вся дѣла приказахъ св. Софѣи и всему Новуграду, моимъ мужемъ десяти соцкимъ». На югѣ, повидимому, уже раньше привыкли смотрѣть на новгородскую знать какъ на княжихъ мужей, если древнему кіевскому лѣтописцу принадлежитъ извѣстіе начальной лѣтописи 1018 г., гдѣ эта знать названа боярами.

Еслибы въ Новгородѣ утвердилась какая-нибудь постоянная линія княжескаго рода, то, смотря по направленію, какое приняла бы мѣстная политическая жизнь, новгородское боярство, слившись съ княжескою дружиной и рѣзче отдѣлившись отъ мѣстнаго земства, вышло бы или соперникомъ строптивыхъ горожанъ, готовымъ всегда поддерживать противъ нихъ своего князя, какъ въ большей части другихъ областей Руси, или соперникомъ и горожанъ и князя, подобно галицкому боярству, сдерживавшему власть послѣдняго и не допускавшему до власти первыхъ. Но политическія отношенія въ Новгородѣ сложились нѣсколько иначе. Взаимные споры и частыя смѣны князей въ Новгородѣ вызывали столкновенія его съ князьями, побуждая его дѣйствовать противъ одного, чтобы пріобрѣсти или удержать у себя другаго. При этихъ столкновеніяхъ во главѣ города естественно становились люди того вліятельнаго круга, изъ котораго выходили туземные сановники мѣстной администраціи. Этотъ классъ сталъ привычнымъ политическимъ руководителемъ мѣстнаго общества еще прежде, чѣмъ должностные члены этого круга начали получать свои полномочія отъ мѣстнаго вѣча, сдѣлались выборными. Новгородцы стали успѣшно добиваться и этой перемѣны, какъ только упала

тяжелая рука, ихъ сдерживавшая: въ слѣдъ за смертью Мономаха въ Новгородѣ появляются выборные посадники, нѣкоторое время впрочемъ еще чередовавшіеся съ назначенными княземъ. Любопытно, что первый посадникъ (Мирославъ Гюрятиничъ), о вступленіи котораго въ должность въ 1126 г. мѣстная лѣтопись впервые выражается такъ, какъ она потомъ обыкновенно говоритъ о выборныхъ посадникахъ, былъ сынъ знатнаго новгородца, посадничавшаго по назначенію князя, принадлежалъ къ мѣстному боярскому кругу. Перенесеніе права замѣщать высшія правительственныя должности въ Новгородѣ на вѣче, къ «сонмищу людскому», на которомъ не разъ являлась рѣшительницей политическихъ вопросовъ «простая чадь», нисколько не уронило политическаго значенія этого боярскаго круга, людей котораго городъ привыкъ видѣть во главѣ своего управленія; напротивъ, эта перемѣна еще болѣе обособила его и сдѣлала необходимымъ для согражданъ. Занятіе должности посадника или тысяцкаго требовало богатства, вліянія, политическаго навыка и преданія,—условій, которыя соединялись только въ этомъ кругу; зато послѣдній теперь избавился отъ соперничества княжихъ бояръ на правительственномъ поприщѣ. Съ появленіемъ выборной администраціи правительственный классъ въ Новгородѣ, несмотря на зависимость отъ демократическаго вѣча по выборамъ, даже какъ будто становится болѣе прежняго замкнутымъ и олигархичнымъ. Народъ иногда жестоко расправлялся съ неугоднымъ или провинившимся сановникомъ, могъ разграбить его домъ, распродать его села и челядь, самого «казнить ранами близъ смерти» и даже сбросить съ моста въ Волховъ, «яко разбойника»; но на мѣсто низложеннаго онъ долженъ былъ выбирать другаго изъ того же круга; отнявъ посадничество у знатнаго и богатаго боярина Михалка Степанича, онъ передавалъ должность не менѣе знатному и богатому боярину Мирошкѣ Нездиничу. Произволъ капризнаго и недовѣрчиваго къ знати вѣча не помѣшалъ ей даже завести извѣстную очередь старшинства въ занятіи выборныхъ должностей, подобную той, какую князья XI и XII в. старались установить между собою въ занятіи столовъ, и вѣче сообразовалось съ этой очередью при выборахъ. Во второй половинѣ XII в. въ Новгородѣ пользовались большимъ вліяніемъ два боярина, упомянутый выше Михалко и Якунъ Мирославичъ, сынъ того Мирослава, котораго можно считать первымъ выборнымъ новгородскимъ посадникомъ. Оба они неоднократно избираемы были въ

посадники; Якунъ даже породнился съ князьями и былъ тестемъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго. Онъ былъ гораздо старше Михалка, былъ уже избранъ въ посадники въ 1137 г., тогда какъ Михалко въ первый разъ посадничалъ въ 1180 г. Въ 1209 г., когда сына Якунова не было въ Новгородѣ, посадничество дали Михалкову сыну Твердиславу; но какъ скоро въ 1211 г. Якуничъ явился въ городъ, Михалковичъ «по своей волѣ» уступилъ ему должность, какъ старшему, и вѣче уважило это новгородское боярское «отечество», выбрало посадникомъ старшаго.

Такъ создавалось политическое положеніе новгородскаго боярства. Оно переродилось изъ древней военно-промышленной знати, правившей городомъ еще до князей. Военныя дѣла Новгорода поддержали мѣстное вліяніе этой знати при первыхъ князьяхъ, административная служба по назначенію князя дала ей званіе и значеніе боярства, боярскій авторитетъ и правительственное вліяніе помогли ей стать руководительницей мѣстнаго общества въ его столкновеніяхъ съ князьями и при содѣйствіи вѣча превратить высшую мѣстную администрацію въ выборную, а избирательность должностей обезпечила за ней, такъ сказать, правительственную монополію и тѣснѣе прежняго сомкнула ее въ мѣстный правительственный классъ. Экономическое положеніе боярства опредѣлялось въ связи съ политическимъ. Этотъ классъ былъ руководителемъ промышленной жизни края еще прежде, чѣмъ сталъ называться боярствомъ; онъ остался такимъ руководителемъ и послѣ, получивъ это новое значеніе. Представленіе о богатѣйшемъ купцѣ соединилось съ мыслью о бояринѣ въ сѣверной новгородской былинѣ, которая поетъ о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу, купцу богатому, ко бояриру». Но чѣмъ болѣе входило это боярство въ правительственныя дѣла края, тѣмъ меньше могло оно принимать непосредственное участіе въ купеческихъ оборотахъ. Значительная часть его, если не большинство, со временемъ превратилась въ капиталистовъ, отдававшихъ свои капиталы купцамъ, по техническому выраженію древнерусской торговли, «на торговлю въ куны». Новгородская лѣтопись и легенда согласно отмѣчаютъ такое значеніе правительственной знати города въ мѣстной торговлѣ. Разграбивъ въ 1209 году домъ посадника Дмитра Мирошкинича, народъ нашелъ у него долговыя «доски», на которыхъ значилось отданнаго взаймы «безъ числа», и новгородская толпа какъ буд-

даже относилась къ этимъ доскамъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ остальному имуществу опальнаго посадника: расхитивъ его сокровища, распродавъ села и рабовъ, она не уничтожила досокъ, а передала ихъ князю. Извѣстное сказаніе о богатомъ посадникѣ Щилѣ, который занимался тѣмъ, что давалъ многимъ купцамъ деньги въ лихву, свидѣтельствуетъ о необыкновенной дешевизнѣ новгородскихъ боярскихъ капиталовъ: если легенда хотя въ нѣкоторой степени отражаетъ дѣйствительное состояніе новгородскаго денежнаго рынка, по ней можно видѣть, въ какомъ изобиліи предлагались эти капиталы мѣстной торговлѣ. Посадникъ собралъ «многое множество» имѣнія, взимая роста по 1 деньгѣ въ годъ на новгородскій рубль, т. е. всего по ½%, тогда какъ даже древнерусскія церковныя поученія, горячо возстававшія противъ отдачи денегъ въ лихву, считали легкимъ и нравственно-простительнымъ ростомъ 7 рѣзанъ на гривну кунъ, или 14% *). Такое употребленіе торговаго капитала ставило въ зависимость отъ боярства массу горожанъ и, надобно думать, надежнѣе обезпечивало общественное его значеніе, чѣмъ крупныя боярскія вотчины, населенныя обыкновенно челядью и получавшія значеніе въ томъ краю только при помощи того же капитала.

Такое своеобразное положеніе создало себѣ новгородское боярство. Въ другихъ областяхъ Руси боярство или стояло одиноко между княземъ и городомъ, или зависѣло отъ князя, соперничая съ городомъ. Въ Новгородѣ оно дѣйствовало то противъ князя, опираясь на массу, то противъ массы, опираясь на князя. Оно и зависѣло отъ мѣстнаго общества, и господствовало надъ нимъ: зависѣло какъ правительственный классъ, отъ него получавшій полномочія и передъ нимъ отвѣтственный,—господствовало какъ классъ, державшій въ своихъ рукахъ главный рычагъ хозяйственной жизни края.

Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ выражалась политическая дѣятельность этого правительственнаго класса какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, который долго входилъ въ составъ волости перваго, какъ его пригородъ, и, ставъ вольнымъ городомъ въ XIV вѣкѣ, устроился по типу своего старшаго брата. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и актахъ XIII—XV вѣковъ эти формы

---

*) Извѣстная редакція сказанія о Щилѣ сложилась уже въ то время, когда въ новгородскомъ рублѣ считали 14 гривенъ и 4 деньги, или 200 денегъ, т. е. уже послѣ присоединенія вольнаго города къ Москвѣ, въ концѣ XV или въ началѣ XVI в.

являются довольно разнообразными. Во-первыхъ, бояре и выбранные изъ ихъ среды городскіе сановники или одни сановники дѣйствуютъ вмѣстѣ со всѣми горожанами, входя въ составъ городскаго собранія или даже становясь во главѣ его. Посадникъ и съ нимъ много бояръ и добрыхъ людей ѣдутъ отъ Пскова звать новаго князя на псковской столъ; князь псковской, «сдумавши съ посадники и съ бояры и со Псковичи на вѣчѣ», посылаетъ гонца къ великому князю московскому просить помощи на Нѣмцевъ. Посадники и «весь Псковъ» бьютъ челомъ уѣзжавшему князю не покидать княженія; въ дѣлѣ церковномъ посадники являются на вѣчѣ вмѣстѣ съ представителемъ церковной власти и духовенствомъ города: въ 1442 году князь псковской, посадникъ, псковской намѣстникъ митрополита и попы всѣхъ трехъ соборовъ, «погадавше съ Псковичи», поставили новую церковь по случаю мора. Но лѣтописи хорошо отличаютъ участіе бояръ и городскихъ сановниковъ въ вѣчевыхъ совѣщаніяхъ отъ правительственныхъ дѣйствій тѣхъ же бояръ и сановниковъ, при которыхъ не присутствовало вѣче и на которыя оно не давало особаго полномочія. При отъѣздѣ изъ Пскова московскаго воеводы, котораго великій князь въ 1463 г. присылалъ на помощь городу противъ Нѣмцевъ, его провожали посадники и «всѣ бояре псковскіе». Передъ смертью новгородскаго архіепископа Далмата въ 1274 году посадникъ «съ мужи старѣйшими» спрашивали владыку, кого онъ благословитъ на свое мѣсто, и когда Далматъ назвалъ кандидатовъ, изъ которыхъ городъ долженъ былъ выбрать ему преемника, посадникъ созвалъ вѣче и объявилъ народу волю владыки. Въ 1375 году Новгородцы съ вѣча послали великокняжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго «и иныхъ многихъ бояръ и добрыхъ мужъ» просить владыку не оставлять епископіи. Когда архіепископъ новгородскій посѣщалъ свою псковскую паству, его, въ случаѣ добраго согласія между обѣими сторонами, выѣзжали встрѣчать, чествовали и дарили отъ всѣхъ концовъ мѣстный князь, посадники и бояре безъ особаго вѣчеваго приговора о томъ. Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ сановники города дѣйствуютъ одни безъ вѣча и безъ бояръ.

Таковы три формы, въ которыхъ является дѣятельность высшей администраціи вольнаго города. Легко замѣтить, что бояре дѣйствуютъ при мѣстномъ князѣ и посадникахъ не какъ постоянные ихъ правительственные товарищи, а только присоединяются къ нимъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Такія же дѣла, при

отправленія которыхъ являются бояре рядомъ съ городскими правителями, иногда дѣлаются послѣдними и безъ нихъ. Бояре присоединялись къ высшимъ должностнымъ лицамъ, когда обстоятельства сообщали дѣлу особенную важность или когда желали придать ему особенно торжественный характеръ. Такъ бывало чаще всего въ посольствахъ или при заключеніи договоровъ. Но тогда призывались къ дѣлу обыкновенно не всѣ или не безразлично какіе-нибудь бояре, а спеціально на тотъ случай уполномоченные представители отъ городскихъ концовъ. Каждый конецъ въ такихъ случаяхъ выставлялъ по одному, по два или по три боярина. Такъ въ 1499 году Псковъ послалъ къ великому князю Ивану III трехъ посадниковъ и по три боярина съ конца по поводу назначенія сына Иванова Василія княземъ Новгорода и Пскова. Такіе бояре иногда дѣйствовали и одни безъ посадниковъ, исполняя порученія вѣча: такъ въ 1476 году Псковъ посылалъ своихъ бояръ изъ всѣхъ концовъ жаловаться великому князю на его «злосердаго» намѣстника князя Яр. В. Оболенскаго. Но подобныя порученія возлагались не на однихъ бояръ, а иногда вмѣстѣ съ ними или даже безъ нихъ и на людей другихъ классовъ: такъ въ 1386 году, послѣ неудачной поѣздки владыки къ шедшему на Новгородъ войной Димитрію Донскому, Новгородцы послали къ нему съ поклономъ и челобитьемъ о мирѣ архимандрита, семь священниковъ и по человѣку отъ конца житьихъ людей — класса, стоявшаго ниже бояръ въ общественной іерархіи города. Значитъ, бояре отъ концовъ дѣйствовали не въ качествѣ постоянныхъ должностныхъ лицъ, а были только временными депутатами отъ частей города въ экстренныхъ случаяхъ. Поэтому въ текущихъ дѣлахъ управленія или когда обыватели обращались съ важнымъ дѣломъ къ постоянному правительству города, при посадникахъ и другихъ властяхъ не встрѣчаемъ бояръ. Въ Псковѣ князь и посадники распоряжаются закладкой новой городской стѣны, посылаютъ одного изъ посадниковъ возстановлять сгорѣвшій городъ Опочку, посылаютъ въ Выборгъ судью выкупать у Шведовъ плѣнныхъ псковичей, собираютъ ратныхъ людей изъ пригородовъ и сельскихъ волостей, готовясь къ походу на Нѣмцевъ; священники, которые не входили въ составъ существовавшихъ трехъ псковскихъ соборовъ, въ 1453 г. обращаются съ челобитьемъ о четвертомъ соборѣ къ князю, степенному посаднику и ко всѣмъ посадникамъ псковскимъ, и тогда эти власти идутъ къ навѣстившему Псковъ епархіальному нов-

городскому архіерею съ ходатайствомъ о позволеніи учредить новый соборъ.

Въ устройствѣ высшаго управленія Новгорода и Пскова многія подробности остаются еще не разъясненными. Причина этого въ томъ, что администрація вольныхъ городовъ вовсе не отличалась простотой. Новгородское и псковское общество мозаически сложено было изъ множества мелкихъ мѣстныхъ міровъ, которые входили въ составъ болѣе крупныхъ, а изъ послѣднихъ составлялись еще болѣе крупные союзы. Каждый изъ нихъ пользовался извѣстною долей самоуправленія, имѣлъ свою администрацію, своего старосту. Такъ Новгородъ, независимо отъ дѣленія на топографическія части, концы, сотни, улицы, отдѣльныя слободы и посады, причемъ каждая изъ этихъ частей города устроена была въ особое общество съ своимъ управленіемъ, дѣлился еще на соціальные слои, представляющіе подобіе сословій, также съ признаками особаго управленія у каждаго изъ нихъ. Изъ всего этого сплеталась сложная и довольно запутанная сѣть властей мелкихъ и крупныхъ, мѣстныхъ и общихъ, взаимныя отношенія и значеніе которыхъ при недостаткѣ указаній историческихъ памятниковъ иногда очень трудно разобрать. Изъ лѣтописи узнаемъ, что иныя улицы въ Новгородѣ XV в. имѣли по два старосты «улицкихъ»; между тѣмъ ни въ одномъ мѣстномъ памятникѣ, если не ошибаемся, нѣтъ прямаго указанія на кончанскихъ старостъ, хотя концы имѣли каждый особое управленіе и дѣйствовали въ новгородской жизни цѣльными организованными мірами. Упомянутые выше бояре отъ концовъ были временными депутатами въ особыхъ случаяхъ, не имѣли характера постоянныхъ должностныхъ лицъ до послѣднихъ лѣтъ новгородской вольности, т.-е. не было постоянныхъ «бояръ изо всѣхъ концовъ», какъ исполнителей экстренныхъ порученій новгородскаго правительства. Но помимо этихъ порученій люди, иногда назначавшіеся боярами отъ концовъ, могли быть въ то же время и постоянными должностными лицами, дѣйствуя въ различныхъ сферахъ городскаго управленія въ качествѣ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, старостъ кончанскихъ, сотскихъ, даже улицкихъ и т. п. Въ послѣднее десятилѣтіе свободы Новгорода тамъ пользовался вліяніемъ нѣкто Памфилъ, сторонникъ аристократической партіи «великихъ бояръ», враждовавшей съ людьми «житьими и молодшими». Древній біографъ преп. Зосимы Соловецкаго называетъ самого Памфила знатнымъ новгородскимъ бояриномъ, а

въ 1476 году онъ занималъ невысокій постъ старосты Θедоровской улицы. Сынъ его, принадлежавшій по своему званію къ дѣтямъ боярскимъ, несмотря на то является по лѣтописи «купецкимъ» старостой. Въ этой сложности общественнаго склада и административнаго устройства вольнаго города—источникъ затрудненій, съ которыми сопряжено изученіе постояннаго правительственнаго мѣста, стоявшаго во главѣ его управленія.

Церковный уставъ кн. Всеволода Мстиславича описываетъ это учрежденіе, какимъ оно было въ Новгородѣ XII в., въ ту эпоху, когда высшая администрація города становилась выборной, что внесло въ нее политическое раздвоеніе, отдѣливъ собственно княжескихъ сановниковъ отъ представителей мѣстнаго общества. Для обсужденія устава князь призвалъ на совѣтъ, кромѣ мѣстнаго епископа и своихъ бояръ, еще десять новгородскихъ сотскихъ, бирича и двухъ старостъ, изъ которыхъ одинъ былъ «Иванскимъ», т. е. представителемъ мѣстнаго купеческаго общества, которому передъ тѣмъ тотъ же князь далъ особый уставъ. Въ числѣ представителей мѣстнаго міра не упомянуты въ церковномъ уставѣ важнѣйшіе сановники, ни посадникъ, ни тысяцкій,—первый, вѣроятно, потому, что занимавшій эту должность Мирославъ во время составленія устава (въ 1135 году) былъ на югѣ по одному политическому дѣлу, а второй, можетъ-быть, по такой же причинѣ, а можетъ-быть потому, что его должность еще не сдѣлалась выборной и онъ разумѣлся въ числѣ княжихъ бояръ, призванныхъ на совѣтъ. Это, очевидно, та же старинная боярская дума при князѣ съ участіемъ мѣстной городовой старшины, какая собиралась, по разсказу древней лѣтописи, при кіевскомъ князѣ X в. Изъ этой боярской думы при князѣ развился боярскій совѣтъ, впослѣдствіи руководившій дѣлами Новгорода подъ надзоромъ вѣча, а по новгородскому образцу устроился такой совѣтъ и въ Псковѣ. Но при своемъ развитіи въ продолженіе удѣльныхъ вѣковъ боярскій совѣтъ вольныхъ городовъ, присутствіе котораго въ старшемъ изъ нихъ подозрѣвалъ уже Рейцъ, потерпѣлъ существенныя перемѣны, коснувшіяся его состава и политическаго положенія.

Непремѣнными членами его и послѣ видимъ высшихъ городскихъ сановниковъ, степенныхъ посадника и тысяцкаго въ Новгородѣ, одного или двухъ посадниковъ въ Псковѣ, гдѣ не было тысяцкаго. Сотскіе также принадлежали къ его составу: они всегда причислялись къ «добрымъ людямъ» или «лучшимъ му-

жамъ», къ высшему правительственному классу, и по мѣстнымъ лѣтописямъ не разъ являются при князѣ и посадникахъ участниками важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ. Биричъ, исполнительно-полицейскій чиновникъ, объявлявшій народу распоряженія правительства и руководившій исполненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно, и послѣ присутствовалъ въ правительственномъ совѣтѣ: по крайней мѣрѣ эту должность занимали люди высшаго круга общества и одинъ биричъ второй половины XII в. Незда былъ родоначальникомъ знатной боярской фамиліи Нездиничей, игравшей видную роль въ исторіи Новгорода. Въ одномъ нѣмецкомъ донесеніи (1331 года) рижскому городскому совѣту о ссорѣ Новгородцевъ съ нѣмецкими купцами упомянуты «позовники при совѣтѣ господъ», то-есть биричи *): значитъ, ихъ было нѣсколько при боярскомъ совѣтѣ. Въ русскихъ памятникахъ мы не знаемъ прямыхъ указаній на кончанскихъ старостъ, какъ членовъ высшаго правительственнаго совѣта въ Новгородѣ и Псковѣ, хотя ихъ присутствіе можно предполагать потому, что тамъ присутствовали сотскіе, низшіе сравнительно съ ними сановники, такъ какъ сотни были подраздѣленіемъ концовъ. Но изъ другаго нѣмецкаго донесенія узнаемъ, что въ началѣ XV в. иноземный посолъ, имѣвшій дѣло до высшаго новгородскаго правительства, обращался къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ и «пяти старостамъ отъ пяти концовъ» **). Этимъ свидѣтельствомъ объясняются нѣкоторыя косвенныя указанія новгородскихъ памятниковъ. Сохранившаяся грамота Соловецкаго монастыря на владѣніе Соловецкими островами составлена около половины XV вѣка отъ имени всего Новгорода, который «на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ» пожаловалъ обитель тѣми островами. Но древній біографъ основателей монастыря разсказываетъ, что грамота дана боярами, собравшимися для того по приглашенію владыки, то-есть правительственнымъ совѣтомъ, разумѣется, по докладу о томъ на вѣчѣ; къ ней приложено восемь печатей—новгородскаго владыки, посадника, тысяцкаго и еще «пять печатей, съ пяти концовъ града того по печати». Поэтому, читая разсказъ лѣтописца о томъ, что въ 1478 году къ присяжной записи Новгородцевъ на подданство Ивану III по волѣ великаго князя приложены были

*) Roperen bi der heren rade. Русск.-Лив. Акты, стр. 61.

**) To vif olderluden van vif enden. *Bunge*, Urkundenbuch, IV, 531. Это мѣсто донесенія приведено у г. *Никитскаго* въ «Очерк. изъ жизни В. Новгорода». *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869 г., № 10, стр. 301.

и печати отъ пяти концовъ вмѣстѣ съ владычней, можно думать, что прикладывали эти печати не особо для того избранные «бояре изо всѣхъ концовъ», а кончанскіе старосты въ боярскомъ совѣтѣ, куда эту запись принесъ подъячій великаго князя. По псковской лѣтописи въ составѣ высшаго правительства города рядомъ съ княземъ, посадниками, боярами и сотскими иногда являются еще «судьи». Была уже высказана мысль, что въ Псковѣ не существовало особеннаго судейскаго званія съ своей спеціальною сферой дѣйствія. По псковской Судной грамотѣ извѣстенъ составъ, въ какомъ собирался судъ у князя на сѣняхъ въ XV в.: онъ состоялъ изъ князя, степенныхъ посадниковъ и сотскихъ; такимъ же является онъ и въ одномъ уцѣлѣвшемъ судебномъ дѣлѣ 1483 г. Значитъ, псковской судъ при князѣ состоялъ изъ членовъ обычнаго боярскаго правительственнаго совѣта. Ни въ лѣтописи, ни въ Судной грамотѣ слово «судья» не имѣло постояннаго точнаго значенія. Послѣдняя въ одной статьѣ называетъ судьями всѣхъ членовъ суда, и посадниковъ и сотскихъ, въ другой отдѣляетъ судей отъ князя и посадниковъ, какъ бы разумѣя подъ ними одних сотскихъ, а лѣтопись отдѣляетъ судей отъ сотскихъ, слѣдовательно разумѣетъ подъ ними посадниковъ, разсказывая, что въ 1461 г. перемиріе съ Нѣмцами скрѣпили крестоцѣлованіемъ «судьи и сотскіе», хотя въ другомъ мѣстѣ она же отличаетъ ихъ отъ посадника, бояръ и сотскихъ, а въ третьемъ одного псковскаго сотскаго называетъ судьей. Но въ Псковѣ и кромѣ посадниковъ съ сотскими были должностныя лица, которыя носили или могли носить общее званіе судей. Въ судебнѣ присутствовали два подверника или придверника, одинъ отъ князя, другой отъ Пскова. По нѣкоторымъ признакамъ ихъ значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи было важнѣе, чѣмъ можно думать, судя по ихъ званію: подобно посадникамъ и сотскимъ они при вступленіи въ должность цѣловали крестъ на томъ, что имъ «праваго не потубити, а виноватаго не оправити»; подобно князю и другимъ судьямъ, они брали свою пошлину со всякаго суднаго дѣла. Есть извѣстіе 1491 г. объ одномъ сотскомъ, «старомъ придверникѣ»; это неясное указаніе значитъ, что либо подверники выбирались иногда на должность сотскихъ, либо подверникомъ отъ города бывалъ одинъ изъ городскихъ сотскихъ. Намѣстникъ новгородскаго владыки въ Псковѣ кромѣ своего церковнаго суда имѣлъ еще мѣсто въ псковской судебнѣ рядомъ съ княземъ и другими судьями:

это бывало въ случаяхъ смѣснаго или общаго суда, когда сторонами являлись лица разныхъ юрисдикцій, княжеской и владычней. Намѣстникъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ владычнимъ печатникомъ; оба они съ половины XIV в. обыкновенно и даже обязательно назначались владыкой изъ мѣстныхъ обывателей, принадлежали къ мѣстному правительственному кругу, какъ свои братья псковитяне, и наравнѣ съ другими сановниками города исполняли порученія мѣстнаго правительства вовсе не судебнаго свойства: такъ въ 1445 г. псковской князь и посадники послали намѣстника Прокофья выкупать плѣнныхъ у Шведовъ. Какъ лица судебнаго вѣдомства, всѣ эти должностные люди носили общее званіе судей,—судьей и называетъ лѣтопись упомянутаго сейчасъ владычняго намѣстника Прокофія; какъ людей мѣстнаго правительственнаго круга, ихъ призывали на совѣтъ высшихъ властей города, когда того требовало дѣло. Такъ можно понимать разсказъ псковской лѣтописи объ одномъ дѣйствіи мѣстнаго правительства 1472 г., въ которомъ рядомъ съ посадникомъ, боярами и сотскими участвовали еще «судьи».

Но это, очевидно, не были постоянные члены боярскаго совѣта, какъ и бояре отъ концовъ. Появленіе такихъ временныхъ совѣтниковъ было одной изъ тѣхъ перемѣнъ, какія испытала старая боярская дума при князѣ въ вольныхъ городахъ. Двѣ изъ нихъ оказали здѣсь особенно сильное дѣйствіе на судьбу и характеръ этого учрежденія. Во-первыхъ, въ составѣ его съ XIII в. появляется элементъ, котораго прежде не было замѣтно: это—старые или бывшіе посадники въ Псковѣ, старые посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ. Степенный посадникъ или тысяцкій, слагая съ себя должность, «слѣзая съ степени», продолжалъ носить званіе покинутой должности и сохранялъ правительственное значеніе въ качествѣ совѣтника при новыхъ степенныхъ посадникахъ и тысяцкихъ; послѣдніе всюду раздѣляютъ правительственные труды съ своими предшественниками и мѣстныя лѣтописи, какъ и мѣстныя канцеляріи, даже не всегда различаютъ тѣхъ и другихъ,—рѣдко отмѣчаютъ, кто степенный и кто старый. Трудно объяснить побужденія или потребности, заставлявшія удерживать правительственный авторитетъ за бывшими высшими сановниками. Въ псковской Судной грамотѣ есть постановленіе, въ силу котораго посадникъ, сложивъ съ себя должность, обязанъ былъ покончить самъ судебныя дѣла, начатыя въ его управленіе: можетъ-быть, это подавало поводъ удерживать званіе посадника за сло-

жившимъ эту должность *). Можетъ-быть, источникъ явленія скрывается во всемъ строѣ управленія вольныхъ городовъ. По новгородскимъ актамъ XV в. видно, что дипломатическія порученія Новгорода иногда исполняли, въ качествѣ бояръ отъ концовъ, старые посадники и тысяцкіе, имѣвшіе правительственное значеніе и безъ этихъ кончанскихъ полномочій. Въ этомъ можно видѣть позднее дѣйствіе причины, которая первоначально ввела отставныхъ сановниковъ въ боярскій совѣтъ. Посадникъ, сложивъ съ себя должность, продолжалъ пользоваться вліяніемъ въ своемъ концѣ по мѣсту жительства. Къ нему, какъ къ привычному руководителю, вѣроятно, чаще всего обращалось общество, когда требовалась депутація отъ конца; еще вѣроятнѣе, что его обыкновенно выбирали въ старосты конца, и вотъ почему, можетъ-быть, туземные памятники не указываютъ старостъ кончанскихъ въ числѣ членовъ совѣта: они сидѣли тамъ, но обозначались болѣе почетнымъ званіемъ—старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Частое появленіе въ совѣтѣ, въ качествѣ ли старостъ концовъ или временныхъ уполномоченныхъ, постепенно превратило обычное явленіе въ постоянный обычай. Какъ бы то ни было, вступленіе въ совѣтъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ значительно расширило его составъ. Судя по списку новгородскихъ посадниковъ, они подолгу занимали должность, когда назначались князьями. Но съ установленіемъ избирательности высшихъ должностей и съ развитіемъ политическихъ партій посадники и тысяцкіе смѣнялись очень часто; французскій путешественникъ Ланнуа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ даже, что эта смѣна происходила ежегодно. Это содѣйствовало накопленію старыхъ сановниковъ въ боярскомъ совѣтѣ. Въ 1471 г. псковская сила пошла противъ Новгорода на помощь Ивану III подъ начальствомъ 14 псковскихъ посадниковъ, а въ 1510 году ихъ поѣхало къ великому князю въ Новгородъ 11 человѣкъ. Еще больше было ихъ въ Новгородѣ: по лѣтописному разсказу о пріѣздѣ великаго князя въ вольный городъ въ 1476 году можно насчитать болѣе 20 старыхъ посадниковъ и 5 тысяцкихъ сверхъ степенныхъ. Съ другой стороны, элементъ, господствовавшій въ боярской думѣ при князѣ, княжеское боярство, съ XIII в. падалъ постепенно и почти исчезъ изъ боярскаго совѣта вольныхъ городовъ. Это паденіе

---

*) Замѣчаніе это принадлежитъ г. *Костомарову* (Сѣвернорусск. народопр., II, 50).

легко замѣтить, читая мѣстныя лѣтописи. Всюду дѣйствуютъ, всѣмъ руководятъ посадники и другія городскія власти съ мѣстнымъ княземъ или безъ него, изрѣдка упоминается его намѣстникъ; но княжихъ бояръ совсѣмъ незамѣтно. Иногда какъ будто обнаруживалось стремленіе поддержать равновѣсіе между обѣими сторонами: въ концѣ XIII в., чтобы выслушать посольство, пріѣхавшее въ Новгородъ отъ ганзейскихъ городовъ, князь назначилъ съ своей стороны намѣстника и трехъ бояръ, а съ новгородской— тысяцкаго и столько же мѣстныхъ бояръ, и всѣ эти уполномоченные одинаково заявили посольству, что они—очи, уши и уста своего князя. Въ XV в. новгородскій князь посылалъ къ ливонскимъ Нѣмцамъ послами для заключенія договоровъ по боярину отъ себя и отъ Новгорода или своего намѣстника и одного боярина съ двумя посадниками и тремя боярами отъ Новгорода; но въ дошедшемъ до насъ нѣмецкомъ текстѣ одного такого договора даже не обозначено имя участвовавшаго въ его заключеніи княжескаго боярина. Напротивъ, раздвоеніе между обоими правительственными элементами иногда выражалось въ очень рѣзкихъ формахъ. Въ 1384 г. пріѣхали въ Новгородъ за ордынскою данью бояре великаго князя московскаго; новгородскіе бояре ѣздили на княжій дворъ «тягаться съ княжими боярами о обидахъ» и тяжба эта приняла такой характеръ, что многіе изъ москвичей убѣжали въ Москву. На ходъ управленія въ Новгородѣ и Псковѣ княжескіе бояре не оказывали замѣтнаго дѣйствія и въ XV в. едва ли присутствовали въ обычныхъ собраніяхъ боярскаго совѣта того и другаго города. Вмѣстѣ съ княжескими боярами изъ состава этого совѣта вышелъ и другой элементъ, представлявшій уже не пришлую стороннюю силу, а часть мѣстнаго общества. Въ XII в. князь Всеволодъ призвалъ на совѣтъ по дѣлу о церковномъ уставѣ для Новгорода вмѣстѣ съ сотскими и своими боярами старосту образовавшагося тогда здѣсь купеческаго союза. Въ XV в. существовало уже много купеческихъ старостъ въ обоихъ вольныхъ городахъ. Псковская лѣтопись разсказываетъ, что изъ Пскова въ 1510 г. поѣхали къ великому князю съ своими жалобами «купецкіе старосты всѣхъ рядовъ». Если эти ряды были похожи на ряды или сотни, гостинную и суконную, въ позднѣйшей Москвѣ, что очень вѣроятно, такъ какъ и въ Псковѣ упоминаются суконники во второй половинѣ XV в., то въ псковскихъ рядскихъ старостахъ надобно видѣть представителей мѣстныхъ купеческихъ гильдій. Слѣды торговыхъ гильдейскихъ со-

тенъ, подобныхъ московскимъ съ ихъ старостами, замѣтны, какъ мы видѣли прежде (въ V главѣ), и въ древнемъ Новгородѣ. По распорядку общественныхъ слоевъ здѣсь и въ Псковѣ купцы принадлежали къ меньшимъ, «молодшимъ» людямъ, стояли ближе къ низшему черному населенію, чѣмъ къ боярамъ, отдѣляясь отъ послѣднихъ промежуточнымъ слоемъ житьихъ людей. По мѣстнымъ лѣтописямъ купеческіе старосты не являются въ составѣ высшаго правительства вольнаго города рядомъ съ посадниками и сотскими; повидимому, въ XIV и XV вѣкахъ они уже не имѣли мѣста въ боярскомъ совѣтѣ ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ. Это предположеніе поддерживается однимъ нѣмецкимъ извѣстіемъ. Въ Новгородѣ произошло одно изъ обычныхъ столкновеній туземцевъ съ нѣмецкими купцами. Совѣтъ одного нѣмецкаго города, имѣвшаго торговыя дѣла съ Новгородомъ, въ 1412 г. писалъ по этому случаю къ тамошнему правительству. Но жившіе въ томъ городѣ новгородскіе купцы заявили совѣту, что новгородскій владыка, посадникъ, тысяцкій и бояре скрываютъ подобныя бумаги отъ своего купечества и народа. Поэтому Нѣмцы обратились съ новымъ посланіемъ уже не къ боярамъ, а прямо къ купеческимъ старостамъ Новгорода, которые, значитъ, не входили въ составъ боярскаго совѣта *).

Такъ этотъ совѣтъ сжался и сверху и снизу, обособился и отъ княжескаго боярства, и отъ представителей собственныхъ согражданъ, не принадлежавшихъ къ мѣстному боярству; переставъ быть совѣтомъ княжихъ бояръ, онъ въ то же время сталъ совѣтомъ чисто-боярскимъ. Послѣ указанныхъ перемѣнъ этотъ совѣтъ состоялъ въ Новгородѣ изъ князя, когда онъ жилъ тамъ, и его намѣстника, изъ владыки архіепископа, степенныхъ посадника и тысяцкаго, старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, старостъ концовъ и сотскихъ; при совѣтѣ состояло еще нѣсколько биричей. Остается неяснымъ, принадлежалъ ли къ составу совѣта дворецкій князя, который при содѣйствіи посадниковъ спеціально завѣдовалъ княжескими доходами въ Новгородской области, а также былъ ли вѣчевой или «вѣчный» дьякъ въ Новгородѣ и

---

*) *Рейца*, Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. зак., въ перев. *Морошкина*, § 43, прим. 2. П. С. Лѣт. VI, 217 и 218, IV, 220 и 243, 222 и 226, 212, 215, 273, 284 и 225. Г. *Никитскаго*, Очеркъ внутр. ист. Пскова, 123, 125, 146 и сл. А. Юр. № 2. Соловецкая грамота у арх. *Досиѳея* въ Опис. Сол. мон. I, 48. А. А. Эксп. I, №№ 57, 58, 90 и 91. *Bunge*, Urkundenbuch, I, 682. Русск.-Лив. Акты, 167 и 175, ср. съ П. С. Лѣт. IV, 119.

секретаремъ совѣта, или у послѣдняго была особая канцелярія. Въ Псковѣ не было ни епископа, ни тысяцкихъ, но выбирались обыкновенно два степенныхъ посадника; трудно рѣшить, былъ ли здѣсь намѣстникъ новгородскаго владыки постояннымъ членомъ боярскаго совѣта, или только приглашался въ особыхъ случаяхъ. Таковъ былъ правительственный боярскій совѣтъ въ собственномъ смыслѣ, въ постоянномъ своемъ составѣ. Если предположить, что когда-нибудь на засѣданія приходили всѣ члены совѣта, то зная, какъ иногда много бывало старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, въ полномъ собраніи новгородскаго совѣта около половины XV в. можно было насчитать до 50 присутствующихъ. Въ пользу таковаго численнаго состава совѣта, повидимому, говоритъ одна подробность, отмѣченная современнымъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о паденіи Новгорода: въ 1478 г. Новгородцы должны были выдать московскимъ боярамъ и ту грамоту, которой они обязались всѣмъ городомъ стоять противъ великаго князя; грамота была скрѣплена 58 печатями, а подобные акты обыкновенно скрѣплялись печатями высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ правительственный совѣтъ. Иногда этотъ совѣтъ расширялся призывомъ въ него бояръ отъ концовъ и другихъ сановниковъ, которыхъ псковской лѣтописецъ обозначаетъ неопредѣленнымъ названіемъ «судей». Впрочемъ бояре отъ концовъ часто были тѣ же старые посадники или тысяцкіе. Притомъ они обыкновенно присоединялись къ посадникамъ для содѣйствія имъ въ исполненіи вѣчевыхъ постановленій или для того, чтобы придать извѣстному дѣйствію правительства болѣе торжественный характеръ: ихъ посылали съ посадниками на закладку городскихъ укрѣпленій, постройка которыхъ рѣшена вѣчемъ, встрѣчать и провожать владыку, князя или его воеводу; съ посадниками или безъ нихъ, но иногда съ представителями житьихъ людей также по концамъ они ѣздили вести дипломатическіе переговоры и заключать трактаты, жаловаться великому князю отъ имени согражданъ на его намѣстника и т. п. Не встрѣчаемъ въ памятникахъ Новгорода и Пскова постояннаго спеціальнаго термина, которымъ назывался этотъ боярскій совѣтъ: мѣстныя лѣтописи и акты обыкновенно обозначали его перечнемъ сановниковъ, входившихъ въ его составъ. Слово *дума* и тамъ значило совѣтъ въ смыслѣ не правительственнаго учрежденія, а его отдѣльнаго акта, постановленія или совѣщанія. Но правительственный совѣтъ имѣлъ тѣсную связь съ мѣстнымъ судомъ; въ Псковѣ выс-

шій городской судъ былъ тотъ же правительственный совѣтъ, только въ тѣсномъ составѣ, и псковская судебня у князя на сѣняхъ служила мѣстомъ собраній того и другаго учрежденія. Точно также и въ Новгородѣ боярскій совѣтъ засѣдалъ «у владыки въ палатѣ» или во «владычнѣ комнатѣ», гдѣ судили и посадникъ съ княжескимъ намѣстникомъ. Судебная коллегія въ Псковѣ называется въ псковской Судной грамотѣ «господой». Слово это не имѣло спеціальнаго техническаго значенія, имъ не называлось одно это учрежденіе: вольные города называли такъ князей, а отдѣльныя лица—согражданъ, собравшихся на вѣчѣ. Можно думать, что такъ называли и боярскій совѣтъ; по крайней мѣрѣ названіе, какое давали ему Нѣмцы по актамъ XIV в. (Herrenrath), является близкимъ переводомъ этой *господы*. Назывался ли совѣтъ бояръ малымъ вѣчемъ, на это нѣтъ прямыхъ указаній; извѣстно только, что въ Псковѣ Корсунскій колоколъ, въ который звонили «на сѣни», т. е. на княжій дворъ, какъ можно думать, гдѣ собирался совѣтъ,—назывался «вѣчникомъ», а повѣствователь о событіяхъ 1471 г., притомъ не туземный, называетъ «большимъ» новгородское вѣче, собиравшееся на Ярославовомъ дворѣ.

Перемѣны въ составѣ боярскаго совѣта сопровождались измѣненіемъ его политическаго значенія и характера его правительственной дѣятельности. Тѣ и другія перемѣны выходили изъ одного источника, изъ того, какъ устанавливались отношенія совѣта къ обѣимъ политическимъ силамъ, между которыми онъ стоялъ, къ князю и вѣчу. Новгородъ и Псковъ съ успѣхомъ шли къ цѣли, которой не успѣли достигнуть другіе волостные города древней Руси, къ возстановленію того значенія, какое имѣли князья на Руси въ давнее время образованія первыхъ городовыхъ волостей. Пока московскій государь не взялъ всей своей воли надъ вольными городами, князь былъ для нихъ наемный оберегатель ихъ владѣній и промышленныхъ оборотовъ, служившій за «корилю», «воевода и князь кормленый, о комъ было имъ стояти и боронитися», какъ выражается псковской лѣтописецъ о послѣднемъ такомъ князѣ въ Новгородѣ, В. В. Шуйскомъ. Пока эти города принимали князя «по своимъ старинамъ, кой намъ любъ», князь среди мѣстнаго боярства не могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ среди своей боярской думы въ княжествахъ удѣльной Руси: тамъ онъ превратился въ простаго предсѣдателя собранія городскихъ сановниковъ, не отъ него получавшихъ свои полномочія и не ему отдававшихъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Мѣстныя

лѣтописи вообще мало занимаются отношеніями этихъ князей къ выборнымъ властямъ своихъ городовъ; по разсказу псковскаго лѣтописца, мѣстный князь, обыкновенно посаженный «изъ руки» великаго московскаго, въ своей правительственной дѣятельности мало выдѣлялся изъ ряда высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ боярскій совѣтъ: вмѣстѣ съ посадниками и боярами онъ исполнялъ порученія вѣча, ѣздилъ по дипломатическимъ дѣламъ, вмѣстѣ со всѣми посадниками ходилъ по просьбѣ духовенства бить челомъ архіепископу объ учрежденіи новаго собора. Удобно обходясь въ текущихъ дѣлахъ управленія безъ него, боярскій совѣтъ иногда и при немъ дѣйствовалъ противъ него. Донесеніе ганзейскаго посольства конца XIII в. живо рисуетъ отношенія князя съ его боярами къ новгородской госпôдѣ. Въ Новгородѣ отняли что-то у Нѣмцевъ, вѣроятно, товары, въ чемъ участвовали, кажется, и нѣкоторые новгородскіе сановники, члены совѣта, раздѣлившіе отнятое «съ своими смердами». Въ княжихъ хоромахъ двѣ недѣли шли шумныя совѣщанія новгородскихъ сановниковъ съ княземъ и его боярами по поводу заявленныхъ послами жалобъ. Князь хотѣлъ быть безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ, настаивалъ на удовлетвореніи Нѣмцевъ; по его порученію бояре шесть разъ просили о томъ новгородцевъ, самъ князь лично умолялъ (supplicuisset) ихъ о томъ же и очень сокрушался объ ихъ упрямствѣ. Послы обращались послѣ того къ одному старостѣ, къ посаднику и тысяцкому, но ни отъ кого не получили удовлетворительнаго отвѣта; послѣдній даже прямо высказалъ имъ свою досаду, что имъ не сидѣлось дома и зачѣмъ было князю въ этотъ годъ пріѣзжать въ Новгородъ. По поводу этого отказа въ отвѣтѣ на глазахъ пословъ произошла горячая сцена между новгородскимъ старостой и однимъ изъ бояръ князя. Но особенно характеренъ совѣтъ, какой послалъ князь уже выѣхавшимъ изъ города Нѣмцамъ вмѣстѣ съ продовольствіемъ и подарками: умывъ руки во всемъ, что сдѣлали имъ новгородцы, князь велѣлъ сказать по секрету безъ переводчика: «если вы — мужи, отплатите имъ хорошенько тою же монетой». Весь этотъ случай былъ опроверженіемъ отвѣта, даннаго послами на это любезное приглашеніе князя, что возмездіе за обиду — его дѣло и онъ вполнѣ можетъ сдѣлать его въ силу своей верховной власти *).

---

*) *Bunge*, Urkund. I, 682—685.

Господа тяготѣла къ вѣчу, а не къ князю. Вѣче избирало ее, къ вѣчу обращалась она за разрѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, ему отдавала отчетъ въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, оно ее судило и наказывало. Русскіе и нѣмецкіе памятники сохранили нѣсколько чертъ, рисующихъ обычный порядокъ ея дѣятельности и ея отношенія къ вѣчу. Боярскій совѣтъ созывался княземъ или посадникомъ, иногда владыкой; ни откуда не видно, чтобъ у него было урочное время для засѣданій. Житіе преп. Зосимы разсказываетъ, какъ состоялось засѣданіе новгородскаго боярскаго совѣта по дѣламъ Соловецкаго монастыря. Пришедши въ Новгородъ, Зосима жаловался владыкѣ и боярамъ на обиды, какія терпитъ братія на острову отъ окрестныхъ обывателей, холоповъ и крестьянъ, насельниковъ боярскихъ земель. Владыка обѣщалъ «оповѣдать» объ этомъ «боярамъ, содержащимъ градъ». Нѣсколько времени спустя «архіепископъ созвалъ къ себѣ бояръ и сказалъ имъ о насельникахъ, пакости дѣющихъ преподобному». Всѣ бояре «со множѣмъ обѣщаніемъ изволиша помогати монастырю его». Слѣдствіемъ этого ходатайства была грамота монастырю на владѣніе Соловецкими островами, скрѣпленная 8 оловянными печатями владыки, посадника, тысяцкаго и пятиконецкихъ старостъ. Въ XIV вѣкѣ одно нѣмецкое посольство обратилось съ своими жалобами прежде всего къ владыкѣ, который послалъ его съ своимъ приставомъ къ посаднику, а послѣдній сказалъ посламъ, что созоветъ «господъ» и съ ними поговоритъ о дѣлѣ. Въ Псковѣ, кажется, совѣтъ созывался особымъ для того назначеннымъ колоколомъ. Псковской лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1518 году, восемь лѣтъ спустя послѣ паденія независимости Пскова, великій князь прислалъ изъ Москвы «меньшой колоколъ въ Корсунскаго мѣсто, что *на сѣни* въ него звонили, какъ вѣчье было». Простѣйшій смыслъ этого извѣстія тотъ, что когда Псковъ былъ еще вольнымъ городомъ, когда въ немъ собирались вѣча, въ Корсунскій колоколъ звонили, когда нужно было созвать собраніе *на сѣни*, а сѣни на дворѣ князя были обычнымъ мѣстомъ засѣданій боярскаго совѣта, госпóды Пскова. Въ Новгородѣ князь собиралъ совѣтъ на Городищѣ, своемъ загородномъ дворѣ. Безъ него бояре обыкновенно собирались «у владыки въ полатѣ», во дворцѣ архіепископа на Софійской сторонѣ города; владыка былъ первенствующимъ членомъ новгородскаго совѣта, когда не было князя, какія бы дѣла ни обсуждались въ совѣтѣ: такъ иноземныя посольства правились всегда

владыкѣ и Новгороду, т.-е. прежде всего правительственному совѣту съ владыкой во главѣ. Иногда впрочемъ правительственный совѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Псковѣ, совершалъ свои акты на самомъ вѣчѣ, въ присутствіи собравшагося народа: псковской лѣтописецъ разсказываетъ, что князь, посадники и сотскіе на вѣчѣ «передъ всѣмъ Псковомъ» скрѣпляли крестоцѣлованіемъ договоръ съ находившимися здѣсь же нѣмецкими уполномоченными; народное собраніе въ этихъ случаяхъ оставалось простымъ зрителемъ или свидѣтелемъ дѣйствій своего правительства. Точно также псковское духовенство въ 1469 году, рѣшивъ установить у себя церковное самоуправленіе помимо владыки, на вѣчѣ передъ всѣмъ Псковомъ составило грамоту или уставъ, придумавъ какъ-то основать его на Номоканонѣ, положило актъ въ государственный архивъ, въ «ларь» при Троицкомъ соборѣ, и тутъ же выбрало въ блюстители новаго порядка двухъ священниковъ: вѣче только смотрѣло на эти дѣйствія и одобряло ихъ. По политическому складу вольнаго города, правительственный совѣтъ долженъ былъ имѣть самыя близкія отношенія къ вѣчу; по каждому вопросу, котораго не могли разрѣшить правители, они обращались къ вѣчу съ докладомъ. Во время переговоровъ съ Иваномъ III въ 1478 г. новгородскій владыка съ другими городскими властями на каждое новое предложеніе великаго князя давали одинъ отвѣтъ: «скажемъ то, господине, Новугороду». Иностранный посолъ въ Новгородѣ обращался съ своимъ дѣломъ иногда прямо въ совѣтъ къ владыкѣ, посадникамъ, тысяцкимъ и пятиконецкимъ старостамъ; собравшись на владычнемъ дворѣ и разсмотрѣвъ дѣло, они объявляли, что «поговорятъ съ Великимъ Новгородомъ» и сообщатъ послу его приговоръ. Въ началѣ XV в. нѣмецкіе послы въ Новгородѣ съ просьбой дать имъ путь въ Псковъ обратились къ степеннымъ посаднику и тысяцкому; тѣ чрезъ нѣсколько времени дали имъ отвѣтъ, что говорили о дѣлѣ «съ своимъ отцомъ владыкой, съ господами и съ Новгородомъ». Точно опредѣленнаго порядка веденія дѣлъ, очевидно, не существовало; но хорошо различались три правительственныя инстанціи: степенные посадникъ и тысяцкій, которые вели текущія дѣла, совѣтъ господъ съ владыкой во главѣ, предварительно обсуждавшій дѣла по докладу этихъ исполнительныхъ сановниковъ, и наконецъ вѣче, которое обыкновенно созывали тѣ же сановники для окончательнаго приговора. Иногда совѣтъ и вѣче какъ будто собирались одновременно по одному и тому же дѣлу, но въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1495 г.

Псковъ, собирая ратныхъ людей для похода на Шведовъ по зову великаго князя, положилъ сборъ и на церковныя земли. Духовенство возстало, ссылаясь на правила св. отцовъ, на Номоканонъ. Степенные посадники были съ вѣчемъ противъ освобожденія церковныхъ земель отъ ратной повинности; но въ совѣтѣ, засѣдавшемъ у князя на сѣняхъ, повидимому, были сторонники духовенства, если только мѣстная лѣтопись разумѣетъ здѣсь сѣни на дворѣ князя, а не при Троицкомъ соборѣ, гдѣ въ ларѣ вмѣстѣ съ государственными актами могъ храниться и списокъ Номоканона, понадобившійся теперь властямъ для справокъ. Посадники много разъ ходили съ вѣча на сѣни и съ сѣней па вѣче, «лазили многажды на сѣни и въ вѣчье», хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовать и двоихъ поставили на вѣчѣ въ однѣхъ рубашкахъ, изсоромотили всѣхъ поповъ и дьяконовъ, но при поддержкѣ въ совѣтѣ духовенство отстояло свою привилегію.

Боярскій совѣтъ былъ страдательнымъ орудіемъ вѣча, исполнителемъ его постановленій: такимъ можетъ онъ показаться по оффиціальнымъ формамъ своей дѣятельности, по заведенному порядку своихъ отношеній къ вѣчу. Но по самому своему устройству вѣче не могло постоянно и послѣдовательно руководить управленіемъ, не было способно къ правильной, послѣдовательной законодательной работѣ. На дѣлѣ совѣтъ былъ часто руководителемъ вѣча, направлялъ его рѣшенія. Вопросы текущаго законодательства предварительно обсуждались въ совѣтѣ, онъ велъ дипломатическую переписку и купцы въ началѣ XV вѣка жаловались, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа; слѣдовательно совѣтъ же рѣшалъ, доложить ли обсуждаемое дѣло вѣчу или покончить безъ него. Когда Иванъ III въ 1478 году предъявилъ владыкѣ и другимъ властямъ Новгорода запись, на которой весь Новгородъ долженъ былъ цѣловать ему крестъ, власти просили явить ее всему Новгороду. Иванъ послалъ запись съ подъячимъ, велѣлъ явить ее Новгороду у владыки въ палатѣ, гдѣ засѣдала новгородская господа. Дьякъ владыки списалъ запись, владыка подписалъ ее и приложилъ къ ней свою печать, приложили и печати пяти концовъ: о вѣчѣ всего Новгорода повѣствователь и не упоминаетъ. Есть намекъ и на участіе боярскаго совѣта въ законодательствѣ. По псковской Судной грамотѣ госпóда, т.-е. князь съ посадниками и сотскими, судитъ, но не законодательствуетъ; только посадники имѣли право докладывать Пскову на вѣчѣ о новыхъ законахъ. Но въ

одной статьѣ грамоты читаемъ, что если случится бой безъ грабежа и этотъ бой видѣли многіе люди, «а ставши передъ *нами* человѣки четыре или пять», подтвердятъ это, битому выдать того, кто билъ его, и проч. Значитъ, та самая госпôда, которая правила городомъ и въ тѣсномъ составѣ своемъ судила, составляла и проекты законовъ, даже не скрывая этого въ ихъ текстѣ. Но распорядительное, руководящее значеніе совѣта, повидимому, всего сильнѣе сказывалось въ его отношеніяхъ къ властямъ разныхъ частей города. Эти отношенія—наиболѣе темная сторона административнаго устройства обоихъ городовъ. Есть два акта XV в., бросающіе нѣкоторый свѣтъ на эту сторону, но сохранившіеся подобно многимъ другимъ въ неисправныхъ спискахъ. Преподобный Савва обратился къ Новгороду съ просьбой о землѣ, на которой онъ въ началѣ XV в. основалъ монастырь недалеко отъ города (на р. Вишерѣ). Посадники степенные и старые съ тысяцкими пожаловали старцу эту землю, лежавшую въ округѣ Славенскаго конца. По смерти Саввы понадобилось опредѣлить границы этой земли и уладить споръ монастыря съ двумя сосѣдними землевладѣльцами. То и другое сдѣлано управленіемъ конца въ двухъ уцѣлѣвшихъ грамотахъ: первая дана посадниками «великаго конца Славенскаго», боярами, житьими людьми и всѣмъ великимъ концомъ Славенскимъ, а вторая одними посадниками конца, которыхъ названо восемь. Эти кончанскіе посадники были обыкновенные старые посадники Новгорода, составлявшіе по мѣсту жительства управленіе конца; нѣкоторые изъ нихъ извѣстны и по лѣтописямъ; между ними, вѣроятно, скрытъ подъ общимъ званіемъ посадника и староста конца *). Судя по этимъ грамотамъ, каждый новгородскій конецъ былъ тотъ же Новгородъ въ маломъ видѣ, имѣлъ свою исполнительную управу и свое распорядительное вѣче, гдѣ присутствовали тѣ же общественные элементы, какіе являлись въ высшихъ учрежденіяхъ. Черезъ эти кончанскія вѣча и управы дѣйствовалъ боярскій совѣтъ, предоставляя имъ практическое разрѣшеніе своихъ постановленій. Далеко не всѣ наличные бояре входили въ составъ боярскаго совѣта; но остававшіеся внѣ его не оставались внѣ управленія, заняты были въ разнообразныхъ мѣстныхъ мірахъ, не теряя связи съ высшимъ правительствомъ.

*) П. С. Лѣт. IV, 225 и 226, 232, 269, 292; VI, 216 и 218. *Bunge*, Urkund. IV, 531 и 755; III, 298. Г. *Никитскаго*, Оч. изъ жизни В. Новгорода. Ист. Росс. Іер. III, 559.

Бояре отъ концовъ призывались содѣйствовать членамъ совѣта; въ свою очередь члены совѣта, старые посадники, дѣйствовали въ концахъ, сотняхъ и т. д. Руководящій голосъ на вѣчѣ, разумѣется, принадлежалъ тѣмъ же мѣстнымъ и общимъ властямъ. Весь этотъ должностной персоналъ отъ старосты улицы до степеннаго посадника, захватывая не только боярство, но и часть примыкавшаго къ нему слоя житьихъ людей, иногда выступалъ противъ самого вѣча сомкнутымъ правительственнымъ классомъ подъ руководствомъ посадниковъ. Такъ было въ Псковѣ въ 1484—1486 гг. Посадники съ княземъ-намѣстникомъ московскимъ, не спросясь у вѣча, составили и положили въ ларь важный актъ, опредѣлявшій повинности смердовъ, государственныхъ крестьянъ, по отношенію къ Пскову. Вѣче раздѣлилось: «черные молодые люди» возстали и начали расправу съ виновными; но посадники, бояре и житьи люди стали за-одно противъ черныхъ и поддержанные великимъ княземъ восторжествовали. Отказывая своимъ властямъ въ довѣріи, чернь однако должна была выбирать послами въ Москву тѣхъ же посадниковъ и бояръ. И въ Новгородѣ правительственный классъ выдѣляется на вѣчѣ изъ остальной массы какъ ея руководитель: въ ссорѣ съ Нѣмцами въ 1331 году онъ является посредникомъ между враждующими сторонами, ведетъ переговоры съ иноземцами чрезъ своихъ посланцовъ, сдерживаетъ вѣчевую толпу и улаживаетъ столкновеніе новымъ трактатомъ*). Такъ боярство покрывало общество сѣтью учрежденій, въ которой переплетались мѣстныя правительственныя дѣла и власти съ общими и концы которой сосредоточивались въ боярскомъ совѣтѣ, завязывавшемъ ихъ въ одинъ общій узелъ. Послушное, повидимому, орудіе вѣча, совѣтъ былъ дѣятельнымъ рычагомъ, часто двигавшимъ самое вѣче.

Въ этомъ двойственномъ характерѣ учрежденія отражалась двойственность положенія класса, въ немъ и чрезъ него дѣйствовавшаго: завися отъ массы по политическому устройству вольнаго города, этотъ классъ господствовалъ надъ ней въ экономической жизни.

---

*) Полн. Собр. Лѣт. IV, 266; V, 43. Донесеніе Нѣмцевъ рижскому совѣту 1331 г. въ Русск.-Лив. Акт. № 75. Эти посредники, которыхъ было 300, называются здѣсь «золотыми поясами Великаго Новгорода» по особенности въ одеждѣ, отличавшей ихъ отъ остальныхъ гражданъ. Мы думаемъ, что это не члены боярскаго правительственнаго совѣта, а вся совокупность новгородскихъ властей, присутствовавшихъ на вѣчѣ, вся наличная правительственная

ГЛАВА XI.

Изъ разсѣянныхъ по удѣламъ князей и ихъ слугъ съ XV в., вслѣдствіе московскаго собиранія Руси, складывается въ Москвѣ правительственная аристократія.

Въ то время, какъ вотчина московскихъ Даниловичей, расширяясь во всѣ стороны, превращалась въ государство Московское и всея Руси, въ составѣ и положеніи господствующаго класса московскаго общества происходила очень важная перемѣна. Около половины XV в. сосредоточивавшіяся при главныхъ княжескихъ дворахъ служилыя силы начинали складываться въ правительственные круги съ извѣстнымъ вліяніемъ на мѣстныя общества. Но этотъ складъ еще нигдѣ, даже въ Москвѣ, не успѣлъ закончиться и отвердѣть. Служилые люди связывались тѣснѣе прежняго съ своимъ княземъ и между собою правительственными преданіями и привычками, служебными выгодами, поземельными отношеніями; послѣднія, можетъ быть, всего сильнѣе привязывали служилаго человѣка къ князю и его княжеству посредствомъ поземельныхъ льготъ. Правительственная практика, вѣроятно, развивала въ высшемъ слоѣ служилыхъ людей извѣстный боярскій взглядъ на управляемое общество. Но вопросъ о политическихъ отношеніяхъ къ князю, о власти независимо отъ службы, еще не возбуждался. Московскіе бояре усердно поддерживали своего князя въ его стремленіяхъ; князь дѣлился съ ними плодами своихъ успѣховъ, награждая ихъ за усердную службу почетомъ, вліяніемъ, доходами, льготами; отдѣльныя личныя столкновенія разрѣшались по-прежнему разрывомъ отношеній, боярскимъ отъѣздомъ. Самыя поземельныя льготы имѣли еще характеръ личнаго пожалованія, не успѣвъ обобщиться и стать сословною привилегіей. Съ половины XV в. измѣнился прежде всего генеалогическій составъ московскаго боярства. Если въ боярской родословной книгѣ, составленной въ концѣ XVI в., можно видѣть полное собраніе генеалогическихъ деревьевъ, процвѣтавшихъ тогда въ Москвѣ, то по ней не трудно замѣтить, что старинное московское боярство, съ которымъ внукъ Калиты «мужествовалъ

знать города; триста—круглое приблизительное число ея. Въ русскихъ источникахъ нѣтъ и намека на такой невѣроятно многочисленный составъ высшаго совѣта. Кажется, и донесеніе отличаетъ эти золотые пояса отъ «совѣта господъ» съ его биричами. И псковской лѣтописецъ, разсказывая о захватѣ в. кн. Василіемъ «всѣхъ лучшихъ людей» Пскова въ 1510 г., приводитъ круглую цифру 300 чел. съ ихъ семьями.

на многія страны», съ XV в. было если не подавлено, по крайней мѣрѣ закрыто массой пришельцевъ. Въ этой родословной книгѣ перечислено около 200 «родословныхъ», т. е. родовитыхъ, фамилій, успѣвшихъ достаточно обособиться и упрочить свое положеніе въ высшемъ слоѣ служилаго общества; изъ нихъ едва ли наберется болѣе 40 такихъ, о которыхъ съ большей или меньшей увѣренностью можно было бы сказать, что онѣ къ концу XIV в. уже дѣйствовали въ Москвѣ, хотя многія изъ нихъ тогда были еще недавними отсадками отъ болѣе древнихъ генеалогическихъ стволовъ или только-что успѣли пересадить свои корни на московскую почву изъ какой-нибудь далекой страны. Такой наплывъ пришельцевъ самъ по себѣ не былъ новостью для московской служилой знати; посредствомъ такихъ же мелкихъ приливовъ складывалось московское боярство и въ XIV в. Но съ XV в. этотъ боярскій приливъ сталъ сопровождаться явленіями, которыхъ не было замѣтно прежде.

Дворъ московскаго князя уже въ XIV в. былъ наполненъ плотнѣе другихъ княжескихъ дворовъ. Но онъ состоялъ изъ вольныхъ слугъ, а вольные слуги могли служить, гдѣ хотѣли, въ кругу существовавшихъ тогда большихъ и малыхъ русскихъ дворовъ. Выгоды московской службы привлекали къ ней сравнительно большее количество слугъ; но это не устраняло того созданнаго господствовавшимъ порядкомъ княжескаго владѣнія факта, что сосѣди по имѣнію, даже члены одной фамиліи часто служили при разныхъ дворахъ. Такъ устанавливалось служебное, то-есть политическое, отчужденіе между людьми, связанными экономически или происхожденіемъ. Къ концу XVI вѣка всѣ наличныя служилыя силы, разсѣянныя дотолѣ по отдѣльнымъ княжествамъ, стали рядомъ въ распоряженіи одной власти, подъ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка, то-есть даже люди, разъединенные между собой экономическими отношеніями и фамильными счетами, политически по крайней мѣрѣ пришли во взаимное соприкосновеніе, если и не сплотились тотчасъ въ цѣльный и единодушный классъ. Въ нѣкоторыхъ сферахъ государственной жизни того времени довольно ясно отражался процессъ этого политическаго сближенія. Въ первое время по присоединеніи удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ дворы ихъ еще не сливались съ московскимъ, оставаясь особыми мѣстными группами, военными и административными. По разряднымъ книгамъ, то-есть походнымъ росписямъ тогдашняго главнаго штаба въ

Москвѣ, видно, что при великомъ князѣ Иванѣ III, много лѣтъ спустя по присоединеніи къ Москвѣ Воротынска, Бѣлева и Одоева, военныя силы этихъ удѣловъ еще не вводились въ общее расписаніе московскихъ полковъ, большаго, передоваго и другихъ: владѣльцы этихъ удѣловъ, теперь служилые московскіе князья, составляли съ своими дворами особые полки, и московскій Разрядъ предоставлялъ имъ въ походѣ становиться подлѣ того или другаго московскаго полка, справа или слѣва, «гдѣ похотятъ». Впрочемъ, уже въ послѣдніе годы княженія Ивана III они не присоединяются къ московскимъ корпусамъ съ своими удѣльными вспомогательными отрядами, а сами становятся во главѣ того или другаго московскаго полка, но только когда другими частями той же арміи командуютъ служилые князья, которые сравнительно съ старымъ боярствомъ Москвы еще недавно, какъ и они сами, признали себя слугами московскаго государя. Въ княженіе Иванова сына исчезаетъ и этотъ остатокъ прежней удѣльной особности служилаго князя: тотъ же самый кн. Василій Семеновичъ Швихъ-Одоевскій или кн. Иванъ Семеновичъ Сухорукъ-Одоевскій или кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, которые или отцы которыхъ командовали своими удѣльными полками въ московскихъ походахъ, теперь водили московскіе полки по росписи не только вмѣстѣ съ кн. Даніиломъ Васильевичемъ Щенятемъ, литовскіе предки котораго уже съ начала XV вѣка служили Москвѣ, но и съ такими представителями стариннаго нетитулованнаго московскаго боярства, какъ Акимъ Захаровичъ Кошкинъ, Андрей Васильевичъ Сабуровъ или Иванъ Андреевичъ Колычовъ. Это значитъ, что пришельцы нашли себѣ наконецъ опредѣленное и постоянное мѣсто въ рядахъ московской знати. Такой же процессъ совершался на всѣхъ ступеняхъ тогдашней служилой іерархіи отъ верхняго слоя бывшихъ удѣльныхъ князей и до низшей ступени уѣздныхъ дѣтей боярскихъ: только сохранившіеся памятники не позволяютъ намъ наблюдать его въ низу такъ же легко, какъ онъ замѣтенъ на верху. Князь Василій Васильевичъ Ромодановскій, потомокъ утратившихъ удѣльную самостоятельность князей Стародубскихъ, служилъ *бояриномъ* у удѣльнаго верейскаго князя Михаила Андреевича; много лѣтъ спустя по смерти его государя, именно въ 1501 г., встрѣчаемъ этого титулованнаго удѣльнаго боярина въ спискѣ думныхъ людей Московскаго государства; но онъ стоитъ здѣсь чиномъ пониже, т. е. въ званіи окольничаго, въ которомъ и умеръ, не дослужившись до боярства. По-

добно ему Иванъ Васильевичъ Ощера, изъ стариннаго рода Сорокоумовыхъ-Глѣбовыхъ, былъ бояриномъ у удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія, брата великаго князя Ивана III; перешедши по смерти его въ 1472 г. на службу въ Москву, Ощера по московскимъ служебнымъ спискамъ болѣе десяти лѣтъ числился окольничимъ и умеръ въ этомъ званіи, хотя былъ близокъ къ великому князю. Одинъ случай объясняетъ эту черту служебнаго движенія того времени, не лишенную интереса для того, кто изучаетъ процессъ сліянія удѣльныхъ дворовъ съ московскимъ въ XV и XVI в., потому что въ мелочной послужной отмѣткѣ того времени часто сквозитъ черта соціальныхъ отношеній. Лѣтъ за 9 до паденія Тверскаго княжества перешелъ оттуда на московскую службу племянникъ препод. Саввы Вишерскаго, Иванъ Никитичъ Жито-Бороздинъ вмѣстѣ съ другими членами этого знатнаго боярскаго рода Твери. Нѣсколько времени спустя Жито является бояриновъ и въ московскомъ спискѣ думныхъ совѣтниковъ великаго князя. Сынъ его Петръ Ивановичъ Житовъ едва ли успѣлъ получить боярство еще въ Твери до эмиграціи отца въ Москву. Въ московской разрядной росписи 1509 года, спустя 33 года послѣ этого переселенія и 24 года послѣ паденія Твери, Петръ Ивановичъ Житовъ прописанъ *тверскимъ бояриномъ;* между тѣмъ въ Москвѣ онъ служилъ и умеръ въ званіи *окольничаго*, то-есть, выражаясь приказнымъ московскимъ языкомъ того времени, тверской эмигрантъ служилъ по двумъ спискамъ, бояриномъ по тверскому, окольничимъ по московскому. Съ половины XVI в. такое чиновное двоеніе исчезаетъ. Такимъ образомъ удѣльные ручьи, вливавшіеся въ московскій служилый водоемъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ впаденія текли еще отдѣльными струями, которыя замѣтно отличались отъ воспринимавшей ихъ массы, пока не исчезали они въ общемъ водоворотѣ.

И до XV в. московское боярство отличалось сбродныиъ составомъ, слагалось изъ единицъ различнаго происхожденія, прибывавшихъ въ Москву при различныхъ обстоятельствахъ. Политическія бури, которыя неслись тогда на Русскую землю съ востока, юга и запада,—да простятъ намъ это новое риторическое сравненіе, наглядно изображающее историческій фактъ,—эти бури, сокрушая общественныя вершины по окраинамъ, чаще всего заносили сорванныя вѣтви въ центральное междурѣчье Оки и верхней Волги, на берега рѣки Москвы. Не разъ сюда попадалъ пришлецъ изъ какой-нибудь далекой нерусской стра-

ны, изъ Прусской земли, изъ Волошскаго или Тевриэкскаго государства, даже изъ Орды, и такимъ образомъ уже ко времени Василія Темнаго среди Суздальскаго крестьянскаго чернолѣсья въ Москвѣ поднялось десятка два-три красныхъ генеалогическихъ деревьевъ. Во время безпорядковъ въ Литвѣ въ 1378 г. князь трубчевскій Димитрій Ольгердовичъ пріѣхалъ въ Москву, какъ говоритъ лѣтопись, «въ рядъ къ великому князю Димитрію Ивановичу, и урядися у него въ рядъ и крѣпость взя»; великій князь далъ ему крѣпость и рядъ, принялъ съ честію великою и со многою любовію столь знатнаго слугу и пожаловалъ ему городъ Переяславль со всѣми пошлинами. Подобнымъ образомъ опредѣлялось въ Москвѣ положеніе и другихъ менѣе знатныхъ пришельцевъ: они также рядились съ великимъ княземъ и брали крѣпости, образчики которыхъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ сохранившихся жалованныхъ грамотахъ, которыя давали московскіе князья пріѣзжимъ слугамъ своимъ «на пріѣздъ» въ XIV и XV в. По этимъ грамотамъ можно видѣть, что каждый гость принимался въ Москвѣ охотно, по личному уговору съ княземъ, получалъ мѣсто по личнымъ качествамъ, какъ они тогда цѣнились въ Москвѣ, держался на этомъ мѣстѣ, падалъ или поднимался по личнымъ заслугамъ или личной удачѣ, вообще вступалъ въ личныя отношенія къ принявшему его хозяину. Пріѣхавшая служилая единица со временемъ становилась единицей фамильной, родословной; но къ послѣдней переходила по наслѣдству та случайность отношеній, которая господствовала въ положеніи ея родоначальника среди московскаго служилаго люда. Въ XV и XVI в. новые слуги приливали въ Москву цѣлыми массами, а не единицами, и притомъ большею частію невольно; теперь подъ властію московскаго князя собралось все наличное количество служилыхъ людей, разсѣянное дотолѣ по разнымъ княжествамъ, съ прибавкой людей, которые прежде не служили, а сами имѣли вольныхъ слугъ. Московскій государь не уговаривался съ каждымъ лицемъ, которое Разрядный приказъ заносилъ въ московскіе списки; на мѣсто личнаго *ряда* въ опредѣленіи служебнаго положенія новаго слуги должно было явиться *уложеніе*, то-есть общая норма. Образчики такихъ уложеній находимъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ княжескихъ договорныхъ и духовныхъ грамотъ того времени, которыя касаются служилыхъ князей и вольныхъ слугъ; объ одномъ изъ такихъ уложеній своего дѣда упоминаетъ царь Иванъ въ письмѣ къ князю Курбскому, когда говоритъ о

вотчинахъ, возвращенныхъ Сильвестромъ и его сторонниками бывшимъ удѣльнымъ князьямъ.

Двѣ важныя черты, существенно измѣнявшія политическое значеніе высшаго служилаго класса, успѣли къ половинѣ XVI в. обозначиться въ томъ положеніи, какое создано было для него событіями послѣднихъ ста лѣтъ. Одною изъ нихъ былъ іерархическій порядокъ, въ который стали складываться служебныя отношенія людей этого класса. Кто прочиталъ значительное количество большихъ мѣстническихъ тяжебъ XVI и XVII в., тотъ не могъ не замѣтить, что ссылки тяжущихся на службу своихъ предковъ обыкновенно останавливаются на княженіи Ивана III и чрезвычайно рѣдко подымаются выше ко временамъ его предшественниковъ. Прежде всего это можно объяснить тѣмъ, что спорившіе сами не помнили служебныхъ отношеній, дѣйствовавшихъ въ Москвѣ при отцѣ и дѣдѣ Ивана III, и не могли навести о нихъ справки, потому что мѣстническіе *случаи* не отмѣчались тогда съ такою точностью, какъ въ позднѣйшихъ московскихъ канцеляріяхъ, или же разрядныя книги тѣхъ княженій успѣли уже затеряться до времени царствованія Ивана IV. Читая извѣстный мѣстническій споръ В. Ѳ. Сабурова съ Гр. В. Заболоцкимъ, бывшій около половины XV в., можно подумать, что до этого времени въ Москвѣ не вели такихъ разрядныхъ записей, къ которымъ въ слѣдующія столѣтія постоянно обращаются за справками тягавшіеся о мѣстахъ: въ этомъ спорѣ тревожатъ старика Бутурлина, уже спасавшагося въ монастырѣ, прося его припомнить, какъ сидѣли бояре и кто изъ нихъ кого больше былъ лѣтъ 50 или около тому назадъ. Но, съ другой стороны, если дѣйствительно въ Москвѣ до Ивана III не было подробныхъ разрядныхъ записей, появленіе ихъ съ этого времени получаетъ особенное значеніе въ исторіи московскаго служилаго класса. Многія лица, отстаивавшія свое служебное старшинство мѣстническимъ судомъ въ XVI и XVII в., пересчитывая московскія службы своихъ предковъ, не могли простирать своихъ фамильныхъ воспоминаній дальше половины XV в., потому что ихъ предки начали служить Москвѣ позднѣе и только съ начала этой службы стали опредѣляться іерархическія отношенія ихъ фамилій къ другимъ родамъ московской служилой знати. Приливъ новыхъ слугъ въ Москву цѣлыми массами съ половины XV в. возбудилъ въ служилой средѣ множество казуистическихъ вопросовъ, безъ которыхъ обходилось московское боярство прежде при своемъ болѣе простомъ со-

ставѣ. Всѣ эти вопросы касались того, какъ размѣститься на московской іерархической лѣстницѣ, въ государственномъ управленіи и за великокняжескимъ столомъ,—какъ размѣститься здѣсь людямъ столь непохожимъ другъ на друга по характеру, происхожденію и прежнему общественному положенію, которые до той поры не имѣли между собой ничего общаго и теперь встрѣтились въ передней палатѣ московскаго дворца.

По мѣстническимъ столкновеніямъ московскихъ бояръ съ конца XV в. можно безъ труда прослѣдить развитіе этой служебной боярской казуистики. Кажется, прежде всего восторжествовало общее правило, что бывшій удѣльный князь становится и садится выше нетитулованнаго боярина, хотя бы первый былъ вчерашнимъ слугой Москвы, а послѣдній могъ указать въ своей родословной нѣсколько поколѣній знатныхъ предковъ, ей служившихъ. Извѣстенъ мѣстническій случай, въ которомъ самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя предъ простымъ, хотя и родовитымъ московскимъ бояриномъ. Когда Юрій Захарьевичъ Кошкинъ въ литовскомъ походѣ на Ведрошу не хотѣлъ командовать сторожевымъ полкомъ подъ воеводой большаго полка кн. Дан. В. Щенятемъ, великій князь, объяснивъ ему неприличіе его жалобы съ политической точки зрѣнія, напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія, когда бояринъ Ѳ. Давидовичъ (изъ фамиліи Хромыхъ, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челядниныхъ) командовалъ сторожевымъ полкомъ подъ воеводой кн. Ал. Ѳедоровичемъ, послѣднимъ великимъ княземъ ярославскимъ, который въ 1463 г. съ своими удѣльными родичами билъ челомъ на московскую службу. Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи родовитой не менѣе Кошкиныхъ не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ кн. ярославскимъ, гораздо менѣе давнимъ московскимъ слугой, чѣмъ потомокъ Гедимина кн. Щеня-Патрикѣевъ. Такъ генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы. Этимъ объясняется явленіе, рѣзко бросающееся въ глаза при чтеніи московскихъ разрядныхъ книгъ съ конца XV вѣка: вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія стоятъ почти одни служилые князья и только какой-нибудь Воронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Москвы Вельяминовыхъ да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока. Выражав-

шійся въ этомъ служебномъ явленіи взглядъ сдѣлался мѣстническимъ преданіемъ, которое крѣпко держалось въ московскихъ служилыхъ умахъ и тогда, когда уже съ успѣхомъ стала пробиваться совсѣмъ иная оцѣнка сравнительнаго достоинства служилаго человѣка. Вельяминовы-Зерновы, не Воронцовы, начали служить въ Москвѣ гораздо раньше князей Вяземскихъ. Въ XVII в. одинъ изъ этихъ князей, доказывая свое служебное превосходство передъ Вельяминовымъ, говорилъ на мѣстническомъ судѣ: «да и по степени мы выше Вельяминовыхъ, потому что пошли отъ старшаго Мономахова сына, а Вельяминовы изъ Орды пришли, а не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей: такъ мы больше Вельяминовыхъ». Правило, которымъ опредѣлилось общее отношеніе по службѣ между служилымъ княжьимъ и простымъ боярствомъ, легло въ основаніе распорядка служебныхъ отношеній и между самими князьями. Здѣсь было признано, что послѣдніе разстанавливаются въ рядахъ московской служебной іерархіи по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтельные предки: потомокъ княжеской вѣтви, занимавшій старшій изъ столовъ извѣстной линіи, ростовской, ярославской, тверской и др., по этому самому становился выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. По разряднымъ росписямъ съ конца XV в. можно замѣтить, что всякій разъ, когда кн. Дан. А. Пѣнкѣ или его сыновьямъ приходилось идти въ походъ воеводами вмѣстѣ съ ихъ ярославскими родичами, князьями Сицкими, Ушатыми, Курбскими, Дуловыми, Прозоровскими, они становились выше послѣднихъ иногда на много іерархическихъ степеней. Фамилія князей Пѣнковыхъ пошла отъ упомянутаго выше послѣдняго великаго князя ярославскаго Александра Ѳедоровича и о ней родословная книга замѣчаетъ: «и потому княжъ Даниловъ родъ Пѣнковъ въ своемъ роду (т.-е. въ ярославской княжеской линіи) большой, что до отца его были они на Ярославлѣ на большомъ княженіи». Князья Сицкіе, Прозоровскіе, Ушатые, Дуловы, напротивъ, шли отъ родоначальника, сидѣвшаго на одномъ изъ ярославскихъ удѣловъ, на Мологѣ. Замѣчательно, что это служебное преимущество Пѣнковыхъ вовсе не было основано на ихъ родовомъ старшинствѣ среди линіи ярославскихъ князей: въ этомъ отношеніи князья Курбскіе, пришедшіе изъ другаго ярославскаго удѣла, были выше Пѣнковыхъ, потому что шли по прямой линіи отъ князя, который былъ старшимъ братомъ родоначальника князей Пѣнковыхъ; но этотъ

старшій братъ не сидѣлъ на великомъ княженіи въ Ярославлѣ, а младшій, отецъ кн. Александра Ѳедоровича, сидѣлъ. Отсюда произошло любопытное явленіе въ московскомъ мѣстничествѣ, само по себѣ противорѣчившее первоначальному основанію мѣстничества,—различіе между старшинствомъ родовымъ и родословнымъ, точнѣе говоря, служебнымъ. Послѣдовательное примѣненіе того же правила приводило и къ одному исключенію изъ него. Очевидно, когда служилый классъ въ Москвѣ началъ разстанавливаться по общему *уложенію*, а не по личному уговору новаго слуги съ великимъ княземъ, тогда на служебную карьеру фамиліи стало оказывать рѣшительное дѣйствіе то общественное положеніе, какое занимала она или ея родоначальникъ въ минуту перехода на московскую службу. Съ этимъ въ связи стоитъ и то извѣстное въ московскомъ мѣстничествѣ явленіе, что въ Москвѣ считались отношеніями предковъ, имѣвшими мѣсто еще до перехода послѣднихъ на московскую службу въ исчезнувшихъ уже княжествахъ. Удѣльный князь, становясь слугой Москвы, потому и считался выше стариннаго московскаго боярина, что послѣдній служилъ, когда первый самъ былъ государемъ, имѣвшимъ такихъ же своихъ слугъ. Но къ началу XVI в., когда исчезали послѣднія самостоятельныя княжества, въ спискахъ московскаго штаба накопилось много такихъ удѣльныхъ князей, которые перешли въ переднюю московскаго дворца не прямо съ удѣльныхъ столовъ: раньше этого они успѣли уже сдѣлаться слугами другихъ такихъ же удѣльныхъ князей, какими были прежде сами. Строгое примѣненіе указаннаго выше правила къ такому случаю уничтожало іерархическія преимущества, вытекавшія изъ княжескаго происхожденія: нетитулованный бояринъ, служившій московскому *великому* князю, становился выше князя, служившаго до перехода въ Москву князю *удѣльному*, какъ становился онъ выше и простаго удѣльнаго боярина. Нащокины—старинная боярская фамилія, усѣвшаяся въ Москвѣ еще до половины XIV в. Она потомъ захудала и только въ XVII в. знаменитый Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ напомнилъ, что нѣкогда его предки служивали боярами у потомковъ Калиты. Въ 1572 году членъ этой фамиліи, думный дворянинъ Ром. Вас. Олферьевъ-Безнинъ, былъ назначенъ товарищемъ казначея кн. В. В. Литвинова-Масальскаго, потомка черниговскихъ-карачевскихъ князей. Олферьевъ жаловался на униженіе и представилъ судившимъ его боярамъ родословную роспись своей фамиліи вмѣстѣ съ росписью князей Масальскихъ.

Въ числѣ доказательствъ служебнаго превосходства своего рода передъ этими князьями, даже главнымъ доводомъ Олферьевъ приводилъ въ своей челобитной царю то, что «мы, холопи твои, искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ княземъ, кн. Ив. Масальскій-Колода служилъ кн. Ив. Воротынскому, были ему приказаны собаки», т.-е. онъ былъ у него ловчимъ, или, выражаясь московскимъ канцелярскимъ языкомъ удѣльнаго времени, путнымъ бояриномъ ловчаго пути. Кн. Масальскій признавалъ силу этого доказательства, заявивъ на судѣ, что Романъ—человѣкъ великій, а онъ—человѣкъ молодой и счету съ Романомъ не держитъ никотораго.

Такъ вскрывается цѣлый слой общественныхъ понятій, принесенныхъ въ Москву вмѣстѣ съ родовитыми именами, которыя съ половины XV в. въ такомъ множествѣ нахлынули въ служилые списки московскаго Разряда. Эти понятія замѣтно подѣйствовали на правительственный порядокъ, какой съ того времени устанавливался въ Москвѣ. Они главнымъ образомъ создали не самое мѣстничество, слѣды котораго становятся замѣтны гораздо прежде, а ту особую эпоху въ его исторіи, какой было столѣтіе съ княженія Ивана III до перемѣнъ, внесенныхъ въ мѣстничество московской боярской думой при его внукѣ, потому что надобно строго отличать старинныя общія основанія мѣстничества отъ своеобразнаго строя мѣстническихъ отношеній, сложившагося въ служиломъ обществѣ Московскаго государства. Благодаря тѣмъ же понятіямъ, разнообразные элементы, изъ которыхъ составилось служилое московское общество, распредѣлились на нѣсколько іерархическихъ разрядовъ, которые довольно явственно обозначились въ XVI в. Первый разрядъ, который тонкимъ слоемъ легъ на поверхности московскаго боярства, составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ русскихъ столовъ: таковы были потомки литовскаго кн. Юрія Патрикѣевича, также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пѣнковы, Ростовскіе, Шуйскіе и др.; изъ простаго московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати. Затѣмъ слѣдуютъ князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и другихъ, князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; къ нимъ присоединилось и все первостепенное не-

титулованное боярство Москвы, Воронцовы, Челяднины и друг. Въ составъ третьяго разряда вмѣстѣ съ второстепеннымъ московскимъ боярствомъ, съ Колычевыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелкихъ князей удѣльныхъ или оставшихся безъ удѣловъ еще прежде, чѣмъ ихъ бывшія отчины были присоединены къ Москвѣ, князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и мн. друг. Этотъ іерархическій распорядокъ былъ основанъ на происхожденіи, мало поддавался дѣйствію личныхъ заслугъ, какъ и личнаго произвола московскихъ государей, и дѣлалъ большіе успѣхи въ стремленіи стать наслѣдственнымъ; собственно на этомъ распорядкѣ держалось и мѣстническое боярское *отечество*, т. е. созданное предками и переходившее по наслѣдству къ потомкамъ служебное отношеніе лица и фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ. Іерархію должностныхъ лицъ, выстраивавшуюся на такомъ основаніи, нельзя назвать иначе, какъ правительственной аристократіей, какъ бы строго, т. е. узко, ни понимали мы это слово. У насъ не любятъ называть имъ старое московское боярство и въ приложеніи къ послѣднему оно звучитъ парадоксомъ; но тѣ, кому не жаль тратить слова, доказывая невозможность аристократіи при такой неограниченной власти, какую имѣли московскіе самодержцы XVI и XVII в., забываютъ или не хотятъ припомнить, что само московское правительство прямо признавало боярское *отечество* независимымъ ни отъ служебныхъ успѣховъ, ни отъ воли государя, и рѣдко нарушало эту независимость даже при такихъ государяхъ, которые совсѣмъ не были склонны высказывать такое признаніе. Въ 1616 году кн. Ѳ. Волконскій жаловался, что ему по своей службѣ обидно быть меньше боярина П. П. Головина. Кн. Волконскій былъ человѣкъ «не родословный» и могъ сослаться только на свою службу, а не на родословныя росписи. Бояре, разбиравшіе дѣло по приказу царя, послали князя въ тюрьму за то, что онъ своимъ бездѣльнымъ челобитьемъ обезчестилъ и опозорилъ Головина и его «родителей». На допросѣ бояре напомнили кн. Ѳедору, что по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счету въ отечествѣ не бывало, а что касается до его службы, то *за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ* *). Феодальный баронъ едва ли съумѣлъ бы аристократичнѣе форму-

*) Кн. Разр. I, 206.

лировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи, и если политическій порядокъ въ Московскомъ государствѣ сложился не вполнѣ согласно съ этимъ воззрѣніемъ, то понятія извѣстнаго времени остаются историческими фактами, даже когда не успѣваютъ создать соотвѣтствующую имъ дѣйствительность.

Итакъ, когда правительственныя силы, разбросанныя прежде по удѣламъ, собравшись въ Москвѣ и затопивъ старое здѣшнее боярство, стали складываться въ большой классъ общества съ новымъ іерархическимъ распорядкомъ лицъ и фамилій, складъ этотъ вышелъ аристократическимъ. Это была первая и главная черта, обозначившаяся въ положеніи московскаго боярства при его новомъ составѣ.

Другою чертою было то, что личныя и случайныя землевладѣльческія льготы отдѣльныхъ служилыхъ лицъ стали превращаться въ сословныя политическія привилегіи. Эта мысль можетъ показаться нѣсколько неожиданной или неясной: какимъ образомъ могло случиться, что люди XVI в., такъ охотно величавшіе себя холопами московскаго государя, имѣли политическія привилегіи, какихъ не было у ихъ предковъ XIV вѣка, называвшихся «вольными слугами» того или другаго удѣльнаго князя? Дѣло въ томъ, что и предкамъ извѣстны были почти тѣ же землевладѣльческія льготы, какими пользовались потомки, служилые люди XVI в.; только для послѣднихъ онѣ перестали быть случайными личными отличіями и сдѣлались общими сословными правами. Извѣстно, что въ удѣльное время отношенія служилаго человѣка къ князю по службѣ строго отличались отъ его отношеній по землевладѣнію. Служебныя обязанности вольнаго слуги не простирались на его вотчину; точно также вотчина его несла обычныя поземельныя повинности въ пользу князя, въ удѣлѣ котораго находилась, независимо отъ того, служилъ ли ея владѣлецъ этому князю или другому. Таковъ былъ общій порядокъ отношеній. Исключеніемъ изъ него было то, что князь въ награду за вѣрную службу своего слуги освобождалъ его землю въ предѣлахъ своего княжества отъ тѣхъ или другихъ княжескихъ повинностей, на ней лежавшихъ. Эти льготы были личнымъ отличіемъ; пожалованіе и продолженіе ихъ было такъ же необязательно для князя, какъ необязательна была и вызвавшая ихъ служба вольнаго слуги. Съ объединеніемъ сѣверной Руси государственная служба служилыхъ людей сдѣлалась обязательной; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствіе, перестали быть случай-

нымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ, потому что служили такимъ же матеріальнымъ средствомъ для исправнаго отбыванія государственной повинности служилаго человѣка, какимъ были помѣстныя дачи, и какъ самая эта повинность стала политической особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы судебныя, финансовыя и другія получили значеніе сословныхъ политическихъ преимуществъ служилаго класса. Въ XVI в. уже трудно найти боярскую вотчину, которая тянула бы одинаковое тягло съ другими не привилегированными землями одной съ нею волости, что въ княжескихъ грамотахъ XIV в. является общимъ правиломъ, хотя и допускавшимъ многія исключенія. Колебаніе московскаго законодательства XVI и XVII в. въ проведеніи новаго порядка землевладѣльческихъ отношеній можно замѣтить только развѣ на земляхъ низшихъ разрядовъ служилыхъ лицъ.

В. Ключевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Польскія письма.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Les beaux ésprits se rencontrent.

Во второмъ письмѣ своемъ о польскихъ дѣлахъ (*Русская Мысль* 1881 г., кн. V, стр. 62) я писалъ между прочимъ о національномъ значеніи крестьянскаго вопроса для поляковъ и выразилъ ту мысль, что полякамъ слѣдовало бы поучиться у насъ интересоваться своими хлопами, какъ мы заинтересованы своими крестьянами. За недѣлю до выхода въ свѣтъ книжки *Русской Мысли*, въ № 19-мъ польскаго еженедѣльника Prawda совершенно то же сказано было въ корреспонденціи изъ Петербурга о настроеніи русскаго общества: авторъ ея говоритъ, что положительно нужно завидовать тому по-истинѣ всеобщему интересу, который обнаруживается въ Россіи къ народу, этой основѣ всякаго общественнаго быта *). О публицистикѣ это положительно вѣрно; вѣрно и относительно науки: «польскіе историки,—говоритъ г. Семевскій въ статьѣ «Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи»,—польскіе историки еще недостаточно поработали надъ исторіей крестьянъ своей страны» **). Стоитъ только справиться съ подробнымъ указаніемъ пособій по польской исторіи, приложеннымъ къ концу перваго тома «Двѣнадцати книгъ польской исторіи» проф. Шуйскаго, чтобъ убѣдиться въ этомъ, потому что, кромѣ не очень хорошей книжки Мацѣёвскаго, да двухъ-трехъ небольшихъ работъ Любомірскаго и Ставискаго, мы не найдемъ ничего почти во всей польской литературѣ, на что слѣдовало бы обратить вниманіе по занимающему насъ вопросу. Вышла, правда, недавно въ свѣтъ книжица г. Валерія Пржиборовскаго: «Włościanie u nas i gdzieindziej» (крестьяне у насъ и въ иныхъ мѣстахъ), но критика серьезной польской прессы (Prawda, Przegląd Tygodniowy и т. д.) уже достаточно разъяснила все ея

*) W każdym razie zazdrościć należy Rosyi tego rzeczywiście powszechnego zainteresowania się ludem to jest gruntem wszelkiego bytu społecznego.

**) *Русская Мысль* 1881 г., кн. II, стр. 236.

ничтожество; даже малосерьезный Kurjer Warszawski (№ 110)—и тотъ отнесся къ ней неодобрительно, хотя и поставилъ въ заслугу автору его прямо тенденціозную цѣль обѣлить польское общество (т. е. шляхту главнымъ образомъ) и защитить его отъ упрека въ томъ, что оно дурно обращалось съ народомъ: «apologia taka,—говоритъ газетка,—miała sama w sobie cel uczciwy» (имѣла сама по себѣ почтенную цѣль). Вотъ въ томъ-то и бѣда, что поляки не только не научились интересоваться исторіей народа, но и не разучились относиться къ нему не тенденціозно. Въ этомъ отношеніи имъ, повторяю, слѣдовало бы поучиться у насъ, и кто изъ нихъ уже пришелъ къ такому заключенію, тотъ, дѣйствительно, можетъ позавидовать намъ.

Недавній эпизодъ изъ исторіи польской прессы можетъ прекрасно иллюстрировать нашу мысль. Въ 1878 году вышла въ Варшавѣ брошюра профессора мѣстнаго университета г. Симоненки подъ заглавіемъ: «Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей въ отношеніи ихъ успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, со времени крестьянскихъ реформъ 1848, 1850 и 1864 годовъ въ этихъ провинціяхъ». Общая мысль этой брошюры—превосходство реформы 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ надъ прусской и австрійской 1848 и 1850 годовъ въ Познани и Галиціи. Польская пресса обратила вниманіе на это сочиненіе въ самомъ непродолжительномъ времени; только «молодая пресса» заставила себя ждать, отмалчиваясь во время полемики, возникшей по поводу брошюры проф. Симоненки. За то высказались журналы и газеты другаго лагеря, составляющіе, къ сожалѣнію, большинство: съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслись они къ критической статьѣ г. Залэнскаго, бывшаго прежде профессоромъ политической экономіи и статистики въ Варшавской Главной школѣ (Szkoła Główna), преобразованной въ 1869 году въ университетъ. Рецензія эта появилась въ аристократическомъ органѣ Niwa, издающемся въ Варшавѣ, и одна изъ самыхъ распространенныхъ въ этомъ городѣ газетъ (Kurjer Warszawski, № 237 за 1878 г.) спеціально рекомендовала читателямъ своимъ обратить вниманіе на статью г. Залэнскаго, находя эту статью прекрасной. Между тѣмъ смыслъ всего, что было сказано въ ней польскимъ экономистомъ, тотъ, что въ дѣлѣ цивилизаціи края крестьянская реформа 1864 года есть шагъ не впередъ, а назадъ. Г. Залэнскій не признаетъ въ ней правильности того масштаба, который г. Симоненко примѣняетъ для оцѣнки общественныхъ успѣховъ, хотя критерій послѣдняго составляетъ просто азбучную истину. Вотъ къ чему въ сущности самъ г. Симоненко сводитъ все дѣло: «прочность, могущество и нравственная высота цивилизаціи каждой страны зависятъ *отъ счастья* большинства народонаселенія ея», а потому «*обезпеченіе интересовъ большинства населенія* есть вездѣ единственно прочный фундаментъ для успѣшнаго хода цивилизаціи» *). Рецензентъ не отрицаетъ того

*) *Гр. Симоненко*: «Царство Польское...», стр. 4 и 85.

факта, что благосостояніе большинства населенія Привислянскаго края возвысилось послѣ реформы 1864 года, но онъ находитъ, что это возвышеніе умаляетъ значеніе высшихъ, руководящихъ, совершеннѣйшихъ классовъ общества и ослабляетъ ихъ вліяніе на остальное населеніе, — и этимъ-то недоволенъ г. Залэнскій. Старошляхетскія традиціи этого страннаго критика облекаются въ цѣлую теорію, по которой государство состоитъ не изъ отдѣльныхъ личностей, а изъ отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ (warstw społecznych), ибо особи имѣютъ различную *якость* (качественность) и только какъ общественные классы пріобрѣтаютъ значеніе *). Низшій классъ,—философствуетъ далѣе г. Залэнскій,—хотя и самый многочисленный, но въ государствѣ онъ играетъ чисто-пассивную роль, а если когда-либо и выступаетъ дѣятельно, то только подчиняясь направленію классовъ высшихъ, ибо ему рѣдко бываютъ извѣстны цѣли, достигаемыя кровью и имуществомъ его членовъ. Потомъ на помощь г. Залэнскому приходитъ своеобразно понимаемый имъ дарвинизмъ: по его мнѣнію, разные классы общества—все равно что высшіе и низшіе организмы, между которыми совершается эволюція, словно низшія породы только для того и существуютъ, чтобы давать собою возможность лучшаго, болѣе обезпеченнаго существованія высшимъ породамъ. Если народъ потеряетъ вѣру въ своихъ естественныхъ руководителей, то непре мѣнно попадетъ въ руки разныхъ лжепророковъ, которые заведутъ его въ западню. Бѣдные, въ самомъ дѣлѣ, хлопы! Они, какъ выходитъ у г. Залэнскаго, неспособны даже, кажется, понимать свои собственные интересы. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь: «вслѣдствіе одновременнаго надѣла поземельною собственностью всѣхъ крестьянъ,—восклицаетъ г. Залэнскій **),—поднялась въ громадной степени поденная плата простаго рабочаго». Inde irae! И зачѣмъ была,—вопрошаетъ онъ,—эта реформа, когда и безъ нея все обстояло благополучно и когда уже прежде трудились надъ созданіемъ класса мелкихъ собственниковъ, «желая сдѣлать его какъ можно менѣе чувствительнымъ для крупной собственности»? Кажется ему также, что на галиційскомъ съѣздѣ «интересы крестьянъ не бываютъ забываемы» ***), и кажется ему еще, что г. Симоненко слишкомъ сгустилъ краски, описывая бѣдственное состояніе галицкихъ крестьянъ ****), хотя и признаетъ, что въ дѣлѣ благосостоянія большинства населенія Галиція сильно пошла назадъ. А симпатіи его все-таки на сторонѣ Галиціи: открыто онъ прославляетъ ея автономію, но ничто не ручается за то, что коечто и другое нравится ему въ этой провинціи,—не даромъ онъ недоволенъ крестьянскою реформой въ Царствѣ Польскомъ. Мы склонны такъ думать: за насъ еще мысли, высказанныя имъ же по поводу необходимости тѣ-

*) *Niwa* за 1878 г., стр. 585.
**) Ibid, 591.
***) Ibid, 589.
****) Ibid, 587.

лесныхъ наказаній для хлоповъ, хотя пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, не ему, ибо тутъ указываютъ на статью «Stan moralny naszego społeczeństwa» (моральное состояніе нашего общества), напечатанную въ журналѣ Biblioteka Warszawska за іюль 1874 года и впервые подвергшую критикѣ благотворныя послѣдствія совершившейся за десять лѣтъ передъ тѣмъ реформы.— Если по г. Залэнскому судить о значительной части теперешней польской интеллигенціи, то до 1864 года мы ужь никакъ не можемъ ожидать найти въ польской беллетристикѣ что-либо похожее на произведенія Григоровичей и Тургеневыхъ, которые въ эпоху существованія у насъ крѣпостнаго права умѣли открывать и художественно воспроизводить свѣтлыя человѣческія стороны въ типахъ, взятыхъ изъ самой простой крестьянской среды *). Да и теперешніе польскіе писатели не выставили своихъ Глѣбовъ Успенскихъ, Златовратскихъ и т. п. изслѣдователей народнаго быта. Хорошо пока и то, что передовые поляки сами начинаютъ чувствовать этотъ пробѣлъ въ своей литературѣ. Говоря именно о гг. Глѣбѣ Успенскомъ и Златовратскомъ, упомянутый выше корреспондентъ Prawdy, завидующій тому интересу, который въ насъ возбуждаетъ крестьянскій вопросъ, выставляетъ на видъ значеніе такихъ писателей: «современемъ,— говоритъ онъ,—благодаря усиліямъ подобныхъ авторовъ, *народъ* не будетъ представляться намъ безморфенной массой, такой tabula rasa, на которой каждый пишетъ, что ему кажется подходящимъ въ данную минуту». Въ немногихъ словахъ тотъ же почтенный сотрудникъ Prawdy высказываетъ пониманіе всего движенія, связаннаго съ этимъ вопросомъ въ нашей литературѣ со второй половины пятидесятыхъ годовъ.

Не подвергая здѣсь разсмотрѣнію крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, который большая часть варшавскихъ газетъ, и въ числѣ ихъ даже передовой Przegląd Tygodniowy **), сводятъ къ отмѣнѣ крестьянскихъ сервитутовъ на помѣщичьихъ земляхъ, мы повели здѣсь рѣчь свою объ этомъ предметѣ въ виду вотъ чего. Цѣль нашихъ «Польскихъ писемъ»—содѣйствовать тому, что называется «примиреніемъ» поляковъ съ русскими, и мы уже выставили общее положеніе, что обѣ стороны могутъ сойтись только въ томъ случаѣ, если за дѣло возмутся «свободномыслящіе россіяне» и «польскіе демократы», выражаясь терминами *Новаго Времени*. Польскому обществу должны быть извѣстны симпатіи общества русскаго, а объ этихъ симпатіяхъ легко судить по тому интересу, съ которымъ послѣднее относится къ крестьянамъ по отзыву хотя бы корреспондента Prawdy. Въ исторіи русской общественной мысли за вторую половину текущаго столѣтія это—такой фактъ, который нашимъ привислянскимъ соотечественникамъ игнорировать не слѣдуетъ. Съ другой стороны, едва ли

*) *Симоненко*: «Сравн. статистика Царства Польскаго». Варшава, 1879 года, стр. 412.

**) См. № 20 за 1881 г., статью «Program ulepszeń» (Программа улучшеній).

та часть русскаго общества, которая наиболѣе способна сблизиться съ польской интеллигенціей, будетъ на самомъ дѣлѣ особенно стремиться къ этому сближенію, если замѣтить, что то, что насъ, русскихъ, такъ живо интересуетъ, не представляетъ для поляковъ особаго интереса. Между тѣмъ мы повторяемъ, что помимо всего прочаго, что̀ насъ заставляетъ обращать вниманіе на меньшую братію, самый вопросъ національнаго существованія поляковъ долженъ заставить ихъ относиться нѣсколько иначе къ хлопамъ, нежели въ большинствѣ случаевъ они относились къ нимъ до сихъ поръ. Полякамъ страшна денаціонализація, а врагъ не дремлетъ. Вотъ, напримѣръ, какое извѣстіе можно было прочитать недавно во всѣхъ варшавскихъ газетахъ. Около стараго польскаго города Гнѣзна заложили нѣмцы особое общество подъ именемъ Rustical-Verein, цѣль коего выкупать земли изъ польскихъ рукъ въ руки нѣмцевъ. Изъ этого ферейна уже выдѣлилась посредническая коммиссія, для покупки и продажи имѣній, и власти нѣмецкія энергично поддерживаютъ это учрежденіе. Это выходитъ вѣдь не то, что проектъ нѣкоего г. П. въ «Отвѣтъ польскому публицисту *Голоса*» *конфисковать у Польши ту ея часть, которая находится между русскимъ Забужьемъ и Вислой*, дабы ее обрусить въ цѣляхъ политическихъ и стратегическихъ *). Вѣдь это только газетный проектъ, во-первыхъ, да вдобавокъ *Новаго Времени*, а во-вторыхъ, самъ авторъ проекта вотъ что говоритъ, и совершенно резонно, о денаціонализаціи Польши вообще: «Нѣмцамъ тѣсно дома,—ихъ выпираетъ изъ Германіи; а то ли у насъ? У нѣмцевъ много свободныхъ капиталовъ,—не естественно ли имъ помѣщать эти капиталы тамъ, гдѣ и земля, и рабочій трудъ (sic!) дешевле и гдѣ они встрѣчаютъ меньше конкурренціи? Вотъ главная и вполнѣ раціональная причина того, что населеніе польскихъ провинцій Пруссіи сдѣлалось уже на половину нѣмецкимъ. А въ такихъ ли отношеніяхъ Россія относительно Царства Польскаго? Обрусить страну съ почти шестимилліоннымъ населеніемъ — это задача совершенно невозможная, особенно имѣя несравненное по климату и плодородію кавказское побережье Чернаго моря, которое уже 15 лѣтъ ждетъ рукъ и капиталовъ, имѣя отъ Каспійскаго моря до Тихаго океана, имѣя даже въ Европейской Россіи миріады десятинъ земли, тысячи рѣкъ, озеръ и лѣсовъ, которые тоже ждутъ не дождутся рукъ и капиталовъ» **).—Съ этой стороны, значитъ, опасности не предвидится, а съ запада идетъ цѣлая туча. Весь вопросъ: усидитъ ли на землѣ своей хлопъ передъ разными рустикаль-ферейнами, а для этого мало одного разсужденія о сервитутахъ, отмѣны которыхъ проситъ, какъ мы видѣли, и польскій публицистъ *Голоса* ***). Тутъ какое-то недоразумѣніе и неполное пониманіе дѣла. Въ статьѣ *Еженедѣльнаго Обозрѣнія*

*) *Новое Время* 1881 г., № 1855. См. то же самое въ фельетонѣ № 1829 той же газеты, статью того же самаго г. П.

**) *Новое Время*, № 1854.

***) *Русская Мысль*, кн. V, стр. 60.

о «программѣ улучшеній», на которую мы сослались, для насъ было странно читать, будто крестьянскій вопросъ, сводящійся въ Имперіи на увеличеніе надѣловъ и уменьшеніе платежей всякаго рода, въ Польшѣ сводится только (въ экономическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи) на регулированіе сервитутовъ (Kwestya służebności), столь желательное... для помѣщиковъ.

Sapienti sat. Передовымъ полякамъ должно быть ясно, что хотѣли бы мы видѣть въ нихъ, дабы возможно было полное между нами примиреніе. Безъ этого *Новое Время* и другія подобныя газеты будутъ вѣчно писать варіацію на тему: «у Россіи и Польши два различные общественные склада... Но если это такъ, то къ чему же призрачное объединеніе?» *).

Мы сказали, чему бы могли поляки у насъ поучиться. Довольно пока съ насъ и того, что одинъ изъ нихъ заявилъ *печатно*, что, дѣйствительно, тутъ можно намъ позавидовать. Будемъ ждать. Сила вещей заставитъ истинныхъ патріотовъ польскихъ заинтересоваться хлопами, и у насъ станетъ однимъ шансомъ болѣе для сближенія. Больше распространяться нечего, и я кончаю это письмо.

Послѣднія строки были уже написаны, когда мы прочли въ № 114 издающейся въ Варшавѣ Gazety Polskiej корреспонденцію изъ Москвы, излагающую содержаніе статей о польскомъ вопросѣ, которыя были помѣщены въ мартовской книжкѣ *Русской Мысли*. Въ этой корреспонденціи есть одно мѣсто, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ содержанію только-что законченнаго нами письма, и оно такъ характерно, что мы позволяемъ себѣ на немъ остановиться. Дѣло идетъ о редакціонной замѣткѣ по поводу извѣстнаго письма Хомякова, и вотъ что не нравится автору корреспонденціи въ этой замѣткѣ. «Говоря постоянно,—такъ пишетъ онъ,—говоря постоянно о народѣ, какъ объ основѣ этнографическихъ племенныхъ разграниченій, авторъ замѣтки, кажется, совершенно забываетъ, что на этихъ основахъ *отъ вѣковъ разсѣлась* или лучше сказать, что подъ цивилизаціоннымъ вліяніемъ прежняго строя возникла изъ тѣхъ же основъ знаменитая и важная своею образованностью масса интеллигенціи, которая имѣетъ свои историческія и матеріальныя права, которая преимущественно заключаетъ въ себѣ консервативные элементы (zachowawcze żywioły), не можетъ быть выкинута изъ государственнаго строя или допущена на срокъ подъ условіемъ отреченія отъ историческаго прошлаго. На ея долю не выпало ни одного симпатичнаго слова, а однако она имѣетъ не менѣе правъ на существованіе, условія котораго очерчены авторомъ, нежели потомки нѣмецкихъ рыцарей надъ Балтійскимъ моремъ или скандинавскихъ earl'овъ на финскомъ побережьѣ». Прозрачно и ясно: рѣчь идетъ объ историческихъ правахъ польской шляхты въ земляхъ съ русскимъ населеніемъ, и сотруднику *Польской Газеты* не нравится, что за

---

*) Передовая статья *Новаго Времени* въ № 1854.

основу, какъ онъ выражается, этнографическихъ племенныхъ раздѣленій *Русская Мысль* беретъ народъ, массу, населеніе, а не горсточки людей, подобныхъ польской шляхтѣ въ Западномъ краѣ и остзейскому юнкерству. Неясно только, въ какомъ смыслѣ авторъ сталъ бы самъ пользоваться «массой интеллигенціи», какъ основой для «etnograficznych plemiennych rozgraniczeń». Но не въ этомъ дѣло, а дѣло—въ принципѣ, въ вопросѣ объ отношеніи интеллигенціи къ народу.

Кажется, нѣтъ никакой надобности доказывать, что интеллигенція какой бы то ни было страны должна быть той же самой національности, что и народъ: иначе вѣдь какъ будетъ интеллигенція служить свою службу народу, когда они другъ на друга будутъ смотрѣть какъ на чужихъ и въ дѣйствительности будутъ чужды другъ другу? Поэтому гдѣ случайно интеллигенція иноземнаго происхожденія, тамъ тогда только она будетъ имѣть raison d'être, когда сольется съ націей, среди которой живетъ. Въ частности подобныя отношенія мы встрѣчаемъ въ той части старой Рѣчи Посполитой, которая населена не польскими племенами. Авторъ корреспонденціи *Газеты Польской* напираетъ на историческія права польскаго элемента въ Западномъ краѣ, но не обращаетъ вниманія на другое право, на право, говоря языкомъ XVIII вѣка, естественное, чтобъ интеллигенція не была чужда народу, чтобы между національными традиціями меньшинства и большинства не было разлада, чтобъ интеллигенція всѣмъ образомъ своихъ мыслей, всѣми своими симпатіями не тянула къ иному обществу, нежели то, среди коего она живетъ. Пусть не подумаютъ наши читатели, что мы стоимъ за какое-либо насильственное обрусеніе,—мы только говоримъ, что разсматриваемыя отношенія ненормальны и что въ вопросѣ «etnograficznych plemiennych rozgraniczeń» можно принимать въ разсчетъ только большинство, массу населенія: пусть живутъ себѣ среди этой массы люди другой національности, но пусть и смотрятъ они на себя какъ на иностранцевъ (не въ смыслѣ подданства государству), не требуя для себя какихъ-либо особыхъ правъ во имя своего историческаго прошлаго. Гдѣ русскій край, тамъ и школа должна быть русская, и судъ русскій и т. д.; и если интеллигенція такого края желаетъ служить дѣйствительную службу народу, среди коего живетъ, то должна сама съ нимъ слиться: иначе народъ будетъ смотрѣть на нее, какъ, наприм., смотрятъ, положимъ, въ Москвѣ на многочисленныхъ нѣмцевъ и французовъ, живущихъ въ этомъ городѣ, но связанныхъ съ остальнымъ, кореннымъ, населеніемъ только матеріальными выгодами, что, конечно, можно сказать и о польскихъ помѣщикахъ, имѣющихъ земли въ областяхъ съ русскимъ населеніемъ.

Пусть поймутъ наши читатели и то, что мы ставимъ вопросъ не на политическую почву, а такъ сказать на соціальную. Политика преслѣдуетъ свои цѣли, и ослабленіе польскаго элемента въ Западномъ краѣ совершенно понятно въ виду тѣхъ опасеній, которыя внушали правитель-

ству сепаратистскія стремленія тамошней интеллигенціи, ея тяготѣніе не къ центру государства, а къ такой окраинѣ, которая не разъ уже пыталась отторгнуться. Не входя въ разсмотрѣніе употреблявшихся при этомъ мѣропріятій, мы только указываемъ на сущность политической точки зрѣнія, на цѣлость государства, какъ на основной вопросъ этой политической точки зрѣнія. Иное дѣло—та почва, на которую ставимъ вопросъ мы въ настоящемъ случаѣ: еслибъ и не было никакихъ сепаратистскихъ стремленій у поляковъ Западнаго края, еслибъ и не было ничего такого, къ чему они могли бы тяготѣть, все-таки принадлежность ихъ къ иной національности, нежели масса населенія—вещь ненормальная. Но въ такомъ случаѣ что же? Неужели ихъ «выкинуть изъ государственнаго строя или допускать ихъ существованіе до поры до времени подъ условіемъ отреченія отъ историческаго прошлаго»? Высказываясь постоянно противъ насильственныхъ мѣръ, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ только отрицательно; но намъ желательно, чтобы самый ходъ исторіи привелъ вообще польскую интеллигенцію къ иному отношенію къ народу — и тамъ, гдѣ населеніе польское, и тамъ, гдѣ оно не польское. Тогда дѣло рѣшится само собою и такъ-называемыя историческія права поблѣднѣютъ передъ сознаніемъ своей обязанности быть плотью отъ плоти народа и костью отъ костей его,—обязанности знать народъ, любить его, служить ему,—словомъ, передъ желаніемъ не быть народу чужимъ. Прошлое Польши, дѣйствительно, сложилось такъ, что интеллигенція чувствуетъ себя какъ-то отдѣльно отъ народа, и не мало въ этомъ виновато то, что въ значительной части старой Рѣчи Посполитой культурный слой имѣлъ подъ собою массу другой національности: въ извѣстной степени это должно было вліять и на отношенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ національнаго раскола не было, не говоря уже о другихъ условіяхъ того «прежняго строя» (ustroju przeszłości), о которомъ говоритъ корреспондентъ *Газеты Польской*. Крѣпостное право существовало и у насъ, но между нашими барами и ихъ крестьянами существовали извѣстныя звѣнья въ національной традиціи, общей всему населенію отъ низа до верха, и этимъ отчасти объясняется развитіе въ нашей литературѣ того движенія, котораго у поляковъ нѣтъ. Но пусть только польская интеллигенція научится иначе смотрѣть на народъ, и мы увѣрены, что она сама начнетъ отрекаться отъ своихъ историческихъ правъ въ пользу народа. Нужна ли при этомъ полная денаціонализація и возможна ли она, судить трудно; но что должна установиться болѣе живая связь поляковъ съ націей, среди которой они живутъ, это несомнѣнно. Быть-можетъ установится даже нѣкотораго рода равновѣсіе между тяготѣніемъ къ историческому прошлому и потребностями настоящаго,—равновѣсіе, которое создастъ интеллигентную среду, какъ своего рода посредницу между культурнымъ слоемъ Россіи и Польши.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, какъ будетъ относиться польская интеллигенція къ народу, заключается корень вопроса: инымъ, нежели было доселѣ, отношеніемъ поляки только утвердятъ основы своей національности, завоюютъ себѣ симпатіи тѣхъ русскихъ, которые менѣе всего думаютъ о насильственномъ обрусеніи,—и создадутъ изъ польскаго элемента въ Западномъ краѣ посредствующее звѣно между культурными слоями Россіи и Польши.

Такія размышленія вызвало въ насъ чтеніе московской корреспонденціи въ *Газетѣ Польской*, и мы полагаемъ, что въ общихъ чертахъ таковъ былъ бы и отвѣтъ почтенной редакціи *Русской Мысли* на упрекъ, который ей дѣлаетъ авторъ, разобравшій статьи о польскомъ вопросѣ въ мартовской книжкѣ этого журнала. На этомъ мы и покончимъ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Во второмъ письмѣ я остановилъ вниманіе читателей на замѣткахъ польскаго публициста объ обрусеніи и объединеніи въ №№ 56, 57 и 58 газеты *Голосъ* за этотъ годъ. Замѣтки эти появились какъ разъ въ концѣ февраля и, очевидно, обратили бы на себя большее вниманіе въ обыкновенную минуту. Катастрофа 1-го марта всѣхъ заставила забыть о томъ, что говорилось и чѣмъ интересовались наканунѣ. Наша пресса, правда, заговорила о полякахъ скоро, но не по поводу замѣтокъ *Голоса*. Одновременно почти, чуть не въ одинъ день, изъ Москвы и изъ Берлина выпущены были въ свѣтъ обвиненія поляковъ въ томъ, что злодѣяніе 1-го марта—дѣло польской справы. Началась полемика, въ которой открытое письмо маркиза Велёпольскаго къ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* было только однимъ эпизодомъ, болѣе другихъ извѣстнымъ русской публикѣ. Варшавская періодическая пресса дружно возстала на редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Норддейтчерки*, какъ называютъ поляки Norddeutsche Allgemeine Zeitung. Открытое письмо Велёпольскаго такъ же обсуждалось въ польскихъ газетахъ, какъ и въ русскихъ. Подоспѣли еще разныя журнальныя извѣстія, большею частью тенденціознаго характера, что только подлило масла въ огонь. Даже оффиціальный *Варшавскій Дневникъ*, который рѣдко отверзаетъ уста, чтобы сказать что-либо отъ себя, а ограничивается перепечаткой изъ другихъ газетъ, страшно при этомъ запаздывая, и тотъ не вытерпѣлъ и въ одинъ прекрасный день появился съ длинной передовою статьей, направленною противъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*. Я не имѣю теперь подъ руками ни одной изъ этихъ полемическихъ статей, чтобы сдѣлать выписки, которыя показали бы, какъ отнеслись поляки къ инсинуаціямъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Норддейтчерки*, но общій смыслъ того, что происходило, хорошо помню. Во-первыхъ, замѣчательно единодушіе польской прессы по этому вопросу: не знаю, существуютъ ли газеты, которыя

уклонились бы отъ этой полемики. Во-вторыхъ, болѣе обрушились польскіе публицисты на г. Пиндтера, редактора *Сѣверогерманской Всеобщей Газеты*, нежели на издателя *Московскихъ Вѣдомостей:* послѣдняго они считаютъ теперь мало для себя опаснымъ, ибо прошли тѣ времена, когда старѣйшая московская газета была подобна огнедышащей горѣ, которая извергаетъ лаву, все на своемъ пути сокрушающую, уничтожающую; скорѣе въ глазахъ поляковъ это—догорающій сальный огарокъ, который при послѣднихъ вспыхиваніяхъ распространяетъ вокругъ себя одинъ чадъ, правда, непріятный, но не опасный. Такъ говорили одни; другіе прибавляли, что все это—бредъ маніака, на который можно и не обращать вниманія. Быть-можетъ не одно это тутъ было: въ полемикѣ съ *Московскими Вѣдомостями* пришлось бы высказаться опредѣленно по вопросу объ отношеніи поляковъ къ Россіи, а на этотъ счетъ варшавская пресса ведетъ себя очень сдержанно, что, впрочемъ, не мѣшало ей слѣдить за тѣмъ, какъ отнеслись разныя русскія газеты къ пресловутой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся: въ общемъ по этому пункту поляки были болѣе или менѣе довольны нашимъ поведеніемъ, насколько это можно было замѣтить по тону разныхъ газетныхъ замѣтокъ, все-таки очень сдержанному. Но *Норддейтчерка*—другое дѣло: за ея инсинуаціями поляки не безъ основанія увидѣли систему, строгій политическій планъ, стремленіе ловить рыбу въ мутной водѣ, сѣя раздоръ между русскими и поляками и стараясь компрометировать послѣднихъ въ глазахъ высшихъ сферъ Петербурга. Тутъ уже ни о какихъ маніакахъ рѣчь не заходила, а говорили больше о коварствѣ и дальновидной, хотя и не всегда искусной, политикѣ. Занятая внутренними дѣлали, наша ежедневная пресса не обратила должнаго вниманія на эту полемику, не прислушалась достаточно къ голосу своей варшавской сестры. Это очень жаль. Нужно ловить мометъ; но ежемѣсячному журналу дѣлать это трудно, живыя впечатлѣнія сглаживаются, иногда не догадываешься отмѣчать быстро смѣняющія одно другое явленія, а потомъ, когда видишь, что имъ положительно стоитъ подвести итоги, нужно рыться въ старыхъ газетахъ, что не всегда бываетъ даже возможно. Дѣлая это замѣчаніе и стараясь похлопотать о томъ, чтобы читатели *Русской Мысли* обстоятельнѣе познакомились съ польскою полемикой противъ *Норддейтчерки* въ особой статьѣ, посвященной этому предмету, мы не можемъ не выразить сожалѣнія нашего вообще о томъ, что русская публицистика (говорю о ежедневной прессѣ) такъ слабо интересуется настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Польшѣ: иногда изъ-за этого мы теряемъ удобные моменты для того, чтобы прервать молчаніе о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ или заговорить о нихъ въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для такъ-называемаго «примиренія».

Но возвратимся къ предмету. Польскія газеты единодушно накинулись на *Норддейтчерку* и въ ея поведеніи совершенно резонно усмотрѣли только одно изъ проявленій общей нѣмецкой политики. Какъ ни откре-

щивалась *Норддейтчерка* отъ взводимаго на нее и на нѣмецкую политику обвиненія въ желаніи сѣять раздоръ между русскими и поляками, послѣдніе твердо стояли на своемъ и въ своемъ полемическомъ увлеченіи указывали даже на существованіе какой-то заведенной якобы нѣмцами академіи для воспитанія бунтовщиковъ, которые мутили бы польскій, а отчасти и русскій людъ. Болѣе серьезныя газеты, конечно, не повѣрили и говорили, что подобныя сенсаціонныя извѣстія для гг. Пиндтеровъ и Катковыхъ—вода, которая приводитъ въ движеніе ихъ мельницы, но все-таки это очень характеристично для общественнаго настроенія: общество убѣждено, что нѣмцы на все способны, чтобы разстроить и безъ того натянутыя отношенія между поляками и русскими. Обороняясь отъ нѣмецкихъ инсинуацій, варшавская пресса дѣйствовала и наступательно, не имѣя надобности прибѣгать къ гипотетическимъ академіямъ. Въ такомъ положеніи была она, напримѣръ, когда въ *Голосѣ* появилось письмо гр. Старженскаго по поводу разсказаннаго нѣмецкими газетами инцидента въ ододномъ изъ мартовскихъ засѣданій австрійскаго рейхсрата, когда польскіе послы яко бы произвели неприличную демонстрацію по поводу предложенія чешскаго депутата Ригера выразить соболѣзнованіе по случаю смерти русскаго Императора. Весьма характерно при этомъ, что аргументъ гр. Старженскаго былъ повторенъ и польскою прессой: самый заклятый врагъ не можетъ де упрекнуть поляковъ въ томъ, что къ Пруссіи они питаютъ большую симпатію, нежели къ Россіи. Заявленіе князя Радзивилла отъ имени поляковъ германской палаты по поводу извѣстнаго предложенія Виндгорста было также на руку варшавской прессѣ въ ея полемикѣ съ *Норддейтчеркой*. Что же, помнится мнѣ, писала по этому поводу одна газета, что же желательно еще нѣмцамъ, чтобы перестать насъ преслѣдовать? Что дѣлать бѣднымъ полякамъ, чтобы спастись отъ этого Бисмарка? Неужели имъ говорить себѣ подобно зайцамъ: мало намъ сидѣть, притаившись гдѣ-нибудь подъ кустомъ, мало бояться малѣйшаго шороха листьевъ,—нужно еще гибнуть, чтобы накормить своимъ мясомъ охотника? Еслибы даже поляки были хоромъ невинныхъ ангеловъ, пока они живутъ, пока у нихъ есть своя сфера, гдѣ они могутъ расправлять свои крылья, до тѣхъ поръ не закроется вѣчно на нихъ открытая нѣмецкая пасть. Мы однако надѣемся, что польскій Іона не погибнетъ въ утробѣ нѣмецкаго кита. Князь Бисмаркъ въ лучшемъ случаѣ можетъ прожить еще лѣтъ двадцать, а мы, поляки,—ну, если мы его не побѣдимъ, — пережить-то ужь навѣрное переживемъ.

А отношеніе князя Бисмарка къ *Норддейтчеркѣ* вѣдь извѣстно; въ частности извѣстно и отношеніе къ полонофагскимъ ея статьямъ. Въ одной польской газетѣ былъ приведенъ изъ какой-то нѣмецкой Zeitung разсказъ нѣкоего нѣмецкаго депутата (Белова, догадываются поляки) о его разговорѣ съ германскимъ канцлеромъ. Рѣчь зашла о полякахъ. Бисмаркъ спросилъ, читалъ ли его собесѣдникъ Norddeutsche Allgemeine

Zeitung. Тотъ отвѣчалъ утвердительно, но заикнулся, чтобы что-то возразить. Бисмаркъ не захотѣлъ никакихъ *но*, замѣтивъ, что газета попала въ самый центръ вопроса. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться, что поляки всюду ему мѣшаютъ: если и Kultur-Kampf такъ далеко зашелъ, то виною въ этомъ главнымъ образомъ они; такъ бы вотъ и упряталъ ихъ въ арестантскія роты. Неизвѣстный депутатъ, понятное дѣло, поспѣшилъ попросить позволенія обнародовать разговоръ этотъ въ печати и получилъ отъ откровеннаго государственнаго мужа утвердительный отвѣтъ: «Das ist mir ganz Wurst!» Депутатъ не замедлилъ воспользоваться столь милостиво даннымъ ему разрѣшеніемъ: разговоръ появился на страницахъ какой-то нѣмецкой газеты, а поляки, перепечатавъ его у себя, еще болѣе убѣдились, что и въ польскомъ вопросѣ за Пиндтеромъ стоитъ самъ Бисмаркъ.

Связь редактора *Норддейтчерки* съ желѣзнымъ канцлеромъ и объясняетъ намъ, почему варшавская печать такъ горячо, такъ страстно выступила противъ этого органа. Съ своей стороны, въ этой горячности Пиндтеръ увидѣлъ признакъ того, что задѣлъ за-живое польскую націю разглашеніемъ ея секрета. Такъ онъ и заявилъ въ одной изъ своихъ статей, полемизируя съ газетой Dziennik Poznański, которая съ особеннымъ рвеніемъ занялась инсинуаціями *Норддейтчерки*: значитъ, я правду сказалъ, коли вы такъ разсердились. Понятное дѣло, что полемика задѣла массу всякихъ другихъ вопросовъ объ отношеніи нѣмцевъ къ полякамъ, что изобрѣтательному редактору дало поводъ выкинуть новую штуку: поляки, по его мнѣнію, нарочно это дѣлаютъ, чтобы заслонить посторонними вещами главный пунктъ обвиненія, заставить всѣхъ его забыть, затереть его. И каждый разъ повторяется съ его стороны вѣчное caeterum censeo, и каждое лыко идетъ въ строку. Мы замѣтили, что вообще часть русской печати въ этомъ спорѣ стала на сторону поляковъ. Не этого ждалъ или, по крайней мѣрѣ, желалъ Пиндтеръ, но и на это у него нашлось особаго рода объясненіе, въ которомъ онъ удивительнымъ образомъ сошелся съ редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, объявивъ, напр., что *Голосъ*—польскій органъ, издающійся по-русски подъ польскою редакціей и съ французскимъ (на что ужь хуже, по мнѣнію Пиндтера) сотрудничествомъ. Ну, а *Варшавскій Дневникъ*, утѣшаетъ онъ себя, развѣ что можетъ доказать, будучи оффиціальнымъ органомъ, миссія котораго сближать русскихъ и поляковъ?... Какъ бы тамъ ни было, видя, что тутъ самъ онъ въ цѣль не попалъ, онъ извернулся и сталъ развивать новую тему: пріятно-де ему видѣть, что поляки стали обращать свои взоры къ Петербургу и къ Москвѣ, вмѣсто того, чтобъ обращать ихъ, какъ это было прежде, къ Парижу; чѣмъ ближе сойдутся они съ русскими, тѣмъ нѣмцы лучше на нихъ смотрѣть будутъ: вѣдь Германія и Россія такъ дружны, а поляки все старались только, какъ бы замутить миръ между двумя сосѣдними державами; поэтому-де Norddeutsche

Allgemeine Zeitung и воздерживается отъ всякой полемики съ *Варшавскимъ Дневникомъ*. Политика однако не удалась: польскія газеты тотчасъ же замѣтили, что изъ мѣшка торчитъ шило (wyłazi szydło z worka), потому что отказъ Пиндтера полемизировать съ русской варшавскою газетой не помѣшалъ ему продолжать тянуть свою старую пѣсню, которою, по его мнѣнію, все-таки можетъ-быть и удастся убѣдить кого слѣдуетъ въ неблагонадежности польской націи. Постоянство, достойное лучшаго дѣла!...

Однако я самъ впадаю въ полемическій тонъ. Цѣлью моей вовсе не было полемизировать съ редакторомъ *Норддейтчерки*. Мнѣ кажется, что изъ всего сказаннаго читателю должно быть ясно одно: страхъ передъ замыслами Бисмарка, который существуетъ въ польскихъ сердцахъ, есть—такъ ли, иначе ли—одинъ изъ элементовъ, которые необходимо брать въ разсчетъ въ нашемъ дѣлѣ, и въ то же время въ число тѣхъ замысловъ, которыхъ такъ боятся поляки, входитъ сѣять раздоръ между ними и нами. Само собою разумѣется, что здѣсь одна лишняя причина для поляковъ подумать серьезно о томъ, какъ устроить свои отношенія къ намъ. Ну, и намъ, конечно, нужно помочь имъ въ этомъ дѣлѣ.

Что же отвѣтили *польскому публицисту Голоса*? — Пока ничего или очень мало, да и то сворачивая въ сторону отъ большой дороги, какъ это сдѣлано въ вышеупомянутыхъ статьяхъ *Новаго Времени*. Но если мы такъ игнорируемъ то, что печаталось въ русской газетѣ, то чего ожидать въ томъ случаѣ, когда что-либо, да особенно обинявами и эзоповскимъ подцензурнымъ языкомъ, сказала бы какая-нибудь мало-извѣстная въ Россіи газета?... Русскимъ, живущимъ среди поляковъ, и полякамъ, живущимъ среди насъ, удобнѣе всего было бы быть посредниками въ этомъ желательномъ сближеніи двухъ родственныхъ народовъ. Жизнь идетъ такъ, что намъ все болѣе и болѣе приходится думать другъ о другѣ, а вѣдь это къ чему-нибудь должно же привести.

В. Р. К.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Италія, ея дѣла и люди.

Прежній посѣтитель Рима, возвращаясь черезъ двадцать лѣтъ, не замѣчалъ никакой перемѣны въ «вѣчномъ городѣ», за послѣднія же десять лѣтъ жизнь въ немъ вдругъ преобразилась. Въ средніе вѣка, при переселеніи папы въ Авиньонъ, Римъ опустѣлъ и потерялъ значеніе,—неразвившаяся народная жизнь не могла сразу проникнуть въ него; нынѣ же, несмотря на прекращеніе свѣтской власти папы, Римъ сдѣлался столицей Италіи и населеніе его увеличилось на цѣлую треть; по статистикѣ 1867 года въ Римѣ значилось 215.573 жителя, а въ 1880 году оказалось 305.000.

Министръ Фаллу, ревностно хлопотавшій о вступленіи французскаго войска въ Римъ въ 1849 году и желая оправдать себя передъ національнымъ собраніемъ, обратился къ депутатамъ лѣвой и воскликнулъ: «Вы хлопочете о томъ, чтобы сдѣлать изъ Рима столицу маленькаго Итальянскаго государства, а мы желаемъ, чтобъ онъ остался столицей великой христіанской республики».

Время показало, что Римъ, сдѣлавшись столицей свободнаго государства, не утратилъ своего религіознаго значенія. Въ настоящее время нѣтъ государства въ Европѣ болѣе свободнаго въ политическомъ, религіозномъ и общественномъ отношеніи, какъ Италія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было видѣть въ Римѣ прелюбопытную картину: то было совмѣстное пребываніе папы Пія IX въ Ватиканѣ, Виктора-Эммануила въ Квириналѣ и Гарибальди на Monte Citario (гдѣ находится зданіе парламента),—сліяніе религіозныхъ процессій, монархическихъ овацій и республиканскихъ возгласовъ,—и все это безъ малѣйшаго нарушенія общественнаго порядка.

Въ Италіи находятъ возможнымъ предоставить каждому свободу совѣсти и убѣжденія. Несмотря на перемѣну правленія, знаменитый астрономъ іезуитъ Секки (Secchi) оставленъ при римской обсерваторіи, а церковный историкъ Канту (Cantù) назначенъ директоромъ архива въ Миланѣ.

Извѣстный политико-экономъ Луццатти (Luzzatti), депутатъ правой, не разъ засѣдалъ въ различныхъ заграничныхъ комитетахъ по назначе-

нію либеральнаго министерства. Политическая и религіозная свобода вошла въ нравы итальянской націи; полезно было бы для всѣхъ странъ, еслибы примѣръ терпимости распространился повсюду и чиновники вездѣ назначались по знанію и достоинству, не обращая вниманія на ихъ политическія и религіозныя убѣжденія. У каждаго итальянца искони вѣковъ таилась завѣтная мечта видѣть Римъ столицей отечества и тѣмъ осуществить пророчество всѣхъ великихъ людей Италіи отъ Данта и Макіавелли до Маццини и Кавура. Многіе, однако, съ тревожнымъ недоумѣніемъ задавали себѣ вопросъ, какимъ путемъ разрѣшить эту задачу. Главное затрудненіе было не въ самомъ занятіи Рима, а въ умѣньи себя тамъ поставить. Гарибальди, во главѣ своихъ добровольцевъ, восклицалъ въ 1862 году: «Римъ, или смерть!» Вступивъ въ Римъ нѣсколькими годами позднѣе, Викторъ-Эммануилъ выразился иначе: «Намъ здѣсь хорошо,— сказалъ онъ,—мы здѣсь останемся. Но Римъ не равенъ другимъ городамъ. Здѣсь окружаютъ насъ безсмертіе великихъ душъ. Герои прошлыхъ столѣтій, съ высоты своихъ памятниковъ, глядятъ на живыхъ. Возвысимся духомъ, станемъ на ихъ уровень, чтобы не заслужить осужденія прошлыхъ великихъ поколѣній. Мы всѣ подлежимъ ихъ приговору». Первая забота заключалась въ необходимости установить способъ отношеній къ папскому престолу.

Либеральная партія неоднократно возставала противъ утвержденнаго въ то время закона обезпеченія папы и настойчиво требуетъ до сихъ поръ его отмѣны. Но въ моментъ вступленія національнаго войска въ Римъ и паденія свѣтской власти папы этотъ законъ былъ необходимъ. Власть итальянскаго правительства еще не успѣла вступить въ свои права. Слѣдовало объявить иностраннымъ державамъ о совершившемся переворотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить умы многихъ, смотрѣвшихъ на лишеніе свѣтской власти своего духовнаго владыки какъ на утрату личной его самостоятельности. Законъ обезпеченія состоитъ въ томъ, что святой отецъ имѣетъ право пользоваться въ Римѣ царственною неприкосновенностью. Ему предоставлены на жительство въ городѣ дворцы Ватикана и Св. Іоанна Латеранскаго и загородный дворецъ Кастелъ-гондолфо (Castel-gondolfo). Мѣстожительство папы неприкосновенно, какъ и его особа. Въ его личное распоряженіе переданы телеграфныя линіи и отдѣльная почта. Посланники, назначаемые иностранными державами къ особѣ святаго отца, и его нунціи при иностранныхъ дворахъ—пользуются по всей итальянской территоріи льготами дипломатовъ. На имя папскаго престола внесенъ въ большую книгу государственнаго долга неотъемлемый доходъ въ 3.225.000 лиръ, соотвѣтственно суммѣ, значащейся въ папскомъ бюджетѣ подъ рубрикой: «Расходы на содержаніе апостольскихъ дворцовъ, священныхъ коллегій, духовныхъ конгрегацій, статсъ-секретаріата и дипломатическаго представительства за границей». На случай ваканціи папскаго престола кардиналамъ предоставлена полная свобода дѣйствій. Конклавы

и вселенскіе соборы гарантированы правительствомъ отъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Весьма естественно, что итальянское правительство не сочло нужнымъ по этому предмету вступать въ какія-либо обязательныя отношенія къ другимъ европейскимъ державамъ,—дѣло шло о томъ, чтобы сразу отстранить постороннія вліянія, искони вѣковъ мѣшавшія единству Италіи.

Правительство и парламентъ ограничились повсемѣстнымъ обнародованіемъ закона объ обезпеченіи. Пій IX никогда не вѣрилъ его прочности и постоянно твердилъ, что первая революція уничтожитъ и этотъ законъ, и папскую независимость. Хотя съ 1870 года еще не было революціи въ Италіи, но правленіе перешло въ другія руки, отъ правой къ лѣвой, и депутаты оппозиціи, достигшіе власти, не подумали нарушить этотъ законъ, несмотря на то, что громко протестовали противъ его введенія. Подъ вліяніемъ министерства лѣвой происходилъ первый конклавъ послѣ присоединенія Рима къ Италіи, а всѣмъ извѣстно, что никогда выборы папы не были такъ свободны и лучше обезпечены отъ всякихъ постороннихъ интригъ. Въ продолженіе 15-ти-лѣтняго управленія папы Григорія XVI, умершаго въ 1846 году, надъ римскою куріей тяготѣло репрессивное вліяніе австрійской политики: всѣ напряженно ждали перемѣны; всюду проникъ духъ свободы, даже въ среду священной коллегіи. На папскій престолъ вступилъ кардиналъ Матеи подъ именемъ Пія IX. Проникнутый духомъ либерализма и свободы, онъ на первыхъ порахъ подавалъ блестящія надежды, но, увы, присяга хранить въ цѣлости наслѣдство Св. Петра стала камнемъ преткновенія его патріотизму. Несмотря на благочестіе, на добрыя намѣренія и страсть къ популярности, у него не хватило умѣнья справиться съ обстоятельствами: допустивъ либеральное движеніе, онъ сталъ его тормозить,—буря его сломила; онъ бросился въ партію «ревнителей» и возложилъ на чужеземные штыки охрану своей власти.

Во всѣ девятнадцать лѣтъ, прошедшія съ его возвращенія до окончательнаго паденія, онъ постоянно давалъ одинъ отвѣтъ на всѣ просьбы: non possum (не могу), а съ 1870 года, до послѣдней минуты своей жизни, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ протестовалъ противъ новыхъ порядковъ, называя ихъ хищеніемъ и грабительствомъ. Послѣ его смерти священная коллегія, духовенство и весь католическій міръ поняли, что папѣ необходимо стать въ другое положеніе. Несмотря на то, что конклавъ состоялъ по большей части изъ кардиналовъ, политическихъ единомышленниковъ Пія IX, подобранныхъ имъ во время долгаго 30-ти-лѣтняго правленія, избранникомъ конклава оказался одинъ изъ кардиналовъ, менѣе всѣхъ сочувствовавшій воззрѣніямъ своего предшественника. Кардиналъ Пеци (Peccі), теперешній Левъ XIII, вышелъ изъ мелкой буржуазіи. Человѣкъ ученый, въ мнѣніяхъ умѣренный и обладающій большимъ тактомъ, онъ, бывши нунціемъ въ Бельгіи, кое-чему научился въ политической

школѣ короля Леопольда I. Въ душѣ онъ не отказывается отъ владычества въ Римѣ, но воздерживается отъ ежедневныхъ пререканій и надѣется когда-нибудь вернуть власть инымъ путемъ. Пій IX не могъ безъ горечи вспомнить своего изгнанія изъ Квиринала, гдѣ нѣкогда привѣтствовали его восторженные крики народа; онъ вѣрилъ, что вооруженная сила—одно средство обуздать революцію. Левъ XIII мечтаетъ о возможности преобразовать Италію во вторую Бельгію, но ученость святаго отца не есть еще ручательство за вѣрность его политическихъ взглядовъ и настоящее пониманіе потребностей новѣйшихъ поколѣній. Въ одной римской гостиной разговоръ однажды коснулся непогрѣшимости папы. Пріѣзжій французъ позволилъ себѣ при этомъ слѣдующее размышленіе: «Нравственная диктатура точно такъ же возможна, какъ и военная. Можно только удивляться чрезвычайной ея смѣлости,—тутъ является не только отвѣтственность, а какъ бы нравственное обязательство разрѣшить всѣ сомнѣнія, облегчить всѣ печали, которыми страдаетъ человѣчество». Провозглашеніе непогрѣшимости папы было черезчуръ самонадѣянно. Многіе протестовали противъ этого догмата. Иные, какъ Дюпанлу, покорились формально, другіе, какъ Штроссмейеръ, совсѣмъ не согласились; послѣдній обнародовалъ въ своей эпархіи папскую буллу, не приложивъ отъ себя никакого пастырскаго посланія, но римская курія не посмѣла сдѣлать замѣчанія прелату, столь популярному у задунайскихъ славянъ. Нѣкоторые винятъ итальянское правительство, что оно не воспользовалось провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости и не подняло движенія противъ духовной власти папы. Не прошло и года послѣ 20 сентября 1870 года, какъ низшее духовенство уже обращалось къ министрамъ короля, прося о заступничествѣ, но правительство отклонило отъ себя всякое вмѣшательство въ церковныя дѣла. И оно поступило умно,—догматъ прошелъ незамѣченный народомъ. Наше поколѣніе вообще относится весьма хладнокровно къ метафизическимъ вопросамъ, волновавшимъ нашихъ отцовъ.

Новый министръ юстиціи и вѣроисповѣданія, Цанарделли (Zanardelli), занятъ въ настоящую минуту составленіемъ законопроекта о преобразованіи администраціи церковныхъ имуществъ на основаніи 18 статьи закона обезпеченія. Лѣвая хлопочетъ, какъ бы урѣзать нѣкоторыя льготы, дарованныя священному престолу; она находитъ, что въ свободномъ государствѣ общее право должно считаться достаточнымъ для всѣхъ, и возстаетъ противъ привилегій, данныхъ главѣ духовенства, тѣмъ болѣе, что правительство отказалось уже отъ всякаго вмѣшательства въ назначеніе епископовъ. Люди интересующіеся религіозными вопросами не разъ осуждали итальянское правительство за его равнодушіе къ праву мірянъ вступаться въ церковныя дѣла. Многіе говорятъ: «Епископы первоначально выбирались паствами и утверждались духовною властью; когда правительство стало выбирать епископовъ, оно замѣнило паствы; если правительству угодно отказаться отъ своего права, слѣдуетъ его возвратить паствамъ».

Но правительство не могло вступить въ свое право иначе, какъ въ силу соглашенія съ папой, который никогда не подписалъ бы подобнаго договора. Уже былъ примѣръ отлученія отъ церкви короля сардинскаго за присвоеніе себѣ папскихъ владѣній; правительству было удобнѣе отклонить отъ себя борьбу,—оно относится совершенно безучастно къ папскимъ назначеніямъ и только выдаетъ исправляющимъ епархіальныя должности причитающіяся имъ части изъ суммъ министерства вѣроисповѣданія. Въ Италіи духовенство не получаетъ жалованья отъ прихожанъ, какъ во Франціи, и не пользуется землею, какъ это было до революціи. При продажѣ церковныхъ имуществъ въ пользу государственной казны послѣ политическаго переворота въ Италіи отложенъ былъ капиталъ на расходы по министерству вѣроисповѣданія, и этими суммами распоряжается отдѣльная администрація. Либеральная партія хлопочетъ теперь о преобразованіи ея съ тѣмъ, чтобы распоряженіе церковными суммами было распредѣлено по епархіямъ и приходамъ и находилось въ рукахъ приходскихъ совѣтовъ, выбранныхъ самими прихожанами съ тѣмъ, чтобъ оклады не выдавались безъ ихъ согласія. Надѣются, что такимъ образомъ духовенство было бы вынуждено относиться внимательнѣе къ нуждамъ и желаніямъ своихъ паствъ. Въ нѣсколькихъ общинахъ Ломбардіи міряне хотѣли приступить къ выбору священниковъ, но правительство отказалось отъ содѣйствія имъ. Въ 1861 году министръ внутреннихъ дѣлъ новаго королевства Италіи, Мингетти, товарищъ барона Рикazоли, преемника графа Кавура, издалъ циркуляръ, въ которомъ предписывалось властямъ ни подъ какимъ видомъ не обращаться къ церкви за молитвами, чтобы не подать повода къ столкновеніямъ между государствомъ и церковью, и предоставить каждому, смотря по убѣжденіямъ, соглашеніе религіозныхъ вѣрованій съ патріотическими чувствами. Чтобъ уяснить себѣ политическія условія Италіи, не слѣдуетъ придерживаться буквальнаго пониманія общепринятыхъ названій, вѣдь, напримѣръ, между правой во Франціи и правой въ Италіи существуетъ неизмѣримое пространство. Въ Италіи есть люди, желающіе опередить другихъ, но въ цѣломъ парламентѣ не найдется ни одного человѣка, мечтающаго о какой-нибудь реставраціи. Политическіе дѣятели всѣхъ партій безразлично стремятся къ единству и неприкосновенности своего отечества, и еслибы кто вздумалъ затронуть это единство, то каждый готовъ до послѣдней капли крови его отстоять; здѣсь не существуетъ между партіями глубокаго ожесточенія, разъединяющаго людей въ другихъ странахъ, а болѣе всего во Франціи; между ними нѣтъ воспоминаній крови, пролитой другъ противъ друга, перестрѣлокъ и посторонняго вмѣшательства въ домашнее дѣло, по призыву одной изъ партій.

Объ итальянцахъ можно сказать, что они еще не вполнѣ пробудились отъ своего вѣковаго сна: духъ дѣятельности и предпріимчивости въ нихъ мало развитъ; они по безпечности часто откладываютъ много полезныхъ реформъ. Но единство возстановлено и душа оживотворила тѣло; слово

умирающаго Кавура исполнилось: «Италія создана и никто ее не разрушитъ» (L'Italie est faite et personne ne la défera). Италія доведена отъ подножія Альпъ до высоты Капитолія королемъ Викторомъ-Эммануиломъ и его министромъ Кавуромъ, руководившими въ продолженіе 18 лѣтъ государственнымъ переворотомъ, при содѣйствіи умѣренной партіи, то-есть высшей буржуазіи и либеральной аристократіи. Во все это время министерство мѣнялось нѣсколько разъ, но главнымъ образомъ оставалось въ рукахъ правой, или, правильнѣе сказать, праваго центра; управляла та же партія подъ разными именами: графа Кавура, барона Риказоли, Мингетти, Менабреа, Ланци. Въ промежуточные моменты является въ министерствѣ личный другъ короля, адвокатъ Ратацци, представитель средней буржуазіи и лѣваго центра; онъ черезъ своевременный союзъ (connubio) *) съ графомъ Кавуромъ, вождемъ праваго центра, упрочилъ въ роковую минуту единство парламента и оказалъ неоцѣнимую услугу отечеству. Послѣ смерти Ратацци, въ 1873 году, его роль досталась Депретису; онъ соединился съ Мингетти и содѣйствовалъ паденію министерства Ланци, послѣ чего Мингетти предложилъ Депретису и двумъ изъ его друзей вступить въ министерство; но лѣвая чувствовала приближеніе къ ней власти и отказалась отъ предлагаемыхъ ей второстепенныхъ портфелей. Черезъ три года Депретисъ занялъ мѣсто Мингетти. Побѣда лѣвой была прямымъ послѣдствіемъ развившейся народной жизни. Въ послѣдніе годы хотя министерство и мѣнялось въ составѣ, но лѣвая постоянно удерживала въ своихъ рукахъ бразды правленія, точно также какъ въ предыдущій періодъ перевѣсъ оставался на сторонѣ правой,—мѣнялись только лица той же партіи. Съ 1876 года Депретисъ почти все время былъ въ силѣ. Первые два года онъ былъ президентомъ совѣта министровъ, потомъ его замѣнилъ Кайроли, а недавно онъ опять призванъ къ президенству; въ первый разъ онъ занималъ мѣсто министра финансовъ, Мингетти — внутреннихъ дѣлъ, а Цанарделли — публичныхъ работъ; потомъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и при немъ Кристи получилъ министерство внутреннихъ дѣлъ; при Кайроли онъ самъ получилъ портфель внутреннихъ дѣлъ и, сдѣлавшись вторично президентомъ совѣта, удержалъ этотъ портфель.

Депретисъ пользуется репутаціей человѣка честнаго и способнаго. Родомъ піемонтецъ, онъ депутатъ съ 1848 года,—слѣдовательно, одинъ изъ старѣйшинъ итальянскаго парламента; онъ никогда не пропускалъ ни одной сессіи, знаетъ всѣхъ и вся; онъ постоянно держался лѣвой, былъ вмѣстѣ съ Ратацци министромъ въ Туринѣ и Флоренціи, содѣйствовалъ освобожденію южныхъ провинцій и былъ въ Палермѣ продиктаторомъ Гарибальди въ 1860 году. Его преданность конституціонной монархіи и Савойской ди-

*) Итальянцы зовутъ словомъ *connubio* союзъ вождей двухъ противныхъ парламентскихъ партій.

настіи всѣмъ извѣстна. Лѣвая во многомъ обязана своимъ перевѣсомъ его умѣнью своевременно сойтись съ тѣмъ или другимъ изъ ея вождей. Благодаря его искусству и парламентской уклончивости лѣвой удалось провести четыре важныхъ законопроекта, стоявшихъ во главѣ ея программы, а именно: уничтоженіе macinato, налога на продовольственные припасы, введеннаго правой для поправленія государственнаго бюджета; распространеніе желѣзныхъ дорогъ, особенно въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ не существовало никакихъ путей сообщенія; уничтоженіе обязательнаго курса: эта мѣра стала необходимостью, несмотря на то, что итальянскій бюджетъ обремененъ черезъ это десятымъ процентомъ лажа; наконецъ, реформу избирательнаго закона, вслѣдствіе которой число избирателей увеличится на нѣсколько милліоновъ. Палата намѣрена внести этотъ законопроектъ въ сенатъ до наступленія лѣтнихъ вакацій. Кайроли, будучи еще депутатомъ, предложилъ на обсужденіе палаты проектъ избирательной реформы, по которому избирательное право предоставлялось всѣмъ умѣющимъ читать и писать, но проектъ былъ отвергнутъ парламентомъ. Настоящій законопроектъ основанъ на правѣ менѣе широкомъ. Новый законъ выставилъ весьма подробно всѣ условія, по которымъ итальянскіе граждане признаются избирателями: ими могутъ быть чиновники, члены ученыхъ корпорацій, имѣющіе ученую степень—до свидѣтельства о прохожденіи втораго класса элементарной школы включительно, всѣ несшіе два года военную службу и посѣщавшіе полковую школу и, наконецъ, всѣ платящіе не менѣе 19 фр. 20 сент. налоговъ. Это, несомнѣнно, большое расширеніе избирательнаго права, но далеко не общая подача голосовъ; многіе опасаются предоставить избирательное право неграмотному населенію и тѣмъ открыть широкое поле интригамъ духовенства черезъ его вліяніе на невѣжественныя массы. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Италіи уже нѣсколько лѣтъ какъ введено обязательное обученіе; правительство и общины прилагаютъ къ этому дѣлу большую заботу.

Еще до 1848 года французы поняли, что зависимое отношеніе избирателей къ депутату является прямымъ послѣдствіемъ системы выборовъ по цензу; итальянцы пришли къ тому же заключенію и нынѣ склоняются къ выборамъ по спискамъ. Реформа эта стоитъ на очереди и должна быть представлена на обсужденіе настоящей парламентской сессіи; трудно однако поручиться за успѣхъ вопроса, въ которомъ замѣшаны личные интересы многихъ депутатовъ. Министерство высказалось за выборы по спискамъ, хотя врядъ ли пойдетъ на-проломъ,—оно не пожелаетъ рискнуть неудачей и скорѣе вовсе исключитъ эту статью изъ общаго закона, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, предложить тотъ же вопросъ на обсужденіе палаты, какъ отдѣльный законопроектъ. Важно было достигнуть расширенія избирательнаго закона, пониженія ценза, а болѣе всего—подробнаго опредѣленія правоспособности избирателей, такъ чтобы каждый гражданинъ могъ безъ за-

трудненія пользоваться своимъ избирательнымъ правомъ. Эти главные пункты рѣшены, а болѣе подробная разработка тѣхъ же вопросовъ—дѣло будущаго. Нѣтъ основанія полагать, чтобы сенатъ отвергъ избирательную реформу, принятую палатой, а также, чтобы сенатъ всегда находился въ теперешнемъ благодушномъ настроеніи; но такъ какъ назначеніе сенаторовъ зависитъ отъ короля, по представленію министровъ, то въ послѣднее пятилѣтіе было обращено особенное вниманіе на постепенное измѣненіе состава сената. Консерваторы возопили гласомъ веліимъ противъ ряда новыхъ назначеній, лѣвая молча выслушивала ихъ крики, а министерство неуклонно шло своимъ путемъ систематическаго введенія въ сенатъ либеральнаго элемента. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, Депретисъ только воспользовался примѣромъ уже заранѣе поданнымъ Кавуромъ, который въ свое время ввелъ мало-по-малу въ туринскій сенатъ представителей праваго конституціоннаго центра. Министръ Кристи мечталъ о реформѣ самого сената и предлагалъ пересоздать его на избирательныхъ началахъ; но къ его проекту отнеслись несочувственно и большинство осталось при мнѣніи, что сенаторы, назначенные по волѣ министровъ, — слѣдовательно, черезъ непосредственное вліяніе палаты депутатовъ,—имѣютъ болѣе данныхъ соображаться съ желаніями націи, нежели сенаторы избираемые. Такимъ образомъ избирательная реформа въ Италіи совершится безъ революціи. Честь и слава ея правителямъ! Слѣдуетъ замѣтить, что избирательная реформа въ смыслѣ расширенія избирательнаго права была завѣтною мечтой покойнаго короля, переданная имъ сыну. При восшествіи своемъ на престолъ, король Гумбертъ во вступительной рѣчи коснулся этого желанія и не разъ впослѣдствіи напоминалъ своимъ министрамъ слово, данное народу отцомъ и имъ самимъ. Онъ какъ будто совѣстился дѣлать личный призывъ къ націи, пока не пройдетъ въ палатѣ новый избирательный законъ. Во всѣхъ различныхъ партіяхъ, раздѣляющихъ Италію, господствуетъ одно единодушное мнѣніе относительно короля; каждый отдаетъ справедливость строгой честности, съ которою король Гумбертъ, вѣрный отцовскимъ преданіямъ, хранитъ неприкосновенность итальянской конституціи. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ засталъ во главѣ правленія лѣвую, только-что призванную его отцомъ, и съ той минуты онъ ни разу не подалъ повода своимъ министрамъ заподозрить его въ малѣйшей интригѣ и они могли быть увѣрены, что довѣріе короля идетъ рука объ руку съ довѣріемъ парламента. На этомъ строгомъ храненіи конституціонныхъ началъ и зиждется вся сила короля. Въ Италіи монархическій принципъ не укрѣпленъ вѣковыми преданіями. Савойская династія нѣсколько столѣтій владѣла, по праву наслѣдія, небольшою частицей полуострова, но въ остальныхъ провинціяхъ монархія находится въ прямой зависимости отъ воли народа; въ Римѣ она поражаетъ какъ новость, а въ другихъ мѣстностяхъ на нее смотрятъ какъ на временную гостью. Не менѣе того, всѣ итальянцы инстинктивно

сознаютъ, что въ настоящій моментъ монархическій принципъ есть условіе, необходимое для сохраненія народнаго единства. Замѣчательно, что ни у кого это сознаніе такъ сильно не развито, какъ у самого Гарибальди. Многимъ покажется непонятнымъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ жать руку короля—и въ то же время принять президентство демократическаго союза въ Римѣ, слѣдовательно стать во главѣ партіи, стремящейся къ низверженію монархіи. Впрочемъ, ни одинъ итальянецъ этимъ не поражается, а король менѣе чѣмъ кто-либо. Сдѣлавшись президентомъ союза, давъ ему блескъ своего имени, Гарибальди поставилъ непремѣннымъ условіемъ, что ни одинъ шагъ не будетъ сдѣланъ безъ его разрѣшенія; онъ является только провозвѣстникомъ будущаго, а самъ твердо положилъ не подавать никакого сигнала и дѣйствовать лишь въ крайнемъ случаѣ, еслибы представилась на то роковая необходимость для защиты интересовъ отечества. Мы видимъ въ Римѣ странное зрѣлище: въ глазахъ уважаемаго монарха посреди бѣлаго дня существуетъ союзъ, отстаивающій свое право — завтра же стать на мѣсто его, если этого только потребуетъ воля народа. И люди, бывшіе въ свое время политически неблагонадежными, приверженцы Гарибальди, его усердные помощники въ южномъ возстаніи, утвердившемъ единство отечества — всѣ по очереди достигли власти, какъ-то: Никотера, Кристи, Кайроли. И всѣ они опираются на Депретиса.

Личная дружба Виктора-Эммануила съ адвокатомъ Ратацци содѣйствовала къ возвышенію средней буржуазіи,—она черезъ Ратацци получила опору короля. Я самъ видѣлъ въ кабинетѣ этого государственнаго дѣятеля портретъ короля съ надписью: «Моему другу Ратацци. Викторъ-Эммануилъ». Никотера, прежній усердный дѣятель въ заговорѣ Пизацоне *), также по дружбѣ короля, достигъ впослѣдствіи министерскаго портфеля. Увидавъ на какомъ-то балѣ, что онъ танцуетъ съ принцессой Маргаритой, король сказалъ ему, смѣясь: «Вмѣсто танцевъ съ моей невѣсткой, вамъ было бы навѣрно пріятнѣе, еслибы мои министры заплясали подъ вашу дудку». Предсказаніе сбылось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—министры Мингетти и Висконти-Веноста, по милости Никотеры, потерпѣли окончательное пораженіе. Въ день, когда предвидѣлась жестокая парламентская борьба, Никотера, съ удивительною ловкостью, захватилъ министерство врасплохъ, вызвалъ себѣ на помощь въ залу засѣданія южныхъ своихъ товарищей. Сраженіе вели Депретисъ, представитель лѣвой, и Корренти, предводитель центра. Побѣда осталась за ними. Когда они послѣ этого представлялись королю, онъ имъ сказалъ: «Совѣтую вамъ ладить съ Никотерой». Сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, Никотера возбудилъ непримиримую ненависть всей умѣренной партіи; когда пришлось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приступать къ новымъ общимъ выборамъ, правая рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобъ его низвергнуть. Одинъ изъ его соперни-

*) Противъ Бурбоновъ въ 1857 году.

ковъ, неаполитанецъ, хорошо знакомый съ его прошлою жизнью, напечаталъ въ Gazetta d'Italia памфлетъ, въ которомъ доказывалъ, что Никотера—далеко не герой, что въ 1859 году, во время высадки заговорщиковъ въ Капри, онъ даже измѣнилъ своимъ товарищамъ. Противники разсчитывали на скандалъ этой публикаціи, надѣясь, что онъ будетъ вынужденъ подать въ отставку; но Никотера не смутился. Онъ началъ судебное преслѣдованіе противъ газеты, напечатавшей памфлетъ. Процессъ имѣлъ огромную огласку; возникла ожесточенная газетная полемика и въ концѣ концовъ выяснилось, что Никотера хоть и не заслуживаетъ причтенія къ лику святыхъ, но и казни не подлежитъ. О немъ можно сказать, что онъ неутомимъ въ своей дѣятельности, крайне ловокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушенъ; не имѣя состоянія, онъ живетъ окрыто; его окружаетъ многочисленная толпа поклонниковъ, которыхъ онъ эксплуатируетъ, а они въ свою очередь пользуются его вліяніемъ; онъ—покровитель всѣхъ аферистовъ въ Италіи, но, не смотря на это, не утратилъ популярности и авторитета въ парламентѣ, такъ что очень можетъ быть, что вскорѣ онъ опять добьется портфеля.

Другой весьма интересный типъ—это бывшій министръ Кристи; онъ родомъ изъ Сициліи, но по происхожденію албанецъ. Никотера носитъ греческую фамилію, а самъ уроженецъ Неаполя. Оба вмѣстѣ принимали дѣятельное участіе въ заговорахъ Маццини, теперь же часто ведутъ между собой оживленную парламентскую войну, какъ будто желая поддержать преданіе старой вражды между Сициліей и Неаполемъ. Насколько Никотера ловокъ и уклончивъ, настолько же Кристи крутъ и упоренъ. Онъ старше Никотеры, ему 60 лѣтъ, но онъ полонъ огня и жизни. Адвокатурой онъ пріобрѣлъ себѣ большое состояніе. Не то чтобъ онъ отличался особеннымъ ораторскимъ талантомъ, но онъ знатокъ въ дѣлахъ и пользуется большимъ авторитетомъ въ судебномъ мірѣ: очень понятно вліяніе адвоката, который уже былъ министромъ и имѣетъ всѣ шансы вторично вступить на то же поприще. Оставшись демократомъ, онъ не отказываетъ себѣ ни въ лошадяхъ, ни въ каретахъ, ни въ лакеяхъ. Если лѣвая обязана Никотерѣ блестящею побѣдой надъ правой въ концѣ 1876 года, то Кристи, нѣсколькими недѣлями позднѣе, также оказалъ отечеству двойную важную услугу: его распорядительности обязаны тѣмъ порядкомъ и благочиніемъ, съ которыми совершились передача короны Виктора-Эммануила сыну его Гумберту и избраніе новаго папы. Его всѣмъ извѣстная энергія благотворно повліяла на общественное настроеніе и столь важные перевороты обошлись безъ всякихъ волненій; партія, стоявшая во главѣ правленія, съумѣла вполнѣ оправдать возложенное на нее довѣріе. Все предвѣщало Кристи продолжительную министерскую дѣятельность. Онъ такъ горячо добивался власти и такъ жаждалъ удержать ее, но ему повредило и заставило выйдти въ отставку надѣлавшее въ свое время не мало шума дѣло объ его двоеженствѣ.

Несмотря на его несомнѣнный талантъ, на его вѣсъ въ парламентѣ, этотъ эпизодъ до сихъ поръ остается помѣхой къ обратному вступленію его въ министерство. Многіе кромѣ того опасаются его своевластія,—онъ упорно стоитъ за свои принципы, никогда не колеблется въ своихъ мнѣніяхъ и потому часто сталкивается съ большинствомъ. Никотера гораздо уклончивѣе и уступчивѣе. Изреченіе: «Монархія насъ связываетъ, а республика бы разъединила», принадлежитъ Кристи; оно напоминаетъ слово, сказанное Тьеромъ во Франціи въ 1850 году: «Республика есть правительство, которое менѣе всѣхъ насъ разъединитъ». Кристи былъ, въ свое время, ревностнымъ приверженцемъ Маццини. Онъ вмѣстѣ съ нимъ устроилъ экспедицію въ Сицилію и втянулъ въ нее Гарибальди; въ Палермо онъ сдѣлался его статсъ-секретаремъ и, оставаясь всею душой сицилійцемъ, имѣлъ силу воли содѣйствовать Гарибальди въ распространеніи революціи въ Неаполѣ, что и осуществило объединеніе. Подобная заслуга способна искупить много грѣховъ, въ томъ и заключается сила государственныхъ мужей Италіи, что они ее создали, и не мудрено, что они ею и управляютъ.

Когда Кайроли въ первый разъ представлялся въ Квириналѣ (онъ тамъ не бывалъ при жизни Виктора-Эммануила), молодой король Гумбертъ, прежде нежели представить его королевѣ, обратился къ маленькому сыну: «Дитя мое, вотъ г. Кайроли! Это одинъ изъ тѣхъ мужей, которые создали Италію. Мы обязаны всѣхъ ихъ уважать». Кайроли былъ побѣжденъ этими простыми, сердечными словами.

За исключеніемъ небольшаго перерыва, Кайроли оставался министромъ съ марта 1878 до мая 1881 года и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени вернется на тотъ же постъ. Единственнымъ упрекомъ противъ него могутъ быть нѣкоторые промахи, сдѣланные по неопытности, но за то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ за собой репутацію неподкупной честности. «О насъ могутъ говорить что мы неспособны, но никогда не скажутъ, что мы нечестны», говорилъ онъ однажды на какомъ-то обѣдѣ, а въ другой разъ въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ онъ выразился такъ: «При мнѣ всегда останется чувство внутренняго удовлетворенія: я никогда не сдѣлалъ умышленной несправедливости политическому врагу, а друзьямъ не оказывалъ никакихъ преимуществъ,—всегда старался придерживаться лишь строгой справедливости».

Когда Гамбетта ѣздилъ въ Римъ въ 1878 году, онъ счелъ нужнымъ дать нѣсколько совѣтовъ государственнымъ дѣятелямъ въ Италіи и сказалъ въ заключеніе: «Программы—это пустыя слова: вся сила заключается въ дѣйствительности власти».—«Однако,—отвѣтилъ Кайроли,—я не считаю возможнымъ отступленіе отъ своихъ принциповъ, еслибы даже надѣялся этимъ достигнуть самаго желаннаго союза; человѣкъ безъ правилъ—ничтожество».

Между всѣми замѣчательными итальянцами новѣйшаго времени четверо господствуютъ надъ всѣми остальными: Викторъ-Эммануилъ, Гари-

бальди, Маццини и Кавуръ. Маццини сдѣлалъ починъ національнаго движенія, Кавуръ руководилъ имъ, Гарибальди и Викторъ-Эммануилъ осуществили переворотъ. Маццини и Кавуръ мало-по-малу отступаютъ на задній планъ и ихъ слава теряется въ туманномъ прошломъ, слава же двухъ бойцовъ, короля и генерала, растетъ съ каждымъ годомъ. Совѣсть народа въ одномъ единодушномъ порывѣ оцѣнила заслуги Виктора-Эммануила: его прахъ покоится въ Пантеонѣ и караулъ изъ старыхъ ветерановъ войны освобожденія постоянно охраняетъ его гробницу. Идутъ толки о сооруженіи ему громаднаго памятника и уже нѣсколько милліоновъ лиръ собраны въ парламентѣ, въ общинныхъ совѣтахъ и общественною подпиской. Какъ бы этимъ не испортили дѣла. Наполеонъ III за два года до 4-го сентября 1870 г. вздумалъ снять съ Вандомской колонны традиціоннаго Наполеона въ сѣромъ сюртукѣ и замѣнилъ императоромъ римской мантіи. Колонна была низвергнута во время коммуны; прахъ же Наполеона, покоющійся у инвалидовъ, остался не потревоженнымъ. Не извѣстно, какъ бы къ нему отнеслись, еслибы Наполеонъ успѣлъ осуществить свое смѣшное намѣреніе устроить въ аббатсвѣ Сенъ-Дени склепъ для четвертой династіи. Пожалуй, было бы лучше оставить Виктора-Эммануила какъ онъ есть, въ Пантеонѣ, съ простымъ памятникомъ надъ гробницей. Столѣтія пройдутъ и никто не потревожитъ его праха. Что можетъ быть славнѣе Пантеона? Тамъ покоится Рафаель, царь живописи; тамъ же подобаетъ быть и праху бойца итальянской свободы, перваго короля единой и независимой Италіи.

У итальянцевъ въ высшей степени развито усердіе къ поминовеніямъ. Традиціи Капитолія и Пантеона никогда не утратятъ своей силы.

Праздновались юбилеи: Данта, Петрарки, Микель-Анжело, Ломбардской лиги; празднуются и годовщины сраженій подъ Сольферино и Санъ-Мартино. 20 сентября, торжественный день вступленія въ Римъ въ 1870 году народнаго войска, освободившаго Италію, и 21 апрѣля, день основанія Рима, городъ гордо ликуетъ, насчитывая себѣ 26 столѣтій. Римъ—городъ прославленій. Народъ съ удовольствіемъ принимаетъ каждый новый праздникъ и не отказывается отъ прежнихъ. Въ Римѣ сливаются самыя разнородныя поклоненія и одно не мѣшаетъ другому. Мы и теперь еще видимъ въ Форумѣ древній храмъ Ромула и Рема, посвященный впослѣдствіи святымъ угодникамъ, братьямъ Козьмѣ и Даміану; народъ ничуть не удивится, если ему предложатъ посвятить тотъ же храмъ памяти двухъ братьевъ Бандіера, пострадавшихъ за единство Италіи.—Бюсты главныхъ дѣятелей народнаго освобожденія: Виктора-Эммануила, Маццини и Кавура находятся въ одной изъ залъ Капитолія, а другія болѣе второстепенныя личности украшаютъ гулянье на Монте Пинчіо. Одинъ только чужеземецъ удостоился занять мѣсто въ Капитоліи: это — великій славянскій поэтъ Мицкевичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ освободительной войнѣ 1848 года. Его бюстъ стоитъ вмѣстѣ съ прочими поборниками свободы

Италіи. Мраморныя таблицы указываютъ путешественнику на дома, гдѣ жили Мицкевичъ и великій германскій поэтъ Гёте. Сдѣлавшись столицей современнаго государства, Римъ остался вѣренъ словамъ своего стараго поэта Теренція: «Humani nil a me alienum esse, puto».

Римъ помышляетъ о всемірной выставкѣ; она задумана на 1885 годъ и продлится весь годъ, за исключеніемъ двухъ самыхъ знойныхъ мѣсяцевъ, іюля и августа. По этому случаю составились учредительные комитеты въ Римѣ и провинціяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что римская выставка отличится особеннымъ оригинальнымъ характеромъ. На всѣхъ выставкахъ артистическій отдѣлъ болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе публики. Промышленные отдѣлы особенно интересны для спеціалистовъ, понимающихъ толкъ въ машинахъ и другихъ произведеніяхъ, но каждый посѣтитель болѣе или менѣе интересуется искусствами. Нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ была бы болѣе умѣстна всемірная выставка искусства. Она не ограничится одними новѣйшими произведеніями,—предполагается сгруппировать школы всѣхъ странъ и всѣхъ столѣтій. Трудно сразу представить себѣ громадные размѣры подобной выставки, гдѣ соберутся не только сокровища, разбросанныя по всѣмъ галлереямъ Рима и Италіи, но рѣдкости всѣхъ публичныхъ и частныхъ галлерей обоихъ полушарій. Такая выставка была бы единственная въ своемъ родѣ и, несомнѣнно, имѣла бы громадный успѣхъ. Римъ по своему двойному, гражданскому и церковному, характеру можетъ представить не мало интереснаго и оригинальнаго. Проектъ выставки вызвалъ возраженіе, съ перваго взгляда основательное, а именно: въ городѣ, имѣющемъ менѣе милліона жителей, трудно будетъ помѣстить огромный наплывъ посѣтителей, слѣдовательно потребуются значительныя суммы на постройки. Но въ прекрасномъ климатѣ Италіи временныя постройки обойдутся гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ государствахъ; притомъ необычайный наплывъ посѣтителей не есть рѣдкость для Рима,—туда искони вѣковъ стекались массы народа на церковныя торжества. Почему же посѣтителямъ выставки будетъ труднѣе помѣститься, нежели богомольцамъ? Не въ томъ главная суть дѣла. Затрудненіе—въ самомъ характерѣ народа: и у лучшихъ людей часто является нерѣшительность, расположеніе откладывать всякое дѣло не потому, что оно само по себѣ неподходящее, а просто по какой-то врожденной мнительности. Срокъ открытія выставки долженъ былъ рѣшиться въ настоящей парламентской сессіи,—о томъ хлотали сенаторы и депутаты, участвующіе въ учредительныхъ комитетахъ,— но вдругъ кому-то представилось, что моментъ не совсѣмъ удобенъ, вслѣдствіе похода французовъ въ Тунисъ. Общественное мнѣніе поколебалось. Что же вышло?—Тѣмъ временемъ газеты сообщили ноту князя Бисмарка, возстающаго противъ размноженія всемірныхъ выставокъ, а телеграфъ вслѣдъ за этимъ передалъ извѣстіе, что палата торговли въ Берлинѣ желаетъ устроить всемірную выставку въ Берлинѣ въ 1885 году,—слѣдова-

тельно, въ срокъ, выбранный учредительными коммиссіями Италіи, которыя судили и рядили цѣлый годъ и все-таки не довели дѣла до конца.

Непріятныя послѣдствія похода французовъ въ Тунисъ еще далеко не кончились. Этотъ вопросъ давно виднѣлся на горизонтѣ и благомыслящіе люди Италіи и Франціи уже два года хлопочутъ объ его отстраненіи. Мнѣ пришлось самому видѣть въ декабрѣ 1878 года прелюбопытный, хотя не оффиціальный, документъ, представленный съ разрѣшенія итальянскаго правительства однимъ вліятельнымъ французомъ г. Ваддингтону, тогдашнему президенту совѣта и министру иностранныхъ дѣлъ Франціи. Въ немъ гласилось слѣдующее: «Тунисъ недавно былъ предложенъ Франціи и Италіи, съ намѣреніемъ бросить яблоко раздора между двумя народами и ослабить ихъ вліяніе въ Европѣ. Державы, расширившія свое вліяніе черезъ Берлинскій конгрессъ, въ которомъ ни Франція, ни Италія не пользовались настоящимъ правомъ голоса, отлично понимаютъ, что Франція, хоть ослабленная войной 1871 года, но твердо опирающаяся на единую Италію, не менѣе сильна Франціи 1855 года, союзницы незначительнаго Піемонтскаго королевства. Является очевидное желаніе возбудить между ними столкновеніе, въ томъ предположеніи, что Франція, взявшая Алжиръ въ 1430 году и съ того времени постепенно расширявшая свои владѣнія занятіемъ Константинской области и Кабиліи, не откажется еще дальше подвинуться на востокъ, тѣмъ болѣе, что для самолюбія нѣкоторыхъ французовъ присоединеніе Туниса можетъ показаться хоть незначительнымъ вознагражденіемъ за потерю Эльзаса и Лотарингіи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ побѣда Алжира представилась въ видѣ утѣшенія за потерю лѣваго берега Рейна. Всѣ данныя на то, что Франція соблазнится, а у ненавистниковъ ея еще на умѣ долголѣтнее недоброжелательство Англіи за взятіе Алжира. Очевидно, что присоединеніе Туниса къ Франціи сдѣлается нескончаемымъ источникомъ вражды съ Италіей, которой такъ же невыгодно владычество европейской державы въ Тунисѣ, сосѣднемъ съ Сициліей и Сардиніей, какъ было бы опасно для западной Европы занятіе Константинополя сѣверною державой. Мудрая политика должна предупредить возможность подобнаго столкновенія. Не слѣдуетъ забывать, что величіе Карѳагена потрясло могущество всесильнаго Рима. Франціи также невозможно допустить занятіе Туниса какою-нибудь другой державой. Ни Франція, ни Италія не могутъ отнестись равнодушно къ занятію Триполи Соединенными Штатами, о чемъ они видимо помышляютъ, заручившись уже портомъ Тоброкъ. Даже Англія взглянетъ на это съ опасеніемъ. Если разсмотрѣть по картѣ бассейнъ Средиземнаго моря, то мы увидимъ, какъ каждой европейской державѣ будто свыше назначено имѣть вліяніе на противоположный африканскій берегъ: Испаніи—на Морокко, Франціи—на Алжиръ, Италіи—на Триполи. Тунисъ, находящійся въ самой срединѣ бассейна, долженъ остаться нейтральнымъ и не подлежать никакому исключительному вліянію». Изъ предлагаемаго отрывка

видно, что опытные политики заранѣе поняли суть дѣла. Послѣ бѣдствій, постигшихъ Францію при паденіи второй имперіи, итальянцы, успокоенные насчетъ опаснаго соперничества, съ полнымъ сочувствіемъ обратились къ Франціи. Разумѣется, что франко-итальянская дружба можетъ существовать только при полной равноправности обѣихъ сторонъ. Самые монархическіе органы итальянской печати высказали надежду, что Французская республика укрѣпится, что послѣдуетъ умиротвореніе враждебныхъ партій и вслѣдъ за этимъ возрожденіе родственной націи. Кристи, прежній приверженецъ итальянско-германскаго союза, высказалъ годъ тому назадъ мнѣніе, что франко-итальянскій союзъ есть единственное средство сдѣлать отпоръ чрезмѣрной власти Германіи. Одинъ французскій писатель недавно издалъ книгу: «L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas». Въ этой книгѣ обличаются потаенные замыслы Италіи на присоединеніе Тріеста и Истріи къ своимъ владѣніямъ. Авторъ посвящаетъ книгу: «Ненавистнику галловъ Кристи». Въ отвѣтѣ на посвященіе Кристи предлагаетъ вопросъ: «Неужели у Франціи такъ много друзей въ Европѣ, что ей подобаетъ глумиться надъ народомъ родственнымъ ей по племени и нарѣчію». Нельзя похвалить автора за его очевидное желаніе посѣять раздоръ и озлобленіе. Сколько зла надѣлали льстецы имперіи своими нападками на Италію и другія страны! Какъ вредны вообще люди, потворствующіе страстямъ минуты! Чему тутъ удивляться, что нація, только-что возстановившая свое единство, мечтаетъ о неприкосновенности роднаго края и передаетъ дѣтямъ образъ отечества въ полномъ очеркѣ? Никто не осудилъ историка г. Теофиля Лавалѐ, начертившаго естественныя границы Франціи въ учебникѣ, одобренномъ академіей. Почему же не признать за итальянцами права чертить свои границы отъ вѣнца Альпъ и включить въ нихъ Истрію и Тріестъ? Странно то, что упрекъ, сдѣланный Италіи въ несоблюденіи границъ, назначенныхъ трактатами, высказанъ французомъ, сыномъ отечества, утратившаго незадолго передъ тѣмъ двѣ провинціи въ силу такого же трактата. Если правительство держитъ себя безукоризнено, то оно не заслуживаетъ нареканій. Не менѣе того народы, какъ и отдѣльныя личности, обязаны хранить свои идеалы,—безъ идеала все гибнетъ, все распадается.

Вопросъ, названный l'Italia irredenta, въ сущности не представляетъ ничего страшнаго. Онъ возникъ вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса. Вліяніе, присвоенное Австріей въ Босніи и Герцеговинѣ, внушило Италіи нѣкоторыя опасенія и указывало на необходимость обезпечить себя въ будущемъ. Самые ярые патріоты не помышляли о войнѣ; они хлопотали только о томъ, какъ бы національное чувство не задремало, и потому поставили себѣ задачей твердить юному поколѣнію, что есть еще неосвобожденныя итальянскія территоріи, о которыхъ не слѣдуетъ забывать. Вотъ настоящее значеніе возгласовъ: «Тріестъ и Трента», повторяющихся при каждой публичной манифестаціи, а особенно 10 марта, въ день смер-

ти Маццини, который былъ неутомимымъ поборникомъ единства Италіи и его послѣдователи, желая почтить его память и оказать услугу родинѣ, считають долгомъ проповѣдывать его именемъ окончательное возстановленіе отечества.

Внѣшняя политика играетъ весьма второстепенную роль въ Италіи. Во всѣ годы, когда правая управляла страной, Италія держалась въ сторонѣ отъ иностранной политики и была исключительно занята собственными дѣлами, т. е. своимъ объединеніемъ. Викторъ-Эммануилъ былъ въ то время самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ прекрасно понималъ свое положеніе и держался съ чувствомъ собственнаго достоинства, упроченнаго на династическихъ началахъ, насчитывающихъ себѣ четырнадцать столѣтій. Книга «Politica secreta italiana 1863—70» (итальянская секретная политика 1863—70 годовъ), изданная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, знакомитъ насъ съ ясностью взгляда и политическимъ пониманіемъ короля; тутъ же сообщены нѣкоторые переговоры, веденные черезъ третье лицо между королемъ и Маццини.

Въ 1870 году нѣкоторые французы упрекали итальянцевъ въ неблагодарности, но въ то время Италія не имѣла возможности оказать содѣйствіе Франціи. Викторъ-Эммануилъ съ радостью поспѣшилъ бы заплатить долгъ за Мадженту и Сольферино; но даже еслибы Римъ былъ уже переданъ французами Италіи, сомнительно, чтобы Маццини согласился дѣйствовать въ ихъ пользу: у него на душѣ осталась осада Рима въ 1849 г., онъ самъ сдѣлался жертвой обмановъ французскихъ дипломатовъ и его дантовское самолюбіе не переносило нравственнаго первенства Франціи, этой младшей отрасли латинскаго міра. Извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что послѣ пораженія Гарибальди подъ Ментаной, въ 1867 году, Маццини предложилъ Бисмарку сойтись съ нимъ, просилъ у него милліонъ на пропаганду и обѣщалъ отклонить Италію навсегда отъ всякаго содѣйстія Франціи. Это останется пятномъ въ жизни Маццини,—онъ готовъ былъ пожертвовать великими міровыми интересами, лишь бы ускорить объединеніе отечества; въ служеніи отечеству, какъ и всюду, не слѣдуетъ сворачивать съ прямаго пути; во всякомъ нечестномъ поступкѣ—гниль. Кавуръ также высказалъ свою долю макіавелизма въ 1860 г., завладѣвъ папскими территоріями подъ предлогомъ помѣшать вторженію Гарибальди. Король Викторъ-Эммануилъ и Гарибальди ни разу не измѣнили своимъ рыцарскимъ чувствамъ.

Правая весьма ловко довела дѣло народнаго объединенія; вся тактика дипломатовъ заключалась въ ихъ осторожности,—они отмалчивались. Для добрыхъ отношеній Франціи съ Италіей вышло прекрасно, что правая удержала власть до разрѣшенія римскаго вопроса. Послѣ паденія Наполеона III-го Тьеръ счелъ нужнымъ оставить въ портѣ Чивита-Веккія пароходъ «Оренокко», отданный имъ въ распоряженіе папы, и какъ будто забылъ, что Чивита-Веккія уже не входитъ въ составъ папскихъ владѣній.

Правая отнеслась къ этой неделикатности весьма равнодушно, лѣвая же, въ то время клонившаяся къ Германіи, несомнѣнно подняла бы шумъ. Лѣвая, вступивъ въ правленіе, застала восточный вопросъ въ полномъ разгарѣ. Опубликованныя депеши изъ «зеленой книги» доказываютъ, что правая не вникла въ суть дѣла и не поняла новыхъ обязанностей, возложенныхъ обстоятельствами на западныя державы. Не могло быть рѣчи о поддержкѣ Турціи, какъ это было въ 1854 году, — слѣдовало, напротивъ, подать руку помощи народамъ, стремящимся къ свободѣ и самостоятельности. Но и лѣвая мало сдѣлала. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Мелегари, отнесся съ сочувствіемъ къ болгарамъ, а президетъ совѣта Кайроли высказался во время Берлинскаго конгресса за расширеніе греческой территоріи и равноправность евреевъ. Итальянскіе государственные дѣятели часто повторяютъ ту же фразу: «Италія болѣе всего стремится быть въ Европѣ образцомъ порядка и свободы», и потому во внѣшней политикѣ придерживаются основнаго правила — не идти въ разрѣзъ съ великими державами, но и не принимать на себя никакихъ смѣлыхъ иниціативъ,—оказывать однако поддержку всякому справедливому дѣлу, что и было не давно доказано въ Мадридѣ, гдѣ собралось совѣщаніе для рѣшенія вопроса о протекторатѣ въ Морокко. Италія настояла на обезпеченіи правъ всѣхъ торговцевъ безъ различія вѣроисповѣданій и всѣхъ туземцевъ, имъ содѣйствующихъ. Хотя и промелькнетъ отъ времени до времени какая-нибудь тучка на горизонтѣ итальянской политики, но это большею частью не что иное какъ уловка военнаго вѣдомства съ цѣлью побудить парламентъ къ увеличенію бюджета на содержаніе и улучшеніе арміи.

Трудно представить себѣ положеніе, въ которомъ находилась Италія наканунѣ переворота; она несомнѣнно многимъ обязана Франціи, но возстановленіе было только доведено до половины, когда Франція отступилась, оставивъ Италію въ самомъ жалкомъ положеніи. Принято, вообще, что побѣжденные платятъ военную контрибуцію, Италія же, вышедшая побѣдительницей изъ борьбы 1859 года, должна была принять на себя часть долга, сдѣланнаго Австріей для ея угнетенія. Ея одиночество, вслѣдствіе недоброжелательства къ ней великихъ державъ, не дозволило ей взыскать съ виновниковъ плату за прежнія расхищенія. Пришлось обременить всѣхъ, даже самыхъ бѣдныхъ, тяжелыми налогами и запутаться огромными займами,—дефицитъ превышалъ 400 милліоновъ. Что было дѣлать?— Какъ-нибудь да надо было достигнуть pareggio, т. е. равновѣсія. Придумали налогъ на продовольственные припасы, весьма тяжелый для бѣднаго люда. Лѣвая хлопотала о скорѣйшей отмѣнѣ этого налога, что удалось ей въ скоромъ времени,—распредѣлили налогъ на нѣсколько категорій, которыя постепенно слагаются. Правительству также пришлось обратить въ свою пользу разныя подати, принадлежавшія общинамъ. Послѣдовало за тѣмъ обѣднѣніе многихъ изъ главныхъ городовъ, но нація относилась ко всѣмъ

этимъ стѣсненіямъ съ патріархальнымъ чувствомъ дѣтей, готовыхъ на всякія жертвы, лишь бы спасти отъ разоренія родительскій домъ,—когда поправятся дѣла, отецъ вознаградитъ дѣтей. Такъ оно и вышло. Правительство стало помогать общинамъ, наиболѣе другихъ обремененнымъ долгами. Дана, напримѣръ, субсидія Флоренціи, которой пришлось особенно тяжело отъ всѣхъ расходовъ перенесенія къ ней столицы изъ Турина и окончательнаго перенесенія столицы въ Римъ. Парламентъ также назначилъ порядочныя суммы муниципалитетамъ Рима и Неаполя на поддержку и улучшеніе общественныхъ зданій. Для Рима, впрочемъ, сдѣлано недостаточно. Правительству предлагали гарантировать заемъ въ 200 или 300 милліоновъ, сдѣланный городомъ, съ тѣмъ чтобы государство платило процентъ первое двадцатилѣтіе, а послѣднія двадцать лѣтъ сталъ бы платить самъ городъ; но правительство отказалось. А на эту сумму можно бы было создать столицу и прибавить третій городъ къ древнему и церковному Риму. И если нашлась возможность платить ежегодно, изъ уваженія къ прошлому, слишкомъ три милліона папѣ, то нечего было жалѣть нѣсколько милліоновъ процентовъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ на созданіе національной столицы. Но тутъ римляне сами виноваты,—они отнеслись къ вопросу довольно вяло: «Римъ-де не выстроился въ одинъ день; вѣдь онъ—вѣчный городъ». Каждому и кажется, что вѣчность передъ нимъ. Впрочемъ нечего и говорить, что все оживилось за послѣднія десять лѣтъ. Подъ папскимъ владычествомъ каждый охотно передавалъ свои дѣла Мадоннѣ; помолившись передъ ея иконой, на какомъ-нибудь перекресткѣ, ложились спать спокойно въ надеждѣ, что святая Владычица пришлетъ выигрышный билетъ въ лотерею. Хотя это учрежденіе по-прежнему еще играетъ важную роль въ жизни римлянъ, но все-таки, мало-по-малу, пробуждается въ нихъ сознаніе въ необходимости труда и въ томъ, что ежедневный заработокъ выходитъ существеннѣе молитвъ Мадоннѣ о выигрышномъ билетѣ. Всѣ просвѣщенные люди Италіи сознаютъ необходимость уничтожить лотереи, но ни одинъ министръ финансовъ не рѣшился приступить къ отмѣнѣ столь важной статьи государственнаго дохода: лотереи приносятъ милліоны барыша,—нечего и думать ихъ сразу отмѣнить, но помышляютъ какъ бы это сдѣлать постепенно. Министерство обнародовало нѣсколько любопытныхъ документовъ, выставляющихъ всѣ шансы правительства на выигрышъ въ лотерейной игрѣ и указывающихъ на самообольщеніе людей, рискующихъ своими деньгами на лотереи; но этимъ никто не разочаровался,—несомнѣнно, что существенная выгода правительству отъ этого безнравственнаго налога окажется въ сущности незначительной, если сравнить ее съ косвеннымъ ущербомъ, который приноситъ государству общественная лѣнь, порождаемая лотереями.

Вопросомъ дня въ настоящую минуту служитъ отмѣна смертной казни. Бывшій министръ юстиціи, теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ Манцини, опытный законовѣдъ, велѣлъ собрать по этому вопросу самыя по-

дробныя свѣдѣнія и приложилъ отъ себя замѣчательный докладъ. Необходимость этой реформы явилась вслѣдствіе проекта объединенія свода закона для всей Италіи. Въ Тосканѣ уже уничтожена смертная казнь и тосканцы отказались принять сводъ законовъ, гдѣ эта кара еще въ силѣ. Вопросъ о разводѣ также на очереди и пожалуй разрѣшится скорѣе на берегахъ Тибра, чѣмъ на берегахъ Сены. Не разъ уже приходилось удивляться, что реформы, отвергнутыя во Франціи черезъ вліяніе духовенства, получали право гражданства въ Италіи, въ двухъ шагахъ отъ Ватикана. Въ Италіи уже нѣсколько лѣтъ какъ уничтожены духовныя конгрегаціи, введена воинская повинность и право женитьбы для всѣхъ, не исключая духовенства. Парламентъ занятъ въ настоящую минуту разработкой еще двухъ вопросовъ—запросомъ о состояніи земледѣлія и обсужденіемъ легальной проституціи. Изслѣдованія по обоимъ предметамъ поручены д-ру Бертани, старому другу Мацциии, засѣдающему въ крайней лѣвой римскаго парламента. Д-ръ Бертани пришелъ къ заключенію, что дома терпимости суть возмутительныя явленія въ просвѣщенномъ столѣтіи и что если людямъ нельзя силой навязать добродѣтель, то и не слѣдуетъ поощрять развратъ. Онъ ссылается на свой авторитетъ, какъ извѣстнаго и опытнаго врача, и доказываетъ весьма подробными статистическими таблицами и разнообразными примѣрами изъ практики, что мнимая безопасность домовъ терпимости есть не что иное какъ жалкая насмѣшка.

Изслѣдованія объ аграрномъ вопросѣ также очень важны. Италія— страна плодородная, а крестьяне отъ голоду тысячами эмигрируютъ каждый годъ. Политическій переворотъ совершился, не затронувъ никакихъ соціальныхъ условій; нельзя было приступить сразу къ ломкѣ, чтобы не рискнуть своимъ существованіемъ. При теперешнемъ расширеніи избирательнаго права, парламентъ скорѣе выслушаетъ и лучше пойметъ желанія и нужды народа. Забота объ улучшеніи народнаго быта есть прямое послѣдствіе его призыва къ избирательству. Если нѣтъ еще общей подачи голосовъ, то къ тому подвигаются при обязательномъ обученіи и избирательномъ правѣ каждаго, прошедшаго второй элементарный классъ.

Недавно происходили въ Римѣ частные муниципальные выборы, предшествующіе общимъ выборамъ. Прошло много клерикаловъ, чего и ожидали,—въ Римѣ партія духовенства еще довольно сильна и хорошо организована. Когда либералы всѣхъ партій соединяются, то они пересиливаютъ противниковъ, но теперь они разъединены. Пока клерикалы протестовали противъ присоединенія Рима къ королевству, умѣренные монархисты не могли соединиться съ ними; теперь же это сліяніе стало возможнымъ подъ вліяніемъ общихъ консервативныхъ интересовъ и многіе находятъ, что можно быть вѣрными сынами церкви, признавая монархическую власть короля и единство отечества. Нѣкоторые же либералы поступаютъ такъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ Тьеръ. Онъ въ 1844 году подалъ докладъ противъ іезуитовъ и доказывалъ необходимость изгнать ихъ изъ государства, а на

другой день февральской революціи 1848 года помирился съ архіепископомъ парижскимъ и черезъ вліяніе духовенства попалъ въ учредительное собраніе. До настоящаго времени духовныя лица въ Италіи держатся въ сторонѣ, не принимая участія въ политическихъ выборахъ, чтобы не присягать королю и не сдѣлаться такимъ образомъ соучастниками дѣяній, преданныхъ церковью анафемѣ; они участвуютъ въ однихъ муниципальныхъ выборахъ, гдѣ нѣтъ присяги и гдѣ дѣло идетъ о мѣстныхъ интересахъ, не тревожныхъ для совѣсти этихъ папскихъ пуристовъ. Надо полагать, что въ скоромъ времени клерикальная партія, забывъ любимую поговорку Ватикана: «Не быть ни избирателями, ни избираемыми», также какъ и другія, вмѣшается въ парламентскую борьбу, имѣя въ виду поддержку консерваторовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Италіи найдутся политическіе дѣятели, которые захотятъ, въ интересахъ церкви, разыграть въ парламентѣ роль Монталамбера и Фаллу и подражать Франціи и Бельгіи, гдѣ подобныя партіи тормозили свободу, не оказавъ никакой дѣйствительной услуги церкви.

Современная литература Италіи представляетъ не много замѣчательнаго: иностранныхъ авторовъ совсѣмъ не читаютъ, а своихъ мало. Общественное вниманіе устремилось въ другое направленіе; вся забота—въ матеріальномъ улучшеніи края: хлопочутъ о распространеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, о развитіи различныхъ отраслей промышленности, чтобы скорѣе прекратить тягостную зависимость отъ заграничныхъ рынковъ. Не дошли еще до системы протекціонизма, но нѣтъ уже въ торговыхъ трактатахъ прежней уступчивости, пущенной въ ходъ Кавуромъ съ цѣлью задобрить западныя державы, безъ которыхъ единство Италіи не могло осуществиться.

Z*.

Римъ.
Іюль 1880 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Вопросы дня.

Урожай нынѣшняго года, какъ благопріятное условіе для улучшенія нашего экономическаго и всего общественнаго строя.—Необходимость сокращенія нѣкоторыхъ статей государственнаго бюджета и увеличенія производительныхъ расходовъ.—Земство и администрація въ борьбѣ съ повальными болѣзнями скота. — Настоятельная потребность въ распространеніи земскихъ учрежденій на все пространство Европейской Россіи и Сибири. — Высочайшій указъ объ упраздненіи Оренбургскаго генералъ-губернаторства. — Необходимость фабричнаго закона и закона о печати.

Большая часть извѣстій, приходящихъ со всѣхъ концовъ Россіи, подтверждаетъ надежды на хорошій урожай въ нынѣшнемъ году. Такимъ образомъ мужику, наконецъ, можно будетъ вздохнуть нѣсколько посвободнѣе. Трудно ожидать, чтобы цѣна на хлѣбъ сильно понизилась, такъ какъ неудовлетворительный урожай въ Германіи вызоветъ значительный спросъ русскаго хлѣба за границу. Но во всякомъ случаѣ нынѣшній годъ можетъ послужить *началомъ конца* нашего хроническаго экономическаго разстройства, если будутъ приняты обширныя и энергическія мѣры. Въ числѣ этихъ мѣръ одна, по всѣмъ извѣстіямъ, рѣшена правительствомъ въ принципѣ и дѣло стоитъ только за опредѣленіемъ наилучшаго способа ея осуществленія. Мы говоримъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Въ коммиссіи экспертовъ по этому вопросу, какъ извѣстно, было высказано два мнѣнія: одни, съ г. Самаринымъ во главѣ, стояли за одинаковое пониженіе выкупныхъ платежей по всей Россіи; другіе (гг. Горчаковъ, Наумовъ, Оленинъ, Шатиловъ) указывали на необходимость пониженія, пропорціональнаго стоимости земли въ различныхъ губерніяхъ. Конечно, для правильнаго разрѣшенія вопроса слѣдуетъ предварительно договориться о томъ, *что* было предметомъ выкупа. Такъ какъ, по нашему мнѣнію, выкупалась исключительно земля, то единственно-справедливою мѣрою намъ представляется пониженіе выкупныхъ платежей въ соотвѣтствіи съ дѣйствительною цѣнностью земли. Недостатокъ точныхъ статистическихъ данныхъ для всей Имперіи (для многихъ мѣстностей

они существуютъ) не можетъ служить возраженіемъ, потому что губерніи можно разбить на группы, предоставивъ каждой группѣ и каждой губерніи нѣкоторый просторъ въ распредѣленіи суммы, на которую понижаются выкупные платежи. Во всякомъ случаѣ, при одинаковомъ по всей Имперіи уменьшеніи этихъ платежей, будетъ оказана гораздо болѣе значительная несправедливость, такъ какъ заставлять платить равную сумму съ почти не приносящей дохода земли въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской, напримѣръ, губерніи и съ благодатнаго чернозема—значитъ взваливать на плечи сѣверянина и южанина разныя тяжести.

Пониженіе выкупныхъ платежей, очевидно, должно произойти не на счетъ новыхъ налоговъ или возвышенія существующихъ податей, а путемъ сокращенія государственныхъ расходовъ. Въ послѣднее время въ газетахъ появилось извѣстіе, что предполагается уменьшить нашъ бюджетъ на сто милліоновъ, въ томъ числѣ военные расходы сократятся будто бы на шестьдесятъ милліоновъ, а остальные сорокъ милліоновъ распредѣлятся по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ. Трудно повѣрить, къ сожалѣнію, чтобы такое громадное сокращеніе государственныхъ издержекъ было произведено въ дѣйствительности. Безспорно, что до настоящаго времени правительство производило не мало безполезныхъ затратъ, таковы, напримѣръ, знаменитыя морскія коровы вице-адмирала Попова, поглотившія десятки милліоновъ рублей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что значительныя суммы расходятся по карманамъ членовъ различныхъ департаментовъ, отдѣленій и канцелярій. Но—намъ приходится высказывать это мнѣніе едва ли не въ сотый разъ—государственное хозяйство всякой страны, въ особенности столь исполинской, какъ Россія, отличается такою сложностью, что правильное веденіе его возможно только при общественномъ контролѣ. Самыя великодушныя, самыя разумныя намѣренія власти безъ этого условія будутъ искажены при ихъ дѣйствительномъ осуществленіи.

Очевидно также, что сокращеніе военныхъ расходовъ зависитъ не отъ доброй только воли нашего правительства, а отъ общаго состоянія Европы и отчасти Азіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи обстоятельства сложились для насъ, вслѣдствіе *дружественной* политики Германіи и Австро-Венгріи, не особенно благопріятно. Восточный вопросъ, для разрѣшенія котораго въ желательномъ для славянства и Россіи смыслѣ мы употребляли такія усилія и принесли такія тяжкія жертвы, вновь усложняется, благодаря нѣмецкимъ интригамъ и уланскимъ разрѣшеніямъ государственныхъ вопросовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Разумѣется, и это препятствіе для нашего внутренняго успокоенія можетъ быть устранено хотя бы сближеніемъ съ Великобританіей и Франціей.

Но въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ желательно видѣть, кромѣ сокращенія малополезныхъ и совершенно безполезныхъ расходовъ, и другое измѣненіе, именно—увеличеніе необходимыхъ, величайшей важности

расходовъ. Конечно, первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ развитіе народнаго образованія. Начальная народная школа, созданная, главнымъ образомъ, усиліями нашего земства, требуетъ большихъ затратъ для своего дальнѣйшаго укрѣпленія и развитія. На обязанности государства лежитъ ассигновать изъ собираемыхъ съ народа сотенъ милліоновъ нѣсколько десятковъ милліоновъ на распространеніе образованія среди массы населенія. Начальная народная школа требуетъ, кромѣ того, значительнаго расширенія ея программы и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ, измѣненій въ ея устройствѣ и управленіи. Недавно бугурусланское уѣздное земство (Самарской губерніи) единогласно постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о «преобразованіи всей школьной системы въ томъ направленіи, чтобы начальное образованіе было неразрывно связано съ среднимъ образованіемъ, и лицамъ, окончившимъ курсъ начальной школы, но желающимъ и имѣющимъ матеріальную возможность продолжать ученіе, былъ открытъ доступъ въ среднеучебную школу».

По замѣчанію *Порядка*, это — первое ходатайство въ пользу единообразія «школьной системы и уничтоженія почти сословнаго характера разныхъ ступеней образованія. Не говоря о чрезвычайной важности земскаго ходатайства по существу, невольно обращаетъ на себя вниманіе совпаденіе слѣдующихъ обстоятельствъ: во-первыхъ, починъ въ возбужденіи ходатайства принадлежитъ гласному крестьянину, г. К. Р. Руфимову; во-вторыхъ, *единогласное* постановленіе земства; въ-третьихъ, категорическое отрицаніе земствомъ права на названіе образованія, при нынѣшней его системѣ, *народнымъ*. Совокупность этихъ обстоятельствъ представляетъ довольно убѣдительное доказательство въ пользу того, что общество давно переросло тѣ искуственныя рамки, въ которыя было втиснуто школьное дѣло еще въ крѣпостную эпоху и, наперекоръ заявленіямъ общества и требованіямъ жизни, удерживается до сихъ поръ».

Не менѣе, конечно, желательно развитіе средняго и высшаго образованія. Въ настоящее время недостаточность учебныхъ заведеній чувствуется почти повсемѣстно. *Московскій Телеграфъ* (№ 190) справедливо говоритъ, что отказъ въ образованіи, «другими словами — непріемъ въ учебныя заведенія всѣхъ желающихъ, по недостатку образовательныхъ средствъ, безспорно, представляетъ одно изъ самыхъ печальныхъ и несправедливѣйшихъ явленій въ нашей жизни. Между тѣмъ чуть ли не каждый день изъ разныхъ мѣстъ получаются извѣстія о недостаткѣ образовательныхъ средствъ, о закрытіи параллельныхъ классовъ, о сокращеніи числа учащихся».

Въ городѣ Николаевѣ, напримѣръ, закрыты параллельныя отдѣленія при III и IV классахъ реальнаго училища. 34 ученика того же училища, перешедшіе изъ VI класса въ VII, уволены *за недостаткомъ мѣста*. Родители уволенныхъ отъ образованія дѣтей подали въ мѣстную думу

коллективное прошеніе, въ которомъ *умоляютъ* думу войти въ ихъ бѣдственное положеніе. «Въ своемъ прошеніи,—какъ сообщаетъ мѣстная газета,—родители указываютъ, между прочимъ, что при училищѣ имѣется обширная зала педагогическаго совѣта, въ которой засѣданія совѣта бываютъ всего 7—8 разъ въ годъ, такъ что ее можно было бы отвести подъ помѣщеніе VII-го класса. Изъ преній думскихъ гласныхъ выяснилось, что для нихъ распоряженіе педагогическаго совѣта объ увольненіи 34-хъ учениковъ является «неожиданнымъ сюрпризомъ», а между тѣмъ городъ отпускаетъ на содержаніе училища ежегодно 8.720 рублей».

Не хватаетъ мѣста для желающихъ учиться въ Пензѣ. Мѣстныя *Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ, что въ женскихъ гимназіяхъ закрыты два (параллельныхъ) класса. Не помѣщаются дѣти и въ начальныхъ училищахъ. Еще въ худшемъ положеніи находится ремесленное образованіе. Цѣлая треть городскаго населенія, по словамъ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, занимаются прасольствомъ, то-есть «скупкою продуктовъ, доставляемыхъ въ городъ изъ деревень, и перепродажей ихъ по мелочамъ. Запретить это кулачество, по мнѣнію газеты, нельзя, такъ какъ тогда масса горожанъ буквально останется безъ куска хлѣба. Между тѣмъ ремесла въ городѣ развиты весьма слабо, такъ что почти всѣ ремесленныя произведенія идутъ со стороны».

Отказывается и въ удовлетвореніи общественной потребности получить высшее образованіе. Московскій университетъ, по недостатку средствъ, былъ вынужденъ ограничить число студентовъ медицинскаго факультета (будетъ приниматься только 250 человѣкъ на курсъ). Между тѣмъ открытіе медицинскаго факультета въ Одесскомъ университетѣ откладывается отъ году на годъ. Въ печати появилось извѣстіе о предполагаемомъ будто бы закрытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ, такъ какъ для правительства обременительно ихъ содержаніе (12.000 р. въ годъ). Мы думаемъ, что съ нами согласится подавляющее большинство русскаго общества, когда мы назовемъ подобный порядокъ вещей ненормальнымъ и крайне прискорбнымъ. Народное образованіе требуетъ новыхъ средствъ, а не сокращенія прежде отпускавшихся суммъ. Мы не можемъ откладывать образованіе. На обществѣ, на государствѣ и органахъ самоуправленія лежитъ святая обязанность удовлетворить быстро растущей потребности выйти изъ состоянія невѣжества, въ которое погружено большинство населенія Имперіи. Для сбереженій представляется обширное поле въ другихъ отрасляхъ управленія. *Голосъ* (№ 192), наприм., указываетъ на слѣдующее обстоятельство. На всемъ пространствѣ входящихъ въ наши предѣлы береговъ Чернаго моря только кавказская часть ихъ обилуетъ корабельнымъ лѣсомъ. Съ развитіемъ каботажнаго флота на Черномъ морѣ, дѣвственные запасы лѣсовъ кавказскаго берега окажутъ русскому морскому дѣлу безцѣнныя, въ полномъ смыслѣ слова, услуги. Во всякомъ случаѣ корабельный лѣсъ—одно изъ тѣхъ государственныхъ

достояній, которое всѣ европейскія правительства хранятъ какъ зеницу ока, потому что подобные дары природы не могутъ быть создаваемы искуственными средствами.

«Въ настоящее время, какъ сообщаютъ намъ, кавказская администрація проектируетъ часть этого лѣса, находящуюся въ прибрежной полосѣ Абхазіи, раздать въ награду за заслугу чиновникамъ, а часть—дачу на рѣкѣ Бзыби, въ размѣрѣ 100.000 десятинъ—отдать въ аренду частному лицу. Мы рѣшительно не знаемъ, когда, наконецъ, государство выплатитъ всѣ свои долги кавказскому чиновничеству за его заслуги отечеству, чтобы положить конецъ столь хищнической системѣ эксплуатаціи государственныхъ имуществъ! Давно ли, всего нѣсколько недѣль назадъ, этому чиновничеству пожаловано 45 десятинъ нефтяныхъ источниковъ для образованія эмеритальнаго фонда! Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были безмѣрны эти заслуги, о которыхъ, впрочемъ, Россіи ничего не извѣстно, нельзя ради ихъ поступаться государственными интересами столь высокой важности, какъ обезпеченіе нуждъ русскаго флота корабельнымъ лѣсомъ. Столь же мало отвѣчаетъ государственной экономіи идея отдачи одному лицу въ арендное пользованіе огромной лѣсной дачи, площадью во сто тысячъ десятинъ, представляющей нынѣ уже послѣднее убѣжище пальмовыхъ рощъ, повсемѣстно вырубленныхъ».

Московскій Телеграфъ посвятилъ нѣсколько обстоятельныхъ статей разбору того, кому и какъ даются у насъ наградныя деньги, общая сумма которыхъ равняется $4^1/_2$ милліонамъ рублей ежегодно. Оказывается, что эта сумма совершенно неравномѣрно распредѣляется по отдѣльнымъ вѣдомствамъ; притомъ эти награды преимущественно получаютъ лица, принадлежащія къ составу высшей администраціи и занимающія мѣста въ центральныхъ учрежденіяхъ. Болѣе милліона «въ своемъ распоряженіи для чиновниковъ своего вѣдомства имѣетъ министерство финансовъ, а между тѣмъ три такія громадныя вѣдомства, какъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, довольствуются всѣ вмѣстѣ 249.985 р., т. е. менѣе чѣмъ одною четвертою частью расхода министерства финансовъ. Почему министерству государственныхъ имуществъ для наградъ и пособій по своему вѣдомству требуется не менѣе какъ 182.278 руб., а для министерства путей сообщенія и для министерства почтъ и телеграфовъ вмѣстѣ достаточно только 80.189 рублей? Неужели въ этихъ двухъ вѣдомствахъ настолько меньше служитъ чиновниковъ, или они богаче чиновниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ?... На всѣ такіе вопросы отвѣтъ можетъ быть одинъ: такъ разсудило высшее начальство, ибо никакого закона, на основаніи котораго распредѣлялись бы смѣтныя назначенія расходовъ на награды и пособія по вѣдомствамъ и управленіямъ, не имѣется. Отъ того и возможно ассигновать для чиновниковъ государственной канцеляріи (28.850 руб.) и II отдѣленія (15.230 руб.) 44.080 р., т. е. на 668 руб. болѣе, чѣмъ на все вѣдомство министерства юстиціи

(43.412 руб.) и на 13.868 руб. болѣе, чѣмъ на все министерство народнаго просвѣщенія».

По смѣтѣ, напримѣръ, министерства внутреннихъ дѣлъ на награды и пособія чиновникамъ центральныхъ управленій ассигновано 103.883 р., а по мѣстнымъ управленіямъ только 37.581 руб. Подобное же распредѣленіе существуетъ и въ другихъ министерствахъ и вѣдомствахъ. *Московскій Телеграфъ* (№ 186) приходитъ послѣ подробнаго разбора цифровыхъ данныхъ къ слѣдующимъ, вполнѣ справедливымъ, заключеніямъ: «Расходъ государства на денежныя награды и денежныя пособія чиновникамъ есть расходъ весьма значительный въ сравненіи съ другими, болѣе полезными для государства, расходами. Распредѣленіе и употребленіе этого расхода не опредѣлено никакими законами и зависитъ отъ «усмотрѣнія», и поэтому для чиновничества этотъ расходъ вовсе не приноситъ той пользы, какую могъ бы приносить. $4^1/_2$ милліонная сумма на награды и пособія, нисколько не содѣйствуя матеріальному благосостоянію чиновничества, только деморализуетъ его, развивая въ немъ искательство и угодливость и составляя въ рукахъ начальства надежное средство подбирать чиновниковъ не въ интересахъ службы, а по своему вкусу. Поэтому мы увѣрены, что денежныя награды и пособія чиновникамъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, будутъ вычеркнуты изъ государственнаго бюджета и замѣнены другими, дѣйствительными, обезпеченіями быта чиновниковъ, основанными на разумныхъ и справедливыхъ началахъ».

Къ величайшему сожалѣнію, мы не можемъ раздѣлять увѣренности почтенной газеты въ близкомъ исцѣленіи нашихъ недуговъ, такъ какъ мудрено допустить, чтобъ администрація сама наложила на себя руку. Намъ очень часто приходилось указывать на то печальное обстоятельство, что русская бюрократія вяло дѣйствовала и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея интересы не подвергались никакой опасности, когда нужно было употребить энергическія мѣры, чтобъ остановить паденіе въ томъ или другомъ отношеніи народнаго благосостоянія. Въ нынѣшнемъ году, кромѣ пожаровъ, громадный ущербъ приноситъ чума рогатаго скота. Надо надѣяться, что администрація на этотъ разъ выступитъ на дѣятельную борьбу съ этою повальною болѣзнью, иначе странѣ грозитъ положительно бѣдствіе. Изъ Луги (Петербургской губерніи) пишутъ въ *Голосъ*, что падежъ скота разоряетъ и безъ того недостаточныхъ крестьянъ. Чума появилась въ Пензѣ, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Порядка*. Въ Новой-Ладогѣ падежъ лошадей отъ сибирской язвы все усиливается. Поговариваютъ, что въ скоромъ времени придется прекратить тягу судовъ лошадьми по Сясьскому каналу. Сибирская язва свирѣпствуетъ въ Новгородской губерніи, перешла оттуда въ Псковскую и уже губитъ скотъ въ пяти уѣздахъ *). Извѣстно, что въ Самарской губерніи въ теченіе одного только 1879 года

---

*) *Русскія Вѣдомости*, № 190.

крестьяне лишились 212.963 головъ скота и 32.094 семьи остались совсѣмъ безъ лошадей и коровъ. Въ Саратовской губерніи, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета, скота погибло въ 1879 и 1880 годахъ 533.775 головъ. Чума нынѣшнимъ лѣтомъ сильно распространилась по нѣкоторымъ уѣздамъ Московской губерніи и проникла въ Тверскую губернію, несмотря на энергическія усилія тверскаго земства. 23 іюня, на чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Твери, членъ управы. П. А. Корсаковъ, доложилъ о принятыхъ уже мѣрахъ для борьбы съ усиливающимся бѣдствіемъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ появляется чума, управа «прежде всего ставитъ скотъ на дворы, въ которыхъ онъ содержится на средства земства, и оцѣпляетъ деревню карантиномъ. Если скотъ продолжаетъ падать и въ дворахъ, то приступаютъ къ избиванію скота, разрѣшенному правительствомъ. За убитую корову земство платитъ до 20 руб., за петель—10 и за теленка 4 руб. Теперь чума держится въ Зубцовскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ Дмитровѣ и Горловѣ, и въ Старицкомъ уѣздѣ, въ деревн. Сухолжинѣ и Ваневѣ. Въ селеніяхъ, которыя о появленіи чумы своевременно увѣдомили управы, какъ, напр., Русаково и Абутьково, чума карантинными мѣрами была остановлена, а гдѣ извѣщали поздно, дней черезъ 10 послѣ появленія чумы, тамъ скотъ весь выпадалъ. Такъ въ д. Рябинкахъ, Ульяновской волости, Зубцовскаго уѣзда, пало 100 штукъ скота и 47 убито. Управа сочла необходимымъ ходатайствовать о командированіи эскадрона, стоящаго въ Ржевѣ, уланскаго полка для содержанія карантина по Волоколамской границѣ, такъ какъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ развивается чума, которая можетъ быть занесена оттуда скотомъ, кожами и т. д. Въ предупрежденіе провоза такихъ вещей разставлены по всѣмъ дорогамъ изъ Волоколамскаго уѣзда уланскіе пикеты. Мѣра эта приноситъ существенную пользу. Такъ, если въ нынѣшнемъ году ярмарка въ Погорѣломъ-Городищѣ не послужила къ распространенію чумы, то это потому, что на ярмаркѣ не было торговцевъ скотомъ и кожей изъ Волоколамскаго уѣзда. На границѣ Гжатскаго уѣзда, за недостаткомъ уланъ, разставлены спеціально нанятые земскіе стражники. Всѣ эти мѣры принесли существенную пользу, и если въ настоящемъ году чума, появившаяся уже около мѣсяца тому назадъ, не распространилась на значительное число селеній, то это можетъ быть объяснено только принятыми мѣрами. Мѣры эти стоютъ не дешево. Одна добавка содержанія уланъ стоитъ 191 руб. въ недѣлю и за симъ земство платитъ разницу между дѣйствительной и справочною цѣной провіанта, имъ идущаго; содержаніе ветеринаровъ, стражниковъ, вознагражденіе за убитый скотъ—все это стоитъ до 6.000 руб. въ мѣсяцъ» *).

Къ сожалѣнію, заслуживающая глубокаго уваженія дѣятельность тверской губернской земской управы не въ состояніи принести значительной

*) *Тверской Вѣстникъ*, № 26.

пользы, по не зависящимъ отъ земства причинамъ. Еще въ прошломъ году тверское земство ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи съѣзда представителей Тверской и сосѣднихъ съ нею губерній для выработки общихъ мѣръ противъ распространенія чумы скота. На это ходатайство послѣдовалъ отказъ. Теперь оказывается, что управа принуждена была устроить карантинъ по всей границѣ Волоколамскаго уѣзда Московской губерніи (откуда проникла зараза) лишь потому, что оцѣпленіе однихъ зараженныхъ мѣстъ было бы возможно единственно при совмѣстной дѣятельности съ сосѣднею губерніей, а на такую совмѣстную дѣятельность не получено разрѣшенія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тверское губернское земское собраніе постановило возобновить передъ правительствомъ ходатайство о съѣздѣ представителей земствъ Тверской и шести сосѣднихъ съ нею губерній. Новый отказъ правительства, если таковой послѣдуетъ, поведетъ и къ новому, весьма серьезному разстройству сельскаго хозяйства, преимущественно крестьянскаго. Земскимъ ходатайствамъ вообще не счастливится. Но удовлетвореніе насущныхъ потребностей народной жизни не можетъ откладываться надолго, безъ глубокаго потрясенія общественнаго строя. Правительству уже случалось признавать основательность требованій, въ которыхъ земства получали отказъ. Такъ въ прошломъ году тульское и владимірское земства ходатайствовали объ отмѣнѣ солянаго налога, и ходатайство это было оставлено безъ послѣдствій. Прошло весьма немного времени, и по Высочайшему повелѣнію соляной налогъ былъ уничтоженъ. Мы твердо увѣрены, что такова будетъ судьба постановленія тверскаго губернскаго земскаго собранія, составляющаго öffentliches Geheimniss, какъ говорятъ нѣмцы.

Земскія учрежденія, уже принесшія великую пользу, пора бы ввести и въ тѣхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ еще господствуютъ старые порядки. Читателямъ извѣстно, къ какимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ до настоящаго времени ведутъ приказный судъ и канцелярское управленіе. Правительство понемногу принимаетъ мѣры къ уравненію отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, и надо надѣяться, что западная Россія и Сибирь въ скоромъ времени получатъ земскія учрежденія. Важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 11 іюля нынѣшняго года, которымъ упраздняется должность оренбургскаго генералъ-губернатора. Управленія въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской и въ областяхъ Тургайской и Уральской повелѣно установить на правилахъ общаго губернскаго учрежденія и особыхъ, изданныхъ для этихъ губерній, мѣстныхъ узаконеній.

Изъ другихъ очередныхъ вопросовъ сильно выдвинулся впередъ вопросъ о необходимости изданія фабричныхъ законовъ. При Петербургскомъ градоначальствѣ учреждена коммиссія, подобная той, которую уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ учредилъ московскій генералъ-губернаторъ.

«Положеніе восьмидесятитысячнаго *фабричнаго населенія Петербурга* обратило на себя серьезное вниманіе петербургскаго градоначальника.

Возбудивъ вопросъ о составленіи новаго фабричнаго устава, генералъ-майоръ Барановъ, какъ сообщаетъ газета *Голосъ*, не считаетъ возможнымъ ограничиться одною законодательною мѣрою. По его мнѣнію, въ Петербургѣ необходимъ особый органъ, который постоянно и систематически могъ бы слѣдить за отношеніями между фабрикантами и фабричными рабочими, вѣдать существующія на каждой фабрикѣ правила для рабочихъ, слѣдить за нуждами какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, улаживать и даже предупреждать возможныя между ними столкновенія. Такимъ органомъ можетъ быть особый, фабрично-заводскій отдѣлъ въ составѣ Петербургскаго градоначальства, подобно тому, какъ въ немъ есть отдѣлы городской, о происшествіяхъ и др. Къ необходимости такого отдѣла единогласно пришла также состоявшая подъ предсѣдательствомъ градоначальника и покончившая уже свои занятія коммиссія по вопросу обезпеченія положенія столичныхъ фабрикъ, заводовъ и рабочихъ. Дѣйствительно, учрежденіе отдѣла, который вѣдалъ бы спеціально интересы многочисленнаго класса столичнаго населенія, притомъ класса тѣсно скученнаго и нерѣдко крайне нуждающагося, составляетъ весьма серьезную общественную потребность. Эта потребность всего ощутительнѣе при нынѣшнемъ стѣсненномъ положеніи нашей промышленности, которое повлекло за собою уменьшеніе работъ на фабрикахъ и заводахъ и, вслѣдствіе этого, сокращеніе числа рабочихъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ упомянутою выше коммиссіей, въ 1880 году на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ состояло рабочихъ 78.194 человѣка, въ настоящее же время состоитъ 72.754 человѣка; такимъ образомъ въ теченіе года отпущено 5.440 рабочихъ. За недостаткомъ работъ предполагается отпустить еще болѣе 7.000 человѣкъ».

Въ фабричную коммиссію, учрежденную княземъ В. А. Долгоруковымъ, предсѣдательствующій членъ ея, г. Саблинъ, внесъ предложеніе, сходное съ мыслью петербургскаго градоначальника. Г. Саблинъ говоритъ слѣдующее: «Знакомство съ настоящимъ состояніемъ фабрикъ, порядкомъ полученія разрѣшенія на ихъ открытіе и указанія, сдѣланныя по этому поводу въ докладѣ (г. Саблина), достаточно убѣждаютъ въ необходимости учрежденія, вѣдающаго фабричныя дѣла, на сколько они касаются общественной безопасности. Соотвѣтственно современному порядку завѣдыванія фабричными дѣлами, требованію, чтобы въ разрѣшеніи дѣлъ этого рода участвовали представители извѣстныхъ знаній,—представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобъ учрежденіе это находилось въ вѣдѣніи высшей администраціи и заключало бы представителей города, земства и спеціалистовъ по части знанія русскаго фабричнаго законодательства, медицины, архитектуры и техники».

Г. Саблинъ предлагаетъ коммиссіи вопросъ: долженъ ли въ составъ проектируемаго комитета входить хоть одинъ фабрикантъ? (По нашему мнѣнію, это необходимо.)

«Практика нашей коммиссіи,—продолжаетъ г. Саблинъ,—и опытъ западно-европейскихъ государствъ указали, что для того, чтобы достигнуть правильнаго устройства и содержанія фабрикъ, необходимъ постоянный спеціальный надзоръ за этими послѣдними. Коммиссія по осмотру фабрикъ въ Москвѣ уже высказалась за необходимость учрежденія фабричнаго инспектората».

Г. Саблинъ выработалъ подробный проектъ организаціи фабричнаго комитета и инспекторовъ. Остается пожелать, чтобы всѣ эти труды не пропали даромъ, чтобъ осуществленіе этихъ стремленій не было отсрочено на долгое время. Конечно, потребуется объединеніе результатовъ работы московской и петербургской коммиссій для того, чтобы была положена прочная основа столь необходимому у насъ фабричному законодательству. По справедливому замѣчанію *Порядка*, фабричный вопросъ не долженъ бы имѣть того мѣстнаго характера, который ему обыкновенно у насъ придается. Администрація занялась теперь фабричнымъ вопросомъ въ Москвѣ и Петербургѣ; но въ другихъ мѣстахъ существуетъ «этотъ же самый вопросъ, а имъ не занимается тамъ никто. Конечно, и каждое отдѣльное усиліе вызвать къ жизни фабричный вопросъ—почтенно, но совершенно ненормально предоставленіе его исключительно мѣстному почину, — оно ставитъ важные интересы въ зависимость отъ случайности.

«Въ составъ фабричнаго вопроса входятъ и взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, и условія самого процесса работъ, и условія жизни рабочихъ на фабрикахъ. Нужно, чтобы въ обоюдныхъ отношеніяхъ соблюдалась законность, и трудъ, свободный юридически, былъ свободнымъ и фактически,—мѣстный ли это вопросъ? Нужно, чтобы работы требовались посильныя, чтобы не изнурялся дѣтскій организмъ,—мѣстный ли это вопросъ? Нужно, чтобы фабрики не были гнѣздомъ заразъ, и въ нихъ можно было бы дышать и кормиться не гнилью,—мѣстный ли это вопросъ? Отчего же дѣло, начатое въ Москвѣ и Петербургѣ, не дѣлается ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ, ни въ Одессѣ, ни въ Казани, и т. д.? У администраціи много правъ,—справедливо ожидать отъ нея и полезнаго почина. Если же замѣчается у властей недостатокъ единства въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ установить такое единство, возбудивъ общій законодательный фабричный вопросъ и взявшись за руководствованіе мѣстными изслѣдованіями. Мѣстныя изслѣдованія фабричнаго дѣла понятны, но обращеніе всего вопроса въ мѣстный—совсѣмъ не понятно» *).

Петербургская газета также находитъ, что фабричные законы для насъ необходимы. «Изъ неопредѣленности нашего фабричнаго законодательства возникаютъ самые разнообразные способы толкованія и примѣненія закона, иногда по недоразумѣнію, а иногда прямо вслѣдствіе злоупотребленія. Въ сущности неважное дѣло раздуваютъ до очень важнаго. Въ прошедшемъ

*) *Порядокъ*, № 183.

году, въ Ярцевѣ (Смол. губ.), создали громкую фабричную исторію, засадили цѣлую группу людей, на нѣсколько мѣсяцевъ, въ острогъ, а кончилось тѣмъ, что все дѣло оказалось подлежащимъ разбору мироваго судьи, который и рѣшилъ его въ одинъ день, приговоривъ ко взысканію только двоихъ. Во Владимірской губерніи 70 рабочихъ обратились къ судьѣ съ жалобой на хозяина за невыдачу паспортовъ и за низкую плату — и судья, усмотрѣвъ «стачку», присудилъ просителей къ двухмѣсячному заключенію. — 60 торфяниковъ, въ той же губерніи, заявили судьѣ о невозможности работать, такъ какъ мѣста добычи торфа залиты водою: судья усматриваетъ опять стачку и — опять тотъ же результатъ, стачка видится даже въ обращеніи къ законной власти! Если рабочимъ вовсе не заплатятъ и они разомъ пожалуются или перестанутъ работать — и въ этомъ иной ретивый суья или полицейскій чиновникъ усмотритъ стачку, а тамъ... извѣстно, что выйдетъ».

Голосъ, *Московскій Телеграфъ* и *Русскій Курьеръ* также выступили со статьями, убѣдительно доказывающими неотложную потребность въ изданіи обязательныхъ, ясныхъ и точныхъ, правилъ для фабрикъ и заводовъ.

Къ сожалѣнію, условія, въ которыя поставлена въ настоящее время русская печать, не особенно благопріятны для правильнаго и многосторонняго обсужденія весьма важныхъ вопросовъ. Законъ о печати, котораго ждали весною, повидимому, не скоро еще появится на свѣтъ. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* было сообщено, что въ правительственныхъ сферахъ имѣется въ виду пересмотръ всѣхъ циркуляровъ и распоряженій по дѣламъ печати, съ цѣлью отмѣны нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Порядокъ* заявилъ по этому поводу, что не только существуетъ намѣреніе пересмотра циркуляровъ съ упомянутою цѣлью, но что вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляется особое изданіе распоряженій и предписаній, ибо въ пять-шесть лѣтъ ихъ накопилось огромное количество и разобраться въ нихъ довольно затруднительно. Эта практически - небезполезная мѣра не дастъ, конечно, русскому обществу того, чего оно такъ сильно и уже давно желаетъ, то-есть закона о печати. Въ самомъ дѣлѣ, если преступленія и проступки по дѣламъ печати не опредѣлены ясно и точно, то любое изданіе рискуетъ,—вовсе не желая оказывать правительству систематическаго противодѣйствія, вовсе не имѣя намѣренія дискредитировать его благія намѣренія,—подпасть подъ тяжелую кару. Послѣ втораго предостереженія, полученнаго иной разъ за неумышленный промахъ или за совсѣмъ безобидную *«смѣлую мысль»*, періодическое изданіе начинаетъ жить тревожною, мучительною жизнью. Вотъ хорошая статья; но печатать ли ее? Не дадутъ ли за нее третьяго и послѣдняго предостереженія? Помѣстить ли эту дѣльную статью? Не покажется ли цензурѣ, что въ ней тонкіе намеки на то, что многіе и многіе и безъ того прекрасно вѣдаютъ? И газетѣ или журналу приходится изо всѣхъ силъ стремиться къ умѣренности и

аккуратности, къ лицемѣрію, къ пустословію. Съ высоты трона насъ призываютъ къ служенію правдѣ, къ борьбѣ съ хищеніями, и каждый честный русскій журналистъ съ радостью готовъ служить этимъ высокимъ цѣлямъ, нуждаясь только въ охранѣ закона. Что такое правда?—Смѣна министерства можетъ измѣнить ликъ казенной правды, можетъ превратить дозволительное въ рѣшительно неблагонадежное. А почему же мы, журналисты, знаемъ, какова министерская правда? И какое намъ, собственно говоря, дѣло до этой послѣдней? Если въ нашихъ словахъ зазвучитъ озлобленное возбужденіе страстей общества, если мы начнемъ печатать мнѣнія. которыя заключаютъ въ себѣ сѣмена безнравственности, то судъ, правый и милостивый судъ, изрекающій приговоры отъ имени верховной власти, постановитъ надлежащій приговоръ надъ нашимъ проступкомъ или преступленіемъ. Къ чему же подвергать повременныя изданія ежеминутному страху передъ усмотрѣніемъ? Къ чему карать не человѣка за вредную мысль, имъ распространяемую, а его имущество? Въ былое время за преступное дѣйствіе, въ дополненіе къ наказанію, конфисковалось все или часть имущества, конфисковалось не только у самого приговореннаго, но и у его наслѣдниковъ. Запрещеніе печатать объявленія, запрещеніе розничной продажи принадлежатъ къ подобнымъ же мѣрамъ, осуждаемымъ наукою и исторіей. Газета и журналъ представляютъ собственность, которая такъ заботливо оберегается государствомъ. Въ газетѣ или журналѣ появилась статья, возбудившая неудовольствіе правительства. За это наказываютъ издателя лишеніемъ извѣстной, иногда весьма значительной, части дохода. Кара наложена на изданіе и давитъ его, призывая къ покаянію, къ исправленію, къ служенію правдѣ, къ перемѣнѣ направленія. И будто бы Русское государство разрушится, будто бы оно пострадаетъ хотя сколько-нибудь отъ статьи любой изъ газетъ?

Вопросъ о свободѣ печати есть неотложный вопросъ, ибо ничѣмъ нельзя истребить въ человѣкѣ стремленія сообщать свои мнѣнія и выслушивать чужія. Будетъ стѣснено открытое заявленіе взглядовъ, признаваемыхъ въ главномъ управленіи русской общественною мыслью за несвоевременные или неблагонамѣренные,—страшно усилится тайное ихъ распространеніе, большею частью въ превратномъ видѣ, усилится обаяніе всякой оппозиціи правительству вслѣдствіе уже того одного, что это—оппозиція. Хлесткая фраза, злобное стихотвореніе начнутъ передаваться изъ устъ въ уста и обойдутъ всю Россію.

Какія элементарныя истины приходится намъ говорить читателямъ *Русской Мысли!* Что дѣлать: самая элементарная, но не осуществленная истина требуетъ неустаннаго повторенія. Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo.

В. Г.

II. Положеніе печати.

Недавно нашелся какой-то шутникъ, который распустилъ въ обществѣ слухъ о предполагаемыхъ облегченіяхъ для печати. Въ газетахъ было сообщено, будто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ существуетъ предположеніе, въ видахъ облегченія настоящаго тяжелаго положенія нашей печати, теперь же приступить къ пересмотру массы циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати, которыми въ послѣднее время по рукамъ и ногамъ связаны редакціи. Это предположеніе связывалось съ именемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, которому, будто бы, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ предполагаемыхъ облегченій и мысль объ отмѣнѣ большинства запретительныхъ циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Сообщалось также, что существуетъ предположеніе о пересмотрѣ всѣхъ взысканій, наложенныхъ до сихъ поръ въ административномъ порядкѣ на періодическія изданія, выходящія безъ предварительной цензуры. Газетное сообщеніе заканчивается слѣдующимъ благодушнымъ пожеланіемъ: «Эта мѣра, безъ сомнѣнія вызоветъ общее сочувствіе, въ особенности если она явится предвѣстницей окончанія начатаго еще въ прошломъ году общаго пересмотра узаконеній о печати».

Насъ ни мало не поражаетъ извѣстіе, что мысль объ облегченіяхъ для печати принадлежитъ гр. Игнатьеву, такъ какъ онъ и ранѣе высказывался въ пользу свободы печатнаго слова. Мы припоминаемъ, напр., что когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Лорисъ-Меликовъ, а графъ Игнатьевъ занималъ постъ министра государственныхъ имуществъ, въ то время появилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеніе о пользѣ свободнаго обсужденія въ печати вопросовъ государственнаго хозяйства, исходившее, безъ сомнѣнія, отъ графа Игнатьева. На это сообщеніе въ свое время возлагались большія надежды, которыя, однако, не оправдались,—потому ли, что тогда было другое время, или рѣчь шла исключительно о хозяйственныхъ вопросахъ, или по какимъ-нибудь другимъ, болѣе важнымъ, причинамъ. Мы съ своей стороны не придаемъ особеннаго значенія тому обстоятельству, что когда говорилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* о пользѣ свободнаго обсужденія въ печати вопросовъ государственнаго хозяйства, въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Лорисъ-Меликовъ и при немъ печать пользовалась, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, болѣе широкою фактическою свободою. Не можетъ имѣть существенной важности и то, что начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати тогда былъ г. Абаза, который самъ не издавалъ запретительныхъ циркуляровъ, а старые циркуляры изъ временъ печальной памяти гг. Лонгинова и Григорьева при немъ совершенно игнорировались и потеряли свою силу. Безъ сомнѣнія, не столько отъ личныхъ перемѣнъ въ составѣ правительства, сколько вслѣдствіе другихъ, болѣе важныхъ, причинъ, положеніе печати, вопреки ожиданіямъ.

не улучшилось, но ухудшилось. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ причинъ, мы замѣтимъ только, что съ той поры, какъ графъ Игнатьевъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а князь Вяземскій назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, начались непрерывныя административныя взысканія, налагаемыя на періодическія изданія, какъ безцензурныя, такъ и состоящія подъ предварительною цензурою, причемъ взысканіямъ подвергаются исключительно одни изданія съ либеральнымъ направленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе по дѣламъ печати опять стало издавать запретительные циркуляры, такъ часто и въ такомъ изобиліи, что, почти каждый день, приходя въ редакцію, нужно повторять одинъ и тотъ же тяжелый, мучительный вопросъ: сегодня о чемъ не велѣно писать? Появились даже такіе циркуляры, которыми возстановляется сила старинныхъ циркуляровъ временъ гг. Лонгинова и Григорьева, такъ что передъ нашими глазами выплываетъ изъ могильнаго мрака и оживаетъ вся темная старина, которую мы, въ непростительномъ самообольщеніи, считали погребенною на вѣки. Такимъ образомъ теперь уже успѣла накопиться цѣлая масса административныхъ взысканій и запретительныхъ циркуляровъ, и все это случилось въ короткій промежутокъ времени послѣ того, какъ, 5-го апрѣля, князь Вяземскій назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, а затѣмъ, 4-го мая, графъ Игнатьевъ вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ 4-го мая по 4-ое іюля, графъ Игнатьевъ успѣлъ подвергнуть административнымъ взысканіямъ слѣдующія изданія: 23-го мая запрещена розничная продажа нумеровъ газеты *Русскій Курьеръ* на три мѣсяца; того же 23-го мая пріостановлено изданіе журнала *Свѣтъ и Тѣни* на 6 мѣсяцевъ; 5-го іюня объявлено второе предостереженіе газетѣ *Русскій Курьеръ*; 10-го іюня запрещена розничная продажа нумеровъ газеты *Улей* безъ срока; 19-го іюня пріостановлено на 4 мѣсяца изданіе подцензурной газеты *Одесскій Листокъ*; 27-го іюня запрещена розничная продажа нумеровъ газеты *Московскій Телеграфъ*. Таковы факты въ ихъ голомъ видѣ. Передавая ихъ, мы воздерживаемся отъ всякихъ толкованій и выводовъ и только позволяемъ себѣ высказать, что они едва ли исключаютъ мысль о возможности со стороны графа Игнатьева почина къ пресѣченію созданнаго имъ теперешняго положенія печати. Напротивъ, какъ мы постараемся доказать далѣе, политическая программа новаго министра внутреннихъ дѣлъ, изложенная имъ въ циркулярѣ отъ 6 мая, внушаетъ надежду, что мысль о расширеніи правъ печати далеко не чужда этому государственному дѣятелю.

Относясь съ довѣріемъ къ намѣреніямъ графа Игнатьева, мы въ то же время имѣемъ нѣкоторыя основанія, почему намъ кажется страннымъ и не совсѣмъ понятнымъ извѣстіе о существованіи предположенія относительно пересмотра запретительныхъ циркуляровъ управленія по дѣламъ печати съ цѣлію отмѣны большинства запрещеній. Какіе цир-

куляры предполагается подвергнуть пересмотру: тѣ ли, которые изданы при гг. Лонгиновѣ и Григорьевѣ, или—которые принадлежатъ князю Вяземскому? Если предполагается пересматривать Лонгиновскіе и Григорьевскіе циркуляры, то этотъ трудъ не можетъ привести ни къ какимъ облегченіямъ для печати, такъ какъ старые циркуляры фактически потеряли свою силу, были отмѣнены самою жизнью. Если теперь поднять всю эту старину и начать разборъ архивовъ главнаго управленія по дѣламъ печати, задавшись практическою цѣлью, то такая работа никакъ не можетъ привести къ облегченіямъ для печати, а напротивъ, того и жди, что какой-нибудь забытый циркулярчикъ понравится красотою великихъ мыслей и изящнаго стиля и въ концѣ концовъ появится новое подтвержденіе о неуклонномъ исполненіи вынутаго изъ архивной пыли на Божій свѣтъ, всѣми забытаго, административнаго распоряженія. Совсѣмъ другое дѣло—пересмотръ и отмѣна циркуляровъ, изданныхъ со времени вступленія князя Вяземскаго въ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, — здѣсь есть что отмѣнять. Но отмѣнять собственныя распоряженія, разрушать дѣло рукъ своихъ — не согласится ни одинъ дѣятель, глубоко и искренно убѣжденный въ необходимости и цѣлесообразности извѣстнаго направленія, какимъ онъ руководился въ своей дѣятельности. Что князь Вяземскій въ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ печати руководится глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, которому онъ и впредь останется вѣренъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ занятіе высокаго поста — начальника по дѣламъ печати—немыслимо для человѣка безъ твердыхъ убѣжденій. Да и помимо этихъ соображеній мы имѣемъ вѣскія фактическія доказательства того, что убѣжденія князя Вяземскаго тверды и неизмѣнны, а газетное извѣстіе объ отмѣнѣ запретительныхъ циркуляровъ по меньшей мѣрѣ преждевременно. Послѣ появленія въ газетахъ этого извѣстія князь Вяземскій продолжаетъ по прежнему издавать запретительные циркуляры. и между ними есть такіе, которыми подтверждаются старые циркуляры его предмѣстниковъ. Слѣдовательно, къ чести князя Вяземскаго, мы должны сказать, что онъ твердо держится своихъ убѣжденій и что нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы онъ когда-нибудь могъ измѣнить имъ.

Положимъ даже, что вполнѣ подтвердится газетный слухъ о пересмотрѣ и отмѣнѣ большей части административныхъ взысканій, наложенныхъ на періодическія изданія, и запретительныхъ циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати,—какой же изъ этого выйдетъ толкъ, какое облегченіе получитъ для себя печать? Если отмѣнятъ большинство запретительныхъ циркуляровъ, то меньшинство ихъ все-таки останется,—останется и главное управленіе по дѣламъ печати, останется и начальникъ управленія, останется и право этого начальника издавать запретительные циркуляры. А коль скоро администраціи принадлежитъ право издавать циркуляры, запрещающіе обсужденіе въ печати извѣстнаго рода вопросовъ,

тогда для печати почти безразлично, должна ли она молчать въ силу тысячи, или десятка циркуляровъ, ибо ей все равно приходится молчать. Опытъ умудрилъ печать такъ, что она, въ настоящее время, очень хорошо понимаетъ, что отмѣна не только большинства, но даже всѣхъ запретительныхъ циркуляровъ не приноситъ ни малѣйшей пользы, не даетъ никакихъ облегченій, если при этомъ продолжаетъ существовать главное управленіе по дѣламъ печати, остается начальникъ управленія и не отмѣнено данное ему право издавать запретительные циркуляры. Опытъ говоритъ, что были начальниками надъ печатью гг. Лонгиновъ и Григорьевъ, которые выпустили громадную массу циркуляровъ, такъ что для приведенія ихъ въ точную извѣстность понадобилось бы назначить особую коммиссію, которая, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напечатала бы свои труды въ сотнѣ томовъ и поглотила бы на свое содержаніе сотни тысячъ изъ государственныхъ средствъ. Потомъ былъ начальникомъ надъ печатью г. Абаза, который совсѣмъ не издавалъ циркуляровъ и допустилъ фактическую отмѣну старыхъ циркуляровъ, что дѣлаетъ ему лично высокую честь, но что печати не принесло ни пользы, ни удовольствія. Абазу смѣнилъ князь Вяземскій и циркуляры опять посыпались во множествѣ, напоминающемъ дни Лонгинова и Григорьева. Печать свято исполняетъ запретительные циркуляры, и, какъ ни тяжело подчиняться имъ, однако и въ отмѣнѣ существующихъ циркуляровъ, безъ отмѣны права администраціи издавать ихъ, печать не можетъ видѣть никакого серьезнаго облегченія для себя. Что начальство можетъ отмѣнить ихъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но несомнѣнно также и то, что начальство можетъ возстановить дѣйствіе тѣхъ самыхъ циркуляровъ, которые отмѣнены сегодня; а если такъ, то какая же выгода для печати отъ временной отмѣны циркуляровъ? То же самое должно сказать и объ отмѣнѣ административныхъ взысканій, наложенныхъ на періодическія изданія. Если сегодня газеты подвергаются административнымъ карамъ, а завтра съ нихъ слагаются взысканія, то бѣда заключается не столько въ тяжести налагаемыхъ взысканій, сколько въ шаткости и полной необезпеченности положенія прессы. Устранить это невыносимо-тяжелое положеніе печати невозможно отмѣною большинства запретительныхъ циркуляровъ и взысканій, наложенныхъ на періодическія изданія. Эта истина ясна для каждаго и никто не можетъ обольщать себя надеждою, что, посредствомъ нѣсколькихъ временныхъ и неважныхъ льготъ можетъ быть облегчено положеніе печати и удовлетворена проснувшаяся въ обществѣ потребность въ свободной рѣчи. Вотъ почему мы и не вѣримъ газетнымъ слухамъ объ указанныхъ выше мѣрахъ, ни къ чему не вѣдущихъ и никого не удовлетворяющихъ.

Мы не вѣримъ, чтобы дѣйствительно существовало предположеніе даровать печати тѣ именно облегченія, о которыхъ сообщаютъ газеты; но въ то же время мы считаемъ настоящее положеніе печати совершенно невозможнымъ и измѣненіе къ лучшему—неизбѣжнымъ. Мало того, мы полагаемъ, что

освобожденіе печати отъ административнаго произвола не только не противорѣчитъ политической программѣ теперешняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, изложенной въ циркулярѣ его отъ 6 мая, но является необходимымъ условіемъ, безъ котораго немыслимо выполненіе программы. Циркуляръ графа Игнатьева ясно указываетъ на негодность бюрократіи и всю громадность зла, внесеннаго ею въ русскую жизнь. Графъ Игнатьевъ признаетъ существованіе «того грустнаго и всѣми теперь сознаваемаго явленія, что великія и широко обдуманныя преобразованія минувшаго царствованія не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имѣлъ право ожидать отъ нихъ». Чѣмъ же объясняется это грустное явленіе?—Консерваторы объясняютъ его тѣмъ, что русское общество не доросло до свободныхъ учрежденій и что оно еще нуждается въ опекѣ со стороны бюрократіи. Напротивъ, графъ Игнатьевъ отыскиваетъ причины указаннаго имъ явленія въ недостаткахъ, имѣющихъ мѣсто среди бюрократіи: «въ бездѣйствіи властей, въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіи къ общему благу со стороны многихъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ томъ корыстномъ отношеніи къ государственному и общественному достоянію, которое составляетъ столь обычное у насъ явленіе». Графъ Игнатьевъ не вѣритъ въ силу господствующей у насъ бюрократіи и противополагаетъ ей дѣятельную и живую силу общества, которая должна составлять единственную прочную опору для правительства во всей его дѣятельности. «Первою задачей предстоящей дѣятельности правительства,—сказано въ циркулярѣ 6-го мая,—*при постоянномъ и живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны*, поставлено искорененіе крамолы. Въ дѣлѣ этомъ не слѣдуетъ полагаться исключительно на усилія полиціи: собственнымъ начинаніемъ и энергичнымъ сопротивленіемъ всякому проявленію мятежнаго духа общество должно оказать противодѣйствіе этому гибельному направленію и тѣмъ лишить злоумышленниковъ всякой опоры. Въ недавнемъ еще прошломъ, *только благодаря безучастному отношенію къ нимъ общества*, эти люди могли приготовить совершеніе своихъ злодѣйствъ». Циркуляръ заканчивается обѣщаніемъ, что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобъ установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній». Такимъ образомъ бюрократія признается безсильною бороться со зломъ, пустившимъ корни въ Русской землѣ, и правительство призываетъ для борьбы съ нимъ силы общества, которому обѣщаетъ предоставить необходимые способы, или, иначе, расширить права его, въ настоящее время стѣсненныя, вслѣдствіе преобладающаго господства бюрократіи. Но стѣсненіе общественной самодѣятельности прежде всего выражается въ подавленномъ положеніи печати, которая, при полновластномъ господствѣ у насъ бюрократіи, всюду встрѣчаетъ искуственно созданныя препятствія къ исполненію великаго и святаго призванія быть выразительницею об-

щественнаго мнѣнія. Стѣснять печать запретительными циркулярами, не позволять ей сообщеніе многихъ важныхъ извѣстій, или обсужденіе насущныхъ вопросовъ, волнующихъ общество — значитъ оказывать полнѣйшее пренебреженіе къ обществу, насильно зажимать ротъ ему и заявлять, что знать не хотятъ мнѣнія его. Только при подавляющемъ господствѣ бюрократіи и возможно такое высокомѣрное отношеніе къ обществу. Но возможно ли у насъ, въ настоящее время, столь сильное господство бюрократіи?—Оно бываетъ возможно только тогда, когда общество еще не развилось, не сознало своихъ насущныхъ интересовъ, не заявляетъ своихъ нуждъ и желаній, когда оно, съ безмовнымъ благодушіемъ, само предоставляетъ бюрократіи вѣдать всѣми дѣлами и направлять жизнь по своему усмотрѣнію. Словомъ, господство бюрократіи основано на отсутствіи въ обществѣ всякаго стремленія къ самодѣятельности, благодаря чему народъ равнодушно смотритъ, какъ бюрократъ распоряжается судьбами его; сила бюрократіи заключается въ безсиліи общества, такъ что все-таки возможность преобладающаго вліянія бюрократіи обусловливается состояніемъ общества. Когда общество находится въ инертномъ состояніи и довольно существующимъ бюрократическимъ строемъ, тогда печать не только не вызываетъ противъ себя никакихъ неудовольствій, но пользуется поддержкой и поощреніемъ со стороны бюрократіи. Согласно съ настроеніемъ общества, печать ведетъ себя какъ милый, покорный ребенокъ, не въ свои дѣла носа не суетъ, распѣваетъ чувствительные романсы, раскланивается направо и налѣво и расшаркивается ножкой передъ каждымъ статскимъ совѣтникомъ. Тогда и статскіе совѣтники гладятъ печать по головкѣ и имъ не приходитъ даже въ голову мысль, чтобъ этотъ милый, покорный ребенокъ съ лѣтами сдѣлался буяномъ, не имѣющимъ должнаго уваженія ни къ старческимъ лѣтамъ, ни къ бригадирскому чину. Правда, и въ это время иногда высказываются въ печати мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ господствующими понятіями, являются смѣлые люди, выясняющіе обществу недостатки существующаго порядка; но, благодаря равнодушію общества, смѣлые голоса скоро умолкаютъ, будучи заглушены весьма простыми, первобытными способами, и въ печати вновь возстановляется прежняя тишь да гладь. Лишь по мѣрѣ того, какъ общество выходитъ изъ пеленокъ, ростетъ и мужаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробуждается недовольство существующимъ порядкомъ и стремленіе къ измѣненію его,—тогда и печать начинаетъ измѣнять свой прежній характеръ, всецѣло отдается обсужденію живыхъ общественныхъ интересовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами господствующей бюрократіи, и, заимствуя изъ нѣдръ общества, бродящія тамъ въ зачаточномъ, неоформленномъ видѣ, идеи, перерабатываетъ этотъ сырой матеріалъ и возвращаетъ его обратно обществу въ видѣ вполнѣ законченнаго, уясненнаго и оформленнаго общественнаго идеала. Въ это время, когда пробудившееся общество стремится къ самодѣятельности и къ осуществленію новыхъ идеаловъ, идущихъ въ разрѣзъ съ иде-

алами бюрократіи, поднимается сначала глухая, а наконецъ оживленная и страстная борьба на жизнь и на смерть между бюрократіей и обществомъ. Печать занимаетъ въ этой борьбѣ передовой постъ знаменоносца и потому на нее главнымъ образомъ падаетъ вся тяжесть ударовъ бюрократіи, не желающей упустить власть изъ своихъ рукъ. И замѣчательно, что, чѣмъ болѣе ростетъ и мужаетъ общество, чѣмъ сильнѣе становится оно и ближе подходитъ къ осуществленію своего завѣтнаго идеала, тѣмъ хуже и хуже становится положеніе печати, тѣмъ болѣе обрушиваются на нее всевозможныя невзгоды и кары со стороны озлобленнаго врага. Повидимому, дѣло доходитъ до того, что даже существовать невозможно подъ гнетомъ взысканій и запрещеній, — а курилка все-таки живъ и не утратилъ ни мало ни силы, ни вліянія на общество. Новыя идеи, волнующія общество и развиваемыя печатью, такъ необъятно обширны и живучи, что остановить ихъ развитіе невозможно никакими средствами. Если для нихъ заграждаютъ одинъ выходъ, то онѣ все-таки находятъ безчисленное множество незамѣтныхъ отверстій, чрезъ которыя свободно проникаютъ въ общество. Когда печать проникнута такими живучими идеями, то никакія административныя взысканія, никакіе запретительные циркуляры не въ силахъ удержать распространеніе новыхъ идей путемъ печати. Можно издать множество самыхъ строгихъ циркуляровъ, запрещающихъ проводить, какую хотите, идею, хотя бы, напримѣръ, мысль о собраніи народныхъ представителей, и печать будетъ молчать объ этомъ предметѣ; она будетъ говорить о «Золотой Мухѣ», а смыслъ рѣчей ея будетъ понятъ обществомъ именно такъ, какъ не желательно съ точки зрѣнія запретительнаго циркуляра; запретятъ писать вольнодумныя статьи о «Золотой Мухѣ», печать будетъ толковать о джутовыхъ мѣшкахъ, и все-таки въ этихъ самыхъ мѣшкахъ станетъ преподносить обществу ту же самую мысль о народномъ представительствѣ. Усилія бюрократіи поддержать свою падающую власть и остановить ростъ общественной силы, посредствомъ стѣсненія печати, никогда и нигдѣ ни къ чему не вели и теперь ни къ чему не приведутъ у насъ. Настоящее положеніе русской печати чрезвычайно живо напоминаетъ собою время наиболѣе оживленной борьбы въ Англіи за свободу печати. Когда-то тамъ такъ же, какъ и у насъ въ настоящее время, печать подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ, но своею живучестью и выносливостью она завоевала для себя ту свободу, къ которой мы стремимся теперь. Въ отвѣтъ на взысканія и запрещенія для легальной печати тамъ явилась печать нелегальная, точно такъ же, какъ и у насъ существуютъ теперь тайныя подпольныя изданія. Коль скоро такія изданія уже появились, то всякое стѣсненіе легальной печати будетъ вести только къ распространенію въ обществѣ подпольныхъ листковъ. А этого едва ли кто можетъ желать, и во всякомъ случаѣ не желаетъ общество, стремящееся къ мирному пользованію благами свободы на строго-законной почвѣ.

Понятно, что бюрократія недовольна печатью и желала бы согнуть ее въ бараній рогъ, потому что печать защищаетъ интересы общества, добивается расширенія правъ его и ослабленія вліянія бюрократіи. Печать говоритъ отъ лица общества, высказываетъ желанія и нужды народа, а бюрократія не хочетъ признавать за обществомъ права имѣть собственное сужденіе. Она требуетъ отъ общества безмолвной покорности, самоуничтоженія и признанія одной только силы правящей бюрократіи. Но достигнуть этого, въ настоящее время, сдѣлалось невозможно. Бюрократія потеряла прежній кредитъ въ глазахъ общества, которое успѣло проникнуться стремленіемъ къ самодѣятельности и неудержимо домогается законнаго признанія предъявленныхъ правъ. Новыя идеи, пустившія корни въ обществѣ, требуютъ внѣшняго выраженія, стремятся проникнуть наружу и находятъ единственный легальный исходъ для себя въ печати. Повидимому, люди недовольные проникшими въ общество новыми идеями совершенно правильно и цѣлесообразно поступаютъ, стѣсняя для печати возможность уяснять и проводить эти идеи въ общество; но на самомъ дѣлѣ разсчетъ ихъ невѣренъ, и всѣ хлопоты и усилія ихъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ, ровно ни къ чему не могутъ привести. Новый общественный идеалъ успѣлъ уже вполнѣ выясниться и въ обществѣ происходитъ такая работа, для которой болѣе не нужно особеннаго содѣйствія со стороны печати. Теперь дѣло—не въ уясненіи для общества ближайшихъ цѣлей, но въ организаціи общественныхъ силъ для выполненія выяснившихся общественныхъ задачъ. Стѣсненіе печати, безъ сомнѣнія, замедлитъ и задержитъ на нѣкоторое время эту работу, но отнюдь не прекратитъ ее. На два, на три года еще можетъ быть возстановлено кажущееся спокойствіе на видимой поверхности нашей жизни — вотъ самое большее, чего можно достигнуть стѣсненіемъ печати, да и то только въ такомъ случаѣ, если одновременно съ этимъ будутъ приняты многія другія разумныя мѣры для возстановленія наружнаго спокойствія. Въ такомъ случаѣ получится обманчивая декорація, въ родѣ тѣхъ, какими наши администраторы развлекали Екатерину Вторую, во время знаменитаго путешествія ея въ Крымъ. Но общественная работа въ это время будетъ производиться въ глубокихъ слояхъ народной жизни, дѣло организаціи общественныхъ силъ не остановится. Бюрократія знать не хочетъ той простой истины, что развитіе составляетъ естественное свойство общественнаго организма. Ей все кажется, будто она и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ силу и достаточно средствъ, чтобъ остановить общественное развитіе и держать общество неподвижно на той самой ступени, на которой оно находилось, когда сказало царю Гороху: «приходи и владѣй нами, а мы будемъ спать и платить подати». На самомъ же дѣлѣ общество съ того времени все росло и росло, и ему становились узки тѣ рамки, въ которыя оно само поставило себя при царѣ Горохѣ. Явилась настоятельная потребность расширить эти рамки, сообразно росту общества, а этого и

не хочетъ допустить наша бюрократія, хотя въ то же время она и не въ силахъ изъ большаго человѣка сдѣлать ребенка.

Принимаемыя правительствомъ мѣры къ ограниченію свободы печати обыкновенно имѣютъ въ виду ослабленіе существующихъ въ обществѣ оппозиціонныхъ элементовъ и вызываются потребностью задержать распространеніе въ обществѣ мнѣній, несогласныхъ съ воззрѣніями, господствующими въ правительствѣ. Всякое правительство бываетъ вынуждено защищаться отъ составившейся въ обществѣ оппозиціи ему и вести борьбу съ нею. Средства же для борьбы съ оппозиціей бываютъ весьма разнообразны, смотря по разнообразію тѣхъ условій, въ какія поставлены какъ правительство, такъ и общество въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. У насъ почти не существуетъ законныхъ органовъ для общественной самодѣятельности и общественная мысль можетъ проявляться въ одной только печати. Поэтому стремленіе лицъ, призванныхъ верховною властью къ управленію внутреннею политикой государства, подавить существующую въ обществѣ оппозицію ихъ направленію—у насъ неизбѣжно принимаетъ форму стѣсненія печати. Но такое отношеніе къ проявленію въ печати существующихъ въ обществѣ оппозиціонныхъ элементовъ у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія необходимой самообороны. Оппозиція необходимо должна существовать, если общество представляетъ собою живой, вѣчно развивающійся организмъ, если въ немъ не замерла жизнь, не утрачено стремленіе къ самосовершенствованію. Оппозиція есть именно борьба новыхъ, нарождающихся и вѣчно совершенствующихся, началъ съ господствующими въ жизни, но клонящимися къ упадку, старыми началами. Безъ такой борьбы не можетъ происходить правильная смѣна старыхъ началъ новыми, невозможно поступательное движеніе общества на законной почвѣ. Оппозиція, въ силу естественнаго порядка вещей, всегда существовала и будетъ существовать въ обществѣ, не утратившемъ жизненныхъ силъ и способности къ дальнѣйшему развитію. Поэтому оппозиціонныя партіи имѣютъ естественное право на существованіе, и непризнаніе за ними этого права можетъ принести вредъ развѣ одному правительству, стремящемуся насильственными мѣрами воспрепятствовать проявленію оппозиціонныхъ мнѣній въ такой скромной области, какъ печать. Если правительство смотритъ на оппозицію какъ на своего врага, то оно никогда не должно упускать изъ вида простой истины, что всякій, вступающій въ борьбу съ врагомъ, долженъ хорошо узнать и точно взвѣсить силы и средства противника,—это есть первое и самое необходимое условіе для успѣха въ борьбѣ. Поэтому во всѣхъ болѣе развитыхъ государствахъ правительства зорко слѣдятъ за ростомъ и силою оппозиціонныхъ партій, находя для этого средства въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, предоставляющихъ большій или меньшій просторъ для общественной самодѣятельности. У насъ же проявленіе существующихъ въ обществѣ оппозиціонныхъ стремленій возможно главнымъ образомъ въ печати и изъ

нея только правительство можетъ почерпать свѣдѣнія о силѣ и направленіи ихъ. Какъ скоро печать подвергается стѣсненіямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ для правительства закрывается и источникъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ оппозиціонной части общества. Между тѣмъ стѣсненіе печати, какъ мы не разъ высказывали, нисколько не препятствуетъ распространенію въ обществѣ идей, противоположныхъ воззрѣніямъ, господствующимъ въ правительствѣ. Напротивъ, эти стѣсненія, не принося вреда оппозиціи, не убивая и не отнимая у нея силы, только скрываютъ дѣйствительныя силы и направленія ея отъ глазъ правительства и такимъ образомъ наносятъ вредъ ему же самому. Всѣ дѣйствія и стремленія правительства на виду у общества и потому близко и хорошо извѣстны оппозиціи; а силы и средства оппозиціи, благодаря стѣснительнымъ мѣрамъ противъ нея, искуственно скрываются, отчего правительство легко можетъ надѣлать важныя ошибки, принимая для ослабленія оппозиціи не тѣ мѣры, какія бы слѣдовало. Такимъ образомъ положеніе оппозиціи оказывается отчасти даже выгоднѣе положенія правительства, подобно тому, какъ человѣкъ, играющій съ закрытыми картами, имѣетъ преимущество предъ игрокомъ съ открытыми картами.

Впрочемъ легальную оппозицію отнюдь не слѣдуетъ считать какимъ-то опаснымъ врагомъ правительства: она, добиваясь извѣстныхъ измѣненій существующаго порядка, не прибѣгаетъ для этого къ какимъ-нибудь насильственнымъ средствамъ, но стремится къ достиженію своихъ цѣлей мирнымъ и законнымъ путемъ. Собственно говоря, оппозиція есть врагъ не правительства, но временно господствующаго въ немъ направленія. Это фактъ всѣмъ извѣстный, что въ каждый данный періодъ времени въ правительствѣ господствуетъ извѣстное, строго опредѣленное направленіе, которое или вполнѣ согласно съ настроеніемъ, преобладающимъ въ обществѣ, или противоположно ему. Когда въ правительствѣ и обществѣ господствуетъ совершенно одинаковое направленіе, когда, въ силу этого, между ними существуетъ живое общеніе и неразрывное духовное единство, тогда правительство находится на верху могущества и не имѣетъ никакой надобности, посредствомъ стѣснительныхъ мѣръ, противодѣйствовать тѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ, которые, въ большей или меньшей степени, всегда существуютъ въ средѣ общества. Оппозиція безсильна и не страшна для правительства, коль скоро большинство общества стоитъ на сторонѣ того направленія, которое преобладаетъ въ правительствѣ. Но коль скоро въ обществѣ начинаетъ распространяться недовольство направленіемъ, господствующимъ въ правительствѣ, когда силы оппозиціи возрастаютъ и наконецъ большинство общества усвоиваетъ оппозиціонное направленіе,—тогда всѣ правительственныя мѣры для подавленія оппозиціи приводятъ только къ вредному разладу между правительствомъ и обществомъ, которыя становятся въ ненормальное положеніе какихъ-то двухъ враждующихъ партій. Нѣтъ ничего вреднѣе и не

счастнѣе для страны такого ненормальнаго положенія дѣлъ. Сила правительства всегда заключается въ сочувствіи и поддержкѣ со стороны общества, а счастіе общества—въ удовлетвореніи правительствомъ общественныхъ нуждъ и желаній. Правительство, придерживаясь направленія, не встрѣчающаго себѣ сочувствія въ обществѣ, тѣмъ самымъ ослабляетъ свои силы и, слѣдовательно, всѣ мѣропріятія, которыми оно думаетъ оказать поддержку своему направленію, ведутъ къ противоположнымъ результатамъ.

Мы отнюдь не допускаемъ мысли о возможности существованія въ нашемъ правительствѣ узкаго стремленія поддержать одну какую-нибудь изъ общественныхъ партій при помощи искуственныхъ мѣръ, стѣсняющихъ дѣятельность другой. Наше правительство въ послѣднее время сдѣлало столь вѣскія и внушительныя заявленія о своемъ «тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ народомъ», что послѣ этого всякая мысль о направленіи внутренней политики, не согласномъ съ направленіемъ общества, должна быть совершенно оставлена. Но въ то самое время, когда правительство поставило себѣ задачею находиться «въ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ народомъ», когда оно видитъ свою силу «въ преданности и безпредѣльной любви многомиліоннаго народа» и требуетъ «беззавѣтнаго служенія и просвѣщеннаго содѣйствія всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли»,—мы, къ сожалѣнію и несчастію, все еще по-прежнему замѣчаемъ, идущія какъ бы въ разрѣзъ съ этими задачами правительства, попытки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій стѣснять естественный ростъ общественныхъ партій въ исключительныхъ интересахъ одной изъ нихъ. Такимъ именно характеромъ отличаются мѣры, которыя, въ послѣднее время, были приняты противъ печати. Быть-можетъ главное управленіе по дѣламъ печати никогда и не думало въ своихъ отношеніяхъ къ прессѣ руководствоваться симпатіей къ одной изъ общественныхъ партій и антипатіей къ другой; можетъ-быть мы даже совсѣмъ не понимаемъ ни системы, принятой главнымъ управленіемъ въ его отношеніяхъ къ печати, ни преслѣдуемыхъ имъ задачъ; точно также, можетъ-быть, эти отношенія совершенно случайно приняли такой характеръ, какого отнюдь не желало придавать имъ главное управленіе. Все это очень возможно; но тѣмъ не менѣе отношенія къ печати главнаго управленія въ настоящее время представляются въ такомъ видѣ, какъ будто учрежденія, подвѣдомственныя главному управленію, систематически ставятъ всевозможныя стѣсненія для либеральной прессы съ цѣлію оказать искуственную поддержку консервативной прессѣ и способствовать распространенію ея въ обществѣ, которое совсѣмъ этого не желаетъ. Словомъ, выходитъ такъ, какъ будто сильная рука съ верху то и дѣло наноситъ удары либеральной партіи и подаетъ помощь другой общественной партіи—консервативной. Если теперешніе порядки продолжатся, то вскорѣ должны погибнуть многія либеральныя изданія, существованіе которыхъ виситъ на волоскѣ. Эти изданія были вызваны необходимостью для удовлетворенія существующей въ обществѣ потребности въ газетахъ

и журналахъ съ направленіемъ симпатичнымъ для него. Они продолжаютъ существовать благодаря поддержкѣ со стороны общества, и существовали бы долго, еслибы не встрѣчали препятствія со стороны совершенно посторонней силы. Случись только, что этой силѣ удастся прекратить существованіе изданій, симпатичныхъ для общества и имѣющихъ всѣ шансы для дальнѣйшаго распространенія, въ такомъ случаѣ будетъ создано такое положеніе, которое совсѣмъ не желательно для общества, явится открытый разладъ между обществомъ, стремящимся къ поддержанію періодическихъ изданій съ извѣстнымъ направленіемъ, и между постороннею силой, противодѣйствующею распространенію этихъ изданій и поставившею себѣ задачей прекратить самое существованіе ихъ.

Чтобы примѣромъ показать, какими искуственными средствами ставятся преграды распространенію въ обществѣ повременныхъ изданій, для этого мы возьмемъ хотя московскую прессу. Въ прежнее время, въ періодъ господства реакціи, въ Москвѣ существовали двѣ ежедневныя газеты съ строго-опредѣленнымъ направленіемъ. Правда, и кромѣ нихъ были ежедневныя изданія, но это были совершенно безпринципныя газеты, которыя, какъ флюгера, метались изъ стороны въ сторону, куда подуетъ вѣтеръ, и готовы были хотя каждый день мѣнять убѣжденія. Послѣдовательнымъ и строго опредѣленнымъ направленіемъ отличались только *Московскія Вѣдомости*—органъ крайнихъ консерваторовъ, и небольшая либеральная газета—*Русскія Вѣдомости*. Такимъ образомъ и либеральная, и консервативная партіи имѣли въ Москвѣ по одному органу, хотя отъ этого силы ихъ далеко не были равны между собою. *Русскія Вѣдомости* сначала были маленькою газеткой и по недостатку средствъ не могли вполнѣ удовлетворять потребность общества въ ежедневныхъ новостяхъ. Напротивъ, *Московскія Вѣдомости* представляли собою большую, солидную газету, богатую средствами и дававшую читателямъ очень обильный, полный и свѣжій матеріалъ. *Московскія Вѣдомости* были, въ прежнее время, очень распространены и пользовались большимъ вліяніемъ на общество, въ громадномъ большинствѣ сочувствовавшее консервативному направленію этой газеты. Въ одно время онѣ были едва ли не самою распространенною газетою не только въ Москвѣ, но во всей Россіи, и преимущественно въ провинціяхъ, которыя находятся ближе къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу. Такой распространенности этого изданія много способствовало то обстоятельство, что московскія газеты гораздо скорѣе петербургскихъ приходятъ въ провинціи ближайшія къ Москвѣ, а между тѣмъ въ Москвѣ не было другаго изданія, которое бы могло соперничать съ *Московскими Вѣдомостями* по полнотѣ и свѣжести матеріала. *Русскія Вѣдомости* далеко не были такъ распространены, какъ *Московскія Вѣдомости*, и не пользовались не только вліяніемъ на общество, но даже мало возбуждали сочувствія къ себѣ при господствовавшемъ въ то время консервативномъ направленіи. На ихъ долю выпала тяжелая и вмѣстѣ съ

тѣмъ почтенная судьба бороться съ общественнымъ равнодушіемъ и проводить либеральныя идеи въ обществѣ, которое относилось глухо и неотзывчиво къ голосу представителей либеральнаго направленія. Словомъ, въ былое и въ недавно еще минувшее время на сторонѣ московской консервативной прессы былъ громадный подавляющій перевѣсъ. Только постепенно, мало-по-малу, положеніе дѣлъ измѣнялось, сила консервативной партіи слабѣла и въ обществѣ получало перевѣсъ либеральное направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ *Московскія Вѣдомости* теряли прежнее вліяніе на общество и число подписчиковъ у нихъ все болѣе и болѣе уменьшалось, тогда какъ *Русскія Вѣдомости* съ одной стороны постоянно улучшались и увеличивались въ объемѣ, а съ другой—стали быстро распространяться и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали въ обществѣ значеніе, какъ старѣйшая изъ московскихъ либеральныхъ газетъ. Въ 1879 г. въ Москвѣ появилась новая газета съ опредѣленнымъ, либеральнымъ направленіемъ—*Русскій Курьеръ*. Выходъ въ свѣтъ новой газеты сопровождался обстоятельствами весьма неблагопріятными для нея. На первыхъ же дняхъ она была пріостановлена на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что аккуратно стала выходить только съ 1880 года. Но либеральное направленіе успѣло такъ сильно распространиться въ обществѣ, что пріостановка *Русскаго Курьера* на самое горячее для подписки время не только не нанесла никакого ущерба вновь возникшему изданію, но даже принесла ему пользу, послуживъ какъ бы рекомендаціей для него въ глазахъ общества. Въ 1880 г. подписка дала самый блестящій результатъ, доставивъ *Русскому Курьеру* 12 тысячъ подписчиковъ. Такимъ образомъ въ 1880 г. московская либеральная пресса, въ лицѣ двухъ газетъ, получила явный перевѣсъ надъ консервативною, единственнымъ представителемъ которой по-прежнему оставались *Московскія Вѣдомости*. Но, несмотря на это, *Московскія Вѣдомости* имѣли очень много такихъ читателей, которые, ни мало не сочувствуя направленію газеты, по необходимости должны были получать ее. Говоря это, мы не имѣемъ въ виду тѣхъ казенныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, для которыхъ было обязательно выписывать *Московскія Вѣдомости*, подобно тому, какъ для всѣхъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ обязательна выписка *Правительственнаго Вѣстника*. Мы не говоримъ также о массѣ такихъ подписчиковъ, для которыхъ полученіе *Московскихъ Вѣдомостей* составляетъ дѣло необходимости, благодаря тому обстоятельству, что этой газетѣ принадлежитъ монополія печатанія казенныхъ объявленій. Исключая подобнаго рода лицъ, для многихъ было необходимо выписывать *Московскія Вѣдомости*, не сочувствуя направленію ихъ, только потому, что въ этой газетѣ сообщались полно и подробно всѣ новости дня, что было невозможно для болѣе дешевыхъ газетъ, въ родѣ *Русскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Курьера*. Въ этихъ послѣднихъ изданіяхъ въ особенности былъ слабъ отдѣлъ телеграфическихъ извѣстій, тогда какъ, наоборотъ,

Московскія Вѣдомости щеголяли множествомъ и полнотою своихъ телеграммъ. Въ Москвѣ и въ провинціяхъ, лежащихъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу, читатели по-прежнему могли получать только изъ однѣхъ *Московскихъ Вѣдомостей* самыя полныя и свѣжія новости дня. Поэтому понятно, что читатели хотя и были недовольны направленіемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, но продолжали читать ихъ ради телеграммъ, по неволѣ подписываясь на нихъ и покупая въ розничной продажѣ. Съ 1881 года *Московскія Вѣдомости* потеряли и это послѣднее преимущество надъ издававшимися въ Москвѣ газетами либеральнаго направленія. Съ одной стороны въ дешевыхъ по цѣнѣ газетахъ—*Русскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Курьерѣ* телеграфическій отдѣлъ былъ улучшенъ такъ, что въ короткомъ и сжатомъ видѣ тамъ помѣщаются телеграммы изъ Петербурга о всѣхъ замѣчательныхъ новостяхъ. Съ другой стороны, съ 1881 г. появилась въ Москвѣ новая, большая либеральная газета, *Московскій Телеграфъ*. Съ его появленіемъ *Московскія Вѣдомости* потеряли въ глазахъ читателей послѣднее преимущество, которымъ старая консервативная газета пользовалась, благодаря обилію и полнотѣ телеграфическихъ извѣстій. Редакція *Московскаго Телеграфа* пріобрѣла у правительства въ свое исключительное распоряженіе особый телеграфный проводъ между Москвою и Петербургомъ и такимъ образомъ получила возможность сообщать читателямъ самыя полныя и свѣжія новости изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого, кругъ читателей у *Московскихъ Вѣдомостей* долженъ былъ сократиться еще болѣе, и въ особенности у нихъ упала розничная продажа. По словамъ уличныхъ торговцевъ, занимающихся розничною продажею газетъ, въ прежнее время они жили почти исключительно одною продажей *Московскихъ Вѣдомостей* и сколько ни брали изъ редакціи экземпляровъ газеты, всегда сполна распродавали ихъ; а теперь спросъ на *Московскія Вѣдомости* сдѣлался самый ничтожный, газетчики берутъ для продажи весьма ограниченное число экземпляровъ и все-таки не могутъ сполна распродать ихъ. Такимъ образомъ, несмотря на громадное преимущество, какимъ пользуются *Московскія Вѣдомости*, благодаря обязательнымъ подписчикамъ въ учрежденіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а равно при помощи монополіи печатанія казенныхъ объявленій,—все-таки единственная въ Москвѣ консервативная ежедневная газета, нѣкогда пользовавшаяся громадною распространенностью и вліяніемъ въ обществѣ, теперь упала, подавлена ежедневными газетами либеральнаго направленія. Ясное дѣло, на чьей сторонѣ находится симпатія общества, кому оно оказываетъ поддержку, какого рода ежедневное чтеніе составляетъ для него насущную потребность. Еслибы печати была предоставлена свобода и дѣла шли своимъ естественнымъ путемъ, тогда положеніе московской консервативной прессы было бы самое незавидное,—она все болѣе и болѣе падала бы и теряла читателей; напротивъ, либеральныя газеты должны были все улучшаться, распространяться въ

обществѣ и пріобрѣтать новыя силы и средства. Но *Московскія Вѣдомости* нашли искуственную поддержку въ главномъ управленіи по дѣламъ печати и, благодаря вмѣшательству этого учрежденія, ростъ московской либеральной прессы долженъ былъ остановиться по неволѣ и вопреки желаніямъ общества. Дѣла *Московскихъ Вѣдомостей* вдругъ поправились послѣ того, какъ *Русскій Курьеръ* подвергся нѣсколькимъ административнымъ карамъ, а *Московскому Телеграфу* была запрещена розничная продажа. Въ настоящее время *Русскій Курьеръ* имѣетъ у себя на плечахъ уже два предостереженія, да кромѣ того ему запрещена розничная продажа. Значитъ теперь только и остается ему ожидать, что вотъ внезапно, какъ снѣгъ на голову, упадетъ на него роковое третье предостереженіе, вмѣстѣ съ которымъ послѣдуетъ пріостановка изданія. Административныя кары обезсиливаютъ *Русскій Курьеръ* и лишаютъ его возможности быть опаснымъ конкуррентомъ для *Московскихъ Вѣдомостей*. Еще большее благодѣяніе было сдѣлано для *Московскихъ Вѣдомостей* запрещеніемъ розничной продажи нумеровъ *Московскаго Телеграфа*. Эта молодая, только-что возникшая и еще не успѣвшая достаточно окрѣпнуть и распространиться въ обществѣ, либеральная газета имѣла всѣ шансы на блестящую будущность послѣ того, какъ общество успѣетъ ознакомиться съ нею. Но для такого ознакомленія положено неодолимое препятствіе запрещеніемъ розничной продажи. Этимъ запрещеніемъ жители Москвы и пассажиры, проѣзжающіе по желѣзнымъ дорогамъ, лишены возможности знакомиться съ новою, опасною для *Московскихъ Вѣдомостей*, газетою, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены въ необходимость по неволѣ покупать *Московскія Вѣдомости*, чтобы только прочитать въ нихъ телеграммы. Такимъ образомъ отношенія главнаго управленія по дѣламъ печати къ московской прессѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленный видъ преслѣдованія газетъ съ либеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ видъ особаго покровительства единственной консервативной газетѣ, которая получаетъ какъ бы правительственную субсидію, въ видѣ запрещенія розничной продажи нумеровъ *Русскаго Курьера* и *Московскаго Телеграфа*.

Въ Одессѣ мы видимъ то же самое, что и въ Москвѣ. Тамъ точно также преслѣдуются газеты съ либеральнымъ направленіемъ, причемъ это преслѣдованіе носитъ характеръ поощренія консервативныхъ газетъ. Еще въ прошломъ году въ Одессѣ была запрещена очень хорошая либеральная газета *Правда*. Недавно ударъ судьбы обрушился на другую либеральную газету—*Одесскій Листокъ*, изданіе которой, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, пріостановлено на четыре мѣсяца. Замѣчательно, что *Одесскій Листокъ* издавался подъ предварительною цензурой и однако это обстоятельство не спасло его отъ административной кары, назначенной для безцензурныхъ изданій. Вообще въ настоящее время дѣло дошло до того, что изданія подцензурныя не пользуются удобствами свободы отъ предварительной цензуры, но въ то же время несутъ

всѣ невыгоды положенія безцензурныхъ изданій,—при «новыхъ вѣяніяхъ» и ихъ стали подвергать административнымъ карамъ, чего не бывало даже во времена Лонгинова и Григорьева. Мало того, что подцензурныя изданія подвергаются тяжелымъ взысканіямъ въ видѣ пріостановки на нѣсколько мѣсяцевъ, но и сами цензора теперь стали испытывать на себѣ тяжесть административныхъ каръ, наравнѣ съ отданными подъ надзоръ ихъ газетами. Въ прежнее время главное управленіе по дѣламъ печати вѣрило въ благонадежность своихъ цензоровъ, а теперь и они заподозрѣны въ вольнодумствѣ и несутъ наказанія за свою неблагонадежность. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ пріостановлено на шесть мѣсяцевъ изданіе подцензурнаго журнала *Свѣтъ и Тѣни*, а вмѣстѣ съ тѣмъ цензоръ, пропустившій злосчастный нумеръ этого журнала, г. Никотинъ, уволенъ отъ должности. Въ Одессѣ, послѣ пріостановки *Одесскаго Листка*, мѣстный предсѣдатель цензурнаго комитета, г. Егоровъ, устраненъ отъ внутренней цензуры; по общему говору, поводомъ къ этому послужила исторія съ *Одесскимъ Листкомъ*. Что касается причинъ пріостановки *Одесскаго Листка*, то онѣ вполнѣ не разъяснены. Вообще же, по словамъ корреспондента *Московскаго Телеграфа*, одесскій градоначальникъ не полюбилъ направленіе *Одесскаго Листка*, но въ то же время оказывалъ явное предпочтеніе мѣстной консервативной газетѣ—*Новороссійскому Телеграфу*. Градоначальникъ, будто бы, даже «совѣтовалъ редактору *Листка* перемѣнить направленіе и брать примѣръ съ *Московскихъ Вѣдомостей*, *Кіевлянина*, *Новороссійскаго Телеграфа* и т. п. газетъ, такъ какъ ихъ направленіемъ правительство довольно; но редакторъ выразилъ сомнѣніе, чтобы правительство было довольно направленіемъ указанныхъ ему газетъ, и остался при своемъ направленіи, на сколько можно имѣть направленіе при существующихъ условіяхъ для провинціальной печати. По поводу такого сообщенія *Московскаго Телеграфа* редакторъ *Одесскаго Листка*, г. Навроцкій, напечаталъ опроверженіе, которое, страннымъ образомъ, не опровергаетъ, но подтверждаетъ вѣрность сообщенія. Увы, у насъ подобные курьезы не рѣдкость. «Градоначальникъ,—разсказываетъ г. Навроцкій,—только совѣтовалъ мнѣ, во избѣжаніе ошибочныхъ сужденій, пользоваться статьями изъ названныхъ газетъ (*Московскихъ Вѣдомостей*, *Кіевлянина* и *Новороссійскаго Телеграфа*), на что я отвѣтилъ, что, получая деньги съ подписчиковъ, не считаю себя въ правѣ удовлетворять ихъ только перепечатками изъ названныхъ газетъ, какъ это дѣлаетъ *Новороссійскій Телеграфъ*». Такимъ образомъ, и въ передачѣ г. Навроцкаго, и въ разсказѣ корреспондента *Московскаго Телеграфа*, все равно констатируется тотъ фактъ, что одесскій градоначальникъ высказывалъ предпочтеніе консервативнымъ газетамъ и оказывалъ давленіе на редакцію *Одесскаго Листка*, чтобы понудить ее къ распространенію консервативныхъ мнѣній путемъ перепечатокъ изъ симпатичныхъ ему газетъ. Стремленіе градоначальника дать перевѣсъ газетамъ съ консервативнымъ направленіемъ

увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ какъ теперь *Одесскій Листокъ* уже не можетъ конкуррировать съ *Новороссійскимъ Телеграфомъ*, свободно распространяющимъ консервативныя убѣжденія. Вслѣдъ за *Одесскимъ Листкомъ* пріостановилось изданіе другой одесской еженедѣльной газеты *Пчелка*. Она должна была закрыться, потому что была поставлена цензурою въ совершенно невозможныя, невыносимо-тяжелыя условія.

Со времени оставленія г. Абазою должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати цензура стала такъ строго относиться къ провинціальнымъ газетамъ, что прекращеніе изданія сдѣлалось почти единственнымъ исходомъ изъ невыносимаго положенія. Такъ, напримѣръ, исторія періодической печати въ г. Казани представляетъ слѣдующіе факты. Пока казанскимъ губернаторомъ былъ г. Скарятинъ, пріобрѣвшій печальную извѣстность возмутительною расправой надъ татарами, въ то время печать подвергалась всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Одна изъ лучшихъ въ свое время провинціальныхъ газетъ, *Камско-Волжская Газета*, была вынуждена прекратить свое существованіе, благодаря тому, что, стараніями Скарятина, она была поставлена въ необходимость посылать каждый нумеръ въ Москву для цензуры. Послѣ того нѣсколько разъ возникали ходатайства о разрѣшеніи издавать въ Казани газеты, но ни одно изъ этихъ ходатайствъ не получило удовлетворенія. Когда, наконецъ, Скарятинъ былъ уволенъ отъ должности губернатора, а начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати назначенъ г. Абаза, то дано было разрѣшеніе на изданіе въ Казани новой газеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и существовавшая здѣсь прежде небольшая газетка, *Казанскій Биржевой Листокъ*, стала замѣтно улучшаться, свободно заговорила о событіяхъ мѣстной жизни и стала независимо обсуждать мѣстные вопросы. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати оставался г. Абаза. Съ выходомъ его въ отставку для *Казанскаго Биржевого Листка* опять наступили тяжелые дни, какъ бывало при губернаторѣ Скарятинѣ. «Вотъ нынче, напримѣръ, *Листка* нѣтъ какъ нѣтъ,— разсказываетъ корреспондентъ *Московскаго Телеграфа*.— Захожу въ редакцію.— Что такое случилось?— «Не угодно ли полюбоваться!» — предлагаютъ мнѣ. И дѣйствительно, есть чѣмъ. Весь *Листокъ* въ красныхъ крестахъ.—«Ѣздили къ цензору, къ исправляющему должность губернатора,— ничего нельзя сдѣлать. Зачеркнута даже высота воды на волжскихъ перекатахъ»—Что же особеннаго было напечатано?— Посмотрите. «Въ городѣ масса погорѣвшихъ крестьянъ окружныхъ деревень, просящихъ милостыню»—зачеркнуто. «Мелкимъ чиновникамъ не даютъ отпуска хоть на недѣльку въ лѣтнія жары»—зачеркнуто. «Многіе доклады, подлежащіе разсмотрѣнію думы, разрѣшаются самовольно управою»—зачеркнуто. «Возвышеніе акциза на спиртъ обогатило заводчиковъ»—зачеркнуто. «Для сибирской дороги южнаго направленія уже готовы рельсы»—зачеркнуто. «Грандіозное воровство на Ижевскомъ

заводѣ»—зачеркнуто. «Пермскіе будочники покровительствуютъ ворамъ»—зачеркнуто. «Въ Оренбургскомъ краѣ появился колорадскій жучекъ»—зачеркнуто. «Кавказъ и Меркурій», несмотря на правительственную субсидію въ 300.000 р., срочные товары отправляетъ, когда и какъ вздумается»—зачеркнуто, и т. д., и т. д. Изъ этого перечня вы видите, что въ самомъ дѣлѣ ничего особеннаго, ничего предосудительнаго не было въ газетѣ. Вѣдь обо всемъ этомъ можно говорить во всеуслышаніе, на всѣхъ перекресткахъ, и никто въ этомъ ничего опаснаго не найдетъ, а въ газетѣ нельзя,—«волнуетъ умы». Исполнительный чиновникъ губернскаго правленія, исправляющій должность цензора, г. Мамаевъ, усердствуетъ, какъ видно, во всю прыть... Редакція спрашивала, можно ли выпустить № съ пустыми мѣстами?—«Нельзя».—Заклеить ихъ объявленіями?—«Нельзя».—Написать, что по «независящимъ обстоятельствамъ и проч.?—«Нельзя»... Что это такое: откровенный до наглости произволъ?... Да, это тотъ самый произволъ, который неограниченно царилъ въ долгій періодъ реакціи и отъ котораго до сихъ поръ никакъ не могутъ отвыкнуть, потерявшіе подъ ногами почву, наши консерваторы. Имъ все кажется, будто ихъ время еще не пришло, что строгими насильственными мѣрами еще можно вернуть золотое время реакціи. Съ настойчивостью и озлобленіемъ они преслѣдуютъ либеральную печать, ни стѣсняясь ставить красные кресты даже на правительственныхъ распоряженіяхъ и оффиціально обнародованныхъ документахъ. Есть, напримѣръ, въ городѣ Томскѣ управляющій казенною палатою, г. Гиляровъ, «ярый поклонникъ *Московскихъ Вѣдомостей*, смѣло «вѣрующій каждому слову г. Каткова». На его долю, одно время, выпала обязанность цензуровать мѣстную *Сибирскую Газету* и онъ повелъ дѣло такъ горячо, что усомнился въ политической благонадежности министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева. Ретивый почитатель *Московскихъ Вѣдомостей* не дозволилъ напечатать въ полномъ видѣ извѣстный циркуляръ графа Игнатьева, отъ 6 мая, разъясняющій Высочайшій манифестъ 29 апрѣля. Консервативный цензоръ вычеркнулъ изъ циркуляра мѣста, гдѣ говорится, что правительство предоставитъ надлежащіе способы общественнымъ силамъ участвовать въ искорененіи крамолы, что права дворянства, земства и городскихъ сословій останутся неприкосновенными и что крестьяне получатъ возможныя облегченія отъ тягости, улучшеніе ихъ общественнаго устройства и хозяйственнаго быта. Если цензоръ относится такимъ образомъ къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, то послѣ этого уже нѣтъ никакой надобности говорить о томъ, какъ искажаются, обезображиваются и произвольно запрещаются газетныя статьи. Мы не станемъ приводить сообщенныхъ газетами многочисленныхъ примѣровъ произвольныхъ дѣйствій г. Гилярова. Но нельзя не упомянуть о тѣхъ раздражительныхъ и далеко не приличныхъ замѣчаніяхъ, которыми цензоръ имѣетъ обыкновеніе измарывать корректуры и рукописи. Здѣсь то и дѣло встрѣчаются такого рода помарки: «пустяки», «вздоръ», «ой ли», «темна вода»,

«незавидный мечтатель», «излишнее раздраженіе» и т. п. Эти замѣчанія указываютъ, какъ сильно раздраженіе и какъ велика злоба въ людяхъ, которые видятъ паденіе своей партіи и день ото дня возрастающую силу ненавистныхъ имъ либеральныхъ идей. Вмѣстѣ съ недовольствомъ, простирающимся даже на оффиціальныя разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ, мы видимъ здѣсь какъ будто послѣднее страстное возбужденіе въ людяхъ, которые, собравши остатокъ силъ, дѣлаютъ отчаянное усиліе, чтобы нанести тяжелый ударъ своему противнику. И дѣйствительно, ударъ наносится и причиняетъ чувствительный вредъ. Но напрасно люди консервативныхъ убѣжденій стали бы видѣть въ погромѣ либеральной печати доказательство своей силы. Нѣтъ, у нихъ не осталось даже слабаго слѣда прежней силы и, безъ искуственной поддержки со стороны власти, они давно обратились бы въ полное ничтожество. Теперь вся сила очевидно принадлежитъ либеральной партіи, которая продолжаетъ существовать, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, подвергаясь преслѣдованіямъ, то и дѣло получая неожиданные удары, явнымъ образомъ разсчитанные на то, чтобъ оказать поддержку ослабѣвшей консервативной партіи.

Вообще, бросая взглядъ на современное положеніе печати, мы видимъ, что въ обществѣ существуетъ сильный запросъ на либеральныя изданія, которыя, благодаря этому, быстро размножаются, такъ что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, они въ настоящее время составляютъ громадное большинство органовъ какъ столичной, такъ и провинціальной печати. Такая поддержка, оказываемая со стороны общества либеральнымъ изданіямъ, показываетъ, что въ самомъ обществѣ либеральное настроеніе столь сильно, что его не могутъ остановить и уничтожить люди оставшіеся вѣрными консервативнымъ убѣжденіямъ и нынѣ страдающіе внутреннимъ безсиліемъ, даже при искуственно оказываемой имъ могущественной поддержкѣ. Въ противоположность такому сочувственному отношенію общества къ либеральнымъ органамъ печати, главное управленіе по дѣламъ печати ставитъ всевозможныя преграды для распространенія въ обществѣ либеральной прессы и этимъ оказываетъ искуственную поддержку консервативнымъ органамъ. Значитъ—между стремленіями и симпатіями съ одной стороны общества, а съ другой стороны главнаго управленія по дѣламъ печати существуетъ явный и глубокій разладъ. Этотъ разладъ представляетъ собою фактъ весьма печальнаго свойства, устраненіе котораго было бы въ высшей степени желательно въ обоюдныхъ интересахъ—какъ общества, такъ и правительственной власти. Между обществомъ и органами правительственной власти не должно быть не только разлада, но и ни малѣйшихъ недоразумѣній. Они должны идти за-одно, дружно, рука объ руку, чтобы совокупными усиліями достигнуть одной и той же цѣли — общаго благополучія. Но для того, чтобы согласиться между собою и устранить всякія недоразумѣнія, они должны отнестись другъ къ другу съ искреннимъ довѣріемъ, и прежде всего правительственная

власть должна узнать желаніе и дѣйствительное настроеніе общества. Но между печатью, какъ выразительницею общественнаго мнѣнія, и между правительственною властью стоитъ преграда въ видѣ главнаго управленія по дѣламъ печати. Понятное дѣло, что общество, стремящееся къ завѣтному для него единенію съ властью, въ высшей степени недовольно существованіемъ такой преграды и желало бы ея уничтоженія. Такое недовольство, судя по газетнымъ извѣстіямъ, уже начинаетъ обнаруживаться открыто. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что въ г. Смоленскѣ составлена петиція министру внутреннихъ дѣлъ о возобновленіи пріостановленнаго изданія *Смоленскаго Вѣстника*, причемъ подъ нею подписались весьма многіе изъ жителей города, начиная съ городскаго головы, прокурора окружнаго суда, мировыхъ судей, гласныхъ думы и т. д. Здравая политика не можетъ допустить разлада между обществомъ и правительственною властью, а напротивъ должна употребить всѣ силы и старанія къ устраненію такого разлада, коль скоро явились бы хотя малѣйшіе, неясные, признаки его. Конечно, правительство должно зорко слѣдить за силою и взаимнымъ положеніемъ общественныхъ партій; но весьма не желательно такое положеніе, которое даетъ возможность правительственнымъ учрежденіямъ оказывать искуственную поддержку одной партіи противъ другой. Такая искуственная поддержка не можетъ принести ни малѣйшей пользы, коль скоро общественная партія, противъ которой принимаются мѣры, сама по себѣ безсильна и не имѣетъ корней въ обществѣ. Если же эта преслѣдуемая партія сильна сочувствіемъ общества, тогда вмѣшательство органовъ правительственной власти только возбуждаетъ общественное мнѣніе и порождаетъ въ обществѣ недовольство. Поэтому печать, какъ выразительница общественнаго мнѣнія, должна быть поставлена такъ, чтобы правительство въ отношеніи къ ней дѣйствовало вполнѣ безпристрастно, не оказывая ни малѣйшей поддержки и не давая никакихъ преимуществъ органамъ одной партіи предъ органами другихъ партій. Только такое безпристрастное отношеніе къ печати внушаетъ ей спокойную увѣренность въ прочности существующаго порядка и предохраняетъ ее отъ страстныхъ увлеченій, что въ высшей степени важно и желательно въ интересахъ правительства и общества. Общество должно развиваться спокойно, безъ всякихъ страстныхъ увлеченій, а такое спокойное развитіе возможно только при пользованіи свободою и при сознательномъ стремленіи общества сохранить для себя свободу, признанную закономъ и обставленную прочными гарантіями. Правительство съ своей стороны уже высказало неизмѣнное намѣреніе находиться въ постоянномъ живомъ общеніи съ обществомъ, и, безъ сомнѣнія, немедленно достигнетъ этого, всѣми желаемаго, общенія, дѣйствуя въ одномъ и томъ же направленіи съ опредѣлившимся и выяснившимся большинствомъ общества. Собственные интересы правительства требуютъ не противодѣйствовать выясненію общественнаго настрое-

нія, а напротивъ охранять и обезпечивать для общества возможность свободнаго выраженія его желаній, нуждъ, потребностей, что можетъ быть достигнуто только въ томъ случаѣ, когда всѣ правительственныя учрежденія будутъ вполнѣ безпристрастно относиться къ происходящей въ нѣдрахъ общества борьбѣ между партіями. Но такое безпристрастное отношеніе къ общественнымъ партіямъ невозможно до тѣхъ поръ, пока судьбы печати будутъ находиться въ рукахъ администраціи. Коль скоро послѣдней предоставлено широкое, ничѣмъ не стѣсняемое, право распоряжаться судьбами прессы, то администрація по неволѣ должна бываетъ руководствоваться однимъ личнымъ сочувствіемъ къ той или другой изъ общественныхъ партій, оказывать извѣстную поддержку органамъ этой партіи и преслѣдовать органы другихъ партій. Иначе администрація и не можетъ поступать, потому что ей нечѣмъ инымъ и руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ печати, если права послѣдней не опредѣлены законодательнымъ порядкомъ съ точностью, не допускающею ни малѣйшаго произвольнаго вмѣшательства администраціи. Поэтому положеніе нашей печати не можетъ быть ни мало улучшено однимъ только болѣе снисходительнымъ къ ней отношеніемъ административной власти. Предъ нашими глазами, даже и теперь, не мало примѣровъ того, что нѣкоторые мѣстные администраторы относятся съ благородною сдержанностью къ органамъ печати, отказываясь прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ противъ нихъ; но, увы, и эти рѣдкіе по своему безпристрастію люди сплошь да рядомъ, по не зависящимъ обстоятельствамъ, бываютъ вынуждены оказывать давленіе на печать. Даже глубокочестное, заслуживающее всякой похвалы и благодарности, отношеніе къ печати бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова не принесло ей, строго говоря, ни малѣйшей пользы, прочно не улучшило положенія ея. Печать можетъ ожидать облегченій и улучшенія своего тяжелаго положенія не отъ милостиваго отношенія къ ней административной власти, но только отъ одного закона, который бы вполнѣ отмѣнилъ право администраціи по своему произволу оказывать какое бы то ни было воздѣйствіе на печать и который бы предоставилъ однимъ лишь общимъ судамъ право карать за проступки по дѣламъ печати въ случаяхъ, точно и строго опредѣленныхъ. Мысль о необходимости законодательнымъ путемъ обезпечить положеніе нашей печати была одобрена покойнымъ Государемъ Императоромъ, по волѣ котораго, въ прошломъ году, была учреждена особая коммиссія для пересмотра существующихъ законовъ о печати. Извѣстно, что въ средѣ этой коммиссіи произошелъ разладъ, причемъ одна часть членовъ ея высказалась противъ необходимости измѣненія существующаго нынѣ порядка вещей. Тѣмъ не менѣе послѣднее мнѣніе не одержало рѣшительнаго перевѣса въ коммиссіи и труды ея продолжались до тѣхъ поръ, пока памятное всѣмъ ужасное событіе не прекратило дни покойнаго Государя. Съ того времени о трудахъ коммиссіи болѣе ничего не слышно и не из-

вѣстно даже, продолжаетъ ли она существовать. Но теперешнее, до невозможности тяжелое, положеніе печати едва ли можетъ просуществовать долгое время и по всей вѣроятности придется, въ видахъ облегченія этого положенія, вновь обратиться къ трудамъ коммиссіи. Мы надѣемся, что скоро наступитъ пора, когда правительство снова подниметъ забытый на время вопросъ объ облегченіи положенія печати путемъ законодательныхъ мѣропріятій, преградитъ для администраціи возможность вмѣшательства въ борьбу общественныхъ партій на журнальной почвѣ и признаетъ за русскимъ обществомъ священнѣйшее изъ человѣчечкихъ правъ — право на свободное выраженіе мысли путемъ печати.

С. Пр.

Хроника французской жизни.

V *).

Проектъ немедленнаго распущенія палаты.—Независимое сердце г. Гамбетты.—Два полюса настоящей республики.—Безпорядки въ Марсели и затрудненія въ Тунисѣ.—Раздраженіе Италіи.—Генералъ Чальдини.—Послѣдній циркуляръ г. Бартелеми Сентъ-Илера.—Волненія въ Оронѣ.—Алжирскій режимъ.—Monsieur Frère и генералъ Соссье.—Законъ о первоначальномъ обученіи въ сенатѣ.—Участіе г. Жюль Симона въ преніяхъ.—Законъ о печати и налогъ на бумагу.—Предположенія касательно будущаго назначенія Пантеона и посольства при папскомъ дворѣ.—Предстоящіе общіе выборы въ палату и кандидатуры рабочихъ.—Казусъ съ депутатомъ Дойеномъ.—Прорытіе Симплонскаго туннеля.—Вознагражденіе жертвъ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года.—Праздникъ Гоша и манифестаціи ирландцевъ предъ статуей этого генерала.—Новыя книги: «Грѣхъ дѣвственницы», «Словарь общихъ мѣстъ», «Ежегодникъ печати», «Во дворцѣ юстиціи», «Исторія революціоннаго трибунала», четвертый томъ, Валлона, «Очеркъ французской революціи» Мишле, «Парижъ-столица».—Динамитъ подъ статуей Тьера въ Сенъ-Жерменѣ.—Скульптура на художественной выставкѣ въ Елисейскомъ дворцѣ.—Монсиньоръ де-Сегюръ и печали графа Шамбора-Дюфоръ и Сенъ-Клэръ Девилль.—Журналы: *La Revue des Deux Mondes* и *La Revue Nouvelle*.

Пораженіе, испытанное г. Гамбеттой въ сенатѣ, въ вопросѣ о выборахъ по спискамъ, было довершено на другой же день въ палатѣ отказомъ со стороны даже большинства его сторонниковъ присоединиться къ выраженному имъ желанію преждевременнаго распущенія палаты. Всѣхъ удивило, что г. Гамбетта нахмурилъ брови на палату, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дала ему столько доказательствъ своего послушанія. Говорите тутъ о благодарности! Но независимость сердца—отличительное свойство г. Гамбетты, по мнѣнію наиболѣе близкихъ къ нему людей. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ, какъ кажется, рѣзкій контрастъ съ Наполеономъ III, который никогда не забывалъ оказанной ему услуги и у котораго свойство быть признательнымъ къ другимъ составляло одну не изъ маловажныхъ пружинъ его вліянія на другихъ.

Мы ждемъ общихъ выборовъ въ сентябрѣ, именно 25 числа, какъ говорятъ, такъ какъ срокъ полномочій настоящей палаты истекаетъ 14-го

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

октября. Отверженіе сенатомъ законопроекта о выборахъ по спискамъ положило конецъ агитаціи гамбеттистовъ. Г. Гамбетта мечталъ, конечно, достигнуть посредствомъ выборовъ по спискамъ, во главѣ которыхъ во многихъ департаментахъ стояло бы, конечно, его имя,—образованія такой палаты, которая была бы всецѣло предана ему. Онъ не разъ говорилъ, а политическіе ротозѣи не разъ повторяли за нимъ: «все дѣло въ принципахъ, а не въ людяхъ». Въ дѣйствительности это значитъ: и въ политическомъ корпусѣ, не менѣе какъ и въ армейскомъ, главное—генералъ; пассивное послушаніе солдатъ—вотъ все, что необходимо. Для г. Гамбетты невыносима всякая политическая личность, которая могла бы оставить его въ тѣни: ему нужны нѣмые люди, лишь бы они вотировали хорошо. Въ своихъ обычныхъ органахъ г. Гамбетта ставилъ въ упрекъ настоящему составу палаты его посредственность, какъ законодателя. Но можно быть увѣреннымъ, что съ системой выборовъ по спискамъ число посредственностей въ палатѣ только возрасло бы, такъ какъ первое качество, которое потребовали бы отъ депутата избирательныя коммиссіи, организованныя подъ ферулой президента палаты, заключалось бы въ безусловномъ послушаніи. Съ системой же выборовъ по округамъ будущая палата едва ли много будетъ разниться отъ той, которая оканчиваетъ свое существованіе: нѣсколькими реакціонерами менѣе, нѣсколькими радикалами болѣе—вотъ и вся разница. Никакой избирательной борьбы между правительствомъ и г. Гамбеттой ожидать нельзя, но г. Жюль Ферри не вступитъ по выборамъ въ связь съ г. Гамбеттой, а г. Кутонъ, другъ г. Гамбетты, не окажетъ значительнаго противодѣйствія президенту совѣта, который не задумался бы взять себѣ другаго товарища.

Застрѣльщики г. Гамбетты, и во главѣ ихъ г. Ранкъ, сочли не лишнимъ открыть походъ противъ самого г. Греви, съ тѣмъ, чтобы выдѣлить президента палаты отъ всякой отвѣтственности въ настоящей политикѣ правительства. Г. Ранкъ, въ газетѣ Voltaire, былъ очень суровъ. Онъ припомнилъ слова, сказанныя г. Греви при вступленіи въ президентство: «лучшее, что предстоитъ сдѣлать республиканцамъ, это—ничего не дѣлать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ». Г. Ранкъ воспользовался этими словами съ тѣмъ, чтобы противопоставить политикѣ застоя, рекомендованной г. Греви, политику прогресса г. Гамбетты. На банкетѣ же въ память генерала Гоша г. Ранкъ пошелъ еще далѣе своего сотоварища по гамбеттизму, г. Спюллера, президента парламентской группы легкой кавалеріи гамбеттистовъ, и окончилъ свой тостъ словами: «или республика будетъ прогрессивной, или ея вовсе не будетъ». Между тѣмъ какъ г. Жюль Ферри, въ произнесенной имъ въ Эпиналѣ, въ качествѣ президента конкурса по присужденію наградъ экспонентамъ окружной земледѣльческой выставки, рѣчи, объявилъ, что все хорошее, достигнутое республикой за послѣдніе годы, должно быть приписано духу умѣренности и что олицетвореніемъ этого духа умѣренности служитъ г. Греви.

Но всѣ эти слова умѣренныхъ и прогрессистовъ, имѣющія не болѣе какъ относительное значеніе, едва ли могутъ возбудить какой-либо энтузіазмъ въ публикѣ. Если справедливо, что каждый можетъ очутиться якобинцемъ въ глазахъ другаго, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что одинъ можетъ оказаться болѣе умѣреннымъ, чѣмъ другой, и болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ другіе. Важно вполнѣ точно опредѣлить, чего мы хотимъ и чего не хотимъ. Съ этой же точки зрѣнія програма нашихъ правителей и неясна, и неопредѣленна въ высшей степени. Гамбетту, напримѣръ, справедливо упрекали за его беллевильскую програму: и въ самомъ дѣлѣ стоитъ прочесть принятіе имъ предложенной ему въ 1869 году програмы, чтобы быть пораженнымъ ретроспективно, тѣмъ лукавствомъ, съ которымъ онъ подрывалъ эту програму даже при помощи тѣхъ самыхъ выраженій, напыщенныхъ и неопредѣленныхъ, съ которыми онъ присвоивалъ ее. Надо прибавить, что пренебреженіе къ данному слову, которое съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе общимъ, порождаетъ въ массахъ политическій скептицизмъ. Г. Жюль Ферри, одинъ изъ самыхъ твердыхъ, однако же, характеровъ, не такъ давно еще объявлялъ въ палатѣ, что практика власти измѣнила его взглядъ на вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и уничтоженіе бюджета исповѣданій. И если г. Гамбетта долженъ быть признанъ великимъ жрецомъ оппортюнизма, то вѣдь и всѣ партіи болѣе или менѣе проникнуты этою доктриной, по которой каждая вещь признается на столько годной, на сколько она вяжется съ тѣми или другими интересами дня. На вопросы не смотрятъ уже съ точки зрѣнія принциповъ, а лишь съ точки зрѣнія тѣхъ выгодъ, какія могутъ быть извлечены изъ нихъ для той или другой партіи, для той или иной личности. Вотъ почему оппортюнизмъ есть не болѣе какъ секта той религіи, которую одинъ великій мыслитель называлъ «религіей того, что болѣе приноситъ дохода», иначе—орлеанизма. Вотъ почему, какъ кто-то замѣтилъ, настоящій вождь оппортюнизма чрезъ него же и погибнетъ, ибо настанетъ день, когда и его авторитетъ перестанетъ быть годнымъ. И у гамбеттистскаго оппортюнизма будетъ не болѣе же мучениковъ, чѣмъ и у самого орлеанизма. Наша настоящая республика—орлеанистская республика. И она имѣетъ два полюса, въ гг. Греви и Гамбеттѣ, подобно тому какъ монархія Луи-Филиппа имѣла ихъ въ гг. Гизо и Тьерѣ, которые, въ сущности, были вполнѣ согласны между собою. И теперь, какъ тогда, можно сказать то же, что сказалъ г. де-Ремюза (лѣваго центра) наканунѣ вступленія въ управленіе кабинета 2-го марта 1840 года: «мы будемъ дышать тѣмъ же воздухомъ, но будемъ дышать имъ съ большею пользой». И если завтра же г. Гамбетта будетъ президентомъ совѣта или даже президентомъ республики, онъ будетъ дѣлать то же, что дѣлаютъ теперь г. Ферри или г. Греви. О Тьерѣ говорили, что онъ любитъ шумный миръ, тогда какъ Гизо—тихій: то же можно сказать о г. Гамбеттѣ по отношенію къ гг. Жюлю Ферри и Греви.

Точку отправленія тунисской кампаніи надо искать, конечно, въ желаніи пожать дешевые лавры въ Африкѣ наканунѣ выборовъ; но, увы, эта кампанія не оправдала всѣхъ тѣхъ надеждъ, какія возлагались на нее какъ правительствомъ, такъ и президентомъ палаты депутатовъ. Первый плодъ, принесенный экспидиціей, была вражда итальянцевъ, прорвавшаяся наружу въ безпорядкахъ въ Марсели между французами и итальянцами. Присутствіе итальянскаго флага надъ зданіемъ итальянскаго клуба въ день вступленія въ городъ войскъ, возвращавшихся изъ Туниса, вызвало въ толпѣ свистки, а за нимъ и ручную потасовку между индивидуумами обѣихъ національностей. Число всѣхъ итальянцевъ, проживавшихъ въ Марсели, доходило до 60.000 человѣкъ, все большею частью рабочихъ, не говоря уже о значительномъ числѣ итальянскихъ эмигрантовъ, проѣзжающихъ чрезъ Марсель на пути въ Америку. Оба правительства сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы затушить дѣло; но если можно подавить и даже предупредить безпорядки въ публичномъ мѣстѣ, нравственная рана заживаетъ не скоро. Многочисленныя манифестаціи противъ Франціи, происходившія въ различныхъ большихъ городахъ Итальянскаго полуострова, указываютъ, что настроеніе умовъ въ Италіи относительно Франціи мало разнится отъ того настроенія ихъ, какое было на другой день послѣ Ментаны. Правда, что молодая правая въ Италіи не была бы огорчена волненіями, которыя подвергли бы опасности существованіе министерства лѣвой, которое она желала бы низвергнуть и замѣнить другимъ; но даже самый гарибальдизмъ, несмотря на сильныя симпатіи, заявленныя имъ въ 1870 и 1871 годахъ къ Франціи, сильно раздраженъ теперь тѣмъ, что онъ считаетъ оскорбленіемъ Италіи. Гарибальди издалъ письмо, въ которомъ послѣ довольно рѣзкихъ упрековъ правительству Французской республики, онъ дѣлаетъ полунамекъ на г. Гамбетту, когда говоритъ о тѣхъ, которые отступаются отъ Италіи изъ опасенія, чтобъ ихъ не сочли въ самомъ дѣлѣ за итальянцевъ. Дѣло въ томъ, что итальянцы, возлагавшіе большія надежды на г. Гамбетту, генуезца по происхожденію, въ дѣлѣ все большаго скрѣпленія дружественныхъ узъ между Италіей и Франціей, были весьма сильно разочарованы. Но изъ всѣхъ французовъ г. Гамбетта и есть какъ разъ тотъ человѣкъ, который, именно въ силу своего происхожденія, долженъ быть въ особенности остороженъ во всѣхъ франко-итальянскихъ вопросахъ. Стоило кому-то объявить на дняхъ въ шутку въ одной изъ публичныхъ сходокъ, что послѣ тунисскаго трактата г. Гамбет*та* офранцузилъ свое имя въ Гамбет*тъ* подобно тому, какъ послѣ кампо-формійскаго трактата генералъ Буонапарте сталъ подписываться Бонапартъ, и этой новости повѣрили на минуту,—такъ много отвѣчала она природѣ вещей.

Въ разговорѣ съ однимъ газетнымъ репортеромъ, нѣсколько дней тому назадъ, генералъ Чальдини сказалъ, что когда двое ухаживаютъ за одной и тою же женщиной, успѣхъ одного изъ соперниковъ долженъ непремѣнно

произвести тяжелое впечатлѣніе на другаго. Думая оправдать такимъ образомъ Италію, генералъ Чальдини, самъ того не зная, только подтверждалъ обвиненіе, которое просвѣчиваетъ среди разныхъ длиннотъ послѣдняго циркуляра г. Бартелеми Сентъ-Илера, тамъ, гдѣ онъ касается тунисскаго вопроса, именно, что Франція поспѣшила дѣйствовать въ Тунисѣ, прежде чѣмъ извѣстныя поползновенія будутъ имѣть достаточное время, чтобы сдѣлаться опасными.

Если Италія находила, что занятіе Туниса какой-нибудь великою державой можетъ представлять опасность для нея, то почему же ея министры не позаботились просвѣтить европейское общественное мнѣніе на этотъ счетъ? Тогда Италія не была бы такъ непріятно поражена, какъ въ настоящую минуту, къ немалому удивленію большинства французской публики, которая, какъ мало свѣдущая въ исторіи и особенно въ географіи, ограничилась въ такомъ щекотливомъ вопросѣ только такимъ простымъ соображеніемъ: «А какое дѣло итальянцамъ до этого? Развѣ Тунисъ имъ принадлежитъ? Хорошо ли, худо ли мы дѣлаемъ, пускаясь въ экспедицію, это наше дѣло. Но хорошо ли съ ихъ стороны мѣшать намъ и обнаруживать зависть, точно мы овладѣли чѣмъ-то имъ принадлежащимъ?».

Такъ какъ Тунисъ, на другой день по заключеніи Берлинскаго трактата, былъ предложенъ одновременно и Франціи, и Италіи, и такъ какъ это не было тайной ни для той, ни для этой, то великіе государственные люди должны бы были тщательно отстранить отъ себя это яблоко раздора, сказавъ себѣ: пусть Тунисъ не будетъ принадлежать ни тому, ни другому, но останется независимымъ. И они должны бы были, съ тѣмъ же добрымъ согласіемъ, укрѣпить туземную автономію Туниса, постепенно развивая въ странѣ европейскую цивилизацію, то-есть дѣлать въ Тунисѣ то, чего не сдѣлано въ Африкѣ, но о чемъ мечталъ одно время Абдель-Кадеръ, когда онъ, послѣ трактата въ Тафуа, отъ котораго такъ несправедливо отперлась потомъ Франція, старался цивилизовать, подъ сѣнью французскаго знамени, части страны, остававшіяся еще независимыми, и ассимилировать изъ европейской культуры все то, что могла бы ассимилировать арабская раса въ настоящее время. Вмѣсто этого нашли, что будетъ проще приступить къ уничтоженію арабскаго элемента въ Алжирѣ, чтобы замѣстить его элементомъ далеко не изъ лучшихъ въ Европѣ. То же самое принуждены были продолжать и въ Тунисѣ.

Худо то, что, въ сущности, въ то время, когда Франція говорила себѣ: я могу найти въ Тунисѣ нѣчто въ родѣ кратковременнаго вознагражденія за потерю Эльзасъ-Лотарингіи, Италія думала про себя: въ одинъ прекрасный день, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, я могла бы основаться на хозяйскихъ правахъ въ Тунисѣ. У итальянцевъ, очевидно, была задняя мысль, что Германія съ большимъ удовольствіемъ будетъ видѣть итальянцевъ въ Тунисѣ, чѣмъ французовъ. Но это былъ обманчивый разсчетъ. Князь Бисмаркъ, для котораго въ концѣ концовъ было довольно

безразлично, будетъ ли Тунисъ занятъ тою или другой изъ двухъ державъ, лишь бы между обѣими націями пробудилось соперничество, долженъ былъ во всякомъ случаѣ склониться въ пользу поддержанія французской экспедиціи, потому, во-первыхъ, что она была уже неизбѣжной, и потому, наконецъ, что африканскій берегъ открывалъ предохранительный клапанъ для избытка новыхъ силъ Франціи. Да и кромѣ того для завоевателя Эльзасъ-Лотарингіи вовсе не могло быть непріятнымъ видѣть, что Франція падаетъ нравственно, осуществляя на практикѣ также право завоеванія, опираясь только на превосходство своей цивилизаціи.

Очень можетъ быть, что и Италія кончитъ тѣмъ, что примирится съ французскимъ занятіемъ Туниса, подобно тому, какъ Англія примирилась же съ занятіемъ Алжира. Тѣмъ временемъ, однако же, вражда Италіи къ Франціи вызоветъ радость въ Германіи.

Тунисская экспедиція, какъ и слѣдовало ожидать, отозвалась въ возстаніи алжирскихъ племенъ. Что бы ни говорили, но французское владычество такъ плохо еще упрочилось на африканской почвѣ, что вотъ, спустя уже пятьдесятъ лѣтъ, туземцы съ радостью хватаются за малѣйшій предлогъ, чтобы возстать. И до сихъ поръ, съ перваго же дня занятія Алжира, туземцы лишены всякихъ правъ. Не одинъ разъ болѣе великодушныя чувства по отношенію къ покореннымъ племенамъ готовы были пробудиться во Франціи, но всякій разъ проектъ даровать правосудіе арабамъ терпѣлъ неудачу. Когда Наполеонъ III, за много еще лѣтъ до своего паденія, во всей полнотѣ и престижѣ своей власти, посѣтилъ Алжиръ, онъ вынесъ оттуда глубокое сознаніе тѣхъ обязанностей, какія лежатъ на Франціи относительно туземцевъ Алжира. Въ письмѣ къ своему министру, надѣлавшемъ въ свое время много шуму, онъ предложилъ нѣсколько мѣропріятій въ пользу алжирскаго населенія, т.-е. туземцевъ. Но письмо это осталось мертвою буквой. И потомъ, какъ сперва, относительно управленія Алжира продолжали противустоять двѣ идеи: по одной— въ Алжирѣ должна продолжать существовать военная диктатура, по другой—она должна быть замѣнена гражданскимъ управленіемъ европейскаго меньшинства. Каждый разъ, съ опытомъ введенія гражданскаго управленія, возстанія туземцевъ быстро приводили къ возстановленію военнаго режима. И это потому, что, при гражданскомъ управленіи края, военныя власти не прилагаютъ такого усердія къ подавленію движенія, существованіе и развитіе котораго обличаютъ несостоятельность гражданскаго режима и должны неизбѣжно приводить къ возврату военнаго режима. Съ другой же стороны,—хотя объ этомъ никогда не думаютъ наши законодатели, — если гражданское управленіе въ принципѣ и выше военнаго управленія, для массы населенія гораздо легче быть подчиненной режиму сабли, суровому, но по крайней мѣрѣ равному для всѣхъ, чѣмъ господству гражданскихъ конкуррентовъ, которые такимъ неравнодушнымъ окомъ взираютъ на земли тѣхъ, которые, въ качествѣ туземныхъ мусульманъ, не имѣютъ правъ на свою же собственную почву.

Такова должна быть истинная точка зрѣнія; но въ нижней палатѣ депутатовъ никто не хотѣлъ ее усвоить себѣ. Говорили за и противъ такъ-называемаго у насъ иронически Monsieur Frère, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ у него не было никакихъ другихъ правъ занять постъ гражданскаго губернатора Алжира, кромѣ права быть братомъ президента республики. И вся парламентская кампанія была направлена не въ видахъ блага колоніи, но съ тѣмъ, чтобы повредить или не повредить г. Греви. Говорятъ, что приписываемое г. Гамбеттѣ желаніе задѣть г. Жюля Греви въ лицѣ его брата, Альбера, только тѣснѣе сплотило между собою ряды умѣренныхъ республиканцевъ, слѣдующихъ за кумой Ферри. Нѣкоторые журналисты замѣтили съ ироніей: если вамъ надо во что бы то ни стало воина, то чего лучше генерала Греви, другаго брата президента, лишь бы только вы не предпочли маркиза де-Галлифе, — генерала, который такъ энергически подавилъ коммуну и которому покровительствуетъ г. Гамбетта... Пока трудно еще угадать, какой генералъ будетъ назначенъ, но, несмотря на минутное торжество гражданскаго губернатора, онъ уже получилъ военнаго alter ego въ лицѣ генерала Соссье, въ ожиданіи преемника себѣ, которымъ, по всей вѣроятности, будетъ человѣкъ не отъ статскихъ дѣлъ.

Сенатъ, который довольно вѣрно выполняетъ роль законодательнаго *тормоза*, какъ говорили въ эпоху дилижансовъ, или *задержки*, какъ это можно сказать въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, старается, насколько можетъ, остановить обязательность первоначальнаго обученія, вотированную палатой. Надо сознаться, что статьи этого закона, при всѣхъ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ, такъ развязно формулированы, что даютъ поводъ къ возраженіямъ. Можно ли представить себѣ, напримѣръ, чтобы всѣ отцы семейства были обязаны ежегодно представлять своихъ дѣтей, воспитывающихся дома, на судъ особой школьной коммиссіи, экзаменъ которой повелъ бы прежде всего къ тому, что поколебалъ бы авторитетъ обученія самихъ родителей и быть-можетъ выставилъ бы ихъ въ смѣшномъ свѣтѣ? Понятно, что одинъ изъ сенаторовъ имѣлъ право сказать среди рукоплесканій большинства своихъ товарищей: «если эта статья пройдетъ, клянусь, что я ослушаюсь ея». Вотъ почему фиктивную санкцію этой статьи замѣнили штрафомъ, который налагаетъ судья, въ томъ случаѣ, еслибъ онъ нашелъ, что глава семейства пренебрегъ своими обязанностями, оставивъ своихъ дѣтей безъ образованія.

Тогда выступилъ г. Жюль Симонъ и, опираясь на декларацію своихъ товарищей, а именно Анри Мартена, что та свѣтская мораль, которая будетъ преподаваема во имя государства, есть мораль общая у всѣхъ религій и во всѣ эпохи человѣчества,—предложилъ, чтобы въ проектѣ было сказано, что наставникъ будетъ преподавать ребенку обязанности къ Богу и обязанности къ отечеству. Эта поправка, подъ впечатлѣніемъ рѣчи оратора, была принята сенатомъ. Коммиссія отвергла ее, замѣтивъ, что пред-

ставленіе своихъ обязанностей къ Богу не одинаково въ различныхъ культахъ и что двусмысленность выраженій въ предложеніи г. Жюль Симона поведетъ къ тому только, что возстановитъ на прежнемъ мѣстѣ духовенство, которое настоящій законъ желаетъ удалить изъ школы.

Въ сущности вопросъ плохо поставленъ и даже не понятъ тѣми, которые говорятъ о немъ, за исключеніемъ духовенства, которое знаетъ, чего хочетъ, т.-е. остаться властелиномъ общества чрезъ воспитаніе дѣтскаго возраста. Но какъ въ продолженіе вотъ уже цѣлаго вѣка, въ особенности, церковь слѣдуетъ въ одномъ направленіи, тогда какъ общество шествуетъ въ другомъ, то общество и старается оградить себя. Но оно не всегда дѣлаетъ это съ достаточною ловкостью. На что общество имѣетъ право, это, конечно, обучать дѣтей всему тому, что не можетъ не быть общимъ для всѣхъ дѣтей, рожденныхъ на той же почвѣ, и пріобщить ихъ къ дѣлежу нравственнаго капитала, завѣщаннаго предшествующими поколѣніями, уважая въ то же время свободу совѣсти каждаго.

Слѣдовательно, національное воспитаніе должно основываться на знаніи индивидуальныхъ особенностей націи, а также на знаніи нравственнаго закона, который подъ именемъ десяти заповѣдей управляетъ міромъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, присоединяя сюда все, что каждый почерпаетъ извнѣ, насколько могутъ желать родители, и затѣмъ мыслитъ, какъ ему угодно. Но, какъ кажется, мы еще далеки отъ такого воспитанія. Разные же болѣе или менѣе научные и матеріалистскіе вздоры, предустановленные для свѣтскаго обученія, легко могутъ, въ теченіе извѣстнаго времени, привести къ режиму обязательнаго катехизиса.

Мы пользуемся уже новымъ закономъ о правѣ публичныхъ собраній, который нѣсколько упростилъ формальности, установленныя по этому предмету такъ-называемымъ либеральнымъ закономъ конца имперіи. Но закономъ этимъ мало пользуются на практикѣ. Воспрещеніе постоянныхъ собраній, изъ страха къ клубамъ, мѣшаетъ образованію серьезныхъ публичныхъ собраній, которыя преслѣдовали бы одну и ту же цѣль — просвѣщенія и пропаганды. Остаются случайныя собранія, устроители которыхъ стараются сдѣлать ихъ тѣмъ болѣе пылкими, чтобы привлечь публику, и—оплачиваемыя конференціи, устраиваемыя подъ предсѣдательствомъ политическихъ знаменитостей, которые отдаютъ себя въ распоряженіе для *выставки*, in exhibition, какъ говорятъ англичане: отсюда, правда, перепадетъ кое-что авторамъ спеціальныхъ сочиненій школьныхъ или благотворительныхъ, но люди, которые подаются на участіе въ такого рода собраніяхъ, усвоиваютъ, незамѣтно для себя, театральный тонъ актеровъ, пожинаютъ аплодисменты, но теряютъ какъ въ авторитетности, такъ и въ тонѣ своей рѣчи, а также въ личной оригинальности.

Сенатъ готовится внести нѣсколько поправокъ въ законъ о печати, вотированный палатой. Г. Пелльтанъ, докладчикъ, указываетъ на необходимость многихъ измѣненій въ законѣ въ либеральномъ смыслѣ, но иные

опасаются, чтобъ это не повело къ отсрочкѣ вотированія закона. Какъ бы ни былъ несовершеннымъ этотъ законъ, однакоже желательно, чтобъ онъ прошелъ въ сенатѣ возможно скорѣе, такъ какъ имъ устраняются нѣсколько тормозовъ въ дѣлѣ печати: ихъ было, да и остается еще весьма не мало. Да вотъ, напримѣръ, среди толковъ объ уничтоженіи налога на бумагу, который замѣнилъ прежній штемпельный сборъ, возбуждается вопросъ о томъ, чтобы замѣнить налогъ патентнымъ сборомъ въ одно и то же время постояннымъ и пропорціональнымъ числу выпускаемыхъ журналомъ экземпляровъ. Но никому и въ голову не приходило освободить отъ всякихъ пошлинъ, за исключеніемъ промышленныхъ объявленій и рекламъ, журналъ, который ограничивается изложеніемъ и обсужденіемъ идей политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ. А между тѣмъ этимъ, и только этимъ, разрѣшается вопросъ о дѣйствительной свободѣ печати, которая у насъ если и избавилась отъ правительственной диктатуры, то чтобы подпасть финансовому гнету. Надо, чтобы журналъ могъ существовать своими подписчиками, тогда какъ теперь онъ предлагается публикѣ за то, во что на самомъ дѣлѣ обходится. Но откуда же покрывается разница? Очевидно, что дешевизна жунала отражается на его независимости. Секретъ этой дешевизны—секретъ полишинеля и тѣмъ не менѣе всемогущъ для кошелька всѣхъ и каждаго. Итакъ, журналъ необходимо освободить отъ тѣхъ исключительно повинностей, подъ гнетомъ которыхъ справедливо оставить тѣ лишь журналы, которые занимаются финансами и промышленностью.

Г. Бенжаменъ Распайль, старшій сынъ покойнаго Ф. В. Распайля, знаменитаго ученаго, который безъ диплома, наперекоръ и въ пику факультета, занимался всю свою жизнь медициной, и знаменитаго конспиратора, который провелъ столько лѣтъ въ тюрьмѣ за дѣло свободы,—снова хлопочетъ, чтобы палата возстановила за Пантеономъ его первоначальное назначеніе—культъ великихъ людей—и вырвалъ бы его изъ рукъ католической церкви, обратившей его въ церковь Св. Женевьевы.

Но едва ли г. Распайлю удастся восторжествовать до окончанія настоящей сессіи, такъ какъ министръ и даже многіе изъ депутатовъ крайней лѣвой не хотятъ слишкомъ раздражать духовенство накунунѣ выборовъ. Подъ вліяніемъ того же самаго соображенія было отвергнуто большинствомъ 300 голосовъ противъ 186 предложеніе г. Мадье де-Монжо объ уничтоженіи посольства при папѣ.

Начинаютъ уже подумывать объ избирательныхъ программахъ и о кандидатурахъ. Но удержаніе системы выборовъ по округамъ значительно упростило борьбу, которая остается по-прежнему больше вопросомъ о правахъ и вотумахъ настоящихъ депутатовъ, объ ихъ качествахъ и недостаткахъ, чѣмъ вопросомъ о принципахъ. И можно сказать, что среди той политической неурядицы, какая насъ окружаетъ, формулировать по-

литическіе принципы быть-можетъ гораздо труднѣе, чѣмъ воображаютъ. Въ Парижѣ мы будемъ имѣть нѣсколько кандитатовъ изъ рабочихъ, но безъ большой надежды на ихъ успѣхъ. Вотъ почему, теперь уже, мы видимъ, что вожди партіи рабочихъ отклоняютъ такія кандидатуры, какъ гг. Гведа и Малона, не столько изъ скромности, сколько во избѣжаніе пораженія.

Еще нѣсколько дней—и нашъ парламентъ разойдется. На послѣдяхъ ему приходится работать не мало, чтобъ окончить текущіе труды, т. е. вотировать проекты законовъ, давно уже разработанные, отсрочивать далѣе разсмотрѣніе которыхъ было бы весьма прискорбно. Итакъ, расходясь, парламентъ оставитъ наше политическое общество облегченнымъ хотя отъ нѣсколькихъ лишнихъ путъ.

Палата отказалась допустить на свою скамью г. Дойена и кассировала его избраніе потому, что онъ принялъ на себя въ то же время управленіе *Банкомъ рентъ и цѣнныхъ бумагъ,* основаннымъ для облегченія публики по возможности отъ избытка находящихся въ обращеніи рентъ и цѣнныхъ бумагъ. Не мало людей добиваются занять какой-нибудь общественный постъ только затѣмъ, чтобы съ большимъ удобствомъ обработать на немъ свои частныя дѣлишки. Жюль Клареси, издавшій недавно свой новый романъ, «Господинъ министръ», въ которомъ онъ старается набрасать картину возвышенія и паденія человѣка политики, вводитъ въ кабинетъ своего героя—потерявшаго власть одного биржевика, который предлагаетъ ему сдать въ наймы свой титулъ бывшаго министра. Все, чего биржевикъ проситъ—такъ это дозволить напечатать въ спискахъ совѣта управленія одного финансоваго общества имя и титулъ эксъ-президента бывшаго министерства, и развиваетъ свое предложеніе слѣдующимъ образомъ: «бывшій министръ всегда останется все-таки бывшимъ министромъ, а это сообщаетъ титулу нѣкоторую цѣнность, которая, подобно другимъ цѣнностямъ, котируется на биржѣ».

Парламентская коммиссія, проспавшая нѣсколько мѣсяцевъ надъ проектомъ прорытія Симплонскаго туннеля, рѣшила, наконецъ, проѣхаться на мѣсто для уясненія себѣ вопроса. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Палата весьма расположена въ пользу этого колоссальннаго предпріятія, предназначеннаго служить противувѣсомъ тѣхъ выгодъ, на какія разсчитываетъ для себя Германія отъ прорытія Сентъ-Готардскаго туннеля.

Сенатъ принялъ, наконецъ, проектъ закона, дарующій шесть милліоновъ франковъ на пожизненныя пенсіи жертвамъ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года. Напрасно г. де-Гаварди напоминалъ, что всеобщая подача голосовъ амнистировала, такъ сказать, государственный переворотъ. Если переворотъ 1851 года нельзя ничѣмъ оправдать,—говорилъ онъ,—то принципъ вознагражденія жертвъ политики весьма опасный принципъ. Вѣдь это, пожалуй, каждая торжествующая партія станетъ воз-

награждать своихъ друзей въ ущербъ бюджету. Послѣ 1815 года французскіе эмигранты отхватили себѣ ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлый милліардъ; республиканцы оказались, правда, менѣе хищными, но они забыли, что есть жертвы, вознаградить которыя деньги безсильны, и что оплачивая такія жертвы ихъ только унижаютъ.

Парижъ уже разукрашивается къ празднику 14 іюля. Вотъ уже годъ, какъ день годовщины взятія Бастиліи и Федерацій узаконенъ въ качествѣ національнаго празднества. Онъ замѣнилъ прежнее торжество 15 августа—день Св. Наполеона.

Генералъ Гошъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ патрона Французской республики. Ежегодно, въ Версалѣ, бываетъ празднество въ честь его. Въ этотъ разъ ирландцы устроили демонстрацію у подножія статуи человѣка, пытавшагося освободить Ирландію. Джонъ Стифенъ, основатель Общества феніевъ, произнесъ рѣчь по этому случаю. Правительство предоставило ирландцамъ полную свободу дѣйствій, но французы не вмѣшивались ни въ ихъ торжественную процессію, ни принимали участія въ ихъ банкетахъ, потому, конечно, чтобъ избѣгнуть всего того, что могло бы заставить нахмурить брови Англію.

Читая извѣстные романы, Жоржъ Занда, напримѣръ, вы забываете, что это—фикція. Вамъ кажется, что вы слушаете исповѣдь. Это не философъ, резонирующій надъ душою своего ближняго, это сама душа со всѣми ея страданіями. Вы не ощущаете подобной иллюзіи, читая «Грѣхъ дѣвственницы» Даніэля Даркъ, который не принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, у которыхъ ихъ томы служатъ выходомъ для клокочущей внутри ихъ, долго сдерживаемой страсти, отъ которой, иначе, разорвалось бы сердце. Онъ избралъ два типа священниковъ: одного—скептика, который остается вѣренъ своимъ обѣтамъ изъ любви къ покою, другаго—фанатика, который даетъ волю своей чувственности. Рядомъ съ этими двумя попами, которыхъ можно назвать «жирнымъ» и «тощимъ» попами, авторъ выводитъ двухъ ханжей: одну—дѣтской религіозности, другую—жестокосердую святошу. У обѣихъ этихъ ханжей есть восхитительная племянница, которую соблазняетъ одинъ верзила, недоросль изъ дворянъ, мать котораго противится этой связи. И молодая дѣвушка и ея любовникъ оба умираютъ: Авторъ хорошо знаетъ провинціальную среду—аггломератъ болѣе или менѣе крупнаго и болѣе или менѣе забавнаго эгоизма и тщеславія. Бальзакъ любилъ эти старинные дома, эти заплѣсневѣлыя совѣсти, эти неумолимыя выкладки и холодныя жестокости. Въ тѣсныхъ рамкахъ маленькаго городка люди имѣютъ возможность ближе наблюдать другъ друга, чѣмъ въ громадной столицѣ. Даніэль Даркъ, напротивъ, тенденціозный писатель. Его романы, подобно романамъ Вольтера, направлены противъ духовенства. Героиня его романа, несмотря на свое паденіе, остается въ его глазахъ все-таки святою, виноватыми же—бароны и баронессы, а въ особенности исповѣдники и ханжи.

Г. Люсьенъ Риго только-что выпустилъ въ свѣтъ свой «Словарь общихъ мѣстъ», встрѣчающихся въ разговорѣ, въ эпистолярномъ стилѣ, на сценѣ, въ книгахъ, въ газетахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ и т. д. Общія мѣста—это идеи ставшія банальными, переходящія изъ устъ въ уста, это—умершія идеи, предъ которыми когда-то, во время ихъ жизни, снимали шляпу, а теперь, когда онѣ сдѣлались обношеннымъ литературнымъ платьемъ, отъ нихъ отворачиваются. Небольшой томикъ г. Риго имѣетъ философскій интересъ. Мы находимъ въ немъ фразы, которыя, вслѣдствіе того, что такъ часто повторялись, производятъ впечатлѣніе тѣхъ избитыхъ арій, которыя разыгрываются шарманками. «Нарушить установленный порядокъ» или «добрый порядокъ, уваженіе къ законамъ и общественному спокойствію»—все это, по мнѣнію автора, не болѣе какъ старыя клише. Онъ сообщаетъ намъ метрики ихъ появленія на свѣтъ. Добрый порядокъ, уваженіе къ законамъ и къ общественной безопасности, напримѣръ, были пущены въ обращеніе впервые 7 августа 1830 года герцогомъ Орлеанскимъ. Опредѣленія г. Риго довольно мрачны: для него политика, напримѣръ, есть только «эксплуатація государства однимъ или нѣсколькими», душа—«слово, оказавшее большія услуги поэзіи», а любовь—это только безконечное движеніе. Въ лингвистическомъ отношеніи Словарь г. Риго оказываетъ ту услугу, что еще болѣе выставляетъ въ смѣшномъ свѣтѣ сравненія, считавшіяся когда-то поэтическими и которыя съ академическихъ высотъ спустились, мало-по-малу, въ дворницкія. Монархъ скажетъ: моя *жена*, но мелочной лавочникъ непремѣнно: моя *супруга*. Тѣ выраженія, которыя лѣтъ 30 тому назадъ украшали языкъ двора, теперь уснащаютъ обиходную рѣчь мелкой буржуазіи. Народъ, точно также какъ онъ пользуется изношеннымъ платьемъ высшихъ классовъ, часто пользуется и ихъ же устарѣвшими фразами. Впрочемъ, до сихъ поръ еще встрѣчаются версификаторы, увѣнчанные институтомъ, которые вмѣсто того, чтобы сказать: бѣлыя груди, непремѣнно скажутъ: «алебастровые шары». Человѣческая рѣчь никогда не обойдется безъ образовъ, но образы, наиболѣе глубоко врѣзавшіеся въ памяти большинства, становятся противными. Надо избѣгать говорить, что священникъ есть врачъ души, что доктора суть новѣйшіе эскулапы, или—о неувядаемой славѣ и жестокой стали. Замѣтимъ еще, что «Словарь общихъ мѣстъ» свидѣтельствуетъ, что господа драматурги чаще другихъ хватаются за всѣ эти фразы, канонизованныя въ вульгарномъ обиходѣ. Это только служитъ новымъ доказательствомъ вліянія театра. И замѣчательно, что тѣ трагическія тирады, которыми сначала наиболѣе увлекались, и суть именно тѣ, отъ которыхъ потомъ, когда онѣ долетятъ до уха, пробѣгаетъ просто дрожь по тѣлу.

Г. Мерме, въ своемъ *Ежегодникѣ печати*, даетъ статистическія свѣдѣнія о французской журналистикѣ. Къ 31 декабря 1879 года во Франціи издавалось 2.968 журналовъ, изъ которыхъ 1.316 въ Парижѣ и 1.652 въ департаментахъ. Въ теченіе 1880 года въ парижскую полицейскую

префектуру было предъявлено 413 названій новыхъ журналовъ, большая часть которыхъ просуществовали всего нѣсколько недѣль. Самая ничтожная газетка, наполняющая свои столбцы только статьями выкрадываемыми изъ энциклопедій и разными извѣстіями, Petit Journal печатается въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ—598.300. Съ точки зрѣнія политической окраски оказывается, что оппортюнистскіе органы печатаются въ числѣ 1.186.937 экземплярахъ, прогрессистскіе или «непримиримые» листки—въ числѣ 299.085 экземплярахъ, легитимистскія и католическія газеты — въ числѣ 182.382 экземплярахъ, орлеанистскіе органы—въ числѣ 178.659 экземплярахъ и, наконецъ, бонапартистскіе листки—въ числѣ 115.637 экземплярахъ. Авторъ собралъ много новыхъ подробностей всякаго рода о положеніи французской печати. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ типографскаго дѣла, онъ воспроизводитъ въ уменьшенномъ видѣ первую страницу каждаго изъ описываемыхъ имъ журналовъ; такое воспроизведеніе въ миніатюрѣ первыхъ страницъ журналовъ отличается, конечно, фотографическою точностью, но прочесть такую страницу можно только при помощи лупы.

Въ своемъ сочиненіи: «Во дворцѣ юстиціи» г. Далемъ руководитъ читателя въ лабиринтѣ нашихъ судебныхъ мѣстъ. Онъ отлично знаетъ отправленія судебной машины. Мы не имѣемъ возможности видѣть здѣсь всѣ пружины, приводящія въ движеніе эту сложную машину, ни тѣ части ея, которыя служатъ для болѣе успѣшной ея работы. Мы должны будемъ ограничиться заимствованіемъ у автора только нѣсколькихъ ея характеристическихъ чертъ. Начнемъ съ одной статистической подробности. Во Франціи, наприм., ежегодно рѣшается около двухъ милліоновъ процессовъ. И юстиція обходится бюджету въ тридцать пять милліоновъ. Вступивъ на порогъ зданія судебныхъ мѣстъ, авторъ восклицаетъ: «Театръ пережитой комедіи! Никто еще не переступалъ твой порогъ безъ рыданій или безъ зубоскальства, безъ содроганія или ужаса». И надобно ли еще приводить этому доказательства? У господина tout le monde болѣе здраваго смысла, чѣмъ у г. Вольтера, въ его насмѣшливомъ названіи, данномъ громадной залѣ суда Salle des Pas perdus: публика совѣщается въ ней со своими адвокатами. Тюремный міръ постоянно считаетъ у себя около 20.000 индивидуумовъ. Если счесть деревенскую и муниципольную полицію, таможенную и лѣсную стражи и т. д., то мы придемъ къ заключенію, что по наличному составу армія предупрежденія и преслѣдованія преступленій на столько же многочислена, какъ и армія злодѣяній. Въ книгѣ собрана масса типическихъ выраженій судей, полицейскихъ, обвиняемыхъ и осужденныхъ. Начальникъ полиціи безопасности, Алларъ, приведенный предъ изуродованный трупъ герцогини де-Праленъ, убитой своимъ мужемъ, сказалъ полицейскому префекту: «ну, это ударъ любителя!» Онъ узналъ по удару неопытную руку; онъ съ перваго же взгляда зналъ, что убійство совершено не преступникомъ по профессіи.

Въ этомъ адѣ, который зовутъ въ Парижѣ бѣднымъ кварталомъ, общественная благотворительность принимала до сихъ поръ участіе только въ такихъ дѣтяхъ, умершихъ естественною смертью родителей, которыхъ нельзя отнести ни къ законнымъ, ни къ сиротамъ. Одинъ рабочій лишаетъ себя жизни, набросавъ мѣломъ на своей мансардѣ слѣдующее завѣщаніе: «Вотъ образцовое произведеніе общества, такъ какъ было лучше, чтобъ умеръ отецъ для того, чтобы была оказана помощь дѣтямъ. Онъ умеръ. Пусть будутъ они счастливы! Такъ какъ отецъ стѣснялъ ихъ, то онъ исчезаетъ». Г. Далемъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: «раздавался ли когда-нибудь болѣе мрачный крикъ отчаянія?» Романисты могутъ найдти въ книгѣ г. Далема множество аргументовъ въ свою пользу, почти невѣроятныхъ. Онъ приводитъ, напримѣръ, такую подробность, что Арменаида Эжени Брикуръ, жена Граса, облившая въ 1879 году лицо г. Рене де-ла-Рошъ купороснымъ масломъ, заставивъ его предварительно подписать духовное завѣщаніе въ ея пользу, дебютировала прежде въ театрѣ, въ одной комедіи, носящей заглавіе: «Qui creve les Yeux les paie». Предсѣдателямъ ассизныхъ судовъ надо не мало терпѣнія. Особенно упорны и недовѣрчивы бываютъ крестьяне: заставить ихъ принести присягу—дѣло вовсе не такое легкое. «Вы присягнете въ томъ, что будете показывать безъ ненависти и безъ страха»,—говоритъ предсѣдатель одному крестьянину.—«Чего же мнѣ бояться или ненавидѣть, господинъ судья?»—отвѣчаетъ онъ.—«Дайте мнѣ кончить: что покажете сущую правду и только одну правду!»—«Ничего другаго, господинъ судья?»—«Оставьте ваши соображенія при васъ и присягайте».—«Да, господинъ судья».—«Говорите: клянусь».—«Говорю».—«Не говорите: «говорю», а подымите правую руку и произнесите это слово: клянусь».—«Значитъ, надо поднять руку?»—«Да».—«Вотъ оно что: значитъ мнѣ не довѣряютъ?» Такого рода сцены повторяются безпрерывно. Иные судьи отличаются страстью къ обвиненію: они смотрятъ на обвиняемаго точно охотникъ на дичь. Судился отравитель Эме, но онъ былъ такъ боленъ, что врачи признали невозможной для него явку въ судъ. Тогда предсѣдатель отправляется самъ къ подсудимому и говоритъ ему, что ему извѣстно до тонкости все его дѣло и что если у него можетъ быть какая-нибудь надежда ускользнуть отъ приговора, то только при его содѣйствіи, и такъ начиняетъ подсудимаго своими совѣтами, что тотъ, собравъ послѣднія физическія силы, рѣшается предстать въ судъ и здѣсь выслушиваетъ свой смертный приговоръ. «А вѣдь *гильотинированный*, *по убѣжденію* весельчака, Эжень Шоветъ,—говоритъ г. Далемъ,—считается лицомъ вымышленнымъ». Нѣсколько интересныхъ страницъ книги посвящены «завсегдатаямъ» суда присяжныхъ, которые проводятъ тутъ цѣлую жизнь, для которыхъ этотъ судъ—болѣе трогательная сцена, чѣмъ сцена театра французской комедіи. Чтобы лучше видѣть все происходящее на судѣ, болѣе стародавніе изъ этихъ завсегдатаевъ усаживаются, обыкновенно, на скамьи, отведенныя для запасныхъ присяжныхъ, такъ что ихъ

можно принять за участниковъ въ судбищѣ. Надо было произвести такъ сказать государственный переворотъ, чтобъ ихъ удалить на мѣста, назначенныя для обыкновенной публики. Что за странныя профессіи разоблачаются иногда на скамьѣ подсудимыхъ! «Окрашиватель индюшичьихъ лапъ въ черный цвѣтъ»,—такъ титулировалъ себя несчастный на вопросъ предсѣдателя объ его занятіяхъ. «Это пернатое животное,—поясняетъ авторъ,—предопредѣленное судьбою подъ соусъ съ трюфелями, считается тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ оно моложе, и вотъ живописцы, отъ которыхъ вовсе не требуется, чтобъ они родились на виллѣ Медичи, окрашиваютъ въ черный цвѣтъ почтенныя оконечности индеекъ съ тѣмъ, чтобы помолодить ихъ». Сочиненіе г-на Далемъ, кромѣ анекдотической стороны, содержитъ массу точныхъ и мало извѣстныхъ свѣдѣній о судебной корпораціи и мошенникахъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ замѣчательны по своему призванію. Нѣкто Жанъ Гебраръ, въ періодъ съ 1818 по 1875 годъ, былъ присужденъ къ 279 годамъ тюремнаго заключенія, заточенія, каторжныхъ работъ. Сколько преступныхъ покушеній порождается ужасающей парижскою нуждой! Можно бы привести много выдержекъ, чтобы дать понятіе объ этихъ темныхъ Уголино, обреченныхъ несостоятельностью нашей соціальной организаціи задавать себѣ каждое утро лихорадочный вопросъ, кого какъ проглотить изъ своихъ ближнихъ, для того чтобъ не умереть самимъ съ голода. А дѣти, которыя не имѣли передъ своими глазами никогда ничего другаго кромѣ порока и которыя никогда не знали радости?! Дѣвочка, заключенная при депо полицейской префектуры, то-есть въ одномъ изъ самыхъ поганыхъ мѣстъ Парижа, въ этомъ временномъ пріемникѣ шестидесяти тысячъ разнаго рода бродягъ и негодяевъ, подобранныхъ полицейскими агентами,—эта дѣвочка, говорю я, на вопросъ допрашивавшаго ее начальника мѣста заключенія, хорошо ли ей здѣсь, отвѣчала: «О, конечно, хорошо: тутъ, по крайней мѣрѣ, ѣдятъ каждый день». Въ чемъ же провинился этотъ ребенокъ?—Въ томъ, что попала подъ присмотръ, такъ какъ родители ея были арестованы за мошенничество. Сколько смягчающихъ обстоятельствъ будетъ признано на томъ свѣтѣ за этими несчастными, которые практиковали здѣсь зло просто потому, что имъ ни разу не приходилось даже узнать, что бы такое было добро.

Г. Валлонъ выпустилъ четвертый томъ своей «Исторіи революціоннаго трибунала». По мѣрѣ приближенія къ окончанію это сочиненіе превращается въ какой-то ретроспективный искъ противъ революціи вообще и и террора въ частности. Но авторъ приводитъ въ высшей степени интересные документы, что даетъ возможность читателю контролировать его выводы. Въ глазахъ г-на Валлонъ почти всѣ осужденные революціоннымъ трибуналомъ были, безъ исключенія, люди невинные. Авторъ съ охотою принимаетъ ихъ показанія за доказательства и обращаетъ ихъ противъ судей. Эти судьи, очевидно, были ужасные люди. Однакоже, нельзя забывать, что въ то время вся Франція походила на осажденный непрі-

ятелемъ городъ: и въ дѣйствительности къ осажденному отечеству былъ примѣненъ режимъ осажденнаго города, въ которомъ каждый, заикнувшійся о сдачѣ, наказывался смертью. Правда, что запальчивость политической страсти все возрастала, и вотъ, несмотря на честность и безпристрастіе почти каждаго изъ судей и присяжныхъ страшнаго трибунала, число осужденныхъ увеличивается съ ужасающею легкостью,—людей начинають карать просто по сходству именъ. Наконецъ, что это за ужасныя такъ-называемыя «горнила» конца террора, то-есть нѣсколькихъ недѣль, предшествовавшихъ 9 термидора,—горнила, равносильныя бойнѣ на широкую ногу?... Вами овладѣваетъ отвращеніе при чтеніи этой книги, гдѣ вы, такъ сказать, касаетесь пальцемъ до колоссальныхъ человѣческихъ заблужденій. Граждане со спокойною совѣстью производили элиминацію въ націи,—они думали, что спасутъ ее, если будутъ вычеркивать каждаго, кто думаетъ иначе, чѣмъ комитетъ общественнаго спасенія. Для того, чтобъ отсѣчь десятокъ головъ, въ то время требовалось гораздо менѣе церемоній, чѣмъ нужно въ обыкновенное время для того, чтобы присудить человѣка къ какимъ-нибудь пятнадцати днямъ тюремнаго заключенія. Пользуясь сдѣланнымъ уже нами уподобленіемъ Франціи той эпохи осажденному непріятелемъ городу, мы скажемъ, что, начавъ гильотинировать съ тѣхъ, которые заикались о сдачѣ, скоро взялись и за тѣхъ, которыхъ подозрѣвали только въ нежеланіи продолжать сопротивленіе непріятелю. Люди террора стали преслѣдовать съ ожесточеніемъ не только поступки или письма, но даже самыя намѣренія. Потомъ не было надобности знать даже и о намѣреніяхъ: достаточно было считаться дворяниномъ, чтобъ отправиться на эшифотъ. Старики и молодыя дѣвушки слагали на немъ свои головы единственно во искупленіе своего общественнаго положенія. Въ изданномъ томѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе въ особенности два процесса: прежде всего процессъ молодой Сесиль Рено, дочери мелочнаго лавочника, которая была заподозрѣна въ желаніи убить Робеспьера и которая признается, что была у него затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какіе бываютъ тираны, прибавляя при этомъ, что она предпочла бы власть одного короля власти сорока тысячъ тирановъ. Когда же у нея спросили, какимъ образомъ, думаетъ она, возможно возстановленіе королевской власти, она отвѣчаетъ: «Торжествомъ оружія союзныхъ державъ». Другой интересный процессъ—это процессъ Маріи Ланглуа, бывшей работницею на одной фермѣ. Подобно тому, какъ Сесиль Рено свидѣтельствовала въ пользу королевской власти, Марія Ланглуа свидѣтельствовала въ пользу церкви. Она говоритъ, что священники, назначенные помимо установленнаго епископа, незаконны, и объявляетъ именемъ Бога, что изгнанные священники будутъ возстановлены. Допросъ ея напоминаетъ акты мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанской эры. Она объявляетъ, что скорѣе умретъ мученицей, чѣмъ вѣроотступницей. Когда ей указываютъ на декреты конвента, она отвѣчаетъ, что ей вовсе не-

извѣстны людскіе законы. Эта необразованная дѣвушка разрушаетъ козни, разставленныя ей ея судьями; вотъ почему эта темная жертва имѣетъ нѣкоторую аналогію съ Жанной д'Аркъ, которая своими возвышенными репликами ставила въ тупикъ богослововъ Сорбонны и англійскихъ казуистовъ. Когда членъ директоріи департамента Сены и Уазы, допрашивавшій Марію Ланглуа, спрашиваетъ ее о томъ, кто такъ дурно наставилъ ее, въ ожиданіи, что вотъ она укажетъ ему нѣсколько именъ, она разрушаетъ его разсчетъ: «Это Господь наставилъ меня такъ, и я не нуждаюсь ни въ чьихъ другихъ наставленіяхъ». На вопросъ, вѣритъ ли она въ Бога, она восклицаетъ: «Если вы не вѣруете въ Бога, то во что же послѣ того вѣруете?» Члену директоріи хотѣлось, чтобъ она компрометировала кого-нибудь. Она сказала ему, что Богъ пользуется тѣми, которые стараются познать его волю. «Кого назовете вы мнѣ изъ тѣхъ, которыми пользуется Богъ, такъ какъ они стараются узнать Его волю?»— далѣе инсинуируетъ ея искуситель. Онъ воображаетъ, что сообщники ея теперь у него въ рукахъ уже: «Ихъ зовутъ Марья Жанна Ланглуа, которая и есть я сама». Хватаются за одну вырвавшуюся у нея фразу: что все, что ни сдѣлано конвентомъ — не болѣе какъ забава. Она мотивируетъ эту фразу такъ: «Потому что все, что ни дѣлается здѣсь на землѣ, за исключеніемъ спасенія души, не болѣе какъ дѣтскія забавы». Когда же ее спрашиваютъ, не думаютъ ли тѣ женщины, которыя заключены въ одной съ нею тюремной палатѣ, точно такъ же, какъ и она въ дѣлѣ религіи, она отвѣчаетъ: «Мнѣ неизвѣстно ихъ сердце, не мнѣ и судить ихъ».

Г. Валлонъ излагаетъ въ своей книгѣ организацію революціоннаго трибунала, біографическія замѣтки о главныхъ судьяхъ, а также—резюме массы процессовъ.

Книга, которой суждено стяжать дѣйствительный и заслуженный успѣхъ—это томъ, въ которомъ резюмированы семь томовъ исторіи французской революціи Мишле. Вдова великаго историка, проведшая съ нимъ двадцать лѣтъ жизни, проникнувшись его методомъ, а также не одинъ разъ выраженнымъ имъ желаніемъ, сжала это большое сочиненіе, не прибавляя въ него ничего отъ себя, въ одинъ томъ изъ 500 страницъ in 18. Она дала ему заглавіе: «Очерки французской революціи», г. Мишле,—заглавіе, напоминающее его же «Очеркъ исторіи Франціи» и «Очеркъ исторіи среднихъ вѣковъ»—сочиненій, служившихъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ основой преподаванія исторіи во всѣхъ французскихъ коллегіяхъ и лицеяхъ. Удивительное дѣло: сочиненіе Мишле нисколько не проигрываетъ въ такомъ сокращеніи,—напротивъ, иногда даже выигрываетъ. Одно изъ главныхъ достоинствъ пера Мишле состоитъ въ мастерствѣ штриха, сохранить который и старалась составительница въ «Очеркѣ». Разсказъ веденъ быстро, увлекательно. Чувствуется возвышенность мысли, горячая любовь къ родинѣ, ужасъ предъ всякою мѣрой, которая не была бы внушена благороднымъ чувствомъ. Читатель выноситъ изъ книги нравствен-

ное убѣжденіе, что употребленіе дурныхъ средствъ всегда компрометируетъ, если совсѣмъ не пріостанавливаетъ развитія гражданской свободы. Мишле начинаетъ свое изложеніе исторіи французской революціи съ «собранія генеральныхъ штатовъ» 4 мая 1789 года и оканчиваетъ его 9 термидора—днемъ паденія Робеспьера и началомъ конца террора. На книгу Мишле большой спросъ въ общинныя библіотеки; всего вѣроятнѣе, что она войдетъ въ употребленіе въ первоначальныхъ школахъ и потому заслуживаетъ быть переведенной на иностранные языки. На французскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, не появлялось до сихъ поръ болѣе безпристрастнаго и болѣе основательнаго сочиненія о великой французской революціи.

Нашъ вѣкъ злоупотребляетъ статуями. Во Франціи, напримѣръ, вы встрѣчаетесь съ цѣлой массой статуй, первообразы которыхъ извѣстны быть-можетъ только ученымъ, да и то по именамъ. И стоятъ эти знаменитые незнакомцы на своихъ цоколяхъ точно святые, покинутые своими поклонниками за то, что были такъ слегка канонизованы,—каменныя свидѣтельства капризныхъ вкусовъ извѣстныхъ политическихъ фазисовъ. Когда слава выростаетъ точно какой-нибудь шампиньонъ, въ одну ночь, она быстро подтачивается въ своемъ основаніи. Ничто такъ не оскорбляетъ глазъ, какъ червивая слава. Злоупотребленіе статуями, слѣдовательно, подрываетъ уваженіе къ искусству, дѣлаетъ массы иконоборцами. И вотъ подъ статуей Тьеру въ Сенъ-Жерменѣ находятъ динамитъ. Вошло было въ моду воздвигать статуи въ десяти разныхъ мѣстахъ этому освободителю національной территоріи отъ непріятеля на счетъ государственнаго казначейства. По мѣрѣ же все большаго пробужденія здраваго смысла все живѣе сознавалась вся нелѣпость возводить на высоту гражданской добродѣтели выкупъ своей родины изъ рукъ непріятеля за уплату извѣстнаго вознагражденія. Кто споритъ: разбить статую—всегда будетъ отзываться нѣсколько вандализмомъ, но далеко не мѣшало бы очистить національные музеи отъ контрабандныхъ великихъ людей, введенныхъ подлогомъ въ національный Пантеонъ и которыхъ надо бы сдать на тѣ артистическія кладбища, гдѣ мы видимъ столько головъ Цезаря, предъ которыми ихъ современники гнули свои спины до того лишь дня, пока не отправили ихъ на мѣсто казни. Мы ищемъ теперь безумія гордости въ чертахъ Нерона, прожорливости въ жирныхъ статуяхъ Вителлія, жестокосердія въ суровыхъ чертахъ Веспасіана. Все это человѣческіе документы и вотъ почему для исторіи, быть-можетъ, и будетъ имѣть значеніе лысая голова стараго, истасканнаго Жупра, герцога де-Морни, или буржуазная фигура въ очкахъ Тьера, полированная по-римски, которая, мнѣ всегда казалось, на столько же походитъ на Цицерона, на сколько Томъ Пусъ на Наполеона I, когда Барнумъ показывалъ этого знаменитаго карлика, закутаннаго въ сѣрый рединготъ и подъ маленькою шляпой. Но пока что, я не могу проходить по скульптурной выставкѣ безъ чувства сожалѣнія, что столько людей, имѣющихъ тамъ свою статую, не удовольствовались бюстомъ, и

что столько людей, ставившихъ свои бюсты въ натуральную величину, не приказали исполнить ихъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Давидъ д'Анжеръ вполнѣ ясно сознавалъ, что скульптура должна быть удѣломъ героевъ и что ее никакъ не слѣдовало бы обращать на послуги перваго встрѣчнаго. Каждый лавочникъ теперь воображаетъ, что его кокъ и бородавка имѣютъ значеніе для потомства. Когда проходишь у прекрасныхъ оконъ, подъ которыми укрываются скульптуры во дворцѣ Елисейскихъ-Полей, то встрѣчаешь тамъ такую массу старыхъ знакомыхъ головъ, точно вы видали ихъ гдѣ-то за прилавкомъ. И только кое-гдѣ мраморъ предлагаетъ вамъ мыслящее чело.

Одну изъ приманокъ скульптурной выставки въ нынѣшнемъ году представляетъ конкурсъ на сооруженіе монумента въ память учредительнаго національнаго собранія. Такой памятникъ представляетъ обширное поле для генія артистовъ, и, говоря правду, выставленные проекты не лишены достоинствъ. Наша республика не дерзаетъ еще почтить конвентъ иначе, какъ тощей мраморною дощечкой, которая напоминаетъ проходящимъ по улицѣ Риволи мѣсто, гдѣ засѣдалъ этотъ ужасный спаситель Франціи.

Революція—храмъ новѣйшей Франціи. Она чествуетъ сначала тѣхъ архитекторовъ, которые соорудили преддверіе этого храма. Она перейдетъ къ прославленію тѣхъ, которые воздвигли и цементировали кровью главный корпусъ зданія, не прежде, конечно, какъ будетъ положено начало увѣнчанію зданія. Вотъ почему мы имѣемъ пока статую тружениковъ первоначальнаго періода работъ: Байльи, Мирабо, Лафайетта, Сьеса. Это изъ Версаля они бросили перчатку старому порядку,—въ Версалѣ они и останутся на аллеѣ, къ Парижу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ статуи Людовика XIV и его дворца, вдали отъ парижскаго моря, слишкомъ бурнаго для ихъ спокойнаго темперамента. Учредительное собраніе было болѣе честно, чѣмъ рѣшительно; конвентъ же только и преклонялся что предъ энергіей. То бурныя волны уносили кормчихъ, то экипажъ выбрасывалъ ихъ за бортъ, сомнѣваясь въ ихъ энергіи; другіе, болѣе неустрашимые, причалили къ мели, несмотря на двойную, грозившую имъ тутъ, опасность, и корабль былъ спасенъ.

Вернемся къ нашему конкурсу и скажемъ тутъ же, что проектъ, удостоенный почетной медали, кажется намъ не изъ лучшихъ. Г. Формиже набрасываетъ предъ нами одинъ изъ тѣхъ псевдоклассическихъ перистилей, которыми, въ маніатюрѣ, такъ изобилуетъ Версальскій паркъ. На углахъ монумента помѣщены банальныя аллегорическія фигуры, лѣсенки полукругомъ, въ центрѣ же — колонна, увѣнчанная фигурой Республики, довольно неважной, которая держитъ одною рукой маленькую фигурку съ равнобедреннымъ треугольникомъ, а другою—масличную вѣтвь. Мнѣ больше нравится проектъ г. Шанселя: его Республика—простая женщина изъ народа—держитъ также равносторонній треугольникъ, но въ ней больше движенія и жизни. Въ проектѣ г. Гилльома Республика предлагаетъ рав-

носторонній треугольникъ на почитаніе вѣрующихъ съ тѣмъ же жестомъ священника, возносящаго Св. Дары, съ какимъ Аполлонъ Большой оперы держитъ свою лиру. Есть еще и Республика г. Брюно—добрая особа, которая, чтобъ угодить всѣмъ, держитъ въ одной рукѣ факелъ, а въ другой—масличную вѣтвь: и миролюбцы, и воинствующіе довольны. Еще одна Республика благословляетъ зрителей: за это ее наградили второю медалью. Еще одна копія съ антика—держитъ побѣдный свитокъ въ рукѣ. Г. Генаръ начертываетъ на колоннѣ всѣ имена членовъ учредительнаго собранія, подобно тому, какъ на колоннѣ Бастиліи начерчены имена борцовъ 1830 г. Вотъ одинъ художникъ украсилъ свою колонну кучей гербовъ: мысль рѣшительно неудачная, такъ какъ нельзя же забывать, что собраніе раздробило въ куски всѣ гербы Франціи. Конкурсъ обнаружилъ большое разнообразіе талантовъ, стѣсненныхъ еще въ своемъ полетѣ условіями, какими обыкновенно обставляются подобнаго рода артистическіе турниры, на которыхъ тотъ изъ конкуррентовъ имѣетъ наибольшіе шансы быть допущеннымъ, который никого не задѣваетъ и наименѣе уклоняется отъ рутины. Коммиссія, допускавшая на выставку художественныя произведенія, была выбрана самими артистами, и вотъ мы видимъ, что она присудила награды тѣмъ произведеніямъ, которыя наиболѣе удовлетворяли академическимъ требованіямъ, точно такъ же, какъ поступали и прежнія правительственныя коммиссіи. Большая золотая медаль была присуждена г. Алларъ за его «смерть Альцесты»—группѣ, внушенной тѣмъ мѣстомъ Эврипида, гдѣ Альцеста говоритъ, что ея грѣхи не могутъ болѣе сохранить ея жизнь. Альцеста г. Аллара—это сценическая актриса, удрученная притворною горестью. Дѣти—жирные и полные ребятишки, хорошо моделированные; они утѣшаютъ Альцесту съ той условной сантиментальностью, которая съ такимъ нестерпимымъ однообразіемъ встрѣчается въ надгробныхъ памятникахъ на каждомъ итальянскомъ кладбищѣ. По счастью, скульпторъ обнажилъ этихъ дѣтей, иначе бросилось бы въ глаза, что ихъ отчаяніе не разстроило ни одной складки въ ихъ галстукѣ. Самый большой изъ выставленныхъ монументовъ принадлежитъ рѣзцу лорда Бональдо Говера. Нѣсколько холодныя фигуры, какъ по большей части всѣ произведенія англійскихъ художниковъ, не лишены достоинствъ; но дѣло идетъ о монументѣ въ честь Шекспира, и когда видишь Фальстафа и другія созданія поэта, размѣщенныя по угламъ, начинаешь, конечно, искать самого поэта, — едва можно различить на верхушкѣ монумента его крохотный бюстикъ, производящій впечатлѣніе яблока, помѣщеннаго на вершинѣ обелиска. «Охотникъ за орлами» г. Деско—не болѣе какъ этюдъ человѣческаго торса—удостоенъ второй медали. Г-ну Милле былъ заказанъ монументъ въ честь одного изъ тѣхъ, которые составляютъ гордость Аргентинской республики,—въ честь человѣка, имя котораго хорошо извѣстно и въ Европѣ,—Донъ-Адольфо Альзина. Г. Милле мастерски рѣшилъ трудную задачу драпировать статую въ современное платье. Донъ Альзино

сжимаетъ пальцы руки—жестъ, быть-можетъ и свойственный этому оратору въ дѣйствительности, но, во всякомъ случаѣ, болѣе оригинальный, чѣмъ изящный. Рѣзцу того же Милле принадлежитъ надгробный памятникъ принцессы Монпансье, мраморными кружевами которой не налюбуются зѣваки. Покойная изображена пишущей что-то стиломъ на бѣломъ листѣ бумаги. Но что̀-бъ она могла писать?—Навѣрно, дневной расходъ, судя по усталому и флегматическому выраженію ея лица. Удовольствіе парижанъ было бы не полно, еслибы Сара Бернаръ не представила чего-нибудь на выставку. Она выставила статую женщины: есть пьяницы, которыхъ стаканъ вина приводитъ въ уныніе, такъ и отъ полуоткрытыхъ устъ женщины, изваянной прелестною художницей, вѣетъ только тоскливымъ поцѣлуемъ. Г. Годебскій задался олицетворить сладострастіе и цѣломудріе: для первой цѣли онъ отыскалъ какого-то фавна съ Итальянскаго бульвара, какого-то растерзаннаго противнаго малаго, которому я, конечно, всегда предпочту античнаго фавна. Что же касается «цѣломудрія», то это не болѣе какъ какая-то фигурантка одного изъ маленькихъ театровъ: можетъ-быть—допускаю это въ ея пользу—она и невинна, какъ о томъ свидѣтельствуетъ каталогъ выставки, но, судя по ея минѣ, врядъ ли надолго останется такою. На выставку представлены двѣ группы римскаго состраданія къ ближнему: это все та же дочь, кормящая своею грудью отца, осужденнаго на голодную смерть. Одной изъ этихъ группъ присуждена медаль. Бронзовая статуя «Труда» г. Гроа (Groat) назначена для украшенія станціи желѣзной дороги въ Турне: въ ней много простоты и правды. Рабочій держитъ свой заступъ съ такимъ видомъ, какъ бы какой-нибудь рыцарь эпохи Возрожденія держалъ свое оружіе. Не стану останавливаться предъ батальономъ нагихъ женщинъ, изъ которыхъ однѣ играютъ цвѣткомъ, а другія съ птицею,—ни предъ святыми: все это—произведенія промысловаго искусства. Нагія женщины заказаны навѣрное кѣмъ-нибудь изъ распорядителей кафе-концертовъ, а святые—торговцемъ священными предметами. Вотъ г. Левассёръ выставилъ фигуру молодой дѣвушки, очевидно ученицы консерваторіи, въ ту минуту, какъ она собирается пѣть какую-то пьесу. Смотрю въ каталогъ и нахожу тамъ, что это вовсе не пѣвица, а статуя Жанны д'Аркъ. Религіознаго искусства болѣе не существуетъ во Франціи. На выставкѣ, правда, встрѣчается прекрасный мраморъ—молящаяся статуя епископа Сенъ-Флура, монсиньора Помпиньяка, но она только доказываетъ, что наши артисты никогда и не видывали на своемъ вѣку, какъ люди молятся. Молиться—это значитъ приготовить свою душу къ выполненію нѣкотораго великаго акта, а для этого недостаточно еще опустить глаза въ землю и сложить руки. Публика останавливается съ удовольствіемъ предъ Викторомъ Гюго, черезчуръ надутымъ, увѣнчаннымъ дубовыми листьями, съ фальшивою миной короля Гамбринуса нѣмецкой таверны, а также—предъ громадною статуей Французской Революціи г. Капеллара, въ которой все импозантное за-

ключается развѣ въ колоссальномъ ростѣ. Наши скульпторы отлично владѣютъ рѣзцомъ, но дальше рѣзца они не идутъ,—они ваяютъ часто безделушки, недостойные мрамора. Но виноваты ли они въ томъ? Для скульптора необходимо, чтобы государство или частныя лица давали исходъ для его таланта. Но государство большею частью заказываетъ ему статуи оффиціальныхъ ничтожностей, а частныя лица платятъ ему хорошо только за соблазнительныя фигуры для украшенія каминовъ или за мавзолеи, предназначаемые для посмертнаго тщеславія. Въ этомъ году награды за живопись были до такой стенени странно присуждены, что я пройду ихъ молчаніемъ и ограничусь только упоминаніемъ, что Бадри награжденъ большою медалью и что награда такою же медалью Мане вызвала только свистки и протесты со стороны публики.

Въ настоящую минуту особый комитетъ, составленный изъ президентовъ палаты и сената и представителей академіи и ученыхъ обществъ, занятъ статуей, которую предстоитъ воздвигнуть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Виктора Гюго, на счетъ національной подписки, открытой въ честь поэта. «Статую только въ честь такого поэта, какъ Викторъ Гюго, этого черезчуръ мало»,—воскликнулъ одинъ фанатикъ на предварительномъ собраніи, разсуждавшемъ о средствахъ, нужныхъ для исполненія этого проекта. Однако нельзя же вѣдь воздвигнуть въ честь Виктора Гюго каѳедральный соборъ!... Довольно и того, что еще при жизни поэта прибѣгаютъ къ выраженію послѣдней дани удивленія, какую только могутъ люди оказать человѣку. Какъ бы велики ни были заслуги поэта, онѣ отнюдь не оправдываютъ *гюголатріи* Мёрисовъ, Вакери, Мендесовъ. Каждый изъ присутствовавшихъ на собраніи, состоявшемъ изъ наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ знаменитостей Парижа, желалъ, конечно, удостоиться чести попасть въ члены исполнительнаго комитета. Избраннымъ въ него представлялось, вѣроятно, что и они, такъ-сказать, пріобщаются къ тому же апоѳеозу—преждевременному, повторяю, предвосхищающему заботы у потомства и установляющему прискорбный прецедентъ.

Бываютъ сраженія, въ которыхъ какой-нибудь полкъ, о которомъ забыли распорядиться, такъ и остается въ огнѣ. Армія, въ составѣ которой находился полкъ, отошла уже далеко, а полкъ все еще сражается безъ пользы и погибаетъ безъ славы. Не представляетъ ли такой полкъ вѣрнаго образа тѣхъ запоздалыхъ на великомъ пути вѣка умовъ, которые все еще борятся за дѣло, которое, невѣдомо для нихъ, невозвратно потеряно? Есть что-то трагическое въ судьбѣ тѣхъ бойцовъ, которые стонутъ, страдаютъ, борются, и, неспособные и безсильные побѣдить, проводятъ цѣлую жизнь въ безплодной растратѣ своей энергіи. Такимъ именно былъ г. Луи Гастонъ де-Сегюръ, котораго смерть похитила недавно у партіи ультрамонтановъ. Монсиньоръ де-Сегюръ не былъ такъ-сказать кѣмъ-нибудь: это былъ сынъ одного большаго французскаго барина, родившійся у него въ 1820 году отъ брака на Софьѣ Ростопчиной (дочери извѣстнаго графа Ростоп-

чина, московскаго губернатора въ 1812 году). Высокое благочестіе его матери толкнуло его въ монахи. Его общественное положеніе открывало предъ нимъ путь духовныхъ почестей и онъ, еще молодой человѣкъ, былъ сдѣланъ уже епископомъ. Ему оставалось получить только каноническое утвержденіе, какъ былъ пораженъ слѣпотой. Этотъ страшный недугъ поразилъ его въ полномъ развитіи его ультрамонтанскаго усердія и какъ бы заморозилъ его въ немъ. Гарантируемый своею слѣпотой отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, онъ сохранилъ до конца жизни какой-то свирѣпый фанатизмъ, который и изливалъ въ многочисленныхъ своихъ сочиненьицахъ, чрезвычайно дешевыхъ и предназначавшихся для возвращенія рабочихъ въ лоно бурбонизма и свѣтской власти папы. Въ соболѣзнующемъ письмѣ, которое графъ Шамборъ пишетъ изъ Фросдорфа къ брату умершаго, онъ хвалитъ «душевную ясность покойнаго среди всѣхъ самыхъ ожесточенныхъ контраверзовъ». Ясности-то душевной и не бывало никогда у монсиньора де-Сегюра. Онъ сохранилъ въ себѣ, по преданію, извѣстную дозу дерзости отъ временъ стараго режима, но находилъ нужнымъ сдѣлать ее болѣе прямой при помощи изысканныхъ грубостей, ради большей доступности для пониманія толпы, тогда какъ для этого достаточно было бы простоты, проникнутой духомъ христіанскаго милосердія. Вотъ почему эти памфлеты, предназначавшіеся для толпы, читались на самомъ дѣлѣ только въ салонахъ. Они отличаются ѣдкой и вызывающей полемикой и часто сомнительной искренностью. Въ самомъ дѣлѣ, при всей своей слѣпотѣ, могъ ли монсиньоръ де-Сегюръ быть искреннимъ, говоря, что Гарибальди пріѣзжалъ во Францію въ 1870 году за тѣмъ только, чтобы стащить у нея милліонъ франковъ, и что какъ только онъ достигнулъ такой своей цѣли, то поспѣшилъ спрятать свой милліонъ въ безопасное мѣсто по ту сторону Альповъ?

Шатобріанъ, сравнивая благородныя, но поблекшія черты Карла X съ дѣятельной, но выразительною физіономіей Беранже, съ грустью задумывался надъ поколѣніями сходящими со сцены и поколѣніями вступающими на нее. Монсиньоръ де-Сегюръ, захудалый какъ физически, такъ и морально, принадлежалъ къ исчезающей расѣ. Г. Дюфоръ, не то чтобъ онъ принадлежалъ къ восходящей расѣ, но къ той, которая едва только успѣла выступить, какъ уже не видитъ ничего выше себя и не думаетъ подставить лѣстницу тѣмъ, которые ниже ея, — презиралъ всякія почетныя отличія и питалъ уваженіе только къ болѣе солиднымъ вещамъ—землѣ и деньгамъ. Интересантъ, но честный, это былъ превосходный адвокатъ. Умъ его холодный, ясный, аналитическій. Въ политикѣ онъ никогда не бывалъ въ первомъ ряду, а зачастую во второмъ. Глава государства бралъ его въ министры, также какъ частный человѣкъ бралъ его къ себѣ юрисконсультомъ. Отъ политики и дѣлъ онъ искалъ отдыха въ полѣ. Это была коренастая, мужицкая натура. Онъ разсказывалъ, что ходитъ съ удовольствіемъ каждое утро смотрѣть свой виноградникъ, не промерзъ ли, «не

взглянувъ даже,—прибавлялъ онъ,—на виноградникъ сосѣда». Онъ почти гордился такимъ равнодушіемъ къ винограднику сосѣда. Эгоизмъ — это подводный камень французскаго крестьянина, это—характеристическая черта Дюпеновъ, Дюфоровъ, всѣхъ дѣтей пахарей, которыя отъ сохи перешли къ власти. Твердые и степенные, эти люди отличались темпераментомъ древнихъ римлянъ, нечувствительныхъ къ слабостямъ толпы. Разъ дѣло шло о репрессивныхъ мѣрахъ, то ужь можно было быть покойнымъ, что г. Дюфора не разжалобятъ. Онъ помогалъ Каваньяку въ тѣхъ ужасныхъ репрессаліяхъ, коимъ сопутствовали іюньскіе дни 1848 г., и помогалъ Тьеру въ подавленіи коммуны. Когда болѣзнь сердца сломила Каваньяка, народъ говорилъ, что его задушила кровь іюньскихъ жертвъ. Когда скончался Дюфоръ, сраженный болѣзнью желудка, Рошфоръ писалъ, что вполнѣ справедливо, чтобы тотъ человѣкъ, который обрекъ стольких политическихъ осужденныхъ голодать въ Новой-Каледоніи, самъ испыталъ всѣ муки голода. Дюфоръ умеръ 83 лѣтъ отъ роду. Дюпенъ предъ кончиной съ лихорадочною торопливостью приводилъ въ порядокъ свои бумаги, а Дюфоръ заботился о выборѣ своего преемника въ сенатъ. Въ краснорѣчіи Дюфора было что-то угрюмое; но противники боялись его язвительныхъ ударовъ. Сенатъ всегда выслушивалъ его съ полнымъ вниманіемъ, и это онъ, какъ говорятъ, доказалъ маршалу Макъ-Магону, побитому на выборахъ, всю тщету дальнѣйшаго внѣлегальнаго противленія народной волѣ. Когда видишь, что такія второстепенныя натуры, какъ натура Дюфора, оказываютъ такое продолжительное и глубокое вліяніе на жизнь государства, невольно припоминаешь слѣдующую мысль, высказанную Жюлемъ Гонкуромъ: «великія событія часто бываютъ возложены на маленькихъ людей, точно бриліанты, которые парижскіе ювелиры даютъ разносить уличнымъ мальчишкамъ».

Франція утратила знаменитаго химика—Сентъ Клэръ Девилля, профессора факультета естественныхъ наукъ. Онъ родился въ 1818 году. 26 лѣтъ отъ роду онъ уже былъ деканомъ естественнаго факультета главнаго города департамента, Франшъ-Конте, а 33-хъ онъ получилъ каѳедру химіи въ Высшей Нормальной школѣ въ Парижѣ. «Наши политическіе дѣятели, наши дѣловые люди или наши великіе промышленники, обогатившіеся быть-можетъ трудами Девилля, должны будутъ, — воскликнулъ г. Пастёръ предъ могилой покойнаго,—воздать, проходя мимо этой могилы, дань уваженія безкорыстію покойнаго. Этотъ, стоявшій на всей высотѣ знанія, химикъ занималъ въ Парижѣ каѳедру, доставлявшую ему только 3.000 франковъ жалованья, — обращаясь къ праху своего друга, такъ привѣтствовалъ достопочтенный г. Пастёръ переселеніе его «въ тѣ божественные регіоны знанія и полнаго свѣта, гдѣ онъ долженъ постигнуть даже безконечность—то одуряющее и страшное понятіе, которое навсегда закрыто для человѣка на землѣ и которое составляетъ, однакоже, вѣчный источникъ величія всякаго правосудія и всякой свободы».

Въ Revue des Deux Mondes г. Вальберъ набрасываетъ, основываясь на откровенностяхъ друзей Георга V Ганноверскаго, портретъ этого короля. Умственными очами, такъ какъ тѣлесныхъ онъ былъ лишенъ, Георгъ любовался собою въ кристаллѣ своего гвельфскаго происхожденія. Баллада, въ которой одинъ рыцарь влюбляется въ мертвую женщину, вышедшую изъ могилы, и которую онъ покрываетъ поцѣлуями, пока не замѣчаетъ, наконецъ, при первомъ пѣніи пѣтуха, что онъ прижимаетъ къ своему сердцу трупъ—вотъ исторія не одного монарха. Нѣмецъ, влюбленный въ средніе вѣка Германіи до забвенія настоящаго ея вѣка—вотъ тотъ король баварскій, который живетъ въ Валгаллѣ, и вотъ тотъ король ганноверскій, который воображалъ, что живетъ во времена священной Римской имперіи, до тѣхъ поръ пока князь Бисмаркъ не разбудилъ его внезапно отъ этого сна, выгнавъ его изъ королевства. Герои среднихъ вѣковъ не были археологами. На нихъ не похоже, чтобы засыпать на своихъ высокихъ подвигахъ, ничего не подозрѣвая о настоящихъ потребностяхъ народа. Этому бѣдному королю ганноверскому, такъ гордившемуся древностью своего рода, довелось, къ своему страшному униженію, дожить до того, что король прусскій отказался даже распечатать жалобное письмо, съ которымъ Георгъ V обратился къ нему послѣ Садовой. Одна изъ странностей этого монарха состояла въ томъ, что онъ дѣлалъ изъ своей слѣпоты государственную тайну. Онъ производилъ военные смотры, посѣщалъ выставки живописи, давалъ аудіенціи. Камергеръ предупреждалъ при этомъ посѣтителя, что онъ долженъ пятиться задомъ предъ его величествомъ, и затѣмъ, въ концѣ галлереи, устанавливалъ его, наконецъ, такъ, что король касался своею ногой ноги своего собесѣдника. Затѣмъ король повертывался и прогулка вдоль галлереи снова начиналась. Однажды камергеръ, по разсѣянности, забылъ предупредить одного посѣтителя, который, дойдя до конца галлереи, видитъ, что король продолжаетъ подаваться на него; растерявшись, посѣтитель спасается бѣгствомъ въ монументальный каминъ. По счастью, то было лѣтомъ. Но король входитъ и въ каминъ, вслѣдъ за своимъ гостемъ. Понятно, какой скандалъ надѣлало при дворѣ это происшествіе. За столомъ сосѣди короля чувствовали себя точно на иголкахъ: они никогда не знали въ точности, къ кому изъ нихъ обращается это слѣпое величество: они или всѣ молчали, или же всѣ разомъ отвѣчали. Г-нъ Вальберъ допускаетъ, кажется, правдивость разсказа о переговорахъ, которые велъ наставникъ сына короля, нѣкій господинъ Блашъ де-Монбрёнъ, съ графомъ Валевскимъ, хлопотавшимъ, чтобы король ганноверскій взялъ на себя устроить мировую между графомъ Шамборомъ и Наполеономъ III. Графъ Шамборъ имѣлъ получить титулъ величества и всѣ свои домены, могъ жить во Франціи, за исключеніемъ Парижа, но долженъ былъ признать сына Наполеона III своимъ наслѣдникомъ, устранивъ такимъ образомъ отъ престолонаслѣдія принцевъ Орлеанскихъ. Въ признательность за то, Наполеонъ III

долженъ былъ возвратить Бурбонамъ герцогство Парму и сохранить за ними Неаполитанское королевство. Этой-то интригѣ и обязано было присутствіе французскаго флота предъ Гаэтой. Нѣтъ ничего мудренаго, что голову не одного изъ совѣтниковъ Наполеона III могли занимать подобныя нелѣпости. Но необходимы болѣе осязательныя доказательства, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ г. Вальберъ, чтобы допустить, чтобъ эти вздоры могли имѣть какое-нибудь вліяніе на рѣшеніе самого императора.—Въ томъ же журналѣ г. Блазъ де-Бюри посвящаетъ этюдъ романтизму и Альфреду де-Виньи. Г. Блазъ де-Бюри приписываетъ неудачу романтическаго движенія революціи 1830 года, которая толкнула поэтовъ въ политику. Въ самомъ дѣлѣ, факты всегда будутъ пробнымъ камнемъ идеи. Если идеи гибнутъ отъ воплощенія ихъ въ фактахъ, это только свидѣтельствуетъ противъ нихъ, а не противъ революцій, которыя допустили такой экспериментъ. Въ этой статьѣ не мало интересныхъ выдержекъ, какъ, напримѣръ, изъ Дудо, этого остроумнаго наставника герцоговъ де-Брольи, котораго письма, полныя остротъ, уже появились въ печати. Дудо называлъ Виктора Гюго фарфоровымъ Микель-Анджело. Другой критикъ называлъ Ламартина водопадомъ, а Альфреда де-Виньи—луннымъ свѣтомъ.—Въ той же книгѣ журнала г. Анри Гуссе сообщаетъ раздирающія сердце подробности землетрясенія на островѣ Хіосѣ. Эту катастрофу можно приравнять развѣ къ погребенію Помпеи подъ пепломъ Везувія. Несчастный островъ! Въ первый разъ онъ былъ разрушенъ турками, а во второй—стихіями. Въ одномъ только кварталѣ погибло 100 семействъ подъ массой обрушившихся зданій. Въ другомъ мѣстѣ 40 турецкихъ женщинъ были раздавлены обломками одной капеллы. 5.000 труповъ въ одномъ только Хіосѣ и 18.000 на всемъ островѣ дѣлаютъ 3 апрѣля 1881 года однимъ изъ самыхъ злополучныхъ дней нашего столѣтія. Во время французской революціи одна знатная дама, спрятанная своимъ фермеромъ въ навозной кучѣ отъ розыска республиканцевъ, родила тамъ. Въ Хіосѣ также одна бѣдная женщина родила подъ обломками своего развалившагося дома. Островъ потерялъ четвертую часть своего населенія. Изъ Аѳинъ на островъ были посланы греческіе саперы. Они прибыли какъ разъ въ моментъ новаго колебанія почвы, но турецкій губернаторъ дозволилъ имъ приступить къ спасанію погибавшихъ не прежде, какъ они сбросили свои греческіе мундиры. Непростительно для Европы терпѣть долѣе оттоманское владычество на островѣ Хіосѣ, гдѣ оно давно утратило всякій raison d'être.—Г. Максимъ Дюканъ, избранный недавно академикомъ,—что часто бываетъ равносильно литературной смерти,—приступилъ къ обнародованію своихъ мемуаровъ. Онъ разсказываетъ въ нихъ про невзгоды воспитанія въ коллегіяхъ, не миновавшія и до сихъ поръ. Невзгоды эти оставили такой сильный слѣдъ въ воспоминаніяхъ г. Дюкана, что когда онъ достигъ уже извѣстности и хлопоталъ у г. Жюль Симона, въ то время министра народнаго просвѣщенія, отмѣнить совсѣмъ въ коллегіяхъ

аресты воспитанниковъ, министръ поспѣшилъ исполнить его просьбу. Натурально, аресты производятся и до сихъ поръ. Максимъ Дюканъ мастерски описываетъ періодъ первыхъ волненій авторства, когда юноша начинаетъ грѣшить трагедіями. Самъ онъ въ этотъ періодъ сочинилъ трагедію «Вистибрукъ Исландецъ». Потомъ онъ уже никакъ не могъ дать себѣ отчета, почему именно онъ остановился на Исландіи. И до сихъ поръ, когда на него находитъ хандра, стоитъ ему только пробѣжать свои первые стихи—и мрачное настроеніе его духа быстро проходитъ.

Revue des Deux Mondes—это нѣчто въ родѣ литературнаго сената; Revue Nouvelle—это своего рода палата депутатовъ. И вотъ, въ статьѣ о вліяніи Франціи въ Египтѣ, «Обозрѣніе» нападаетъ на контролера египетскихъ финансовъ, г. де-Блиньера, за недостатокъ въ немъ англофобіи. Эта статья защищаетъ французскаго генеральнаго консула, г. Ринга, недавно отозваннаго съ своего поста. Неизвѣстный авторъ статьи старается доказать, что Египетъ не долженъ принадлежать никому исключительно. Тотъ же тезисъ выставляется обыкновенно итальянцами относительно Туниса. Надо замѣтить только, что если ни то, ни другое не удастся, англичане такъ же мало будутъ церемониться съ независимостью Египта, какъ и французы съ независимостью Туниса. Г. Нарруа разбираетъ въ томъ же журналѣ г-жи Адамъ щекотливый для легитимистовъ вопросъ о первомъ бракѣ герцога Беррійскаго съ дочерью англійскаго пастора, г-жею Браунъ. Этотъ бракъ, совершенно правильный и противъ котораго не протестовалъ ни герцогъ д'Артуа, ни графъ Прованскій, былъ уничтоженъ въ 1814 году папой, объявившимъ, однакоже, дѣтей, происшедшихъ отъ этого брака, законными: рѣшеніе, повторенное римскою куріей недавно по вопросу о бракѣ герцога Монако съ герцогиней Гамильтонъ. Дѣтьми герцога Беррійскаго отъ перваго брака были: одинъ сынъ, остающійся въ живыхъ, и двѣ дочери, изъ которыхъ одна замужемъ за нѣкіимъ г. Люсенжъ, а другая — за племянникомъ вандейца Шаретта. По поводу герцога Беррійскаго и герцога Ангулемскаго г. Нарруа приводитъ мнѣніе Мерси д'Аржанто, что эти недѣйствительныя дѣти отъ недѣйствительныхъ браковъ представляютъ прекрасный казусъ въ вопросѣ о наслѣдованіи. Въ Испаніи, въ 1823 году, старые наполеоновскіе солдаты, измученные командованіемъ герцога Ангулемскаго, выражали свое недовольство этимъ генераломъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: они говорили, что состоятъ подъ начальствомъ главнокомандующаго, который никогда ничего не видитъ далѣе носка своихъ сапоговъ. Вся статья клонится къ тому, чтобы подорвать легитимность графа Шамбора; она доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что въ особенности на великихъ сего міра оправдывается стихъ Мольера: «есть сдѣлки и съ небомъ».

Г. Маркъ Монье, ректоръ Женевскаго университета, напечаталъ въ томъ же журналѣ біографію итальянскаго патріота Л. Сеттембрини, умершаго въ 1876 году, автора исторіи итальянской литературы. Это былъ

пылкій неаполитанецъ. «Если тебѣ ни разу въ жизни,—писалъ онъ,—не приходило въ голову сдѣлаться монахомъ или солдатомъ, или перерѣзать себѣ глотку, если ты никогда не продѣлывалъ никакой глупости, а всегда отличался благоразуміемъ, мнѣ жаль тебя». Сеттембрини скоро попалъ въ заговорщики. Заключеніе въ страшныхъ бурбонскихъ казематахъ не сломило его духа. Въ промежутокъ между двумя тюремными заключеніями онъ напечаталъ «Протестъ народа обѣихъ Сицилій», въ свое время прогремѣвшій въ Европѣ. Смертный приговоръ не поколебалъ его энергіи: «Богъ мой,—писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, — поручаю Тебѣ мою родину! Дай сердце тѣмъ, которые правятъ ею». На каторгѣ въ Поэріо онъ отказался вмѣстѣ съ другими своими товарищами избрать мѣстомъ изгнанія Америку, какъ предлагалъ имъ король Фердинандъ. Страданія, испытанныя этими политическими узниками, отличались иногда такимъ же паѳосомъ, какъ и тѣ, которыя пережилъ Сильвіо Пеллико. Король Фердинандъ отличался такою же, по меньшей мѣрѣ, черствостью сердца, какъ и Францъ австрійскій. Жена Сеттембрини, добившись аудіенціи у короля, объявила ему, что не выйдетъ изъ комнаты до тѣхъ поръ, пока не добьется помилованія своему мужу: «въ такомъ случаѣ садитесь»,—отвѣчалъ ей флегматически Фердинандъ. Сеттембрини былъ свидѣтелемъ паденія Бурбоновъ и тогда съ высоты университетской каѳедры въ Неаполѣ онъ сталъ уже поучать ту молодежь, которой подалъ столько благородныхъ примѣровъ.

W*

Женскій университетъ въ Англіи.

(ЗАМѢТКА.)

Около трехъ лѣтъ тому назадъ англійская печать огласила предложеніе мистера Галлоуэйя пожертвовать значительную сумму на постройку училища для высшаго образованія женщинъ. Онъ купилъ для этой цѣли 95 акровъ (около 35 дес.) земли въ Эгамѣ. Не предрѣшая формы зданія, мистеръ Галлоуэй, вмѣстѣ съ своимъ архитекторомъ Кросландомъ, осмотрѣлъ главнѣйшія учебныя заведенія Европы, послѣ чего, въ прошломъ году, былъ составленъ и выработанъ во всѣхъ подробностяхъ проектъ зданія. По недавно заключенному жертвователемъ контракту, постройка должна быть окончена въ четыре года за 250.000 фунтовъ стерлинговъ, не включая въ эту сумму разныхъ приспособленій и меблировки. Все зданіе, въ формѣ двухъ квадратовъ, длиною въ 510 и шириною въ 350 футовъ, пяти-этажное въ главныхъ своихъ частяхъ, будетъ построено, въ стилѣ французскаго Renaissance, изъ портландскаго камня и краснаго кирпича. Предметъ и цѣль учрежденія были подвергнуты тщательному обсужденію, причемъ мистеръ Галлоуэй пользовался помощію и совѣтами наиболѣе авторитетныхъ лицъ, интересующихся воспитаніемъ женщинъ. Въ уставѣ между прочимъ значится, что заведеніе должно давать лучшее и наиболѣе соотвѣтственное образованіе для женщинъ средняго и высшаго классовъ и что оно должно быть самостоятельное. Совѣтъ попечителей, составляющій коллегію наслѣдственныхъ членовъ, будетъ пользоваться обычными въ Англіи правами и привилегіями. Правленіе, состоящее изъ двадцати одного члена, будетъ выбираться частію Лондонскимъ университетомъ, а частію корпораціей Сити; опредѣленное число членовъ непремѣнно должно быть выбрано изъ лицъ женскаго пола. Религіозныя убѣжденія вовсе не принимаются въ соображеніе при назначеніи директора. По желанію учредителя, слѣдуетъ исходатайствовать, актомъ парламента или королевскою хартіей, заведенію право удостоивать учащихся въ немъ ученыхъ степеней по надлежащемъ испытаніи; пока же оно не получитъ

этого права, окончившія въ немъ курсъ женщины будутъ держать экзаменъ въ Лондонскомъ университетѣ или въ другихъ существующихъ университетахъ Великобританіи, допускающихъ къ испытанію лицъ женскаго пола. Курсы не будутъ ограничиваться предметами, преподаваемыми въ университетахъ Соединенныхъ Королевствъ. Не подчиняясь преданіямъ и методамъ предшествовавшихъ вѣковъ, система образованія будетъ основана на такихъ знаніяхъ и наукахъ, которыя, по указанію опытовъ новѣйшаго времени, наиболѣе содѣйствуютъ умственному развитію и общественнымъ отношеніямъ учащихся. Поэтому директорамъ предоставляется право, отъ времени до времени, вводить въ кругъ преподаванія такіе предметы, или отрасли знаній, которые будутъ признаны вполнѣ желательными для образованія женщинъ, и учащимся, желающимъ получить основательное образованіе, помимо изученія древнихъ классическихъ языковъ, не будетъ отказываемо въ поощреніи. Отличные успѣхи учащихся въ языкахъ латинскомъ и греческомъ не послужатъ поводомъ къ предпочтенію имъ другихъ учащихся, оказавшихъ такіе же успѣхи въ другихъ отрасляхъ знанія. Основателемъ установляются двадцать стипендій, каждая по 40 фунтовъ стерлинговъ, которыми учащіяся въ заведеніи могутъ пользоваться не долѣе двухъ лѣтъ. При опредѣленіи профессоровъ, ихъ религіозныхъ мнѣній вовсе не будетъ приниматься въ соображеніе и всякое вѣроисповѣдное богословіе исключается изъ предметовъ преподаванія. Начальницей заведенія должна быть женщина и въ немъ отводится помѣщеніе для медика и хирурга женскаго пола, удостоенныхъ степени доктора. Мистеръ Галлоуэй принялъ на себя надзоръ надъ постройкой зданія и обезпечилъ заведеніе капиталомъ въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ суммы, которая будетъ выручена отъ продажи излишней земли изъ купленнаго имъ участка.

Нельзя упрекнуть планъ открываемаго для женщинъ университета въ привязанности къ рутинѣ и педагогическимъ преданіямъ. Остается пожелать, чтобы возможныя и въ мірѣ ученыхъ увлеченія не внесли шаткости въ курсы преподаванія и не повредили дѣлу.

Д.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

ОПЕЧАТКИ ВЪ КН. VII.

Стран.	Стр.		Напечатано.	Должно быть.
7	6	сверху	разрѣшеніе котораго положило	разрѣшенію котораго положено
9	10	»	разсматриваніемъ	разсмотрѣніемъ
14	28	»	побудившія	побуждавшія
15	18	»	считаютъ	можно считать
16	34	»	ничего не представляетъ	ничего новаго не представляетъ
18	8	»	оцѣнной суммы	оцѣночной суммы
24	4	»	казначейства	контроля
25	31	»	174.461.141 р.	17.461.141 р.
27	4	»	оказать и сильное	оказать немедленное и сильное
40	10	»	практикуемая земствомъ	проектируемая земствомъ
204	15	снизу	vight	night
222	17	»	смертельныхъ	смертныхъ
244	6	»	признаніе личностей	признаніе темныхъ личностей

Во «ВНУТРЕННЕМЪ ОБОЗРѢНІИ».

Стран.	Стр.		Напечатано.	Должно быть.
45	13	снизу	циклопы	циклоны

7

S

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JUN 11 '62 H